

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин

Братья.

Взгляни на братьев, избивающих друг друга.
Я хочу говорить о печали.

Сутта Нипата

Дорога из Коломбо вдоль океана идет в кокосовых лесах. Слева, в их тенистой дали, испещренной солнечным светом, под высоким навесом перистых метелок-верхушек, разбросаны сингалезские хижины, такие низенькие по сравнению с окружающим их тропическим лесом. Справа, среди высоких и тонких, в разные стороны и причудливо изогнутых темно-кольчатых стволов, стелются глубокие шелковистые пески, блещет золотое, жаркое зеркало водной глади и стоят на ней грубые паруса первобытных пирог, утлых сигароподобных дубков. На песках, в райской наготе, валяются кофейные тела черноволосых подростков. Много этих тел плещется со смехом, криком и в теплой прозрачной воде каменистого побережья... Казалось бы, зачем им, этим лесным людям, прямым наследникам земли прародителей, как и теперь еще называют Цейлон, зачем им города, центы, рупии? Разве не всё дают им лес, океан, солнце? Однако, входя в лета, одни из них торгуют, другие работают на рисовых и чайных плантациях, третьи – на севере острова – ловят жемчуг, спускаясь на дно океана и поднимаясь оттуда с кровавыми глазами, четвертые заменяют лошадей, – возят европейцев по городам и окрестностям их, по темно-красным тропинкам, осененным громадными сводами лесной зелени, по тому «кабуку», из которого и был создан Адам: лошади плохо переносят цейлонский зной, всякий богатый резидент, который держит лошадь, отправляет ее на лето в горы, в Кэнди, в Нурилью.

На левую руку рикши, между плечом и локтем, англичане, нынешние хозяева острова, надевают бляху с номером. Есть простые номера, есть особенные. Старику-сингалезу, рикше, жившему в одной из лесных хижин под Коломбо, достался особенный, седьмой номер. «Зачем, – сказал бы Возвышенный, – зачем, монахи, захотел этот старый человек умножить свои земные горести? Затем, Возвышенный, захотел этот старый человек умножить свои земные горести, что был он движим земной любовью, тем, что от века призывает все существа к существованию». Он имел жену, сына и много маленьких детей, не боясь того, что «кто имеет их, тот имеет и заботу о них». Он был черен, очень худ и невзрачен, похож и на подростка и на женщину; посерели его длинные волосы, в пучок собранные на затылке и смазанные кокосовым маслом, сморщилась кожа по всему телу, или, лучше сказать, по костям; на бегу пот ручьями лил с его носа, подбородка и тряпки, повязанной вокруг жидкого таза, узкая грудь дышала со свистом и хрипом; но, подкрепляя себя дурманом бетеля, нажевывая и сплевывая кровавую пену, пачкая усы и губы, бегал он быстро.

Движимый любовью, он не для себя, а для семьи, для сына хотел счастья, того, что не суждено было, не далось ему самому. Но по-английски знал плохо, названия мест, куда надо было бежать, разбирал не сразу и часто бежал наугад. Колясочка рикши очень мала; она с откидным верхом, колеса ее тонки, оглобли не толще хорошей трости. И вот влезает в нее большой белоглазый человек, весь в белом, в белом шлеме, в грубой, но дорогой обуви, усаживается плотно, кладет нога на ногу и сдержанно-повелительно, в горло себе, каркает. Подхватив оглобли, старик припадает к земле и летит вперед, едва касаясь земли легкими ступнями. Человек в шлеме, держа палку в конопатых руках, задумался о делах, загляделся – и вдруг он злобно выкатывает глаза: да он мчится совсем не туда, куда надо! Короче сказать, немало палок влетало старику в спину, в черные лопаточки, вечно сдвинутые в чаянии удара, но немало и лишних центов сорвал он с англичан: осадив себя на всем бегу у подъезда какого-нибудь отеля или конторы и бросив оглобли, он так жалостно морщился, так поспешно выкидывал вперед длинные, тонкие руки, сложив ковшиком мокрые обезьяньи ладони, что нельзя было не прибавить.

Раз прибежал он домой совсем не в урочное время: в самый жар полдня, когда золотыми стрелами снуют в лесах те лимонные птички, что называются солнечными, когда так весело и резко вскрикивают зеленые попугаи, срываясь с деревьев и радугой сверкая в пестроте лесов, в их тени и лаковом блеске, когда так сладко и тяжело пахнут в оградах старых буддийских вихар, крытых черепицей, сливочные

цветы безлиственного жертвенного дерева, похожие на маленькие туберозы, такими яркими самоцветами переливаются толстогорлые хамелеоны, мелькая и по гладким и по кольчатым, как хобот слона, стволам деревьев, так много реет и замирает на солнце огромных пышных бабочек и агатовым зерном кишат, текут горячие бурые холмики муравьев. Все в лесах пело и славило бога жизни-смерти Мару, бога «жажды существования», все гонялось друг за другом, радовалось краткой радостью, истребляя друг друга, а старый рикша, уже ничего не жаждавший, кроме прекращения своих мучений, лег в душном сумраке своей мазанки, под ее пересохшей лиственной крышей, шуршащей красными змейками, и к вечеру умер – от ледяных судорог и водяного поноса. Жизнь его угасла вместе с солнцем, закатившимся за сиреновой гладью великих водных пространств, уходящих к западу, в пурпур, пепел и золото великолепнейших в мире облаков, – и настала ночь, когда в лесах под коломбо остался от рикши только маленький скорченный труп, потерявший свой номер, свое имя, как теряет свое название река Келани, достигнув океана. Солнце, заходя, переходит в ветер; а во что переходит умерший? Ночь быстро гасила сказочно-нежные, розовые и зеленые краски минутных сумерек, летучие лисицы бесшумно проносились под ветвями, ища ночлега, и черной жаркой тьмой наполнялись леса, загораясь мириадами светящихся мух и таинственно, знойно звеня цветами, в которых живут мелкие древесные лягушки. В далекой лесной кумирне, перед лампадой, чуть мерцавшей на черном жертвеннике, облитом кокосовым маслом, усыпанном рисом и увядшими цветочными лепестками, на правом боку, кротко подложив ручку под голову, покоился Возвышенный, гигант из сандалового дерева, с широким позолоченным лицом и длинными косыми глазами из сапфира, с улыбкой мирной грусти на тонких губах. На спине лежал в темной хижине рикша, и смертная мука искажала его жалкие черты, ибо не дошел до него голос Возвышенного, призывавший к отречению от земной любви, ибо за могилой ждала его новая скорбная жизнь, след неправой прежней. Зубастая старуха, сидевшая у порога хижины, у костра под котелком, плакала в эту ночь, скорбь свою питая все той же неразумной любовью и жалостью. Возвышенный уподобил бы ее чувства медной серьге в ее правом ухе, имевшей вид бочонка: серьга была велика и тяжела, она так оттянула разрез мочки, что образовалась порядочная дыра. Резко белела ее короткая кофточка из бумажной материи, надетая прямо на голое кофейное тело. Голые дети, как чертенята, играли, визжали, гонялись друг за другом возле. А сын, легконогий юноша, стоял в полутьме за огнем. Он вечером видел свою невесту, круглолицую тринадцатилетнюю девочку из соседнего селенья. Он испугался и удивился, услышав о смерти отца, – он думал, что это будет еще не скоро. Но, верно, был он слишком взволнован другою любовью, которая сильнее любви к отцу. «Не забывай, – сказал Возвышенный, – не забывай, юноша, жаждущий возжечь жизнь от жизни, как возжигается огонь от огня, что все страдания этого мира, где каждый либо убийца, либо убиваемый, все скорби и жалобы его – от любви». Но уже без остатка, как скорпион в свое гнездо, вошла любовь в юношу. Он стоял и смотрел на огонь. Как у всех диких, ноги его были не в меру тонки. Но и Шива позавидовал бы красоте его торса цвета темной корицы. Блестели при огне его черно-синие конские волосы, длинные, стянутые и закрученные на макушке, блестели глаза из-под длинных ресниц, и блеск их был подобен блеску кокса против огня.

На другой день соседи отнесли мертвого старичка в глубину леса, положили в яму, головой на запад, к океану, торопливо, но стараясь не шуметь, забросали землей, листьями и торопливо пошли омываться. Старичок отбегался; с его тонкой, посеревшей и сморщившейся руки сняли медную бляху – и, любуясь ею, раздвывая тонкие ноздри, юноша надел ее на свою, круглую и теплую. Сперва он только гонялся за опытными рикшами, прислушиваясь, куда посылают их седоки, запоминал названия улиц и английские слова; потом и сам стал возить, сам стал зарабатывать, готовясь к своей семье, к своей любви, желание которой есть желание сыновей, равно как желание сыновей есть желание имущества, а желание имущества – желание благополучия. Но однажды, прибежав домой, он наткнулся на другую страшную весть: невеста его исчезла – пошла на Невольничий Остров, в лавку, и не вернулась. Отец невесты, хорошо знавший Коломбо, часто ходивший туда, дня три разыскивал ее и, должно быть, что-нибудь узнал, потому что вернулся успокоенный. Он вздыхал и опускал глаза, выражая покорность судьбе; но это был большой притворщик, старик лукавый, как все, у кого есть достаток, кто торгует в городе. Он был полон, с женскими грудями, с матовой сединой, украшенной дорогим черепаховым гребнем; ходил он босиком, но под зонтом, бедра обертывал куском хорошей пестрой материи; кофта на нем была пикейная. От него нельзя было добиться правды, а женщины, девушки нее слабы, как все реки извилисты, и молодой рикша понимал это. В столбняке просидев двое суток дома, не притрагиваясь к пище, только жуя бетель, он наконец очнулся и опять убежал в Коломбо. О невесте он, казалось, совсем забыл. Он бегал, жадно копил деньги – и

нельзя было понять, во что больше он влюблен: в свою беготню или в те серебряные кружочки, что собирал за нее. Один русский моряк снялся с ним в фотографии и подарил ему карточку. Долго после того молодой рикша радостно дивился на свое изображение: он стоял в оглоблях, повернув лицо к воображаемым зрителям, и всякий сразу мог узнать его, – вышла даже бляха на руке. Благополучно, с виду даже счастливо проработал он так с полгода.

И вот сидел он как-то утром, вместе с другими рикшами, под многоствольным банианом на той длинной улице, что идет от Невольничьего Острова к Парку Виктории. Горячее солнце только что показалось из-за деревьев со стороны Мараданы. Но высоко разросся баниан, и уже не было тени у его корней, осыпанных сожженной листвой. Колясочки накалялись от зноя, тонкие оглобли их лежали на темно-красной разогретой земле, пахнувшей и нефтью, и так, как пахнет теплый от размола кофе. С этим запахом мешались густые сладкие запахи вечноцветущих окрестных садов, камфары, мускуса и того, что ели рикши; а ели они бананы, маленькие, теплые, нежно-розовые, в золотистой коже, и болтали, сидя на земле, до подбородка поднимая острыми углами колени, положив на них руки, а на руки – свои женские головы. Вдруг вдалеке, возле белых оград бунгалов, испещренных светотенью, показался человек в белом. Он шел посредине улицы той упрямой и твердой походкой, которой ходят только европейцы. И, молнией вскочив с земли, вперегонки кинулась к нему вся стая этих голых длинноногих людей. Они налетели на него со всех сторон, и он грозно крикнул, взмахнув тростью. Робкие и обидчивые, они со всего разбега осадили себя вокруг него. Он взглянул на них, – и седьмой номер с его смоляными волосами показался ему сильнее прочих. На седьмой номер и пал его выбор.

Он был невысок и крепок, в золотых очках, с черными сросшимися бровями, в черных коротких усах, с оливковым цветом лица, на котором тропическое солнце и болезнь печени уже оставили свой смуглый след. Шлем на нем был серый, глаза как-то странно, будто ничего не видя, глядели из угольной тьмы бровей и ресницу сквозь блестящие стекла. Он сел умело – сразу нашел в колясочке ту точку, при которой рикше свободнее бежать, и, взглянув на татуированного кисть левой руки, короткой и сильной, на маленькие часики в кожаной лунке, назвал Йорк-Стрит. Деревянный голос его был тверд и спокоен, но взгляд странен. И рикша подхватил оглобли и понесся вперед, поминутно пощелкивая звонком, прикрепленным на конце оглобли, и тасуясь с пешеходами, арбами и другими рикшами, бегущими взад и вперед.

Был конец марта, самое знойное время. Не прошло и трех часов с восхода солнца, а уж казалось, что близок полдень, – так жарко, светло было всюду и так многолюдно возле лавок в конце улицы. Земля, сады, вся та высокая, раскидистая растительность, что зеленела и цвела над бунгалов, над их меловыми крышами и над старыми черными лавками, пресытили воздух теплом и благовонием, – лишь дождевые деревья туго свернули свои листья-чашечки. Ряды лавок, вернее, навесов, крытых черной черепицей, увешанных огромными связками бананов, сушеной рыбой, вяленой акулой, были полны покупателями и продавцами, одинаково похожими на темнокожих банщиков. Рикша, подавшись вперед, мелькая длинными ногами, бежал быстро, и еще ни одной капли пота не было на его лоснящейся кокосовым маслом спине, на его округлых плечах, среди которых тонкий ствол девичьей шеи грациозно держал смоляную голову, накаляемую солнцем. В самом конце улицы он вдруг остановился. Чуть повернув лицо, он быстро проговорил что-то по-своему. Англичанин, его седок, увидел концы изогнутых ресниц, уловил слово «бетель» и поднял брови. Как? Такой молодой, крепкий, пробежал каких-нибудь двести шагов – и уже бетель? Не ответив, он ударил рикшу тростью по лопаткам. Но тот, – трусливый, как все сингалезы, но и настойчивый, – только дернул плечом и стрелой полетел вкось по улице, к лавкам.

– Бетель! – повторил он, поворачивая к англичанину гневные глаза и по-собачьи оскалившись.

Но англичанин уже забыл о нем. И через минуту рикша выскочил из лавочки, держа на узкой ладони лист перечного дерева, намазывая его известью и завертывая в него кусочек арекового плода, похожий на кусочек кремня. Не убивай, не воруй, не прелюбодействуй, не лги и ничем не опьяняйся, заповедовал Возвышенный. Да, но что знал о нем рикша? Смутно звучало в его сердце то, что было смутно воспринято несметными сердцами его предков. В дождливое время года он ходил с отцом к священным шалашам и там, среди женщин и нищих, слушал жрецов, читавших на древнем, всеми забытом языке, и ничего не понимал только подхватывая общее радостное восклицание при имени Возвышенного. Не раз случалось, что молился при

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
нем отец на пороге кумирни; он преклонялся перед лежащей деревянной статуей, бормоча ее заповеди, поднимая соединенные ладони ко лбу, а потом клал на жертвенник самую мелкую и старую из своих тяжко заработанных монет. Но бормотал он равнодушно, – он ведь только боялся картин на стенах кумирни, изображений муки грешников; он преклонялся и перед другими богами, перед ужасными индусскими статуями, он и в них верил, как верил в силу демонов, змей, звезд, мрака...

Сунув бетель в рот, рикша, в чувствах своих резко изменчивый, дружелюбно улыбнулся англичанину глазами, схватил оглобли и, оттолкнувшись левой ногой, опять побежал. Солнце слепило, сверкало в золоте и стеклах очков, когда англичанин поднимал голову. Солнце жгло его руки и колени, земля горячо дышала, было даже видно, что над ней, как над жаровней, дрожит воздух, но он сидел неподвижно, не дотронулся до верха колясочки. Две дороги вели в город, или, как называют его резиденты, в форт: одна вправо, мимо малайского капища, по дамбе между лагунами, другая влево, к океану. Англичанину хотелось последней. Но рикша обернулся на бегу, показывая свои окровавленные губы, и сделал вид, что не понимает, чего хотят от него. И англичанин опять уступил, – он рассеянно смотрел вокруг себя. Зеленая лагуна, блестящая, теплая, полная черепах и гнили, окаймленная вдали кокосовой рощей, лежала справа. По дамбе шли, ехали, бежали, щелкая звонками. Стали попадаться рикши в белых кителях и коротких белых панталонах. Европейцы, сидевшие в колясочках, были бледны после томительной ночи, высоко задирали свои белые башмаки, положив колено на колено. Прокатила двуколка, запряженная серым горбатым бычком, – под ее навесом, в легкой жаркой тени, сидел парс, желтолицый старик, похожий на евнуха, в халате и бархатном черепеннике, шитом золотом. Великан-афганец в белых шароварах, в мягких сапогах с загнутыми носками, в белом казакине и огромном розовом тюрбане, неподвижно стоял над лагуной, глядя на черепах, в теплую жидкую воду. Без конца тянулись влекомые волами длинные крытые арбы. Под их узкими соломенными сводами навалены были тюки товаров, а порою целая куча коричневых тел, молодых рабочих. Тощие, сожженные зноем старики, с красными от красной пыли ногами, шагали у колес, точно мумии старух. Шли каменщики, дюжие черные томилы... «Пагода», – разумея чайный дом, сказал англичанин под теми патриархальными деревьями, что растут при въезде в форт, под необъятными навесами зелени, светлой от солнца, ее проникающего.

Возле старого голландского здания с аркадами в нижнем этаже остановились. Англичанин посмотрел на часы и ушел пить чай и курить сигару. А рикша сделал полукруг по широкой тенистой улице, по красно-лиловой мостовой, усыпанной желтыми и алыми лепестками кетмий, и, бросив оглобли у древесных корней, с разбегу сел. Он поднял колени и положил на них локти, жарко дыша банным благовонным теплом полдня и бессмысленно поводя глазами за проходящими сингалезами и европейцами, вынул из-за передника к тряпку, вытер ею окровавленные бетелем губы, лицо, выпуклости на гладкой груди и, сложив ее бинтом, приложил ко лбу, повязал голову: это было совсем некрасиво, придавало ему вид больного, но ведь многие рикши делают так. Он сидел и, может быть, думал... «Тела наши, господин, различны, но сердце, конечно, одно», – сказал Ананда Возвышенному, и, значит, можно представить себе, что должен думать или чувствовать юноша, выросший в райских лесах под Коломбо и уже вкусивший самой сильной отравы – любви к женщине, уже вмешавшейся в жизнь, быстро бегущую за радостями или убегающую от печалей. Мара уже ранил его, но ведь Мара и залечивает раны. Мара вырывает из рук человека то, что схватил человек, но ведь Мара и разжигает человека вновь схватить отнятое или другое что-нибудь, подобное отнятому... Напившись чаю, англичанин бродил по улице, заходил в магазины, рассматривал в витринах драгоценные камни, слонов и будд из эбенового дерева, всякие пестрые ткани, золотые в черных крапинах шкуры пантер. А рикша, что-то думая или только чувствуя, ярко переглядывался с другими рикшами и ходил позади англичанина, возя за собой колясочку. Ровно в полдень англичанин дал ему рупию, чтобы он купил себе поесть, а сам ушел в контору большого европейского пароходства. Рикша купил дешевых папирос, стал курить, сильно затягиваясь, глядя на папиросу, как делают это женщины, и выкурил подряд целых пять штук. Сладко одурманенный, сидел он в сквозной топи против трехэтажного дома, где была контора, и вдруг, подняв глаза, увидел, что на балконе под белой маркизой появился его седок и еще человек пять европейцев. Все они смотрели в бинокли на гавань – и вот за крышами пристани показались одна за другой и медленно поплыли три высокие, тонкие мачты, слегка отклоненные назад. С балкона замахали платками, а из-за крыш мрачно, могуче и величаво отзываясь по рейду и в городе, заревела труба: пароход из далекой Европы, которого ожидал седок рикши номер седьмой, прибыл. С точностью вошел он после двенадцатидневного плавания в

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
Коломбо – и то, чего совсем не ожидал рикша, полный надежд и желаний, этот роковой для него обед в доме на лагуне был решен.

Но до обеда, до вечера оставалось еще много времени. И опять вышел на улицу этот ничего не видящий человек в очках. Он простился с теми двумя, что вышли с ним и направились к белой статуе Виктории, к крытой пристани, и опять побрел по улице рикша – на этот раз к отелю, где в ту пору, в полутемной зале, знойную духоту которой разведали, мешали с запахом кушаний вертевшиеся под потолком весла, ело и пило много богатых резидентов и туристов. И опять, как собака, сел рикша на мостовую, на лепестки кетмий. Сквозная тень соединяющихся светло-зелеными вершинами деревьев осеняла улицу, и шли мимо него в этой тени женоподобные сингалезы, навязывая европейцам цветные открытки, черепаховые гребни, драгоценные камни, – один даже таскал за собой на шнурке и продавал зверька в шубке из длинных колючек, – и всё бежали, бежали по этой богатой европейской улице полудикие рикши... Вдали, среди открытой площади, горела белизной большая мраморная женщина, гордая, с двойным подбородком, в порфире и короне, восседавшая на высоком мраморном пьедестале. И оттуда толпой шли только что прибывшие из Европы. На подъезд отеля выскакивали сизые и черные слуги, кланяясь, выхватывая из рук у них трости, мелкие вещи, и поклонами, сдержанными, изысканными, встречал их на пороге человек, блестевший напомаженным пробором, глазами, зубами, запонками, крахмальным бельем, пикейным смокингом, пикейными панталонами и белой обувью. «Люди постоянно идут на пиршества, на прогулки, на забавы, – сказал Возвышенный, некогда посетивший этот райский приют первых людей, познавших желания. – Вид, звуки, вкус, запахи опьяняют их, – сказал он, – желание обвивает их, как ползучее растение, зеленое, красивое и смертоносное, обвивает дерево Шала». Следы усталости, истомы от зноя, морской качки и болезней были на серых лицах шедших к отелю. У всех вид был полумертвый, все говорили, не двигая губами, но все шли и один за другим скрывались в сумраке вестибюля, чтобы разойтись по своим комнатам, вымыться, ободриться, а потом, до красноты лица опьянив себя едой, питьем, сигарами и кофе, покатить на рикшах на берег океана, в Сады Корицы, к индусским храмам и буддийским вихарам. У каждого, у каждого в душе было то, что заставляет человека жить и желать сладкого обмана жизни! А рикше, рожденному на земле первых людей, разве не вдвойне был сладок этот обман? Мимо него шли женщины, пожилые, некрасивые, такие же длиннозубые, как его черная мать, сидевшая в далекой лесной хижине, но порою проходили и девушки, миловидные, в белых нарядах, в небольших шлемах, опутанных легкими вуалями, и, возбуждая в нем вождение, пристально глядели на его поднятые великолепные ресницы, на тряпку вокруг его смоляной головы и на окровавленный рот. А разве она, та, что пропала в этом городе, была хуже их? Тепло тропического солнца взрастило ее. От белой, в голубых цветочках, короткой кофты и такой же юбки, надетых на голое, чуть полное, но крепкое, небольшое тело, она казалась чернее. У нее была круглая головка, выпуклый лобик, круглые сияющие глаза, в которых детская робость уже смешивалась с радостным любопытством к жизни, с затаенной женственностью, нежной и страстной; было коралловое ожерелье на круглой шее, маленькие руки и ноги в серебряных браслетах... Вскочив с места, рикша побежал в один из ближних переулков, где в старом одноэтажном доме под черепицей, с толстыми деревянными колоннами, был простонародный бар. Там он положил на прилавок двадцать пять центов и за это вытянул целый стакан виски. Смешав этот огонь с бетелем, он обеспечил себя блаженным возбуждением до самого вечера, до той поры, когда леса под Коломбо, наполняясь черной жаркой тьмой, таинственно зазвенят журчанием древесных лягушек, когда чащи бамбука затрепещут мириадами огненных искр.

Пьян был и англичанин, выйдя с сигарой из отеля, – глаза его были сонны, порозовевшее лицо стало как будто полнее. Поглядывая на часы и что-то думая, видимо, не зная, как убить время, он в нерешительности постоял возле отеля, потом приказал везти себя сперва на почту, где опустил в ящик три открытки, а от почты – к саду Гордона, куда даже не зашел, – только посмотрел в ворота на монумент и на аллею, – а от сада Гордона – куда глаза глядят: к Черному Городу, к рынку в Черном Городе, к реке Келани... И пошел, пошел мотать его пьяный и с головы до ног мокрый рикша, возбужденный еще и надеждой получить целую кучу центов. В самый истомный час послеполуденного тепла и света когда, посидев две минуты на скамье под деревом, оставляешь на ней темный круг пота, он в угоду англичанину не знавшему, как дотянуть до обеда, пробежал весь Черный Город, старый, многолюдный, пряно-пахучий, – и много видел полусонный англичанин голых цветных тел и разноцветных тканей на бедрах, много парсов, индусов, желтолицых малайцев, воночич китайских лавок, черепичных и тростниковых крыш, храмов, мечетей и капищ, праздных матросов из Европы и буддийских монахов – бритых,

худых, с безумными глазами, в канареечных тогах, с обнаженным правым плечом и опахалами из листьев священной пальмы. Рикша и его седок неслись среди этой тесноты и грязи Древнего Востока быстро, быстро, точно спасались от кого-то, вплоть до самой реки Келани, узкой, густой и глубокой, перегретой солнцем, полуприкрытой непролазными зелеными зарослями, низко склонившимися с ее берегов, любимой крокодилами, все дальше, однако, уходящими в глубь девственных лесов от барж с соломенными сводами, нагруженных тюками чая, рисом, корицей, еще не обработанными драгоценными камнями и особенно медлительно плывущих в густом блеске предвечернего солнца... Потом англичанин приказал вернуться в форт, уже опустевший, закрывший все свои конторы, агентства и банки, побрился в циркульне и неприятно помолодел, покупал сигары, заходил в аптеку... Рикша, мокрый, похудевший, смотрел на него уже неприязненно, глазами собаки, чувствующей приступы бешенства... В шестом часу, пробежав мимо маяка в конце Квинс-Стрит, пробежав тихие и чистые военные кварталы, он выскочил на берег океана, вольно глянувшего ему в глаза своим простором и зелено-золотистым глянцем от низкого солнца, и побежал к Невольничьему Острову.

Все отели в форте было полны, англичанин жил в простом, за Невольничьим Островом, – и тут еще раз пробежал рикша мимо баниана, под который сел он нынче утром в жажде заработка от этих беспощадных и загадочных белых людей, в упрямой надежде на счастье. Пошли сплошные сады, каменные ограды и голландские крыши бунгалов, низких, приземистых. Вскочив во двор одного такого бунгалов, рикша с полчаса отдыхал возле широкой террасы, пока англичанин переодевался к обеду. Сердце у него колотилось, как у отравленного, губы побелели, черты темно-коричневого лица обострились, прекрасные глаза еще больше почернели и расширились. Запах его разгоряченного тела стал неприятен – это был запах теплого чая, смешанного с кокосовым маслом и еще с чем-то, как если взять и растереть в руках кучку муравьев.

Солнце меж тем закатилось. Пожилая девушка полулежала под навесом террасы в качалке, читая при последнем свете дня молитвенник. Увидя ее с улицы, во двор бесшумно вошел немой индус из Мадур, высокий черный старик с семью кудрями на груди и на животе, худой, как скелет, в нищенском тюрбане, в длинном переднике из ткани, бывшей когда-то красной, в желтых поперечных полосках. На руке у старика была закрытая корзина из пальмового лыка, Подойдя к террасе, он подобострастно поклонился, приложив руку ко лбу, и присел на землю, поднимая крышку корзины. Не глядя на него, лежавшая в качалке махнула рукой. Но он уже вынимал из-за пояса тростниковую дудку. И рикша вдруг вскочил на ноги и в непонятной ярости громко крикнул на него. Вскочил и старик, захлопнул корзину и, оборачиваясь, побежал к воротам. Но у рикши еще долго были круглые глаза, – совсем как у той, страшной, которую он представил себе – медленно, тугим жгутом выползающую из корзины и с шипением раздувающую свое голубым отблеском мерцающее горло. Быстро падала темнота – уже в темноте вышел на террасу размытый, в белом смокинге англичанин. И рикша покорно кинулся к оглоблям. Была уже ночь, особенно жаркая, как всегда перед наступлением дождей, еще более пахучая, чем день. Еще гуще стал теплый и приторный аромат мускуса, смешанный с запахом теплой земли, тучной от цветочного перегноя. Так было черно среди садов, где бежал рикша, что только по тяжелому дыханию и по скудному фонарику на оглобле можно было понять, что несется впереди встречный. Потом слабо замерцала под черными навесами деревьев гнилая лагуна, заскрипели огни, длинно отражавшиеся в ней. Большой двухэтажный дом насквозь светился в этой тропической черноте прорезами окон. Во дворе было темно. Много рикш, сливавшихся с темнотой своими телами и слабо белевших передниками, набежало в этот двор с гостями. А большой, открытый на лагуну балкон сиял свечами в стеклянных колпаках, осыпанных несметной мошкой, белел скатертью длинного стола, уставленного посудой, бутылками и вазами со льдом, и белел смокингами сидевших, которые немолчно, хотя и сдержанно, бормотали себе в горло, меж тем как босоногие полные слуги, похожие на нянек, шуршали голыми подошвами, прислуживая им, а громадная китайская циновка, ребром привешенная над ними к потолку, все махалась и махалась, приводимая в движение малайцами, сидевшими за стеной, не доходящей до потолка, и все веяла, веяла ветром на обедающих, на их холодные, мокрые лбы. Рикша номер седьмой подлетел к балкону. Сидевшие за столом приветствовали запоздалого гостя радостным ропотом. Гость выскочил из колясочки и вбежал на балкон. А рикша понесся вокруг дома, чтобы опять попасть к воротам, во двор, к другим рикшам, и, обегая дом, вдруг так шарахнулся назад, точно его ударили в лицо палкой: стоя возле открытого и освещенного окна второго этажа, – в японском халатике красного шелка, в тройном ожерелье из рубинов, в золотых широких браслетах на обнаженных руках, – на него глядела круглыми сияющими глазами его невеста, та самая девочка-женщина, с

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
которой он уже уговорился полгода тому назад обменяться шариками из риса! Его, внизу, в темноте, она не могла видеть. Но он сразу узнал ее – и, отшатнувшись, застыл на месте.

Он не упал, сердце его не разорвалось, оно было слишком молодо и сильно. Постояв с минуту, он присел на землю, под вековой смоковницей, вся вершина которой, как райское дерево, горела и трепетала россыпью огненно-зеленых искр. Он долго смотрел на черную круглую головку, на красный шелк, свободно обнимавший маленькое тело, и на поднятые, поправлявшие прическу руки той, что стояла в раме окна. Он сидел на корточках до тех пор, пока она не повернулась и не прошла в глубину комнаты. А когда она скрылась, он мгновенно вскочил на ноги, поймал на земле оглобли и, птицей пролетев через двор за ворота, опять, опять пустился бежать – на этот раз уже твердо зная, куда и зачем он бежит, и уже сам управляя своей сразу освободившейся волей.

– Проснись, проснись! – кричали в нем тысячи беззвучных голосов его печальных, стократ истлевших в этой райской земле предков. – Стряхни с себя обождения Мары, сон этой краткой жизни! Тебе ли спать, отравленному ядом, пронзенному стрелой? Стократно страдает имеющий стократно милое, все скорби, все жалобы – от любви, от привязанностей сердца – убей же их! Недолгий срок пребудешь ты в покое отдыха, снова и снова, в тысяче воплощений, исторгнет тебя твоя эдемская земля, приют первых людей, познавших желание, но он, этот краткий отдых, все же настанет для тебя, слишком рано выбежавшего на дорогу жизни, страстно погнавшегося за счастьем и раненного самой острой стрелой – жадной любви и новых зачатий для этого древнего мира, где от века победитель крепкой пятой стоит на горле побежденного!

Показались под черными навесами сросшихся вершинами деревьев огни в открытых лавочках Невольничьего Острова. Рикша жадно съел в одной из них чашечку теплого вареного риса, пересыщенного перцем, и кинулся дальше. Он знал, где живет старик из Мадуры, час тому назад приходивший во двор отеля: он жил вместе с своим племянником, при его большой фруктовой лавке, в низком доме с толстыми деревянными колоннами. Племянник, в грязной европейской одежде из полотна, с громадным колтуном черной вьющейся шерсти на голове, перетаскивал корзины с плодами в глубину лавки, морщась от дыма папиросы, прилепленной к его нижней губе. Он не обратил внимания на бешеный вид мокрого, горячего рикши. И рикша молча вскочил под навес среди столбов, ногой толкнул в глубине под ним дверку, за которой надеялся найти немого старика. В потной руке он крепко держал заветный золотой, который он еще на бегу достал из-за передника, из кожаного гамана, привешенного к поясу. И золотой быстро сделал свое дело: назад рикша выскочил с большой коробкой от сигар, перевязанной шнурком. Он заплатил за нее большую цену, зато она была не пустая: то, что в ней лежало, билось, извивалось, стучало в крышку тугими кольцами и шуршало.

Зачем он захватил с собой колясочку? А он таки захватил ее – и ровным, сильным махом полетел на берег океана, на плац Голь-Фэса. Плац был пуст, далеко темнел в звездном свете. За ним были рассыпаны редкие огоньки форта, и в небе медленно вращалась мутно-зеркальная вышка маяка, кидавшая дымные полосы белого света только на сторону рейда. Слабый прохладный ветер тянул с океана, ровный, сонный шум которого был чуть слышен. Добежав до побережья, до середины дороги, рикша в последний раз бросил тонкие оглобли, в которые рано, но ненадолго впрягла его жизнь, и сел уже не на землю, а на скамью, сел смело, как резидент.

Он, отдавая индусу целый фунт, требовал самую маленькую и самую сильную, самую смертоносную. И она была, – помимо того, что сказочно-красива, вся в черных кольцах с зелеными каемками, с голубой головой, с изумрудной полосой на затылке и траурным хвостом, – она была, при всей своей малости, необыкновенно сильна и злобна, а теперь, после того, как её помотали в деревянной пахучей коробке, особенно. Она, вероятно, как стальная, пружинила, извивалась, шуршала и стучала в крышку. И он быстро развязал, распутал шнурок... Впрочем, кто узнает, как именно сделал он свое страшное дело? Известно лишь то, что укус ее огненно жгуч и с головы до ног пронзает все тело человека несказанной болью, такой, что после него даже обезьяны раздражаются рыданиями. И нет сомнения, что, ощутив этот огненный удар, рикша колесом перевернулся на скамье, и коробка полетела от него в сторону. А затем тотчас же распахнулась под ним бездонная тьма, и все понеслось перед его глазами куда-то вкось, вверх: и океан, и звезды, и огни города.

Шум океана хлынул ему в голову – и сразу оборвался: глубокий обморок бывает всегда после этого удара. Но вслед за обмороком человек всегда быстро приходит в себя, как будто только затем, чтобы его тяжело, с кровью стошнило – и опять повергло в небытие. Их, этих обмираний, бывает несколько, и каждое из них, ломая человека, перехватывая ему дыхание, частями уносит человеческую жизнь, человеческие способности: мысль, память, зрение, слух, боль, горе, радость, ненависть – и то последнее, всеобъемлющее, что называется любовью, жаждой вместить в свое сердце весь зримый и незримый мир и вновь отдать его кому-то.

* * *

Дней через десять, в темные, жаркие сумерки перед грозой, к большому русскому пароходу, готовому отплыть в Суэц, две пары гребцов гнали в гавани Коломбо шлюпку, в которой полулежал седок рикши номер седьмой. Пароход уже гудел от грохота якорной цепи, когда, выскочив возле громадной железной стены пароходного бока, взбежал он по длинному трапу на палубу. Капитан сперва наотрез отказался принять его: пароход грузовой, заявил он, агент уже уехал, – это невозможно. «Но я чрезвычайно, чрезвычайно прошу вас!» – возразил англичанин. Капитан с удивлением взглянул на него: на вид крепок, энергичен, но на лице налет нездорового загара, а глаза за блестящими очками стоячие, как будто ничего не видящие и беспокойные. «Подождите до послезавтра, – сказал капитан, – послезавтра будет немецкий почтовый пароход». – «Да, но провести еще две ночи в Коломбо мне очень трудно, – ответил англичанин. – Этот климат изнуряет меня, я болен. Я измучен этими цейлонскими ночами, бессонницей и всем тем, что чувствует всякий нервный человек перед заходящими грозами. А взгляните на эту тьму, на тучи, заступившие все горизонты: ночь опять будет ужасная, период дождей, собственно, уже начался». И, пожав плечами, подумав, капитан уступил. И через минуту топкие, как ужи, сингалезы уже тащили по трапу сундук в черной лакированной коже, весь испещренный разноцветными этикетками отелей и помеченный красными инициалами.

Свободная докторская каюта, которую предложили англичанину, была очень тесна и душна. Но англичанин нашел ее прекрасной. На скорую руку разложивши в ней вещи, он вышел через столовую на верхнюю палубу. Все быстро тонуло в темноте. Пароход уже снялся и поворачивал к открытому морю. Справа как бы плыли на него другие пароходы, огни на мачтах, огни форта. Слева, из-под высокого борта, зыбко неслась к низменному берегу, к складам угля и к черной гуще тонкоствольных кокосовых лесов гладь темной воды, еще отражавшей тьму и печаль туч, и своим зыбким стремлением кружила голову. Все меняя направление, все туже дул откуда-то влажный, тошнотворно-благовоновый, мягкий ветер. Внезапно молчаливые тучи распахнулись такой бездной бледно-голубого света, что в самой глубине лесов мелькнули озаренные им стволы пальм, бананов и хижины под ними. Англичанин испуганно моргнул, оглянулся на плывущий уже слева от него бледный мол с красным огоньком на конце, на свинцовую даль океана за молом – и быстро пошел назад, в каюту.

Старик-лакей, человек злой от усталости, без нужды подозрительный и наблюдательный, несколько раз заглядывал перед обедом за ее занавеску. Англичанин сидел в складном холщовом кресле, держа на коленях толстую тетрадь в кожаном переплете, писал в ней золотым пером, и выражение его лица, когда он поднимал его, блестя очками, было и тупо и вместе с тем удивленно. Потом, спрятав перо, он задумался, как бы слушая шум и шорох волн, тяжело несущихся за стеной каюты. Лакей прошел мимо, мотая громко звенящим колокольчиком. Англичанин встал и догола разделся. С ног до головы обтершись губкой, насыщенной водой с одеколоном, он выбрился, подровнял короткие толстые усы, причесал щечками свои черные волосы на косою ряд, надел свежее белье, смокинг и пошел к обеду с обычным своим решительным, солдатским видом.

Моряки, уже давно сидевшие за столом и бранившие его за опоздание, встретили его преувеличенно любезно, друг перед другом щеголяя знанием английского языка. Он ответил им сдержанной, но не меньшей любезностью и поспешил сказать, что ему очень нравится русский стол, что он был в России, в Сибири... что он вообще много путешествовал и всегда прекрасно переносил путешествия, чего, однако, нельзя сказать о его последнем пребывании в Индии, на Яве и на Цейлоне: тут он захворал печенью, расстроил себе нервы, дошел даже до странностей – вот вроде той, которую он проявил час тому назад, так неожиданно явившись на пароход... За кофе он угощал моряков коньяком и ликерами, принес коробку толстых египетских папирос

и поставил ее на стол открытой, для общего пользования. Капитан, человек с умными и твердыми глазами, во всем старающийся быть европейцем, завел речь о колониальных задачах Европы, о японцах, о будущем Дальнего Востока. Внимательно слушая, англичанин возражал, соглашался. Говорил он складно и не просто, а так, точно читал хорошо написанную статью. И порою внезапно смолкал, еще внимательнее прислушиваясь к шороху волн за открытыми дверями. От грозы ушли. Давно потонула в черном бархате долго переливавшая алмазами цепь огней Коломбо. Теперь пароход был в безграничной тьме, в пустоте океана и ночи. Столовая помещалась на палубе, под капитанским мостиком. И тьма резко чернела в открытых дверях и окнах, стояла и глядела в ярко освещенную столовую. Влажно дуло из этой тьмы – влажным, свободным дыханием чего-то от века свободного – и свежесть, доходя до сидящих за столом, давала им чувствовать запах табачного дыма, горячего кофе и ликеров. Но порою свет электричества вдруг падал – двери, окна мелькали бледно-синими квадратами: беззвучно и несказанно широко распахивалась вокруг парохода голубая бездна бездн, блистала текучая зыбь водных пространств, угольной чернотой заливало горизонты – и оттуда, как тяжкий ропот самого творца, еще погруженного в довременный хаос, доходил глухой, мрачный и торжественный, все до основания потрясающий гул грома. И тогда англичанин как бы каменел на минуту.

– В сущности, это страшно! – сказал он своим мертвенным, но твердым голосом после одного особенно ослепительного сполоха. И, встав с места, подошел к двери, зиявшей темнотой. – Очень страшно, – сказал он, как бы разговаривая сам с собой. – И страшнее всего то, что мы не думаем, не чувствуем и не можем, разучились чувствовать, как это страшно.

– Что именно? – спросил капитан.

– А вот хотя бы то, – ответил англичанин, – что под нами и вокруг нас бездонная глубина, та зыбкая хлябь, о которой так ужасно говорит Библия... О, – строго сказал он, вглядываясь в темноту, – и вблизи и вдаль, всюду загораются борозды зеленой огненной пены, и чернота вокруг этой пены черно-лиловая, цвета воронова крыла... Это очень жутко – быть капитаном? – серьезно спросил он.

– Нет, почему же, – ответил капитан с притворной небрежностью. – Дело ответственное, но... Все зависит от привычки...

– Скажите лучше – от нашей тупости, – сказал англичанин. – Стоять вон там, на вашем мостике, по бокам которого мутно глядят сквозь толстое стекло два этих больших глаза, зеленый и красный, и идти куда-то в тьму ночи и воды, простирающейся на тысячи миль вокруг, – это безумие! Но, впрочем, не лучше, – прибавил он, опять заглядывая в двери, – не лучше и лежать внизу, в каюте, за тончайшей стеной которой, возле самой твоей головы, всю ночь шумит, кипит эта бездонная хлябь... Да, да, разум наш так же слаб, как разум крота, или, пожалуй, еще слабей, потому что у крота, у зверя, у дикаря хоть инстинкт сохранился, а у нас, у европейцев, он выродился, вырождается!

– Однако кроты не плавают по всему земному шару, – усмехаясь, ответил капитан. – Кроты не пользуются паром, электричеством, беспроводным телеграфом... Вот хотите – я буду сейчас говорить с Аденом? А ведь до него десять дней ходу.

– И это страшно, – сказал англичанин и строго взглянул сквозь очки на засмеявшегося механика. – Да, и это очень страшно. А мы, в сущности, ничего не боимся. Мы даже смерти не боимся по-настоящему, ни жизни, ни тайн, ни бездн, нас окружающих, ни смерти – ни своей собственной, ни чужой! Я участник бурской войны, я, приказывая стрелять из пушек, убивал людей сотнями – и вот не только не страдаю, не схожу с ума, что я убийца, но даже не думаю о них никогда.

– А звери, дикари – думают? – спросил капитан.

– Дикари верят, что так надо, а мы нет, – сказал англичанин и замолчал, пошел ходить по столовой, стараясь ступать тверже.

Сполохи, уже розовые, мелькавшие по звездам, слабели. Ветер дул в окна и двери сильнее и прохладнее, черная тьма за дверями шумела тяжелее. Большая раковина, пепельница, ползала по столу. Чувствовалось под неприятно слабеющими ногами, как снизу что-то нарастает, приподнимает потом валит на бок, расступается – и пол все глубже уходит из-под ног. Моряки, допив кофе, накурившись, сдерживая зевоту и поглядывая на своего странного пассажира, посидели, помолчали еще несколько

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru минут, потом, желая ему покойной ночи, стали братья за фуражки. Остался один капитан. Он курил и водил за англичанином глазами. Англичанин, с сигарой, качаясь, ходил от двери к двери, раздражая своей серьезностью, соединенной с рассеянностью, старика-лакея, убиравшего со стола.

– Да, да, – сказал он, – нам страшно только то, что мы разучились чувствовать страх! Бога, религии в Европе давно уже нет, мы при всей своей деловитости и жадности, как лед холодны и к жизни и к смерти: если и боимся ее, то рассудком или же только остатками животного инстинкта. Иногда мы даже стараемся внушать себе эту болезнь, увеличить ее – и все же не воспринимаем, не чувствуем в должной мере... вот, как не чувствую и я того, что сам же назвал страшным, – сказал он, показывая на открытую дверь, за которой шумела черная темнота, уже высоко поднимавшая с носа и валившая скрипящий переборками пароход то на один, то на другой бок.

– Это на вас Цейлон так подействовал, – заметил капитан.

– О, несомненно, несомненно! – согласился англичанин. – Мы все, – коммерсанты, техники, военные, политики, колонизаторы, – мы все, спасаясь от собственной тупости и пустоты, бродим по всему миру и силимся восхищаться то горами и озерами Швейцарии, то нищетой Италии, ее картинами и обломками статуй или колонн, то бродим по скользким камням, уцелевшим от каких-то амфитеатров в Сицилии, то глядим с притворным восторгом на желтые груды Акрополя, то присутствуем, как при балаганном зрелище, при раздаче священного огня в Иерусалиме, платим бешеные деньги за то, чтобы терпеть мучения от проводников и блох в могильниках и глиняных капищах Египта, плывем в Индию, в Китай, в Японию – и вот только здесь, на земле древнейшего человечества, в этом потерянном нами эдеме, который мы называем нашими колониями и жадно ограбляем, среди грязи, чумы, холеры, лихорадок и цветных людей, обращенных нами в скотов, только здесь чувствуем в некоторой мере жизнь, смерть, божество. Здесь, оставшись равнодушным ко всем этим Озирисам, Зевсам, Аполлонам, к Христу, к Магомету, я не раз чувствовал, что мог бы поклоняться разве только им, этим страшным богам нашей прародины, – сторукому Бrame, Шиве, Дьяволу, Будде, слово которого раздавалось поистине как глагол самого Мафусаила, вбивающего гвозди в гробовую крышку мира... Да, только благодаря Востоку и болезням, полученным мной на Востоке, благодаря тому, что в Африке я убивал людей, в Индии, ограбляемой Англией, а значит, отчасти и мною, видел тысячи умирающих с голоду, в Японии покупал девочек в месячные жены, в Китае бил палкой по голове беззащитных обезьяноподобных стариков, на Яве и на Цейлоне до предсмертного хрипа загонял рикш, в Анарадхапуре получил в свое время жесточайшую лихорадку, а на Малабарском берегу болезнь печени, – только благодаря всему этому я еще кое-что чувствую и думаю. Те страны, тех несметных людей, что еще живут или младенчески-непосредственной жизнью, всем существом своим ощущая, и бытие, и смерть, и божественное величие Вселенной, или уже прошли долгий и трудный путь, исторический, религиозный и философский, и устали на этом пути, мы, люди нового железного века, стремимся поработить, поделить между собою, и называем это нашими колониальными задачами. И когда этот дележ придет к концу, тогда в мире опять воцарится власть какого-нибудь нового Тира, Сидона, нового Рима, английского или немецкого, повторится, непременно повторится и то, что предрекли Сидону, возмнившему себя, по слову Библии, богом, иудейские пророки, Риму – Апокалипсис, а Индии, арийским племенам, поработившим ее, – Будда, говоривший: «О, вы, князья, властвующие, богатые сокровищами, обращающие друг против друга жадность свою, ненасытно потворствующие своим похотям!» Будда понял, что значит жизнь Личности в этом «мире бывания», в этой Вселенной, которой мы не постигаем, – и ужаснулся священным ужасом. Мы же возносим нашу Личность превыше небес, мы хотим сосредоточить в ней весь мир, что бы там ни говорили о грядущем всемирном братстве и равенстве, – и вот только в океане, под новыми и чуждыми нам звездами, среди величия тропических гроз, или в Индии, на Цейлоне, где в черные знойные ночи, в горячечном мраке, чувствуешь, как тает, растворяется человек в этой черноте, в звуках, запахах, в этом страшном Всеедином, – только гам понимаем в слабой мере, что значит эта наша Личность... Знаете ли вы, – сказал он, останавливаясь и блестя очками на капитана, – буддийскую легенду?

– Какую? – спросил капитан, уже тайком зевнувший и посмотревший на часы.

– А вот какую: ворон кинулся за слоном, бежавшим с лесистой горы к океану; все сокрушая на пути, ломая заросли, слон обрушился в волны – и ворон, томимый «желанием», пал за ним и, выждав, пока он захлебнулся и вынырнул из волн,

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
опустился на его ушастую тушу; туша плыла, разлагаясь, а ворон жадно клевал ее; когда же очнулся, то увидел, что отнесло его на этой туше далеко, туда, откуда даже на крыльях чайки нет возврата, – и закричал жалким голосом, тем, которого так чутко ждет Смерть... Ужасная легенда!

– Да, это ужасно, – сказал капитан.

Англичанин замолчал и опять пошел от двери к двери. Из шумящей темноты слабо донеслись отрывистые, печальные звуки второй склянки. Капитан, посидев из приличия еще пять минут, поднялся, пожал руку англичанину и пошел в свою большую покойную каюту. Англичанин, что-то думая, продолжал ходить. Лакей, протомившись в буфете еще с полчаса, вошел и с сердитым лицом стал тушить электричество, оставил только один рожок. Англичанин, когда лакей скрылся, подошел к стене, потушил и этот рожок. Сразу пал мрак, шум волн сразу стал как будто слышнее, и сразу раскрылись в окнах звездное небо, мачты, реи. Пароход скрипел и лез с одной водяной горы на другую. Он размахивался все шире, подымаясь и опускаясь, – и в снастях широко носились, летая то в бездну кверху, то в бездну книзу, Канопус, Ворон, Южный Крест, по которым еще мелькали розовые сполохи.

Капри. 1914

Клаша

Клаша Смирнова кончала в уездном городе Быкове гимназию, когда неожиданно умерла тетка, воспитавшая ее, Любовь Лукьяновна Жемчужникова, кружевница и содержательница постоянного двора на Монастырской площади. Ивана Ивановича Жемчужникова в живых давно не было, Клаша осталась в эту весну круглой сиротой. Однако, по природе тихая и нежная, выросшая в полном повиновении тетке, она ничуть не растерялась. Справив похороны, она посоветовалась с Павлом Ивановичем Жемчужниковым, дьяконом, и обстоятельно написала в губернский город Алексею Лукьяновичу Нефедову, брату умершей, ее единственному наследнику. Но Нефедов не отозвался на письмо, и месяца два Клаше было трудно.

Всегда странно было ее положение. Все подружки ее по гимназии хорошо знали, что живет она, сирота, дочь неизвестного отца, из милости, среди приезжающих и уезжающих мужиков и прасолов, ест с деревянного круга требуху с хреном, ночует при лампадке и отворенных дверях в кухню, где спят постояльцы и кухарка, где тараканы и лохань с помоями, в которую нею ночь медлительно каплет вода из медного рукомойника; все знали это и дивились: живет в таком грубом быту, а нежна, хороша собой, ходит в гимназию в коричневом платье и белых воротничках, учится французскому, делает реверансы начальнице, которая всегда приветлива с ней, но неизменно провожает ее долгим, неприятно-внимательным взглядом и втайне раздражается на нее даже за то, в чем она ни сном, ни духом не повинна, – за то, что второй год влюблен в нее молодой законоучитель, застенчивый батюшка с каштановыми вьющимися волосами и большими пугливыми ресницами... Теперь положение стало еще странное: нужно было и в гимназию ходить, рассуждать там о древнерусской письменности или о типе Онегина, и в то же время, пользуясь только кое-какими советами дьякона, человека очень осторожного и уклончивого, уже самостоятельно править постоянным двором, толковать с кухаркой об обедах и ужинах для постояльцев, спорить с ними о цене на халуй, на овес, на сено и мучительно долго рассчитываться, проверять хромого дворника и думать, напоили ли корову, сыты ли свиньи... Но вот Нефедов, два месяца не отвечавший на ее письмо, неожиданно явился в Быков самолично – затем, чтобы везти ее к себе.

Был жаркий день, уже давно купались и купали лошадей в реке мещане, разъехались гимназисты на каникулы, отцвела сирень в монастырском саду, и цвела рожь в полях за монастырем; постоянный двор был тих и пуст, исхудавшие без призора свиньи ревели с голоду в своей жаркой закуте, с ногами лезли в пустое, измазанное засохшим тестом корыто; Клаша, гремя от скуки коклюшками, сидела в тени у раскрытого окна, в которое горячо дышала сушью и зноем безлюдная и пыльная Монастырская площадь; как вдруг возле ворот остановилась новая, с резным передком телега, и с ее грядки неловко слез невысокий седой старик в картузе и поддевке, немного схожий с Толстым: завиваются из-под картуза матово-серебряные волосы, супятся под козырьком бугристые брови, еще густые, но уже серые, велики мясистые бледные уши, старчески худа шея и суха, обтрепана, легка раскидистая борода.

– А я за тобой, за тобой, – сказал он, даже не поздоровавшись, только мельком взглянув на Клашу маленькими водянистыми внимательными глазками. – Будет, поучилась, пора в свет выезжать, кальеру делать, – сказал он вдруг неприязненно и насмешливо, привыкнув всю жизнь играть, кому-то подражать, и повел загремевшую по камням телегу во двор, неуклюже ступая растоптанными сапогами. И Клаша, никогда не выдавая его, только много о нем слышавшая, зная, что он столь же любил ее несчастную мать, сколь не любил счастливую Любовь, вдруг вся вспыхнула от радости, от нежности к этому старику, к его бороде, худой шее и слабой старческой груди под розовой косовороткой, живо вскочила с места и выбежала к нему на жаркое крыльцо.

В числе привычек Нефедова была привычка удивлять неожиданными поступками, неожиданными словами, была манера уезжать из дома внезапно. Куда и зачем он едет, он домашним никогда не говорил, а спрашивать его не спрашивали, – остался страх от прежнего времени. Когда-то он свято верил, что расспросы – гибель для задуманного дела: «Закудакали – добра не будет». Под старость он не верил ни во что, и власть его к тому времени совсем ослабела, – своей волей стали жить и жена его Раиса Матвеевна, и сын Ефрем и дочь Мариша, а он свою волю проявлял редко. Но когда проявлял, то, опять-таки по привычке, проявлял твердо, и ему уж не перечили. Так было и на этот раз: никому ни слова ни говоря, Нефедов, после двухмесячного раздумья, вдруг решил ехать в Быков, чтобы взять Клашу к себе, и так и поступил, и всю дорогу зачем-то шел пешком, притворялся жадным стариком-мужиком.

В Быкове он расправился с делами, как он сам выразился, по-суворовски, в два дня: расчел дворника, кухарку, за бесценок продал на сальни свиней, за бесценок уступил дьякону весь домашний скарб, закрыл окна, запер на рыжий громадный замок ворота, прилепив к ним билетик: «Сей постоянный двор продается», взял с собой только клетку с цыплятами и, перекрестясь, тронулся домой.

– А вы мне, дядечка, очень нравитесь, – сказала, садясь в телегу, Клаша, удивившая его за эти дни своим спокойствием, соединенным с наивными вспышками радости.

– Ага! – ответил польщенный Нефедов. – Старая кобыла борозды никогда не испортит, – похвастался он, хотя Клаша много раз слышала от покойной тетки, что давно испорчена вся жизнь его, что он, весь век норовивший жить по-хорошему, установленному, устроиться возможно прочнее, по своим собственным, сто раз продуманным предначертаниям, прожил как попало, по чьей-то чужой воле, что семейный лад его, при самом своем начале, был разбит изменой Раисы Матвеевны, жившей с барином, у которого он был крепостным человеком.

Выехали по холодку, когда звонили ко всеобщей, на блеск низкого солнца, и, оглянувшись на пыльный город, на его каланчу, Клаша перекрестилась, по-детски вздохнула и оправила платье, усаживаясь получше. Пока не стемнело, кой о чем разговаривали, потом стали дремать. Ночью разразился ливень с грозой, – еще в сумерках все сверкало в тучах на востоке, – по дорогам образовалась страшная грязь, и крепкая лошадь Нефедова едва тащила тяжелую, хотя и с излишком подмазанную телегу. Телега поскрипывала, качалась и укачивала Клашу, спавшую под кожей, вопле прикрытой веретем клетки с цыплятами. А Нефедов, одолевая сон и старость, всю ночь крепился, играл в прежнего, хозяйственного и упрямого Нефедова: сидел, в мокрой чуйке, в мокром картузе, на краешке грядки, на изволок бежал возле колеса, закатавшегося в жирную грязь и в травы, поспешал за надувавшейся, мокрой и потной лошадью, на бегу подвязывал ей узлом хвост... Вблизи города стало светать, дождь перестал. Клаша очнулась и, взглянув из-под отяжелевшей кожи, вздохнула сладкой полевой сыростью, услышала шорох колес, воды и грязи, увидела сквозь редевший влажный сумрак бледную холодную на вид зелень прилегших к земле хлебов, втулку вертящегося колеса, всю осыпанную жемчугом – крупными каплями воды, свертывавшейся на маслянистом дегте...

– Это вика? – спросила она, разумея гороховое поле, мимо которого ехали.

– Вика – трава для скотины, – сказал Нефедов, шагавший возле ее головы. – Это, сударыня моя, горох. А тебе-то что?

Но Клаша не отозвалась – она опять крепко заснула. А когда въехали в город и опять потемнело, опять пошел сильный дождь и стал громыхать гром, да еще

страшной, раскатиистой, как всегда на рассвете да еще над камнем, над городом, она, накрывшись кожей, спала уже сидя, но, хотя и спала, все видела, как неживая, – видела предрассветные бледно-фиолетовые молнии, освещавшие черные крыши домов, на которых младенчески кричали от страха кошки, высокую колокольню, мелькавшую своей белизной при молниях, галок, кружившихся над крестом, а потом улицу, выходящую в поле, какие-то заборы и шумящие за ними липы. Цыплята пищали, все проснулись, лезли друг на друга, а Клаша сидела и спала. Нефедов долго вглядывался сумрачными от усталости глазами в ее лицо, сперва с удивлением, потом даже с некоторым страхом, и наконец пробормотал:

– Да что-й-то ты, господи, я таких и сроду не видывал! Ты спишь, что ли?

Клаша, бледная и странно тихая, слабо улыбнулась, но как-то так, что выражение ее неподвижных глаз ничуть не изменилось, и тупо сказала:

– Вы не бойтесь. Это у меня, когда я разосплюсь, бывает.

Сонная, она видела немощеную широкую улицу, выходящую в поле, старые усадьбы, похожие на деревенские, из которых самая большая принадлежала помещику Страхову, – «прежнему нашему господину», – сказал Нефедов, кнутом указывая на высокий черный сад и на большой бревенчатый дом дикого цвета, глядевший на улицу чистыми стеклами. Проехав этот дом, телега остановилась возле маленького поместья, возле тесовых ворот. Над ними вился на тесте белый конский хвост, – нечто степное, азиатское, – а к ним примыкал тоже азиатский какой-то домик: его стена, та, что выходила на улицу, была глухая, без окон. Нефедов ушел в калитку, потом отворил изнутри ворота, и телега въехала во двор, усталый навозом, по которому со степной яростью носилась по рыскалу, гремела цепью желтая широкогрудая собака. Клаша слезла по колесу с телеги, поднялась на длинное деревянное крыльцо, на которое глядели из-под навеса три окна. На пороге стояла высокая женщина с черной и, как показалось Клаше, красивой головой. Клаша ласково и тихо, как неживая, поздоровалась с ней и, пройдя по еще темному, теплому дому туда, куда ей указали, легла на постель и опять заснула.

В одиннадцатом часу вся нефедовская семья, уже сходявшая по случаю воскресенья к обедне, сидела на крыльце за самоваром, слушая Нефедова, который, в круглых серебряных очках, очень хорошо умещавшихся в его больших глазных впадинах, пил чай с молоком и рассказывал о своей поездке, а Клаша все еще спала, и в открытом окне ее комнаты медленно дулась от ветра белая занавеска. Нефедов в церкви не был, – он, очень набожный, но не любивший духовенства, всегда осуждавший его за коростолобие и поспешность при исполнении служб, читал обедню дома, в своем чистом полутемном зале, где было много церковных книг, образов старого письма, медных складней и стоял аналой. Утомленный бессонной ночью и чтением вслух, он рассказывал подробно, невыразительно, и путем слушала его только дочь, скромная на вид, стройная и небольшая, с твердыми ушками, полуприкрытыми сухими каштановыми волосами. Сын, высокий, гнутый, лепил бумажного змея, и его стоячие, близко друг к другу посаженные глаза ничего не выражали, кроме внимания к своему делу; он, преданный матери, всегда целовавший по утрам ее руку, ходивший с ней к обедне, за покупками, делавший ей бумажные цветы на образа и на лампы, к отцу был всегда невнимателен. А Раиса Матвеевна, – крупная, худая, с маленькой черно-глянцевитой головой, с длинными, редкими зубами, – мыла чашки и смотрела своими неприятными глазами на самовар: она уже с раздражением думала о заспавшейся Клаше. И вдруг щеколда в калитке стукнула, и как раз в ту самую минуту, когда на крыльцо вышла Клаша, наконец проснувшаяся и бесшумно умывавшаяся за белой занавеской своего окна, во двор вошел Модест Страхов.

Он тоже заспался в это утро, как всегда, впрочем: покоен был его большой дом, тих кабинет, выходивший окнами во двор, широка кровать красного дерева, стоявшая под старинной, чуть не всю стену занимавшей картиной, – под смуглой нагой Сусанной с миловидным овальным лицом, стыдливо и грациозно выходившей из мраморного водоема. Страхов, старый вдовец, живший в имении, верстах в пяти от города, никогда ни в чем не стеснял Модеста, давал ему во всем полную свободу, и Модест пользовался ею. Кое-как одолел он гимназию, университета не кончил, хотя и не вышел из него, а просто забыл о нем, приехав на Святки из Москвы и увлекшись катком и любительскими спектаклями. Теперь он часто ходил к Нефедовым, и все дивились, зачем он бывает в этом скучном доме, в семье бывшего отцовского крепостного. Он был среднего роста, держался прямо, в одежде соблюдал щегольство, опрятность; чесался на прямой ряд и тоже очень тщательно, – ровно проложен был пыльный пробор в его черных крупных волосах, тускло блестящих от

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru фиксатуара; брился по-актерски, и щеки у него были всегда голубые. Беспокойны были его коричневые глаза, но правильные черты лица оживлялись редко: тогда у него слегка дрожали руки, дрожали пальцы, которыми он всегда поправлял батистовый траурный платочек, углом торчавший из кармана его пиджака на левой стороне груди. Втайне гордясь знатностью своего рода, он занимался геральдикой и до смешного был сведущ в ней. Старик Нефедов его боялся, но проще всего Модест вел себя именно у него в доме. Он был на «ты» с Ефремом и Маришей, которую всегда стесняло это. С напускной непринужденностью обращалась с ним одна Раиса Матвеевна.

Он вошел во двор, поднялся на крыльцо, всем пожал руки, обернулся к Клаше.

– А это, позвольте вам представить, моя племянница, – сказала Раиса Матвеевна не то насмешливо, не то церемонно.

И он особенно вежливо наклонил перед Клашей свой напомаженный пробор и слабо коснулся ее прохладной отводки руки. Потом взглянул ей в глаза, быстро окинул всю ее фигуру: со сна, с темным румянцем на щеках и темным блеском глаз, в беленькой кофточке, такой легкой, что в рукавах розово сквозили предплечья, она была свежа, хороша, – он живо почувствовал это. И она чуть смешалась и сбежала по ступенькам на густой навоз двора. Он поспешил заговорить с Ефремом, а она, шурясь, подняла глаза на небо и радостно сказала, ни к кому не обращаясь:

– Ах, боже мой, как уже поздно!

Погода разгуливалась; тепло солнца, скрытого за облаками, доходило до лица, до рук. В небе пели невидимые жаворонки, серо-жемчужные облака высоко плыли над улицей, по которой тянуло легким, влажным воздухом и запахом цветов с поля, а в страховском саду, глядевшем из-за забора, ровно лепетала серебристая листва осин. И велик, живописен показался Клаше этот сад, темный, сырой внутри, в глубине, где на столетних липах вили гнезда ястреба, а под мшистыми елями зеленели и гнили скамьи, на которых уже давно не сидел никто...

Рим, 24 марта, 1914

Архивное дело: #сотт003

Этот потешный старичок, по фамилии Фисун, состоял в нашей губернской земской управе архивариусом. Нас, его молодых сослуживцев, все потешало в нем: и то, что он архивариус, и не только не находит смешным это старомодное слово, а, напротив, понимает его очень высоко, и то, что его зовут Фисуном, и даже то, что ему за восемьдесят лет. Он был очень мал ростом, круто гнул свою сухую спинку, носил престранный костюм: длинный базарный пиджак из чего-то серого и громадные солдатские сапоги, в прямые и широкие голенища которых выше колен уходили его тонкие, на ходу качавшиеся ножки. Он очень плохо слышал, – «сего Хвисуна хоть под колокол подводи!» – говорили управские сторожа, с хохлацкой насмешливостью поглядывали на его большие и всегда холодные восковые уши; он тряс от старости головой, голос имел могильный, рот впалый, и ничего, кроме великой усталости и тупой тоски, не выражали его выцветшие глаза. Прибавьте к этому еще и облезлую смушковую шапку, которую Фисун натягивал на голову ниже ушей, боясь, что в них надует и уж совсем лишит его слуха, прибавьте толстые морщины на сапогах, – фигура-то получится и впрямь потешная. Но мало того, – такой потешной наружности и характер соответствовал потешный.

Секретарь, бывший семинарист, недаром называл Фисуна Хароном. Фисун, как я уже сказал, был убежденнейший архивариус. Служить он начал лет с четырнадцати и служил исключительно по архивам. Со стороны ужаснуться можно было: чуть не семьдесят лет просидел человек в этих сводчатых подземельях, чуть не семьдесят лет прошмыгал в их полутемных ходах и все подшивал да присургучивал, гробовыми печатями припечатывал ту жизнь, что шла где-то наверху, при свете дня и солнца, а в должный срок нисходила долу, в эту смертную архивную сень, грудями пыльного и уж ни единой живой душе не нужного хлама загромождая полки! Но сам-то Фисун не находил в своей судьбе ровно ничего ужасного. Напротив: он полагал, что ни единое человеческое дело немислимо без архива.

– А ежели справка понадобится? – говорил он и твердо был уверен, что фраза эта

В подземелье, до сводов заваленном докладами и отчетами, сидел в ту пору и я, ближайший сосед фисуна, библиотекарь управы, тоже, значит, Харон в некотором роде. Но ведь я сидел всего третий год, а не шестьдесят пятый; я получал, ничего не делая, почти тридцать девять рублей и все был недоволен. А фисун изнурялся в трудах и заботах с раннего утра до самого вечера, получал тринадцать с полтиной и даже терялся, не зная, куда девать такую уйму золота, – настолько были ограничены его житейские потребности. Два рубля в месяц зарабатывал он при начале своего служебного поприща в архиве опекунского совета, и то благодарил бога, а если и «не чуял ног под собой от радости», достигнув после десятилетней службы в сиротском доме четырех рублей с копейками, то не чуял вовсе не из корысти: единственно потому, что это был оклад уже не мелкой сошки, а полного господина архивных недр, оклад архивариуса.

В управе он служил чуть не с первого дня ее существования. И как служил! Не знаю, когда он просыпался. Но думаю, что не позднее четырех утра, потому что жил он очень далеко, не в городе, а за городом, в голубой хатке среди оврагов предместья, шаркал своими расчищенными сапогами и переставлял костью очень медленно и все-таки являлся в управу ровно в шесть. Бывало, еще солнце не успеет нагреть тенистых и росных садов, еще плавно и гордо вихляются по деревянным «пешеходам» грудастые хохлушки с коромыслами через плечо, с махотками молока и кошелками вишен, еще пуст базар и по-утреннему чисты, белы улицы, а он, в своем башлыке и болотных сапогах, уже поспешает. Сторожа, которых будил он стуком в дверь управы, не раз выскакивали на подъезд с твердым намерением надавать ему в шею; да ведь все-таки был он не простой человек, не свой брат сторож, а архивариус. Сторожа ругали, стыдили его; но он был упрям – и таки добился, что они смирились, привыкли к его стуку ни свет ни заря.

При таком служебном рвении, можете себе представить, когда он покидал управу! Вот уже кончается долгий летний день, ушли из управы не только столоничальники, но даже самые последние писцы, и гулко раздаются в пустых отделениях свободные голоса сторожей, грохот передвигаемых столов и стульев, а фисун все еще бродит в своих темных владениях, в дугу согнув свою худую спину держа в бледной, обезображенной ревматизмом руке пылающий огарок и заботливо осматривая полки с кипами дел; плавает над городом, в блеске опускающегося солнца дрожащий бас соборного колокола, призывая инвалидов и старух к вечерне; ложатся тени от крыш и садов, и усаживаются благодушествовать у раскрытых окон пообедавшие и вздремнувшие горожане; а фисун только еще голову башлыком закутывает и стучит костью в пол, распекая своего подчиненного – за то, что тот опять явился сегодня в управу чуть ли не в семь часов, чуть не на целый час позже своего прямого начальства.

– Я бачу, бачу ваше поведэніе! – глухо кричит он, стоя возле входа в архив, под широкой лестницей, ведущей во второй этаж, и глядит с тоской, злобой и старческой растерянностью.

Да, как этот ни смешно, у фисуна тоже был подчиненный! И этот подчиненный пресерьезно называл его иногда тираном, и, что всего странней, не без основания: характер у фисуна был не легкий. Все управские старики, кое-что знавшие о личной жизни фисуна, в один голос утверждали, что он и в семье тиран: что он весь век держит в истинно ежовых рукавицах свою жену, робкую и беззаветно преданную ему старушку, кое-чем торгующую на базаре, что она слова лишнего не смеет пикнуть при нем и все-таки с самой трогательной заботливостью, до седьмого пота начищает каждое утро его сапоги на пороге своей хаты. Как же мог после этого не бояться фисуна вышеупомянутый подчиненный его, Луговой? Фисун шамкает, горбится от раздражения все круче, почти касаясь хвостом пиджака сапожных голенищ, и крепко стучит костью, а тот, хотя и хмурится, да все-таки молчит, не поднимает глаз. Это был большой и угрюмый хохол, коренастый мужик в люстриновом костюме, долго работавший на почте по части зашивания и штемпелевания посылок и наконец попавший в управу на пост «помощника архивариуса». Он одним щелчком мог пришибить фисуна, но ведь давно известно, что сила не в самой силе, а в той власти, с которой связана она. А что фисун облечен был властью, что фисун чувствовал себя очень строгим начальником и заражал Лугового своим чувством, в этом не было ни малейшего сомнения. Говоря по совести, дел (и совсем не спешных) было в архиве очень мало, но фисун отличался удивительным умением находить их и работал так кропотливо, что работы и забот оказывалось всегда по горло. И он упивался ими, он замучивал Лугового особенно осенью, перед земскими собраниями,

Само собой разумеется, что далеко не всегда, – и, прежде всего, по причине своей глубокой старости, – ощущал он себя носителем власти. Да и умалаялась она сторожами, которые часто орали на него, находя, что он вечно мешает им под лестницей, вечно «вертится под ногами». Не всегда, конечно, трепетал перед Фисуном Луговой: были часы, когда нужно было отдохнуть от понесенных трудов и подкрепить силы для дальнейших, когда закуска, чаепитие и курение тютюна почти совсем уравнивали Фисуна с Луговым. Тут, сидя под лестницей за столиком, они беседовали, резали житный хлеб, чистили тарань и заваривали фруктовый чай в жестяном чайнике совсем как простые, одинакового ранга люди. Тут объединяла их еще и ненависть к сторожам, которые и Лугового не очень-то жаловали, а кроме того – глубокая отчужденность архива от всех прочих отделений управы: твердо держались эти архивные кроты, – и Фисун, конечно, особенно твердо, – того убеждения, что низ и верх суть два совершенно разных мира, что во веки веков не расти двум колосьям в уровень, что до скончания времен пребудут большие и малые, власть и подчинение, что напрасно молокососы потешаются над ними... и верой и правдой служили этому убеждению, один – властвуя, а другой – подчиняясь.

Упрямы были они, эти темные люди! Знать не хотел Фисун того нового мира, в который попал он, старозаветный человек. И мы, молокососы, не только пожимали плечами, но порой и негодовали: смешон и странен был в нашем мире этот выходец из мира опекунских советов! Конечно, времена были тогда глухие, архиреакционные: но ведь все-таки были мы земские люди. А наше земство было к тому же не простое: на всю Россию славилось свободолюбием, демократичностью. Я в ту пору тоже находился внизу, но я уже был на пороге, на выходе из своего подземелья, и не куда-нибудь, а в статистику. Я был тоже не велик господин, но я уже был вхож в тот чуждый, заповедный для Фисуна и Лугового мир, где жизнь питалась совсем не теми идеями «времен Очакова и покоренья Крыма», что в архиве, – где со стен председательского кабинета глядели лица украшенных великолепными бакенбардами деятелей «эпохи великих реформ», где в двухсветной зале собрания, перед очами красавца царя-освободителя, во весь рост изображенного стоящим на зеркально-лаковом полу, от самого начала шестидесятых годов и до дней глубокой старости Фисуна смело звучали голоса «последних из стаи славной», где с уст старца Станкевича, могикиана этой стаи, раздавалось столько бодрых и красноречивых призывов к «забытым словам», к добру, к правде, к гуманности, «к неуклонному следованию по тернистому пути русской гражданственности». И, повторяю, досадно и смешно было мне, подымавшемуся в этот мир и на обратном пути проходившему под лестницей, глядеть на своих столь архаических сослуживцев! Бывали минуты, когда даже не смеяться мне хотелось, а подойти к Фисуну и Луговому и каким-нибудь одним словом, одним жестом, вроде крепкого рукопожатия, заставить воспрянуть духом и этих людей, дать им почувствовать, как не правы они в своем страхе перед тем миром, что наверху. Но нужно было видеть, какими холодными взглядами провожали меня Фисун и Луговой, когда я, развязно спустившись из этого мира, проходил мимо них в библиотеку! Да впрочем, холодные-то взгляды были бы еще туда-сюда: беда в том, что дело обстояло еще хуже. Не одну враждебность ко мне, не одно презрение к моей развязности чувствовал Фисун: нет, несмотря на мой низкий чин, он непременно поднимался с места, когда я проходил мимо, и вытягивал руки по швам, старался разогнуться и получше уставить свои качающиеся ножки, до колен погруженные в прямые и широкие голенища. Ему чудилось сияние вокруг головы того, что спустился в эту темную архивную юдоль с горних высот, он знал, что сам председатель почему-то подает мне руку, что я как равный курю и болтаю с секретарем, – и чувствовал, что вместе со мною как бы доходит до него некое веяние оттуда, где обитала та самая власть, у подножья которой столько лет пресмыкался он и чьей ипостасью, хотя и очень малую, сознавал он порой и себя самого.

Так вот и шли рядом две совершенно разных жизни наша и архивная. Так и стояли мы с этим упрямым и потешным старичком каждый на своем, коснея в своих совершенно разных убеждениях... Как вдруг старичок взял да и умер. Смерть его, как и всякая смерть, конечно, не могла быть потешной, – ведь все-таки горько плакала старушка на пороге хаты в предместье, нагревая щеткой солдатские сапоги и не желая расставаться с надеждой, что хозяин их поднимется и опять поплетется в архив, – но что эта смерть была не менее странной, чем и жизнь Фисуна, с этим, надеюсь, согласится всякий. Произошла она, правда, отчасти по нашей вине: мы ведь все-таки на некоторое время сломили его упрямство, заразили его своей верой в торжество свободы и равенства; да ведь кто же мог знать, что он уж до такой

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
крайней степени окажется робок во втором этаже управы, что он, будучи таким робким и от природы, и в силу давней привычки трепетать перед вторыми этажами, вдруг перейдет всякие границы свободы и что дело кончится смертью?

Произошла же эта смерть следующим образом.

Служил я первый год, служил второй, третий... а Фисун шестьдесят шестой, шестьдесят седьмой. Время, повторяю, было трудное, – недаром обжора и пьяница, но либеральнейший человек, старший врач губернской земской больницы говорил: «Бывали хуже времена, но не было подлей»; время было темное, но ведь уж известно, что «чем ночь темней, тем ярче звезды», что «самая густая тьма – предрассветная». И мы все крепче верили в этот «грядущий рассвет». А Фисун по-прежнему твердо держался своего – того косного убеждения, что двум колосьям в уровень никогда не расти. Однако буквально каждый год приносил поражение за поражением этому фоме неверному: с каждым годом все бодрее звучали голоса и старых земских бойцов, и идущих на смену им. И вот, наконец, чуть не поголовно всеми, ежегодно собиравшимися в ноябре в двухсветной зале нашей управы, овладели знаменитые «весенние мечтания». А когда из-за редящих зимних облаков выглянуло и само весеннее солнце, когда полетели в поднебесье первые птицы и затрещал кое-где лед, сковывавший дотоле вольные воды, эти мечтания, прихлынув к сердцам, вылились уже в определенную форму, в форму страстных протестов, пожеланий, требований и самых зажигательных речей! До самых подземелий управы проник горячий весенний свет, и Фисун, хотя и растерялся от этого света, невольно зажмурил свои старые глаза, уже не мог не видеть, не мог отрицать того, что стало зримым, явным и несомненным для всех. Управа в тот ноябрь была подобна вешнему улью: сверху донизу гудела она народом, среди которого было и огромное количество посторонних, начиная с курсисток, студентов, врачей и кончая даже обывателями, и, казалось, уже не стало никакого различия между низом и верхом, между большими и малыми: все, от первых земских магнатов до последнего сторожа, от предводителя дворянства до Лугового, жаждали заключить друг друга в объятия, чтобы уже одним потоком к одной цели двинуться вперед. «Свобода! свобода!» – звучало повсюду. И вот на этот-то клич и двинулся к изумлению всех, даже и сам Фисун: повязался по холодным восковым ушам свернутым красным платком, выполз, горясь и оседая на ноги, касаясь хвостом пиджака голенищ, из своих подземелий, добрал до лестницы, во всю ширину крытой красным сукном, – и хотя и очень медленно, но упрямо стал подниматься наверх, к тем огромным зеркалам, туманно-голубым от табачного дыма и отражающим в себе целое море народа, что были по бокам главного входа в двухсветный зал собрания. А поднявшись, смешался с шумными, воедино слитыми в одну массу народными толпами, вольно стал бродить по коридору, по отделениям, по кабинетам – и узрел-таки, наконец, самого Златоуста нашего, самого Станкевича.

И ах, как говорил Станкевич в этот день! Смелое и гордое решение приступом идти на твердыни старого мира уже созрело, – оставалось только уронить в полную чашу ту драгоценную каплю, что переливает влагу через край. И звучно провозгласил предводитель дворянства, председатель собрания, терявшийся за морем голов в туманно-голубом зале, у блистающего золотом, лаком и красками царского портрета, что принадлежит слово Алексею Алексеевичу Станкевичу, и среди благоговейной тишины поднялась из среды сидевших за бесконечно длинным столом могучая и седовласая фигура «льва русской гражданственности». Он и наружностью похож был на льва. Правда, уже согбен годами и думами, лицом очень красен, взором важно-печален и тускл; поднялся медленно, концами дрожащих красных пальцев оперся на стол, крытый зеленым сукном, заговорил сперва тихо, раздельно... Но какая уверенность звучала в этих тихих, раздельно произносимых словах, какая буйная грива седых кудрей возвышалась над высоким челом, ниспадая на плечи, облеченные в простой черный сюртук! А как потом окреп голос оратора, как зазвучал сталью, призывая без страха и сомнения вперед на борьбу, как поверг этот голос всю залу, вплоть до переполненных хор, сперва в жуткое молчание, а после в неистовый восторг, прорвавшийся бешеными кликами, – того и описать невозможно!

Сам потрясенный своей речью и разбитый усталостью, но торжествующий, засыпанный аплодисментами и цветами с хор, опустил Станкевич на свое место и долго, бледный и важный, как бы ничего не видящий, сидел, откинувшись к спинке кресла. А потом снова приподнялся – и среди почтительно расступающегося земского и иного люда со старческой неспешностью проследовал вон из зала.

Где был в это время Фисун? Но вот в том-то и дело, что Фисун проследовал к той

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
же цели, которая подняла с места Станкевича, еще ранее. Фисуну, долго стоявшему у входа в зал, за плечами сгрудившейся толпы, ровно ничего не было слышно. И, устав стоять, чувствуя дремоту и некоторую потребность, он медленно, но довольно свободно опять побрел по коридору. И, дойдя до конца его, постоял в раздумье, сонно глядя на дверь, за которую смели прежде заглядывать только председатель, гласные да высшие чины управы; а затем, ничтоже сумняшеся, взялся за ее скобу и, затворившись на крючок, долго-долго пробыл за этой дверью.

Не будь он глух, не завязывая платком ушей, слышал бы он, несчастный, что чья-то рука несколько раз дергала за скобку и что чей-то недовольный, тоже старческий голос бормотал что-то. Но он был глух, глух и повязан платком! Был он, кроме того, очень неспор в движениях, потребных для приведения своего костюма в порядок. Когда же одолел он все это и распахнул дверь, то увидел, что перед ним – сам Станкевич! И застыли, замерли два старика друг перед другом, – первый от изумления и негодования, а второй от ужаса.

– Как? – медленно выговорил первый, выкатывая глаза и нагибаясь. – Как? Так это ты, негодяй, сидел там?

– Никак нет, – хотел выговорить второй, тоже выкатывая глаза, – и не мог: и от страха, и от того, конечно, что уж слишком бы не соответствовало это истине.

– Как? Ты осмелился забраться в господскую уборную? – еще медленнее выговорил первый, наливаясь под своей белоснежной сединой кровью и наступая.

– Никак нет, – бессмысленно пролепетал второй, бледнея, кик смерть, и прижимаясь к стене, оседая на свои голенища, на свои отнявшиеся ноги.

– Да ты кто такой? – бешено крикнул первый, затопав в ярости ботинками.

Но второй, выпучив глаза, став похожим на зайца, благодаря хвостикам платка, торчавшим на его макушке, уже и лепетать не мог...

Конец этой трагикомической истории вы знаете: будучи через час после этого доставлен в бессознательном состоянии домой, Фисун слег в постель, а вскоре и душу богу отдал, в первый и последний раз побывав во втором этаже управы, в первый и последний раз проехавшись на извозчике... Смерть его, равно как и другие некоторые события, следовавшие вслед за «весенними мечтаниями», конечно, не изменили наших идеалов, не угасили нашей веры в грядущее торжество этих идеалов. Но что она отчасти смутила кое-кого из нас, – в том числе и меня, – в этом я не могу не признаться. Идут дни, годы, а я нет-нет да и вспомню эту смерть. И как уже немало прошло этих дней и годов, то немало и сомнений закралось в мою душу. Я, например, всецело присоединился теперь к тому великому почтению, какое питал покойный Фисун к архивам. Равенство-то равенством, а очень прав он был, что немыслима без архивов жизнь и что надо, надо оберегать их, ибо, если бы их не было, если б не существовало Фисунов, как бы сохранился вот хоть этот листок, на котором пишу я бедную и жалкую повесть Фисуна? А при Фисунах он, конечно, сохранится и, конечно, попадет к кому-нибудь на глаза – и чем позднее, тем лучше: резче ударят тогда в глаза нового человека строки этой старой истории. Фисун говорил: «А ежели справка понадобится?» Так вот, ежели понадобится справка о нашем времени, пригодится, может быть, и моя справка о нем.

Одесса. 21 июля. 1914

Грамматика любви: #com004

Некто Ивлев ехал однажды в начале июня в дальний край своего уезда.

Тарантас с кривым пыльным верхом дал ему шурина, в имени которого он проводил лето. Тройку лошадей, мелких, но справных, с густыми сбитыми гривами, нанял он на деревне, у богатого мужика. Правил ими сын этого мужика, малый лет восемнадцати, тупой, хозяйственный: Он все о чем-то недовольно думал, был как будто чем-то обижен, не понимал шуток. И, убедившись, что с ним не разговоришься, Ивлев отдался той спокойной и бесцельной наблюдательности, которая так идет к ладу копыт и громоханию бубенчиков.

Ехать сначала было приятно: теплый, тусклый день, хорошо накатанная дорога, в полях множество цветов и жаворонков; с хлебов, с невысоких сизых ржей, простиравшихся насколько глаз хватит, дул сладкий ветерок, нес по их косякам цветочную пыль, местами дымил ею, и вдаль от нее было даже туманно. Малый, в новом картузе и неуклюжем люстриновом пиджаке, сидел прямо; то, что лошади были всецело вверены ему и что он был наряжен, делало его особенно серьезным. А лошади кашляли и не спеша бежали, валеком левой пристяжки порою скреб по колесу, порою натягивался, и все время мелькала под ним белой сталью стертая подкова.

– К графу будем заезжать? – спросил малый, не оборачиваясь, когда впереди показалась деревня, замыкавшая горизонт своими лозинами и садом.

– А зачем? – сказал Ивлев.

Малый помолчал и, сбив кнутом прилипшего к лошади крупного овода, сумрачно ответил:

– Да чай пить...

– Не чай у тебя в голове, – сказал Ивлев. – Все лошадей жалеешь.

– Лошадь езды не боится, она корму боится, – ответил малый наставительно.

Ивлев поглядел кругом: погода поскучнела, со всех сторон натянуло линючих туч и уже накрапывало – эти скромные денки всегда оканчиваются окладными дождями... Старик, пахавший возле деревни, сказал, что дома одна молодая графиня, но все-таки заехали. Малый натянул на плечи армяк и, довольный тем, что лошади отдыхают, спокойно мок под дождем на козлах тарантаса, остановившегося среди грязного двора, возле каменного корыта, вросшего в землю, истыканную копытами скота. Он оглядывал свои сапоги, поправлял кнутовищем шлею на кореннике; а Ивлев сидел в темнеющей от дождя гостиной, болтал с графиней и ждал чая; уже пахло горячей лучиной, густо плыл мимо открытых окон зеленый дым самовара, который босая девка набивала на крыльце пуками ярко пылающих кумачным огнем щепок, обливая их керосином. Графиня была в широком розовом капоре, с открытой напудренной грудью; она курила, глубоко затягиваясь, часто поправляла волосы, до плечей обнажая свои тугие и круглые руки; затягиваясь и смеясь, она все сводила разговор на любовь и между прочим рассказывала про своего близкого соседа, помещика Хвоцинского, который, как знал Ивлев еще с детства, всю жизнь был помешан на любви к своей горничной Лушке, умершей в ранней молодости. «Ах, эта легендарная Лушка! – заметил Ивлев шутливо, слегка сконфузясь своего признания. – Оттого, что этот чудак обоготворил ее, всю жизнь посвятил сумасшедшим мечтам о ней, я в молодости был почти влюблен в нее, воображал, думая о ней, бог знает что, хотя она, говорят, совсем нехороша была собой». «Да? – сказала графиня, не слушая. – Он умер нынешней зимой. И Писарев, единственный, кого он иногда допускал к себе по старой дружбе, утверждает, что во всем остальном он несколько не был помешан, и я вполне верю этому – просто он был не теперешним чета...» Наконец босая девка с необыкновенной осторожностью подала на старом серебряном подносе стакан крепкого сивого чая из прудовки и корзиночку с печеньем, засиженным мухами.

Когда поехали дальше, дождь разошелся уже по-настоящему. Пришлось поднять верх, закрыться каляным, ссохшимся фартуком, сидеть согнувшись. Гроыхали глухарями лошади, по их темным и блестящим ляжкам бежали струйки, под колесами шуршали травы какого-то рубежа среди хлебов, где малый поехал в надежде сократить путь, под верхом собирался теплый ржаной дух, мешавшийся с запахом старого тарантаса... «Так вот оно что, Хвоцинский умер, – думал Ивлев. – Надо непременно заехать, хоть взглянуть но это опустевшее святилище таинственной Лушки... Но что ни человек был этот Хвоцинский? Сумасшедший или просто какая-то ошеломленная, вся на одном сосредоточенная душа?» По рассказам стариков-помещиков, сверстников Хвоцинского, он когда-то слыл в уезде за редкого умницу. И вдруг свалилась на него эта любовь, эта Лушка, потом неожиданная смерть ее, – и все пошло прахом: он затворился в доме, в той комнате, где жила и умерла Лушка, и больше двадцати лет просидел на ее кровати – не только никуда не выезжал, а даже у себя в усадьбе не показывался никому, насквозь просидел матрац на Лушкиной кровати и Лушкиному влиянию приписывал буквально все, что совершалось в мире: гроза заходит – это Лушка насылает грому, объявлена война – значит, так Лушка решила, неурожай случился – не угодили мужики Лушке...

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
– Ты на Хвощинское, что ли, едешь? – крикнул Ивлев, высовываясь под дождь.

– На Хвощинское, – невнятно отозвался сквозь шум дождя малый, с обвисшего картуза которого текла вода. – На Писарев верх...

Такого пути Ивлев не знал. Места становились все беднее и глуше. Кончился рубеж, лошади пошли шагом и спустили покосившийся тарантас размытой колдобиной под горку; в какие-то еще не кошенные луга, зеленые скаты которых грустно выделялись на низких тучах. Потом дорога, то пропадая, то возобновляясь, стала переходить с одного бока на другой по днищам оврагов, по буеракам в ольховых кустах и верболозах... Была чья-то маленькая пасека, несколько колодок, стоявших на скате в высокой траве, краснеющей земляникой... Объехали какую-то старую плотину, потонувшую в крапиве, и давно высохший пруд – глубокую яругу, заросшую бурьяном выше человеческого роста... Пара черных куличков с плачем метнулась из них в дождливое небо... А на плотине, среди крапивы, мелкими бледно-розовыми цветочками цвел большой старый куст, то милое деревце, которое зовут «божьим деревом», – и вдруг Ивлев вспомнил места, вспомнил, что не раз ездил тут в молодости верхом...

– Говорят, она тут утопилась-то, – неожиданно сказал малый.

– Ты про любовницу Хвощинского, что ли? – спросил Ивлев. – Это неправда, она и не думала топиться.

– Нет, утопилась, – сказал малый. – Ну, только думается, он скорей всего от бедности от своей сошел с ума, а не от ней...

И, помолчав, грубо прибавил:

– А нам опять надо заезжать... в это, в Хвощино-то... Ишь как лошади-то уморились!

– Сделай милость, – сказал Ивлев.

На бугре, куда вела оловянная от дождевой воды дорога, на месте сведенного леса, среди мокрой, гниющей щепы и листвы, среди пней и молодой осинової поросли, горько и свежо пахнувшей, одиноко стояла изба. Ни души не было кругом, – только овсянки, сидя под дождем на высоких цветах, звенели на весь редкий лес, поднимающийся за избою, но, когда тройка, шлепая по грязи, поравнялась с ее порогом, откуда-то вырвалась целая орава громадных собак, черных, шоколадных, дымчатых, и с яростным лаем накипела вокруг лошадей, взвиваясь к самым их мордам, на лету перевертываясь и прядая даже под верх тарантаса. В то же время и столь же неожиданно небо над тарантасом расколосось от оглушительного удара грома, малый с остервенением кинулся драть собак кнутом, и лошади вскачь понесли среди замелькавших перед глазами осиновых стволов...

За лесом уже видно было Хвощинское. Собаки отстали и сразу смолкли, деловито побежали назад, лес расступился, и впереди опять открылись поля. Вечерело, и тучи не то расходились, не то заходили теперь с трех сторон: слева – почти черная, с голубыми просветами, справа – седая, грохочущая непрерывным громом, а с запада, из-за хвощинской усадьбы, из-за косогоров над речной долиной, – мутно-синяя, в пыльных полосах дождя, сквозь которые розовели горы дальних облаков. Но над тарантасом дождь редел, и, приподнявшись, Ивлев, весь закиданный грязью, с удовольствием завалил назад отяжелевший верх и свободно вздохнул пахучей сыростью поля.

Он глядел на приближающуюся усадьбу, видел наконец то, о чем слышал так много, но по-прежнему казалось, что жила и умерла Лушка не двадцать лет тому назад, а чуть ли не во времена незапамятные. По долине терялся в куге след мелкой речки, над ней летала белая рыбалка. Дальше, на полугоре, лежали ряды сена, потемневшие от дождя; среди них, далеко друг от друга, раскидывались старые серебристые тополи. Дом, довольно большой, когда-то беленый, с блестящей мокрой крышей, стоял на совершенно голом месте. Не было кругом ни сада, ни построек, только два кирпичных столба на месте ворот да лопухи по канавам. Когда лошади вброд перешли речку и поднялись на гору, какая-то женщина в летнем мужском пальто, с обвисшими карманами, гнала по лопухам индюшек. Фасад дома был необыкновенно скучен: окон в нем было мало, и все они были невелики, сидели в толстых стенах. Зато огромны были мрачные крыльца. С одного из них удивленно глядел на подъезжающих молодой человек в серой гимназической блузе, подпоясанной широким ремнем, черный, с красивыми глазами и очень миловидный, хотя лицо его было бледно и от веснушек

Нужно было чем-нибудь объяснить свой заезд. Поднявшись на крыльцо и назвав себя, Ивлев сказал, что хочет посмотреть и, может быть, купить библиотеку, которая, как говорила графиня, осталась от покойного, и молодой человек, густо покраснев, тотчас повел его в дом. «Так вот это и есть сын знаменитой Лушки!» – подумал Ивлев, окидывая глазами все, что было на пути, и часто оглядываясь и говоря что попало, лишь бы лишний раз взглянуть на хозяина, который казался слишком моложав для своих лет. Тот отвечал поспешно, но односложно, путался, видимо, и от застенчивости, и от жадности; что он страшно обрадовался возможности продать книги и вообразил, что сбудет их недешево, сказало в первых же его словах, в той неловкой торопливости, с которой он заявил, что таких книг, как у него, ни за какие деньги нельзя достать. Через полутемные сени, где была настлана красная от сырости солома, он ввел Ивлева в большую переднюю.

– Тут вот и жил ваш батюшка? – спросил Ивлев, входя и снимая шляпу.

– Да, да, тут, – поспешил ответить молодой человек. – То есть, конечно, не тут... они ведь больше всего в спальне сидели... но, конечно, и тут бывали...

– Да, я знаю, он ведь был болен, – сказал Ивлев.

Молодой человек вспыхнул.

– То есть чем болен? – сказал он, и в голосе его послышались более мужественные ноты. – Это все сплетни, они умственно нисколько не были больны... Они только все читали и никуда не выходили, вот и все... Да нет, вы, пожалуйста, не снимайте картуз, тут холодно, мы ведь не живем в этой половине...

Правда, в доме было гораздо холоднее, чем на воздухе. В неприветливой передней, оклеенной газетами, на подоконнике печального от туч окна стояла лубяная перепелиная клетка. По полу сам собою прыгал серый мешочек. Наклонившись, молодой человек поймал его и положил на лавку, и Ивлев понял, что в мешочке сидит перепел; затем вошли в зал. Эта комната, окнами на запад и север, занимала чуть ли не половину всего дома. В одно окно, на золоте расчищающейся за тучами зари, видна была столетняя, вся черная плакучая береза. Передний угол весь был занят божницей без стекол, уставленной и увешанной образами; среди них выделялся и величиной и древностью образ в серебряной ризе, и на нем, желтея воском, как мертвым телом, лежали венчальные свечи в бледно-зеленых бантах.

– Простите, пожалуйста, – начал было Ивлев, превозмогая стыд, – разве ваш батюшка...

– Нет, это так, – пробормотал молодой человек, мгновенно поняв его. – Они уже после ее смерти купили эти свечи... и даже обручальное кольцо всегда носили...

Мебель в зале была топорная. Зато в простенках стояли прекрасные горки, полные чайной посудой и узкими, высокими бокалами в золотых ободках. А пол весь был устлан сухими пчелами, которые щелкали под ногами. Пчелами была усыпана и гостиная, совершенно пустая. Пройдя ее и еще какую-то сумрачную комнату с лежанкой, молодой человек остановился возле низенькой двери и вынул из кармана брюк большой ключ. С трудом повернув его в ржавой замочной скважине, он распахнул дверь, что-то пробормотал, – и Ивлев увидел каморку в два окна; у одной стены ее стояла железная голая койка, у другой – два книжных шкафчика из карельской березы.

– Это и есть библиотека? – спросил Ивлев, подходя к одному из них.

И молодой человек, поспешив ответить утвердительно, помог ему растворить шкафчик и жадно стал следить за его руками.

Престранные книги составляли эту библиотеку! Раскрывал Ивлев толстые переплеты, отворачивал шершавую серую страницу и читал: «Заклятое урочище»... «Утренняя звезда и ночные демоны»... «Размышления о таинствах мироздания»... «Чудесное путешествие в волшебный край»... «Новейший сонник»... А руки все-таки слегка дрожали. Так вот чем питалась та одинокая душа, что навсегда затворилась от мира и этой каморке и еще так недавно ушла из нее... Но, может быть, она, эта душа, и впрямь не совсем была безумна? «Есть бытие, – вспомнил Ивлев стихи

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
Баратынского, – есть бытие, но именем каким его назвать? Ни сон оно, ни бденье, – меж них оно, и в человеке им с безумием граничит разуменье...»
Расчистило на западе, золото глядело оттуда из-за красивых лиловатых облаков и странно озаряло этот бедный приют любви, любви непонятной, в какое-то экстатическое житие превратившей целую человеческую жизнь, которой, может, надлежало быть самой обыденной жизнью, не случись какой-то загадочной в своем обаянии Лушки...

Взяв из-под койки скамеечку, Ивлев сел перед шкапом и вынул папиросы, незаметно оглядывая и запоминая комнату.

– Вы курите? – спросил он молодого человека, стоявшего над ним.

Тот опять покраснел.

– Курю, – пробормотал он и попытался улыбнуться. – То есть не то что курю, скорее балуюсь... А, впрочем, позвольте, очень благодарен вам...

И, неловко взяв папиросу, закурил дрожащими руками, отошел к подоконнику и сел на него, загораящая желтый свет зари.

– А это что, – спросил Ивлев, наклоняясь к средней полке, на которой лежала только одна очень маленькая книжечка, похожая на молитвенник, и стояла шкатулка, углы которой были обделаны в серебро, потемневшее от времени.

– Это так... В этой шкатулке ожерелье покойной матушки, – запнувшись, но стараясь говорить небрежно, ответил молодой человек.

– Можно взглянуть?

– Пожалуйста... хотя оно ведь очень простое... вам не может быть интересно...

И, открыв шкатулку, Ивлев увидел заношенный шнурок, снизу дешевеньких голубых шариков, похожих на каменные. И такое волнение овладело им при взгляде на эти шарики, некогда лежавшие на шее той, которой суждено было быть столь любимой и чей смутный образ уже не мог не быть прекрасным, что зарябило в глазах от сердцебиения. Насмотревшись, Ивлев осторожно поставил шкатулку на место; потом взялся за книжечку. Это была крохотная, прелестно изданная почти сто лет тому назад «Грамматика любви, или Искусство любить и быть взаимно любимым».

– Эту книжечку я, к сожалению, не могу продать, – с трудом проговорил молодой человек. – Она очень дорогая... они даже под подушку ее себе клали...

– Но, может быть, вы позволите хоть посмотреть ее? – сказал Ивлев.

– Пожалуйста, – прошептал молодой человек.

И, преодолевая неловкость, смутно томясь его пристальным взглядом, Ивлев стал медленно перелистывать «Грамматику любви». Она вся делилась на маленькие главы: «О красоте, о сердце, об уме, о знаках любовных, о нападении и защищении, о размолвке и примирении, о любви платонической»... Каждая глава состояла из коротеньких, изящных, порою очень тонких сентенций, и некоторые из них были деликатно отмечены пером, красными чернилами. «Любовь не есть простая эпизода в нашей жизни, – читал Ивлев. – Разум наш противоречит сердцу и не убеждает оно. – Женщины никогда не были так сильны, как когда они вооружаются слабостью. – Женщину мы обожаем за то, что она владычествует над нашей мечтой идеальной. – Тщеславие выбирает, истинная любовь не выбирает. – Женщина прекрасная должна занимать вторую ступень; первая принадлежит женщине милой. Сия-то делается владычицей нашего сердца: прежде нежели мы отдадим о ней отчет сами себе, сердце наше делается невольником любви навеки...» Затем шло «изъяснение языка цветов», и опять кое-что было отмечено: «Дикий мак – печаль. Вересклед – твоя прелесть запечатлена в моем сердце, Могильница – сладостные воспоминания. Печальный гераний – меланхолия. Полынь – вечная горесть»... А на чистой страничке в самом конце было мелко, бисерно написано теми же красными чернилами четверостишие. Молодой человек вытянул шею, заглядывая в «Грамматику любви», и сказал с деланой усмешкой:

– Это они сами сочинили...

Через полчаса Ивлев с облегчением простился с ним. Из всех книг он за дорогую цену купил только эту книжечку. Мутно-золотая заря блекла в облаках за полями, отсвечивала в лужах, мокро и зелено было в полях. Малый не спешил, но Ивлев не понукал его. Малый рассказывал, что та женщина, которая давеча гнала по лопухам индюшек, – жена дьякона, что молодой Хвошинский живет с нею. Ивлев не слушал. Он все думал о Лушке, о ее ожерелье, которое оставило в нем чувство сложное, похожее на то, какое испытал он когда-то в одном итальянском городке при взгляде на реликвию одной святой. «Вошла она навсегда в мою жизнь!» – подумал он. И, вынув из кармана «Граматику любви», медленно перечитал при свете зари стихи, написанные на ее последней странице.

Тебе сердца любивших скажут:
«В преданьях сладостных живи!»
И внукам, правнукам покажут
Сию Граматику Любви.

Москва. Февраль 1915

Господин из Сан-Франциско: #comm005

Горе тебе, Вавилон, город крепкий

Апокалипсис

Господин из Сан-Франциско – имени его ни в Неаполе, ни на Капри никто не запомнил – ехал в Старый Свет на целых два года, с женой и дочерью, единственно ради развлечения.

Он был твердо уверен, что имеет полное право на отдых, на удовольствие, на путешествие долгое и комфортабельное, и мало ли еще на что. Для такой уверенности у него был тот резон, что, во-первых, он был богат, а во-вторых, только что приступал к жизни, несмотря на свои пятьдесят восемь лет. До этой поры он не жил, а лишь существовал, правда очень недурно, но все же возлагая все надежды на будущее. Он работал не покладая рук, – китайцы, которых он выписывал к себе на работы целыми тысячами, хорошо знали, что это значит! – и, наконец, увидел, что сделано уже много, что он почти сравнялся с теми, кого некогда взял себе за образец, и решил передохнуть. Люди, к которым принадлежал он, имели обычай начинать наслаждения жизнью с поездки в Европу, в Индию, в Египет. Положил и он поступить так же. Конечно, он хотел вознаградить за годы труда прежде всего себя; однако рад был и за жену с дочерью. Жена его никогда не отличалась особой впечатлительностью, но ведь все пожилые американки страстные путешественницы. А что до дочери, девушки на возрасте и слегка болезненной, то для нее путешествие было прямо необходимо – не говоря уже о пользе для здоровья, разве не бывает в путешествиях счастливых встреч? Тут иной раз сидишь за столом или рассматриваешь фрески рядом с миллиардером.

Маршрут был выработан господином из Сан-Франциско обширный. В декабре и январе он надеялся наслаждаться солнцем Южной Италии, памятниками древности, тарантеллой, серенадами бродячих певцов и тем, что люди в его годы чувствую! особенно тонко, – любовью молоденьких неаполитанок, пусть даже и не совсем бескорыстной, карнавал он думал провести в Ницце, в Монте-Карло, куда в эту пору стекается самое отборное общество, – то самое, от которого зависят все блага цивилизации: и фасон смокингов, и прочность тронов, и объявление войн, и благосостояние отелей, – где одни с азартом предаются автомобильным и парусным гонкам, другие рулетке, третьи тому, что принято называть флиртом, а четвертые – стрельбе в голубей, которые очень красиво взвиваются из садков над изумрудным газоном, на фоне моря цвета незабудок, и тотчас же стучаются белыми комочками о землю; начало марта он хотел посвятить Флоренции, к страстям господним приехать в Рим, чтобы слушать там Miserere; [1 – «Смилуйся» – католическая молитва (лат.)] входили в его планы и Венеция, и Париж, и бой быков в Севилье, и купанье на английских островах, и Афины, и Константинополь, и Палестина, и Египет, и даже Япония, – разумеется, уже на обратном пути... И все пошло сперва отлично.

Был конец ноября, до самого Гибралтара пришлось плыть то в ледяной мгле, то среди бури с мокрым снегом; но плыли вполне благополучно. Пассажиров было много,

пароход – знаменитая «Атлантида» – был похож на громадный отель со всеми удобствами, – с ночным баром, с восточными банями, с собственной газетой, – и жизнь на нем протекала весьма размеренно: вставали рано, при трубных звуках, резко раздававшихся по коридорам еще в тот сумрачный час, когда так медленно и неприветливо светало над серо-зеленой водяной пустыней, тяжело волновавшейся в тумане; накинув фланелевые пижамы, пили кофе, шоколад, какао; затем садились в мраморные ванны, делали гимнастику, возбуждая аппетит и хорошее самочувствие, совершали дневные туалеты и шли к первому завтраку; до одиннадцати часов полагалось бодро гулять по палубам, дыша холодной свежестью океана, или играть в шэффль-бординг и другие игры для нового возбуждения аппетита, а в одиннадцать – подкрепляться бутербродами с бульоном; подкрепившись, с удовольствием читали газету и спокойно ждали второго завтрака, еще более питательного и разнообразного, чем первый; следующие два часа посвящались отдыху; все палубы были заставлены тогда лонгшезами, на которых путешественники лежали, укрывшись пледами, глядя на облачное небо и на пенистые бугры, мелькавшие за бортом, или сладко задремывая; в пятом часу их, освеженных и повеселевших, поили крепким душистым чаем с печеньями; в семь повешали трубными сигналами о том, что составляло главнейшую цель всего этого существования, венец его... И тут господин из Сан-Франциско, потирая от прилива жизненных сил руки, спешил в свою богатую люкс-кабину – одеваться.

По вечерам этажи «Атлантиды» зияли во мраке как бы огненными несметными глазами, и великое множество слуг работало в поварских, судомойнях и винных подвалах. Океан, ходивший за стенами, был страшен, но о нем не думали, твердо веря во власть над ним командира, рыжего человека чудовищной величины и грузности, всегда как бы сонного, похожего в своем мундире, с широкими золотыми нашивками на огромного идола и очень редко появлявшегося на люди из своих таинственных покоев; на баке поминутно взывала с адской мрачностью и взвизгивала с неистовой злобой сирена, но немногие из обедающих слышали сирену – ее заглушали звуки прекрасного струнного оркестра, изысканно и неустанно игравшего в мраморной двусветной зале, устланной бархатными коврами, празднично залитой огнями, переполненной декольтированными дамами и мужчинами во фраках и смокингах, стройными лакеями и почтительными метрдотелями, среди которых один, тот, что принимал заказы только на вина, ходил даже с цепью на шее, как какой-нибудь лорд-мэр. Смокинг и крахмальное белье очень молодили господина из Сан-Франциско. Сухой, невысокий, неладно скроенный, но крепко сшитый, расчищенный до глянца и в меру оживленный, он сидел в золотисто-жемчужном сиянии этого чертога за бутылкой янтарного иоганисберга, за бокалами и бокальчиками тончайшего стекла, за кудрявым букетом гиацинтов. Нечто монгольское было в его желтоватом лице с подстриженными серебряными усами, золотыми пломбами блестяли его крупные зубы, старой слоновой костью – крепкая лысая голова. Богато, но по годам была одета его жена, женщина крупная, широкая и спокойная; сложно, но легко и прозрачно, с невинной откровенностью – дочь, высокая, тонкая, с великолепными волосами, прелестно убранными, с ароматическим от фиалковых лепешечек дыханием и с нежнейшими розовыми прыщиками возле губ и между лопаток, чуть припудренных... Обед длился больше часа, а после обеда открывались в бальной зале танцы, во время которых мужчины, – в том числе, конечно, и господин из Сан-Франциско, – задрав ноги, решали на основании последних биржевых новостей судьбы народов, до малиновой красноты накуривались гаванскими сигарами и напивались ликерами в баре, где служили негры в красных камзолах, с белками, похожими на облупленные крутые яйца. Океан с гулом ходил за стеной черными горами, вьюга крепко свистала в отяжелевших снастях, пароход весь дрожал, одолевая и ее, и эти горы, – точно плугом разваливая на стороны их зыбкие, то и дело вскипавшие и высоко взвивавшиеся пенистыми хвостами громады, – в смертной тоске стенала удушаемая туманом сирена, мерзли от стужи и шалели от непосильного напряжения внимания вахтенные на своей вышке, мрачным и знойным недрам преисподней, ее последнему, девятому кругу была подобна подводная утроба парохода, – та, где глухо гоготали исполинские топки, пожирившие своими раскаленными зевами груды каменного угля, с грохотом ввергаемого в них облитыми едким, грязным потом и по пояс голыми людьми, багровыми от пламени; а тут, в баре, беззаботно закидывали ноги на ручки кресел, цедили коньяк и ликеры, плавали в волнахпряного дыма, в танцевальной зале все сияло и изливало свет, тепло и радость, пары то крутились в вальсах, то изгибались в танго – и музыка настойчиво, в какой-то сладостно-бесстыдной печали молила все об одном, все о том же... Был среди этой блестящей толпы некий великий богач, бритый, длинный, похожий на прелата, в старомодном фраке, был знаменитый испанский писатель, была всесветная красавица, была изящная влюбленная пара, за которой все с любопытством следили и которая не скрывала своего счастья: он танцевал только с ней, и все выходило у них так тонко, очаровательно, что только

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
один командир знал, что эта пара нанята Ллойдом играть в любовь за хорошие деньги и уже давно плавают то на одном, то на другом корабле.

В Гибралтаре всех обрадовало солнце, было похоже на раннюю весну; на борту «Атлантиды» появился новый пассажир, возбудивший к себе общий интерес, – наследный принц одного азиатского государства, путешествовавший инкогнито, человек маленький, весь деревянный, широколицый, узкоглазый, в золотых очках, слегка неприятный – тем, что крупные черные усы сквозили у него, как у мертвого, в общем же милый, простой и скромный. В Средиземном море снова пахло зимой, шла крупная и цветистая, как хвост павлина, волна, которую, при ярком блеске и совершенно чистом небе, развела весело и бешено летевшая навстречу трамонтана. Потом, на вторые сутки, небо стало бледнеть, горизонт затуманился: близилась земля, показались Иския, Капри, в бинокль уже виден был кусками сахара насыпанный у подножия чего-то сизого Неаполь... Многие леди и джентльмены уже надели легкие, мехом вверх, шубки; безответные, всегда шепотом говорящие бои-китайцы, кривоногие подростки со смоляными косами до пят и с девичьими густыми ресницами, исподволь вытаскивали к лестницам пледы, трости, чемоданы, несессеры... Дочь господина из Сан-Франциско стояла на палубе рядом с принцем, вчера вечером, по счастливой случайности, представленным ей, и делала вид, что пристально смотрит вдаль, куда он указывал ей, что-то объясняя, что-то торопливо и негромко рассказывая; он по росту казался среди других мальчиком, он был совсем не хорош собой и странен – очки, котелок, английское пальто, а волосы редких усов точно конские, смуглая тонкая кожа на плоском лице точно натянута и как будто слегка лакирована, – но девушка слушала его и от волнения не понимала, что он ей говорит; сердце ее билось от непонятого восторга перед ним: все, все в нем было не такое, как у прочих, – его сухие руки, его чистая кожа, под которой текла древняя царская кровь, даже его европейская, совсем простая, но как будто особенно опрятная одежда таили в себе неизъяснимое очарование. А сам господин из Сан-Франциско, в серых гетрах на лакированных ботинках, все поглядывал на стоявшую возле него знаменитую красавицу, высокую, удивительного сложения блондинку с разрисованными по последней парижской моде глазами, державшую на серебряной цепочке крохотную, гнутую, облезлую собачку и все разговаривавшую с нею. И дочь, в какой-то смутной неловкости, старалась не замечать его.

Он был довольно щедр в пути и потому вполне верил в заботливость всех тех, что кормили и поили его, с утра до вечера служили ему, предупреждая его малейшее желание, охраняли его чистоту и покой, таскали его вещи, звали для него носильщиков, доставляли его сундуки в гостиницы. Так было всюду, так было в плавании, так должно было быть и в Неаполе. Неаполь рос и приближался; музыканты, блестя медью духовых инструментов, уже столпились на палубе и вдруг оглушили всех торжествующими звуками марша, гигант-командир, в парадной форме, появился на своих мостках и, как милостивый языческий бог, приветственно помотал рукой пассажирам – и господину из Сан-Франциско, так же, как и всем прочим, казалось, что это для него одного гремит марш гордой Америки, что это его приветствует командир с благополучным прибытием. А когда «Атлантида» вошла, наконец, в гавань, привалила к набережной своей многоэтажной громадой, усеянной людьми, и загрохотали сходни, – сколько портье и их помощников в картузах с золотыми галунами, сколько всяких комиссионеров, свистунов-мальчишек и здоровенных оборванцев с пачками цветных открыток в руках кинулось к нему навстречу с предложением услуг! И он ухмылялся этим оборванцам, идя к автомобилю того самого отеля, где мог остановиться и принц, и спокойно говорил сквозь зубы то по-английски, то по-итальянски:

– Go away! [2 – Прочь! (англ.)] Via! [3 – Прочь! (итал.)]

Жизнь в Неаполе тотчас же потекла по заведенному порядку: рано утром – завтрак в сумрачной столовой, облачное, мало обещающее небо и толпа гидов у дверей вестибюля; потом первые улыбки теплого розоватого солнца, вид с высоко висящего балкона на Везувий, до подножия окутанный сияющими утренними парами, на серебристо-жемчужную рябь залива и тонкий очерк Капри на горизонте, на бегущих внизу, по липкой набережной, крохотных осликов в двуколках и на отряды мелких солдатиков, шагающих куда-то с бодрой и вызывающей музыкой; потом – выход к автомобилю и медленное движение по людным узким и серым коридорам улиц, среди высоких, многооконных домов, осмотр мертвенно-чистых и ровно, приятно, но скучно, точно снегом, освещенных музеев или холодных, пахнущих воском церквей, в которых повсюду одно и то же: величавый вход, закрытый тяжелой кожаной завесой, а внутри – огромная пустота, молчание, тихие огоньки семисвечника, краснеющие в

глубине на престоле, убранном кружевами, одинокая старуха среди темных деревянных парт, скользкие гробовые плиты под ногами и чье-нибудь «Снятие со креста», непременно знаменитое; в час-второй завтрак на горе Сан-Мартино, куда съезжается к полудню немало людей самого первого сорта и где однажды дочери господина из Сан-Франциско чуть не сделалось дурно: ей показалось, что в зале сидит принц, хотя она уже знала из газет, что он в Риме; в пять-чай в отеле, в нарядном салоне, где так тепло от ковров и пылающих каминов; а там снова приготовления к обеду – снова мощный, властный гул гонга по всем этажам, снова вереницы шуршащих по лестницам шелками и отражающихся в зеркалах декольтированных дам, снова широко и гостеприимно открытый чертог столовой, и красные куртки музыкантов на эстраде, и черная толпа лакеев возле метрдотеля, с необыкновенным мастерством разливающего по тарелкам густой розовый суп... Обеды опять были так обильны и кушаньями, и винами, и минеральными водами, и сладостями, и фруктами, что к одиннадцати часам вечера по всем номерам разносили горничные каучуковые пузыри с горячей водой для согревания желудков.

Однако декабрь выдался в тот год не совсем удачный: портье, когда с ними говорили о погоде, только виновато поднимали плечи, бормоча, что такого года они и не запомнят, хотя уже не первый год приходилось им бормотать это и ссылаться на то, что «всюду происходит что-то ужасное»: на Ривьере небывалые ливни и бури, в Афинах снег, Этна тоже вся занесена и по ночам светит, из Палермо туристы, спасаясь от стужи, разбегаются... Утреннее солнце каждый день обманывало: с полудня неизменно серело и начинал сеять дождь, да все гуще и холоднее: тогда пальмы у подъезда отеля блестяли жестью, город казался особенно грязным и тесным, музеи чересчур однообразными, сигарные окурки толстяков-извозчиков в резиновых, крыльями развевающихся по ветру накидках – нестерпимо вонючими, энергичное хлопанье их бичей над тонкошеими клячами явно фальшивым, обувь синьоров, разметающих трамвайные рельсы, ужасною, а женщины, шлепающие по грязи, под дождем, с черными раскрытыми головами, – безобразно коротконогими; про сырость же и вонь гнилой рыбой от пенящегося у набережной моря и говорить нечего. Господин и госпожа из Сан-Франциско стали по утрам ссориться; дочь их то ходила бледная, с головной болью, то оживала, всем восхищалась и была тогда и мила и прекрасна: прекрасны были те нежные, сложные чувства, что пробудила в ней встреча с некрасивым человеком, в котором текла необычная кровь, ибо ведь в конце-то концов, может быть, и не важно, что именно пробуждает девичью душу – деньги ли, слава ли, знатность ли рода... Все уверяли, что совсем не то в Сорренто, на Капри – там и теплей, и солнечней, и лимоны цветут, и нравы честнее, и вино натуральней. И вот семья из Сан-Франциско решила отправиться со всеми своими сундуками на Капри, с тем, чтобы, осмотрев его, походив по камням на месте дворцов Тиверия, побывав в сказочных пещерах Лазурного грота и послушав абруццских волынщиков, целый месяц бродящих перед рождеством по острову и поющих хвалы деве Марии, поселиться в Сорренто.

В день отъезда, – очень памятный для семьи из Сан-Франциско! – даже и с утра не было солнца. Тяжелый туман до самого основания скрывал Везувий, низко серел над свинцовой зыбью моря. Капри совсем не было видно – точно его никогда и не существовало на свете. И маленький пароходик, направившийся к нему, так валяло со стороны на сторону, что семья из Сан-Франциско пластом лежала на диванах в жалкой кают-компании этого пароходика, закутав ноги пледами и закрыв от дурноты глаза. Миссис страдала, как она думала, больше всех; ее несколько раз одолевало, ей казалось, что она умирает, а горничная, прибежавшая к ней с тазиком, – уже многие годы изо дня в день качавшаяся на этих волнах и в зной и в стужу и все-таки неутомимая, – только смеялась. Мисс была ужасно бледна и держала в зубах ломтик лимона. Мистер, лежавший на спине, в широком пальто и большом картузе, не разжимал челюстей всю дорогу; лицо его стало темным, усы белыми, голова тяжело болела: последние дни благодаря дурной погоде он пил по вечерам слишком много и слишком много любовался «живыми картинами» в некоторых притонах. А дождь сек в дребезжащие стекла, на диваны с них текло, ветер с воем ломил в мачты и порою, вместе с налетающей волной, клал пароходик совсем набок, и тогда с грохотом катилось что-то вниз. На остановках, в Кастелламаре, в Сорренто, было немного легче; но и тут размахивало страшно, берег со всеми своими обрывами, садами, пиниями, розовыми и белыми отелями и дымными, курчаво-зелеными горами летел за окном вниз и вверх, как на качелях; в стены стучались лодки, третьеклассники азартно орали, где-то, точно раздавленный, давился криком ребенок, сырой ветер дул в двери, и, ни на минуту не смолкая, пронзительно вопил с качавшейся барки под флагом гостиницы «Royal» картавый мальчишка, заманивавший путешественников: «Kgoya-a! Hotel Kgoya-a!..» И господин из Сан-Франциско, чувствуя себя так, как и подобало ему, – совсем стариком, – уже с тоской и

злой думал обо всех этих «Royal», «Splendid», «Excelsior» и об этих жадных, воняющих чесноком людишках, называемых итальянцами; раз во время остановки, открыв глаза и приподнявшись с дивана, он увидел под скалистым отвесом кучу таких жалких, насквозь проплесневевших каменных домишек, наклепанных друг на друга у самой воды, возле лодок, возле каких-то тряпок, жестянок и коричневых сетей, что, вспомнив, что это и есть подлинная Италия, которой он приехал наслаждаться, почувствовал отчаяние... Наконец, уже в сумерках, стал надвигаться своей чернотой остров, точно насквозь просверленный у подножия красными огоньками, ветер стал мягче, теплей, благовонней, по смиряющимся волнам, переливавшимся, как черное масло, потекли золотые удавы от фонарей пристани... Потом вдруг загредел и с плеском шлепнулся в воду якорь, наперебой понеслись отовсюду яростные крики лодочников – и сразу стало на душе легче, ярче засияла кают-компания, захотелось есть, пить, курить, двигаться... Через десять минут семья из Сан-Франциско сошла в большую барку, через пятнадцать ступила на камни набережной, а затем села в светлый вагончик и с жужжанием потянулась вверх по откосу, среди кольев на виноградниках, полуразвалившихся каменных оград и мокрых, корявых, прикрытых кое-где соломенными навесами апельсиновых деревьев, с блеском оранжевых плодов и толстой гляцевитой листвы скользивших вниз, под гору, мимо открытых окон вагончика... Сладко пахнет в Италии земля после дождя, и свой, особый запах есть у каждого ее острова!

Остров Капри был сыр и темен в этот вечер. Но тут он на минуту ожил, кое-где осветился. На верху горы, на площадке фуникулера, уже опять стояла толпа тех, на обязанности которых лежало достойно принять господина из Сан-Франциско. Были и другие приезжие, но не заслуживающие внимания, – несколько русских, поселившихся на Капри, неряшливых и рассеянных, в очках, с бородами, с поднятыми воротниками стареньких пальтишек, и компания длинноногих, круглоголовых немецких юношей в тирольских костюмах и с холщовыми сумками за плечами, не нуждающихся ни в чьих услугах, всюду чувствующих себя как дома и совсем не щедрых на траты. Господин же из Сан-Франциско, спокойно сторонившийся и от тех и от других, был сразу замечен. Ему и его дамам торопливо помогли выйти, перед ним побежали вперед, указывая дорогу, его снова окружили мальчишки и те дюжие каприйские бабы, что носят на головах чемоданы и сундуки порядочных туристов. Застучали по маленькой, точно оперной площади, над которой качался от влажного ветра электрический шар, их деревянные ножные скамеечки, по-птичьему засвистала и закувыркалась через голову орава мальчишек – и как по сцене пошел среди них господин из Сан-Франциско к какой-то средневековой арке под слитыми в одно домами, за которой покато вела к сияющему впереди подъезду отеля звонкая улочка с вихром пальмы над плоскими крышами налево и синими звездами на черном небе вверху, впереди. И опять было похоже, что это в честь гостей из Сан-Франциско ожил каменный сырой городок на скалистом островке в Средиземном море, что это они сделали таким счастливым и радушным хозяина отеля, что только их ждал китайский гонг, завывший по всем этажам сбор к обеду, едва вступили они в вестибюль.

Вежливо и изысканно поклонившийся хозяин, отменно элегантный молодой человек, встретивший их, на мгновение поразил господина из Сан-Франциско: взглянув на него, господин из Сан-Франциско вдруг вспомнил, что нынче ночью, среди прочей путаницы, осаждавшей его во сне, он видел именно этого джентльмена, точь-в-точь такого же, как этот, в той же визитке с круглыми лапами и с той же зеркально причесанной головой.

Удивленный, он даже чуть было не приостановился. Но как в душе его уже давным-давно не осталось ни даже горчичного семени каких-либо так называемых мистических чувств, то тотчас же и померкло его удивление: шутя сказал он об этом странном совпадении сна и действительности жене и дочери, проходя по коридору отеля. Дочь, однако, с тревогой взглянула на него в эту минуту: сердце ее вдруг сжала тоска, чувство страшного одиночества на этом чужом, темном острове...

Только что отбыла гостившая на Капри высокая особа – Рейс XVII. И гостям из Сан-Франциско отвели те самые апартаменты, что занимал он. К ним приставили самую красивую и умелую горничную, бельгийку, с тонкой и твердой от корсета талией и в крахмальном чепчике в виде маленькой зубчатой короны, самого видного из лакеев, угольно-черного, огнеглазого сицилийца, и самого расторопного коридорного, маленького и полного Луиджи, много переменившего подобных мест на своем веку. А через минуту в дверь комнаты господина из Сан-Франциско легонько стукнул француз метрдотель, явившийся, чтобы узнать, будут ли господа приезжие обедать, и в случае утвердительного ответа, в котором, впрочем, не было

сомнения, доложить, что сегодня лангуст, ростбиф, спаржа, фазаны и так далее. Пол еще ходил под господином из Сан-Франциско, – так закачал его этот дрянной итальянский пароходшко, – но он не спеша, собственноручно, хотя с непривычки и не совсем ловко, закрыл хлопнувшее при входе метрдотеля окно, из которого пахло запахом дальней кухни и мокрых цветов в саду, и с неторопливой отчетливостью ответил, что обедать они будут, что столик для них должен быть поставлен подалее от дверей, в самой, глубине залы, что пить они будут вино местное, и каждому его слову метрдотель поддакивал в самых разнообразных интонациях, имевших, однако, только тот смысл, что нет и не может быть сомнения в правоте желаний господина из Сан-Франциско и что все, будет исполнено в точности. Напоследок он склонил голову и деликатно спросил:

– Все, сэр?

И, получив в ответ медлительное «yes»[4 – Да (англ.)], прибавил, что сегодня у них в вестибюле тарантелла – танцуют Кармелла и Джузеппе, известные всей Италии и всему миру туристы.

– Я видел ее на открытках, – сказал господин из Сан-Франциско ничего не выражающим голосом. – А этот Джузеппе – ее муж?

– Двоюродный брат, сэр, – ответил метрдотель.

И помедлив, что-то подумав, но ничего не сказав, господин из Сан-Франциско отпустил его кивком головы.

А затем он снова стал точно к венцу готовиться: повсюду зажег электричество, наполнил все зеркала отражением света и блеска, мебели и раскрытых сундуков, стал бриться, мыться и поминутно звонить, в то время как по всему коридору неслись и перебивали его другие нетерпеливые звонки – из комнат его жены и дочери. И Луиджи, в своем красном переднике, с легкостью, свойственной многим толстякам, делая гримасы ужаса, до слез смешившие горничных, пробежавших мимо с кафельными ведрами в руках, кубарем катился на звонок и, стукнув в дверь костяшками, с притворной робостью, с доведенной до идиотизма почтительностью спрашивал:

– На sonato, signore?[5 – Вы звонили, синьор! (итал.)]

И из-за двери слышался неспешный и скрипучий, обидно вежливый голос:

– Yes, come in...[6 – Да, входите (англ.)]

Что чувствовал, что думал господин из Сан-Франциско в этот столь знаменательный для него вечер? Он, как всякий испытывший качку, только очень хотел есть, с наслаждением мечтал о первой ложке супа, о первом глотке вина и совершал привычное дело туалета даже в некотором возбуждении, не оставлявшем времени для чувств и размышлений.

Выбрившись, вымывшись, ладно вставив несколько зубов, он, стоя перед зеркалами, смочил и придрал щетками в серебряной оправе остатки жемчужных волос вокруг смугло-желтого черепа, натянул на крепкое старческое тело с полнеющей от усиленного питания талией кремовое шелковое трико, а на сухие ноги с плоскими ступнями – черные шелковые чулки и бальные туфли, приседая, привел в порядок высоко подтянутые шелковыми помочами черные брюки и белоснежную, с выпятившейся грудью рубашку, вправил в блестящие манжеты запонки и стал мучиться с ловлей под твердым воротничком запонки шейной. Пол еще качался под ним, кончикам пальцев было очень больно, запонка порой крепко кусала дряблую кожуцу в углублении под кадыком, но он был настойчив и, наконец, с сияющими от напряжения глазами, весь сизый от сдавившего ему горло не в меру тугого воротничка, таки доделал дело – и в изнеможении присел перед трюмо, весь отражаясь в нем и повторяясь в других зеркалах.

– О, это ужасно! – пробормотал он, опуская крепкую лысую голову и не стараясь понять, не думая, что именно ужасно, потом привычно и внимательно оглядел свои короткие, с подагрическими затвердениями на суставах пальцы, их крупные и выпуклые ногти миндального цвета и повторил с убеждением: – Это ужасно...

Но тут зычно, точно в языческом храме, загудел по всему дому второй гонг И,

поспешно встав с места, господин из Сан-Франциско еще больше стянул воротничок галстуком, а живот открытым жилетом, надел смокинг, выправил манжеты, еще раз оглядел себя в зеркале. «Эта Кармелла, смуглая, с наигранными глазами, похожая на мулатку, в цветистом наряде, где преобладает оранжевый цвет, пляшет, должно быть, необыкновенно», – подумал он и, бодро выйдя из своей комнаты и подойдя по ковру к соседней, жениной, громко спросил, скоро ли они?

– Через пять минут! – звонко и уже весело отозвался из-за двери девичий голос.

– Отлично, – сказал господин из Сан-Франциско.

И не спеша пошел по коридорам и по лестницам, усталым красными коврами, вниз, отыскивая читальню. Встречные слуги жались от него к стене, а он шел, как бы не замечая их. Запоздавшая к обеду старуха, уже сутулая, с молочными волосами, но декольтированная, в светло-сером шелковом платье, поспешала изо всех сил, но смешно, по-куриному, и он легко обогнал ее. Возле стеклянных дверей столовой, где уже все были в сборе и начали есть, он остановился перед столиком, загроможденным коробками сигар и египетских папирос, взял большую маниллу и кинул на столик три лиры; на зимней веранде мимоходом глянул в открытое окно: из темноты повеяло на него нежным воздухом, померещилась верхушка старой пальмы, раскинувшая по звездам свои вайи, казавшиеся гигантскими, донесся отдаленный ровный шум моря... В читальне, уютной, тихой и светлой только над столами, стоя шуршал газетами какой-то седой немец, похожий на Ибсена, в серебряных круглых очках и с сумасшедшими, изумленными глазами. Холодно осмотрев его, господин из Сан-Франциско сел в глубокое кожаное кресло в углу, возле лампы под зеленым колпаком, надел пенсне и, дернув головой от душившего его воротничка, весь закрылся газетным листом. Он быстро пробежал заглавие некоторых статей, прочел несколько строк о никогда не прекращающейся балканской войне, привычным жестом перевернул газету, – как вдруг строчки вспыхнули перед ним стеклянным блеском, шея его напряглась, глаза выпучились, пенсне слетело с носа... Он рванулся вперед, хотел глотнуть воздуха – и дико захрипел; нижняя челюсть его отпала, осветив весь рот золотом пломб, голова завалилась на плечо и замоталась, грудь рубашки выпятилась коробом – и все тело, извиваясь, задирая ковер каблучками, поползло на пол, отчаянно борясь с кем-то.

Не будь в читальне немца, быстро и ловко сумели бы в гостинице замять это ужасное происшествие, мгновенно, задними ходами, умчали бы за ноги и за голову господина из Сан-Франциско куда подальше – и ни единая душа из гостей не узнала бы, что натворил он. Но немец вырвался из читальни с криком, он всполошил весь дом, всю столовую и многие вскакивали из за еды, опрокидывая стулья, многие, бледнея, бежали к читальне, на всех языках раздавалось: «Что, что случилось?» – и никто не отвечал толком, никто не понимал ничего, так как люди и до сих пор еще больше всего дивятся и ни за что не хотят верить смерти. Хозяин метался от одного гостя к другому, пытаясь задержать бегущих и успокоить их поспешными заверениями, что это так, пустяк, маленький обморок с одним господином из Сан-Франциско... Но никто его не слушал, многие видели, как лакеи и коридорные срывали с этого господина галстук, жилет, измятый смокинг и даже зачем-то бальные башмаки с черных шелковых ног с плоскими ступнями. А он еще бился. Он настойчиво боролся со смертью, ни за что не хотел поддаться ей, так. Неожиданно и грубо навалившейся на него. Он мотал головой, хрипел, как зарезанный, закатил глаза, как пьяный... Когда его торопливо внесли и положили на кровать в сорок третий номер, – самый маленький, самый плохой, самый сырой и холодный, в конце нижнего коридора, – прибежала его дочь, с распущенными волосами, в распахнувшейся капотике, с обнаженной грудью, поднятой корсетом, потом большая, тяжелая и уже совсем наряженная к обеду жена, у которой рот был круглый от ужаса... Но тут он уже и головой перестал мотать.

Через четверть часа в отеле все кое-как пришло в порядок. Но вечер был непоправимо испорчен. Некоторые, возвратясь в столовую, дообедали, но молча, с обиженными лицами, меж тем как хозяин подходил то к тому, то к другому, в бессильном и приличном раздражении пожимая плечами, чувствуя себя без вины виноватым, всех уверяя, что он отлично понимает, «как это неприятно», и давая слово, что он примет «все зависящие от него меры» к устранению неприятности; тарантеллу пришлось отменить, лишнее электричество потушили, большинство гостей ушло в пивную, и стало так тихо, что четко слышался стук часов в вестибюле, где только один попугай деревянно бормотал что-то возясь перед сном в своей клетке, ухитряясь заснуть с нелепо задранной на верхний шесток лапой... Господин из Сан-Франциско лежал на дешевой железной кровати, под грубыми шерстяными

одеялами, на которые с потолка тускло светил один рожок. Пузырь со льдом свисал на его мокрый и холодный лоб. Сизое, уже мертвое лицо постепенно стыло, хриплое клокотанье, вырывавшееся из открытого рта, освещенного отблеском золота, слабело. Это хрипел уже не господин из Сан-Франциско, – его больше не было, – а кто-то другой. Жена, дочь, доктор, прислуга стояли и глядели на него. Вдруг то, чего они ждали и боялись, совершилось – хрип оборвался. И медленно, медленно, на глазах у всех, потекла бледность по лицу умершего, и черты его стали утончаться, светлеть, – красотой, уже давно подобавшей ему.

Вошел хозяин. «*Gia e morto*», [7 – Уже умер (итал.)] – сказал ему, шепотом доктор. Хозяин с бесстрастным лицом пожал плечами. Миссис, у которой тихо катились по щекам слезы, подошла к нему и робко сказала, что теперь надо перенести покойного в его комнату.

– О нет, мадам, – поспешно, корректно, но уже без всякой любезности, и не по-английски, а по-французски возразил хозяин, которому совсем не интересны были те пустяки, что могли оставить теперь в его кассе приезжие из Сан-Франциско. – Это совершенно невозможно, мадам, – сказал он и прибавил в пояснение, что он очень ценит эти апартаменты, что если бы он исполнил ее желание, то всему Капри стало бы известно об этом и туристы начали бы избегать их.

Мисс, все время странно смотревшая на него, села на стул и, зажав рот платком, зарыдала. У миссис слезы сразу высохли, лицо вспыхнуло. Она подняла тон, стала требовать, говоря на своем языке и все еще не веря, что уважение к ним окончательно потеряно. Хозяин с вежливым достоинством осадил ее: если мадам не нравятся порядки отеля, он не смеет ее задерживать; и твердо заявил, что тело должно быть вывезено сегодня же на рассвете, что полиции уже дано знать, что представитель ее сейчас явится и исполнит необходимые формальности... Можно ли достать на Капри хотя бы простой готовый гроб, спрашивает мадам? К сожалению, нет, ни в каком случае, а сделать никто не успеет. Придется поступить как-нибудь иначе... Содовую английскую воду, например, он получает в больших и длинных ящиках... перегородки из такого ящика можно вынуть...

Ночью весь отель спал. Открыли окно в сорок третьем номере, – оно выходило в угол сада, где под высокой каменной стеной, утыканной по гребню битым стеклом, рос чахлый банан, – потушили электричество, заперли дверь на ключ и ушли. Мертвый остался в темноте, синие звезды глядели на него с неба, сверчок с грустной беззаботностью запел в стене... В тускло освещенном коридоре сидели на подоконнике две горничные, что-то штопая. Вошел Луиджи с кучей платья на руке, в туфлях.

– Pronto? (Готово?) – озабоченно спросил он звонким шепотом, указывая глазами на страшную дверь в конце коридора. И легонько помотал свободной рукой в ту сторону. – Partenza! [8 – Отправление (итал.)] – шепотом крикнул он, как бы провожая поезд, то, что обычно кричат в Италии на станциях при отправлении поездов, – и горничные, давясь беззвучным смехом, упали головами на плечи друг другу.

Потом он, мягко подпрыгивая, подбежал к самой двери, чуть стукнул в нее и, склонив голову набок, вполголоса, почтительнейше спросил:

– На sonato, signore?

И, сдавив горло, выдвинув нижнюю челюсть, скрипуче, медлительно и печально ответил сам себе, как бы из-за двери:

– Yes, come in...

А на рассвете, когда побелело за окном сорок третьего номера и влажный ветер зашуршал рваной листвой банана, когда поднялось и раскинулось над островом Капри голубое утреннее небо и озолотилась против солнца, восходящего за далекими синими горами Италии, чистая и четкая вершина Монте-Соляро, когда пошли на работу каменщики, поправлявшие на острове тропинки для туристов, – принесли к сорок третьему номеру длинный ящик из-под содовой воды. Вскоре он стал очень тяжел – и крепко давил колени младшего портье, который шибко повез его на одноконном извозчике по белому шоссе, взад и вперед извивавшемуся по склонам Капри, среди каменных оград и виноградников, все вниз и вниз, до самого моря. Извозчик, кволий человек с красными глазами, в старом пиджачке с короткими

рукавами и в сбитых башмаках, был с похмелья, – целую ночь играл в кости в траттории, – и все хлестал свою крепкую лошадку, по-сицилиански разряженную, спешно громящую всяческими бубенчиками на уздечке в цветных шерстяных помпонах и на остриях высокой медной седелки, с аршинным, трясущимся на бегу птичьим пером, торчащим из подстриженной челки. Извозчик молчал, был подавлен своей беспутностью, своими пороками, – тем, что он до последней полушки проиграл ночью все те медяки, которыми были полны его карманы. Но утро было свежее, на таком воздухе, среди моря, под утренним небом, хмель скоро улечивается и скоро возвращается беззаботность к человеку, да утешал извозчика и тот неожиданный заработок, что дал ему какой-то господин из Сан-Франциско, мотавший своей мертвой головой в ящике за его спиною.. Пароходик, жуком лежавший далеко внизу, на нежной и яркой синеве которой так густо и полно налит Неаполитанский залив, уже давал последние гудки – и они бодро отзывались по всему острову, каждый изгиб которого, каждый гребень, каждый камень был так явственно виден отовсюду, точно воздуха совсем не было. Возле пристани младшего портъе догнал старший, мчавший в автомобиле мисс и миссис, бледных с провалившимися от слез и бессонной ночи глазами. И через десять минут пароходик снова зашумел водой и снова побежал к Сорренто, к Каstellамаре, навсегда увозя от Капри семью из Сан-Франциско.. И на острове снова водворились мир и покой.

На этом острове, две тысячи лет тому назад, жил человек, совершенно запутавшийся в своих жестоких и грязных поступках, который почему-то забрал власть над миллионами людей и который, сам растерявшись от бессмысленности этой власти и от страха, что кто-нибудь убьет его из-за угла, наделал жестокостей сверх всякой меры, – и человечество навеки запомнило его, и те, что в совокупности своей, столь же непонятно и, по существу, столь же жестоко, как и он, властвуют теперь в мире, со всего света съезжаются смотреть на остатки того каменного дома, где он жил на одном из самых крутых подъемов острова. В это чудесное утро все, приехавшие на Капри именно с этой целью, еще спали по гостиницам, хотя к подъездам гостиниц уже вели маленьких мышастых осликов под красными седлами, на которые опять должны были нынче, проснувшись и наевшись, взгромоздиться молодые и старые американцы и американки, немцы и немки и за которыми опять должны были бежать по каменистым тропинкам, и все в гору, вплоть до самой вершины Монте-Тиберио, нищие каприйские старухи с палками в жилистых руках. Успокоенные тем, что мертвого старика из Сан-Франциско, тоже собиравшегося ехать с ними, но вместо того только напугавшего их напоминанием о смерти, уже отправили в Неаполь, путешественники спали крепким сном, и на острове было еще тихо, магазины в городе были еще закрыты. Торговал только рынок на маленькой площади – рыбой и зеленью, и были на нем одни простые люди, среди которых, как всегда, без всякого дела, стоял Лоренцо, высокий старик лодочник, беззаботный гуляка и красавец, знаменитый по всей Италии, не раз служивший моделью многим живописцам: он принес и уже продал за бесценок двух пойманных им ночью омаров, шуршавших в переднике повара того самого отеля, где ночевала семья из Сан-Франциско, и теперь мог спокойно стоять хоть до вечера, с царственной повадкой поглядывая вокруг, рисуясь своими лохмотьями, глиняной трубкой и красным шерстяным беретом, спущенным на одно ухо. А по обрывам Монте-Соляро, по древней финикийской дороге, вырубленной в скалах, по ее каменным ступенькам, спускались от Анакапри два абруццских горца. У одного под кожаным плащом была волянка, – большой козий мех с двумя дудками, у другого – нечто вроде деревянной цевницы. Шли они – и целая страна, радостная, прекрасная, солнечная, простирались под ними: и каменные горбы острова, который почти весь лежал у их ног, и та сказочная синева, в которой плавал он, и сияющие утренние пары над морем к востоку, под ослепительным солнцем, которое уже жарко грело, поднимаясь все выше и выше, и туманно-лазурные, еще по-утреннему зыбкие массивы Италии, ее близких и далеких гор, красоту которых бессильно выразить человеческое слово. На полпути они замедлили шаг: над дорогой, в гроте скалистой стены Монте-Соляро, вся озаренная солнцем, вся в тепле и блеске его, стояла в белоснежных гипсовых одеждах и в царском венце, золотисто-ржавом от непогод, мать божия, кроткая и милостивая, с очами, поднятыми к небу, к вечным и блаженным обителям трижды благословенного сына ее. Они обнажили головы, приложили к губам свои цевницы – и полились наивные и смиренно-радостные хвалы их солнцу, утру, ей, непорочной заступнице всех страждущих в этом злом и прекрасном мире, и рожденному от чрева ее в пещере Вифлеемской, в бедном пастушеском приюте, в далекой земле Иудиной..

Тело же мертвого старика из Сан-Франциско возвращалось домой, в могилу, на берега Нового Света. Испытав много унижений, много человеческого невнимания, с неделю пространствовал из одного портового пакгауза в другой, оно снова попало, наконец, на тот же самый знаменитый корабль, на котором так еще недавно, с таким

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru почетом везли его в Старый Свет. Но теперь уже скрывали его от живых – глубоко спустились в просмоленном гробе в черный трюм. И опять, опять пошел корабль в свой далекий морской путь. Ночью плыл он мимо острова Капри, и печальны были его огни, медленно скрывавшиеся в темном море, для того, кто смотрел на них с острова. Но там, на корабле, в светлых, сияющих люстрами и мрамором залах, был, как обычно, людный бал в эту ночь.

Был он и на другую и на третью ночь – опять среди бешеной вьюги, проносившейся над гудевшим, как погребальная месса, и ходившим траурными от серебряной пены горами океаном. Бесчисленные огненные глаза корабля были за снегом едва видны Дьяволу, следившему со скал Гибралтара, с каменистых ворот двух миров, за уходившим в ночь и вьюгу кораблем. Дьявол был громаден, как утес, но еще громаднее его был корабль, многоярусный, многотрубный, созданный гордыней Нового Человека со старым сердцем Вьюга билась в его снасти и широкогорлые трубы, побелевшие от снега, но он был стоек, тверд, величав и страшен. На самой верхней крыше его одиноко высились среди снежных вихрей те уютные, слабо освещенные покои, где, погруженные в чуткую и тревожную дремоту, надо всем кораблем восседал его грузный водитель, похожий на языческого идола. Он слышал тяжкие завывания и яростные взвизгивания сирены, удушаемой бурей, но успокаивал себя близостью того, в конечном итоге для него самого непонятного, что было за его стеною той большой как бы бронированной каюты, что то и дело наполнялась таинственным гулом, трепетом и сухим треском синих огней, вспыхивавших и разрывавшихся вокруг бледнолицего телеграфиста с металлическим полуобручем на голове. В самом низу, в подводной утробе «Атлантиды», тускло блистали сталью, сипели паром и сочились кипятком и маслом тысячепудовые громады котлов и всяческих других машин, той кухни, раскаляемой исподу адскими топками, в которой варилось движение корабля, – клокотали страшные в своей сосредоточенности силы, передававшие в самый киль его, в бесконечно длинное подземелье, в круглый туннель, слабо озаренный электричеством, где медленно, с подавляющей человеческую душу неукоснительностью, вращался в своем маслянистом ложе исполинский вал, точно живое чудовище, протянувшееся в этом туннеле, похожем на жерло. А середина «Атлантиды», столовые и бальные залы ее изливали свет и радость, гудели говором нарядной толпы, благоухали свежими цветами, пели струнным оркестром. И опять мучительно извивалось и порою судорожно сталкивалась среди этой толпы, среди блеска огней, шелков, бриллиантов и обнаженных женских плеч, тонкая и гибкая пара нанятых влюбленных: грешно скромная, хорошенькая девушка с опущенными ресницами, с невинной прической и рослый молодой человек с черными, как бы приклеенными волосами, бледный от пудры, в изящнейшей лакированной обуви, в узком, с длинными фалдами, фраке – красавец, похожий на огромную пиявку. И никто не знал ни того, что уже давно наскучило этой паре притворно мучиться своей блаженной мукой под бесстыдно-грустную музыку, ни того, что стоит гроб глубоко, глубоко под ними, на дне темного трюма, в соседстве с мрачными и знойными недрами корабля, тяжело одолевающего мрак, океан, вьюгу...

Васильевское. 10.1915

Сын

Госпожа Маро родилась и выросла в Лозанне, в строгой честной семье. Замуж вышла она по любви. В марте 76 года, среди пассажиров старого французского парохода «Овернь», шедшего из Марселя в Италию, оказалась чета новобрачных. Дни стояли тихие, прохладные, море серебристыми зеркалами терялось в туманных весенних далах, новобрачные не сходили с палубы. И все любовались ими, все глядели на их счастье с дружелюбными улыбками: у него это счастье сказывалось в бодром, резком взгляде, в потребности движения, в оживленной приветливости с окружающими, у нее – в том радостном интересе, с которым она воспринимала все... Новобрачные эти были Маро.

Он был старше ее, ростом был невелик, лицом смугл, волосом курчав; рука у него была сухая, голос чистый и звучный. А в ней чувствовалась примесь какой-то иной, не романской крови; она казалась чуть-чуть высока, при темных волосах глаза у нее были серо-синие. Через Неаполь, Палермо и Тунис они проехали в Константину, в Алжирию, где г. Маро получил довольно видный пост. И жизнь в Константине, те четырнадцать лет, что прошли с этой счастливой весны, дали им достаток, семейный лад, здоровых, красивых детей.

За четырнадцать лет Маро очень изменились по внешности: он стал черен лицом, как араб, поседел и подсох, многие принимали его за уроженца Алжирии; никто не узнал бы и в ней ту прежнюю, что когда-то плыла на «Оверни»: тогда даже в туфельках ее было очарование молодости; теперь и у нее в волосах серебрилось, тоньше, золотистее стала кожа, похудели руки, и в уходе за ними, в прическе, в белье, в одежде уже проявляла она какую-то излишнюю опрятность. Жили они каждый по-своему: у него время было наполнено работами, – он оставался все тем же и страстным и трезвым, каким был и прежде, у нее – заботами о нем и о детях, о двух хорошеньких девочках, из которых старшая была уже почти барышня; и в один голос говорили все, что нет в Константине лучшей хозяйки, лучшей матери и более милой собеседницы в гостиной, чем г-жа Маро.

Дом их стоял в тихом и чистом квартале. Со второго этажа, из парадных комнат, всегда полутемных от закрытых жалюзи, была видна Константина, славная на весь мир своей живописностью: на косых скалах лежит эта древняя арабская крепость, ставшая французским городом. Окна семейных покоев, тенистых и прохладных, смотрели в сад, – там, в вечном зное и блеске, дремали вековые эвкалипты, сикоморы, пальмы, обнесенные высокими стенами. А хозяйка вела то замкнутое существование, на которое обречены в колониях жены всех европейцев. По воскресеньям она неизменно бывала в церкви. В будни выезжала редко и держалась небольшого избранного круга. Она читала, занималась рукоделием, училась с детьми; иногда, посадив себе на колени черноглазую Мари и одной рукой играя на рояли, пела старинные французские песенки, меж тем как горячий ветер широко входил из сада в открытые окна. Константина, затворившая все свои ставни и нещадно палимая солнцем, казалась в эти часы мертвым городом; только вскрикивали сивоворонки в садах да меланхолически, тоской колониальных стран, звучали рожки горнистов по загородным холмам, где порою глухим стуком сотрясали землю пушки и мелькали белые солдатские шлемы.

Дни шли однообразно, но никто не замечал, чтобы г-жа Маро тяготилась однообразием жизни. В характере ее не проявлялось ни повышенной чувствительности, ни излишней нервности. Здоровье ее нельзя было назвать очень крепким, но оно не доставляло тревог г-ну Маро. Поразил его только один случай: однажды, в Тунисе, араб-фокусник так быстро и глубоко усыпил ее, что она насилу пришла в себя. Но это было еще во время переезда из Франции; с тех пор таких резких падений воли, такой болезненной восприимчивости она не испытывала. И г. Маро был спокоен и убежден, что душа ее безмятежна и открыта для него. Но вот появился в Константине некто Эмиль Дю-Бюи.

Эмилю Дю-Бюи, сыну г-жи Боннэ, давней и хорошей знакомой г-жи Маро, было всего девятнадцать лет. Г-жа Боннэ, вдова, кроме Эмиля, рожденного ею в первом браке, выросшего в Париже и теперь изучавшего право, всего же более занятого сочинением только одному ему понятных стихов и причислявшего себя к несуществующей поэтической школе «Искателей», имела еще дочь Элизу. В мае 89 года Элиза готовилась к венцу, но, вдруг заболев, умерла. Эмиль, дотоле никогда не бывший в Константине, приехал на похороны Легко понять, как тронула г-жу Маро эта смерть, смерть девушки, уже примерявшей венчальную фату; известно и то как просто устанавливается при таких обстоятельствах близость между людьми, даже едва узнавшими друг друга. К тому же Эмиль и в самом деле был для г-жи Маро только мальчиком. Вскоре после похорон г-жа Боннэ уехала к родным, во Францию. Эмиль же остался в Константине, на загородной даче своего покойного отчима, на вилле Хашим, и стал почти ежедневно бывать у Маро. Каков бы он ни был, чем бы он ни притворялся, все же он был очень молод, очень чувствителен и нуждался в людях, к которым мог бы прибегнуть на время. «И не странно ли, – говорили некоторые, – г-жа Маро стала неузнаваема. Как она похорошела!»

Однако эти иносказания были неосновательны. Вначале было только то, что немного веселее стала ее жизнь да игривей, кокетливее стали ее девочки, ибо Эмиль, поминутно забывая о своем горе и о том яде, которым, как он думал, отравил его «конец века», иногда по целым часам возился с Мари и Луизой совсем как равный. Правда, все же он был парижанин и не совсем обычный: он участвовал в той недоступной для простых смертных жизни, которой жили парижские писатели, он часто, с какой-то сомнамбулической выразительностью, читал странные, но звучные стихи; и, может быть, благодаря именно ему, легче и быстрее стала походка г-жи Маро, чуть-чуть наряднее ее туалеты, ласковей и насмешливей оттенки ее голоса; может быть, и была в ее душе капля чисто женской радости, что вот есть человек, которым можно слегка повелевать, с которым можно говорить с полумутливой наставительностью, с той свободой, что так естественно допускалась разницей в

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
летах, и который так предан всему ее дому, где, однако, первым лицом, – это, конечно, очень скоро обнаружилось, – была для него она. Но ведь как обычно все это! А главное, чаще всего он был только жалок ей.

Он, почитавший себя прирожденным поэтом, хотел и по наружности походить на поэта; он носил длинные, закинутые назад волосы, одевался с аристократической скромностью; волосы у него были красивые, коричневые и шли к его бледному лицу, равно как и черная одежда; но бледность эта была слишком бескровная, с желтым налетом; глаза у него постоянно блестели, от изможденного лица казались лихорадочными; и так суха и плоска была его грудь, так тонки ноги, так худы руки, что становилось как-то неловко, когда он не в меру оживлялся и бежал по улице или по саду, немного подавшись вперед, как бы скользя, чтобы скрыть свой недостаток, то, что одна нога была у него короче другой; в обществе он старался быть загадочным, небрежным, порой изящно-дерзким, порой презрительно-рассеянным и во всем независимым; но уж слишком часто не доигрывал он ролей, срывался и начинал говорить с какой-то наивной откровенностью и поспешностью. И, конечно, недолго сумел он таить свои чувства, притворяться не верящим в любовь и счастье на земле: вскоре о его влюбленности знал весь дом. Он уже стал докучать хозяину своими посещениями; стал каждый день привозить с виллы букеты самых редких цветов, сидеть с утра до вечера, читать стихи все более непонятные, – дети не раз слышали, как заклинал он кого-то умереть вместе с ним – а по ночам пропадать в туземных кварталах, в тех притонах, где арабы, закутанные в грязно-белые бурнусы, жадно глядят на «танцы живота» и пьют самые острые ликеры... Короче сказать, не прошло и месяца, как влюбленность его перешла бог знает во что.

Нервы его совсем перестали служить ему. Однажды чуть не целый день сидел он молча, затем встал, поклонился, взял шляпу и вышел, – а через полчаса был принесен с улицы в ужасном состоянии: он бился в истерике, он так страстно рыдал, что перепугал и детей и прислугу. Но г-жа Ма-ро, казалось, не придавала особого значения и этому исступлению. Она сама приводила его в чувство, развязывая ему галстук, и только усмехалась, когда он, без всякого стеснения перед мужем, хватал, покрывая поцелуями, ее руки и клялся в своей бескорыстной преданности. Все же надо было положить конец всему этому. Когда, через несколько дней после припадка, Эмиль, о котором дети скоро соскучились, явился уже успокоенный, г-жа Маро мягко сказала ему все, что говорят в таких случаях.

– Друг мой, вы ведь как сын для меня, – сказала она ему, впервые произнося это слово, – сын, – и в самом деле чувствуя материнскую нежность к нему. – Не ставьте же меня в смешное и мучительное положение.

– Но клянусь вам, что вы ошибаетесь! – воскликнул он с искренней страстностью. – Я только предан вам, я только видеть хочу вас, и ничего более!

И вдруг упал на колени, – они были в саду, в тихий и жаркий, сумрачный вечер, – порывисто охватил ее бедра, близкий от страсти к обмороку... И, глядя на его волосы, на его белую тонкую шею, она, с болью и восторгом, подумала:

«Ах, да, да, у меня мог быть вот почти такой же сын!»

Все-таки с этих пор, до самого отъезда во Францию, только раз вновь не сдержал он себя. Как-то после воскресного обеда, за которым присутствовали и посторонние, он, совсем не думая о том, что это может быть всеми замечено, сказал ей вдруг:

– Очень прошу вас уделить мне одну минуту...

Она встала и пошла за ним в пустой полутемный зал.

Он подошел к окну, в которое сквозь жалюзи продольными полосками проникал снаружи вечерний свет, и, глядя ей прямо в лицо, сказал:

– Нет, я люблю вас!

Она повернулась, чтобы уйти. Испуганный, он поспешно прибавил:

– Простите меня, это первый и последний раз!

И точно, новых признаний она от него не слыхала. – «Я очарован был ее

смущением, – писал он в этот вечер в своем дневнике своим изысканным и напыщенным слогом. – Я поклялся не нарушать более покоя: разве и без того не блажен я?» – Он продолжал ездить в город, только ночевал на вилле Хашим, – и вел себя разное, но всегда более или менее пристойно. Иногда он бывал по-прежнему как-то некстати резв, наивен, бегал с детьми по саду; чаще же всего сидел возле нее и «упивался ее присутствием», читал ей романы и «счастлив был, что она его слушает». «Дети не мешали нам, – писал он об этих днях, – их голоса, смех, возня, самые существа их служили как бы тончайшими проводниками наших чувств; благодаря им, эти чувства были еще очаровательнее. Мы вели беседы самые обыденные, но звучало в них другое – наше счастье: да, да, и она была счастлива! Она любила, когда я декламировал; по вечерам, с балкона, мы созерцали Константинову, лежащую у наших ног в голубом лунном сиянии...» Наконец, в августе, г-жа Маро настояла, чтобы он уехал, возвратился к своим занятиям, и в дороге он писал: «Я уезжаю! уезжаю, отравленный горькой сладостью разлуки! Она подарила мне на память бархатку, которую носила на шее в девушках. Она благословила меня, и я видел влажный блеск в ее глазах, когда она сказала мне: „Прощайте, дорогой сын мой!“»

Прав ли он был, что и г-жа Маро была счастлива, неизвестно. Но что его отъезд оказался для нее весьма тяжел, несомненно. И прежде, встречая на пути в церковь знакомых, говоривших ей в шутку. «О чем вам молиться, г-жа Маро, вы и так безгрешны и счастливы!» – не раз отвечала она с грустной улыбкой: «Я жалею богу, что он лишил меня сына...» Теперь мысль о сыне, о том счастье, которое непрерывно давал бы он ей даже одним существованием своим на свете, не оставляла ее.

– Теперь я все поняла, – сказала она однажды мужу. – Я теперь твердо знаю, что каждая мать должна иметь сына, что каждая женщина, у которой сына нет, несчастна. О, как нежно и страстно можно любить сына!

Она была очень ласкова с мужем в эту осень. Случалось, что, оставшись с ним наедине, она вдруг застенчиво говорила ему:

– Гектор, послушай... Мне уже совестно спрашивать тебя об этом, но все-таки... Ты когда-нибудь вспоминаешь март 76 года? Ах, если бы у нас с тобой был сын!

«Все это очень меня смущало, – рассказывал впоследствии г. Маро, – смущало тем более, что она стала очень худеть. Она слабела, делалась все молчаливее и мягче характером. У знакомых она бывала все реже, в город выезжать избегала... Я не сомневаюсь, что какой-то странный и непонятный недуг овладел ее душой и телом!» А бонна прибавляла, что, выезжая в эту осень, г-жа Маро непременно надевала белую густую вуаль, чего прежде не делала, что, возвратясь домой, она тотчас поднимала вуаль перед зеркалом и пристально разглядывала свое усталое лицо. Излишне пояснять, что совершалось в душе ее за это время. Но хотела ли она видеть Эмиля? Он представил суду две депешы, отправленные ею в ответ на его письма. Одна была от 10 ноября: «Вы сводите меня с ума. Успокойтесь. Немедленно дайте весть о себе». Другая от 23 декабря: «Нет, нет, не приезжайте, умоляю вас. Думайте обо мне, любите меня как мать». Однако достоверно только то, что с сентября по январь г-жа Маро жила тревожно, болезненно.

Осень того года была в Константине холодна и дождлива. Потом, как всегда это бывает в Алжире, сразу наступила восхитительная весна. И к г-же Маро снова стало возвращаться оживление, тот блаженный хмель, который испытывают в пору весеннего расцвета люди, уже пережившие молодость. Она снова стала выезжать, много каталась с детьми, бывала с ними в саду опустевшей виллы Хашим, собиралась проехать в Алжир, показать детям Блиду, возле которой есть в горах лесистое ущелье, излюбленное обезьянами... И так шло вплоть до семнадцатого января девяностого года. Семнадцатого января она проснулась от какого-то необыкновенного и нежного чувства, волновавшего ее как казалось, всю ночь. В большой комнате, где за отсутствием мужа, надолго уехавшего по делам службы она спала одна, было почти темно от жалюзи и гардин. Все же по той голубой бледности, что проникала из-за них, можно было понять, что светает. И точно, часики на ночном столике показывали шесть. С наслаждением ощущая утреннюю свежесть, входившую из сада, она закуталась в легкое одеяло повернулась к стене... «Почему мне так хорошо?» – подумала она, забываясь. И смутными, прекрасными видениями стали представляться ей картины Италии, Сицилии, картины той далекой весны, когда плыла она в каюте с окнами на палубу, на холодное серебристое море, с портьерами из высохшего от времени и поблекшего красного шелка, с высоким

порогом, сиявшим стертой от долголетней чистки медью... Потом увидела она безграничные; морские заливы, лагуны, низменности, большой арабский город, весь белый, с плоскими крышами, и волнистые туманно-голубые холмы за ним. Это был Тунис, в котором она была только раз, в ту же весну, что и в Неаполе, в Палермо... Но тут точно холод волной прошел по ней – и, вздрогнув, она открыла глаза. Был уже десятый час, слышались голоса детей, голос их бонны. Она встала, накинула халат и, выйдя на балкон, спустились в сад, села в качалку, стоявшую на песке возле круглого стола, под цветущей мимозой, раскинувшей над ним свой золотой намет, благоухавший на припеке. Горничная принесла ей кофе. Она опять стала думать о Тунисе – и вспомнила то странное, что было там с нею, тот сладкий страх и то блаженное безволие как бы предсмертных минут, что испытала она в этом бледно-голубом городе в теплые розовые сумерки, полулежа в качалке на крыше отеля, слабо видя темное лицо араба, гипнотизера и фокусника, сидевшего на корточках переднею, усыплявшего ее своими чуть слышными, однотонными напевами и медленными движениями худых рук. И вдруг, думая и пристально глядя широко раскрытыми глазами на яркую серебряную искру, которой горела на солнце ложечка в стакане с водой, потеряла сознание. Когда же внезапно очнулась, – над ней стоял Эмиль.

Все то, что совершилось вслед за этой неожиданной встречей, известно со слов самого Эмиля, по его рассказу, по его ответам на допросах. – Да, я точно с неба упал в Константино! – рассказывал он. – Я приехал потому, что понял, что сами силы небесные не могут остановить меня. Утром семнадцатого января я прямо с вокзала, без всякого предупреждения, явился в дом г. Маро. Я был ошеломлен тем, что представилось моим глазам в саду, но едва сделал шаг, как она очнулась. Она, казалось, тоже была изумлена и неожиданностью моего появления, и тем, что было с нею, но даже не издала восклицания, Поглядев на меня, как человек, только что очнувшийся от сна, она поднялась с места, оправляя волосы.

– Вот так я и предчувствовала, – невыразительно сказала она. – Вы не послушались меня!

И, взяв мою голову обеими руками, два раза поцеловала меня в лоб.

Я потерялся от восторга, но она тихо отстранила меня:

– Идем, я не одета, я сейчас вернусь.

– Но, ради бога, что такое было с вами? – спросил я, всходя за нею на балкон.

– О, пустяк, легкое оцепенение, я засмотрелась на блестящую ложечку, – отвечала она, овладевая собой и начиная говорить оживленнее. – Но что вы сделали, что вы сделали!

В доме было пусто и тихо, я сел в столовой, слышал, как она вдруг запела в дальней комнате сильным, звучным голосом, но тогда я не понял всего ужаса этого звука. Я не спал всю ночь, я считал минуты, пока поезд мчал меня к Константине, я вскочил в первый попавшийся фиакр, выбежав из вокзала, я не чаял подняться в город... Я знал, я тоже предчувствовал, что мой приезд будет роковым для нас; но все же того, что я увидел в саду, этой мистической встречи и столь резкого перелома в ее обращении со мной, я не мог ожидать! Через десять минут она вышла в легком светло-сером платье с оттенком ириса.

– Ах, – сказала она, пока я целовал ее руку, – я и забыла, сегодня воскресенье, дети в церкви, а я проспала... Дети после церкви пойдут в сосновую рощу, – вы бывали там?

И, не ожидая моего ответа, позвонила, приказала подать мне кофе и села, стала пристально глядеть на меня и, не слушая, расспрашивать, как я жил, что делал, стала говорить о себе, о том, что после двух или трех очень дурных для нее месяцев, в течение которых она «ужасно постарела», – эти слова были произнесены с какой-то непонятной улыбкой, – она чувствует себя так хорошо, так молодо, как ни когда... Я отвечал, слушал, но многого не понимал; у меня холодели руки от близости иного, страшного и неотвратимого часа. Я не отрицаю – меня точно молния ослепила, когда она сказала: «Я постарела...» Я вдруг увидел, что она права: в худобе ее рук и поблекшего, хотя и впрямь помолодевшего лица, в сухости некоторых очертаний тела я уловил первые знаки того, что заставляет так больно и даже как-то неловко, – но тем страстнее! – сжиматься наше сердце при виде

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
старейшей женщины. Ах да, как быстро и резко изменилась она! Но все же она была прекрасна, я пьянел, глядя на нее. Я привык без конца мечтать о ней, я не забыл того мига, когда вечером одиннадцатого июля впервые обнял ее колени. Дрожали и ее руки, когда она поправляла прическу, улыбалась и глядела на меня, – и вдруг – вы поймете всю катастрофическую силу этого мгновения! – вдруг эта улыбка как-то исказилась, и она с трудом, но твердо выговорила:

– Вам все же надо поехать к себе, отдохнуть с дороги, – на вас лица нет, у вас такие страдальческие, ужасные глаза и горящие губы, что я не в силах больше видеть этого... Хотите, я поеду с вами, провожу вас?

И встала и пошла, чтобы взять шляпу и мантилью...

Мы быстро приехали на виллу Хашим. Я задержался у крыльца, чтобы нарвать цветов. Она не стала ждать меня, сама отворила дверь. Прислуги у меня не было, был только сторож, он не видел нас. Когда я вступил в полутемную от закрытых жалюзи переднюю и подал ей цветы, она поцеловала их, потом, обняв меня одной рукой, поцеловала меня. От волнения губы ее были сухи, но голос ясен.

– Но послушай... как же мы... есть что-нибудь с тобой? – спросила она.

Я сперва не понял ее, так потряс меня этот первый поцелуй, это первое «ты», и пробормотал:

– Что ты хочешь сказать?

Она отступила назад.

– Как? – сказала она с изумлением, почти строго. – Неужели ты думал, что я... что мы можем жить после этого? Есть ли у тебя что-нибудь, чтоб умереть?

Я спохватился и поспешил показать ей заряженный револьвер, с которым никогда не расставался.

Она быстро пошла вперед, из комнаты в комнату. Всюду была полутьма. Я следовал за ней с тем помутнением всех чувств, с которым раздетый человек идет в знойный день в море, – слыша только шелест ее шелковых юбок. Наконец ми пришли; она сбросила мантилью и стала развязывать ленты шляпы. Руки ее дрожали, и я еще раз заметил сквозь сумрак что-то очень жалкое в ее лице...

Но умерла она твердо. В последние мгновения она преобразилась. Целуя меня и отстраняясь, чтобы видеть мое лицо, она сказала мне шепотом несколько столь нежных и трогательных слов, что я не в силах повторить их.

Я хотел пойти нарвать еще цветов, чтобы осыпать ими наше погребальное ложе. Она не пустила меня, она торопилась, она говорила: «Нет, нет, не надо... цветы есть... вот твои цветы!» – и все повторила:

– Итак, заклинаю тебя всем для тебя священным, что ты убьешь меня!

– Да, а затем себя, – сказал я, ни секунды не сомневаясь в своей решимости.

– О, я верю, верю, – отвечала она уже как бы в забытьи...

За минуту до смерти она сказала очень тихо:

– Боже мой, этому имени нет!

И еще:

– Где цветы, что ты дал мне? Поцелуй меня – в последний раз.

Она сама приставила дуло к виску. Я хотел выстрелить, она остановила меня:

– Нет, нехорошо, дай я поправлю. Вот так, дитя мое... А потом перекрести меня и положи мне цветы на грудь...

Когда я выстрелил, она сделала легкое движение губами. Я выстрелил еще раз...

Она лежала спокойно. Волосы ее были распущены, черепаховый гребень валялся на полу. Я, шатаюсь, встал, чтоб покончить с собой. Но в комнате, несмотря на жалюзи, было светло, я резко видел в этом свете ее уже побледневшее лицо... И тут мной вдруг овладело безумие, я бросился к окну, раскидал, распахнул ставни, стал кричать и стрелять в воздух... Остальное вы знаете...

1916

Казимир Станиславович: #comm007

На пожелтевшей визитной карточке с дворянской короной молодой швейцар дешевой московской гостиницы «Версаль» кое-как прочел только имя-отчество: Казимир Станиславович; дальше следовало нечто еще более трудное для произношения. Повертев карточку в руках, он заглянул в паспорт, поданный приезжим вместе с нею, пожал плечом, – никто из приезжающих в «Версаль» не предъявлял визитных карточек, – бросил то и другое в столик и опять стал глядеться в серебристо-молочное зеркальце над столиком, взбивая гребешком свои густые волосы. Был он в поддевке и расчищенных сапогах, золотой позумент на его картузе был засален, – гостиница была и дешевая и скверная. Казимир Станиславович выехал из Киева в Москву восьмого апреля, по чьей-то телеграмме, заключавшей в себе только одно слово: «Десятого». Деньги у него откуда-то взялись, сел он в купе второго класса, серое, тусклое, но, верно, дававшее ему ощущение роскоши, комфорта. В дороге топили, и это вагонное тепло, запах калорифера и тугое постукивание молоточков в нем могли напомнить Казимиру Станиславовичу другие времена. Порой казалось, что вернулась зима, белая, очень белая метель заносила в полях щетину рыжих жнивий и большие свинцовые лужи, где плавали дикие утки; но метель эта часто и неожиданно прекращалась, таяла, поля прояснялись, за облаками чувствовалось много света, а на станциях чернели мокрые платформы и кричали в голых тополях грачи. Казимир Станиславович на каждой большой станции выходил к буфету, возвращался в вагон с газетами в руках, но не читал их, а сидел и тонул в дыму своих толстых папирос, горевших жарко, с искрами, и ни с кем из соседей, – одесских евреев, всю дорогу игравших в карты, – не говорил ни слова. На нем было осеннее пальто с обитыми карманами, очень старый креповый цилиндр и новая, но грубая, базарная обувь. Руки его, характерные руки привычного пьяницы и давнего жильца подвалов, зажигая спички, тряслись. О бедности и пьянстве свидетельствовало и все прочее: отсутствие манжет, заношенный бумажный воротничок, ветхий галстук, воспаленное и донельзя измятое лицо, ярко-голубые слезящиеся глаза. Баки его были крашены плохой коричневой краской, вид имели неестественный. Глядел он устало и презрительно.

В Москву поезд пришел на другой день совсем не вовремя, опоздал на целых семь часов. Погода была неопределенная, но лучше и суше киевской, с чем-то волнующим в воздухе. Казимир Станиславович взял извозчика без торга и велел везти себя прямо в «Версаль». «Я, брат, – сказал он, неожиданно нарушая свое молчание, – эту гостиницу еще со студенческих времен знаю». Из «Версаля», как только внесли в номер его корзинку, перевязанную толстой веревкой, он тотчас же вышел.

Вечерело, воздух был тепел, зеленели черные деревья на бульварах, всюду было много народа... Одиноко человеку, прожившему и погубившему свою жизнь, в весенний вечер в чужом людном городе! Казимир Станиславович пешком прошел весь Тверской бульвар, снова увидел вдали чугунную фигуру задумавшегося Пушкина, золотые и сиреневые главы Страстного монастыря... В кофейне Филиппова он пил шоколад, рассматривал истрепанные юмористические журналы. Выйдя, постоял в нерешительности, глядя на огненную сквозную вывеску кинематографа, сиявшую вдали по Тверской в синеющих сумерках. Потом поехал в ресторан на бульваре, тоже знакомый со студенческих времен. Вез его старик, согнутый в дугу, печальный, сумрачный, глубоко погруженный в себя, в свою старость, в свои мутные думы, мучительно и нудно помогавший всю дорогу своей ленивой лошади всем существом своим, все время что-то бормотавший ей, иногда ядовито укорявший ее, и наконец довез, – свалил с плеч очередную тяжесть и глубоко вздохнул, принимая деньги.

– А я не разобрал, думал, тебе в «Брагу», – медленно поворачивая лошадь, проговорил он даже как будто недовольно, хотя «Прага» была дальше.

– Помню, старик, и «Прагу», – ответил Казимир Станиславович. – А давно ты,

– Езжу-то? – спросил старик, – Пятьдесят второй год езжу...

– Значит, может быть, и меня возил, – сказал Казимир Станиславович.

– Может, и возил, – ответил старик сухо. – На свете народу много, всех вас не упомнишь...

От прежнего ресторана, известного Казимиру Станиславовичу, осталось одно звание. Теперь это был большой низкопробный ресторан. Над подъездом горел электрический шар, гелиотроповым, неприятным светом озарявший лихачей второго сорта, наглых и беспощадных к своим запаленным, костлявым рысакам, тяжело ревушим на бегу. В сырых сенях стояли горшки с тропическими растениями, из тех, что переезжают с похорон на свадьбы и обратно. В лакейской к Казимиру Станиславовичу кинулось сразу несколько человек и все с такими же густыми клубами волос, как у швейцара «Версаля». В большом зеленоватом зале со множеством широких зеркал и с малиновой лампадкой, теплившейся в углу, было еще пусто и зажжено всего несколько рожков. Казимир Станиславович долго сидел один. Чувствовалось, что еще не совсем стемнел за окнами в белых шторах долгий весенний вечер, слышалось с улицы цоканье копыт по мостовой; однообразно плескался среди зала фонтанчик в аквариуме, где ходили облезлые золотые рыбки, откуда-то снизу, сквозь воду, освещенные. Белый половой подал прибор, хлеб, графинчик холодной водки. Казимир Станиславович стал пить водку без закуски, давил ее во рту, прежде чем проглотить, а проглотив, стискивал зубы и как будто с отвращением нюхал черный хлеб. Вдруг, даже испугав его, загрохотала на весь зал и запела машина – смесь из русских песен, то преувеличенно бурных, бесшабашных, то не в меру нежных, протяжных, задумчиво-грустных... И у Казимира Станиславовича покраснели глаза, подернулись слезами...

Потом седой, кудрявый грузин принес ему на железной пике полусырой пахучий шашлык, с каким-то развратным щегольством срезал мясо на тарелку и, для пущей азиатской простоты, собственноручно посыпал луком, солью и ржавым порошком барбариса, меж тем как машина гремела в пустом зале подмывающим к едким изгибам и подскакиваниям кекуоком... Потом подавали Казимиру Станиславовичу рокфор, красное вино, кофе, нарзан, ликеры... Машина давно смолкла. Вместо нее играл на эстраде оркестр немок в белых платьях, освещенный и все наполнявшийся народом зал нагрелся, потускнел от табачного дыма, густо насытился запахом кушаний; половые косились вихрем, пьяные требовали сигар, от которых их тошнило; метрдотели расточали крайнюю заботливость, соединенную с напряженным соблюдением собственного достоинства; в зеркалах, в их мутно-водянистых безднах отражалось что-то огромное, шумное, сложное; Казимир Станиславович несколько раз выходил из жаркого зала в прохладные коридоры, в холодную уборную, где странно пахло морем, шел точно по воздуху и, возвратясь, снова требовал вина. Во втором часу, закрывая глаза и сквозь ноздри втягивая в свою одурманенную голову ночную свежесть, он летел на лихаче, на высокой пролетке с дутыми шинами, за город, в публичный дом, видел вдаль бесконечные цепи поздних огней, убежавших куда-то под гору и снова поднимавшихся в гору, но видел так, точно это был не он, а кто-то другой; в публичном доме он чуть не подрался с каким-то полным господином, который, наступая на него, кричал, что его знает вся мыслящая Россия; потом одетый лежал на широкой постели, покрытой стеганым атласным одеялом, в небольшой комнате, полуосвещенной с потолка голубым фонарем, приторно пахнущей душистым мылом, с платьями, навешенными на крюк на двери; возле постели стояла ваза с фруктами; девушка, обязанная занимать Казимира Станиславовича, молча, жадно, со вкусом ела грушу, обрезая ее ножичком, а ее подруга, с голыми толстыми руками, в одной рубашке, делавшей ее похожей на девочку, быстро писала письмо на туалетном столике, не обращая на них никакого внимания; она писала и плакала – о чем? На свете народу много, всего не узнаешь...

Десятого апреля Казимир Станиславович проснулся поздно. Судя по тому, как испуганно открыл он глаза, можно было понять, что его на мгновение ошеломила мысль о том, что он в Москве и что было вчера. Он вернулся не ранее пятого часа. Он шатался, поднимаясь по лестнице «Версаля», однако без ошибки пошел к своему номеру по длинному вонючему туннелю коридора, где только в самом начале сонно коптила лампочка. Возле всех номеров стояли сапоги и башмаки, – все людей чужих, неизвестных друг другу. Внезапно одна дверь, пахнув на Казимира Станиславовича почти ужасом, растроилась, на пороге ее появился старик в халате, похожий на плохого актера, играющего «Записки сумасшедшего», и Казимир Станиславович увидал

лампу под зеленым колпаком и тесно заставленную комнату, берлогу одинокого, старого жильца, с образами в углу и несметными коробками из-под папиросных гильз, чуть не до потолка наложенными одна на другую возле образов... Неужели это был тот же самый полоумный составитель жизнеописаний угодников, что жил в «Версале» двадцать три года тому назад? В темном номере Казимира Станиславовича было страшно душно от какой-то едкой и пахучей суши. Свет слабо проникал в темноту из окна над дверью. Казимир Станиславович зашел за перегородку, снял цилиндр со своих очень редких, нафиксатуаренных волос, кинул пальто в изголовье голой кровати... Все закружилось под ним, как только он лег, понеслось в пропасть, и он мгновенно заснул. Во сне все время чувствовал он смрад железного умывальника, стоявшего возле самого его лица, а видел весенний день, деревья в цвету, зал большого барского дома и множество народа, со страхом ожидавшего, что вот-вот приедет митрополит, и это ожидание мучило, томило его всю ночь. Теперь по коридорам «Версаля» звонили, бежали, перекрикивались. За перегородкой, сквозь двойные пыльные стекла, светило солнце, было жарко... Казимир Станиславович снял пиджак, позвонил и стал умываться. Прибежал коридорный, остроглазый мальчишка с лисьим пухом на голове, в сюртуке и розовой косоворотке.

– Калач, самовар и лимон, – сказал Казимир Станиславович, не глядя на него.

– Чай, сахар наш прикажете? – с московской бойкостью спросил коридорный.

И через минуту влетел с кипящим самоваром на ладони возле плеча, мгновенно раскинул по круглому столу перед диваном скатерть, поднос со стаканом и полоскательницей, стукнул по подносу ножками самовара... Казимир Станиславович, пока настаивался чай, развернул «Московский листок», подсунутый коридорным вместе с самоваром; взгляд его упал на заметку о том, что вчера был где-то поднят в бессознательном состоянии неизвестный человек... «Пострадавший отправлен в больницу», – прочел он и бросил газету. Он почувствовал себя очень зыбко, плохо. Поднявшись, открыл окно, – оно выходило во двор, – и на него запахло свежестью и городом, понеслись изысканно-певучие крики разносчиков, звонки гудящих за противоположным домом конок, слитный треск экипажей, музыкальный гул колоколов... Город давно уже жил своей шумной, огромной жизнью в этот яркий весенний день. Выдавлив в стакан с чаем целый лимон, с жадностью выпив мутную кислую жидкость, Казимир Станиславович опять ушел за перегородку. «Версаль» затих. Взгляд лениво скользил по конторскому объявлению на стене: «Пробывши три часа, считается за сутки»; мышь гремела в комод, катая кусок сахара, оставленный каким-нибудь проезжим... Так, в полудремоте, Казимир Станиславович пролежал за перегородкой до тех пор, пока солнце не скрылось из комнаты и не потянуло в окно другой свежестью, уже предвечерней.

Тогда он тщательно привел себя в порядок: развязал корзинку, переменял белье, достал дешевенький, но чистый носовой платок, обмахнул щеткой лоснящийся сюртук, цилиндр и пальто, вынул из его продранного кармана и кинул в угол затертую киевскую газету. Одевшись и расчесав красящим гребнем баки, он подсчитал свои средства, – в кошельке его оставалось всего четыре рубля семь гривен, – и вышел. Ровно в шесть он был возле низенькой старинной церковки на Молчановке. За церковной оградой мелкой зеленью зеленело развесистое дерево, играли дети, – у одной худенькой девочки, прыгавшей через веревочку, все спал черныш чулочек, – и сидели на скамье, перед колясочками со спящими младенцами, кормилицы в русских нарядах. Все дерево трещало воробьями, воздух был мягок, – совсем, совсем летний, даже пылью пахло по-летнему, – и нежно золотилось вдали за домами небо над закатом, и чувствовалось, что в мире есть радость, молодость, счастье. В церкви уже горела люстра и стоял нагой, перед ним лежал коврик. Казимир Станиславович осторожно, стараясь не испортить прически, снял цилиндр, вступил в церковь несмело, – он не бывал в церквах уже лет тридцать, – и поместился в уголке, но так, чтобы ему было видно венчающихся. Он оглядывал расписные своды, поднимал глаза в купол, и каждое его движение, каждый вздох звучно отдавался в тишине. Церковь, блестя своим золотом, выжидательно потрескивала свечами. И вот, крестясь, но свободно, привычно стали входить священнослужители, певчие, потом старухи, дети, свадебные нарядные гости и озабоченные шафера. Когда же послышался шум возле паперти, захрустела колесами подъехавшая карета и все обратились ко входу и грянула встреча: «Гряди, голубица моя!» – Казимир Станиславович покрылся от сердцебиения смертельной бледностью и невольно двинулся вперед. И близко, близко прошла мимо него, даже фатой своей его коснулась и ландышем овейла та, которая даже не знала о его существовании на свете, прошла, склонив свою прелестную голову, вся в цветах и сквозном газе, вся белоснежная и непорочная, как принцесса, идущая к первому причастию... Жениха,

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
встретившего ее, низенького, широкоплечего, с желтым бобриком на темени, Казимир Станиславович едва видел. И за все время венчания только одно было перед его глазами: склоненная, в цветах и фате, голова и маленькая до боли в сердце милая, прелестная рука, с дрожью державшая горящую свечу, перевитую белой лентой с бантом...

В десятом часу вечера он был опять дома. Все пальто его пропахло весенним воздухом: после того как, выйдя из церкви, увидел он у паперти зеркальное, отражавшее закат стекло кареты, бело-атласной внутри, и в последний раз мелькнуло за этим стеклом лицо той, которую навсегда, навеки, увозили от него куда-то, он долго скитался по каким-то переулкам, выходил на Новинский бульвар... Теперь он медленно снял с себя пальто трясущимися руками, положил на стол бумажный мешочек с двумя зелеными огурцами, зачем-то купленными им с лотка разносчика... От них пахло весной даже сквозь бумагу, и по-весеннему, жидко серебрился в верхнее стекло окна апрельский месяц, высоко стоявший на еще не стемневшем небе. Казимир Станиславович зажег свечу, печально осветил свой пустой, случайный приют, сел на диван, ощущая на лице вечернюю свежесть... Так просидел он очень долго. Он не звонил, ничего не требовал, заперся на ключ, – все это показалось подозрительным коридорному, видешему, как он, шаркая ногами, входил в номер, как вынимал ключ из двери, чтобы запереться изнутри. Коридорный несколько раз пробирался на цыпочках к его двери и смотрел в замочную скважину: Казимир Станиславович сидел на диване и, трясясь и вытирая платком лицо, плакал так ужасно, так обильно, что с бакенбард его сходила и размазывалась по щекам коричневая краска.

Ночью он сорвал шнур с оконной шторы и, ничего не видя от слез, стал привязывать его к крюку вешалки. Но догоревшая свеча жутко полыхала, по запертому на ключ номеру плыли и дрожали страшные темные волны... Нет, умереть от своей руки он был не в силах!

Утром он уехал на вокзал часа за три до поезда. На вокзале он тихо ходил среди пассажиров с опущенными глазами, неожиданно приостанавливался то перед тем, то перед другим и вполголоса, ровно, без выражения, но довольно быстро говорил:

– Ради бога... Нахожусь в безвыходном положении... На билет до Брянска... Хоть несколько копеек...

И некоторые, стараясь не глядеть на его цилиндр, вытертый бархатный воротник пальто и на ужасное лицо с облинявшими фиолетовыми баками, торопясь и конфузясь, давали ему.

А потом он смешался с толпой, кинувшейся к выходу на платформу, и исчез в ней, меж тем как в «Версале», в номере, двое суток как бы принадлежавшем ему, выносили ведро из умывальника, распахивали на апрельское солнце окна и, грубо двигая стульями, выметали, вышвыривали сор, а вместе с сором – его разорванную записку, забытую им вместе с огурцами, упавшую под стол, под спустившуюся скатерть:

«В смерти моей прошу никого не винить...»

1916

Песня о гоце: #сomm008

Течет река к морю, идет год за годом. Каждый год зеленеет к весне серый лес над Днестром и Реутом.

Сто лет назад весна было не хуже, но правды на земле было еще меньше. Владели Молдавией стамбульские турки, на престол молдавский сажали господарями греков. Господарь жил султаном, боер, помещик, – господарем, а податной, сардарь – как господарь и боер вместе. За народ и за Христову правду стояли одни гоцы.

Посмотри, говорят в народе, посмотри в темноту за реку, если доведется тебе ехать по берегу ночью: ты увидишь скалы, черную пещеру в их обрыве, а в пещере – грудку тлеющего жара. Но то не жар, не угли, а червонные старые деньги. Вход в пещеру узок, с каменным порогом. У стены палево – каменный дымник, у стены

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru направо – каменное ложе. А над ложем ниши: в них когда-то стояли снятые иконы. И над каждой нишей вбит костыль из железа: на тех костылях теплились перед иконами лампы. Золото насыпано на полу посередине: не все успел раздать бедным гоц-войник, что жил в этой древней келье, до него служившей приютом святому божьему человеку. Верный конь гоца пасся на речном побережье. А самого гоца, – пусть радуется господь, его грешную душу! – носили на отдых в пещеру орлы на широких крыльях.

Был тот год не талгарь, не разбойник: конокрадам-фараонам ломал ноги, грабил одних богатых, из добычи оставлял себе сотую долю, остальное раздавал неимущим, убивал, только защищаясь, в среду и пятницу постился. Знаешь, какой наряд носил он? А такой, что любой пастух носит: ступни в свиной коже, шаровары и рубаха из холстины, за поясом нож, пистолы, плоска, – по-господски, фляга, – на голове баранья шапка, на плечах просторная манта из овечьей шерсти, за плечами – карабин короткий. А сам он был статен, как тополь, и, как дуб, крепок, силен, как волк, скор, как мысли, горяч, как любовь к милой, верен, как смерть, с бедным щедр и ласков, с властным – беспощаден; высоки, покаты были его плечи, широка, волосата грудь, топка талия, усы русые, длинные, лицо – словно золото с бронзой, глаза – огонь ясный.

На десятый год своих подвигов пошел гоц в святую ночь помолится в божьей церкви.

Он убил пятнадцать греков, – ты ведь их знаешь: положи в давилню десять турок, десять жидов некрещеных да десять собак паршивых, – потечет кровь грека; он ограбил тридцать сардарей, – они были богаче самого князя, снимали на подать крест и рубаху; он поймал в лесу и подковал конской подковой исправника-турка; он сложил сто двадцать песен, выпил вина сорок бочек, танцевал и в корчмах и на свадьбах; у него был конь рыжий, быстрый, как ветер, умный, как лисица, никогда не хромавший, никогда не потевший, даром что малый и дробный. Девять лет не был гоц в церкви, хоть и думал о боге не меньше нас с тобой, на десятый год собрался – и дал себе крепкую клятву: что бы ни случилось, никого в эту ночь не обидеть, будь то хоть сам дьявол.

Он оставил коня в поле, кинул на луку поводья, а сам пошел по деревне. Шел он и видел огни в хатах, убранные столы к Пасхе, выбеленные печи. Но в одной, самой старой и убогой, окна были темны, – видно, там даже на огонь не хватало. И стало гоцу скучно, – ведь в такой же он сам вырос, – и с недобрим сердцем вошел он в церковь. Почуяло его сердце, что не даст ему земля покоя даже и в Христову полночь, – так оно, по божьему хотенью, и случилось. В церкви было людно, у всех в руках свечи, на всех лицах радость. Стал гоц, где потемнее, – выше всех был он ростом, – сотворил усердную молитву, оглянулся и видит: стоит рядом с ним ребенок, заморенный, в лохмотьях, держит руку матки, бледной и бедно одетой, а хорошей и с большими глазами. Гоц наклонился и спросил тихонько: «Женщина, кто ты такая, отчего ты бледна, равнодушна?» Женщина робко взглянула на гоца и, склонивши глаза, промолчала. И в другой раз спросил он, еще тише: «Не твоя ли это хата у балки, не в твоей ли это хате темно в окнах?» Но опять ничего не ответила matka, только поспешно отвернулась и закрестилась на иконы. И перестал гоц слушать, что пели и читали на амвоне. «Побей меня крест и божья матерь! – подумал он с тоскою. – Крепкий дал я себе зарок никого в эту ночь не обидеть, да не терпит мое человеческое сердце!» И, не кончив молитвы, скорым шагом вышел вон из церкви. Далеко за балкой, за прудами, насквозь, фонарем, светился богатый дом в поместье. Как хозяин поднялся гоц на крыльцо того дома, разогнал собак плетью и как хозяин вступил в светлые господские покои, а что было дальше, ты и сам можешь догадаться.

В ту Христову полночь та бедная молдавка, что ни слова не сказала гоцу в церкви, долго не решалась войти в свою хату: возвращаясь к той хате, не раз проходила она мимо, думая, что не ее эта хата – так светло было от господских свечей в ее окнах, так богато стол был убран господской яствой. И сидел за тем столом высокий и могучий войник. В ту Христову полночь стала вдова-молдавка возлюбленной гоца. И три года любила она гоца горячо и верно. А на четвертый – подкупил ее вамиш, исправник, и предала она, иуда, гоца в его руки. Тут чауши, пандуры и армаши окружили ее хату, когда гоц отдыхал от далекой дороги, и хотели взять его живого. Он проснулся, схватился за пистолы, вышиб ногой дверь хаты, сказал свое тайное слово, напустил на врагов своих туману, свистнул коня Ройбу, вскочил в седло и помчался, стреляя назад из пистолей. Да враги от него не отставали. Вплавь переплыл конь реку, переплыл другую, переплыл и третью, и уже близки были леса, кодри, где бы гоц укрылся. Да арнаут, сыщик, – чтобы его земля

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
поглотила! – стал заряжать карабин не пулей, – не брала гоца пуля, – а серебряной монетой, и пробил гоцу спину, а коню его – ногу. Конь споткнулся, гоц упал на землю – тут его туго связали, каблуком проломили ему темя и в оковах повезли на телеге в Яссы... Добрые Христовы люди, было это тоже в светлый Христов праздник!

Вот тянут в гору телегу, обитую железом, волю голубые. На телеге лежит гоц с кровавою раной, рядом идет старая мать гоца, отирает кровь раны, молит волов круторогих: «Вы потише, волю, везите, прошу вас о том со слезами, – не трясите телегу, в ней мой сын умирает!» И, как вода, тихо-тихо качается телега, и говорит воиник: «Уходи, родная, со своим счастьем, а меня оставь с моим огнем-раной!» – Да нет, это так поется в песне. Родная мать гоца тогда еще не слыхала, что везут ее сына в ясскую темницу. И не знала она долго, как он томился, как его пытали. Суд людской не скорый, и опять прошло три года, и опять пришел праздник. Тут сказал гоц стражам: «Добрые Христовы люди, есть у меня в душе мука, взял я у господина большой кошель с деньгами и не видел, что в деньгах тех – медный образок на голубой ленте: это образок младенца, дайте мне вернуть его господину: укажу вам за услугу место великого клада и обещаюсь самим богом воротиться в темницу; снилось мне, что боев тот приехал в Яссы, торгует коней на базаре, – отдам ему образ и опять приду в оковы».

Ты думаешь, что гоц не вернулся, что свистнул он Ройбу, на свободе гулявшего в Кодрях? Нет, гоц не разбойник, слово его твердо. Он нашел на базаре господина, он отдал образок младенца в хозяйские руки. А когда сделал дело и вернулся в темницу, повели его на суд к князю. Во дворце было войско, много народу и начальников много. А сам князь, в чалме и кафтане, сел на золотом троне и спросил гоца: «Где те деньги, что ты накрал, нагребил?» И ни слова ему гоц не ответил, молча стоял перед троном, величавый и грозный. Тогда князь понял, что спрашивал дерзко, и спросил иначе: «Где те деньги, что ты отнял у богатых?» И ответил гоц князю: «Господарь, ваше высочество, вот и всегда говори так с народом: умно и учтиво. А где деньги, что отнял я у богатых, про то знает только мой конь Ройбу. И не тебе и не твоим слугам я отдам их: вы все равно проиграете их в карты, на вине пропьете!» И ударил князь связанного гоца в щеку.

«Так и Христа-бога били на суде Пилата», – сказал гоц тихо от гнева. И князь грозно крикнул: «Молчать, талгарь, разбойник!» И сказал гоц князю: «На кресте, ваше высочество, простил разбойника сын божий!» И ударил князь гоца еще злее и велел предать его казни.

Ты, зеленый лист дикой яблони, вы, весенние Кодри, и вы, быстрые реки! Ни сила, ни хитрость, ни талисманы, ни заговоры не спасли бы его от позора. Уж стучали топорами на площади в Яссах, уже вострил палач на белую шею гоца свою тяжкую секиру. Да дошла, долетела весть о близкой казни гоца до его родного дома. Встань, божий воиник, слушай: вот заплакала старшая сестра твоя, с черной косой, но бессильны ее слезы; вот заплакала средняя твоя сестра, с рыжей косой ниже стана, – но и она помочь не в силах; вот заплакала твоя младшая сестра, ребенок, – расступаются от слез ее Кодри, разливаются реки, раскрываются ущелья. А теперь, гоц, крепче схватись за темничную решетку – чуешь, чей голос вступает?

Как заплакала мать гоца, задрожала его тесная темница, зашатались стены, затрещала ржавая оконная решетка.

Как заплакала мать гоца, в прах рассыпались его оковы, вышел он на вольное поле и ударил сильною ногою в землю:

– Гей, гей, добрые люди! Попомню я вам ваш Христов праздник!

Март. 1916

Легкое дыхание: #сотт009

На кладбище, над свежей глиняной насыпью стоит новый крест из дуба, крепкий, тяжелый, гладкий.

Апрель, дни серые; памятники кладбища, просторного, уездного, еще далеко видны сквозь голые деревья, и холодный ветер звенит и звенит фарфоровым венком у

В самый же крест вделан довольно большой, выпуклый фарфоровый медальон, а в медальоне – фотографический портрет гимназистки с радостными, поразительно живыми глазами.

Это Оля Мещерская.

Девочкой она ничем не выделялась в толпе коричневых гимназических платиц: что можно было сказать о ней, кроме того, что она из числа хорошеньких, богатых и счастливых девочек, что она способна, но шаловлива и очень беспечна к тем наставлениям, которые ей делает классная дама? Затем она стала расцветать, развиваться не по дням, а по часам. В четырнадцать лет у нее, при тонкой талии и стройных ножках, уже хорошо обрисовывались груди и все те формы, очарование которых еще никогда не выразило человеческое слово; в пятнадцать она слыла уже красавицей. Как тщательно причесывались некоторые ее подруги, как чистоплотны были, как следили за своими сдержанными движениями! А она ничего не боялась – ни чернильных пятен на пальцах, ни покрасневшего лица, ни растрепанных волос, ни заголившегося при падении на бегу колена. Без всяких ее забот и усилий и как-то незаметно пришло к ней все то, что так отличало ее в последние два года из всей гимназии, – изящество, нарядность, ловкость, ясный блеск глаз... Никто не танцевал так на балах, как Оля Мещерская, никто не бегал так на коньках, как она, ни за кем на балах не ухаживали столько, сколько за ней, и почему-то никого не любили так младшие классы, как ее. Незаметно стала она девушкой, и незаметно упрочилась ее гимназическая слава, и уже пошли толки, что она ветрена, не может жить без поклонников, что в нее безумно влюблен гимназист Шеншин, что будто бы и она его любит, но так изменчива в обращении с ним, что он покушался на самоубийство.

Последнюю свою зиму Оля Мещерская совсем сошла с ума от веселья, как говорили в гимназии. Зима была снежная, солнечная, морозная, рано опускалось солнце за высокий ельник снежного гимназического сада, неизменно погожее, лучистое, обещающее и на завтра мороз и солнце, гулянье на Соборной улице, каток в городском саду, розовый вечер, музыку и эту во все стороны скользящую на катке толпу, в которой Оля Мещерская казалась самой беззаботной, самой счастливой. И вот однажды, на большой перемене, когда она вихрем носилась по сборному залу от гонящихся за ней и блаженно визжавших первоклассниц, ее неожиданно позвали к начальнице. Она с разбегу остановилась, сделала только один глубокий вздох, быстрым и уже привычным женским движением оправала волосы, дернула уголки передника к плечам и, сияя глазами, побежала вверх. Начальница, моложавая, но седая, спокойно сидела с вязаньем в руках за письменным столом, под царским портретом.

– Здравствуйте, mademoiselle Мещерская, – сказала она по-французски, не поднимая глаз от вязанья. – Я, к сожалению, уже не первый раз принуждена призывать вас сюда, чтобы говорить с вами относительно вашего поведения.

– Я слушаю, madame, – ответила Мещерская, подходя к столу, глядя на нее ясно и живо, но без всякого выражения на лице, и присела так легко и грациозно, как только она одна умела.

– Слушать вы меня будете плохо, я, к сожалению, убедилась в этом, – сказала начальница и, потянув нитку и завертев на лакированном полу клубок, на который с любопытством посмотрела Мещерская, подняла глаза. – Я не буду повторяться, не буду говорить пространно, – сказала она.

Мещерской очень нравился этот необыкновенно чистый и большой кабинет, так хорошо дышавший в морозные дни теплом блестящей голландки и свежестью ландышей на письменном столе. Она посмотрела на молодого царя, во весь рост написанного среди какой-то блистательной залы, на ровный пробор в молочных, аккуратно гофрированных волосах начальницы и выжидательно молчала.

– Вы уже не девочка, – многозначительно сказала начальница, втайне начиная раздражаться.

– Да, madame, – просто, почти весело ответила Мещерская.

– Но и не женщина, – еще многозначительнее сказала начальница, и ее матовое лицо слегка заалело. – Прежде всего, – что это за прическа? Это женская прическа!

– Я не виновата, madame, что у меня хорошие волосы, – ответила Мещерская и чуть тронула обеими руками свою красиво убранную голову.

– Ах, вот как, вы не виноваты! – сказала начальница. – Вы не виноваты в прическе, не виноваты в этих дорогих гребнях, не виноваты, что разоряете своих родителей на тифельки в двадцать рублей! Но, повторяю вам, вы совершенно упускаете из виду, что вы пока только гимназистка...

И тут Мещерская, не теряя простоты и спокойствия, вдруг вежливо перебила ее:

– Простите, madame, вы ошибаетесь: я женщина. И виноват в этом – знаете кто? Друг и сосед папы, а ваш брат Алексей Михайлович Малютин. Это случилось прошлым летом в деревне...

А через месяц после этого разговора казачий офицер, некрасивый и плебейского вида, не имевший ровно ничего общего с тем кругом, к которому принадлежала Оля Мещерская, застрелил ее на платформе вокзала, среди большой толпы народа, только что прибывшей с поездом. И невероятное, ошеломившее начальницу признание Оли Мещерской совершенно подтвердилось: офицер заявил судебному следователю, что Мещерская завлекла его, была с ним близка, поклялась быть его женой, а на вокзале, в день убийства, провожая его в Новочеркасск, вдруг сказала ему, что она и не думала никогда любить его, что все эти разговоры о браке – одно ее издевательство над ним, и дала ему прочесть ту страничку дневника, где говорилось о Малютине.

– Я пробежал эти строки и тут же, на платформе, где она гуляла, поджидая, пока я кончу читать, выстрелил в нее, – сказал офицер. – Дневник этот, вот он, взгляните, что было написано в нем десятого июля прошлого года. В дневнике было написано следующее: «Сейчас второй час ночи. Я крепко заснула, но тотчас же проснулась... Нынче я стала женщиной! Папа, мама и Толя, все уехали в город, я осталась одна. Я была так счастлива, что одна! Я утром гуляла в саду, в поле, была в лесу, мне казалось, что я одна во всем мире, и я думала, так хорошо, как никогда в жизни. Я и обедала одна, потом целый час играла, под музыку у меня было такое чувство, что я буду жить без конца и буду так счастлива, как никто. Потом заснула у папы в кабинете, а в четыре часа меня разбудила Катя, сказала, что приехал Алексей Михайлович. Я ему очень обрадовалась, мне было так приятно принять его и занимать. Он приехал на паре своих вятков, очень красивых, и они все время стояли у крыльца, он остался, потому что был дождь, и ему хотелось, чтобы к вечеру просохло. Он жалел, что не застал папу, был очень оживлен и держал себя со мной кавалером, много шутил, что он давно влюблен в меня. Когда мы гуляли перед чаем по саду, была опять прелестная погода, солнце блестело через весь мокрый сад, хотя стало совсем холодно, и он вел меня под руку и говорил, что он фауст с Маргаритой. Ему пятьдесят шесть лет, но он еще очень красив и всегда хорошо одет – мне не понравилось только, что он приехал в крылатке, – пахнет английским одеколоном, и глаза совсем молодые, черные, а борода изящно разделена на две длинные части и совершенно серебряная. За чаем мы сидели на стеклянной веранде, я почувствовала себя как будто нездоровой и прилегла на тахту, а он курил, потом пересел ко мне, стал опять говорить какие-то любезности, потом рассматривать и целовать мою руку. Я закрыла лицо шелковым платком, и он несколько раз поцеловал меня в губы через платок... Я не понимаю, как это могло случиться, я сошла с ума, я никогда не думала, что я такая! Теперь мне один выход... Я чувствую к нему такое отвращение, что не могу пережить этого!..»

Город за эти апрельские дни стал чист, сух, камни его побелели, и по ним легко и приятно идти. Каждое воскресенье, после обедни, по Соборной улице, ведущей к выезду из города, направляется маленькая женщина в трауре, в черных лайковых перчатках, с зонтиком из черного дерева. Она переходит по шоссе грязную площадь, где много закопченных кузниц и свежо дует полевой воздух; дальше, между мужским монастырем и острогом, белеет облачный склон неба и сереет весеннее поле, а потом, когда проберешься среди луж под стеной монастыря и повернешь налево, увидишь как бы большой низкий сад, обнесенный белой оградой, над воротами которой написано Успение божией матери. Маленькая женщина мелко крестится и привычно идет по главной аллее. Дойдя до скамьи против дубового креста, она сидит на ветру и на весеннем холоде час, два, пока совсем не зазябнут ее ноги в легких ботинках и рука в узкой лайке. Слушая весенних птиц, сладко поющих и в холод, слушая звон ветра в фарфоровом венке, она думает иногда, что отдала бы

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
полжизни, лишь бы не было перед ее глазами этого мертвого венка. Этот венок, этот бугор, дубовый крест! Возможно ли, что под ним та, чьи глаза так бессмертно сияют из этого выпуклого фарфорового медальона на кресте, и как совместить с этим чистым взглядом то ужасное, что соединено теперь с именем Оли Мещерской? – Но в глубине души маленькая женщина счастлива, как все преданные какой-нибудь страстной мечте люди.

Женщина эта – классная дама Оли Мещерской, немолодая девушка, давно живущая какой-нибудь выдумкой, заменяющей ей действительную жизнь. Сперва такой выдумкой был ее брат, бедный и ничем не замечательный прапорщик, – она соединила всю свою душу с ним, с его будущностью, которая почему-то представлялась ей блестящей. Когда его убили под Мукденом, она убеждала себя, что она – идейная труженица. Смерть Оли Мещерской пленила ее новой мечтой. Теперь Оля Мещерская – предмет ее неотступных дум и чувств. Она ходит на ее могилу каждый праздник, по часам не спускает глаз с дубового креста, вспоминает бледное личико Оли Мещерской в гробу, среди цветов – и то, что однажды подслушала: однажды, на большой перемене, гуляя по гимназическому саду, Оля Мещерская быстро, быстро говорила своей любимой подруге, полной, высокой Субботиной:

– Я в одной папиной книге, – у него много старинных смешных книг, – прочла, какая красота должна быть у женщины.. Там, понимаешь, столько на сказано, что всего не упомнишь: ну, конечно, черные, кипящие смолой глаза, – ей-богу, так и написано: кипящие смолой! – черные, как ночь, ресницы, нежно играющий румянец, тонкий стан, длиннее обыкновенного руки, – понимаешь, длиннее обыкновенного! – маленькая ножка, в меру большая грудь, правильно округленная икра, колена цвета раковины, покатые плечи, – я многое почти наизусть выучила, так все это верно! – но главное, знаешь ли что? – Легкое дыхание! А ведь оно у меня есть, – ты послушай, как я вздыхаю, – ведь правда, есть?

Теперь это легкое дыхание снова рассеялось в мире, в этом облачном небе, в этом холодном весеннем ветре.

1916

Аглая: #comm010

В миру, в той лесной деревне, где родилась и росла Аглая, ее звали Анной.

Отца с матерью она лишилась рано. Зашла раз зимой в деревню оспа, и много покойников свезли тогда на погост в село за Свят-Озером. Сразу два гроба стояло и в избе Скуратовых. Девочка не испытала ни страха, ни жалости, только навсегда запомнила тот ни на что не похожий, для живых чужой и тяжелый дух, что исходил от них, и ту зимнюю свежесть, холод великопостной оттепели, что напустили в избу мужики, выносившие гробы к дровням под окнами.

В той лесной стороне деревни редки и малы, грубые бревенчатые дворы их стоят в беспорядке: как суглинистые бугры дозволяют и поближе к речкам, к озерам. Народ там не слишком беден и блюдет свой достаток, свой старый быт, даром что ходит спокон веку на заработки, женщинам оставляя пахать неродимую землю, где она свободна от леса, косить в лесу травы, а зимой греметь ткацким станом. К тому быту и лежало сердце Анны в детстве: милы были ей и черная изба, и горячая лучина в светце.

Катерина, сестра ее, давно была замужем. Она и правила домом, сперва вместе с мужем, взятым во двор, а потом, как стал он уходить чуть не на круглый год, одна. Под ее призором девочка росла ровно и споро, никогда не хворала, ни на что не жаловалась, только все задумывалась. Если Катерина окликала ее, спрашивала, что с нею, она отзывалась просто, говоря, что у ней шея скрипит и что она слушает это. «Вот! – говорила она, повертывая голову, свое беленькое личико, – слышишь?» – «А думаешь ты о чем?» «Так. Я не знаю». Со сверстницами она в детстве не водилась, и быпать не бывала нигде, – только ран сходила с сестрой и то старое село за Свят-Озером, где на погосте, под соснами, торчат сосновые кресты и стоит бревенчатая церковка, крытая почерневшими деревянными чешуйками.

Впервые нарядили ее тогда в лапти и сарафан из пестряди, купили ожерелье и желтый платок.

Катерина о муже горевала, плакала; плакала и о своей бездетности. А, выплавав слезы, дала себе обет не знать мужа. Когда муж приходил, она встречала его радостно, ладно говорила с ним о домашних делах, заботливо пересматривала его рубахи, чинила, что надо, хлопотала возле печки и бывала довольна, когда ему что нравилось; но спали они розно, как чужие. А уходил он, – опять становилась она скучной и тихой. Все чаще отлучалась она из дому, гостила в недалней женской обители, бывала у старца Родиона, спасавшегося за той обителью в лесной хижине. Она настойчиво училась читать, приносила из обители священные книги и читала их вслух, необычным голосом, опустив глаза, держа книгу в обеих руках. А девочка стояла возле, слушала, оглядывая избу, которая всегда была прибрана. Упиваясь звуком своего голоса, читала Катерина о святых, о мучениках, наше темное, земное презревших ради небесного, восхотевших распять плоть свою со страстями и похотьями. Анна слушала чтение, как песню на чужом языке, со вниманием. Но закрывала Катерина книгу – и она никогда не просила почитать еще: всегда непонятная была она.

Годам к тринадцати она стала отменно тонка, высока и сильна. Она была нежна, бела, синеглаза, а работу любила простую, грубую. Когда наступало лето и приходил муж Катерины, когда шла деревня на покосы, шла и Анна со своими и работала как взрослая. Да летняя работа в той стороне скучная. И опять оставались сестры одни, опять возвращались к своей ровной жизни, и опять, убравшись со скотиной, с печкой, сидела Анна за шитьем, за станом, а Катерина читала – о морях, о пустынях, о городе Риме, о Византии, о чудесах и подвигах первохристиан. В черной лесной избе звучали тогда чарующие слух слова: «В стране Каппадокийской, в царствование благочестивого византийского императора Льва Великого... Во дни патриаршества преподобного Иоакима Александрийского, в далекой от нас Эфиопии...» Так и узнала Анна о девах и юношах, растерзанных дикими зверьми на ристалищах, о небесной красоте Варвары, обезглавленной своим лютым родителем, о мощах, хранимых ангелами на Синайской горе, о воине Евстафии, обращенном к истинному богу зовом самого распятого, солнцем просиявшего среди рогов оленя, им, Евстафием, на зверином лове гонимого, о трудах Саввы освященного, обитавшего в Долине Огненной, и о многих, многих, горькие дни и ночи свои проводивших у пустынных потоков, в криптах и горных киновиях... В отрочестве она видела себя во сне в длинной льняной рубахе и в железном венце на голове. И Катерина сказала ей: «Это тебе к смерти, сестра, к ранней кончине».

А на пятнадцатом году она стала совсем как девушка, и народ дивился ее миловидности: золотисто-белый цвет ее продолговатого лица чуть играл топким румянцем; брови у нее были густые, светло-русые, глаза синие; легкая, ладная, – разве что не в меру высокая, тонкая и долгорукая, – тихо и хорошо поднимала она длинные свои ресницы. Зима в тот год была особенно суровая. Завалило снегом леса, озера, толсто оковало льдом проруби, жгло морозным ветром да играло по утренним зорям двумя зеркальными, в радужных кольцах, солнцами. Перед Святками Катерина ела тюрю, толокно, Анна же питалась лишь хлебом. «Другой вещей сон хочю себе выпостить», – сказала она сестре. И под Новый год вновь приснилось ей: видела она раннее морозное утро, только что выкатилось из-за снегов слепящее ледяное солнце, острым ветром перехватывало дух; и на ветер, на солнце, по белому полю, летела она на лыжах, гналась за каким-то дивным горностаем, да сорвалась вдруг куда-то в пропасть – и ослепла, задохнулась в туче снежной пыли, взвившейся из-под лыж на срыве... Ничего нельзя было понять в этом сне, но Анна за весь день Нового года ни разу не взглянула в глаза сестре; ездили попы по деревне, зашли и к Скуратовым, – она спряталась за занавеску под полатями. В ту зиму, еще не утвердившись в своих помыслах, часто она бывала скучная, и Катерина говорила ей: «Давно зову к батюшке Родиону, он бы все снял с тебя!»

Она читала ей в ту зиму об Алексее Божьем человеке и об Иоанне Кущнике, в нищете умерших у ворот своих знатных родителей, прочла о Симеоне Столпнике, заживо сгнившем на стоянии в каменном столпе. Анна спросила ее: «А что ж батюшка Родион не стоит?» И она ей ответила, что подвиги святей людей бывают разные, что наши страстотерпцы больше по киевским пещерам, а потом по дремучим лесам спасались или достигали царствия небесного в образе нагих, непотребных юродов. В ту зиму узнала Анна и о русских угодниках – о своих духовных пращурах: о Матфее Прозорливом, коему было даровано видеть в мире лишь одно темное и низкое, проникать в сокровеннейшие скверны людских сердец, прозревать лики подземных диаволов и слышать нечестивые советы их, о Марке Гробокопателе, посвятившем себя погребению мертвых и в непрестанной близости со Смертью обретшем такую власть над нею, что она трепетала его голоса, об Исаакии Затворнике, одевшем свое тело

в сырую шкуру козла, навсегда к нему приросшую, и предававшимся безумным пляскам с бесами, по ночам увлекавшими его в скакания и вихляния под громкие свои клики, дудки, тимпаны и гусли... «От него, Исаакия, и пошли юродивые, – сказала ей Катерина, – а сколько их было потом, того счесть нельзя! Батюшка Родион так баял: ни в одной стране их не было, только нас посетил ими господь по великим грехам нашим и по великой своей милости». И прибавила, что слышала в обители, – скорбную повесть о том, как ушла Русь из Киева в леса и болота непроходимые, в лубяные городки свои, под жестокою державу московских князей, как терпела она от смут, междоусобий, от свирепых татарских орд и от прочих господних кар – от мора и глада, от пожарищ и небесных знамений. Было тогда, сказала она, столь многое множество божьих людей, Христа ради страдавших и юродствовавших, что по церквям от писку и крику их не слышать было божественного пения. И немалое число из них, сказала она, сопричислялось к лику небесному: есть Симон, из приволжских лесов, что скитался и прятался взора человеческого по диким урочищам в одной рубашке издранной, после же того, обитая в городе, каждодневно был бит гражданами за непотребство свое и скончался от ран, причиненных побоями; есть Прокопий, принимавший непрестанные муки в городе Вятке, зане в ночи взбегал он на кокошницы и бил в колокола часто и с тревогою, как бы во время огненного запаления; есть Прокопий, родившийся в зырянских краях, среди дикарей-звероловцев, всю жизнь ходивший с тремя кочергами в руках и обожавший пустые места, грустные лесные берега над Сухоною, где, сидя на камушке, со слезами молился о плывущих по ней; есть Яков Блаженный, что приплыл в гробной лубовой колоде по речке Мете к темным жителям той бедной местности; есть Иоанн Власатый, из-под Ростова Великого, волосы имевший столь буйные, что в страх повергались все видевшие его; есть Иоанн Вологодский, нарицаемый Большой Колпак, ростом малый, лицом морщиноватый, весь крестами увешанный, до кончины не снимавший с себя колпака, чугуна подобного; есть Василий Нагоходец, вместо одежды носивший и в зимний хлад, и в летний вар лишь цепи железные да платочек в руке... «Ныне, сестра, – сказала Катерина, – все они предстоят господу, радуются в сонме святых его, мощи же их нетленные почивают в раках кипарисных и серебряных, в святолепных соборах, рядом с царями и святителями!» – «А что же батюшка Родион не юродствовал?» – опять спросила Анна. И Катерина ответила, что он пошел по стопам подражавших не Исаакию, а Сергию Радонежскому, по стопам зажителей монастырей лесных. Батюшка Родион, сказала она, спасался сперва в одной древней и славной пустыне, основанной на тех самых местах, где среди дремучего леса, в дупле трехвекового дуба, жил некогда великий святой; там нес он строгое послушание и принял пострижение, удостоился за покаянные свои слезы и бессердечие к плоти лицезрения самой царицы небесной, выдержал обет семилетнего затвора и семилетнего молчания, но и этим не удовольствовался, оставил монастырь и пришел, – уже много, много лет тому назад, – в наши леса, надел лапти лыковые, белый балахон из вретича, эпитрахиль черную с осьмиконечным крестом на ней, с изображением черепа и костей Адамовых, вкушает лишь воду и снятку невареную, окошечко своей хижины заградил иконою, спит в гробу, под негасимую лампадою, и в полночные часы непрестанно осаждают его звери воющие, толпы мертвецов яростных и диаволов...

Пятнадцати лет от роду, в ту самую пору, когда надлежит девушке стать невестою, Анна покинула мир.

Весна в тот год пришла ранняя и жаркая. Ягода поспела в лесах несметная, травы были по пояс, и с начала Петровок уже пошли косить их. Анна с охотой работала, загорела на солнце, среди трав и цветов; румянец темней пылал на ее лице, сдвинутый на лоб платок скрывал теплый взгляд очей. Но вот однажды, на покосе, большая блестящая змея с изумрудной головой обвилась круг ее босой ноги. Схватив змею своей длинной и узкой рукой, сорвав с себя ее ледяной и скользкий жгут, далеко отбросила его Анна и даже лицо не подняла, а испугалась крепко, блее полотна сделалась. И Катерина сказала ей; «Это тебе, сестра, третье указание; бойся Змея Искусителя, опасная пора идет к тебе!» И от испугу ли, от этих ли слов, только с неделю после того не сходил с лица Анны смертный цвет. А под Петров день неожиданно-негаданно попросилась она пойти в обитель ко всенощной – и пошла и ночевала там, а наутро удостоилась стоять в народной толпе у порога отшельника. И великую милость оказал он ей: изо всей толпы ее выглядел и поманил к себе. И вышла она от него, низко склонив голову, пол-лица закрыв платком, сдвинув его на огонь своих жарких ланит и в смятении чувств не видя земли под собой: избранным сосудом, жертвой господу назвал он ее, зажег две восковых свечечки и одну взял себе, другую дал ей и долго стоил, молясь перед образом, а потом велел ей приложиться к тому образу – и благословил быть через малый срок в обители на послушании. «Счастье мое, жертва немудрая! – сказал он ей. – Будь

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
невестой не земной, а небесною! Знаю, знаю, сестра тебя приуготовила. Потщусь и я, грешный, о том».

В обители, в иночестве, отрешенная от мира и от своей воли ради духовного своего восприемника, Анна, нареченная при постриге Аглаей, пробыла тридцать три месяца. На исходе же тридцать третьего – преставилась.

Как жила она там, как спасалась, о том, за давностью времени, в полноте никому не ведомо. Но все же кое-что в народной памяти осталось. Шли однажды бабы-богомолки из разных и дальних краев в тот лесной край, где родилась Анна. Встретился им у речки, через которую им нужно было переправиться, привычный скиталец по святым местам, видом невзрачный, отрепанный, даже, просто сказать, чудной, глаза у него под старым господским котелком были платком завязаны. Они стали его спрашивать о путях, о дорогах к обители, о самом Родионе и об Анне. Он в ответ им сперва о себе поговорил: я, мол, сестрицы, и сам знаю не бог весть что, однако ж побеседовать с вами отчасти могу, ибо возвращаюсь именно из тех местностей; вам, сказал, небось жутко со мной – и я не дивлюсь этому, многим со мной не мед: пеший ли, конный ли встретится, видит – идет по лесу странничек, ковыляет себе один-одинешенек со белым платком на глазах да еще псалмы распевает – понятно, оторопь берет; уж чересчур, по грехам моим, жадные да быстрые глаза у меня, зрение столь редкостное и пронзительное, что я даже ночью как кошка вижу, будучи и вообще не в меру зряч, в силу того, что не с людьми я иду, а сторонкою; ну, вот и решил я сократить немного свое телесное зрение... Потом он стал рассказывать, сколько, по его расчету, осталось богомолкам еще идти, на какие местности надо путь держать, где иметь ночевки и отдыхи и какова обитель есть.

– Сперва, – сказал, – придет село на Свят-Озере, потом та самая деревня, где родилась Анна, а там увидите вы другое озеро, монастырское, хоть и мелкое, а порядочное, и придется нам по этому озеру в лодке плыть. А как высадитесь, туг уж и самый монастырь рукой подать. Понятно, и на том берегу леса без конца, а сквозь лес глядят, как обыкновенно, стены монастырские, главы церковные, кельи, странноприимницы...

Потом долго повествовал о житии Родиона, о детстве и отрочестве Анны, под конец же рассказал о ее пребывании в обители:

– Пребывание ее было, ох, недолгое! – сказал он, – Жалко, говорите, такой красоты и младости? Нам-то, глупым, понятно, жалко. Да, видно, отец Родион хорошо знал, что делает. Он ведь и со всеми таков бывал – и ласков, и кроток, и радостен, и настойчив до беспощадности, с Аглаей же особенно. Был я, бабочки, на месте ее упокоения... Длинная могилка, прекрасная, вся травой заросла, зеленая... И не скрою, не скрою: это там, на могиле, выдумал я завязать себе глаза, это Аглаин пример надоумил меня: ведь она, надобно вам знать, за все свое пребывание в обители ни на единый час не подняла очей – как сдвинула покров на них, так и осталась, и на речь так скупа была, так уклончива, что даже сам отец Родион дивился ей. А ведь, небось, не легко было ей такой подвиг поднять – с землей-то, с лицом-то человеческим навсегда расстаться! И работу она несла в обители самую тяжкую, а ночи на молитве простаивала, да зато, говорят, и возлюбил ее отец Родион! Из всех отличил, каждодневно допускал в свою хижинку, вел с ней долгие беседы о будущей славе обители, открывал ей даже свои видения – понятно, с строгим заповеданием молчания. Ну, вот и сгорела она, как свеча, в самый краткий срок... Опять вздыхаете, жалкуете? Соглашусь: горестно! Но я вам гораздо больше скажу: за великое ее смирение, за неглядение на мир земной, за молчание и непосильное трудничество он совершил неслыханное: на исходе третьего года ее подвига он посхимил ее, а потом, по молитве и святому размышлению, призвал ее к себе в единый страшный час – и повелел кончину принять. Да, так прямо и молвил ей: «Счастье мое, приспела твоя пора! Останься во моей памяти столь же прекрасною, как стоишь ты в сей час передо мной: отойди ко господу!» И что ж вы думаете? Через сутки она и преставилась. Слегла, запылала огнем – и кончилась. Он, правда, утешил ее – поведал ей перед кончиной, что, поелику лишь малое из тайных его бесед не сумела она скрыть в первые дни послушания, истлеют у нее лишь одни уста. Он пожаловал серебра на ее похороны, меди для раздачи при ее погребении, колоток свечей на сорокоуст по ней, желтую рублевую свечу ко гробу ее и самый гроб – круглый, дубовый, выдолбленный. И по его благословию, положили ее, тонкую и росточком отменно долгую, в тот гроб с волосами распущенными, в двух рубашках-саванах, в белом подряснике, опоясанном черною постромкою, а поверг его – в черной, с белыми крестами, мантии; на головку надели зеленую, шитую золотом шапочку из бархата, на шапочку – камилавочку, после же

того повязали синей шалью с кисточками, а в ручки вложили кожаные четочки... Убрали, словом, куда как хорошо! А все же, бабочки, есть каверзный, бесий слух, что умирать ей не хотелось, ох, как еще не хотелось-то! Отходя в такой младости и в такой красоте, со всеми, говорят, в слезах она прощалась, всем говорила громко: «Простите меня!» Напоследок же закрыла глаза и раздельно молвила: «И тебе, мати-земля, согрешила семь душой и телом – простишь ли меня?» А слова те страшные: припадая челом ко земле, их читали в покаянной молитве по древней Руси за вечерней под Троицу, под языческий русальный день.

1916

Сны Чанга: #comm011

Не все ли равно, про кого говорить? Заслуживает того каждый из живших на земле.

Некогда Чанг узнал мир и капитана, своего хозяина, с которым соединилось его земное существование. И прошло с тех пор целых шесть лет, протекло, как песок в корабельных песочных часах.

Вот опять была ночь – сон или действительность? – и опять наступает утро – действительность или сон? Чанг стар, Чанг пьяница – он все дремлет.

На дворе, в городе Одессе, зима. Погода злая, мрачная, много хуже даже той, китайской, когда Чанг с капитаном встретили друг друга. Несет острым мелким снегом, снег косо летит по ледяному, скользкому асфальту пустого приморского бульвара и больно сечет в лицо каждому еврею, что, засунувши руки в карманы и сгорбившись, неумело бежит направо или налево. За гаванью, тоже опустевшей, за туманным от снега заливом слабо видны голые степные берега. Мол весь дымится густым серым дымом: море с утра до вечера переваливается через мол пенистыми чревами. Ветер звонко свищет в телефонных проволоках...

В такие дни жизнь в городе начинается не рано. Не рано просыпаются и Чанг с капитаном. Шесть лет – много это или мало? За шесть лет Чанг с капитаном стали стариками, хотя капитану еще и сорока нет, и судьба их грубо переменялась. По морям они уже не плавают – живут «на берегу», как говорят моряки, и не там, где жили когда-то, а в узкой и довольно мрачной улице, на чердаке пятиэтажного дома, пахнущего каменным углем, населенного евреями, из тех, что в семью приходят только к вечеру и ужинают в шляпах на затылок. Потолок у Чанга с капитаном низкий, комната большая и холодная. В ней всегда кроме того сумрачно: два окна, пробитые в наклонной стене-крыше, невелики и круглы, напоминают корабельные. Между окнами стоит что-то вроде комода, а у стены налево старая железная кровать; вот и все убранство этого скучного жилища, если не считать камина, из которого всегда дует свежим ветром.

Чанг спит в уголке за камином. Капитан ни кровати. Какова эта чуть не до полу продавленная кровать и каков матрац на ней, легко представит себе всякий, живавший на чердаках, а нечистая подушка так жидка, что капитану приходится подкладывать под нее свою тужурку. Однако и на этой кровати спит капитан очень спокойно, лежит, – на спине, с закрытыми глазами и серым лицом, – неподвижно, как мертвый. Что за чудесная кровать была у него прежде! Ладная, высокая, с ящиками, с постелью глубокой и уютной, с тонкими и скользкими простынями и холодящими белоснежными подушками! Но и тогда, даже в качку, не спал капитан так крепко, как теперь: за день он сильно устает, да и о чем ему теперь тревожиться, что он может проспать и чем может обрадовать его новый день? Было когда-то две правды на свете, постоянно сменявших друг друга: первая та, что жизнь несказанно прекрасна, а другая – что жизнь мыслима лишь для сумасшедших. Теперь капитан утверждает, что есть, была и во веки веков будет только одна правда, последняя, правда еврея Иова, правда мудреца из неведомого племени, Экклезиаста. Часто говорит теперь капитан, сидя в пивной: «Помни, человек, с юности твоей те тяжелые дни и годы, о коих ты будешь говорить: нет мне удовольствия в них!» – Все же дни и ночи попрежнему существуют, и вот опять была ночь и опять наступает утро. И капитан с Чангом просыпаются.

Но, проснувшись, капитан не открывает глаз. Что он в эту минуту думает, не знает даже Чанг, лежащий на полу возле нетопленного камина, из которого всю ночь пахло морской свежестью. Чангу известно только одно: то, что капитан пролежит так не

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
менее часа. Чанг, поглядев на капитана уголком глаза, снова смыкает веки и снова задремывает. Чанг тоже пьяница, он тоже по утрам мутен, слаб и чувствует мир с тем томным отвращением, которое так знакомо всем плавающим на кораблях и страдающим морской болезнью. И потому, задремывая в этот утренний час, Чанг видит сон томительный, скучный...

Видит он:

Поднялся на палубу парохода старый, кислוגлазый китаец, опустился на корячки, стал скулить, упрашивать всех проходящих мимо, чтобы купили у него плетушку тухлых рыбок, которую он принес с собою. Был пыльный и холодный день на широкой китайской реке. В лодке под камышовым парусом, качавшейся на речной мути, сидел щенок, – рыжий кобелек, имевший в себе нечто лисье и волчье, с густым жестким мехом вокруг шеи, – строго и умно водил черными глазами по высокой железной стене пароходного бока и торчком держал уши.

– Продай лучше собаку! – весело и громко, как глухому, крикнул китайцу молодой капитан парохода, без дела стоявший на своей вышке.

Китаец, первый хозяин Чанга, вскинул глаза кверху, оторопел и от крика и от радости, стал кланяться и цокать: «Ve'y good dog, ve'y good!» [9 – Очень хорошая собака, очень хорошая (искаж. англ.)] – И щенка купили, – всего за целковый, – назвали Чангом, и поплыл он в тот же день со своим новым хозяином в Россию и вначале, целых три недели, так мучился морской болезнью, был в таком дурмане, что даже ничего: не видел: ни океана, ни Сингапура, ни Коломбо...

В Китае начиналась осень, погода была трудная. И стало мутить Чанга, едва вышли в устье. Навстречу несло дождем, мглою, сверкали по водной равнине барашки, качалась, бежала, всплескивалась серо-зеленая зыбь, острая и бестолковая, а плоские побережья расходились, терялись в тумане – и все больше, больше становилось воды вокруг. Чанг, в своей серебрившейся от дождя шубке, и капитан, в непромокаемом пальто с поднятым капюшоном, были на мостике, высота которого чувствовалась теперь еще сильнее, чем прежде. Капитан командовал, а Чанг дрожал и воротил от ветра морду. Вода ширилась, охватывала ненастные горизонты, мешалась с мгlistым небом. Ветер рвал с крупной шумной зыби брызги, налетал откуда попало, свистал в реях и гулко хлопал внизу парусиновыми тентами, меж тем как матросы, в кованных сапогах и мокрых накидках, отвязывали, ловили и скатывали их. Ветер искал, откуда бы покрепче ударить, и как только пароход, медленно ему кланявшийся, взял покруче вправо, поднял его таким большим, кипучим валом, что он не удержался, рухнул с переката вала, зарываясь в пену, а в штурманской рубке с дребезгом и звоном полетела на пол кофейная чашка, забытая на столике лакеем... И с этой минуты пошла музыка!

Дни потом были всякие: то огнем жгло с сияющей лазури солнце, то горами громоздились и раскатывались ужасающим громом тучи, то потопами обрушивались на пароход и на море буйные ливни; но качало, качало непрерывно, даже и во время стоянок. В конец замученный, ни разу за целых три недели не покинул Чанг своего угла в жарком полутемном коридоре среди пустых кают второго класса, на юте, возле высокого порога двери на палубу, отворявшейся только раз в сутки, когда вестовой капитана приносил Чангу пищу. И от всего пути до Красного моря остались в памяти Чанга только тяжкие скрипы переборки, дурнота и замирание сердца, то летевшего вместе с дрожащей кормой куда-то в пропасть, то возносившегося в небо, да колючий, смертный ужас, когда об эту высоко поднятую и вдруг снова завалившуюся на сторону корму, грохочущую винтом в воздухе, с пушечным выстрелом расшибалась целая водяная гора, гасившая дневной свет в иллюминаторах и потом стекавшая по их толстым стеклам мутными потоками. Слышал больной Чанг далекие командные крики, гремучие свистки боцмана, топот матросских ног где-то над головой, слышал плеск и шум воды, различал полузакрытыми глазами полутемный коридор, загроможденный рогожными тюками чая, – и шалел, пьянел от тошноты, жары и крепкого чайного запаха...

Но тут сон Чанга обрывается.

Чанг вздрагивает и открывает глаза: это уже не волна с пушечным выстрелом ударила за корму – это грохнула где-то внизу дверь, с размаху кем-то брошенная. И вслед за этим громко откашливается и медленно встает со своего вдавленного одра капитан. Он натягивает на ноги и зашнуровывает разбитые башмаки, надевает вынутую из-под подушки черную тужурку с золотыми пуговицами и идет к комоду, меж

тем как Чанг, в своей рыжей поношенной шубке, недовольно, с визгом зевает, поднявшись с пола. На комодѣ стоит начатая бутылка водки. Капитан пьет прямо из горлышка и, слегка задохнувшись и отдуваясь в усы, направляется к камину, наливает в плошку, стоящую возле него, водки и для Чанга. Чанг жадно начинает лакать. А капитан закуривает и снова ложится – ждать того часа, когда совсем обедняется. Уже слышен отдаленный гул трамвая, уже льется далеко внизу, на улице, непрерывное цоканье копыт по мостовой, но выходить еще рано. И капитан лежит и курит. Кончив лакать, ложится и Чанг. Он вскакивает на кровать, свертывается клубком у ног капитана и медленно вливается в то блаженное состояние, которое всегда дает водка. Полузакрытые глаза его туманятся, он слабо глядит на хозяина и, чувствуя все возрастающую нежность к нему, думает то, что можно выразить по-человечески так: «Ах, глупый, глупый! Есть только одна правда на свете, и если бы ты знал, какая эта чудесная правда!» И опять не то снится, не то думается Чангу то далекое утро, когда, после мучительного, беспокойного океана, вошел пароход, плывший из Китая с капитаном и Чангом, в Красное море...

Снится ему:

Проходя Перим, все медленнее, точно баюкая, размахивался пароход, и впал Чанг в сладкий и глубокий сон. И вдруг очнулся. И очнувшись, изумился выше всякой меры: везде было тихо, мерно дрожала и никуда не падала корма, ровно шумела вода, бежавшая где-то за стенами, теплый кухонный запах, тянувший из-под двери на палубу, был очарователен... Чанг привстал и поглядел в пустую кают-компанию: там, в сумраке, мягко светилось что-то золотисто-лиловое, что-то едва уловимое глазом, но необыкновенно радостное – там, в солнечно-голубую пустоту, на простор, на воздух, были открыты задние иллюминаторы, а по низкому потолку струились, текли и не утекали извилистые зеркальные ручьи... И случилось с Чангом то же, что не раз случалось в те времена и с его хозяином, капитаном: он вдруг понял, что существует в мире не одна, а две правды – одна та, что жить на свете и плавать ужасно, а другая... Но о другой Чанг не успел додумать: в неожиданно распахнувшуюся дверь он увидел трап на спардек, черную, блестящую громаду паровой трубы, ясное небо летнего утра и быстро идущего из-под трапа, из машинного отделения, капитана, размытого и выбритого, благоухающего свежестью одеклона, с поднятыми по-немецки русыми усами, с сияющим взглядом зорких светлых глаз, во всем тугом и белоснежном. И увидев все это, Чанг так радостно рванулся вперед, что капитан на лету подхватил его, чмокнул в голову и, повернув назад, в три прыжка выскочил, на руках с ним, на спардек, на верхнюю палубу, а оттуда еще выше, на тот самый мостик, где так страшно было в устье великой китайской реки.

На мостике капитан вошел в штурманскую рубку, а Чанг, брошенный на пол, немного посидел, трубой распушив по гладким доскам свой лисий хвост. Сзади Чанга было очень горячо и светло от невысокого солнца. Горячо, должно быть, было и в Аравии, близко проходившей справа своим золотым побережьем и своими черно-коричневыми горами, своими пиками, похожими на горы мертвой планеты, тоже глубоко засыпанными сухим золотом, – всей своей песчано-гористой пустыней, видной необыкновенно четко, так, что, казалось, туда можно перепрыгнуть. А наверху, на мостике, еще чувствовалось утро, еще тянуло легкой свежестью, и бодро гулял взад и вперед помощник капитана, – тот самый, что потом так часто до бешенства доводил Чанга, дуя ему в нос, – человек в белой одежде, в белом шлеме и в страшных черных очках, все поглядывавший на поднебесное острие передней мачты, над которой белым страусовым пером курчавилось тончайшее облачко... Потом капитан крикнул из рубки: «Чанг! кофе пить!» И Чанг тотчас вскочил, обежал рубку и ловко сиганул через ее медный порог. И за порогом оказалось еще лучше, чем на мостике: там был широкий кожаный диван, приделанный к стене, над ним висели какие-то блестящие стеклом и стрелками штуки вроде круглых стенных часов, а на полу стояла полоскательница с бурдой из сладкого молока и хлеба. Чанг стал жадно лакать, а капитан занялся делом: он развернул на стойке, помещавшейся под окном против дивана, большую морскую карту и, положив на нее линейку, твердо прорезал алыми чернилами длинную полосу. Чанг, кончив лакать, с молоком на усах, подпрыгнул и сел на стойке возле самого окна, за которым синела отложным воротом просторная рубаха матроса, стоявшего спиной к окну перед колесом с рогами. И тут капитан, который, как оказалось впоследствии, очень любил поговорить, будучи наедине с Чангом, сказал Чангу:

– Видишь, братец, вот это и есть Красное море. Надо нам с тобой пройти его поумнее, – ишь, какое оно от островков и рифов пестрое, – надо мне тебя доставить в Одессу в полной сохранности, потому что там уже знают о твоём

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
существовании. Я уже проболтался про тебя одной прекапризной девчонке, похвастался перед ней твоей милостью по такому, понимаешь ли, длинному канату, что проложен умными людьми на дне всех морей-океанов... Я, Чанг, все-таки ужасно счастливый человек, такой счастливый, что ты даже и представить себе не можешь, и потому мне ужасно не хочется напороться на какой-нибудь из этих рифов, осрамиться до девятой пуговицы на своем первом дальнем рейсе...

И говоря так, капитан вдруг строго глянул на Чанга и дал ему пощечину:

– Лапы с карты прочь! – крикнул он начальственно. – Не смей лезть на казенное добро!

И Чанг, мотнув головой, зарычал и зажмурился. Это была первая пощечина, полученная им, и он обиделся, ему опять показалось, что жить на свете и плавать – скверно. Он отвернулся, гася и сокращая свои прозрачно-яркие глаза, и с тихим рычанием оскалил свои волчьи зубы. Но капитан не придавал значения его обиде. Он закурил папиросу и вернулся на диван, вынул из бокового кармана пикейной куртки золотые часы, отколупнул крепким ногтем их крышки и, глядя на что-то сияющее, необыкновенно живое, торопливое, что звонко бежало внутри часов, опять заговорил дружески. Он опять стал рассказывать Чангу о том, что он везет его в Одессу, на Елисаветинскую улицу, что на Елисаветинской улице есть у него, у капитана, во-первых, квартира, во-вторых, красавица-жена и, в-третьих, чудесная дочка, и что он, капитан, все-таки очень счастливый человек.

– Все-таки, Чанг, счастливый! – сказал капитан, а потом добавил:

– Дочка эта самая, Чанг, девочка, резвая, любопытная, настойчивая, – плохо тебе будет временами, особенно твоему хвосту! Но если бы ты знал, Чанг, что это за прелестное существо! Я, братец, так люблю ее, что даже боюсь своей любви: для меня весь мир только в ней, – ну, скажем, почти в ней, – а разве так полагается? Да и вообще, следует ли кого-нибудь любить так сильно? – спросил он. – Разве глупее нас с тобой были все эти ваши Будды, а послушай-ка, что они говорят об этой любви к миру и вообще ко всему телесному – от солнечного света, от волны, от воздуха и до женщины, до ребенка, до запаха белой акации! Или: знаешь ли ты, что такое Тао, выдуманное вами же, китайцами? Я, брат, сам плохо знаю, да и все плохо знают это, но, насколько можно понять, ведь это что такое? Бездна-Праматерь, она же родит и поглощает и, поглощая, снова родит все сущее в мире, а иначе сказать – тот Путь всего сущего, коему не должно противиться ничто сущее. А ведь мы поминутно противимся ему, поминутно хотим повернуть не только, скажем, душу любимой женщины, но и весь мир по-своему! Жутко жить на свете, Чанг, – сказал капитан, – очень хорошо, а жутко, и особенно таким, как я! Уж очень я жаден до счастья и уж очень часто сбиваюсь: темен и зол этот Путь, или же совсем, совсем напротив?

И, помолчав, еще прибавил;

– Главная штука ведь в чем? Когда кого любишь, никакими силами никто не заставит тебя верить, что может не любить тебя тот, кого ты любишь. И вот тут-то, Чанг, и зарыта собака. А как великолепна жизнь, Боже мой, как великолепна!

Накаляемый уже высоко поднявшимся солнцем и чуть дрожащий на бегу пароход неустанно разрезал заштилевшее в бездне знойного воздушного пространства Красное море. Светлая пустота тропического неба глядела в дверь рубки. Близился полдень, медный порог так и горел на солнце. Стекловидные валы все медлительнее перекатывались за бортом, вспыхивая ослепительным блеском и озаряя рубку. Чанг сидел на диване, слушая капитана. Капитан, гладивший голову Чанга, спихнул его на пол – «нет, брат, жарко!» – сказал он, – но на этот раз Чанг не обиделся: слишком хорошо было жить на свете в этот радостный полдень. А потом...

Но тут опять прерывается сон Чанга.

– Чанг, идем! – говорит капитан, сбрасывая ноги с кровати. И опять с удивлением видит Чанг, что он не на пароходе в Красном море, а на чердаке в Одессе, и что на дворе и впрямь полдень, только не радостный, а темный, скучный, неприязненный. И тихо рычит на капитана, потревожившего его. Но капитан, не обращая на него внимания, надевает старый форменный картуз и такое же пальто и, запустив руки в карманы и сгорбившись, идет к двери. Поневоле приходится и Чангу спрыгивать с кровати. По лестнице капитан спускается тяжело и неохотно, точно в

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
силу нудной необходимости. Чанг катится довольно быстро: его бодрит еще
неулегшееся раздражение, которым всегда кончается блаженное состояние после
водки...

Да, вот уже два года, изо дня в день, занимаются Чанг с капитаном тем, что ходят по ресторанам. Там они пьют, закусывают, глядят на других пьяниц, пьющих и закусывающих рядом с ними, среди шума, табачного дыма и всякого зловония. Чанг лежит у ног капитана, на полу. А капитан сидит и курит, крепко положив, по своей морской привычке, локти на стол, ждет того часа, когда надо будет, по какому-то им самим выдуманному закону, перебраться в другой ресторан или кофейню: завтракают Чанг с капитаном в одном месте, кофе пьют в другом, обедают в третьем, ужинают в четвертом. Обычно капитан молчит. Но бывает, что встречается капитан с кем-нибудь из своих прежних друзей и тогда весь день говорит без умолку о ничтожестве жизни и поминутно угощает вином то себя, то собеседника, то Чанга, перед которым всегда стоит на полу какая-нибудь посудинка. Именно так проведут они и нынешний день: нынче они условились позавтракать с одним старым приятелем капитана, с художником в цилиндре. А это значит, что будут они сидеть сперва в вонючей пивной, среди краснолицых немцев, – людей тупых, дельных, работающих с утра до вечера с тою целью, конечно, чтобы пить, есть, снова работать и сидеть себе подобных, – потом пойдут в кофейню, битком набитую греками и евреями, вся жизнь которых, тоже бессмысленная, но очень тревожная, поглощена непрестанным ожиданием биржевых слухов, а из кофейни отправятся в ресторан, куда стекается всякое человеческое отребье, – и просидят там до поздней ночи...

Зимний день короток, а за бутылкой вина, за беседой с приятелем он еще короче. И вот уже побывали Чанг, капитан и художник и в пивной, и в кофейне, а теперь сидят, пьют в ресторане. И опять капитан, положив локти на стол, горячо уверяет художника, что есть только одна правда на свете, – злая и низкая. – Ты посмотри кругом, говорит он, ты только вспомни всех тех, что ежедневно видим мы с тобой в пивной, в кофейне, на улице! Друг мой, я видел весь земной шар – жизнь везде такова! Все это ложь и вздор, чем будто бы живут люди: нет у них ни Бога, ни совести, ни разумной цели существования, ни любви, ни дружбы, ни честности, – нет даже простой жалости. Жизнь скучный, зимний день в грязном кабаке, не более...

И Чанг, лежа под столом, слушает все это в тумане хмеля, в котором уже нет более возбуждения. Соглашается он или не соглашается с капитаном? На это нельзя ответить определенно, но раз уж нельзя, значит, дело плохо. Чанг не знает, не понимает, прав ли капитан; да ведь все мы говорим «не знаю, не понимаю» только в печали; в радости всякое живое существо уверено, что оно все знает, все понимает... Но вдруг точно солнечный свет прорезывает этот туман: вдруг раздается стук палочки по пюпитру на эстраде ресторана – и запекает скрипка, за ней другая, третья... Они поют все страстной, все звончее – и через минуту переполняется душа Чанга совсем иной тоской, совсем иной печалью. Она дрожит от непонятого восторга, от какой-то сладкой муки, от жажды чего-то – и уже не разбирает Чанг, во сне он или наяву. Он всем существом своим отдается музыке, покорно следует за ней в какой-то иной мир – и снова видит себя на пороге этого прекрасного мира, неразумным, доверчивым к миру щенком на пароходе в Красном море...

– Да, так как это было? – не то снится, не то думается ему. – Да, помню: хорошо было жить в жаркий полдень в Красном море! Чанг с капитаном сидели в рубке, потом стояли на мостике... О, сколько было света, блеска, синевы, лазури! Как удивительно цветисты были на фоне неба все эти белые, красные и желтые рубахи матросов, с растопыренными руками развешенные на носу! А потом Чанг с капитаном и прочими моряками, у которых лица были кирпичные, глаза маслянистые, а лбы белые и потные, завтракал в жаркой кают-компании первого класса, под жужжащим и дующим из угла электрическим вентилятором, после завтрака вздремнул немного, после чая обедал, а после обеда опять сидел наверху, перед штурманской рубкой, где лакей поставил для капитана полотняное кресло, и смотрел далеко за море, на закат, нежно зеленевший в разноцветных и разнообразных тучках, на виннокрасное, лишенное лучей солнце, которое, коснувшись мутного горизонта, вдруг вытянулось и стало похоже на темно-огненную митру... Быстро бежал пароход вдогонку за ним, так и мелькали за бортом гладкие водяные горбы, отливающие сине-лиловой шагренью, но солнце спешило, спешило, – море точно втягивало его, – и все уменьшалось да уменьшалось, стало длинным раскаленным углем, задрожало и потухло, а как только потухло, сразу пала на весь мир тень какой-то печали, и сильный заволновался все крепчавший к ночи ветер. Капитан, глядя на темное пламя заката, сидел с

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
раскрытой головою, с колеблющимися от ветра волосами, и лицо его было задумчиво, гордо и грустно, и чувствовалось, что все-таки он счастлив, и что не только весь этот бегущий по его воле пароход, но и целый мир в его власти, потому что весь мир был в его душе в эту минуту – и потому еще, что и тогда уже пахло вином от него...

Ночь же настала страшная и великолепная. Она была черная, тревожная, с беспорядочным ветром и с таким полным светом шумно взметывавшихся вокруг парохода волн, что порою Чанг, бегавший за быстро и безостановочно гулявшим по палубе капитаном, с визгом отскакивал от борта. И капитан опять взял Чанга на руки и, приложив щеку к его бьющемуся сердцу, – ведь оно билось совершенно так же, как и у капитана! – пришел с ним в самый конец палубы, на ют, и долго стоял там в темноте, очаровывая Чанга дивным и ужасным зрелищем: из-под высокой, громадной кормы, из-под глухо бушующего винта, с сухим шорохом сыпались мириады белоогненных игл, вырывались и тотчас же уносились в снежную искристую дорожку, прокладываемую пароходом, то огромные голубые звезды, то какие-то тугие синие клубы, которые ярко разрывались и, угасая, таинственно дымились внутри кипящих водяных бугров бледно-зеленым фосфором. Ветер с разных сторон, сильно и мягко бил из темноты в морду Чанга, раздувал и холодил густой мех на его груди, и, крепко, родственно прижимаясь к капитану, обонял Чанг запах как-бы холодной серы, дышал взрытой утробой морских глубин, а корма дрожала, ее опускало и поднимало какой-то великой и несказанно свободной силой, и он качался, качался, возбужденно созерцая эту слепую и темную, но стократ живую, глухо бунтующую (Бездну. И порой какая-нибудь особенно шальная и тяжелая волна, с шумом пролетающая мимо кормы, жутко озаряла руки и серебряную одежду капитана...

В эту ночь капитан привел Чанга в свою каюту, большую и уютную, мягко освещенную лампой под красным шелковым абажуром. На письменном столе, плотно уместившемся возле капитанской кровати, стояли там, в тени и свете лампы, два фотографических портрета: хорошенькая сердитая девочка в локонах, капризно и вольно сидевшая в глубоком кресле, и молодая дама, изображенная почти во весь рост, с кружевным белым зонтиком на плече, в кружевной большой шляпке и в нарядном весеннем платье, – стройная, тонкая, прелестная и печальная, как грузинская царевна. И капитан сказал, раздеваясь под шум черных волн за открытым окном:

– Не будет, Чанг, любить нас с тобой эта женщина! Есть, брат, женские души, которые вечно томятся какой-то печальной жадой любви и которые от этого от самую никогда и никого не любят. Есть такие – и как судить их за всю их бессердечность, лживость, мечты о сцене, о собственном автомобиле, о пикниках на яхтах, о каком-нибудь спортсмене, раздирающем свои сальные от фиксажу волосы на прямой ряд? Кто их разгадает? Всякому свое, Чанг, и не следуют ли они сокровеннейшим велениям самой Тао, как следует им какая-нибудь морская тварь, вольно ходящая вот в этих черных, огненно-панцирных волнах?

– У-у! сказал капитан, садясь на стул, мотая головой и развязывая шнурки белого башмака: – Что только было со мной, Чанг, когда я в первый раз почувствовал, что она уже не совсем моя, – в ту ночь, когда она в первый раз одна была на яхт-клубском балу и вернулась под утро, точно поблекшая роза, бледная от усталости и еще неулегшегося возбуждения, с глазами сплошь темными, расширенными и далекими от меня! Если бы ты знал, как неподражаемо хотела она одурачить меня, с каким простым удивлением спросила: «А ты еще не спишь, бедный?» Тут я даже слова не мог выговорить, и она сразу поняла меня и смолкла, – только быстро взглянула на меня, – и молча стала раздеваться. Я хотел убить ее, но она сухо и спокойно сказала: «помоги мне расстегнуть сзади платье» – и я покорно подошел и стал дрожащими руками отстегивать эти крючки и кнопки – и как только увидел в раскрывшееся платье ее тело, ее междуплечье и сорочку, спущенную с плеч и засунутую за корсет, как только услышал запах ее черных волос и взглянул в освещенное трюмо, отражавшее ее груди, поднятые корсетом...

И, не договорив, капитан махнул рукой.

Он разделся, лег и погасил огонь, и Чанг, перевертываясь и укладываясь в сафьянном кресле возле письменного стола, видел, как бороздили черную плащаницу моря вспыхивающие и гаснущие полосы белого пламени, как по черному горизонту зловеще мелькали какие-то огни, как оттуда прибегала порою и с грозным шумом вырастала выше борта и заглядывала в каюту страшная живая волна, – некий сказочный змей, весь насквозь светившийся самоцветными глазами, прозрачными изумрудами и сапфирами, – и как пароход отталкивал ее прочь и ровно бежал

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
дальше, среди тяжелых и зыбких масс этого довременного, для нас уже чуждого и враждебного естества, называемого океаном...

Ночью капитан вдруг что-то крикнул и, сам испугавшись своего крика, прозвучавшего какой-то унизительно-жалобной страстью, тотчас же проснулся. Полежав минуту молча, он вздохнул и сказал с усмешкой:

– Да, да! «Золотое кольцо в ноздре свиньи – женщина прекрасная!» Трижды прав ты, Соломон Премудрый!

Он нашел в темноте папиросницу, закурил, но, затянувшись два раза, уронил руку – и так и заснул с красным огоньком папиросы в руке. И опять стало тихо – только сверкали, качались и с шумом неслись волны мимо борта. Южный Крест из-за черных туч...

Но тут внезапно оглушает Чанга громовый грохот. Чанг в ужасе вскакивает. Что случилось? Опять ударился, по вине пьяного капитана, пароход о подводные камни, как это было три года тому назад? Опять выстрелил капитан из пистолета в свою прелестную и печальную жену? Нет, кругом не ночь, не море и не зимний полдень на Елисаветинской, а очень светлый, полный шума и дыма ресторан: это пьяный капитан ударил кулаком по столу и кричит художнику:

– Вздор, вздор! Золотое кольцо в ноздре свиньи, вот кто твоя женщина! «Коврами я убрала постель мою, разноцветными тканями египетскими: зайдем, будем упиваться нежностью, потому что мужа нет дома...» А-а, женщина! «Дом ее ведет к смерти и стези ее – к мертвецам...» Но довольно, довольно, друг мой. Пора, запирают, – идем!

И через минуту капитан, Чанг и художник на темной улице, где ветер с снегом задувает фонари. Капитан целует художника, и они расходятся в разные стороны. Чанг, полусонный, угрюмый, бочком бежит по тротуару за быстро идущим и шатающимся капитаном... Опять прошел день, – сон или действительность? – и опять в мире тьма, холод, утомление...

Так, однообразно, проходят дни и ночи Чанга. Как вдруг, однажды утром, мир, точно пароход, с разбегу налетает на скрытый от невнимательных глаз подводный риф. Проснувшись в одно зимнее утро, Чанг поражается великой тишиной, царящей в комнате. Он быстро вскакивает с места, кидается к постели капитана – и видит, что капитан лежит с закинутой назад головой, с лицом бледным и застывшим, с ресницами полуоткрытыми и недвижными. И, увидев эти ресницы, Чанг издает такой отчаянный вопль, точно его сшиб с ног и пополам перехватил мчащийся по бульвару автомобиль...

Потом, когда не стоит на пятах дверь комнаты, когда входят, уходят и снова приходят, громко разговаривая, самые разные люди – дворники, полицейские, художник в цилиндре и всякие другие господа, с которыми сживал капитан в ресторанах, – Чанг как бы каменеет... О, как страшно говорил когда-то капитан: «В тот день задрожат стерегущие дом и помрачатся смотрящие в окно; и высоты будут им страшны, и на дороге ужасы: ибо отходит человек в вечный дом свой, и готовы окружить его плакальщицы; ибо разбился кувшин у источника и обрушилось колесо над колодезем...» Но теперь Чанг не чувствует даже ужаса. Он лежит на полу, мордой в угол, крепко закрывши глаза, чтобы не видеть мира, чтобы забыть о нем. И мир шумит над ним глухо и отдаленно, как море над тем, кто все глубже и глубже опускается в его бездну.

А снова приходит он в себя уже на паперти, у дверей костела. Он сидит возле них с поникшей головой, тупой, полумертвый – только весь дрожит мелкой дрожью. И вдруг распахивается дверь костела – и ударяет в глаза и в сердце Чанга дивная, вся звучащая и поющая картина: перед Чангом полутемный готический чертог, красные звезды огней, целый лес тропических растений, высоко вознесенный на черный помост гроб из дуба, черная толпа народа, две дивные в своей мраморной красоте и глубоко траурные женщины, – точно две сестры разных возрастов, – а надо всем этим – гул, громы, клир звонко вопиющих о какой-то скорбной радости ангелов, торжество, смятение, величие – и все собой покрывающие неземные песнопения. И дыбом становится вся шерсть на Чанге от боли и восторга перед этим звучащим видением. И художник, с красными глазами вышедший в эту минуту из костела, в изумлении останавливается:

И, коснувшись задрожавшей рукою головы Чанга, наклоняется еще ниже – и глаза их, полные слез, встречаются в такой любви друг к другу, что все существо Чанга беззвучно кричит всему миру: ах, нет, нет – есть на земле еще какая-то, мне неведомая, третья правда!

В этот день, возвратясь с кладбища, Чанг переселяется в дом своего третьего хозяина – снова на вышку, на чердак, но теплый, благоухающий сигарой, усталый коврами, уставленный старинной мебелью, увешанный огромными картинами и парчовыми тканями... Темнеет, камин полон раскаленными, сумрачно-алыми грудями жара, новый хозяин Чанга сидит в кресле. Он, возвратясь домой, даже не снял пальто и цилиндра, сел с сигарой в глубокое кресло и курит, смотрит в сумрак своей мастерской. А Чанг лежит на ковре возле камина, закрыв глаза, положив морду на лапы.

Кто-то тоже лежит теперь – там, за темнеющим городом, за оградой кладбища, в том, что называется склепом, могилой. Но этот кто-то не капитан, нет. Если Чанг любит и чувствует капитана, видит его взором памяти, того божественного, чего никто не понимает, значит, еще с ним капитан: в том безначальном и бесконечном мире, что не доступен Смерти. В мире этом должна быть только одна правда, – третья, – а какая она – про то знает тот последний Хозяин, к которому уже скоро должен возвратиться и Чанг.

1916, Васильевское

Петлистые уши

Необыкновенно высокий человек, который называл себя бывшим моряком, Адамом Соколовичем, многим встречался в этот темный и холодный день то возле Николаевского вокзала, то в разных местах Невского проспекта. С панели Лиговки он, с непонятной серьезностью, смотрел на памятник Александру III, на вереницу трамвайных вагонов, описывающих круг по площади, на черные людские фигуры, на извозчиков и ломовых,двигающихся к вокзалу, на огромный почтовый автомобиль, выезжающий из-под вокзальной арки, на дроги, увозившие куда-то среди этого движения нищенский, никем не провожаемый ярко-желтый гроб; стоя на Аничковом мосту, он сумрачно заглядывался на темную воду, на посеревшие от нечистого снега баржи; бродя по Невскому, внимательно изучал товары в окнах магазинов. Не заметить и не запомнить его было нельзя, и всякий, кому он попадался на глаза, испытывал чувство смутной неприятности, какого-то беспокойства и, отворачиваясь, думал:

– Ах, какой ужасный господин!

Его обувь, узкие брюки, драповое пальто, забрызганное сзади грязью, и кожаный английский картуз говорили о том, что они носят давно, бессменно и во всякую погоду. Необыкновенно высокий, худой и нескладный, долгоногий и с большими ступнями, с свежесбранным ртом и желтоватой, довольно редкой американской опушкой под сильно развитой нижней челюстью, с лицом мрачным, недоброжелательным и сосредоточенным, не выпуская длинных рук из карманов и равномерно жуя мундштук папиросы, он подолгу стоял перед витринами. Точно ли уж так интересовали его все эти галстуки, часы, чемоданы, писчебумажные принадлежности? Сразу было видно, что нет, что он из числа тех странных людей, которые скитаются по городу с утра до вечера единственно потому, что могут думать только на ходу, на улице, или вследствие бездомности, в ожидании чего-нибудь.

Вечер он провел в дешевом ресторане недалеко от Разъезжей, с какими-то двумя матросами.

Не раздеваясь, все трое сидели в тусклой и холодной комнате за неуютным столиком у стены, причем Соколович поместился особенно неуютно: в спину ему глядел маленький круглоголовый татарин, стоявший в глубине комнаты за стойкой с закусками, перед глазами у него торчала на стене реклама пивного завода, изображающая трех счастливых хлыщей в цилиндрах на затылок и с пенящимися бокалами в руках, справа поминутно дуло ледяной сыростью, приносимой входящими с улицы посетителями, а слева веяло ветром от пробежавших к стойке и обратно

официантов: тут был порог в три ступеньки, – ход в коридорчик, откуда пахло кухней и кислотой газа, – и видна была открытая дверь в бильярдную, сверху темную, а внизу светлую, где крепко щелкали шары и ходили с киями на плечах и в одних жилетах безголовые мужчины: головы их терялись в сумраке. Садясь на свое беспокойное место, Соколович вынул из кармана пальто трубку и, перекосив брови, пристально посмотрел на пивную рекламу. Матросы разговаривали с подошедшим официантом, а он стал набивать трубку табаком и, ни к кому не обращаясь, медлительно сказал своим густым голосом:

– Почему собирают всякий вздор, а не собирают рекламы, то есть исторические документы, наиболее правдиво рисующие человеческие идеалы? Разве, например, вот эти франты не выражают мечту девяти десятых всего человечества?

– Вы ж сами панский сын, – неприязненно заметил на это один из матросов, Левченко.

– Я сын человеческий, – сказал Соколович с какой-то странной торжественностью, которая могла сойти и за иронию. – Мое панство не помешало мне видеть мир и всех богов его. Не помешало даже быть шофером... Это, знаете, очень острое удовольствие – видеть, как несется на тебя улица и как мечется впереди, не зная, в какую сторону кинуться, какая-нибудь прекрасная дама.

И, сказав, закурил, поставил локоть на стол, придерживая трубку крупной левой рукой, на которой под обшлагом не видно было рубашки и на удлинённой плоской кисти синела татуировка, – изогнутый японский дракон.

Весь вечер пили из чашек, под видом чая, кавказский коньяк, закусывая мятными розовыми пуговками, и немилосердно дымили. Матросы, как все рабочие люди, постоянно оскорбляемые жизнью, много говорили, каждый стараясь говорить только о себе, выискивали в памяти наиболее низкие поступки своих врагов и притеснителей, хвастались, – один будто бы дал однажды «в харю» придиричивому помощнику капитана, другой вышвырнул за борт боцмана, – и все спорили, поминутно крича:

– Ну, хотите пари?

Соколович сосал трубку, двигал челюстью и угрюмо молчал. Завсегдатай всяческих притонов от Кронштадта до Монтевидео, он, однако, никогда не пьянствовал, любил только джинджер, абсент. В этот вечер он не отставал в питье от своих компаньонов, но наружно хмель не оказывал на него влияния. И это тоже задевало матросов, тем более, что их, как они признавались впоследствии, всегда раздражало сильное и отталкивающее лицо Соколовича, его склонность к загадочной задумчивости и то, что они хорошенько не знали и не могли понять ни его характера, ни его прошлого, ни его теперешней бездомности и бездельной жизни. Левченко, пьяневший довольно быстро, раз крикнул ему:

– Он тоже тип! Мы ж вас угощаем, что ж вы не разделяете компании, а только смокчете свою копченую люльку?

И Соколович грубо и спокойно осадил его:

– Не орите, сделайте милость. Это меня сердит. Я уж не раз говорил вам, что вино на меня мало действует и не доставляет мне особого удовольствия. Вкус у меня притуплённый. Я так называемый выродок. Поняли?

Левченко смутился и ответил с напускной развязностью:

– Ну, да и вы тоже не задавайтесь, пожалуйста! Что такое я понял? Когда б вы были выродок, вы бы были больной и на вино слабый, а вы мне рассказываете обратно. Вы человека можете убить одной рукой, а говорите...

– А говорю правильно, – перебил Соколович, возвышая голос. – У всякого выродка одни восприятия и способности обострены, повышены, а другие, напротив, понижены. Поняли? И сила тут совсем ни при чем.

– А как же я того выродка узнать могу, если он здоровый, как той кабан? – насмешливо спросил Левченко.

– А по ушам, например, – ответил Соколович не то всерьез, не то насмешливо. – У

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
выродков, у гениев, у бродяг и убийц уши петлистые, то есть похожие на петлю, вот на ту самую, которой и давят их.

– Ну, знаете, убить всякий может, если разгорячится – небрежно вставил другой матрос, Пильняк, – Я раз в Николаеве...

Соколович выждал, пока он кончит, и сказал:

– Я, Пильняк, тоже подозреваю, что эти уши присущи не одним только так называемым выродкам. Страсть к убийству и вообще ко всякой жестокости сидит, как вам известно, в каждом. А есть и такие, что испытывают совершенно непобедимую жажду убийства, – по причинам весьма разнообразным, например, в силу атавизма или тайно накопившейся ненависти к человеку, – убивают, ничуть не горячась, а убив, не только не мучаются, как принято это говорить, а напротив, приходят в норму, чувствуют облегчение, – пусть даже их гнев, ненависть, тайная жажда крови вылились в форму мерзкую и жалкую. И вообще пора бросить эту сказку о муках совести, об ужасах, будто бы преследующих убийц. Довольно людям лгать, будто они так уж содрогаются от крови. Довольно сочинять романы о преступлениях с наказаниями, пора написать о преступлении без всякого наказания. Состояние убийцы зависит от его точки зрения на убийство и от того, ждет он за убийство виселицы или же награды, похвал. Разве, например, признающие родовую месть, дуэли, войну, революцию, казни мучаются, ужасаются?

– Я читал «Преступление и наказание» Достоевского, – заметил Левченко не без важности.

– Да? – сказал Соколович, поднимая на него тяжелый взгляд. – А про палача Дейблера вы читали? Вот он недавно умер на своей вилле под Парижем восьмидесяти лет от роду, отрубив на своем веку ровно пятьсот голов по приказу своего высокоцивилизованного государства. Уголовные хроники тоже сплошь состоят из записей о самом жестоком спокойствии, цинизме и резонерстве самых кровавых преступников. Но дело, однако, не в выродках, не в палачах и не в каторжниках. Все человеческие книги – все эти мифы, эпосы, былины, истории, драмы, романы, – все полны такими же записями, и кто же это содрогается от них. Каждый мальчишка зачитывается Купером, где только и делают, что скальпы дерут, каждый гимназист учит, что ассирийские цари обивали стены своих городов кожей пленных, каждый пастор знает, что в Библии слово «убил» употребляется более тысячи раз и по большей части с величайшей похвалой и благодарностью творцу за содеянное.

– Зато это и называется Ветхий завет, древняя история, – возразил Левченко.

– А новая такова, – сказал Соколович, – что от нее встала бы шерсть у гориллы, умей она читать... Ну, нет, – сказал он, кося брови и отводя глаза в сторону, – с Каином гориллам двуруким нечего равняться! Далеко ушли они от него, давно потеряли наивность – вот с тех самых пор, вероятно, как построили Вавилон на месте своего так называемого рая. У горилл настоящих еще не было ни этих ассирийских царей, ни Цезарей, ни инквизиции, ни открытия Америки, ни королей, подписывающих смертные приговоры с сигарой во рту, ни изобретателей подводных лодок, пускающих ко дну сразу по несколько тысяч человек, ни Робеспьеров, ни Джеков-Потрошителей... Как вы думаете, Левченко, – спросил он, снова поднимая строгие глаза на матросов, – мучились все эти господа муками Каина или Раскольникова? Мучились всякие убийцы тиранов, притеснителей, золотыми буквами записанные на так называемые скрижали истории? Мучаетесь вы, когда читаете, что турки зарезали еще сто тысяч армян, что немцы отравляют колодцы чумными бактериями, что окопы завалены гниющими трупами, что военные авиаторы сбрасывают бомбы в Назарет? Мучается какой-нибудь Париж или Лондон, построенный на человеческих костях и процветающий на самой свирепой и самой обыденной жестокости к так называемому ближнему? Мучился-то, оказывается, только один Раскольников, да и то только по собственному малокровию и по воле своего злобного автора, совавшего Христа во все свои бульварные романы.

– Майна! Поехало! – крикнул Левченко, желая перевести в шутку уже тяготивший его разговор.

Соколович помолчал и, сплюнув между колен, спокойно добавил:

– В войнах участвуют теперь уже десятки миллионов. Скоро Европа станет сплошным царством убийц. Но ведь всякий отлично знает, что мир ни на йоту не сойдет с ума

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru от этого. Говорили когда-то, что на Сахалин поехать очень страшно. Но желал бы я знать, кому придет в голову побояться поехать через год, через два, когда кончится война, по Европе?

Пильняк стал рассказывать о своем дяде, который зарезал из ревности свою жену. Соколович, послушав, заметил в сумрачном раздумье:

– Людей вообще тянет к убийству женщины гораздо больше, чем к убийству мужчины. Наши чувственные восприятия никогда не бывают так внимательны к телу мужчины, как к телу женщины, низкому существу того пола, который родит всех нас, отдаваясь с истинным сладострастием только грубым и сильным самцам...

И, поставив локти на колонн, снова замолк и как бы забыл о своих собеседниках.

В одиннадцатом часу, небрежно, свысока простясь с матросами, оставшимися сидеть в ресторане, он опять направился к Невскому.

Яркое освещение Невского подавлял густой туман, такой холодный и пронзительный, что у полицейского офицера, управлявшего на углу Владимирской водоворотом надвигавшихся друг на друга карет, саней и глазастых автомобилей, усы казались седыми, белыми. Возле Палкина отчаянно бил и ерзал по скользкой мостовой копытами, силясь справиться и вскочить, упавший на бок, на оглоблю, вороной жеребец, которому торопливо и растерянно помогал бегавший вокруг него лихач, очень странный в своей чудовищной юбке, и кричал, махая рукой в нитяной перчатке, разгоняя народ, краснолицый великан-городовой, плохо двигавший одеревеневшими от стужи губами; до слуха Соколовича донеслось, что задавлен какой-то переходивший улицу старик с белой бородой и в длинной енотовой шубе, будто бы знаменитый писатель, но Соколович даже не приостановился. Он повернул на Невский.

Некоторые обгоняли его, с удивлением заглядывали ему снизу в лицо, некоторых обгонял он сам. Запустив руки в карманы и приподняв плечи, пряча влажную от тумана челюсть в ворот и косясь на мелкую черную толпу, бегущую перед ним, почти противоестественно выделяясь над этой толпой своим ростом, он мерно клал по панели свои длинные ступни, все время начиная с левой ноги и делая левый шаг шире правого. От электрических столбов падали в дым тумана угольные тени. Густо, с однообразным топотом катились в этом дыму заиндевевшие извозчичьи лошади; рысаки неслись среди них, выделяясь силой и нахальством, кидая из ноздрей пар, мешавшийся с летевшими по ветру дымными волнами; вихрем промелькнула бешено мчавшаяся пара – молоденький офицер, крепко охвативший талию дамы, прижавшейся к нему и спрятавшей лицо в каракулевую муфту... Соколович замедлил шаги и долго глядел вслед этой паре, туда, где в ледяной мути огромного потока, которым казался Невский, терялась бесконечная цепь винно-красных трамвайных огней и вспыхивали зеленатые зарницы. Большое лицо его было свирепо в своей сосредоточенности.

Он наискось пересек Аничков мост и пошел по другой стороне проспекта. Ветром и туманом понесло сильнее, вдали, в темной и мгlistой высоте, означился красноватый глаз часов на башне городской думы. Соколович остановился и довольно долго стоял, закуривая папиросу и исподлобья оглядывая бесконечно и медленно проходивших мимо, уже появившихся на панели проституток; за ним было громадное зеркальное окно запертого, печально, по-ночному, освещенного магазина, откуда неподвижно смотрели восковые красавцы блондины с большими редкими ресницами, в дорогах пальто и шубах, с деревянными ножками, мертво торчащими из-под модных, великолепно заглаженных панталон... Потом он зашагал дальше, дошел до обезглавленного туманной темнотой Казанского собора и поднялся на крыльцо Доминика.

Там, в тесной толпе, евшей и пившей стоя и не раздеваясь, точно на улице, он сел в темном углу, – светло было только над стойкой, осаждаемой толпой, – и спросил себе черного кофе. Совершенно неожиданно появился у его столика какой-то щуплый господин в котелке, с озябшим личиком, быстро попросил позволения взять серпик из спичечницы и, быстро осветив его, скороговоркой спросил:

– Простите, пожалуйста, вы мне ужасно напоминаете одного моего виленского знакомого Яновского?

Соколович твердо посмотрел ему в глаза и с тяжеловесной серьезностью ответил:

– Вы ошибаетесь, господин сыщик.

У Доминика он просидел до часа ночи. Наконец, опустевший зал ресторана наполнился стуком стульев, которые, переворачивая, швыряли на столики ставшие вдруг вольными и грубыми лакеи. Он взглянул на свои большие серебряные часы и поднялся с места.

Ночью в туман Невский страшен. Он безлюден, мертв, мгла, туманящая его, кажется частью той самой арктической мглы, что идет оттуда, где конец мира, где скрывается нечто непостижимое человеческим разумом и называется Полюсом. Середина этого дымного потока еще озарена сверху белесым светом электрических шаров. На панелях, возле черных витрин и запертых ворот, темнее. По ним, напевая, гуляющим шагом, бродят беспечные на вид, но до нутра продрогшие от ледяной сырости, дешево и несоответственно обстановке наряженные женщины, и лица некоторых из них поражают таким ничтожеством черт, что становится жутко, точно натыкаешься на существо какой-то иной, чем люди, неведомой породы.

Соколович, выйдя от Доминика и пройдя шагов двести, взял из этих женщин некую, как оказалось потом, Королькову, называвшую себя просто Корольком, небольшую, мелкую, но от дурной модной одежды на вид широкую, в шляпке, как-то очень сложно и тоже широко сделанной из черного бархата и украшенной пучком стеклянных вишен. Широкоскулое личико ее с черными, глубоко запавшими глазками имело в себе нечто, напоминавшее летучую мышь. Покачивая головой с притворной развязностью, даже как бы с некоторым сознанием неотражимости своего пола, держа одной рукой юбку, а другой, вдетой в большую плоскую муфту из блестящего черного меха, закрывая рот, она вдруг загородила дорогу сутуло шагавшему Соколовичу. Он, зорко окинув ее взглядом, тотчас же густо крикнул стоявшему на углу ночному извозчику. И вот, усевшись в низкую пролетку, покатила эта пара сперва по Невскому, потом по площади, мимо светящихся часов Николаевского вокзала, уже темного, отпустившего все свои поезда в глубь снежной России, мимо той ужасной толстой лошади, что вечно гнет, в дожде или тумане, свою большую голову, прося повода у своего дородного седока, потом по Гончарной – далее, по туманным улицам и переулкам, в таинственную глушь ночных столичных окраин.

Дорогой Соколович молча курил. Королькова, видимо, тяготясь этим молчанием, заметила, что, по ее мнению, папиросы «Голенищев-Кугузов» лучше, чем «Сирень». Эта попытка завести разговор простой, как бы даже несколько дружеский, еще не связанный с целью путешествия, была жалка и трогательна; но Соколович промолчал. Тогда она стала просить, чтобы он заплатил ей вперед, и с напускной смелостью прибавила, что на всю ночь она согласна только за хорошую цену. Он молча вынул и подал ей два серебряных рубля. Она взяла, попробовала один из них зубом, нашла, что он фальшивый, спрятала его в муфту, говоря, что это не идет в счет, что она оставляет его только так, на память, потому что теперь война и серебро редко, запрещено, и стала просить еще. Помедлив, Соколович дал ей еще рубль. Тогда она сделала новую попытку – быть женщиной: внезапно вздрогнула и сделала движение прижаться к нему. Вздрогнула она притворно, но, должно быть, непритворно было чувство, вдруг охватившее ее: она остро ощутила влечение к нему, большому, сильному, цельному в своем безобразии и беспощадной мрачности. Но он не ответил на ее движение. Заехали они далеко. Королькова приказала извозчику остановиться возле двухэтажного кирпичного дома с вывеской: «Номера для приезжающих Белград». Было уже без четверти два, место было глухое.

Во втором этаже «Белграда», куда Соколович поднялся с Корольковой по затоптанному половику, гостей встретил в полутемном коридоре номерной Няньчук, спавший на узком деревянном диванчике под дрянным зимним пальто с вытертым барашковым воротником. Рост, мрачно-сосредоточенный вид и жидкая, мокрая от тумана американская борода Соколовича поразили его спросонья. Он поднялся и неприветливо спросил:

– Что нужно?

– Точно ты не знаешь, болван, – сквозь зубы сказал Соколович, самоуверенно проходя мимо него и кладя ему в руку серебряный полтинник.

Няньчук хотел было обидеться и сказать: «От такого же слышу», но ощутил в руке деньги, узнал Королькову, которая, проходя, проговорила: «Не узнал меня, богатой быть!» – и только нахмурился. Недовольно бормоча, что им и так каждый день

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
неприятности от полиции, он опередил Соколовича и, черкнув спичкой, распахнул дверь в сложно и сладко чем-то пахнувший, душный и очень теплый номер, половину окна в котором наискось загромождала крыша какой-то дворовой постройки. За окном, за черными стеклами, глухо раздавались голоса, слышался шум какой-то машины и точно в аду пылал багровый огонь огромного факела.

– Что это такое? – строго и даже тревожно спросил Соколович, останавливаясь.

– Ночные работы, ассенизация, – проворчал Няньчук, все еще чувствуя обиду, и, засветив на подзеркальнике две свечи в красных розетках и пузырями опуская белую коленкоровую штору, осведомился, чего гости будут требовать.

Соколович потребовал себе квасу и, странно усмехнувшись, прибавил:

– А для барышни фруктов.

– Фруктов нету, – ответил Няньчук. – Виноград есть. Полтора рубля порция.

– Прекрасно, – сказал Соколович, – подай винограду. Корольковой такое обращение, видимо, польстило: Стараясь быть и в самом деле барышней, которую зимой угощают виноградом, оглядывая номер, потопывая озябшими ногами и дую в муфту, она капризно заметила:

– Ой, ой, он, верно, холодный!

Через минуту Няньчук принес на большом железном подносе виноград и две откупоренные бутылки, из которых полезла пена, и Соколович тотчас же запер дверь на ключ. Королькова, когда выходил Няньчук, щипала, стоя у стола и все еще дыша в муфту, пересыпанные опилками, твердые зеленые виноградины, а ее страшный спутник с своим желтым ожерелком и свежесбрившим ртом снимал в углу пальто, разматывал длинный шарф из грубой лиловой шерсти. И затем номер, за окном которого пылало зловещее пламя и глухо шумела сокровенная ночная работа, облекся в тайну.

В четыре часа задребезжал в коридоре звонок. Няньчук очнулся, скинул с диванчика ноги в стрипках подштанников и войлочных туфлях и пошел к ящику звонка. Там выскочила цифра три. Из-за двери третьего номера женский голос потребовал десяток папирос «Зефир». Возвращаясь из буфета с папиросами, заспанный Няньчук спутал, в какой именно номер нужно подать их, и постучал в восьмой, отданный Соколовичу. Грубый, низкий бас медленно спросил из-за двери:

– В чем дело?

– Ваша барышня папиросы просила, – сказал Няньчук.

– Моя «барышня» не просила да ни в каком случае и не могла просить папирос, – ответил бас наставительно.

И Няньчук, тотчас вспомнив, кому нужно подать коробочку, и подав ее в полную женскую руку, выгнувшуюся в приотворенную дверь третьего номера, снова лег на свое место и крепко заснул под мерное постукивание часов в конце коридора полутемной и тихой гостиницы.

Снова очнулся он только в седьмом часу: над ним, во весь свой рост, в пальто и в картузе, стоял и толкал его в плечо постоялец из восьмого номера.

– Вот тебе за номер и за труды, – сказал он. – Выпусти меня. Мне пора на завод, а барышня велела разбудить себя в девять.

– А за виноград же? – быстро и с тревогой спросил Няньчук.

– Я все счел, – сказал Соколович. – По-моему, четыре семь гривен. А я тебе пять с полтиной даю. Понял?

И спокойно пошел к лестнице.

С полузакрытыми от жажды сна глазами, поправляя плечом накинутае на плечи пальто, Няньчук опять опередил его и затопал вниз по ступенькам лестницы.

Соколович терпеливо ждал, пока он одолеет туго повертывавшийся в дверной скважине ключ. Наконец дверь распахнулась. Он прошел мимо Няньчука, приподнял ворот и, как оперный певец, боящийся простуды, закрывая рукой горло, густо сказал себе в бороду: «До свиданья», – и вышел на улицу, на сырой и свежий воздух. Было еще совсем темно и тихо, но в этой темноте и тишине уже чувствовалось близкое утро. Надо всей окрестной далью, надо всем огромным гнездилищем еще безмолвной столицы стоял невнятный, отдаленный стон фабрик и заводов, зовущий из всех своих нищенских приютов, из всех своих низов и притонов несметный трудовой люд. Фонарь, стоявший со своей черной тенью против гостиницы, освещал часть мостовой и улицы. Туман рассеялся, ночью шел снежок, – громада теса, возвышавшаяся из-за забора за фонарем, траурно белела на черноте ночи. Соколович повернул направо и скрылся вдаль. Продрогший Няньчук хлопнул дверь и побежал по лестнице назад, наверх.

Ложиться снова было уже ни к чему. Он стал искать под диваном ботинки – и вдруг увидел, что дверь восьмого номера приоткрыта и что за нею есть свет. Он вскочил и кинулся к номеру, в номере было так страшно тихо, как не бывает, когда есть в нем хотя бы и спящий человек, трещали догоревшие в лопнувших розетках свечи, в сумраке бежали тени, а на кровати торчали из-под одеяла короткие голые ноги лежавшей навзничь женщины. Голова ее была придавлена двумя подушками.

1916

Соотечественник: #comm013

Этот брянский мужик мальчишкой был привезен в Москву из деревни, состоял на побегушках при купеческом амбаре на Ильинке, стрелой летал в трактиры за кипятком: схватит медный чайник и мчится в галереях Старых Рядов, темной водяной струей выписывая по серому полу цифру восемь... бойкий зимний день, идет снежок, Ильинка чернеет народом, бегут, тасуются извозчицьи лошади, а он, в одной рубашке, без шапки, – голова у него похожа на красного ежа, – срывается с тротуара, выскочив на улицу, и жжет на подошвах по льду в канавке...

Представьте же, как странно видеть этого мужика в тропиках, под экватором! Он сидит в своей конторе, в старинном доме голландской постройки. За окнами – жаркий белый город, голые черные рикши, магазины драгоценных камней, отели, полные туристов со всех концов земли, в теплой зеленой воде гавани – американские и японские пароходы, за гаванью, на низменных побережьях, – кокосовые леса... Одетый во все белое, рослый, узловатый, огненно-рыжий, с голубой, веснушчатой кожей, бледный и энергично-возбужденный, даже просто шальной, – от зноя, нервности, постоянного хмеля и деловитости, – с виду он не то швед, не то англичанин. Письменный стол его весь завален бумагами, счетами. Кругом стоит сухой треск ремингтонов. Старик-индус, босой, в халате и тюрбане, бесшумно и быстро меняет своими темными, изящными руками в серебряных кольцах бутылочки холодной содовой воды и поминутно, с таинственной миной, докладывает о посетителях, к каждому слову прибавляя: сэр. А сэр весь поглощен, – или притворяется, что поглощен, – беседой с гостем из России, перед которым он играет роль радушного хозяина этого тропического острова. На столе несколько раскрытых коробок с дорогими сигарами, с турецкими, египетскими, английскими и гаванскими папиросами. Он знаток в табаках, – как и во всем, впрочем, – он угощает то тем то другим... Мельком взглянув на поданную бумагу, он, среди разговора, твердо и коротко расчеркивается на ней; увидев входящего посетителя, меняет выражение лица, двумя, тремя фразами кончает дело и снова подхватывает прерванную беседу; принимая депешу, разрывает ее как-то особенно небрежно, на мгновение нахмуривается, пробегая: «А, идиоты!» – крепко выговаривает он с досадой и, отбросив в сторону, тотчас забывает или притворяется, что забывает о ней... У него все идиоты. Он уже успел удивить гостя своей самоуверенностью, решительным и скептическим умом, деловитостью, огромным житейским опытом и несметными знакомствами с людьми самых разнообразных классов и положений. Кого ни назови из московских знаменитостей, – купцов, администраторов, врачей, журналистов, – он всех знает, да хорошо знает и цену каждому из них. А какая у него осведомленность по части всяких закулисных тайн, редких карьер и темных историй!

Гость еще в Порт-Саиде много слышал о нем от одного его приятеля, с циничной веселостью говорившего, что Зотов прошел огонь, воду и медные трубы: «Да-а, –

говорил этот приятель, покачивая головой с насмешливой и загадочной улыбкой, – «хорош мальчик!» На месте гость узнал еще больше и главным образом из отрывочных фраз самого же Зотова. Странно, неожиданно проявляются таланты на Руси и чудеса делают он при счастливых жребиях! А он вынул жребий необыкновенно счастливый, прибыв в Москву мальчишкой. Был у него там дядя, сытый, умный мужик, уже приобретший и достаток и сознание собственного достоинства, ловко умевший, не роняя себя, услужить порядочному господину. Работал этот дядя в Сандуновских банях, и многие, кого окружал он облаками горячей и душистой мыльной пены, звали его по имени, любили поговорить с ним. Любил и Нечаев, либеральный, образованный крез, большой, полный купец в золотых очках. Мудрено ли было, накинув на розовое распаренное тело скользкую, тонкую простыню, замолвить словечко о мальчишке–племяннике? И мальчишка попал не дратву сучить, не утюги раздувать, а в сумрачный, чистый и тихий амбар на Ильинке, все остальное было делом его личной живости и талантливости. Как начинают эти счастливы и самородки, – известно: днем мальчишка на побегушках, вечером по собственной охоте, без всяких руководителей, корпит при тусклом огарке, учится читать, писать; утром, до прихода приказчиков, ничего не понимая, но упрямо одолевает газету; а только чукнут приказчики – он уже тут как тут, как лист перед травой, ловит каждое слово, каждый взгляд... Лет двенадцати этот мальчишка, обративший на себя исключительное хозяйское внимание, был взят в хозяйский дом, а на восемнадцатом году был уже в Германии, изучал бумажное дело, работал не хуже любого немца: иностранцы будто бы верить не хотели, что он русский. «Часто не верят и теперь, болваны!» – говорит Зотов, по своему обыкновению отрывисто и грубовато, бросая одну папиросу и тотчас же закуривая другую. Второй день он в черных очках, потому что одна бровь у него разбита: поскользнулся, говорит, на кожуцу банана в баре, – значит, хорош был. А ведь он здесь, на острове, по своему положению персона. Все время владеет он любопытством, вниманием собеседника. Он, этот до наглости смелый человек, заражает своей смелостью, своей энергией, порой восхищает даже. Но, слушая его, дивясь ему, глядишь на него и думаешь: да, но он ведь пьян, пьян! Он всегда во хмелю – от нервности, от жары, от табаку, от виски: много пьют англичане, но, конечно, не один из них во всем этом белом городе не выпивает за день столько, сколько Зотов, не глотает так жадно ледяную содовую воду, не выкуривает такого количества сигар и папирос, не говорит так много и путано...

После заграничной выучки он работал дома и пользовался неограниченным доверием своего воспитателя. Но в самостоятельности он уже не хотел знать меры, равно как и в тратах. Посланный в Среднюю Азию, он вдруг, по какому-то пустому поводу, поссорился, порвал все свои связи с Нечаевым – и сразу превратился в человека, ровно и твердо шедшего в гору, чуть не в искателя приключений. Он изъездил всю Сибирь, побывал на Амуре, в Китае, сгорая нетерпением начать какое-нибудь собственное дело, – такое, которое привело бы его к обогащению. Кончил он тем, что ввязался в большое чайное дело, устроив себе еще, кроме того, две службы, и вот уже шестой год прибывает здесь, в тропиках, облеченный немалыми полномочиями... Редкий европеец поставил бы так легко крест на своей изумительной по Удаче судьбе, да даже просто на своей специальности, взявшей столько лет труда! Не отдался бы европеец на прихоть случайностей, не взвалил бы на себя и правительственную службу, и пароходную агентуру, и чайные дела, не затеял бы наряду со всем этим еще афер с жемчужными раковинами, не содержал бы свою черную любовницу, – редкую, по слухам, красавицу, – на диво всему городу... Он очень себе на уме, но порою очень бестактен, одинаково сильно проявляет то большую выдержку, то несдержанность, то скрытность, то болтливость, щеголяет своим простым происхождением и в то же время хвастает знакомством с людьми знатными, на чем свет стоит ругает русское правительство и с видимой гордостью держит у себя на столе фотографический портрет красивого военного, собственноручно пожаловавшего ему этот портрет с кратким надписанием своего имени; рассказывая что-нибудь, по его мнению, забавное, не понимает зачастую, что смысл этого забавного можно истолковать совсем не в его пользу: например, из его же собственных рассказов узнал гость, что уж слишком всезнающим, чуть не проходивцем казался он некоторым из тех дельцов Сибири, Манджурии, с которыми так быстро сходился он, которых очаровывал на первых порах своей любезностью и общительностью, своими замашками человека, привыкшего жить на широкую ногу, понимающего толк решительно во всем, начиная с сигар, вина, женщин, и кончая какими-то раскопками на филиппинских островах, весьма будто бы губительными по причине земляного микроба...

Вечером гость едет с ним за город.

Там, на берегу океана, есть ресторан, где туристы и резиденты отдыхают от городской духоты, пьют чай, брэнди, шампанское и любят закатом с площадки перед рестораном. Едут туда на рикшах, в крохотных колясочках, друг за другом, по бесконечной дороге среди вековой растительности, мимо бунгалоу и дикарских хижин, и целый час видит перед собой гость из России только голое тело коричневого человека, мчащего его все дальше под ветвистый свод раскидистых деревьев, а за ним, за этим телом и его черноволосой головой, – большую белую фигуру Зотова, высоко и прямо сидящего в своей колясочке. На полпути Зотов вдруг обертывается и, поднимая палку, кричит гостю:

– Хотите заедем?

Гость отвечает согласием, – Зотов указал на небольшой буддийский монастырь, – и тяжело дышащие, мокрые от пота дикари подкатывают к проходу между хижинами под пальмами.

– Ну, не наше ли, не российское ли? – говорит Зотов, выходя из экипажа. – Только у нас так бессовестно много этой листвы, этого леса, этих лачуг, этих грязных мальчишек! Вы только поглядите, – говорит он, указывая палкой на хижины, на их лиственные и камышовые крыши, на голых детей и на старых и молодых туземцев, любопытно обступивших проезжих. – И вечер-то наш, летний, душный и такой анафемски скучный! – раздраженно говорит он, направляясь к старой кумирне, стоящей на холме под тонкими кокосовыми пальмами, где уже ждет жрец в желтом плаще, с обнаженным правым плечом, с небольшой, сдавленной в висках бритой головой и пристальными, безумными глазами. Войдя в темное маленькое святилище, соотечественники снимают мокрые от пота, холодные внутри шлемы. Жрец пальцами указывает на головы и мотает им: этого, мол, не требуется.

– Много ты понимаешь, дурак! – говорит Зотов по-русски и долго, с какой-то странной серьезностью, глядит на двухсаженную деревянную статую, красно и желто расписанную и раззолоченную, лежащую на боку за черным каменным жертвенником, на котором насыпаны мелкие монеты, никелевые кольца и курятся ароматическим дымком тончайшие коричневые палочки.

– А раскрашен-то, лакирован-то как! – говорит он отрывисто. – Точь-в-точь деревянные миски и чашки на наших ярмарках...

И небрежно кидает на серебряную тарелку, протянутую жрецом, тяжелый червонец...

Когда приезжают в ресторан, лицо у него меловое, и черные очки очень страшны на этом лице. «Я целых два часа ничем не отравлялся, ничего не пил, не курил и потому смертельно уморился», – говорит он. И как только садится к столику на площадке перед рестораном, на обрывистом берегу, заваленном внизу голубыми валунами, вечно купающимися в теплой воде океана, тотчас заказывает шампанского.

Вино очень холодное, и оба жадно пьют его, быстро хмелея и глядя на темнеющий сиреневый океан, на бесконечно далекий закат, мутно- и нежно-розовый. Дует теплый слабый ветер, дремотно звенят какие-то насекомые в кустарниках... И вдруг Зотов далеко бросает папиросу, быстро закуривает другую и снова, волнуясь, с упорством, начинает говорить о сходстве этого острова с Россией.

Гость усмехается. Зотов путано и торопливо возражает ему. Дело, говорит он, не в одном внешнем сходстве... да он даже и не сходство, собственно, имел в виду, а скорее свои ощущения... может быть, эти ощущения шатки, болезненны, ну, да это уж другой вопрос... в этом климате сам черт сойдет с ума, с этим климатом нельзя шутить... а вот, рассуждая о всяческих дальневосточных опасностях, как-то совсем забывают об этом, забывают, что господам арийцам и особенно нам, русским, следует совершать свои победоносные шествия в тропики с крайней осторожностью, почаще вспоминая своих пращуров и завоевание ими Индостана, так знаменательно кончившееся буддизмом: ведь это же мы, арийцы, залезшие после Тибета в тропики, породили это ужасающее в своей непреложной мудрости учение... И затем горячо начинает уверять, что «вся сила в том», что он уже видел, чувствовал индийские тропики, может быть, тысячи лет тому назад, – глазами и душой своего бесконечно дальнего предка...

Он говорит, – с тонкостью, страстностью и красноречием, которых никак нельзя было ожидать от него, – что он испытал чувства необыкновенные на пути сюда, в те жаркие звездные ночи, когда впервые глядел на Южный Крест, на Канопус и на те

первозданные звездные туманности, что называются Магеллановыми Облаками, видел Угольные Мешки, эти траурные пролеты в бесконечность мировых пространств, и страшно великолепии Альфы Центавра, игравшей на совершенно пустом небосклоне, где точно начиналось какое-то безмерное, недоступное нашему разуму Ничто... Да, да, восклицает он настойчиво, уставясь на гостя своими черными очками, – совершенно пуст был небосклон вокруг нее! Зрелище нового мира, новых небес раскрывалось передо мною, но мне казалось, – и это ощущение было до ужаса живо во мне, уверяю вас! – мне казалось, что я уже видел их когда-то. Все дни и ночи широко размахивала нас в океане плавная мертвая волна. Мы шли навстречу восточному муссону, он дул резко и сильно, от его непрерывного воздушного тока гудело в ряхах и рябило в глазах, ход казался быстрым... Просыпаясь по ночам в горячей темноте своей каюты, я шел отдыхать от своего изнурительного сна на верхние палубы, на ветер, под эти звезды – совсем не те, что я видел всю жизнь, с самого рождения и с которыми уже сроднился, совсем другие, но вместе с тем как будто и не совсем новые, а смутно вспоминаемые. В их тусклом свете стоял непрерывный шум океана, пароход медленно клал с одного бока на другой, и, точно удавленники в серых саванах, с распростертыми руками, качались и дрожали возле трубы длинные парусиновые вентиляторы, жадно ловившие своими отверстиями свежесть муссона, с которым уже доносилось до нас горячее дыхание нашей страшной Прародины. И тут порою охватывала меня такая тоска, – тоска какого-то бесконечно далекого воспоминания, – что человеческим словом не выразишь даже и сотой доли ее...

Дует слабый, сладкий ветер, дремотно звенят кустарники. Сумерки начинают наливать тем сказочным оранжево-золотистым светом, который всегда возникает в тропиках вскоре после заката. Оранжево-золотистой пеной кипит прибой, в оранжево-золотистом озарении лица и белые одежды... «Как связать то, чем он дивил меня днем, и то, чем дивит теперь?» – думает гость из России про своего удивительного соотечественника. А тот смотрит на него своими черными очками и упрямо повторяет:

– Да, да, я уже был здесь... И вообще, я человек обреченный... Если бы вы знали, как страшно запутаны мои дела! Еще больше, кажется, чем душа и мысли! Ну, да из всего есть выход. Дернул собачку револьвера, поглубже всунув его в рот, – все эти дела, мысли и чувства разлетятся к чертовой матери!

1916

Отто Штейн: #comm014

I

Была осень.

Шли дожди, улицы Берлина были полны раскрытыми зонтиками и мокрыми верхами экипажей, блестели асфальтом, точно черное зеркало.

А Штейн, молодой ученый, готовившийся к отъезду, к научной экспедиции в тропические страны, целые дни проводивший в магазинах, в транспортных конторах, в бюро спальных вагонов и пароходных обществ, мысленно жил уже не в Берлине, не забывая, впрочем, что делать заказы и наводить справки надо здраво и расчетливо.

Несмотря на свои скромные средства, он постарался обставить свое путешествие всеми доступными для него средствами и обеспечить себе его плодотворность насколько возможно: в глубине души он таил твердую уверенность, что когда-нибудь оно будет рассматриваться как событие, что оно не пройдет бесследно для науки, «для великого дела познания единосущного во всем своем многообразии мирового бытия, на разумном понимании которого человечество уже воздвигает свою новую, истинную и незыблемую религию», как не раз думал он, верный ученик и последователь Геккеля.

Все свои вещи, все те сундуки и ящики разной величины и формы, куда было уложено все необходимое для его работ, а также тропические костюмы, охотничья обувь, дорогое английское ружье, револьверы, принадлежности для фотографирования, он отправил на пароход «Лютцов», в Геную.

Затем сделал прощальные визиты знакомым и товарищам, написал прощальные письма родным и друзьям и наконец сел в автомобиль, который и помчал его на Ангальтский вокзал.

Было тихое и светлое утро начала ноября, с блеском низкого солнца на перекрестках и легким голубым туманом в перспективе сыроватых улиц.

При повороте на Унтер-ден-Линден, где на черных деревьях еще висели редкие канареечные листья, на минуту пришлось задержаться: щеголяя своими ранними выездами, медленно ехал, в блестящей каске и серой летней шинели, император, сидевший рядом со старым, ужасным в своей апоплексической крепости генералом; Штейн хорошо видел не в меру властный профиль императора – и с достоинством поднял котелок.

Потом автомобиль пошел еще шибче и через пять минут доставил его на место, а синие блузы носильщиков, гулкие громадные залы, толпа, льющаяся к высоким дверям дебаркадера, вид стройного, шипящего под его стеклянным колпаком поезда, кислая вонь газа и каменного угля, мальчики с тележками-буфетами и звонкие их крики уже совсем перенесли его в дорожный мир.

Поезд, в который он сел, был великолепный.

Вагон, раскачиваясь и пружиня, летел почти без остановок.

Стекла нагревались от солнца, по купе ходили полосы горячего света, из-за белого дыма, проносившегося назад, то и дело открывались солнечные осенние поля, суглинистые пашни, красные крыши ферм, мелкорослые сосновые перелески, серебристо-песчаные бугры, трубы заводов, иногда – улицы городов, их разнообразно теснившиеся крыши и стены, так близко мелькавшие с обеих сторон, что взгляд улавливал внутренность комнат с открытыми на время утренней уборки окнами.

Штейн курил, читал газету; на остановках он быстро спускал широкую раму своего окна, быстро брал из рук мальчика, бежавшего по солнечной прохладной платформе, длинный стакан с пивом...

II

В Генуе его встретил дождь и мягкий морской воздух.

Все привычное, европейское осталось по ту сторону снежных и туманных Альп.

Здесь было все другое – другой вокзал, другой народ. Другая суета, даже другая грязь на дурной мостовой.

Чувствуя себя человеком другой, высшей расы, Штейн, однако, не без удовольствия взглянул на итальянцев, на этих торопливых и разговорчивых, небольших и легких людей, и на мокрую зелень пальм на площади перед вокзалом.

Ночь он провел в сырой комнате, окна которой выходили в узкие и глубокие, нищенски и мрачно освещенные улицы на белье и тряпки, развешанные на веревках, протянутых от дома к дому.

На другой день, под дождем, на плохом извозчике, на худой лошади, которая все шла боком, точно норовя непременно попасть под трамвай, переехал на «Лютцов», который вскоре и отчалил под звуки немецкого гимна.

Натянулся канат, на котором повлек его тупоносую громаду побежавший к выходу из порта маленький буксир, и мыльная вода, взбитая его винтом, лодки, волнорезы, пароходы – все поплыло назад.

Сумрачные облака тяжело спускались по горам, синевшим за холмами, на которых покато белел отдалявшийся город; разомкнулся и снова сомкнулся последний мол – и открылась впереди равнина неприветливого моря, сверкавшая барашками под ненастным низким небом; снег прибоя высоко взметывался вокруг темневшего вдали мыса, ветер буйно трепал еще не спущенный на корме большой флаг; музыка смолкла,

Штейн, рослый, рыжеусый, светлоглазый, в сером тирольском костюме, с крупными и сильными ногами, в увесистых шерстяных чулках, в дорогих грубых башмаках, в тирольской шляпе, долго стоял один, глядя на уменьшавшиеся и мутневшие берега.

III

В сумерки девятого ноября «Лютцов» прошел мимо Неаполя, и сумерки эти были еще мягче и темней, чем в Генуе, веяло еще более вольным ветром над огромным смутным заливом, за которым длинной цепью переливались манящие к себе огни города.

Потом, в серый, совсем весенний день, Штейн увидел среди серо-жемчужной морской равнины одинокий фиолетовый конус дымящегося Стромболи, перед вечером курчавые облака на горах Сицилии, а ночью – новые огни, в Мессине.

На розовой утренней заре, разбуженный медленной, но глубокой качкой, мерно отделявшей от койки занавеску, о любовался в отпотевшее окно каюты, под которым глянцевиными буграми ходила холодная вода, полосатым шатром Этны, распластанным и повисшим в ясном небе; в полдень, при южном ветре и веселом жидком блеске, записал в своем журнале, что цвет моря изменился, стал густо-лиловый...

Двое суток пробыл «Лютцов» в великолепной ионической пустыне, полной призраками воздушно-сиреневых островов, а на третьи сутки пыльной полосой означился на горизонте низкий берег, показались мачты и дома Порт-Саида.

В Порт-Саиде несколько часов стояли, и Штейн посетил город.

Назойливость несметных попрошаек, не дававших ему проходу, возмутила его; однако, вынув книжечку, он записал, что движения этих семитов, не связанных европейской одеждой, восхитительны.

Он ходил по улицам, пробовал греческие сласти и турецкий кофе, сидя возле кофейни и протягивая ноги черномазому мальчишке, стоявшему перед ним на коленях, ожесточенно работавшему сапожными щетками и порой с очаровательной детской радостью сверкавшему на него белками.

IV

Возвратясь на пароход и полулежа на палубе в полотняном кресле, он глядел, как копошились возле парохода сотни худых, полуголых грузчиков, ведрами перекидывая с широкодонных барок в их трюмы горы кокса и покрываясь его металлической пылью с ног до головы; солнце грело, чайки кричали страдальчески-блаженно, а он смотрел и думал о гении Лессепса, о том, что Лессепс совершил величайший переворот в судьбах человечества...

Когда же солнце спустилось за дальние трубы и мачты, в шафрановое зарево, «Лютцов», точно кит, заплывший в реку, потянулся по Каналу, зеленой полосой пролегавшему среди кустарников, насаженных по его бугристым песчаным берегам.

Быстро блекла и темнела, в смуглой мути терялась пустыня, вставала с востока ночь древних аравийских земель, ее молчаливая печаль, осторожно подвигался затихший пароход – и сознание близости Синая будило в душе отзвук какого-то священного, тайно сохранившегося от детских дней чувства...

А потом, слегка хмельной, самоуверенный и гордый, во фраке и с сигарой, Штейн долго стоял в толпе нарядных мужчин и женщин, вышедших после обеда полюбоваться на редкое зрелище: на носу «Лютцова», под бушпритом, солнцем пылал громадный электрический фонарь – и далеко бил от него в темноту белый слепящий свет: влачась по извивам Канала, «Лютцов» зорко озирал все, что было на его пути, – мутную воду, пласты бурого ила, пересыпанные песком кустарники, лодки возле сторожевых постов, женские фигуры босоногих феллахов, на корточках сидевших в своих длинных рубахах на кормах лодок.

Этот ил, эти аравийские и египетские пески, эти первобытные фигуры напоминали о жизни глухой, дикой, ветхозаветной.

Но темнота на горизонте все время сквозила и серебрилась от приближающихся прожекторов встречных пароходов.

И раз «Лютцов» совсем замедлил ход и привалился к берегу, чтобы пропустить чуть не целый плавающий город: он надвигался, резко и фиолетово сияя своими широкими, нестерпимо блестящими, как зажженный магний, лучами, затопил дневным светом всех стоявших на «Лютцове» и с шумом прошел мимо – всеми своими этажами, высокими мачтами, трубами, золотом освещенных иллюминаторов и раскрытых на палубы дверей...

В эту ночь, у преддверия тропиков, небо от большого количества звезд первой величины казалось мрачным и торжественным.

И, чувствуя себя в избытке всех своих сил и способностей, исполненным надежд и твердой веры в себя, в свой ум, в свое сердце, в свое миропонимание, Штейн медленно ходил по палубе, строго глядя в черное звездное небо своими надменными германскими глазами.

1916

Старуха

Эта глупая уездная старуха сидела на лавке в кухне и рекой лилась, плакала.

Святочная метель, вихрями носившаяся по снежным крышам и снежным пустым улицам, стала мутно синеть, наливаясь сумерками, а в доме темнело.

Там, в зале, чинно стояли кресла вокруг стола под бархатной скатертью, над диваном тускло блестела картина – зеленоватый кружок луны в облаках, дремучий литовский лес, тройка лошадей, сани, из которых розовыми лучами палили охотники, и кувыркающиеся за санями волки; в одном углу до потолка раскидывалось из кадки мертвыми листьями сухое тропическое растение, а в другом воронкой зиял хобот граммофона, оживавший только по вечерам, при гостях, когда из него вопил в притворном отчаянии чей-то хриплый голос: «Ах, тяжело, тяжело, господа, жить с одной женой всегда!» В столовой текло с мокрых тряпок, лежавших на подоконниках, в клетке, крытой клеенкой, спала, завернув голову под крылышко, больная тропическая птичка, – сном тонким и, в силу непривычки к нашим Святкам, грустным, грустным. В узкой комнате рядом со столовой крепко, с храпом спал квартирант, пожилой холостяк, учитель прогимназии, в классах дравший детей за волосы, а дома усердно работавший над большим, многолетним сочинением: «Тип скованного Прометея в мировой литературе». В спальне тяжело и зло спали хозяева после страшного скандала за обедом. А старуха сидела на лавке в темнеющей кухне и разливалась горькими слезами.

Скандал-то за обедом начался опять из-за нее! Хозяйка, которой по годам уже давно следовало стыдиться ревновать, с ума сходила от ревности и наконец-таки поставила на своем – наняла в кухарки старуху. Хозяин, который уже давно красился, но все свои помыслы устремлял только на женский пол, решил сжить эту старуху со свету. И правда, была старуха куда как нехороша собой: высокая, гнутая, узкоплечая, глухая и подслепая, от робости бестолковая, готовила, несмотря на все свои старания, из рук вон скверно. Она трепетала за каждый свой шаг, из сил выбивалась, чтобы угодить. Не радостно было ее прошлое: ну, конечно, муж разбойник и пьяница, потом, после его смерти, чужие углы и поборы под окнами, долгие годы голода, холода, бесприютности... И уж как же была старуха счастлива, что опять она стала не хуже людей, – сыта, тепла, обута, одета, служит у чиновника! Как молилась она перед сном, стоя на коленках на полу кухни, всю свою душу отдавая богу за милость, столь нежданно ей оказанную, как просила его не лишать ее этой милости! Но хозяин поедом ел ее: нынче за обедом он так гаркнул на нее, что у нее руки-ноги оторвались от страха, а миска со щами полетела на пол. И что только было потом между хозяевами! Даже учитель, весь обед думавший о Прометее, не выдержал, отвел вбок кабаньи глазки и молвил:

– Не ссорьтесь, господа, ради высокаторжественного праздника!

Вот дом затих, успокоился. Посинел во дворе дым вьюги, выше крыш намело сугробы, завалило ворота и калитку... Бледный, ушастый мальчик в валенках, сирота, хозяйкин

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
племянник, долго учил уроки, приладившись к мокрому подоконнику в своей каморке рядом с кухней. Он был отрок прилежный и назубок решил вытвердить то, что ему задали на рождественские каникулы. Он не хотел огорчать своих воспитателей и благодетелей, он, им на утешение, отечеству на пользу, старался на всю свою жизнь запомнить, что две с половиной тысячи лет тому назад греки (народ вообще мирный, с утра до вечера соборно участвовавший в театральные трагедии и совершавший жертвоприношения, а в свободные часы вопрошавший оракула) наголову разбили однажды войско персидского царя при помощи богини Афины-Паллады, да могли бы пойти по пути цивилизации и дальше, если бы не изнежились, не развратились и не погибли, как было это, впрочем, со всеми древними народами, неумеренно предававшимися идолопоклонству и роскоши. А запомнив, закрыл книжку и долго скреб ногтями лед с оконного стекла. Потом встал, неслышно подошел к двери в кухню, заглянул за дверь – и опять увидел то же самое: в кухне тихо и сумрачно, рублевые стенные часы, у которых стрелки не двигались, всегда показывали четверть первого, стучат необыкновенно четко и торопливо, свинка, зимующая в кухне, стоит возле печки и, до глаз запустив морду в лохань с помоями, роется в них... а старуха сидит и плачет: утирается подолом – и рекой течет!

Плакала она и потом, – засветив лампочку и раскалывая на полу тупым кухонным ножом сосновые щепки для самовара. Плакала и вечером, подав самовар в хозяйскую столовую и отворив дверь пришедшим гостям, – в то время, когда по темной, снежной улице брел к дальнему фонарю, задуваемому вьюгой, оборванный караульщик, все сыновья которого, четыре молодых мужика, уже давно были убиты из пулемета немцами, когда в непроглядных полях, по смрадным избам, укладывались спать бабы, старики, дети и овцы, а в далекой столице шло истинно разливанное море веселия: в богатых ресторанах притворялись богатые гости, делая вид, что им очень нравится пить из кувшинов ханжу с апельсинами и платить за каждый такой кувшин семьдесят пять рублей; в подвальных кабаках, называемых кабаре, нюхали кокаин и порою, ради вящей популярности, чем попадая били друг друга по раскрашенным физиономиям молодые люди, притворявшиеся футуристами, то есть людьми будущего; в одной аудитории притворялся поэтом лакей, певший свои стихи о лифтах, графинях, автомобилях и ананасах; в одном театре лез куда-то вверх по картонным гранитам некто с совершенно голым черепом, настойчиво у кого-то требовавший отворить ему какие-то ворота; в другом выезжал на сцену, верхом на старой белой лошади, гремевшей по полу копытами, и, прикладывая руку к бумажным латам, целых пятнадцать минут пел за две тысячи рублей великий мастер притворяться старинными русскими князьями, меж тем как пятьсот мужчин с зеркальными лысыми пристально глядели в бинокли на женский хор, громким пением провожавший этого князя в поход, и столько же нарядных дам ели в ложах шоколадные конфеты; в третьем старики и старухи, больные тучностью, кричали и топали друг на друга ногами, притворяясь давным-давно умершими замоскворецкими купцами и купчихами; в четвертом худые девицы и юноши, раздевшись донага и увенчав себя стеклянными виноградными гроздьями, яростно гонялись друг за другом, притворяясь какими-то сатирами и нимфами... Словом, до самой поздней ночи, пока одни караулили, а другие укладывались спать или веселились, горькими слезами плакала глупая уездная старуха под хриплый, притворно-отчаянный крик, долетавший из гостиной ее хозяев:

Ах, тяжело, тяжело, господа,
Жить с одной женой всегда!

1916

Пост

Деревенская усадьба, начало марта, первые недели великого поста.

Дни темные, однообразные.

Но это уже канун весны.

Я живу затворником, за работой с утра до вечера,

– «Се тебе, душа моя, вверяет владыка талант: со страхом прими дар».

Нынче я опять не заметил, как прошел мой день.

Но вот темнеет, синеет за окнами.

Усталый, умиротворенный, я кладу перо, мысленно благодаря бога за силы, за труд, одеваюсь и выхожу на крыльцо.

Сумерки, тишина, сладкий мартовский воздух...

Я иду по деревне, додумываю свои думы, укрепляя свои тайные вымыслы, но все вокруг вижу, зорко все замечаю и чувствую – всему открыто мое сердце, мои глаза.

Ах да, канун, канун.

Даже в зимней угрюмости этих сумерек уже есть весна – в их чуть зримой синеве.

Зыбки серые снега полей за деревней, избы в деревне чернеют смутно, нигде ни одного огня.

Темно и в усадьбе, на которую гляжу я, возвратившись из деревни.

За усадьбой облаками темнеет под хмурым небом сад.

Но и в этом весна – в том, что так поздно не зажигают в деревне огней и что сад похож на тучу, что так хмуры и небо и вершины сада.

На выгоне – церковь, там служба.

Я подхожу и различаю у церковных ворот парные сани, покрытые старым ковром, помещицы.

Тут же, у коновязи, – мужицкие лошади в дровнях, мелкие, лохматые, за зиму обросшие густой шерстью.

На снегу возле них – клоки сена, перебитого с конским навозом, и все это пахнет свежо, сыро, по-весеннему.

Полевым, нелюдимым гулом гудят голые тополи, возвышающиеся над церковной оградой.

На глазах с каждой минутой темнеет – лица проходящих в церковь уже плохо видны, – к ночи поднимается легкая замять, и в гудящих метлах тополей есть что-то строгое, жуткое.

За воротами, в затишье, воздух мягче, но порой церковный двор сереет от поземки, ограда дымится, и по моему лицу пробегает холодная снежная пыль.

Когда на высоком каменном крыльце церкви отворяются двери, видна, за черными сенями, ее внутренность в немногих красных точках огней.

Поднявшись на крыльцо, чувствую тот сложный, особый запах, что бывает только на папертях русских церквей, ранней русской весной.

В церкви густое и пахучее церковное тепло, темная стена народа и свет за нею.

Там, у большого священника, стоит девушка, та, чьи сани я видел за воротами.

Она бледна, свежа и так чиста, как бывают только говеющие девушки, едва вышедшие из отроческого возраста.

Ее серо-голубое платье приняло от блеска свечей зеленоватый, лунный тон.

На спине лежит черная коса. Озарен нежный овал лица и густые ресницы, поднятые на образа иконостаса.

От каких грехов очищается она постом, стояниями, своей бледностью?

Что за чувства у меня к ней?

В темноте возвращаюсь домой и провожу вечер за книгой, в мире несуществующем, но столь же разделенном со всем, чем втайне живет моя душа.

Засыпаю с мыслью о радостях завтрашнего дня о радостях своих вымыслов.

Ей, господи, не даждь ми духа праздности, уныния. Больше мне ничего не надо. Все есть у меня, все в мире мое.

1916

Третьи петухи

На рассвете, в тумане и сумраке, когда все еще спали в городе Синопе, подошел к Синопу разбойничий корабль.

Петухи пели по всему нагорному берегу, по всему селению в этот темный и сладкий час, и с разбойничьего корабля с дружной радостью откликался им разбойничий петух.

Спали в Синопе сторожа и все жители, а разбойники, вполслуха переговариваясь, спустились с корабля в челнок, на пахучую, свежую воду, доплыли на веслах до берега и пошли к жилищам, крадучись.

Не пощадили они, волки, ни старого, ни малого!

А награбив добра, загубив пять невинных душ, – пятерых кровных родичей Фомы-угодника, синопского святителя, – воротились они на корабль и, подняв паруса, опять ушли на море.

И там был у них буйный пир.

И ели, и пили, и плясали, и пели они – до самого вечера.

А к вечеру повалились, пьяные, по корабельным каморам, не убрав парусов, не засветив огня, не поставив ни кормчего, ни дозорного.

И вот пали сумерки на море, и сделалось великое безмолвие.

Как пустыми рукавами, болтая ветрилами, плыл корабль без пути, без направления.

А по каморам, в зловонной темноте, тяжело храпели пьяные.

И сказал господь:

«Так злодеям и надобно.

Замолчите, птицы морские белые, не падайте со скрипучими криками над волной морской, не будите безмолвия и спящих разбойников.

Се восстану я в ветре с Запада, осыплю Понт как бы черным песком – и промчусь над ним вихрем и красной молнией:

– Горе вам, пьяные разбойники!

Килем вверх, с громом и бурей, перекину я ваше утлое убежище!

В хлябь морскую низвергну вас, поправших уставы человеческие и божеские!»

Только кто это светится тонким призраком и поспешно спускается в темные каморы корабельные?

Это Фома, святитель морской.

Он толкает, будит разбойников, говорит им быстрым голосом:

– Ах, скорей вставайте, разбойники! Бегите вверх, спускайте паруса, ставьте кормчего, – идет на вас великая беда!

И разбойники в страхе вскакивают, бегут кто куда по палубе, – за канаты парусные, за рулевые рога хватаются, а уже ветер по морю мечется, рвет паруса, валит с ног разбойников:

– Спасайтесь, душегубы, каины!

И, пока они бьются, спасаются, призывает гневный господь в свои небеса, под красные молнии, фому-угодника:

– Говори мне, святой, – не из того ли ты города, где злодеи бесчинствовали?

И отвечает святой в трепете:

– Оттоле, господи.

– Было ль тебе ведомо, что желал я погубить разбойников, силой похоти и своеволия воздвигнутых на попрание уставов божиих, зарезавших пятерых твоих кровных родичей?

– Было, господи.

– Ради чего же ты осмелился мне противиться?

И опускается святой на колени перед господом:

– Ради третьих петухов, господи, в слезы любви и раскаяния некогда повергнувших Петра-апостола.

Как подумал я, что не слышать больше разбойникам того радостного предутреннего голоса, восскорбела моя душа горькой нежностью.

Ей, господи! Сладка земная жизнь, тобой данная.

Ради одного этого голоса, новый день, новый путь темным и злым людям обещающего, будь во веки веков благословенно земное рождение!

И прощает господь фому-угодника.

1916

Последняя весна: #сomm018

I

Шестая неделя, а еще совсем зима.

Встал в пять часов, оделся и вышел из дому. Какая радость, молодость, этот предрассветный час! Валенки, полушубок – все счастье. Еще ночь, глухо и снежно. В темном небе только чудится рассвет. Первый сладкий вздох свежестью, когда вышел на крыльцо. Пахнет новым снегом. Как неживые поют по всей деревне петухи.

После обеда ездил к селу Знаменскому. Сани с круглым задком, набитые старновкой, екает селезенкой крепкий пегий мерин. Поля очень белы, их белизна, сливаясь с бледно-серым небом, погружается в оцепенение. Вдали все смутно, зыбко. Черно сереют инеем леса.

В Знаменское заехали с задов. Глушь, пустота, все занесено снегом. Огромные горбы, сугробы между избами и пуньками. Въехав в село, сбились, не знали, по какой дороге ехать назад. А дело уже к сумеркам, стало холодать, леса вдали еще больше засерели изморозью, мерин весь оброс инеем... Наконец, из-за сугроба, из маленькой черной двери потонувшей в снегу избы, вылез мужик и, не проваливаясь,

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
в разбитых валенках, перешел по сугробам к нам. Узкая рыжая борода, тонкий восковой нос, легкий армяк и ореховая (из лошадиной шкуры) шапка. Подойдя, сперва внимательно оглядел пестрыми глазами лошадь, сани, нас, потом не спеша сказал мне:

– А ты, государь милый, не тут едешь. Тут дороги нету. Табельная дорога там. Поезжай за мной...

И повел лошадь, переваливая нас с сугроба на сугроб...

Вечером пошли на Прилепы, в господское поместье, арендуемое несколькими семьями мужиков. Огней в деревне уже нет – только в двух, трех избах сонные, притушенные лампочки. Морозно, душисто.

В поместье огонь только у Сергея Климова. Над избой хмуро сереют в темном небе высокие деревья. Обступили грубо забрехали собаки. Хлопнула дверь, вышел Федька.

– Не спят еще?

– Никак нет.

– А мы к Тихону Ильичу.

– Милости просим.

В избе теплая густая вонь, пар от мокрых ветошек из лоханки, под ногами чавкает мокрая, с грязью солома. Лубочные картинки в бревнах стен, потные. С почки торчат, глядят головы мальчишек. Невестка Тихона Ильича стирает в корыте белье, внучка, девка лет пятнадцати, собирается спать, перекрывает платок, стоит в одной суровой рубахе. Сам Тихон Ильич, согнувшись, сидит на печи, упершись в нее ладонями, спустив над хорами, на которых спят другие мальчишки, ужасные ноги-палки в старых портках. Лицо бледное и опухшее, борода висит, глаза текут слезливым блеском. Стал говорить о смерти, утверждать, что вот-вот умрет и что ничуть не боится.

Заговорили о войне, Федька и баба стала хвалить заграничное житье, о котором рассказывают пленные. Вот, например, ученье в школах – у нас и у немцев... У нас все учительницы, а их никто не слушается – «и что они могут знать?»

Тихон Ильич слушал, склонив голову, потом сказал:

– Все пустое. Нехай воюют. Спокон веку воевали и опять будут воевать. И ученье это ни к чему. А вот помереть великим постом, особливо на страстной, либо всего лучше в Светлый день – вот это, господа, не всякому бог дает такую радость...

II

Серо, холодно.

Шел по дороге за деревней, по задворкам. Под лозинками стоит Мотька, скучный, недовольный. В руках одностволка – стрелял на лозинках галок. Двух убил наповал – неподвижно лежат на сером снегу у его ног, третья сидит поодаль, прижалась к земле, распластав перебитое крыло, глядит блестящими переливающимися глазами.

– На что ж ты их бьешь?

Мутно усмехнулся:

– Учусь. На войну хочу проситься.

– Почему?

– А что ж тут сидеть?

– А не боишься, что убьют на войне?

– Ну что ж, пускай убивают. Авось нас, молодых, и так немного осталось. Да я и

III

Нет, уже весна.

Нынче опять ездили. И всю дорогу молчали – туман и весенняя дремота. Солнца нет, но за туманом уже очень много весеннего света, и поля так белы, что трудно смотреть. Вдали едва рисуются кудрявые сиреневые леса.

Около деревни перешел дорогу малый в желтой телячьей куртке, с ружьем. Совсем дикий зверолов. Глянул на нас, не кланяясь, и пошел напрямик по снегам, к темнеющему в ложине леску. Ружье короткое, с обрезанными стволами и самодельной ложей, выкрашенной суриком. Сзади равнодушно бежит большой дворовый кобель.

Даже полынь, торчащая вдоль дороги, из снегу, в инее; но весна, весна. Блаженно дремлют, сидят на снежных навозных кучах, раскиданных по полю, ястреба, нежно сливаются со снегами и туманом, со всем этим густым, мягким и светло-белым, чем полон счастливый предвесенний мир.

IV

Легкий мороз, и пригревает солнце.

На реке, возле обмерзлых прорубей, бабы. Среди них Катька. Лапти, под ватной курткой круглятся груди. Мила, улыбнулась нам. И она и бабы: «Ишь шатаются, ходят! Их и на войну не берут!»

На горе, под барским гумном, греется на солнце белый в розовых пятнах бык. Он стоял на фоне неба, и я засмотрелся, какой приобретало оно от быка густой сине-лиловый цвет. Очень хороши были и старые темно-зеленые ели под скатом сада.

Вечером в Полевое. От Выселок шли пешком, ведя мерина на поводу: решили целиком выбраться к усадьбе. Было далеко видно. На западе только что село в огненных тучках солнце, и тучки быстро гасли, туманились; на востоке небо мертвело, становилось гуще, сизее, а снега стали плоски, бледно позеленели...

Когда подъезжали к усадьбе, совсем свечерело, снега и белые шапки крыш резко выделились в последнем свете от заката.

В доме было темно, в прихожей краснела, топилась печь.

Грусть зимнего вечера, снегов, пустынности, одиночества... Пили чай, хозяин говорил: к Пасхе народ «обязательно» ждет мира.

Когда вышли – лунная ночь. Половина блестящей луны, прямые тени голых деревьев, среди них, на снегу, сверканье драгоценных камней; тень от дыма из трубы дома. За садом, в светлом пустом поле, одинокий обмерзлый стог снега.

V

Страстной понедельник.

Все мокрое, везде тает, везде бегут ручьи. Бугры в деревне оголились, на реке свинцовые наливки, поля вдали траурные, пегие; чернеющие прогалины – как черные острова в белом снежном море.

С большим трудом шли по улице – грязь непролазная. Весенний сырой ветер крепко дует в голых лозинах, а на них немолчно орут только что прилетевшие грачи, – орут важно, победно и вместе с тем радостно, бестолково, нестройно. Ни с чем не сравнимое чувство – слышать их в первый раз после шестимесячной зимней смерти!

Зашли к Пальчиковым. Старик сидит на лавке и вяжет веревочные лапти. Мирное, смиренное, ласковое лицо:

– Доброго здоровьица, господ хорошие. Синеглазая Анютка, с полнеющей грудью под замашной рубахой, работает с матерью за ткацким станом. Машка сидит у окна на лавке, прядет. На полу, на мокрой и грязной соломе, несколько овец с только что окотившимися, кудрявыми и точно облизанными ягнятами. Возле печки, за дежой с тестом, прикрытой старым армяком, лежат, распутив розовое брюшко, два поросенка. Машка покосилась на старика:

– А ты бы вот лучше спросил своих хороших господ, когда война кончится?

– А вот когда весь народ перебьют, тогда и кончится, – холодно и зло ответила ей мать из-за стана. – Когда мы все с голоду помрем.

– Эх, бабы, – сказал я, – как не грех и не стыдно! Кто же это из вас умирает? Сроду никогда не жили так сыто. Сколько теперь денег в каждом дворе? Курицы на всей деревне не купишь ни за какие деньги, все сами едите. А уж про ваш двор и говорить нечего. Ну-ка, скажите, сколько у вас скотины?

Бабы не ответили.

Вошла старуха, тоже вся мокрая, в разбитых лаптях, в армячной куртке. И тоже посмотрела на нас исподлобья.

– Что ж это ты, бабка, так вымокла? – сказал я. – А говоришь, больная.

– А что ж, не больна? Конечно, больна. Того гляди, околею.

– А ходишь вся мокрая. Ишь лапти-то какие. Чего ж башмаков не купишь?

– Купишь! Купил бы вола, да энта гола. Я их сроду не носила, башмаков-то твоих. Венчалась, и то в лаптях. Это тебе хорошо, у тебя все есть.

– Да у меня ровно ничего нету. Одна голова на плечах.

– Голова! А на голове что? Ишь шапка-то какая! Как тебе простудиться! Ходишь, гуляешь... Напился чаю и гуляй. Ай у тебя работа какая? Не мотай головой-то, не мотай. Ай неправду говорю?

– Конечно, неправду.

– Ну, ну, молчи уж. А я вот как встала, так и пошла. Целый день шатаюсь, мокну...

И серо-голубые глаза налились слезами, покраснели. Я шутя обнял ее, поцеловал в лоб. Она через силу, строго улыбнулась, потом взглянула на меня уже совсем ласково и, отвернувшись, пошла к печке.

Пока дошли домой, распогодилось. Вечер розовый, сияющий. В доме тишина, вся прислуга ушла в церковь. Долго сидел в зале, глядя на закат, который за черными ветвями сосен в палисаднике казался особенно ярким, розовым. Потом это розовое стало переходить в золотое...

VI

Ехали на розвальнях – с подрезами уже не проедешь.

День мрачный, пасмурный. Но тает, – дорога рыхлая, только посредине твердая, горбатая, бурая от прелого лошадиного навоза, под которым лед.

Возле Крестов мерин провалился по брюхо. С великим трудом подняли, вытащили его, постояли, посмотрели кругом. Огромная, величаво-дикая картина уже совсем траурных полей под угрюмым, медленно идущим тучами небом. Сильный, по-весеннему свежий ветер с запада. Шум леса, чернеющего в полуверсте от Крестов, слышен даже тут. Между лесом и нами – бледный снег, темно-синие лысины обнажившейся земли. Мерин, пегий, старый, косматый, стоит, опустив голову, на высоком горбе дороги, смотрит на бутылочно-зеленую лужу ледяной воды, налившейся среди снега возле нее... Древняя Русь!

Возвращались по другой дороге, через Казаковку. При въезде в деревню помогали

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
мужику, с которым случилась та же история, что с нами: утопил лошадь и розвальни в большой колдобине, полной воды и снега. Серая лошадь покато сидит в этом месиве, выкинула передние ноги, карабкается, цепляется ими и все обрывается, а мужик, еще более озлобленный нашей непрошеной помощью, не глядя на нас, бьет ее кнутовищем по голове, из которой смотрят совсем человеческие глаза.

– Вы бы лучше на войну шли, чем тут без дела околачиваться! – негромко и злобно сказал он нам сквозь зубы, дергая вожжи и работая кнутовищем.

Вечер очень темный. От темноты, грязи и воды со двора не выйдешь. Ходил по двору, от крыльца до каретного сарая. Где-то жалобно кричал филин.

VII

Чистый четверг.

Ветер, солнце, блеск. Ночью шел снег – теперь по грязи и по старому, серому блещет новый, пушистый. В полях, к горизонту, все серебристо.

К вечеру пошел дождь.

Вышли вечером – непроглядная темь, густой туман, сырость. На деревне, за рекой, ни одного огня. Там, где людская, мглисто-красное пятно света. В овраге к реке черный мрак, глухой, словно очень дальний шум воды, потрескивание, движение льда. Совсем как в «Воскресении», И вдобавок стали кричать петухи...

Потом петухи стали кричать реже, музыкальнее. А в саду, невдалеке, но не поймешь от тумана, где именно, стал кричать филин. Сперва лай, потом детский плач, хлопанье крыльев и клекотанье – с наслаждением, с мучительным удовольствием. Мы вошли в аллею и стали слушать. Деревья над нами казались страшными, огромными, хотя мы скорее чувствовали, чем различали их. Необыкновенно сладкий запах – мокрыми стволами и ветвями, корой, почками, туманом. Пошли к шалашу, пустому, одинокому, мрачному. Какой он был совсем другой летом, когда в нем жили караульщики! Всякое опустевшее жилье навсегда остается живым, думающим, чувствующим. Филин кричал совсем близко, резко, отвратительно, потом вдруг опять залаял, захлебнулся и быстро, гулко забил крыльями. Я хлопнул в ладоши и крикнул. Филин зашуршал, сорвался и стих. Немного погодя отозвался где-то в соседнем саду – как будто бесконечно далеко...

VIII

Весь день дождь.

Иногда перестает, и тогда мокрый сад оживает, поют дрозды. В этих милых, как бы шуточных переливах такая весенняя прелесть, такая сладость жизни, надежд, счастья, что никакими словами не скажешь.

Вышел на крыльцо: стоит нищий старик без шапки, держит за ручку девочку в лохмотьях, в сопревших лапотках и в слинявшем синем чепчике.

– Подайте, Христа ради, батюшка.. Мы военные, беглые, дальние.

Я дал старику, потом наклонился к девочке:

– Как тебя звать? Молчит.

– Что же ты молчишь?

Молчит и смотрит ясными глазами.

Сунул и ей в кулачок рубль, – крепко, но все так же безучастно зажала.

Распрямясь, сказал:

– Эх, нехорошо мы живем!

– Чем, батюшка, нехорошо? Какая же у вас нужда? Ваша бедность, батюшка, по-нашему, великое богатство.

– Да нет, я не про то. Неправедно люди живут.

– Ну, родной, не нами это началось, не нами и кончится...

Падают уже только крупные капли, – облака расходятся. Деревья благоухают мокрой корой, дрозды выводят свои переливы еще слаще и милее. Медленный, редкий звон. Мимо усадьбы идут на этот звон девки и бабы.

IX

Великая суббота.

В доме уборка. Вымытые полы, от которых пахнет теплой сыростью, застланы попонами. Моят, протирают окна. Аниска с Наташей, подоткнутые, потные, красные, уморились и потому ссорятся. Студент, теперь человек уже московский, приезжий, ходит, как посторонний, не знает, что делать, стоит на крыльце, смотрит через пенсне в поле. Дует ветер и сушит двор, сад... Предпраздничная печаль и пустота...

К вечеру все убрано, все чисто, в полном порядке. Ветер стихает. Расчистился, раскрылся золотисто-светлый запад. Воздух прохладней, резко пахнет землей с весенних полей. Проглянуло солнце – и в упор озаряет голый сад: блестят лиловатые сучья, четко видны корявые стволы лип.

Когда солнце село, долго краснел закат, а над ним, выше, горела золотая Венера. Вместе с сумерками потянулись из-под горы к церкви наряженные бабы, мужики в сапогах и пиджаках, все с белыми узелками в руках.

В десять пошел в церковную караулку. Накурено, тесно, вся караулка полна. Под образами сидит мужичок с маленькой женской головой в черных крупных волосах. Одет в черный армяк, подпоясан черной подпояской. Все моргает, жмурится, приглаживает волосы. Рядом – мужик с масляной и как будто завитой бородой, с масляными лазоревыми глазами, наладивший всего себя под благолепие. Потом старик – весь мшистый и могучий, осанистый, совсем из древности. Возле него баба, высокая, худая, с глазами гремучей змеи, в цветистом платье.

Разговор о раненых и беженцах:

– А на раненых подай да подай! Яиц им неси, холста дай, а нам из чего давать?

– На раненых? – спросил, жмурясь, мужичок. – На каких таких раненых?

– А нам из чего на них давать? У меня вот всей земли осьминник, а я сам – семь!

– А им, этим самым беглецам, откуда ж взять? – спросил мшистый старик.

– Они побогаче нас с тобой, – сказал мужичок.

– Дурак ты, брат!

– Я дурак?

Покачал, жмурясь и улыбаясь, головой:

– Беглецы! Почему же такое беглецы? Ихнее дело, значит, там не вышло, вот они и бегут сюда? Вон к нам прислали одного, он всех кур перевел, всех пожрал...

Потом разговоры о войне. Кто говорит, что наша возьмет, кто сомневается.

– А ну, как не возьмет? – опять весело-ехидно сказал мужичок. – Его, врага-то, видать, нашими овцами не затопчешь!

На него дружно закричали. Он замолчал, но все крутил головой.

– Да, авось, мы не одни, – сказал мшистый старик. – Кабы мы одни, а то с нами Англия, Франция, дай бог им здоровья.

Вошел Бодуля, – пустой, бездельник, легкомысленный, – топнул лаптями:

– Нашего (царя) ни одна не возьмет! Наш все державы пройдет! Где ему, к чертям, немцу этому!

Кто-то с радостным удовлетворением, с кашлем захохотал:

– Вот он на Париж полез, да завяз! Всю свою державу ранеными забил!

Благолепный мужик подхватил:

– Вот бы еще стражников туда, на фронт, согнать, они всю эту службу давно знают! А тут чего им сидеть!

Вышел в церковный двор. Темно, свежо. Небо темно-синее, сказочное от белых крупных звезд. В темноте кто-то уверенно говорил:

– Нет, это все брешут. Ничего после этой войны не будет. Как же так? Если у господ землю отобрать, значит, надо и у царя, а этого никогда не допустят.

И кто-то резко отвечал:

– погоди, и до царя дойдут. Что ж он весь народ на эту войну обобрал? Вон опять надо на Красную Горку рекрутов отправлять. Разве это дело? Вся Россия опустела, затихла!

Х

Весенний вечер.

На деревне, возле Никитиных, народ. Отправляют солдата. Он в новых сапогах, в рубахе хаки. Стоит на крыльце со своей воющей и причитающей бабой. Обнял ее, уперся ей в лоб лбом и качается. Баба иногда отрывалась от него и кричала, как бы падая. Он молча смотрел на нее в упор злобными, мрачными глазами. Мать стояла возле в полном оцепенении. Печник, стоявший в толпе с трубкой в зубах, с удобно расставленными короткими ногами, любовался всей этой картиной с бодрым любопытством, живыми, смеющимися глазами.

Потом из-за угла избы загремела телега, подкатила к крыльцу – рысью подъехал и остановился старик-отец. Он деловито стащил с крыльца сундук солдата, поставил его, ни на кого не глядя, в тележный ящик, в солому, солдат, быстро и внезапно обняв мать, сошел за ним, сел возле сундука и вдруг зарыдал, уронив на сундук голову. За солдатом полезла в телегу его баба и, падая в нее, стала кричать на всю деревню разными голосами. Старик озабоченно разобрал веревочные вожжи и, дернув лошадь, на бегу боком вскочил на грядку телеги...

Очень высокий малый в нарядной зеленой рубашке, стоявший среди девок с гармонией в руках и, очевидно, очень нетерпеливо ждавший, когда уедут, тотчас громко заиграл. Девки подхватили, «застрадали». Выгон впереди уже забелел – стал виден лунный свет, еще мешавшийся с зарей.

1916

Последняя осень: #сomm019

И

Утром разговор за гумном с Мишкой.

Приехал с фронта на побывку.

Молодой малый, почти мальчишка, но удивительная русская черта: говорит всегда и обо всем совершенно безнадежно, не верит ни во что решительно.

Я стоял на гумне за садом, он шел мимо, вел откуда-то с поля свою мышастую кобылу.

Увидав меня, свернул с дороги, подошел, приостановился:

– Доброго здоровья. Все гуляете?

– Да нет, не все. А что?

– Да это все бабы на деревне. Все дивятся, что вот вас, небось, на войну не берут. Вы, мол, откупились. Господам, говорят, хорошо: посиживают, говорят, себе дома!

– Не все посиживают. И господ не меньше вашего перебили.

– Да я-то знаю. Я-то там нагяделся. А с них, с дур, что ж спрашивать. Ну, да это все пустое. А вот как наши дела теперь? Как там? Вы каждый день газеты читаете.

Я сказал, что сейчас везде затишье. Но что англичане и французы понемногу бьют.

Он невесело усмехнулся.

– А мы, значит, опять ничего?

– Как ничего?

– Да так. Мы его (немца), видно, никогда не выгоним.

– Бог даст, выгоним.

– Нет. Теперь остался.

– Ну вот и остался!

– Да как же не остался? Чем мы его выгонять будем? У нас и пушек нет, одни шестидюймовые мортиры.

– Откуда ты это взял?

– Агитаторы говорят. Да я и сам знаю.

– Нет, у нас теперь всего много. И пушек и снарядов.

– Нет, одни шестидюймовки. А крепостную артиллерию возить не на чем.

– Опять неправда.

– Какой там неправда! По этакой дороге разве ее свезешь на лошадях? Только лошадей подушишь. Станешь ее вытаскивать, а она на два аршина в землю ушла, а хобот и совсем в грязи не видать. Нет, это вам не немцы!

– А что ж немцы?

– А то, что немец рельсы проложил – везет и везет. А войска наши какие? Легулярные войска, какие были настоящие, царские, все там остались, а это ополченье – какие это войска? Привезут их на позицию, а они все и разбегутся. Подтягивай портки потуже да драло. Все, как один.

– Ну, уж и все!

– Верное слово вам говорю. Да вы то подумайте: чего ему умирать, когда он дома облопался? Теперь у каждой бабы по сто, по двести штук спрятано. Отроду так хорошо не жили. А вы говорите – умирать! Нет уж, куда нам теперь!

Махнул рукой, дернул лошадь за повод и пошел, даже не поклонившись.

Утро светлое, на почерневших, почти голых лозинках, на их сучьях и редкой пожелтой листве – блестящие растаявшего мороза. На мужицких гумнах золотом горят свежие скирды, стаями перелетают сытые голуби, давая чувство счастливой осени, покоя, довольства, – это правда: «облопались». Вдали, у нас, в сизо-туманном утреннем саду, мягко, неизъяснимо-прекрасно краснеют клены.

II

После ужина пошел по деревне. Темно, ночь бодрая, холодная.

Пройдя деревню, увидел с косогора огоньки внизу, на водяной мельнице у Петра Архипова. Пошел туда.

Спустившись, подошел к открытым воротам мельничного сруба: там внутри все шумит и дрожит, – мельница работает. Возле жирновов стоит и тускло светит в мучнистом воздухе запыленный мукой фонарь, а вверху сруба, – он без потолка, – и кругом, в углах, – мрачный сумрак. Пахнет тоже мукой, сыровато, хлебно.

Петр Архипов сидит возле фонаря, похож на Толстого. Большая, побелевшая от муки борода, побелевший полушубок; картуз, совсем белый, надвинут на брови. Глаза острые, серьезные.

Против него, на обрубке гам, сидит какой-то кудрявый мужик, незнакомый мне. Уперся локтями в колени, курит и смотрит в землю.

Поздоровавшись, присел и я себе.

– А мы вот о войне говорили, – сказал сквозь шум мельницы Петр Архипов. – Вот он ничему не верит, никакой нашей победы не чаает.

Мужик поднял голову и ядовито усмехнулся.

– А как ты сам-то, Петр Архипыч? Тоже не чаешь?

Он холодно взглянул на меня.

– Я? А я не знаю. Пусть их воют. Войте на здоровье.

Это, господа дворяне, ваше дело.

– Это как же так?

– А так. Нам, мужикам, надо одно: ничего никому не давать, никого к себе с этими поборами и реквизициями не пускать. Чтобы никто к нам не ходил, ничего нашего не брал. Ни немец, ни свой. Да.

Помолчал, потом опять заговорил, еще возвышая сквозь шум голос:

– Да. А то вон приехал на той неделе какой-то с грибами на плечах – сыновей ему давай, хлеба давай... всего давай! Раз наше дело не выходит – мировая, и шабаш. Миколай Миколаевич Младший, вот это воин. Ух, рассказывают солдаты, что только за человек! Отца родного за правду не пожалеет. Ночью встанет тихонько, чтоб ни один генерал за ним не увязался, и пошел в обход по окопам. Солдат простых увидит: «Здорово, друзья! Надейтесь на меня, как на каменную гору. Я об вас ночи не сплю!» А господам офицерам, если завидит, что в карты играют, бездельничают, без всякой церемонии шашкой голову долой! Вот это воин.

Сумрачно помолчал, потом встал и подошел к трясущемуся рукаву, по которому серой струей текла мука. Взяв горсть муки, помял ее, понюхал и спросил, почти крикнул:

– Ну, а этот самый человек, где он теперь?

– Какой?

Кудрявый мужик, куривший на пне трубку, со свистом захохотал и махнул рукой.

– Она! – сказал он. – Хватился! Его теперь и след простыл! Его давно покрыли и спрятали!

Петр Архипов строго посмотрел на него, на его плечи и голову, потом еще строже на меня:

– Где, по-вашему, такой человек может находиться? И что такому человеку должно быть? Что он для России может быть? Что он для ней сделал? Через кого там теперь миллионы лежат, тухнут?

Обив и вытерев руку о полушубок, он опять сел и опять замолчал. Потом тем же тоном, но уже спокойнее:

– Да. На нас, мужиков, как там глядят? Тычь его куда похуже, а нас, господ, не тронь, – мы высокого звания. А те пускай преют, этих дураков еще великие тысячи наделают. Сейчас вон опять берут, а зачем? Чтобы последних перебить? Вы, барин, – дерзко и громко спросил он, – вы нам уж откровенно скажите, какая ваша задача: чтобы нас всех перебить, а скотину порезать да в окопах стравить?

– Петр Архипыч, как тебе не стыдно? Ведь ты человек умный!

– Умный! – сказал он, несколько смутившись, и вдруг опять сдвинул брови и поднял тон:

– Вам хорошо говорить. А у меня вот сын два месяца ни одного письма. Где он теперь, что он теперь? Мертвое тело? А потом, как перебьют всех, вы что же будете делать? Приедете, конечно, к царю и скажете: «Погляди, государь, где твоя держава теперь? Нету тебе ничего, все чисто, одно гладкое поле!»

1916

Роза Иерихона: #сотт020

В знак веры в жизнь вечную, в воскресение из мертвых, клали на Востоке в древности Розу Иерихона в гроба, в могилы.

Странно, что назвали розой да еще Розой Иерихона этот клубок сухих, колючих стеблей, подобный нашему перекасти-поле, эту пустынную жесткую поросль, встречающуюся только в каменистых песках ниже Мертвого моря, в безлюдных синайских предгорьях. Но есть предание, что назвал ее так сам преподобный Савва, избравший для своей обители страшную долину Огненную, нагую мертвую теснину в пустыне Иудейской. Символ воскресения, данный ему в виде дикого волчца, он украсил наиболее сладчайшим из ведомых ему сравнений.

Ибо он, этот волчец, воистину чудесен. Сорванный и унесенный странником за тысячи верст от своей родины, он годы может лежать сухим, серым, мертвым. Но, будучи положен в воду, тотчас начинает распускаться, давать мелкие листочки и розовый цвет. И бедное человеческое сердце радуется, утешается: нет в мире смерти, нет гибели тому, что было, чем жил когда-то! Нет разлук и потерь, доколе жива моя душа, моя Любовь, Память!

Так утешаюсь и я, воскрешая в себе те светоносные древние страны, где некогда ступала и моя нога, те благословенные дни, когда на полудне стояло солнце моей жизни, когда, в цвете сил и надежд, рука об руку с той, кому бог судил быть моей спутницей до гроба, совершал я свое первое дальнейшее странствие, брачное путешествие, бывшее вместе с тем и паломничеством во святую землю господина нашего Иисуса Христа. В великом покое вековой тишины и забвения лежали перед нами ее палестины – долины Галилеи, холмы иудейские, соль и жупел Пятиградия. Но была весна, и на всех путях наших весело и мирно цвели все те же анемоны и маки, что цвели и при Рахили, красовались те же лилии полевые и пели те же птицы небесные, блаженной беззаботности которых учила евангельская притча...

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
Роза Иерихона. В живую воду сердца, в чистую влагу любви, печали и нежности погружаю я корни и стебли моего прошлого – и вот опять дивно прозябает мой заветный злак. Отдались. Неотвратимый час, когда иссякнет эта влага, оскудеет и иссохнет сердце – и уже навеки покроет прах забвения Розу моего Иерихона.

1930

Брань

Лаврентий. Я судержал и мог судержать старое потомство. Я этой земли шесть наделов держал, когда господа костылями били, а теперь тебе отдай?

Сухоногий. Да ты ее у меня отнял! Меня оголодил! Я ее, землю-то, кровью облил!

Лаврентий. Ты мне ее продал.

Сухоногий. Ты ее отнял! Купил!

Лаврентий. Ты продал, а я купил. А теперь ты, значит, хозяин стал? Я за нее деньги отдал. Как же мне землей не интересоваться? Я через нее серый стал, брат ослеп, а отец в гроб пошел. Вот как его наживают, капитал-то.

Сухоногий. Да-а, так! Ты у меня две десятины держал, одну за деньги, а другую за процент один.

Лаврентий. Да что я ее у тебя – силком брал? Ты сам сдавал. Нужда сдавала. Нужда просила.

Сухоногий. Конечно, нужда! А ты ее забыл! Ты греб!

Лаврентий. Греб! Ты поди погляди, сколько у меня ваших векселей лежит не плоченых. Вы, мужики, хамы.

Сухоногий. А ты-то кто ж? Не мужик, что ли? Не такой же хам?

Лаврентий. Я хозяин. Я слово свое судержу. Это ваш брат, нищebroды, хамы. Пускай теперь на осинке передо мной удавится, трынки не дам. Зачем ему, сукину сыну, надо было дробач с гумна тащить?

Сухоногий. А ты сам зачем тащил?

Лаврентий. Я не тащил, а за деньги брал. Я за свое добро требовал, а не воровать по гумнам ходил.

Сухоногий. Все равно тащил! Первую заповедь-то забыл!

Лаврентий. Ах, боже милосливый!

Сухоногий. Да, всем тащил, обозы гонял, под процент давал, за всем попинался!

Лаврентий. Я ночи не спал, свое хозяйство наживал.

Сухоногий. Молчи! «Ночи не спал! Хозяйство наживал!» А зачем не спал? Зачем наживал? Дьяволу угождал? Что перед смертью в лепешку закатаешь да сожрешь, деньги-то эти? Мне вот восемьдесят лет...

Лаврентий. Ты меня переживешь. Ты костяной. Тебя ни одна болезнь не берет.

Сухоногий. Мне господь мою кость за бедность дал, а у меня сына последнего забрали ваше народное правительство, глаза их закатысь!

Лаврентий. Действительно, это новое правительство глупо сделало, что у тебя сына последнего взяли у старика убогого.

Сухоногий. А таких-то убогих много!

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
Лаврентий. Немного, не говори. По порядку стараются брать. А только, конечно, глупцы. Не ихнее это дело в правители, в начальники лезть. Какие же они правители, когда трем свиньям дерьма не умеют разделить?

Сухоногий. А! Вот то-то и есть! Они его в солдаты взяли, а по его развитию, по его почтенности ему какое место занимать? Он у любого барина в сельской конторе может писарем быть! Им бы и всем-то, солдатам, надо ружья покидать да домой!

Лаврентий. Ружья нельзя кидать, беспорядок будет.

Сухоногий. А за кого им теперь воевать? Наша держава все равно пропала!

Лаврентий. Это верно, пропала. Без пастуха и стадо пропадает. А она, свинья-то, умней человека.

Сухоногий. А! Вот то-то и есть! Кому они присягали, эти солдаты-то твои? Прежде великому богу присягали да великому государю, а теперь кому? Ваньке?

Лаврентий. На Ваньку надежда плохая. У него в голове мухи кипят.

Сухоногий. Мы присягали на верность службы, а дворяне на верность подданства, а теперь где они? С Ванькой сидят, хвостом ему виляют! Ну, разорился, ну, именье свое прожил, а все-таки честь свою держи, алебарду не опускай! Тебя господа костылями не могли бить, ты по своим летам в крепости не жил, а я жил, знаю! Тебя, такого-то, будь ты хоть бурмистром, нельзя было не бить, ты слов не слушал, ты господина всегда норовил обокрасть, а меня господа пальцем не трогали! Ты крот подземный, у тебя когти скребучие!

Лаврентий. Они и так все давно разбежались, солдаты-то эти твои. Все по деревням сидят, грабежу ждут.

Сухоногий. Сидят! Конечно, сидят! Раньше держава была, а теперь что? Кому служить? А прежде каждый должен был в назначенный срок явиться, а не явился – умей выправиться, рапорт подай! Теперь все равно все прахом пойдет, все придется сначала начинать, по камушку строить!

Лаврентий. Ах, боже милосливый! А строить-то кто будет?

Сухоногий. Кто ж по-твоему? Ты? Ан брешешь! Господь, а не ты! Господь!

Лаврентий. Тебе такому-то господь не даст. У тебя все равно дуром пойдет. Тебе хоть золотой дворец дай, ты все равно его лопухами заростишь. Тебе бы только на жалейках играть да дельного человека злословить. Ну, я крот скребучий, а ты кто? Вашего брата хорошие угодники божию за вашу беспечность за вшивые вихры драли.

Сухоногий. Не все драли, брешешь! Угодники разные есть! Они сами богатства гнушались!

Лаврентий. Они для себя гнушались, а нам велели свое потомство кормить. Державу питать.

Сухоногий. А я под твою Ванькину державу все равно ни за какие золотые дворцы не пойду!

Лаврентий. Я не Ванька, я хозяин.

Сухоногий. Ну, и лопни твое чрево с твоим хозяйством!

лето 1917 г.

Исход

I

Князь умер перед вечером двадцать девятого августа. Умер, как жил, – молчаливый,
Страница 84

Солнце, золотясь перед закатом, не раз заходило в легкие смуглые тучки, островами раскинутые над дальними полями на западе. Вечер был простой, спокойный. На широком дворе усадьбы было пусто, в доме, как будто еще более обветшавшем за лето, очень тихо.

Нищие, бродившие по деревне, раньше всех узнали о смерти князя. Они появились возле разрушенных каменных столбов при въезде в усадьбу и нестройно, разными голосами, запели древний духовный стих «на исход души из тела».

Их было трое: рябой парень в лазоревой рубахе с укороченными рукавами, старик, очень прямой и высокий, и загорелая девочка, лет пятнадцати, но уже мать. Она стояла с сонным ребенком на руках, державшим во рту сосок ее маленькой груди, и пела звонко и бесстрастно. Мужики были оба слепы, с бельмами; у нее глаза были чистые, темные.

В доме хлопали двери. Наташа выскочила на парадное крыльцо и вихрем понеслась через двор к людской; из растворенного дома слышно было, как стенные часы медлительно пробили шесть. А через минуту по двору уже бежал и на ходу попадал в рукав армяка работник – седлать лошадь, скакать на деревню за старухами. Гостившая в усадьбе странница Анюта, похожая своей стриженной головой на мальчика, высунулась в окошечко людской и, захлопав в ладоши, что-то закричала ему вслед – тупо, косноязычно и восторженно.

Когда молодой Бестужев вошел к умершему, тот лежал навзничь на старинной кровати орехового дерева, под старым одеялом из красного атласа, с расстегнутым воротом ночной рубашки, полузакрыв неподвижные, как бы хмельные глаза и откинув темное, побледневшее, давно не бритое лицо с большими седеющими усами. Ставни в этой комнате были по его желанию закрыты все лето, – теперь их открывали. На комодке возле кровати желто горела свеча. Склонив к плечу голову, с бьющимся сердцем, Бестужев жадно всматривался в то странное, уже холодевшее, что тонуло в постели.

Ставни раскрывались одна за другою. В окна, сквозь темные ветви старого хвойного палисадника, глянул далекий закат, оранжево догоравший в тучках. Бестужев, отойдя от умершего, распахнул одно из этих окон. В комнату, в застоявшийся, сложный запах лекарств, ощутительно потянуло чистым воздухом. Вошла заплаканная Наташа и стала выносить все то, что князь, с неделю тому назад, внезапно охваченный какой-то тревожной жадностью, приказал перетаскать к нему и разложить перед его глазами на столах и креслах: истертое казацкое седло, уздечки, медный охотничий рог, собачьи смычки, патронташ. Уже не стесняясь стучать, звенеть удилами и стремя о стремя, она делала дело с твердым и строгим лицом, сильно дунула, проходя мимо комоды, на свечку... Князь был неподвижен, и неподвижны были его полуприкрытые, как бы слегка косившие глаза. Вечернее сухое тепло, смешанное с свежестью от реки, наполняло комнату. Солнце потухло, все поблекло. Хвоя палисадника сухо темнела на прозрачном, сверху зеленоватом, ниже шафранном море далекого запада. Щebetала за окном какая-то птичка, и щebet ее казался очень резок.

– Чего жалеть, – серьезно сказала Наташа, опять входя и отодвигая ящик комоды, вынимая оттуда чистое белье, простыни и наволочку на подушку. – Умерли смирно, всем так дай бог. А жалеть их некому, никого после себя не оставили, – прибавила она и опять вышла.

Бестужев, присев на подоконник, все глядел в темный угол, на постель, где лежал умерший. Он все старался что-то понять, собрать мысли, ужаснуться. Но ужаса не было. Была только удивленность, невозможность осмыслить, охватить происшедшее... Неужели все разрешилось, и теперь можно говорить в этой спальне так свободно, как говорит Наташа? Впрочем, подумал Бестужев, она говорила о князе с той же свободой, – как о человеке, уже вышедшем из круга живых, – и раньше, весь последний месяц.

Со двора, из сумрака слабо и необыкновенно приятно пахло дымом. Это успокаивало, говорило о земле, о продолжающейся простой человеческой жизни. В стемневших лугах, на реке, ровно шумела водяная мельница... Неделю тому назад князь сидел возле ее ворот на старом жернове, – в шапке, в лисьей поддевке, худой и темнеликий, согнувшись и упершись руками в серый ноздреватый камень. Старик, который привез смолоть несколько мер новины, щурясь, исподлобья посмотрел на

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
него, развертывая веретье. «А уж и худ ты! – холодно и пренебрежительно сказал он князю, хотя прежде всегда говорил с ним почтительно. – Прямо никуда! Нет, теперь тебе житья немного. Тебе лет семьдесят будет?» – «Пятьдесят первый», – сказал князь. – «Пятьдесят первый! – насмешливо повторил старик, взясь с веретьем. – Не может того быть, – твердо сказал он, – ты намного старше меня». – «Вот дурак, – усмехнувшись, сказал князь, – да ведь мы росли вместе». – «Ну, росли, не росли, а житья тебе теперь немного», – сказал старик, натуживаясь, и, приподняв и прижимая к груди тяжелую, полную рожью меру, поспешно, приседая, пошел в шумящую, белую от муки мельницу...

– Теперь уходите, барчук, – бесстрастно, но значительно сказала Наташа, входя с ведром горячей воды.

И от этого ведра, от этих слов Бестужеву вдруг стало страшно. Он поднялся с подоконника и, не глядя на Наташу, вышел через прихожую, прилегавшую к комнате покойного, на черное крыльцо. В сумраке возле крыльца мыли руки приехавшие с деревни старухи, Евгения и Агафья: одна лила из кувшина, другая, согнувшись, захватив в колени подол темного платья, крепко отжимала, встряхивая пальцы. Это было еще страшнее, – эти старухи. Бестужев быстрыми шагами прошел мимо них в сухой уже поредевший к осени сад, таинственно освещенный по низам только что показавшимся среди дальних стволов круглым, огромным, зеркальным месяцем.

II

В девятом часу в комнате, где умер князь, все пришло в порядок, было прибрано, кровати уже не было, тепло пахло вымытыми полами. На столах, поставленных наискось в передний угол, под старинные образа, возле окна, верхнее стекло которого серебрилось от месячного света, возвышалось под простыней тело, казавшееся очень большим. Три толстых свечи в церковных высоких подсвечниках горели в головах его прозрачно, дрожали хрустальным чадом. Тишка, сын церковного сторожа Семена, умытый и причесанный, в новой поддевке, жалостно и поспешно читал псалтырь. «Хвалите господа с небес, – читал он, подражая черничкам, – хвалите его все ангелы его, хвалите его все воинства его...» Темно и чадно дрожали на свечках прозрачные копыя пламени, золотые, с ярко-синим основанием.

В доме огонь был только в лакейской. Там, под окном, стоял стол, на столе кипел самовар. Бледная и серьезная, в черном платочке, Наташа, Евгения, похожая на смерть, и печально-скромная Агафья, плотник Григорий, уже начавший в сарае делать гроб, и церковный сторож Семен, старик с тусклыми свинцовыми глазами, испорченными постоянным чтением при дрожащем свете по покойникам, пили чай. Семен, который должен был сменить сына, принес с собой собственную книгу, в грубой, как бы деревянной коже бурого цвета, закапанную воском, с обожженными кое-где углами страниц.

– А как ни плохо живешь, все будет трудно с белым светом расставаться, – печально говорила Агафья, наливая из чашки в блюдечко.

– Известно, трудно, – сказал Григорий. – Кабы знал, и жил бы не так, все бы имущество истребил. А то боимся именье свое распустить, все думаешь, под старость деться будет некуда... а глядишь, и до старости не дожил!

– Наша жизнь как волна бежит, – сказал Семен. – Смерть, ее, как сказано, надо встречать с радостью и трепетом.

– Исход, а не смерть, родной, – сухо и наставительно поправила Евгения.

– С трепетом, не с стрепетом, а умирать никому не хочется, – сказал Григорий. – Всякая козявка и та смерти боится. Тоже, значит, и у них души есть.

– Не души, батюшка, а дуси – еще наставительнее сказала Евгения.

Кончив последнюю чашку, Семен мотнул головок, откидывая со лба вспотевшие темно-серые волосы, встал, перекрестился, захватил псалтырь и на цыпочках пошел через темный зал, через темную гостиную к покойнику. – Ступай, ступай, дорогой, – сказала ему вслед Евгения. – Да поприлежней читай. Когда кто хорошо читает, грехи с грешника как листья с сухого дерева валяются.

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
Сменяя Тишку, Семен надел очки и, строго глядя через них, мягко обобрал пальцами воск с оплывших свечей, потом медленно перекрестился, развернул на аналое книгу и стал читать негромко, с ласковой и грустной убедительностью, только в некоторых местах предостерегающе повышая голос.

Дверь в прихожую возле черного крыльца была открыта. Читая, Семен слышал, как на крыльце кто-то затопал ногами: пришли поглядеть на покойника две девки, обе наряженные, в новых крепких башмаках. Они вступили в комнату робко и радостно, шепотом переговариваясь. Крестьясь и стараясь ступать нетвердо, одна из них, вздрагивая грудями под новой розовой кофточкой, подошла к столу, отвернула простыню с лица князя. Блеск свечей упал на кофточку, испуганное лицо девки стало в этом блеске бледно и красиво, а мертвое лицо князя засияло, как костяное. Большие седеющие усы, разросшиеся за болезнь, уже сквозили, в глазах, не совсем закрытых, темнела какая-то жидкость...

Тишка жадно курил в сенях, поджидая выхода девок. Они проскользнули мимо него, делая вид, что не замечают его. Одна сбегала с крыльца, другую, в розовой кофточке, он успел поймать. Она рванулась, зашептала:

– Ай ты угорел? Пусти! А то отцу скажу...

Тишка выпустил ее. Она побежала к саду. Месяц, уже небольшой, белый, ясный, высоко стоял над темным садом, и золотисто блестело в его свете сухое железо на крыше бани.

В тени от сада девка обернулась и, взглянув на небо, воскликнула:

– Ночь-то какая, – батюшки!

И очаровательно, с радостной нежностью, прозвучал в ночном тихом воздухе ее счастливый голос.

III

Бестужев ходил из конца в конец по двору. Со двора, пустого, широкого, освещенного месяцем, он глядел то на огоньки в деревне за рекой, то на светлые окна людской, где слышались голоса ужинающих. В сарае были раскрыты ворота, горел разбитый фонарь, поставленный на козлы тарантаса. Григорий, наклонившись и отставив одну ногу, шмыгал фуганком по тесине, заправленной в старый верстак. Красно-дымный огонь в фонаре дрожал, дрожали тени в сумрачном сарае...

Когда Бестужев на минуту приостановился у ворот сарая, Григорий поднял возбужденное лицо и сказал с ласковой гордостью:

– Крышку уж доделываю...

Потом Бестужев постоял, облокотясь на раскрытое окно людской. Кухарка собирала со стола остатки ужина, стирала с него ветшкой. Пастухи, подростки, укладывались спать: Митька, разутый, молился, стоя на нарах, устланных свежей соломой. Ванька – среди избы. Рыжий лохматый печник, широкоплечий и очень маленький ростом, в черной рубахе с крапинками известки на ней, пришедший с деревни из-за реки, чтобы начать завтра поправлять стены внутри обвалившегося княжеского склепа, вертел, сидя на лавке, сигарку.

Анюта тупо, восторженно и косноязычно говорила с печки:

– Вот и помер, ваше сиятельство, в голова ничего не положил... Так и не дал мне ничего... Нету да нету, погоди да погоди... Вот теперь и годи... Вот и годи... Годи теперь! Погодил, милый? В голова себе много положил? Понял теперь, что у тебя в головах, глупый? А что бы так-то дать рублика два, прикрыть мое тело! Я убогая, уroda. Никого у меня нету. Ишь грудь-то! И она распахнула кофту и показала голую грудь:

– Голая вся. Так-то, глупый! А я тебя в старые годы любила, я об тебе скучала, ты красивый был, веселый, ласковый, чистая барышня! Ты всю свою молодость об своей Людмилочке убивался, а она тебя, глупый, только терзала – мучила да с другим под венец стала, а я одна тебя верно любила, да про то только моя думка

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
знала! Я убогая, убогая, а душа-то у меня, может, ангельская-архангельская, я одна тебя любила, одна сию радуюсь о твоей кончине смертной... И она радостно и дико засмеялась и заплакала.

– Пойдем, Аня, псалтырь читать, – громко сказал печник тем тоном, каким говорят с детьми кому-нибудь на потеху. – Пойдешь, не боишься?

– Дурак! Кабы ноги были целы, и пошла бы, ай плохо? – крикнула Аня сквозь слезы. – Их грех, покойников-то, бояться. Они святые, пречистые.

– Я и не боюсь, – развязно сказал печник, закуривая сигарку, загоревшуюся зеленым огнем. – Я с тобой хоть на цельную ночь в фамильный склеп ляжу...

Аня восторженно рыдала, утираясь кофтой.

Не нарушая светлого и прекрасного царства ночи, а только делая его еще более прекрасным, пали на двор легкие тени от шедших на месяц белых тучек, и месяц, сияя, катился на них в глубине чистого неба, над блестящей крышей темного старого дома, где светилось только одно крайнее окно – у изголовья почившего князя.

1918

Зимний сон

Днем, гуляя, Ивлев прошел по выгону мимо школы.

На крыльце стояла учительница и пристально смотрела на него.

На ней была синяя на белом барашке поддевка, подпоясанная красным кушаком, и белая папаха.

Потом он лежал у себя в кабинете на тахте.

На дворе, при ярком солнце и высоких сияющих облаках, играла поземка.

В окнах зала солнце горячо грело блестящие стекла.

Холодно и скучно синело только в кабинете – окна его выходили на север.

Зато за окнами был сад, освещенный солнцем в упор.

И он лежал, облокотившись на истертую сафьянную подушку, и смотрел на дымящиеся сугробы и на редкие перепутанные сучья, красновато черневшие против солнца на чистом небе сильного василькового цвета.

По сугробам и зеленым елкам, торчавшим из сугробов, густо несло золотистой пылью. И он, глядя, напряженно думал:

– Где же, однако, с учительницей встретиться. Разве поехать к Вуколовой избе.

И тотчас же в саду, в снежной пыли показался большой человек, шедший по аллее, утопая в снегу по пояс: седая борода развеивается по ветру, на голове, на длинных прямых волосах, истертая шапка, на ногах валенки, на теле одна ветхая розовая рубаха.

– Ах, – подумал Ивлев с радостью, – непременно случилось что-нибудь ужасное!

Это был Вукол, разорившийся богач, живший в одинокой полевой избе с пьяницей-сыном.

И Вукол стоял в прихожей, плакал и жаловался, что сын бьет его, с размаху кланялся горничным и просил чайку – хоть щепоточку.

– Затем и лез по сугробам, по морозу, – говорил он. – Что поделаешь, привык, а сын не дает, грозит убить...

И видно было, что его самого трогает – и гораздо более, чем побои и грубость сына, – то, что он когда-то каждый день пил чай и привык к нему.

Он был страшен и жалок, по-медвежьи держал палку в посиневших руках.

– Дайте ему, – сказал Ивлев, – и чаю, и сахару, и белого хлеба!

Воротясь в поле, в свою ледяную избу, Вукол, пользуясь отсутствием сына, вытащил из-под лавки позеленевший самовар, набил его ледяшками, намерзшими в кадке, наколот щепок, жарко запалил их, окунув сначала в конопляное масло. И скоро, под дырявой, проржавевшей трубой, самовар буйно загудел, запылал, и старик, все подогревая его, уселся пить.

Как вдруг вошел сын.

Изба была вся голубая от дыму.

Старик кончал двадцатую чашку.

И сын так крепко стукнул его костылем в темя, что он мгновенно отдал богу душу.

Тогда Ивлев велел запрячь в бегунки молодую, горячую лошадь.

Был розовый морозный вечер, и он оделся особенно тепло и ладно, вышел, сел, и санки понесли его по выгону к школе.

На крыльцо тотчас вышла весь день поджидавшая его учительница.

– Мы непременно должны посмотреть Вукола! – крикнула она.

На ней была синяя на белом барашке поддевка, подпоясанная красным кушаком, и белая папаха. Глаза сияли веселой хитростью, лицо от папахи казалось еще милее и нежней.

Она смеялась, нагибая голову к муфте, закрываясь от острого ветра.

Лошадь летела как на крыльях.

Сзади, за степью, садилось солнце.

Снежное поле, расстилавшееся впереди, зеленело.

И встречный ветер, как огнем, жег щеки, брови.

Ивлев оглянулся – не едет ли кто сзади. Поле было пусто и уже темнело в малиновом свете заката. И он обнял учительницу, ища губами ее щеку. Она засмеялась пуще и схватила вожжи.

– Нет, – крикнула она, – мы должны сперва заехать.

И через минуту они очутились возле темной избы, черневшей среди снегов.

Согнувшись, вошли в темные сени, нашарили в темноте скобку.

Изба, распахнувшаяся перед ними, была велика и стара, все в ней было черно, дико, грубо.

Провисший потолок, блестящий от дыма, копоти, поддерживала громадная покосившаяся печь.

Восковая свечка, прилепленная к столу, едва озаряла эту мрачную и страшную берлогу.

А за столом, на лавке, стоял широкий, мелкий гроб, покрытый коленкором, на коленкоре, под бугром, образованным сложенными на груди руками, лежала черная дощечка.

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
– Не бойся! – с бесовской радостью шепнула учительница, крепко схватив Ивлева за руку и вся прижавшись к нему. – Едем, едем!

И полозья санок, как коньки, засвистали под изволок по мерзлому снегу. Еще тлела далеко впереди сумрачно-алая заря, а сзади уже освещал поле только что поднявшийся светлый стеклянный месяц.

Теперь они неслись в Гренландию.

1918

Готами: #comm024

Повесть, трижды прекрасная своей краткостью и скромностью, повесть о Готами, которая, сама того не ведая, пришла под сень Благословенного.

Так слышали мы.

В людном селении, в счастливой местности, у подножия великих Гималаев, в семье бедной, но достойной родилась Готами.

Высока ростом и на вид худошава была она, а душой проста, нетребовательна, и соседи дали ей недоброе прозвище: Готами Тошя прозвали они ее, но она не обиделась. И всякому приказанию была она послушна и на всякое приказание отзывалась так:

– Хорошо, милый господин, я сделаю. Хорошо, милая госпожа, я сделаю.

Да простится нам слово: неумна была среди людей Готами. Но и глупого не говорила она, – может быть, потому, что никогда не говорила она много и с утра до вечера что-нибудь работала. И одежда на ней была бедная и все одна и та же, но всегда опрятная. И вот юноша, весьма богатый и красивый, сын великого царя той местности, увидел ее на берегу реки, когда мыла она белье своих сестер и братьев, и понял, что она неумна и покорна и что никто не заступится за нее, – даже родители.

Так думал он:

– Что ж делать, скажут ее родители, неумна Готами, нехороша Готами, не на дочь нашу, а на служанку похожа она, кто возьмет ее замуж? Рано или поздно все равно покорится она мужчине, который пожелает ее: не умеет отказывать Готами. Ах, если бы был тот мужчина не безжалостный и давал на воспитание ребенка, что родит она!

Так подумал царский сын, юноша.

А Готами, вымыв и выполоскав белье, села на корточки над блестящей от солнца водой, сняв с себя одежду, весь свой стан от подмышек до колен завернув ею, распустила свои длинные черные волосы, стала чистить размоченной щепочкой свои белые зубы, стала мыть свои смуглые ноги, не зная, что царский сын смотрит на нее из-за бамбуковых кустов. И тогда он окликнул ее и, подходя, сказал ей с усмешкой, но ласково:

– Ты мила, Готами, и совсем не такая тошя, как говорят про тебя: о девушке в простой одежде и высокого роста часто судят неправильно. Я слышал, Готами, что ты покорная. Не противься же мне, никто не увидит наших ласк в этот жаркий час над пустой рекой.

И Готами смутилась перед ним, перед его уверенностью в правоте его желания, и прошептала в ответ:

– Хорошо, милый господин, будет по-твоему.

И царский сын, наслаждаясь ею, увидел, что она лучше, чем казалась, и что темные глаза ее, хотя и не выражают мысли и как будто всегда одинаковы, полны очарования. И после того стали часты их встречи на берегу реки в роце бамбуков, и всегда было так, что, когда бы ни приказал царский сын прийти к нему, всегда

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
приходила Готами без послушания и не менялась в своей покорности и прелести при телесном сближении, а при краткой беседе – в приветливости. И по истечении положенного времени почувствовала себя беременной. И тогда царский сын взял ее к себе в наложницы, перевез ее с ее бедной укладкой, где хранилось ее скромное добро, жалкий достаток рабочей девушки, в свой богатый дворец, и она прожила во дворце всю пору своего бремени.

Когда же приблизился день, одна из царских домоправительниц сказала ей:

– Готами. Жена, готовая стать матерью, уходит рожать, во исполнение обычая, в свой отчий дом. Но ты не жена, а наложница. Не ходи же в дом родителей, но и не нарушай пристойности.

И Готами поклонилась ей, встала и вышла за калитку глиняной ограды дворца.

И, перейдя деревянный мост через мутный канал, бывший поблизости, увидела сидящего под деревом, с чашкой в руке, слепого и древнего нищего, только по поясу перепоясанного грязной тряпицею, руки же свои, ноги, грудь и сухую, блестящую спину подставившего зною и мухам.

И нищий поднял свое незрячее лицо, прислушиваясь к ее шагам, и улыбнулся нежной и горькой улыбкой старческой мудрости.

– Готами! – сказал он ей. – Не вижу тебя, но чувствую твое приближение. Готами, будь благословенна стезя твоя!

И она поцеловала колено нищего и продолжала свой путь и на пути, в жарких солнечных рощах, среди атласовых деревьев, родила свое дитя.

И блаженно, со слезами радости, отдохнув от своего мучения, возвратилась с ребенком на руках во дворец царевича к предалась чувству неперестанного восторга и умиления, чувству телесной любви к рожденному, сладкой тревоге видеть, обонять, осязать и прижимать к своей груди это растущее и с каждым днем все более пробуждающееся для мысли и сознания существо.

– «Вспомнила тебя душа моя!» – этих нежных слов не сказал Готами юноша, сближаясь с ней, хотя и была она мила ему, хотя и везли ее в царский дворец с музыкой, на быках, украшенных цветами и лентами, нарядив ее точно к венцу, гладко причесав ее черные волосы, нарумянив лицо и подсурьмив ресницы.

И Готами, родив дитя, покорно приняла охлаждение к ней юноши и устранилась от глаз его, дабы не испытывал он смущения и виновности, случайно встречая ее.

И, оставшись жить в ограде дворца, поселилась в простой хижине на берегу прудов, приняв на себя обязанность кормить лебедей, плававших в тех прудах среди трав и цветов.

И была до времени счастлива, приготавливаясь, сама того не ведая, к тем великим скорбям, что должны были прийти на законную смену этому счастью и направить ее на путь едино истинный, в среду Братии Желтого облачения.

Блаженны смиренные сердцем, расторгшие Цепь.

В обители высокой радости живем мы, ничего в этом мире не любящие и подобные птице, которая несет с собой только крылья.

Одесса. 1919

Метеор

Тожество, много снегу, ясные морозные дни, извозчики ездят резво, вызываяще, с двух часов на катке в городском саду играет военная музыка.

Верстах в трех от города старая сосновая роща.

Смеясь, переговариваясь, идут к ней по снежному полю, суют ногами в длинных

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
шведских лыжах, держа в правой руке длинные тонкие палки с колесиками на конце, лицеист, гимназистка, высокий и полный богатый молодой человек, кадет и курсистка в пенсне, очень близорукая, неловкая и очень обидчивая. Она одна молчит, идет старательнее и хуже всех. Все одеты так, как ходят на каток. Она одна в настоящем лыжном костюме, в белой шерстяной вязанке и такой же шапочке.

Роща близится, становится живописнее, величественнее, чернее и зеленее. Над нею уже стоит прозрачно-бледная круглая луна, справа чистое солнце почти касается вдали золотисто-блестящей снежной равнины с чуть заметным зеленоватым тоном.

Курсистка впереди всех, – порой спотыкаясь и роняя пенсне, она первая входит в рощу, в длинную снежную просеку среди мачтовых сосен. Белая длинная вязанка обтягивает ее большой зад и груди. Живой, смуглый, широконосый кадет, не отставая от нее ни на шаг, все подсмеивается над ней, все острит. Она каждый раз зло и находчиво отвечает ему, старательно делая свое дело. Однако между ними что-то есть.

В роще вечереет, морозит, высокое небо над просекой холодеет и синеет; далеко впереди, за поляной, верхушки нескольких сосен, особенно высоких, краснеют. В роще еще слаще чувствовать себя молодым, праздничным, все время близким к какому-то счастью дышать этим зимним эфирным воздухом. Лицеист ждет счастья напряженнее всех, двигаясь все время рядом с гимназисткой.

Спокойнее прочих богатый молодой человек с его необыкновенно нежным цветом лица и пятнистым румянцем.

На поляне останавливаются, отдыхая и говоря все разом, мужчины курят, испытывая от табаку особенное наслаждение. У всех блестящие глаза, легкий иней на ресницах.

– Теперь куда?

– Конечно, вниз, на реку!

– А вон, господа, еще лыжники!

– Кто это? Неужели Ильины? Вот приятная встреча!

Пролеты высоких аллей расходятся от поляны во все стороны. В той, что ведет прямо к реке, приближаются мужчина и женщина. Слышен звонкий женский смех, кажущийся притворным.

– Кто это? – спрашивает гимназистка лицеиста. – Вы лучше меня видите.

– Ваши партнеры по любительскому спектаклю. Залесская с Потемкиным.

– Ах, я не хочу встречаться с ними. Я ее терпеть не могу. Уйдем куда-нибудь. Встретимся с нашими на лугу.

– Слушаю-с, Господа, мы вам пока откланиваемся. До скорого свидания на реке.

– Это почему? – спрашивает кадет, нелепо выкатывая глаза. – Что сей внезапный сон значит?

– Нам пора отношения выяснить, – отвечает гимназистка, смеясь. – Au revoir[10 – До свидания (фр.)], господа. Можете нам завидовать.

И, взявшись за руки, лицеист и гимназистка едут в просеку направо. Их провожают напутственными криками, шутками.

У лицеиста крепко бьется сердце. Он чувствует, что она под видом шутки, с той спокойной и удивительной смелостью, на которую способны только женщины, сказала правду. Он знает, что за эти праздничные дни все сказано без слов между ним и ею, что они ждут только момента и решительности осуществить это сказанное без слов. И вот этот момент внезапно настал. Однако она идет и молчит, и его волнение увеличивается сомнением, не ошибается ли он.

Она молчит, она спокойно и как ни в чем не бывало двигает лыжами. От волнения

– Хотите идти слева? Тут глубже снег...

– Нет, спасибо, мне очень хорошо...

И они опять молча суют лыжи, слегка наклоняясь вперед. Снег вокруг, среди сосновых розоватых стволов, становится все глубже, белее, сосны все оснеженнее. Вечер мягко меняет краски, все больше сливаясь с воцаряющейся лунной ночью.

– Ох, я, кажется, устала! – говорит она наконец, поворачивая к нему раскрасневшееся лицо и слегка улыбаясь. – Куда мы идем? Мы заблудимся...

У него еще больше замирает сердце, но он отвечает, стараясь говорить как можно обыденнее:

– Еще немного. Скоро опять поляна и скамейка, – разве вы не помните? Вы потише, поровнее. Вот так: раз, раз... раз, раз...

На поляне, возле скамейки, утонувшей в снегу, он отпускает ее руку и, только отпустив, чувствует, какое это было наслаждение держать ее, как будто сосредоточившую в себе всю прелесть всего ее женского существа.

Он утаптывает снег возле скамейки, срезает лыжей снежную подушку с нее, смахивает платком сухие остатки снега. Она садится и на минуту блаженно закрывает глаза.

– Как хорошо. Какая тишина. Какие это птицы?

По кустам можжевельника перелетают толстые, зобастые, с красными грудками снегири.

– Это снегири.

– Как они красивы!

– Хотите, убью одного?

И он вынимает из кармана маленький револьвер.

– Нет, не надо, – говорит она с нерешительной улыбкой.

Толстый снегирь перелетает ближе.

– Видите, он сам идет навстречу смерти. Так я стреляю.

– Нет, нет, не надо.

– Вы боитесь?

– Нет, но не хочу...

Она слабо махает рукой на снегиря, но снегирь перелетает еще ближе. И тотчас же, как хлопнувший кнут, раздается выстрел, от которого она быстро закрывает глаза и затыкает уши.

Снегиря на кусте уже нет. Промах, конечно? Подняв глаза кверху, они видят, что луна среди верхушек сосен уже в сиянии и возле нее вьется серебристый ястребок, которого откуда-то спугнул выстрел. Потом смотрят в кусты. Снегирь взъерошенным комочком лежит на снегу.

– Это совершенно неправдоподобно! – восклицает лицеист, кидаясь к нему. – Из револьвера и вдруг попасть!

И еще напряженнее чувствует, что время идет, а они оба говорят и делают совсем не то, что надо.

– И вам не жаль? – спрашивает она, разглядывая еще теплое снегиря.

– Увы, ничуть! – шутливо выговаривает он с трудом, стукнув от внутренней дрожи зубами при взгляде на ее губы, мех вокруг шеи, маленькие ботинки в снегу. – Вы запачкали кровью руку...

Она кладет снегиря на скамейку и поднимает на него глаза, которые кажутся вопросительными и ждущими.

– Дайте вытру снегом...

Она протягивает руку. Он вытирает, замирая от нестерпимого желания целовать, кусать ее.

Вечера уже почти нет. Луна между соснами уже зеркальная. В легкой тени от верхушек сосен снег принял цвет золы, а на местах освещенных искрится.

– Однако что же это мы? – говорит она, вдруг поднимаясь. – Мы рискуем не найти их. Идемте скорее!

И опять они берутся за руки и поспешно двигают лыжами. Проходит пять, десять минут...

– Пойдите! Мы, кажется, совсем не туда идем! Где мы? Опять какая-то поляна...

– Нет, верно, – говорит лицеист. – Видите – поляна покатая, это уже спуск к реке. Мы незаметно все время забирали влево.

Но она стоит, растерянно оглядываясь. Поляна глухая, в глубоком снегу. Над головою уже совсем по-ночному блещет луна, тени меж сосен черны, четки, на краю поляны тонет в сугробах черная изба без окон, снежная, пухлая крыша ее вся играет белыми и синими бриллиантами. Тишина мертвая.

Вы куда-то завели меня, – говорит она негромко, уже с неподдельным страхом. – Идем назад.

Но он странно смотрит на нее и тянет ее за руку вперед. Давайте только заглянем в эту избу... На одну минуту...

Она делает несколько шагов, но возле избы решительно противится, останавливается и отнимает у него руку. Он, бросив лыжи, идет по твердому сугробу к раскрытой двери и, наклоняясь, скрывается в ее темноте. Через минуту раздается из избы его голос:

– Как здесь хорошо! Загляните хоть в окно! Неужели вы боитесь?

– Нет, но не хочу. Где вы? Пойдемте, поздно.

– Как красив здесь лунный свет! Это что-то сказочное!

– Если вы не выйдете, я уйду одна...

И, скрипя по морозному снегу, она подходит к окну, заглядывает в него:

– Где вы там?

И вдруг ее ослепляет таким дивным, таким страшным и райски прекрасным зеленым светом от прорезавшего все небо и разорвавшегося метеора, что она вскрикивает и в ужасе бросается в дверь избы.

Через полчаса они снова выходят на залитую луною поляну и уже до самой реки не могут произнести ни слова.

Париж. 27 декабря. 1920

Третий класс: #сотт026

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
Глупец тот, кто воображает, что он имеет полное право и возможность ездить когда ему угодно в этом классе!

Вот Цейлон, Коломбо, март 1911 года.

Утро, всего восьмой час.

Но зной уже адский, он густ и неподвижен, как перед той страшной грозой, которой, должно быть, начался потоп.

Весь в белом и в белом шлеме, сижу в раскаленной лакированной колясочке, в маленькой двуколке, в тонких оглоблях которой ровно и крупно, слегка подавшись вперед, мчится высокий и черный, весь блистающий своей могучей великолепной наготой тамил.

Еду на вокзал, чтобы отправиться – ну, скажем, в Анарадхапуру.

И вот впереди уже площадь, пустая, белая, ослепительная, а за нею еще более ослепительное белое здание вокзала, – оно почти страшно своей белизной на белесом от зноя небе. Среди всей этой белизны и белого солнечного пламени черное тело и длинные черные волосы тамила режут глаз.

В здании вокзала легче, всюду веет теплый сквозняк.

Сняв шлем, вытираю мокрый ледяной лоб, кость которого так ощутительна при поте, и спешу к выходу на платформу. Высокий и тяжелый, с белыми крышами и навесами над окнами, поезд уже готов. Спешу к будочке кассира, вынимаю на ходу ровно столько монет, сколько требуется на проезд до Анарадхапуры в третьем классе, и стучу ими перед выглядывающим из будки англичанином:

– Third class, Anaradhapura! Третий класс, Анарадхапура!

– First class? Первый класс? – спрашивает англичанин.

– No, third class! – кричу я.

– Yes, first class! – кричит англичанин, выкидывая мне билет первого класса.

И тогда я прихожу в ярость и начинаю кричать приблизительно так:

– Слушайте, мне это осточертело! Я хочу видеть все особенности страны, всю ее жизнь, всех ее обитателей, вплоть до самых «презренных» как вы любите выражаться цветных людях, которые, конечно, не могут да и не смеют ездить в первых классах. Но всякий раз, как я хочу сесть в третий класс, начинается борьба с кассиром! Я твердо и ясно требую третий класс, однако, пользуясь созвучием слов, меня всякий раз перебивают, дурачат: «Вы хотите сказать, первый класс?» Я кричу да нет, третий! Но мне все-таки выкидывают билет первого класса. Я швыряю его назад – и тогда кассир вне себя от негодования и удивления, что белый человек одержим низким и безумным желанием сидеть рядом с цветным, начинает тоже кричать, пугает меня насекомыми, которых я могу набраться от цветных, главное же, наставляет меня в том, что никто, решительно никто из белых не ездит в третьем классе, что это не принято, неприлично, возмутительно!

И я твердо заключаю:

– Одним словом, извольте сию же минуту дать мне то, что я требую!

В конце концов кассир сдается: пораженный моей яростью, он на мгновение каменеет и вдруг решительно швыряет мне билет третьего класса.

Торжествуя, водворяюсь я в вагоне и жду спутников, этих самых «презренных» цветных. Но что за черт – их нет и нет! По платформе, мимо моего купе, несется непрерывный сухой шорох босых бегущих ног.

Но почему же несется он все мимо, все дальше куда-то?

А, понимаю: это их пугает мой шлем, белый шлем белого человека!

– Теперь-то почему же никого нет? – думаю я. – Ведь теперь они меня не видят?

И я вскакиваю с места, высовываюсь в окно, чтобы понять, в чем дело, – и дело объясняется тотчас же и очень просто: на моем купе крупно написано мелом, что оно – занято! Едва я успел войти в него, как на нем написали: занято! Настоял, мол, на своем, вырвал билет третьего класса, так вот же тебе – сиди, идиот.

И несется, несется поезд в бездне ослепительного зноя, льющегося с неба на эту радостную, райскую землю, и четко отдается татаканье колес от цветущих лесных дебрей, без конца летящих назад, мимо окон.

– Курумба-а! – горестно и звонко кричат на остановках продавцы кокосовых орехов под сухой шорох босых ног, бегущих мимо моего купе.

И на одной из следующих остановок, я, как вор, перебегаю в четвертый класс, в вагон, набитый сидящими и стоящими, черными и шоколадными телами, которые только по бедрам повязаны мокрыми от пота тряпицами.

<1921>

Темир-Аксак-Хан

– А-а-а, Темир-Аксак-Хан! – дико вопит переливчатый, страстно и безнадежно тоскливый голос в крымской деревенской кофейне.

Весенняя ночь темна и сыра, черная стена горных обрывов едва различима. Возле кофейни, прилепившейся к скале, стоит на шоссе дорожка, на белой грязи, открытый автомобиль, и от его страшных, ослепительных глаз тянутся вперед, в темноту, два длинных столпа светлого дыма. Издалека, снизу, доносится шум невидимого моря, со всех сторон веет из темноты влажный беспокойный ветер.

В кофейне густо накурено, она тускло озарена жестяной лампочкой, привешенной к потолку, и нагрета грудой раскаленного жара, рдеющего на очаге в углу. Нищий, сразу начавший песню о Темир-Аксак-Хане мучительным криком, сидит на глиняном полу. Это столетняя обезьяна в овчинной куртке и лохматом бараньем курпее, рыжем от дождей, от солнца, от времени. На коленях у него нечто вроде деревянной грубой лиры. Он согнулся, – слушателям не видно его лица, видны только коричневые уши, торчащие из-под курпее. Изредка вырывая из струн резкие звуки, он вопит с нестерпимой, отчаянной скорбью.

Возле очага, на табурете, – женственно полный, миловидный татарин, содержатель кофейни. Он сперва улыбался, не то ласково и чуть-чуть грустно, не то снисходительно и насмешливо. Потом так и застыл с поднятыми бровями и с улыбкой, перешедшей в страдальческую и недоуменную.

На лавке под окошечком курил хаджи, высокий, с худыми лопатками, седобородый, в черном халате и белой чалме, чудесно подчеркивающей темную смуглость его лица. Теперь он забыл о чубуке, закинул голову к стене, закрыл глаза. Одна нога, в полосатом шерстяном чулке, согнута в колене, поставлена на лавку, другая, в туфле, висит.

А за столиком возле хаджи сидят те проезжие, которым пришло на ум остановить автомобиль и выпить в деревенской кофейне по чашечке дрянного кофе: крупный господин в котелке, в непромокаемом английском пальто и красивая молодая дама, бледная от внимания и волнения. Она южанка, она понимает по-татарски, понимает слова песни... – А-а-а, Темир-Аксак-Хан!

Не было во Вселенной славнее хана, чем Темир-Аксак-Хан. Весь подлунный мир трепетал перед ним, и прекраснейшие в мире женщины и девушки готовы были умереть за счастье хоть на мгновение быть рабой его. Но перед кончиною сидел Темир-Аксак-Хан в пыли на камнях базара и целовал лохмотья проходящих калек и нищих, говоря им:

– Выньте мою душу, калеки и нищие, ибо нет в ней больше даже желания желать!

И, когда господь сжалился наконец над ним и освободил его от суетной славы земной и суетных земных утех, скоро распались все царства его, в запустение пришли города и дворцы, и прах песков замел их развалины под вечно синим, как драгоценная глазурь, небом и вечно пылающим, как адский огонь, солнцем... А-а-а, Темир-Аксак-Хан! Где дни и дела твои? Где битвы и победы? Где те юные, нежные, ревнивые, что любили тебя, где глаза, сиявшие, точно черные солнца, на ложе твоём?

Все молчат, все покорены песней. Но странно: та отчаянная скорбь, та горькая укоризна кому-то, которой так надрывается она, слаще самой высокой, самой страстной радости.

Проезжий господин пристально смотрит в стол и жарко раскуривает сигару. Его дама широко раскрыла глаза, и по щекам ее бегут слезы.

Посидев некоторое время в оцепенении, они выходят на порог кофейни. Нищий кончил песню и стал жевать, отрывать от тугой лепешки, которую подал ему хозяин. Но кажется, что песня все еще длится, что ей нет и не будет конца.

Дама, уходя, сунула нищему целый золотой, но тревожно думает, что мало, ей хочется вернуться и дать ему еще один – нет, два, три или же при всех поцеловать его жесткую руку. Глаза ее еще горят от слез, но у нее такое чувство, что никогда не была она счастливее, чем в эту минуту, после песни о том, что все суета и скорбь под солнцем, в эту темную и влажную ночь с отдаленным шумом невидимого моря, с запахом весеннего дождя, с беспокойным, до самой глубины души проникающим ветром.

Шофер, полулежавший в экипаже, поспешно выскакивает из него, наклоняется в свет от фонарей, что-то делает, похожий на зверя в своей точно вывернутой наизнанку шубе, и машина вдруг оживает, загудев, задрожав от нетерпения. Господин помогает даме войти, садится рядом, покрывая ее колени пледом, она рассеянно благодарит его... Автомобиль несется по раскату шоссе вниз, взмывает на подъем, упираясь светлыми столпами в какой-то кустарник, и опять смахивает их в сторону, роняет в темноту нового спуска... В вышине, над очертаниями чуть видных гор, кажущихся исполинскими, мелькают в жидких облаках звезды, далеко впереди чуть белеет прибоем излучина залива, ветер мягко и сильно бьет в лицо...

О, Темир-Аксак-Хан, говорила песня, не было в подлунной отважней, счастливей и славнее тебя, смуглоликий, огнеглазый – светлый и благостный, как Гавриил, мудрый и пышный, как царь Сулейман! Ярче и зеленей райской листвы был шелк твоего тюрбана, и семицветным звездным огнем дрожало и переливалось его алмазное перо, и за счастье прикоснуться кончиком уст к темной и узкой руке твоей, осыпанной индийскими перстнями, готовы были умереть прекраснейшие в мире царевны и рабыни. Но, до дна испив чашу земных утех, в пыли, на базаре сидел ты, Темир-Аксак-Хан, и ловил, целовал рубище проходящих калек:

– Выньте мою страждущую душу, калеки!

И века пронесли над твоей забвенной могилой, и пески замели развалины мечетей и дворцов твоих под вечно синим небом и безжалостно радостным солнцем, и дикий шиповник пророс сквозь останки лазурных фаянсов твоей гробницы, чтобы, с каждой новой весной, снова и снова томились на нем, разрывались от мучительно-сладостных песен, от тоски несказанного счастья сердца соловьев... А-а-а, Темир-Аксак-Хан, где она, горькая мудрость твоя? Где нее муки души твоей, слезами и желчью исторгнувшей вон мед земных оболещений?

Горы ушли, отступили, мимо шоссеиной дороги мчит уже морс, с шумом и раковым запахом взбегающее на белый хрящ берега. Далек впереди, в темной низменности, рассыпаны красные и белые огни, стоит розовое зарево города, и ночь над ним и над морским заливом черна и мягка, как сажа.

Париж, 1921

Ночь отречения: #com028

Берег священного Львиного острова, черные леса, подступившие к самому океану, как бы готовому затопить их.

Великий рев волн, пенными, внутри светящимися горами непрестанно идущих на остров и заливающих не только прибрежные отмели, на которых студенистыми кругами лежат морские звезды, испускающие таинственное сияние, и шуршат тысячи расползающихся крабов, не только береговые скалы, но и подножие тех пальм, что склонились, змеевидно изогнулись своими тонкими стволами с береговых обрывов.

Сырой и теплый ураган проносится от времени до времени с сугубой стремительностью, с несказанной силой, столь величаво и мощно, что к океану буино катится из лесов гул не менее страшный и тяжкий, чем гул самого океана: тогда пальмы, мотающиеся из стороны в сторону, подобно живым существам, мучимым беспокойной дремотой, вдруг низко склоняются под напором домчавшейся до берега бури, все разом падают долу, и с верхушек их с шумом сыплются мириады мертвых листьев, а в воздухе веет пряными благовониями, принесенными из глубины острова, из заповедных недр лесных.

Тучи, угрюмые и грузные, как в ночи Потопа, все ниже спускаются над океаном. Но в безграничном пространстве между ними и водной хлябью есть некое подобие света: океан до сокровенных глубин насыщен сокровенным пламенем неисчислимых жизней.

Валы океана, с огненно-кипящими гривами, в реве и в гуле бегущие к берегу, вспыхивают, перед тем как рушиться, столь ярко, что озаряют зеленым отблеском человека, стоящего в лесу над берегом.

Человек этот бос, с обрезанными волосами, с обнаженным правым плечом, в рубище отшельника.

Он мал, как дитя, среди окружающего его величия, и не ужас ли мелькнул в его изможденном лице при блеске и грохоте разрушившегося вала?

Твердо и звучно, преодолевая и этот грохот, и слитный гул лесов и урагана, возглашает он:

– Слава Возвышенному, Святому, Всепросветленному, Победившему желание!

Вихрем несутся вместе с ураганом, в черной лесной тьме, мириады как бы огненных глаз. И восторженно звучит голос человека, стоящего на берегу:

– Тщетно, Мара! Тщетно, Тысячеглазый, искушаешь ты, проносясь над землей животворящими ураганами и ливнями, тучным и уже вновь благовонным тлением могил, рождающих новую жизнь из гнили и праха! Отступись, Мара! Как дождевая капля с тугого листа лотоса, скатывается с меня Желание!

Но победно, в ливне сыплющихся листьев, мчится вихрь несметных огненных глаз, озаряя под черным лесным навесом как бы исполинское изваяние: сидящего на земле, главой своей возвышающегося до самых верхушек пальм. Ноги его скрещены.

От шеи до чресл увит он серыми кольцами змея, раздувшего свое розовое горло, протершего свою плоскую, косоглазую голову над его главой.

Невзирая на безмерную тяжесть змеиных колец, сидящий свободен и статен, величав и прям.

Божественный нарост, острый бугор на его темени. Черно-синие, курчавые, но короткие волосы – как синева в хвосте павлина. Красный лик царственно спокоен. Взгляд блестящ, подобен самоцвету.

И страшный голос его, голос, звучащий без напряжения, по силе подобный грому, величаво катится из глубины лесов к человеку, стоящему на берегу:

– Истинно, истинно говорю тебе, ученик: снова и снова отречешься ты от меня ради Мары, ради сладкого обмана смертной жизни, в эту ночь земной весны.

Париж, 1921

Безумный художник

Золотилось солнце на востоке, за туманной синью далеких лесов, за белой снежной изменностью, на которую глядел с невысокого горного берега древний русский город. Был канун Рождества, бодрое утро с легким морозом и инеем.

Только что пришел петроградский поезд: в гору, по наезженному снегу, от железнодорожной станции, тянулись извозчики, с седоками и без седоков.

В старой большой гостинице на просторной площади, против старых торговых рядов, было тихо и пусто, прибрано к празднику. Гостей не ждали. Но вот к крыльцу подъехал господин в пенсне, с изумленными глазами, в черном бархатном берете, из-под которого падали зеленоватые кудри, и в длинной дохе блестящего каштанового меха.

Рыжий бородач на козлах притворно крякал, желая показать, что он промерз, что следует набавить ему. Седок не обратил на него внимания, предоставив расплатиться с ним гостинице.

– Ведите меня в самый светлый номер, – громко сказал он, торжественным шагом следуя по широкому коридору за молодым коридорным, несшим его дорогой заграничный чемодан. – Я художник, – сказал он, – но на этот раз мне не нужна комната на север. Отнюдь нет!

Коридорный распахнул дверь в номер первый, самый почетный, состоявший из прихожей и двух обширных комнат, где окна были, однако, невелики и очень глубоки, по причине толстых стен. В комнатах было тепло, уютно и спокойно, янтарно от солнца, смягченного инеем на нижних стеклах. Осторожно опустив чемодан на ковер посередине приемной, коридорный, молодой малый с умными веселыми глазами, остановился в ожидании паспорта и приказаний. Художник, ростом невысокий, юношески легкий вопреки своему возрасту, в берете и бархатной куртке, прошелся из угла в угол и, сронив движением бровей пенсне, потер белыми, точно алебастровыми руками свое бледное! измученное лицо. Потом странно посмотрел на слугу невидящим взором очень близорукого и рассеянного человека.

– Двадцать четвертое декабря тысяча девятьсот шестнадцатого года! – сказал он. – Эту дату ты должен запомнить!

– Слушаю-сь, – ответил коридорный.

Художник вынул из бокового кармана куртки золотые часы, мельком, прищурив один глаз, взглянул на них.

– Ровно половина десятого, – продолжал он, снова устраивая на носу свои стекла. – Я у цели своего паломничества. Слава в вышних богу и на земле мир, в человецех благоволение! Паспорт я тебе дам, не беспокойся, но сейчас мне не до паспорта. У меня нет ни одной свободной минуты. Сейчас я спешу в город, чтобы вернуться ровно в одиннадцать. Я должен завершить дело всей моей жизни. Мой молодой друг, – сказал он, протягивая к коридорному руку и показывая ему два обручальных кольца, из которых одно, на мизинце, было женское, – это кольцо – предсмертный завет!

– Так точно, – ответил коридорный.

– И я этот завет исполню! – грозно сказал художник. – Я напишу бессмертную вещь! И я подарю ее – тебе.

– Покорнейше благодарим, – ответил коридорный.

– Но, любезный, дело в том, что я не взял с собой ни холста, ни красок, – провезти их из-за этой чудовищной войны было совершенно невозможно. Я надеюсь достать их здесь. Я наконец воплещу все то, что сводило меня с ума целых два года, а потом так дивно преобразилось в Стокгольме!

Говоря и отчеканивая слова, художник в упор смотрел через пенсне на своего

– Весь мир должен узнать и понять это откровение, эту благую весть! – воскликнул он, театрально взмахнув рукой. – Слышишь? Весь мир! Все!

– Хорошо-с, – ответил коридорный. – Я доложу хозяину.

Художник снова надел доху и направился к двери. Коридорный со всех ног кинулся отворять ее. Художник важно кивнул ему и зашагал по коридору. На площадке лестницы он приостановился и добавил:

– В мире, мой друг, нет праздника выше Рождества.

Нет таинства, равного рождению человека. Последний миг кровавого, старого мира! Рождается новый человек!

На улице совсем ободнялось, стало совсем солнечно. Иней на телеграфных проволоках рисовался по голубому небу нежно и сизо и уже крошился, осыпался. На площади толпился целый лес густых темно-зеленых елок. У мясных лавок стояли мерзлые белые туши голых свиней с глубокими разрезами на толстых загривках, висели серые рябчики, ощипанные гуси, индейки, жирные и застывшие. Прохожие, переговариваясь, спешили, извозчики стегали лохматых лошадей, подреза визжали.

– Узнаю тебя, Русь! – громко говорил художник, шагая по площади и глядя на туго подпоясанных, толсто одетых бодрых торговцев и торговок, покрикивающих возле своих лотков с самодельными деревянными игрушками и большими белыми пряниками в виде коней, петухов и рыб.

Он подозвал свободного извозчика и велел ехать ему на главную улицу.

– Только живее, к одиннадцати я должен быть дома за работой, – сказал он, садясь в холодные санки, кладя на колени себе тяжелую, каляную полость.

Извозчик мотнул шапкой и быстро понес его на своем сытом меринке по блестящей, накатанной дороге.

– Живее, живее! – повторил художник. В двенадцать самый полный свет солнца. – Да, – сказал он, оглядываясь, – места знакомые, но основательно забытые! Как называется эта пьядца?

– Чего изволите? – спросил извозчик.

– Я тебя спрашиваю, как называется эта площадь? – крикнул художник, внезапно впадая в ярость. – Стой, негодяй! Зачем ты привез меня к часовне? Я боюсь церковей и часовен! Стой! Ты знаешь, что один финн привез меня к кладбищу, и я тотчас же написал письма к королю и к папе, и он был приговорен к смертной казни! Вези назад!

Извозчик осадил разбежавшуюся лошадь и взглянул на седока с недоумением:

– Куда же прикажете? Вы сказали, на главную улицу...

– Я сказал тебе – в художественный магазин!

– Вы бы лучше, барин, другого наняли, мы не понимаем.

– Ну и убирайся к черту! Вот тебе твои сребреники!

И художник неловко вылез из саней, бросил извозчику трехрублевку и пошел прочь, назад, посередине улицы. Доха его запахнулась, волочилась по снегу, глаза страдальчески и растерянно блуждали по сторонам. Увидав в окне магазина золоченые багеты, он поспешно вошел в магазин. Но едва он заговорило красках, румяная барышня в шубке, сидевшая за кассой, тотчас же перебила его:

– Ах, нет, у нас красками не торгуют. У нас только рамы, багеты и обои. Да и вообще вряд ли вы найдете у нас в городе холст и масляные краски.

Художник с непритворным отчаянием схватился за голову.

– Боже мой, да неужели? Ах, как это ужасно! Сейчас и именно сейчас краски для меня вопрос жизни и смерти! Идея моя совершенно созрела еще в Стокгольме и, будучи воплощенной, должна произвести неслыханное впечатление. Я должен написать вифлеемскую пещеру, написать Рождество и залить всю картину, – и эти ясли, и младенца, и мадонну, и льва, и ягненка, возлежащих рядом, – именно рядом! – таким ликованием ангелов, таким светом, чтобы это было воистину рождением нового человека. Только у меня это будет в Испании, стране нашего первого, брачного путешествия. Вдали – синие горы, на холмах цветущие деревья, в раскрытых небесах...

– Извиняюсь, господин, – сказала барышня с испугом, – здесь могут покупатели прийти. У нас только рамы, багеты и шпалеры...

Художник восторженно и с преувеличенной вежливостью поднял свой берет:

– Ах, простите ради бога! Вы правы, тысячу раз правы!

И поспешно вышел.

Через несколько домов, в магазине «Знание», он купил очень большой лист шершавого картона, цветных карандашей и акварельные краски на бумажной палитре. Затем опять вскочил на извозчика и погнал его в гостиницу. В гостинице он тотчас позвонил. Явился тот же коридорный. Художник держал в руках паспорт.

– Вот! – сказал он, протягивая его коридорному. – Кесарево – кесарю. А затем, любезный, ты должен принести мне стакан воды для акварели. Масляных красок, увы, нигде нет. Война! Железный век! Пещерный век!

И, подумав, внезапно просиял восторгом:

– А какой день! Боже, какой день! Ровно в полночь рождается Спаситель! Спаситель мира! Я так и подпишу под картиной: «Рождение Нового Человека!» Мадонну я напишу с той, чье имя отныне священо. Я воскрешу ее, убитую злой силой вместе с новой жизнью выношенной ею под сердцем!

Коридорный опять выразил свою неизменную готовность на услуги и опять ушел. Но когда, через несколько минут он принес стакан и графин свежей воды, художник крепко спал. Бледное и худое лицо его было похоже на алебастровую маску. Он высоко, навзничь лежал на подушках на кровати в спальне, закинув голову, разметав свои длинные серо-зеленые волосы, и не было слышно даже дыхания его. Коридорный удалился на цыпочках и за дверью столкнулся с хозяином, приземистым человеком с бобриком на темени и острыми глазами.

– Ну что? – спросил хозяин быстрым шепотом.

– Спит, – ответил коридорный.

– Чудеса! – сказал хозяин. – А паспорт правильный.

Только отмечено, что жена померла. Иван Матвеич звонил из полиции, велел присматривать. Ты того, держи ухо востро. Время, брат, военное.

– Говорит – одарю тебя, дай только дело сделать, – сказал коридорный. – Самовара не спрашивает...

– Вот, вот! – подхватил хозяин и прильнул ухом к двери.

Но за дверью было тихо, и только чувствовалась та грусть, что бывает в комнате спящего человека.

Солнце медленно уходило из номера. Потом и совсем ушло. Иней на окнах посерел, стал скучный. В сумерки художник внезапно проснулся и тотчас кинулся к звонку.

– Это ужасно! – закричал он, как только появился коридорный. – Ты меня не разбудил! А меж тем именно из-за этого дня мы и предприняли нашу страшную Одиссею. Представь же себе, каково было ей, беременной на восьмом месяце! Мы прошли через тысячу всяческих рогаток, не спали, не ели почти шесть недель. А

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
море! А бешеные качки! А этот непрерывный страх, что, того гляди, взлетишь на воздух! «Все наверх! Готовь спасательные пояса! Первому, кто кинется к шлюпке без команды, разможу череп!»

– Так точно, – сказал коридорный, оторопев от его зычного крика.

– А какой был радостный свет! – продолжал художник, успокаиваясь. – Я при таком настроении духа, как давеча, кончил бы работу в два-три часа. Но что же делать! Буду работать всю ночь. Только помоги мне кое-что приготовить. Стол этот, пожалуй, годится...

Он подошел к преддиванному столу, стащил с него бархатную скатерть, покачал его:

– Стоит довольно твердо. Но вот что: у вас здесь всего две свечи. Надо примести еще восемь, иначе я не могу писать, Мне нужна бездна света! Коридорный опять вышел и долго спустя принес семь свечей в разных подсвечниках.

– Одной нету, все по номерам, – сказал он.

Художник опять заволновался, опять закричал:

– Ах, как это досадно! Десять, десять нужно было! На всяком шагу преграды, низости! Помогите мне, по крайней мере, поставьте стол как раз посередине комнаты. Мы увеличим свет отражения в зеркале...

Коридорный потащил стол на указанное место, покрепче уставил его.

– Теперь надо застелить чем-нибудь белым, не поглощающим света, – бормотал художник, неловко помогая, роняя и надевая пенсне. – Чем бы это? Белых скатертей я боюсь... Ба, у меня куча газет, я предусмотрительно не выбрасывал их!

Он открыл чемодан, лежавший на полу, взял оттуда несколько номеров газеты, застелил стол, прикрепил кнопками, разложил карандаши, палитру, расставил в ряд девять свечей и все зажег их. Комната приняла странный, праздничный, но и зловещий вид от этого обилия огней. Окна почернели. Свечи отражались в зеркале над диваном, бросая яркий золотой свет на белое серьезное лицо художника и на молодое озабоченное лицо коридорного. Когда наконец все было готово, коридорный почтительно отступил к порогу и спросил:

– Кушать будете у нас али на стороне?

Художник горько и театрально усмехнулся.

– Дитя! Он воображает, что я могу в такую минуту есть! Иди с миром, друг мой. Ты свободен теперь до утра.

И коридорный осторожно вышел вон.

Часы текли. Художник ходил из угла в угол. Он сказал себе: «Надо приготовиться». За окнами чернела зимняя морозная ночь. Он опустил на них шторы. В гостинице все молчало. За дверью в коридоре слышались осторожные, воровские шаги, – за художником подсматривали в замочную скважину, подслушивали. Потом и шаги стихли. Свечи пылали, дрожа огнями, отражаясь в зеркале. Лицо художника становилось все болезненнее.

– Нет! – вскричал он вдруг, резко останавливаясь. Сперва я должен возобновить в памяти ее черты. Прочь детский страх!

Он наклонился к чемодану, волосы его повисли. Запустив руку под белье, он вытащил большой белый бархатный альбом, сел в кресло у стола. Раскрыв альбом, он решительно и гордо откинул голову назад и замер в созерцании.

В альбоме был большой фотографический снимок: внутренность какой-то пустой часовни, со сводами, с блестящими стенами из гладкого камня. Посредине, на возвышении, покрытом траурным сукном, тянулся длинный гроб, в котором лежала худая женщина с сомкнутыми выпуклыми веками. Узкая и красивая голова ее была окружена гирляндой цветов, высоко на груди покоились сложенные руки. В возглавии гроба стояли три церковных священника, у подножия – крохотный гробик с

Художник напряженно вглядывался в острые черты покойной. Вдруг лицо его исказилось ужасом. Он кинул альбом на ковер, вскочил, бросился к чемодану. Он перерыл его весь, до дна, разбросал по полу рубашки, носки, галстуки... Нет, того, что он искал, не было! Он отчаянно озирался по сторонам, тер рукою лоб...

– Полжизни за кисть! – воскликнул он хриплым голосом, топнув ногою. – Забыл, забыл, несчастный! Ищи же! Сотвори чудо!

Но кисти не было. Он пошарил по карманам, нашел перочинный нож, подбежал к дохе... Разве вырезать клочок меха и привязать к перу, к щепке? Но где взять ниток? Ночь, все спят... его примут за сумасшедшего! И он яростно схватил с дивана картон, швырнул его на стол, сбегал в спальню за подушками, положил их на кресло, чтобы было выше сидеть, и, хватая то один, то другой цветной карандаш, с головой ушел в работу.

Он трудился без отдыха. Он снял пенсне и низко наклонился к столу, бросал сильные и уверенные удары, откидывался, вперяя взгляд в зеркало, светлый туман которого был полон дрожащими цветистыми огнями. От жара свечей волосы художника на висках смоклись, от напряжения вздулись жилы на шее. Глаза слезились и горели, черты лица обрезались.

Наконец он увидел, что лист картона безнадежно испорчен, – нелепо и ярко загроможден рисунками, совершенно противоположными друг другу по смыслу и по значению их: горячее вдохновение художника совершенно не повиновалось ему, делало совсем не то, что ему хотелось. Он перевернул картон и, схватив синий карандаш, оцепенел на некоторое время. Раскрытый альбом лежал возле его кресла. Из альбома так и бил в глаза длинный гроб и мертвый лик. Он порывисто захлопнул альбом. В чемодане торчала из белья оплетенная фляжка с одеколоном. Он вскочил, быстро отвинтил ее крышечку и, обжигаясь, стал пить. Опорожнив фляжку почти до дна и отдуваясь от душистого пламени, с пылающим горлом, он опять пошел шагать по комнате.

Вскоре юношеская сила овладела им – дерзкая решительность, уверенность в каждой своей мысли, в каждом своем чувстве, сознание, что он все может, все смеет, что нет более для него сомнений, нет преград. Он исполнился надежд и радости. Ему казалось, что мрачные, дьявольские наваждения жизни, черными волнами заливавшие его воображение, отступают от него. Осанна! Благословен грядый во имя господне!

Теперь перед его умственным взором, с потрясающей, с небывалой доселе ясностью, стояло лишь то, чего жаждало его сердце, сердце не раба жизни, а творца ее, как мысленно говорил он себе. Небеса, преисполненные вечного света, млеющие эдемской лазурью и клубящиеся дивными, хотя и смутными облаками, грезилась ему; светозарные лики и крылья несметных ликующих серафимов проступали в жуткой литургической красоте небес; бог-отец, грозный и радостный, благий и торжествующий, как в дни творения, высился среди них радужным исполинским видением; дева неизреченной прелести, с очами, полными блаженства счастливой матери, стоя на облачных клубках, сквозящих синью земных далей, простертых под нею, являла миру, высоко поднимала на божественных руках своих младенца, блистающего, как солнце, и дикий, могучий Иоанн, препоясанный звериной шкурою, на коленях стоял возле ее ног, в исступлении любви, нежности и благодарности целуя край ее одежды...

И художник снова кинулся к своей работе. Он ломал и с лихорадочной поспешностью, трясущимися руками вновь острил ножом карандаши. Догоравшие свечи, оплывшие, текущие по раскаленным подсвечникам, еще жарче пылали возле его лица, завешанного вдоль щек мокрыми волосами.

В шесть часов он бешено давил кнопку звонка: он кончил, кончил! Затем побежал к столу и стоя, с бьющимся сердцем, стал ждать коридорного. Теперь он был бледен такой бледностью, что губы у него казались черными. Вся куртка его была осыпана разноцветной пылью карандашей. Темные глаза горели нечеловеческим страданием и вместе с тем каким-то свирепым восторгом.

Никто не шел. Гробовая тишина окружала его. Но он стоял, он ждал, весь превратившись в слух и ожидание. Вот, сию минуту вбежит коридорный, и он, творец, завершивший свой труд, изливший свою душу по воле самого божества,

– Возьми. Я тебе дарю это.

И он, близкий от стука своего сердца к потере сознания, крепко держал в руке картон. На картоне же, сплошь расцвеченном, чудовищно громоздилось то, что покорило его воображение в полной противоположности его страстным мечтам. Дикое, черно-синее небо до зенита пылало пожарами, кровавым пламенем дымных, разрушающихся храмов, дворцов и жилищ. Дыбы, эшафоты и виселицы с удавленниками чернели на огненном фоне. Над всей картиной, над всем этим морем огня и дыма, величаво, демонически высился огромный крест с распятым на нем, окровавленным страдальцем, широко и покорно раскинувшим длани по перекладинам креста. Смерть, в доспехах и зубчатой короне, оскалив свою гробную челюсть, с разбегу подавшись вперед, глубоко всадила под сердце распятого железный трезубец. Низ же картины являл беспорядочную грудку мертвых – и свалку, грызню, драку живых, смешение нагих тел, рук и лиц. И лица эти, ощеренные, клыкастые, с глазами, выкатившимися из орбит, были столь мерзостны и грубы, столь искажены ненавистью, злобой, сладострастием братоубийства, что их можно было признать скорее за лица скотов, зверей, дьяволов, но никак не за человеческие.

Париж, 1921

О дураке Емеле, какой вышел всех умнее

Емеля был дурак, а прожил на свете так, как дай бог всякому: не сеял, не пахал и никакой работы не знал, а на печке сытенький полеживал. К самому царю на оправданье на печке ездил.

Пошел по воду Емеля, – его братья по сторонам нанимались, а он только на печи лежал и невесткам угожал, за водой вразвалочку ходил, дрова колот да сладким сном занимался, – пришел на речку, а в воде черная щука ходит. Он ее поскорей за хвост и давай на берег тащить, а она его со слезьми об милости просить:

– Мол,пусти меня, Емеля, я гожусь тебе в некое время. Он ее бросил, отпустил, а она и говорит:

– Проси, чего тебе хочется, не хочется.

– Мне, – говорит Емеля, – ведра несть не хочется: пуцай сами идут.

Она сейчас сказала: «По щучью по веленью, по моему прошенью, идите, ведра, собой сами!» – Они и пошли сами ко двору. Емеля следом за ними поспешает, песенки потанакивает, а они покачиваются, как утки, сами идут. По селу народ встречается, во все окна глядят: глянь-ка, мол, глянь, у Емельки ведра сами идут! – А он дошел до двора и шумит:

– Эй вы, двери-тетери, по щучью по веленью, по моему прошенью, отворяйтесь, двери, собой сами! Мне неохота себя трудить, у меня одна думка – послаже на свете пожить!

Тут двери сейчас собой сами растворились, а ведра только через порог посигивают, стали в избу прядать-скакать, а невестки от них куда попало кидаются, испужались дюже:

– Что это, дескать, такое, что это ты, дурак, дуросветишь? Где ты такое взял, что ведра у тебя сами ходят?

– У вас, – говорит Емеля, – не ходят, а у меня, – говорит, – ходят. Это уж пуцай умные хрип-то гнут! Пеките мне блинов за работу!

Ну вот и не раз и не два ходил Емеля таким побытом на речку, и все ведра у него сами гуляли, Потом, глядь, дров нету. Они и просят его, невестки-то:

– Емеля, а, Емеля, у нас дров рубленых нету. Ступай скорее за дровами, а то тебе же на печи холодно будет.

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
Он опять им, ни слова не говоря, покоряется, выходит, стало быть, на двор с лендой, с раскорячкою и приказывает:

– Мне, – говорит, – смерть не хочется дрова рубить, ну-ка, по щучью по веленью, по моему прошенью, руби, топор, сам. А вы, дрова-борова, идите собой сами в избу, мне не хочется вас носить, себя беспокоить. Сторона наша, дескать, богатая, лень дремучая, рогатая: в тесные ворота не лезет!

Топор-колун сейчас у него из рук шмыг, взвился выше крыши и пошел долбить, двери в сенцы, в избу распахнулись, а дрова и давай скакать – прыгают, вроде как рыбы али щуки, а невестки опять дуром этого дела испужались, прячутся какая под стол, какая под коник, – мол, попадет, насмерть ушибет! – а топор так и крошит, так и валяет, – во-о сколько нашвырял, цельное беремя. Невестки Емелю с гневом ругают, грозят братьям нажалиться, а он только, как сом, ухмыляется:

– Вы блины-то мне печите знайте да маслом дюжей поливайте, – а сам опять на печь в отставку полез, спать да дремать, мусором голову пересыпать.

Потом не за долгое время и на дворе дрова перевелись. Невестки приступили, в лес его посылают, братьями тращут, нынче, братья с работы придут, мы им накажем, что ты нас не слушаешься, только лежишь да тараканов мнешь, они тебя, облома, не помилуют. А он, Емеля, на расправу жидкий был, страсть этого боя боялся, вскочил поскорей с печи, оделся в свой зипун-малахай, кушаком подпоясался, взял топор-колун и заткнул за кушак за этот. Невестки говорят – тебе надо лошадь запрячь, ты ведь сам не умеешь по своей дурости, а он говорит, а на что она мне, лошадь-то, – только маять ее? Я и на санях на одних съезжу, у вас не ходят без лошади сани, а у меня ходят.

Пошел к саням, подвязал оглобли назад, сел и приказывает: «По-щучью по веленью, по моему прошенью, отворяйтесь, ворота, сами!» Ворота сейчас растворяются, а он кричит: «А вы, сани, ступайте в путь-дорогу сами!» Сани и полетели, – их лошадь так не везет, как их понесло! – скачут через город, людей с ног долой сшибают, давят, а ему, Емеле, и горюшка мало. Народ – «ах, ах, сани сами едут!» – хотели его окоротить – куда тебе, его и след замело! Потом приехал он в лес, остановились эти сани, значит, в лесе. Слезает он с саней. Емеля вынимает топор из-за пояса:

– Ну-ка, – говорит, – руби, топор, по моему по щучьему веленью. А я посижу, погляжу, в голове маленько почешу, страсть свербит что-й-то!

Топор сейчас же начинает рубить – только звон жундит по лесу! Нарубил сколько надо, потом Емеля и говорит: «А вы, дрова, по моему прошенью, ложитесь в сани сами, мне неохота вас класть, это мне не сласть». Дрова и пошли прядать, головами мотать да укладываться в сани. Навил Емеля воз, заткнул топор за кушак-подпояску, садится на сани и приказывает, ступайте, мол, теперича, сани, сами собой ко двору. Сани опять пустились стрелой по городу, дворяне и миряне увидели – «ах, ах, опять этот злодей, какой народ подавил!» – хотели его перенять, забежали под дорогу с дубинками, с рогачами, только не тут-то было, перенять-то его! Подавил с возом народу еще боле, чем когда порожем ехал, приезжает ко двору, невестки оглядели в окно и давай опять ругать его, – вот, мол, дурак какой глупый, сколько ты, облом, народу безвинно подавил, а он им отвечает, а зачем, говорит, они меня на табельной дороге окорачивали с дубинками, с рогачами, под сани лезли? Потом сказал свое щучье слово, ворога перед ним враз растворились, он и въехал во двор с возом. Тут опять, значит, посигали дрова-поленья в избу, напужали невесток опять этим стуком, а Емеля-дурак залез на печь и опять наказал печь ему блинов поболе да маслом мазать пожирнее.

Ну вот он ел, ел, потом глядь в окно, а тут розыск, ищут его сотники, староста, хотят к наказанью представить за все его баснословья. Он, был, забился куда потемнее в угол, в сор, в паучину, ну только все-таки они его нашли там, на этой печке.

– Слезай, – говорят, – Емеля, пришло твое время. Что это ты дуросветишь, народ калечишь? Вот мы тебя заберем и в холодную отведем, как это, мол, ты без лошади ездешь, неладно делаешь, чепуху творишь?

Зачали его с печки снимать, тащить, хотят его покою лишить, а он обиделся на них

– Ну-ка, – говорит, – покажи им, дубинка, белый свет!

Сказал свое щучье слово, а дубинка как взвывается, как козлекнет из угла, да и давай их строчить по рукам, по головам, старосту и сотников этих. Они – ах, ах, что это, дескать, такое, что дубинка нас по головам кроя? – да поскорей вон из хаты. Кинулись к становому, к стражникам, он, говорят, нас не слушается, а силой его никак не возьмешь, идите, значит, сами, может, он вас боле почитает, а про дубинку про эту, какая их угощала, понятное дело, молчок. Потом собрались все урядники, стражники и сам становой с ними, староста им указал, где он, Емеля, спасается, они и входят в избу к нему всем гуртом:

– Ну, теперь, Емеля-дурочок, мы тебя с солдатами заберем, саблями тебя зарубим, – слезай скорей с печи, надевай зипун на плечи, к допросу отправляйся!

А он опять не слушается, – их полна изба напихалась, а он опять не идет, в углу песенку поет:

Ой, вы, очи, ясные мои очи,
Емеля на расправу итить не хоча!

Они его честью умоляют, а он опять свое, опять эти очи поет. Ну, как они его опять раздражили, он и говорит:

– По щучью по веленью, по моему моленью, – а дубинка эта так и лежит с ним на печке, – ну-ка, – говорит, – дубинка, попотчуй их сахаром!

Та дубинка сейчас встает и давай их охаживать с головы на голову, станового и стражников, и повыгнала, значит, всех из хаты вон.

– Ну что теперь с ним делать, – становой говорит, – как его нам взять, ребята?

А один стражник и надумайся:

– Давайте, – говорит, – обманом возьмем. Скажем, что тебя сам государь велел пригласить. Он тебе велит всяких пряников медовых надавать. (А он, Емеля, любитель был есть эти пряники и жамки.) Он тебя, мол, досыта накормит, государь-то.

Сговорились так-то, пришли и давай его улещать, волновать. Ну он и согласился. Ну хорошо, говорит, благодарю вас за внимание, ступайте ко двору и не беспокойте себя, – я сам к нему, к государю, поеду.

Они и ушли все от него, а он и приказывает печке:

– Ну-ка, – говорит, – печка, ступай-ка теперь, по моему приказу, к самому к царю во дворец! Про нас с тобой слава до самого царя дошла. Он, государь, обещает меня жамками накормить, а я любитель до них.

Печь сейчас же заворочалась, захрустела, загремела по избе, выпросталась наружу с ним и полетела стрелой, а он развалился на ней, все равно как на пассажирском поезде на паровозе едет. Подъезжает к государеву дворцу, приказывает царским вратам отворяться и прет прямо на печке на этой к балкону, к крыльцу к главному, а сам шумит, кричит во всю глотку, во всю праведную, «ой, вы, очи, мои ясные очи!» Часовые слуги бегут, хотят его унять, усовестить, а государь услышал этот шум-бардак и сам, значит, вместе с дочкой-наследницей на крыльцо выходит:

– Что ты, – говорит, – невежа, тут кричишь, зачем ты, – говорит, – в наши царские покои приехал, чудеса творишь, на печке едешь? Сказывай, кто ты такой. Ты, верно, Емеля-дурочок?

А Емеля подымается с печки, разбирает виски с глаз, утирает сопли-возгри и кланяется ему, государю своему:

– Так точно, мол, ваше императорское величество, это я самый и есть. Я, – говорит, – затем сюда приехал, государь-батюшка, что вы меня звали пряниками кормить, а я любитель их есть.

– Я тебя не пряниками кормить, – говорит ему государь с гневом, – я тебя велю сейчас в тюрьму забрать! Я тебя, – говорит, – заберу под арест.

– А за что же, ваше императорское величество, заберете вы меня?

– А за то, – говорит, – что ты на санях без лошади едешь, народ смутьянишь и жителей большое число подавил, помял. Я велю сейчас тебе голову снести. Вот тебе меч и голова долой с плеч!

Царь ему говорит – на тебя жалоб много, за это тебе нехорошо будет, за бесчестье такое, а он опять играет песню «ой, вы, очи, мои ясные очи», на печке лежит и песню кричит во все рыло. Государь осерчал, разгорячился, крикнул прислуг часовых, – взять, дескать, его в двадцать четыре часа! – а Емеля, понявши такое дело, полны портки со страху напустил и говорит поскорей:

– По щучью по веленью, по моему низкому прошенью, влюбись в меня, царская дочь-наследница, просись замуж за меня!

Прислуги бегут, хотят его с печи тащить, а царская дочь начинает государя со слезьми за него просить:

– Лучше, мол, государь-батюшка, меня скажите, – я не могу его злой смерти перенести, у него волшебное слово есть. Вы, – говорит, – не глядите, что он такой сопатый, толстопятый, глаза дыркою, нос просвиркою, он нос утрет, за Иван-царевича сойдет!

Ну государь и сжалился на нес, наследницу свою. Оттрепал для видимости Емелю-дурака за вшивый вихор, наказал ему строго-настрога больше так-то не охальничать, накидал ему на печку из собственных рук леденцов-пряников, а Емеля наклонялся ему, набил зоб этими закусками, дубинкой махнул, печку повернул и пошел чесать на печке ко двору, скачет-летит, а сам еще пуще прежнего свою песню шумит, – только по лесу отзывается!

Тут долго ли, коротко ли, только царская дочь, как только он, значит, скрылся с глаз долой, и зачни по нем сохнуть, горевать: он ей просто с ума нейдет, – даже влюбилась в него по этому по щучьему слову! Государь видит ее муку и, наконец того, обращается к ней, просит ее во всем сознаться, Ну, она ему и поклялась:

– Государь, мол, батюшка, я вся истянулась, истощала по нему, по Емеле-дураку. Не отдавай мне царства-государства, а построй мне фамильный склеп-могилу, коли не хочешь меня замуж за него отдать!

Ну что тут делать государю при таких речах? Он опять сжалился на нее и посылает сейчас посланников в эту деревню, где, значит, Емеля проживал, лаптем щи хлебал. Приехали эти посланники верхом на конях, нашли его в этой деревне, взошли в избу и давай его умолять:

– Емелюшка, милый, видно, мол, добился ты своего: не будешь ни пахать, ни косить, будешь только жамки в рот носить. Государь тебя честью к себе просит, хочет дочку за тебя выдать. Утирай свои сопли, чеши свои кудлы, надевай портки-рубаху – мы тебе за сваху!

А он, Емеля, еще ломается, – а, дескать, теперь мил стал!

– Я, – говорит, – по-людски ничего не хочу делать. Я всем головам голова. Я на печи поеду. Мне ваши кареты-коляски без надобности. Мне с печи слезать не хочется. Моя думка одна – себя не трудить, а на свете послаже пожить.

Посланники, понятно, и на то обрадовались, – им царь не велел бея него и на глаза показываться, – на все его причуды подписываются, в пояс ему кланяются, а он велит братьям с невестками прибраться как надо и с ним вместе ехать – полно, мол, вам тут в лесу сидеть, на пни глядеть! Они в голос, кричат, рыдают, не хотят с домом расставаться, робеют этого дела, ты, говорят, и нас под великую беду подведешь, а он говорит, если, говорит, честью не поедете, я вас силком посажу. Велел всем жаровые рубахи, красные сарафаны надевать – они, дурачки-то, любят красненькое, – насажал всех на печку, чисто цветы какие, наказал сидеть смиренно-благородно, заиграл свою веселую песню и попер наружу, – только пороги

В поле навстречу ему – коляска золотая, – государь, значит, выслал, – солдаты везде стоят, честь отдают, на караул держат-тянутся, а он их и во внимание не берет, и опять его печка прямо к балкону везет. Выходит государь: «Приехал, говорит, Емеля?» – «Приехал, мол, так точно. А на что, государь-батюшка, я нужен вам?» – «А на то, говорит, нужен, что сокрушили вы мою дочку, хочу вас повенчать с нею. С печи, говорит, поскорее слезайте, а вы, дочка наша, хлеб-соль ему подавайте».

Ну, Емеля, понятно, поскорей долой, ему только и надо было этого приглашенья, велел и братьям с невестками слезать, стать в сторонке и шепоту никакого не делать, потом поцеловал как надо государю ручку, невесте честь-честью поклонился, – хоть бы и не дураку впору! – хлеб-соль принял, и пошли они, значит, всем миром, собором прямо в царские хоромы. Там государь доложил домашнему священнику, велел ему в церковь итить, все к венцу готовить, а сам вынес икону заветную и благословил Емелю с своей дочкой на жизнь вечную. Потом, понятно, нос ему утерли, в бане отмыли, в красный кафтан нарядили и свадьбу по всему закону сыграли, а государь под него туг же полцарства своего подписал.

Я на том пиру, как говорится, был, да, признаться, все это дело забыл, – дже пристально угощали: и теперь глаз от синяков не продеру!

А Емеля стал жить да поживать, на бархатных постелях лежать, душу сладкими закусками ублажать да свою царевну за хохолок держать:

– Мол, и без меня управятся, – с государством-то!

Париж, 1921

Конец: #comm031

I

На горе в городе был в этот промозглый зимний день тот роковой промежуток в борьбе, то безвластие, та зловещая безлюдность, когда отступают уже последние защитники и убегают последние из убегающих обывателей... Город пустел все страшнее, все безнадежнее для оставшихся в нем и мучающихся еще неполной разрешенностью своей судьбы. По окраинам, возле вокзала и на совершенно вымерших улицах возле почты и государственного банка, где на мостовых уже лежали убитые, то и дело поднимался треск, град винтовок или спешно, дробно строчил пулемет.

К вечеру из-за северной заставы началась орудийная пальба, бодро раздавался тяжкий, глухой стук, от которого вздрагивала земля, за ним великолепный, с победоносной мощью режущий воздух и звенящий звук снаряда и, наконец, громовой разрыв, оглушающий весь город. Потом внезапно пошла частая и беспорядочная оружейная стрельба на спусках в порт и в самом порту, все приближаясь к «Патрасу», под французским флагом стоявшему у набережной в Карантинной гавани. Откуда-то донесся быстро бегущий, тревожно и печально требующий дороги рожок кареты Скорой помощи... Стало жутко и на «Патрасе» – то страшное, что совершилось на горе, доходило и до него. «Что же мы стоим? – слышались голоса в толпе, наполнявшей паромы. – С ума сошли, что ли, французы? Нас не выпустят, нас всех перережут!» – И все стали врать напропалую, стараясь зачем-то еще более напугать и себя и других: угля, говорят, нет, команда, говорят, бунтует, матросы красный флаг хотят выкинуть... Между тем уже темнело.

Но вот, в пятом часу, выскочил наконец из-за старого здания таможни и подлетел к пароходу крытый автомобиль – и у всех вырвался вздох облегчения: консул приехал, значит, слава богу, сейчас отвалим. Консул, с портфелем под мышкой, выпрыгнул из автомобиля и пробежал по сходням, за ним быстро прошел офицер в желтых крагах и в короткой волчьей шубке мехом наружу, нарочито грубого и воинственного вида, и тотчас же загремела лебедка, и к автомобилю стала спускаться петля каната. Все с жадным любопытством столпились к борту, уже не обращая внимания на стрельбу где-то совсем близко, автомобиль, охваченный петлей, покосился, отделился от земли и беспомощно поплыл вверх с криво повисшими, похожими на поджатые лапы

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
колесами... Два часовых, два голубых солдата в железных касках, стояли с карабинами на плече возле сходней. Вдруг откуда-то появился перед ними яростно запыхавшийся господин в бобровой шапке, в длинном пальто с бобровым воротником. На руках у него спокойно сидела прелестная синеглазая девочка. Господин, заметно было, повидал виды. Он был замучен, он был так худ, что пальто его, забрызганное грязью, с воротником точно зализанным, висело как на вешалке. А девочка была полненькая, хорошо и тепло одета, в белом вязаном капоре. Господин кинулся к сходням. Солдаты было двинулись к нему, но он так неожиданно и так свирепо погрозил им пальцем, что они опешили, и он неловко вбежал на пароход.

Я стоял на рубке над кают-компанией и с бессмысленной пристальностью следил за ним. Потом так же тупо стал смотреть на туманившийся на горе город, на гавань. Темнело, орудийная, а за нею и ружейная стрельба смолкла, и в этой тишине и уже спокойно надвигающихся сумерках чувствовалось, что дело уже сделано, что город сдался... В городе не было ни одного огня, порт был пуст, «Патрас» уходил последним. За рейдом терялась в сумрачной зимней мгле пустыня голых степных берегов. Вскоре пошел мокрый снег, и я, насквозь промерзнув за долгое стояние на рубке, побежал вниз. Мы уже двигались, все плыло подо мною, набережная косяком отходила прочь, туманно-темная городская гора валилась назад... Потом шумно закружилась вода из-под кормы, мы круто обогнули мол с мертвым, темным маяком, выровнялись и пошли полным ходом... Прощай, Россия, бодро сказал я себе, сбегая по трапам.

II

Пароход, конечно, уже окрестили новым ковчегом, – человеческое остроумие не богато. И точно, кого только не было на нем! Были крупнейшие мошенники, обремененные наживой, покинувшие город спокойно, в твердой уверенности, что им будет неплохо всюду. Были люди порядочные, но тоже пока еще спокойные, бежавшие впервые и еще не вполне сознавшие всю важность того, что случилось. Были даже такие, что бежали совсем неожиданно для себя, что просто заразились общим бегством и сорвались с места в самую последнюю минуту, без вещей, без денег, без теплой одежды, даже без смены белья, как, например, какие-то две певички, не к месту нарядные, смеявшиеся над своим нечаянным путешествием как над забавным приключением. Но преобладали все же настоящие беженцы, бегущие уже давно, из города в город, и, наконец, добежавшие до последней русской черты.

Три четверти людей, сбившихся на «Патрасе», уже испытали несметное и неправдоподобное количество всяких потерь и бед, смертельных опасностей, жутких и нелепых случайностей, мук всяческого передвижения и борьбы со всяческими препятствиями, крайнюю тяготу телесной и душевной нечистоты, усталости. Теперь, утратив последние остатки человеческого благополучия, растеряв друг друга, забыв всякое людское достоинство, жадно таща на себе последний чемодан, они сбежались к этой последней черте, под защиту счастливых, далеких от всех их страданий и потому втайне гордящихся существ, называемых французами, и эти французы дозволили им укрыться от последней гибели в то уютное, тесное, что называлось «Патрасом» и что в этот зимний вечер вышло со всем своим сбродом навстречу мрачной зимней ночи, в пустоту и даль мрачного зимнего моря. Что должен был чувствовать весь этот сброд? На что могли надеяться все те, что сбились на «Патрасе», в том совершенно загадочном, что ожидало их где-то в Стамбуле, на Кипре, на Балканах? И, однако, каждый из них на что-то надеялся, чем-то еще жил, чему-то еще радовался и совсем не думал о том страшном морском пути в эту страшную зимнюю ночь, одной трезвой мысли о котором было бы достаточно для полного ужаса и отчаяния. По милости божьей, именно трезвости-то и не бывает у человека в наиболее роковые минуты жизни. Человек в эти минуты спасительно тупеет.

Всюду на пароходе все было загромождено вещами и затоптано грязью и снегом. Всяду была беспорядочная теснота и царило оживание табора, людей только что спасшихся, страстно стремившихся спастись во что бы то ни стало и вот наконец добившихся своего, после всех своих мучений и страхов наконец поверивших, что они спасены, что они уже вне опасности и что они живы, – что бы там ни было впоследствии! Человек весьма охотно, даже с радостью освобождается от всяких человеческих уз, возвращается к первобытной простоте и неустроенности, к дикому образу существования, – только позволь обстоятельству, только будь оправдание. И на «Патрасе» все чувствовали, что теперь это позволено, что теперь это можно – не стыдиться ни грязных рук, ни потных под шапками волос, ни жадной еды не

Всюду были узлы, чемоданы и люди: и в рубке над кают-компанией, где поминутно хлопала тяжелая дверь на палубу и несло сырым ветром со снегом, и на лестнице в кают-компанию, и под лестницей, и в столовой, где воздух был уже очень испорченный. Трудно было пройти от тех нестесняющихся и опытных, предусмотрительных господ, что уже захватывали себе местечко, располагались по полу со своими постелями и семьями. Прочие, спотыкаясь на эти постели, перепрыгивая через узлы и чемоданы, наталкиваясь друг на друга, бегали с чайниками за кипятком, тащили где-то добытые, – за какие угодно деньги и чем дороже, тем радостнее! – огромные белые хлебы, торжествуя друг перед другом своей ловкостью, настойчивостью и даже бессовестностью. Столы завалили съестным, сидели за ними тесно, в шапках и калошах, поспешно ели и пили, сорили яичной скорлупой, угощали друг друга колбасой и салом, со смехом рассказывая, что вчера мужик на базаре содрал вот за этот кусок четыре тысячи «думскими», пробивали перочинными ножами брызгающие рыжим маслом жестянки... Длинный господин, явившийся на пароход последним, несколько раз пробежал по столовой с коробкой консервированного молока в руке, – где-то устроил свою девочку и хлопотал накормить ее. Вид у него был все такой же грозный и решительный, и еще заметнее было теперь, – он был без пальто, – как худа его шея, как велика бобровая шапка, как мягки и сальные длинные волосы.

III

Под лестницей была особенно гнусная теснота, образовались две нетерпеливых очереди – одна возле нужников, в двери которых ожидающие поминутно стучали, и другая возле лакеев, раздававших красное вино, налипавших его из бочки в бутылки, кружки и чайники, с которыми толпились беженцы. Вино было даровое, и потому воспользоваться им хотелось всем, даже и непьющим. Я скорее многих других пробился к лакеям, получил целый литр и, возвратясь в столовую и пристроившись к уголку стола, стал медленно пить и курить.

Только что разнесся слух, что перед самым нашим отходом из порта было получено на «Патрасе» страшное радио: два парохода, тоже переполненные такими же, как мы, и вышедшие раньше вас на сутки, потерпели крушение из-за снежной бури – один у самого Босфора, другой у болгарских берегов. И новая угроза повисла над нами, новая неопределенность – дойдем ли мы до Константинополя, и если дойдем, то когда? Ни курить, ни пить мне не хотелось; сигара была ужасная, вино холодное, лиловое. Но я сидел, пил и курил. Уже началось то напряженное ожидание, которым живешь в море при опасных переходах. «Патрас» был стар, перегружен, погода разыгрывалась с каждой минутой все круче... Большинство утешало себя тем, что мы идем быстро, уверенно. Но я, по своей морской опытности, хорошо знал, что быстрота эта только кажущаяся. Это не мы увеличивали ход, это росло волнение.

Вода уже шумно неслась вдоль наших тонких стен, все чаще и все яростнее накатывая с боков, все тяжелее стучая в стены и с плеском, шипением ссыпаясь с них. За стенами была непроглядная ночь, горами, без толку, без смысла, ходило мрачное, ледяное, зимнее море. В черные стекла ливнем летели брызги, лепило мокрым белым снегом, свистел, крепко дул ветер, холодное дыхание которого то и дело чувствовалось в дымном, жарком и уже вонючем воздухе низкой столовой, все-таки радовавшей своим светом и теплом, тем уютом, которого так первобытно жаждет человеческое сердце, еще помнящее страхи древней жизни, пещерных, свайных дней. И я тоже неосознанно радовался этому свету и теплу, сидя за своей бутылкой; слушал говор, галду своих спутников, чего-то ждал и что-то думал, – вернее, все собирался что-то обдумать и понять как следует. Стало уже упруго поднимать и опускать, стало валить на сторону, скрипеть переборками, диванами и креслами, в которых мы сидели. «Патрас» будто быстро шел среди качавшихся, расступавшихся и опять с плеском и шумом сходящихся водяных гор, шел, весь дрожа, и что-то работало внутри него все торопливее, с переборами, с перерывами выделявая «траттататата». Вдруг ветер налетел и засвистал бешено, волна ударила так тяжело и, освещенная нашим огнем, так страшно заглянула своей мутной слюдой, своей громадой в стекла, что многие вскрикнули и повалились друг на друга, думая, что мы уже гибнем... Потом все опять пришло в порядок, опять пошло с дрожью и перерывами это «траттататата», – и вдруг опять ударило, и опять дико засвистало и глубоко окунуло, опустило в расступившуюся водяную пропасть... «Началось!» – подумал я с нелепой радостью.

Вскоре стол опустел. Большинство стонало, томилось, – с надрывом, с молящими криками извергало из себя всю душу, валялось по диванам, по полу или поспешно, падая и спотыкаясь, бежало вон из столовой. То тут, то там кого-нибудь безобразно хлестало, а выбегающие махали дверями, и сырой холод стал мешаться с кислым зловонием рвоты. Уже нельзя было ни ходить, ни стоять, убежать надо было опроретью, сидеть – упираясь спиной в кресло, в стену, а ногами в стол, в чемоданы. Все так же казалось, что размахивающийся и вправо, и влево, и вверх, и вниз пароход идет с бешеной поспешностью, внутри его грохотало уже неистово, и перерывы, отдыхи в этом грохоте казались мгновениями счастья... А наверху был суший ад. Я допил вино, докурил сигару и, падая во все стороны, побрел в рубку. Я одолел лестницу и пробовал одолеть дверь наружу, выглянуть – ледяной ветер перехватывал дыхание, резал глаза, слепил снегом, с звериной яростью валил назад... Обмерзлые, побелевшие мачты и снасти ревели и свистали с остервенелой тоской и удалью, студенистые холмы волн перекачивались через палубу и опять, опять росли из-за борта и страшно светились взмыленной пеной в черноте ночи и моря... Крепко прохваченный холодом и морской свежестью, я насилу добрался назад до столовой, потом до своей каюты, по некоторым причинам предоставленной в мое распоряжение. Там было темно и все скрипело, возилось, точно что-то живое, борющееся. Проклятый корабельный пол, косой, предательский, зыбко уходил из-под ног. И, когда он уходил особенно глубоко, в стену особенно тяжело ударяла громада воды, все старавшаяся одним махом сокрушить и захлестнуть «Патрас», но «Патрас» только глубоко нырял под этим ударом и снова пружинил наружу, где на него обрушивался новый враг – налетал ураган со снегом, насквозь пронзавший мокрые стены своим ледяным свистящим дыханием...

IV

И не раздеваясь, – раздеться никак нельзя, того гляди, расшибет об стену, об умывальник, да и слишком было холодно, – я нащупал нижнюю койку и, улучив удобную минуту, ловко повалился на нее. Все ходило, качалось, дурманило. Бухало в задранный иллюминатор, с шумом стекало и бурлило – противно, как в каком-то чудовищном чреве. И, понемногу пьянея, отдаваясь все безвольнее в полную власть всего этого, я стал то задремывать, то внезапно просыпаться от особенно бешеных размахов и хвататься за койку, чтобы не вылететь из нее. Труба в рукомойнике, его сточная дыра гудела, гудела – и вдруг начинала булькать, реветь и захлебываться... Ах, встать бы, заткнуть чем-нибудь это анафемское горло! Но не было воли даже приподняться, как ни готовился я вот-вот решиться на это. И потекли часы за часами, и стало казаться, что уже никогда не минет эта мука качания, эта ночь, этот мрак, завывание, шум, плеск, шипение и все новые и новые удары то и дело налетающих откуда-то из страшной водной беспредельности волн...

В полусне, в забытии я что-то думал, что-то вспоминал... Пришло в голову и стало повторяться, баюкать:

Гром и шум, корабль качает,
Море Черное шумит...

– Как дальше? – в полусне спрашивал я себя. – Ах да!

Снится мне – я свеж и молод...
От зари роскошный холод
Проникает в сад...

Как все это далеко и ненужно теперь! Так только, грустно немного, жаль себя и еще чего-то, а за всем тем – бог с ним! И опять повторялись стихи и опять путались, опять клонило в сон, в дурман, и опять все лезло куда-то вверх, скрипело, боролось, – и все лишь затем, чтобы опять неожиданно разрешиться срывом, а за ним новым пружинным подъемом, и новым шипением бурлящей, стекающей воды, и пахучим холодом завывающего ветра, и клокошущим ревом захлебывающегося умывальника... Вдруг я совсем очнулся, вдруг меня озарило: да, так вот оно что – я в Черном море, я на чужом пароходе, я зачем-то плыву в Константинополь, России – конец, да и всему, всей моей прежней жизни тоже конец, даже если и случится чудо и мы не погибнем в этой злой и ледяной пучине! Только как же это я не понимал, не понял этого раньше?

Париж, 1921

Косцы: #comm032

Мы шли по большой дороге, а они косили в молодом березовом лесу поблизости от нее – и пели.

Это было давно, это было бесконечно давно, потому что та жизнь, которой все мы жили в то время, не вернется уже вовеки.

Они косили и пели, и весь березовый лес, еще не утративший густоты и свежести, еще полный цветов и запахов, звучно откликался им.

Кругом нас были поля, глушь срединной, исконной России. Было предвечернее время июньского дня... Старая большая дорога, заросшая кудрявой муравой, изрезанная заглохшими колеями, следами давней жизни наших отцов и дедов, уходила перед нами в бесконечную русскую даль. Солнце склонялось на запад, стало заходить в красивые легкие облака, смягчая синь за дальними извалами полей и бросая к закату, где небо уже золотилось, великие светлые столпы, как пишут их на церковных картинах. Стадо овец серело впереди, старик-пастух с подпаском сидел на меже, навивая кнут... Казалось, что нет, да никогда и не было, ни времени, ни деления его на века, на годы в этой забытой – или благословенной – богом стране. И они шли и пели среди ее вечной полевой тишины, простоты и первобытности с какой-то былинной свободой и беззаветностью. И березовый лес принимал и подхватывал их песню так же свободно и вольно, как они пели.

Они были «дальние», рязанские. Они небольшой артелью проходили по нашим, орловским, местам, помогая нашим сенокосам и подвигаясь на низы, на заработки во время рабочей поры в степях, еще более плодородных, чем наши. И они были беззаботны, дружны, как бывают люди в дальнем и долгом пути, на отдыхе от всех семейных и хозяйственных уз, были «охочи к работе», несознанно радуясь ее красоте и спорости. Они были как-то стариннее и добротнее, чем наши, – в обычае, в повадке, в языке, – опрятной и красивей одеждой, своими мягкими кожаными бахилками, белыми ладно увязанными онучами, чистыми портками и рубахами с красными, кумачовыми воротами и такими же ластовицами.

Неделю тому назад они косили в ближнем от нас лесу, и я видел, проезжая верхом, как они заходили на работу, пополудновавши: они пили из деревянных жбанов родниковую воду, – так долго, так сладко, как пьют только звери да хорошие, здоровые русские батраки, – потом крестились и бодро сбегались к месту с белыми, блестящими, наведенными, как бритва, косами на плечах, на бегу вступали в ряд, косы пустили все враз, широко, играючи, и пошли вольной, ровной чередой. А на возвратном пути я видел их ужин. Они сидели на засвежевшей поляне возле потухшего костра, ложками таскали из чугуна куски чего-то розового.

Я сказал:

– Хлеб-соль, здравствуйте.

Они приветливо ответили:

– Доброго здоровья, милости просим!

Поляна спускалась к оврагу, открывая еще светлый за зелеными деревьями запад. И вдруг, приглядевшись, я с ужасом увидел, что то, что ели они, были страшные своим дурманом грибы-мухоморы. А они только засмеялись:

– Ничего, они сладкие, чистая курятина!

Теперь они пели: «Ты прости-прощай, любезный друг!» – подвигались по березовому лесу, бездумно лишая его густых трав и цветов, и пели, сами не замечая того. И мы стояли и слушали их, чувствуя, что уже никогда не забыть мам этого предвечернего часа и никогда не понять, а главное, не высказать вполне, в чем такая дивная прелесть их песни.

Прелесть ее была в откликах, в звучности березового леса. Прелесть ее была в том, что никак не была она сама по себе: она была связана со всем, что видели,

чувствовали и мы и они, эти рязанские косцы. Прелесть была в том несознаваемом, но кровном родстве, которое было между ими и нами – и между ими, нами и этим хлебородным полем, что окружало нас, этим полевым воздухом, которым дышали и они и мы с детства, этим предвечерним временем, этими облаками на уже розовеющем западе, этим снежим, молодым лесом, полным медвяных трав по пояс, диких несметных цветов и ягод, которые они поминутно срывали и ели, и этой большой дорогой, ее простором и заповедной далью. Прелесть была в том, что все мы были дети своей родины и были все вместе и всем нам было хорошо, спокойно и любовно без ясного понимания своих чувств, ибо их и не надо, не должно понимать, когда они есть. И еще в том была (уже совсем не сознаваемая нами тогда) прелесть, что эта родина, этот наш общий дом была – Россия, и что только ее душа могла петь так, как пели косцы в этом откликающемся на каждый их вздох березовом лесу.

Прелесть была в том, что это было как будто и не пение, а именно только вздохи, подъемы молодой, здоровой, певучей груди. Пела одна грудь, как когда-то пелись песни только в России и с той непосредственностью, с той несравненной легкостью, естественностью, которая была свойственна в песне только русскому. Чувствовалось – человек так свеж, крепок, так наивен в неведении своих сил и талантов и так полон песнью, что ему нужно только легонько вздохнуть, чтобы отзывался весь лес на ту добрую и ласковую, а порой дерзкую и мощную звучность, которой наполняли его эти вздохи. Они подвигались, без малейшего усилия бросая вокруг себя косы, широкими полукругами обнажая перед собою поляны, окашивая, подбивая округ пней и кустов и без малейшего напряжения вздыхая, каждый по-своему, но в общем выражая одно, делая по наитию нечто единое, совершенно цельное, необыкновенно прекрасное. И прекрасны совершенно особой, чисто русской красотой были те чувства, что рассказывали они своими вздохами и полусловами вместе с откликающейся далью, глубиной леса.

Конечно, они «прощались, расставались» и с «родимой сторонужкой», и со своим счастьем, и с надеждами, и с той, с кем это счастье соединилось:

Ты прости-прощай, любезный друг,
И, родимая, ах да прощай, сторонужка! –

говорили, вздыхали они каждый по-разному, с той или иной мерой грусти и любви, но с одинаковой беззаботно-безнадежной укоризной.

Ты прости-прощай, любезная, неверная моя,
По тебе ли сердце черней грязи сделалось! –

говорили они, по-разному жалуясь и тоскуя, по-разному ударяя на слова, и вдруг нее разом сливались уже в совершенно согласном чувстве почти восторга перед своей гибелью, молодой дерзости перед судьбою и какого-то необыкновенного, всепрощающего великодушия, – точно встряхивали головами и кидали на весь лес:

Коль не любишь, не мил – бог с тобою,
Коли лучше найдешь – позабудешь!

и по всему лесу откликалось на дружную силу, свободу и грудную звучность их голосов, замирало и опять, звучно гремя, подхватывало:

Ах, коли лучше найдешь – позабудешь,
Коли хуже найдешь – пожалеешь!

В чем еще было очарование этой песни, ее неизбывная радость при всей ее будто бы безнадежности? В том, что человек все-таки не верил, да и не мог верить, по своей силе и непочатости, в эту безнадежность. «Ах, да все пути мне, молодцу, заказаны!» – говорил он, сладко оплакивая себя, но не плачут сладко и не поют своих скорбей те, которым и впрямь нет нигде ни пути, ни дороги. «Ты прости-прощай, родимая сторонужка!» – говорил человек – и знал, что все-таки нет ему подлинной разлуки с нею, с родиной, что, куда бы ни забросила его доля, все будет над ним родное небо, а вокруг – беспредельная родная Русь, гибельная для него, балованного, разве только своей свободой, простором и сказочным богатством. «Закатилось солнце красное за темные леса, ах, все пташки приумолкли, все садились по местам!» Закатилось мое счастье, вздыхал он, темная ночь с ее глушью обступает меня, – и все-таки чувствовал: так кровно близок он с этой глушью, живой для него, девственной и преисполненной волшебными силами, что всюду есть у него приют, ночлег, есть чье-то заступничество, чья-то добрая

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
забота, чей-то голос, шепчущий: «Не тужи, утро вечера мудренее, для меня нет ничего невозможного, спи спокойно, дитяtko!» – И из всяческих бед, по вере его, выручали его птицы и звери лесные, царевны прекрасные, премудрые и даже сама Баба-Яга, жалевшая его «по его младости». Были для него ковры-самолеты, шапки-невидимки, текли реки молочные, таились клады самоцветные, от всех смертных чар были ключи вечно живой воды, знал он молитвы и заклятия, чудодейные опять-таки по вере его, улетал из темниц, скинувшись ясным соколом, о сырую Землю-Мать ударившись, заступали его от лихих соседей и ворогов дебри дремучие, черные тони болотные, носки летучие – и прощал милосердный бог за все посвисты удалые, ножи острые, горячие...

Еще одно, говорю я, было в этой песне – это то, что хорошо знали и мы и они, эти рязанские мужики, в глубине души, что бесконечно счастливы были мы в те дни, теперь уже бесконечно далекие – и невозвратимые. Ибо всему свой срок, – миновала и для нас сказка: отказались от нас паши древние заступники, разбежались рысучие звери, разлетелись вещие птицы, свернулись самобраные скатерти, поруганы молитвы и заклятия, иссохла Мать-Сыра-Земля, иссякли животворные ключи – и настал конец, предел божьему прощению.

Париж, 1921

Полуночная Зарница

Изба в густом майском лесу, перед ней поляна, среди поляны раскидистая яблоня, лесовка, вся белая и кудрявая от цвета. Солнце уже село за лесом, но еще долго будет светло. Все свежо, молодо, всего преизбыток – зелени, цветов, трав, соловьев, горлинок, кукушек. И сладко, лесом, цветами, травами, пахнет легкий холодок зари. За теми чашами, над которыми светлая пустота весеннего заката и которые спускаются в лесные овраги, розовеющим зеркалом сквозит пруд, и в нем иногда квохчет лягушка, томно, изнемогая от наслаждения. Соловьи низко перелетают над поляной, гоняются друг за другом, на лету цокают, трещат.

Верховая лошадь, кажущаяся под седлом еще легче и красивее, стоит под яблоней. Она тянется мордой к мелкой листве среди белых цветов, обрывает ее и все время звучно жует. А я сижу на пне возле избы, и мне приятно, что я здоров, молод, что я хорошо езжу и что лошадь ценит это, любит меня, что она так женственна и породиста, что она с одинаковым удовольствием покоряется мне во всем – принимает на себя седло, чувствует крепко охватившие ее подпруги, идет крупным, вольным шагом или во весь опор скачет, стоит возле крыльца, на меже в поле, под деревом в лесу...

В избе, на лавке возле окошка, – девочка лет трех, в чепчике. Она занята тем, что бьет себя по губам: бам, бам, бам! За ней, внутри избы, темно и жарко.

Широта и глубина светлого заката сократилась, померкла. В бездонной высоте, сереющей над поляной, парами налетают вальдшнепы, на мгновение останавливаются и летит дальше. Лягушка смолкла, – во всем лесу тишина, только щебечут где-то вблизи две птички, да и то как-то безжизненно, перед сном. И все чаще, все страннее смотрит вверх, на сереющую синеву, где уже мелко проступают первые зерна звезд, горбатая девка, смиренно сидевшая весь вечер на траве неподалеку от яблони.

Вверху – небо, вправо – померкшая заря, впереди, за яблоней, – далекие красноватые просветы в черных лесных низах. И я тоже смотрю – то в вышину, то на эти просветы, то на лошадь, то на девку – и тогда она, не глядя, тотчас чувствует мой взгляд и стыдливо подбирет ноги, оправляет платье. Она чисто и приятно одета. Лицо у нее слегка широкоскулое, но тонкое, озаренное прозрачной бледностью. Трогательно ее ожерелье на худых ключицах, девичья льняная сорочка, маленькие босые ноги – и странен, даже немного страшен ее частый и несмелый взгяде небо.

Подходит ее мать – воротилась из села, принесла мешочек пшена, связку кренделей.

Поздоровавшись со мной, садится на порог избы, вздыхает:

– Была в селе, купила кой-чего... А вы давно тут? Анютка не плакала? На нее

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
надежды нету, – говорит она, разумея горбатую, которая слушает так, будто говорят не про нее, а про кого-то другого, – она у нас, сами знаете, какая...

Я знаю, но баба подробно и не спеша рассказывает или, скорее, вслух передумывает все то, что я слышал уже много раз:

– Что ж, дошло до того, что два раза из омета вынимали... Пришла я как-то из села, а она в пруде по горло, топиться хочет... А наемни с осинки сняла: собираю сушь в лесу, глядь, а она висит на суку, еле ногами травы касается, – уж краски по лицу пошли... «Все, говорит, ходит Он ко мне, душит, настигает...» Ночью проснусь, а она задыхается, кричит: «Что ты? Что ты? Пусти, не хочу!» – А самой, по голосу слышу, лестно, сладко... Спать без того не ложится, – молится, приговаривает: «Не надейся, не надейся, с собой не положу! Всю постелю закрепшу!» Тает, на нет сошла, осталось нарядить да в гроб положить... Уж я с ней работы и не спрашиваю, грех и спрашивать... Куда вся храбрость девалась, а прежде чистый огонь была, нежная, обидчивая... Дело молодое, тайное, какой только думки в голове нету! Иной раз проговорится, – глаза потупит, покраснеет и шепчет: «Ну что ж, ну, горбатая, а все лицом не хуже других... Ну и пускай никто не возьмет, постыдится с такой-то под венец стать... Найду себе получше дружка, потаенного, полуночного...» Какой страшный грех говорит, а все думается – помрет, все господь простит...

Девка сидит прямо, неподвижно, не слушает, пристально и странно глядит в темноту леса...

Домой еду полями. Земля залита темнотой, темнота поднимается снизу, затопляет далекую зарю, последний след ее. Свежо – пахнет и зеленью уже поднявшихся ржей, и росистой травой на межах, и всем тем полевым, ночным, среди чего я родился, вырос, чем так сладко живу...

Баба говорила: «Я сплю с Анюткой на нарах, а она на конике, под святыми... Ночью проснусь – сидит, в окошечко, на звезды, на ночь, на лес смотрит... у меня, говорит, звезда любимая есть, верная, неизменная, Полуночная Зарница...»

Полуночная Зарница. Звезда любви, Звезда предрассветная.

Лошадь идет подбористо, точно чует мои думы, – видны ее настороженные уши на слабом свете зари... О, красавица, умница, любимая моя! Как передать словами нашу с тобой близость, нашу любовь, – нет тоньше, таинственней и чище этой любви, навеки безмолвной, навеки верной, не обманывающей, любви между человеком и животным!

А этот, теперь уже темный и такой зловещий, лес и она, эта страшная и прекрасная горбунья? Мать, верно, уже спит, а она, живая покойница, сидит на лавке под святыми, глядит, слушает – одна во всем мире, – и все, кроме человека, все с ней и в ней – и ночь, и лес, и вся Вселенная, вся тайна ее – и уж так с ней и в ней, как нам никому не дано, потому что уже совсем вне нашего мира она, уже во власти этого Потаенного, Полуночного, чья дивная и грозная Звезда горит перед зарею над лесом...

И я обнимаю и целую сильную атласную шею своей бессловесной возлюбленной, чтобы слышать ее грубый запах, чтобы чувствовать земную плоть, потому что без нее, без этой плоти, мне слишком жутко в этом мире, и натягиваю поводья, и лошадь тотчас же отвечает мне всем своим существом – и легко, горячо несет меня по темной дороге к дому.

Париж, 1921

Преображение

Двор был богатый, семья большая.

Старик, наплодив детей и внуков, в свое время помер, но старуха зажила и жила так долго, что казалось, никогда не будет конца ее жалкому и нудному существованию.

Это они со стариком были строителями и владыками всего этого обширного,

прочного, теперь уже давно обжитого, вросшего в свое место, грязного и уютного гнезда с его гумном, дуплистыми лозинами, амбарами, черной избой в три связи, грубым до дикости скотным двором, потонувшем в навозе и переполненным сытой скотиной. Это они когда-то были молоды, красивы, разумны и строги, а потом стали как-то теряться среди все увеличивающейся и крепнущей молодежи, то в одном, то в другом уступать ей свою волю и наконец совсем сошли на нет, захирели, высохли, сгорбились, забились на полаты, на печь, отчудились сперва от семьи, и потом и друг от друга, чтобы уже навеки разлучиться по могилам.

После смерти старика старуха почувствовала себя особенно неловко на белом свете – и сократилась до последнего, совсем как будто забыла, что ведь все это молодое, сильное царство, в котором она стала такой ненужной, развела она, она. Вышло как-то так, что оказалась она самым ничтожным существом во всем дворе, живущим в нем точно из милости, годным лишь на то, чтобы ютиться на жаркой печи зимою, а летом цыплят стеречь, избу караулить в рабочую пору... Кому бы пришло в голову бояться ее, думать о ней!

Но вот захворала уже как следует, забилась на печь уже без всякого притворства, закрыла глаза, дыша горячо и беспомощно, с такой великой усталостью, что даже у плечистых невесток повернулось сердце от жалости. «Мамушки, ай тебе курятники спарить либо лапшицы молочной? Может, хочется чего? Может, самовар поставить?» – А она только дышит в забытии, только слабо и благодарно рукой шевелит...

Наконец развязала всех – отошла.

* * *

Глубокая ночь, зима. Ночь для нее, среди живых, последняя. На дворе метель и темь, вся деревня спит. Спит и весь двор, – обе жилые связи полны спящими, – и над всей этой зимней ночью и метелью, сном и глушью двора и деревни царит Мертвая: вчерашняя жалкая и забытая старушонка преобразилась в нечто грозное, таинственное, самое великое и значительное во всем мире, в какое-то непостижимое и страшное божество – в покойницу.

Она лежит в холодной половине – уже в гробу, снеговая, белая, глубоко уйдя в свой гробный мир, уткнув в грудь приподнятую соломенной подушкой голову, и падает тень от чернеющих, выделившихся на белом лице ресниц. Гроб, прикрытый легким от ветхости парчовым покровом, взятым напрокат из церкви, стоит за столом, ярко озаренным целым пуком восковых свечей, прилепленных к нему и пылающих жарко и беспокойно. Гроб стоит под святыми, на лавке возле окошечка, за которым идет морозная метель, черные стекла которого блестят, искрятся снегом, снаружи намерзающим на них.

Псалтырь читает Гаврил, младший сын покойной, недавно женившийся. Он всегда выделялся в семье своей разумностью и опрятностью, ровным нравом, любовью к чтению, к церковным службам – кому ж читать, как не ему? И он пошел в эту ледяную избу просто, ничуть не боясь предстоящей ему долгой ночи наедине с мертвой, не думая об этой ночи, не представив себе, что ждет его, – и вот уже давно чувствует, что случилось нечто роковое и непоправимое в его жизни. Он стоит и читает, наклонясь к жарким и дрожащим свечам, читает, не смолкая, все на один лад, – как поднял голос по-церковному, так и остался на высокой ноте, – читает, ничего не понимая и не в силах прекратить чтения. Он чувствует, что ему уже нет спасения, что он совершенно один не только в этой ледяной избе, глаз на глаз с этим страшным существом, которое тем страшнее, что это его родная мать, но и в целом мире: что ночь так глубока, глуха, что ему уже не от кого ждать защиты и помощи.

Что с ним случилось? То, что он не рассчитал своих сил, решившись читать над покойницей ночью, в час всеобщего сна, что его обуяло ужасом и что он не может двинуться? Нет, случилось нечто гораздо более страшное и дивное, случилось нечто чудесное, и он поражен не ужасом, а именно этим чудесным, таинством, совершившимся на его глазах. Где она теперь, куда она девалась, та жалкая, маленькая, убогая от старости, робости и беспомощности, которую столько лет почти не замечал никто в их большой, грубой от своей силы и молодости семье? Ее уже нет, она исчезла, – разве это она, вот это Нечто, ледяное, недвижимое, бездыханное, безгласное и все же совсем не то, что стол, стена, стекло, снег, совсем не вещь, а существо, сокровенное бытие которого так непостижимо, как бог?

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
Разве то, что лежит и молчит в этом новом, красивом гробу, обитом лиловым плисом с белыми крестами и крылатыми ангельскими головками, разве это та, что еще позавчера ютилась на печке? Нет, совершилось с ней некое преображение – и все в мире, весь мир преобразился ради нее. И он один, один в этом преображенном мире!

Он волшебным образом замкнут в нем, и он должен стоять в нем до рассвета и читать, не смолкая, на том необычном, жутком и величественном языке, который тоже есть часть этого мира, его гибельный, злобный для живых глагол. И он собирает все силы, чтобы читать, видеть, слышать свой собственный голос и держаться на ногах, всем существом и все глубже воспринимая то невыразимо чарующее, что, как некая литургия, совершается в нем самом и перед ним. И вдруг медленно приподнимается и еще медленнее опускается парчовый покров на груди покойницы – она медленно дышит! И еще выше и ярче растет, дрожит, ослепляет блеск свечей – и уже все вокруг превращается в какой-то сплошной восторг, от которого деревенеет голова, плечи, ноги. Он знает, он еще соображает, что это морозный ветер дует в окно, за которым идет метель, что это он поддувает покров и раздувает свечи. Но все равно – этот ветер тоже она, усопшая, это от нее веет этим неземным, чистым, как смерть, и ледяным дыханием, и это она встанет сейчас судить весь мир, весь презренный в своей животности и бренности мир живых!

* * *

Теперь Гаврило молодежавый мужик с седыми, аккуратно причесанными волосами. Он не хозяйствует, предоставил хозяйство братьям, жене. Он избрал себе дело, ненужное при его достатке, но единственное любимое им – ездить ямщиком.

Он всегда в дороге, и дорога, даль, меняющиеся по времени года картины неба, полей, лесов, облучок тележки или саней, бег пары верных ему умных лошадей, звук колокольчика и долгий разговор с приятным седоком – счастье, никогда ему не изменяющее.

Он простой, ласковый. Лицо у него чистое, худощавое, серые глаза правдивы и ясны. Он не говорлив, но охотно рассказывает достойному человеку то трудно передаваемое, похожее на святочный рассказ, а на деле истинно дивное, что пережил он у гроба матери, в ее последнюю ночь среди живых.

Париж, 1921

Далекое: #comm035

Давным-давно, тысячу лет тому назад, жил да был вместе со мною на Арбате, в гостинице «Северный Полюс», некий неслышный, незаметный, скромнейший в мире Иван Иванович, человек уже старенький и довольно потрепанный.

Из году в год жила, делала свое огромное дело Москва. Что-то делал, зачем-то жил на свете и он. Часов в девять он уходил, в пятом возвращался. О чем-то тихо, но ничуть не печально думая, он снимал с гвоздя в швейцарской свой ключ, поднимался во второй этаж, шел по коленчатому коридору. В коридоре очень сложно и очень дурно пахло и особенно чем-то тем, душным и резким, чем натирают полы в дрянных гостиницах. Коридор был темный и злобный (номера выходили окнами во двор, а стекла над их дверями давали мало света), и весь день горела в конце каждого его колена лампочка с рефлектором. Но казалось, что Иван Иванович не испытывал ни малейшей доли тех тяжелых чувств, которые возникали насчет коридора у людей, не привыкших к «Северному Полюсу». Он шел по коридору спокойно и просто. Встречались ему его сожителю: бодро спешащий, с молодой бородой и ярким взглядом студент, на ходу надевавший шинель в рукава; независимого вида стенографистка, рослая, манящая, несмотря на свое сходство с белым негром; старая маленькая дама на высоких каблучках, всегда наряженная, нарумяненная, с коричневыми волосами, с вечным клокотанием мокроты в груди, о встрече с каковой дамой предупреждал быстро бегущий по коридору лепет бубенчиков на ее курносом морде с выдвинутой нижней челюстью, с яростно и бессмысленно вытупленными глазами... Иван Иванович вежливо со всеми встречными раскланивался и ничуть не претендовал на то, что ему едва кивали в ответ. Он проходил одно колено, заворачивал в другое, еще более длинное и черное, где еще дальше краснела и блистала впереди стенная лампочка, совал ключ в свою дверь – и уединялся за нею до следующего утра.

Чем он у себя занимался, как коротал свой досуг? А бог его знает. Домашняя его жизнь, ничем внешним не проявляемая, никому не нужная, была тоже никому не введена – даже горничной и коридорному, нарушавшим его затворничество только подачей самовара, уборкой постели и гнусного умывальника, из которого струя воды была всегда неожиданно и не на лицо, не на руки, а очень высоко и в сторону, вкось. С редкой, повторяю, незаметностью, с редким однообразием существовал Иван Иванович. Проходила зима, наступала весна. Неслись, грохотали, звенели конки по Арбату, непрерывно спешили куда-то, навстречу друг другу, люди, трещали извозчичьи пролетки, кричали разносчики с лотками на головах, к вечеру в далеком пролете улицы сияло золотисто-светлое небо заката, музыкально разливался над всеми шумами и звуками басистый звон с шатровой, древней колокольни: Иван Иванович как будто даже и не видел, не слышал ничего этого. Ни зима, ни весна, ни лето, ни осень не оказывали ни малейшего видимого влияния ни на него, ни на образ его жизни. Но вот, однажды весной, приехал откуда-то, взял номер в «Северном Полюсе» и стал ближайшим соседом Иван Ивановича какой-то князь. И произошло с Иван Ивановичем нечто совершенно неожиданное, негаданное.

Чем мог поразить его князь? Конечно, не титулом, – была же старейшая сожительница Иван Ивановича, маленькая дама с мопсом, тоже особой титулованной, и, однако, не чувствовал он к ней ровно ничего. Чем мог пленить? Конечно, не богатством и не внешностью – князь был очень прожившийся человек, а на вид очень запущенный, нескладно огромный, с мешками под глазами, с шумной, тяжелой одышкой. И все-таки был Иван Иванович и поражен и пленен, а главное, совсем вон выбит из своей долголетней колеи. Он превратил свое существование в какое-то непрерывное волнение. Он поверг себя в тревожное, мелкое и постыдное обезьянство.

Князь приехал, поселился, стал уходить и приходить, с кем-то видаться, о чем-то хлопотать, – совершенно так же, разумеется, как делали это все, которые останавливались в «Сономном Полюсе», которых перебивало на памяти Иван Ивановича великое множество и навязываться на знакомство с которыми Ивану Ивановичу и в голову не приходило. Но князя он почему-то из всех отличил. Перед князем он, при второй же или третьей встрече в коридоре, почему-то расшаркался, представился и со всяческими любезнейшими извинениями попросил сказать как можно точнее, который час. А завязав таким ловким образом знакомство, просто влюбился в князя, привел в полное расстройство весь свой обычный жизненный уклад и рабски стал подражать князю чуть не на каждом шагу.

Князь, например, ложился спать поздно. Он возвращался домой часа в два ночи (и всегда на извозчике). Стала и у Ивана Ивановича гореть до двух часов лампа. Он зачем-то ждал возвращения князя, его грузных шагов по коридору, его свистящей одышки. Он ждал с радостью, чуть не с трепетом и порою даже высовывался из своего номерка, чтобы видеть подходящего князя, поговорить с ним. Князь шел не спеша, как бы не видя его, и всегда спрашивал одно и то же, глубоко безразличным тоном:

– А, а вы еще не спите?

И Иван Иванович, замирая от восторга, хотя, впрочем, без всякой робости и без всякого подобострастия, отвечал:

– Нет, князь, не сплю еще. Время детское, всего десять минут третьего... Гуляли, развлекались?

– Да, – говорил князь, сопя и не попадая ключом в дверную скважину, – встретил старого знакомого, зашли, посидели в трактире... Покойной ночи...

Тем все дело и кончалось, так холодно, хотя и вежливо, обрывал князь свою ночную беседу с Иван Ивановичем, но с Иван Ивановича и этого было достаточно. На цыпочках возвращался он к себе, привычно делал все то, что полагается перед сном, немножко крестился и кивал в угол, неслышно укладывался в постель за перегородкой и тотчас же засыпал, совершенно счастливый и совершенно бескорыстный в дальнейших намерениях своих насчет князя, если не считать невиннейшего вранья коридорному утром:

– А я вчера опять засиделся... Опять заговорились с князем до третьих петухов...

Князь с вечера выставлял за дверь свои большие растоптанные башмаки и вывешивал

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
широчайшие серебристые панталоны. Стал и Иван Иванович выставлять свои сморщенные сапожки, которые чистились прежде в двенадцатые праздники, и вывешивать брючки с оборванными пуговицами, которые прежде не вывешивались никогда, даже под Рождество, под Пасху.

Князь просыпался рано, страшно кашлял, с жадностью выкуривал толстую папиросу, кричал, отворив дверь в коридор, на весь дом: «Коридорный! Чаю!» – и, шлепая туфлями, в халате, надолго уходил за нуждой. Стал и Иван Иванович делать то же, – кричал в коридор о самоваре и, в калошах на босу ногу, в летнем пальтишке на заношенном белье, бежал и себе за нуждой, хотя прежде бегал он туда всегда вечером.

Князь однажды сказал, что он очень любит цирк и часто бывает в нем. Решил сходить в цирк и Иван Иванович, никогда цирка не любивший, бывший в цирке не менее сорока лет тому назад, и однажды сходил-таки и с восхищением рассказал ночью князю, какое он получил огромное наслаждение...

Ах, весна, весна! Все дело было, верно, в том, что происходил весь этот вздор весной.

Каждая весна есть как бы конец чего-то изжитого и начало чего-то нового. Той далекой московской весной этот обман был особенно сладок и силен – для меня по моей молодости и потому, что кончались мои студенческие годы, а для многих прочих просто по причине весны, на редкость чудесной. Каждая весна праздник, а та весна была особенно празднична.

Москва прожила свою сложную и утомительную зиму. А потом прожила великий пост, Пасху и опять почувствовала, будто она что-то кончила, что-то свалила с плеч, дождалась чего-то настоящего. И было множество москвичей, которые уже меняли или готовились изменить свою жизнь, начать ее как бы сначала и уже по-иному, чем прежде, зажить разумнее, правильнее, моложе и спешили убирать квартиры, заказывать летние костюмы, делать покупки, – а ведь покупать (даже нафталин) весело! – готовились, одним словом, к отъезду из Москвы, к отдыху на дачах, на Кавказе, в Крыму, за границей, вообще к лету, которое, как всегда кажется, непременно должно быть счастливым и долгим, долгим.

Сколько прекрасных, радующих душу чемоданов и новеньких, скрипящих корзин было куплено тогда в Леонтьевском переулке и у Мюра-Мерилиза! Сколько народу стриглось, брилось у Базиля и Теодора! И один за другим шли солнечные, возбуждающие дни, дни с новыми запахами, с новой чистотой улиц, с новым блеском церковных маковок на ярком небе, с: новым Страстным, с новой Петровкой, с новыми светлыми нарядами на щеголихах и красавицах, пролетавших на легких лихачах по Кузнецкому, с новой светло-серой шляпой знаменитого актера, тоже быстро пролетавшего куда-то на «дутьях». Все кончали какую-то полосу своей прежней, не той, какой нужно было, жизни, и чуть не для всей Москвы был канун жизни новой, непременно счастливой, – был он и у меня, у меня даже особенно, гораздо больше других, как казалось мне тогда. И все близился и близился срок моей разлуки с «Северным Полюсом», со всем тем, чем жил я в нем по-студенчески, и с утра до вечера был я в хлопотах, в разъездах по Москве, во всяческих радостных заботах. А что же делал мой сосед по номерам, скромнейший современник наш? Да приблизительно то же, что и мы. С ним случилось в конце концов то же самое, что и со всеми нами.

Шли апрельские и майские дни, неслись, звенели конки, непрерывно спешили люди, трещали извозчичьи пролетки, нежно и грустно (хотя дело шло лишь о спарже) кричали разносчики с лотками на головах, сладко и тепло пахло из кондитерской Скачкова, стояли кадки с лаврами у подъезда «Праги», где хорошие господа уже кушали молодой картофель в сметане, день незаметно клонился к вечеру, и вот уже сияло золотисто-светлое предзакатное небо на западе и музыкально разливался над счастливой, людной улицей басистый звон с шатровой колокольни... День за днем жил весенний город своей огромной, разнообразной жизнью, и я был одним из самых счастливых участников ее, жил всеми ее запахами, звуками, всей ее суетой, встречами, делами, покупками, брал извозчиков, входил с приятелями в кафе Трамбле, заказывал в «Праге» ботвинью, закусывал рюмку холодной водки свежим огурчиком... А Иван Иванович? А Иван Иванович тоже куда-то ходил, тоже где-то бывал, делал что-то свое, маленькое, чрезвычайно маленькое, приобретаая за это право на дальнейшее существование среди нас, то есть на обед за тридцать копеек в кухмистерской напротив «Северного Полюса» и на номер в «Северном Полюсе». Он

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
только это скромное право зарабатывать себе где-то и чем-то и, казалось, был совершенно чужд всем нашим надеждам на какую-то новую жизнь, на новый костюм, новую шляпу, новую стрижку, на то, чтобы с кем-то в чем-то сравняться, завести знакомство, дружбу... Но вот приехал князь.

Чем мог он очаровать, поразить Ивана Иваныча? Но ведь не важен предмет очарования, важна жажда быть очарованным. Был, кроме того, князь человеком с остатками широких замашек, человеком глубоко прожившимся, но, значит, и пожившим в свое время как следует. Ну вот и возмечтал бедный Иван Иваныч зажить и себе по-новому, по-весеннему, с некоторыми замашками и даже развлечениями. Что ж, разве это плохо – не заваливаться спать в десять часов, вывешивать для чистки штаны, ходить за нуждой до умывания? Разве это не молодит – зайти постричься, подровнять, укоротить бороду, купить молодящую серенькую шляпу и воротиться домой с какой-нибудь поучкой, хоть с четвертью фунта каких-нибудь пустяков, красиво перевязанных руками хорошенькой приказчицы? И Иван Иваныч, постепенно и все больше входя в искушение, все это по-своему и проделал, то есть исполнил в меру своих сил и возможностей почти все, что исполняли и прочие: и знакомство завел, и обезьянничать стал, – право, не больше других! – и весенних надежд набрался, и некоторую долю весеннего беспутства внес в свою жизнь, и к замашкам приобщился, и бороду подстриг, и с какими-то сверточками в руках стал возвращаться в «Северный Полюс» в предвечерний час, и даже больше того: купил и себе серенькую шляпу и нечто дорожное, – чемоданчик за рубль семьдесят пять, весь в блестящих жестяных гвоздях, – возмечтав непременно съездить летом к Троице или в Новый Иерусалим...

Сбылась ли эта мечта и чем вообще кончился порыв Ивана Иваныча к новой жизни, право, не знаю. Думаю, что кончился он, как и большинство наших порывов, неважно, но, повторяю, ничего определенного сказать не могу. А не могу потому, что вскоре мы все, то есть князь, Иван Иваныч и я, в один прекрасный день расстались, и расстались не на лето, не на год, не на два, а навеки. Да, не больше не меньше, как навеки, то есть чтобы уж никогда, ни в какие времена до скончания мира не встретиться, каковая мысль мне сейчас, невзирая на всю ее видимую странность, просто ужасна: подумать только, – никогда! В сущности, все мы, в известный срок живущие на земле вместе и вместе испытывающие все земные радости и горести, видящие одно и то же небо, любящие и ненавидящие в конце концов одинаковое и все поголовно обреченные одной и той же казни, одному и тому же исчезновению с лица земли, должны были бы питать друг к другу величайшую нежность, чувство до слез умиляющей близости и просто кричать должны были бы от страха и боли, когда судьба разлучает нас, всякий рап имея полную возможность превратить всякую нашу разлуку, даже десятиминутную, в вечную.

Но, как известно, мы, в общем, весьма далеки от подобных чувств и часто разлучаемся даже с самыми близкими как нельзя более легкомысленно. Так, конечно, расстались и мы, – князь, Иван Иваныч и я. Привели однажды перед вечером князю извозчика на Смоленский вокзал, – плохонького, за шесть гривен, – а мне, на Курский, за полтора целковых, на серой резвой кобыле, – и мы расстались, даже и не попрощавшись друг с другом. И остался Иван Иваныч в своем мрачном коридоре, в своей клетке с тусклым стеклом над дверью, и разъехали мы с князем в совершенно разные стороны, рассовав во все руки чаевые и севши каждый на свою пролетку, – князь, кажется, довольно равнодушный, а я бодрый, во всем новеньком, смутно ждущий какой-то чудесной встречи в вагоне, в пути... И помню, как сейчас: ехал я к Кремлю, а Кремль был озарен вечерним солнцем, ехал через Кремль, мимо соборов, – ах, как хороши они были, боже мой! – потом по пахучей от всякой москаты Ильянке, где уже была вечерняя тень, потом по Покровке, уже осеняемой звоном и гулом колоколов, благословляющих счастливо кончившийся суетный день, – ехал и не просто радовался и самому себе, и всему миру, а истинно тонул в радости существования, как-то мгновенно, еще на Арбатской площади, позабыв и «Северный Полюс», и князя, и Иван Иваныча, и был бы, вероятно, очень удивлен, если бы мне сказали тогда, что навсегда сохранятся и они в том сладком и горьком сне прошлого, которым до могилы будет жить моя душа, и что будет некий день, когда буду я тщетно звать и к ним:

– Милый князь, милый Иван Иваныч, где-то гниют теперь ваши кости? И где наши общие глупые надежды и радости, наша далекая московская весна?

Амбуаз. 1922

Неизвестный друг: #comm036

7 октября

На этой carte-illustrée [11 – Почтовая открытка с видом (фр.)] с таким печальным и величественным видом лунной ночи у берегов Атлантического океана спешу написать Вам мою горячую благодарность за Вашу последнюю книгу. Эти берега – моя вторая родина, это Ирландия, – видите, из какого далека шлет Вам привет один из Ваших неизвестных друзей. Будьте счастливы, и да сохранит Вас бог.

8 октября

Вот еще один вид той одинокой страны, куда навеки забросила меня судьба.

Вчера под ужасным дождем, – у нас вечный дождь, – ездила по делам в город, случайно купила Вашу книгу и читала ее не отрываясь на возвратном пути на виллу, где мы живем круглый год из-за моего слабого здоровья. От дождя, от туч почти темно, цветы и зелень в садах были необыкновенно яркие, пустой трамвай шел быстро, кидая фиолетовые вспышки, а я читала и, неизвестно почему, чувствовала себя почти мучительно счастливой. Прощайте, еще раз благодарю Вас. Хочется еще что-то сказать Вам, но что? Не знаю, не умею определить.

10 октября

Не могу удержаться и опять пишу Вам. Думаю, что Вы получаете таких писем слишком много. Но ведь все это отклики именно тех человеческих душ, для которых и творите Вы. Так зачем же мне молчать? Вы первый вступили в общении со мной, выпустив в свет, то есть и для меня, свою книгу...

И нынче целый день сыплется дождь на наш неестественно зеленый сад, и в комнате у меня сумрачно, и с утра топится камин. Мне хотелось бы сказать Вам многое, но ведь Вы знаете лучше других, как это трудно, почти невозможно – высказывать себя. Я все еще под впечатлением чего-то непонятного и неразрешающегося, но прекрасного, чем я обязана Вам, – объясните, что это такое, это чувство? И что вообще испытывают люди, подвергаясь воздействию искусства? Очарование от человеческой умелости, силы? Возбужденное желание личного счастья, которое всегда, всегда живет в нас и особенно оживает под влиянием чего-нибудь, действующего чувственно, – музыки, стихов, какого-нибудь образного воспоминания, какого-нибудь запаха? Или же это радость ощущения божественной прелести человеческой души, которую открывают нам немногие, подобные Вам, напоминающие, что она все-таки есть, эта божественная прелесть? Вот я что-нибудь читаю, – иногда даже что-нибудь ужасное, – и вдруг говорю: боже, как это прекрасно! Что это значит? Может быть, это значит: как все-таки прекрасна жизнь!

До свиданья, скоро еще напишу Вам. Думаю, что в этом нет никакой неделикатности, что это принято – писать писателям. Кроме того, Вы ведь можете и не читать моих писем... хотя, конечно, мне это будет очень грустно.

Ночью

Простите, это может прозвучать дурно, но не могу не сказать: я не молода, у меня дочь пятнадцати лет, совсем уже барышня, но я была когда-то не совсем дурна и не слишком резко изменилась с тех... Мне все-таки не хочется, чтобы Вы представляли себе меня не такой, какая я есть.

11 октября

Я написала Вам в силу потребности разделить с Вами то волнение, которое произвел на меня Ваш талант, действующий как печальная, но возвышенная музыка. За чем это нужно – разделить? Я не знаю, да и Вы не знаете, но мы оба хорошо знаем, что эта потребность человеческого сердца неискоренима, что без этого нет жизни и что в этом какая-то великая тайна. Ведь и Вы пишете только в силу этой потребности и даже более – Вы отдаете ей всего себя всецело.

Я всегда много читала, – и много вела дневников, как все неудовлетворенные жизнью люди, – много читаю и теперь, читала и Вас, но мало, больше знала Вас лишь по имени. И вот эта Ваша новая книга... Как это странно! Чья-то рука где-то и что-то написала, чья-то душа выразила малейшую долю своей сокровенной жизни малейшим намеком, – что может выразить слово, даже такое, как Ваше! – и вот вдруг исчезает пространство, время, разность судеб и положений, и Ваши мысли и чувства становятся моими, нашими общими. Поистине только одна, единая есть душа в мире. И разве не понятен после этого мой порыв написать Вам, что-то высказать, что-то разделить с Вами, на что-то пожаловаться? Разве Ваши произведения не то же самое, что мои письма к Вам? Ведь и Вы что-то и кому-то высказываете, посылаете свои строки кому-то неведомому и куда-то в пространство. Ведь и Вы жалуется, чаще всего только жалуется, потому что жалоба, иными словами, мольба о сочувствии, наиболее неразлучна с человеком: сколько ее в песнях, молитвах, стихах, любовных излияниях!

Может быть, Вы ответите мне, хотя двумя словами? Ответьте!

13 октября

Опять пишу Вам ночью, уже в спальне, мучимая непонятным желанием сказать то, что так легко обозвать наивностью, что скажется, во всяком случае, не так, как чувствуется. А хочется мне сказать, в сущности, очень немногое: только то, что мне очень грустно, очень жаль себя – и что я все-таки счастлива этой грустью и тем, что мне жаль себя. Мне грустно думать, что я где-то в чужой стране, на самых западных берегах Европы, на какой-то вилле за городом, среди осенней ночной темноты и тумана с моря, идущего вплоть до Америки. Грустно, что я одна не только в этой уютной и прелестной комнате, но и во всем мире. И всего грустней, что Вы, которого я выдумала и от которого уже чего-то жду, так бесконечно далеко от меня и так мне неведомы и, конечно, что бы я там ни говорила, так чужды мне и так правы в этом...

В сущности, все в мире прелестно, даже вот этот абажур на лампе, и ее золотистый свет, и сверкающее белье на моей уже открытой постели, и мой халат, моя нога в туфле, и моя худая рука в широком рукаве. И всего бесконечно жаль: к чему все? Все проходит, все пройдет, и все тщетно, как и мое вечное ожидание чего-то, заменяющее мне жизнь...

Очень прошу – напишите мне. Конечно, два-три слова, только для того, чтобы я знала, что Вы слышите меня. Простите мою настойчивость.

15 октября

Это наш город, наш собор. Пустынные скалистые берега моя первая *carte-postale*[12 – Почтовая открытка (фр.)] к Вам, – дальше, севернее. Но и город, собор – все угрюмо, черно у нас. Гранит, шифер, асфальт и дождь, дождь...

Да, напишите мне кратко, я очень хорошо понимаю, что Вам нечего сказать мне, кроме двух-трех слов, и, поверьте, ничуть не буду в обиде. Но напишите, напишите!

21 октября

Увы, письма от Вас нет. А прошло уже пятнадцать дней с тех пор, как я написала Вам в первый раз...

Но, может быть, Ваш издатель еще не переслал Вам моих писем? Может быть, Вас отвлекают срочные занятия, светская жизнь? Это очень грустно, но все же лучше, чем думать, что Вы просто пренебрегли моей просьбой. Думать так очень обидно и больно. Вы скажете, что я *je* имею никакого права на Ваше внимание и что, следовательно, ни обиде, ни боли не может быть места. Но точно ли не имею я этого права? А может быть, оно уже есть у меня, раз я испытала известные чувства к Вам? Разве был, например, хоть один Ромео, который не требовал взаимности даже и без всяких оснований, или Отелло, который ревновал бы по праву? Оба они говорят: раз я люблю, как можно не любить меня, как можно изменять мне? Это не

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
простое хотение, чтобы меня любили, это гораздо сложнее и больше. Раз и что-нибудь или кого-нибудь люблю, это уже мое, во мне... Впрочем, не умею объяснить Вам этого как следует, знаю только, что так казалось и кажется людям всегда...

Впрочем, как бы там ни было, а ответа от Вас нет, а я опять пишу. Неожиданно выдумала, что Вы мне чем-то близки, – хотя опять-таки выдумала ли? – и сама поверила своей выдумке и упорно стала писать Вам и уже знаю, что чем больше буду писать Вам, тем все необходимее будет для меня делить это, потому что все более будет усиливаться какая-то связь между мною и Вами. Я Вас не представляю себе, совсем не вижу даже Вашего физического облика. Так кому же я пишу? Самой себе? Но все равно. Ведь и я – Вы.

22 октября

Нынче дивный день, на душе у меня легко, окна открыты, и солнце и теплый воздух напоминают о весне. Станный этот край! Летом дождливо и холодно, осенью, зимой дождливо и тепло, но порой выпадают такие прекрасные дни, что не знаешь: зима это или итальянская весна? О, Италия, Италия и мои восемнадцать лет, мои надежды, моя радостная доверчивость, мои ожидания на пороге жизни, которая была вся впереди и вся в солнечном тумане, как горы, долины и цветущие сады вокруг Везувия! Простите, знаю, что все это слишком не ново, но что мне до того?

Ночью

Может быть, Вы оттого не писали мне, что я для Вас слишком отвлеченна? Тогда вот еще несколько черт моей жизни. Я уже шестнадцать лет замужем. Мой муж француз, я познакомилась с ним однажды зимой на французской Ривьере, венчалась в Риме, а после свадебного путешествия по Италии навсегда поселилась здесь. У меня трое детей, мальчик и две девочки. Люблю ли я их? Да, но все же не так, как чаще всего любят матери, видящие жизнь только в семье, в детях. Пока дети были маленькими, я за ними непрестанно ухаживала, разделяла с ними все их игры и занятия, но теперь они во мне больше не нуждаются, и у меня много свободного времени, которое я провожу в чтении. Родные мои далеко, наши жизни разошлись, и общих интересов у нас так мало, что мы даже переписываемся очень редко. В связи с положением моего мужа мне часто приходится бывать в обществе, принимать и отдавать визиты, бывать на вечерах и обедах. Но друзей и подруг у меня нет. На здешних дам я не похожа, а в дружбу между мужчиной и женщиной я не верю...

Но довольно обо мне. Если ответите, скажите хоть что-нибудь о себе. Какой Вы? Где постоянно живете? Любите ли Вы Шекспира или Шелли, Гете или Данте, Бальзака или Флобера? Любите ли музыку и какую? Женаты ли Вы? Связаны ли Вы уже наскучившей связью или у Вас есть невеста в той нежной и прекрасной поре, когда все ново и радостно, когда еще нет воспоминаний, которые только томят, обманывают, будто было счастье, непонятное и неиспользованное?

1 ноября

Письма от Вас нет. Какое мучение! Такое мучение, что я иногда проклинаю день и час, когда решила написать Вам...

И хуже всего то, что из этого нет выхода. Сколько бы я ни уверяла себя, что мне нечего ждать, я все-таки жду: кто же может поручиться, что его действительно не будет? Ах, если бы твердо знать, что Вы не напишете! Я была бы и этим счастлива. Впрочем, нет, нет, надеяться все-таки лучше. Я надеюсь, я жду!

3 ноября

Письма нет, и мои мучения продолжают... Впрочем, тяжелы только утренние часы, когда я с неестественным спокойствием и медлительность, но с холодными от скрытого волнения руками одеваюсь, выхожу к кофе, прохожу музыкальный урок с дочерью, которая разучивает его так трогательно прилежно и сидит за пианино так прямо, так прелестно прямо, как умеют это только девочки по пятнадцатому году. В полдень приходит наконец почта, я бросаюсь к ней, ничего не нахожу – и почти

А нынче опять прелестный день. Низкое солнце ясно и кротко. В саду много голых, черных деревьев, цветут осенние цветы. И что-то тонкое, голубое, необыкновенно прекрасное в долинах, за ветвями сада. И в сердце благодарность кому-то и за что-то. За что? Ведь ничего нет и не будет... хотя так ли это, точно ли ничего нет, раз она есть, эта умиляющая душу благодарность?

Благодарю и Вас за то, что Вы дали мне возможность выдумать Вас. Вы меня никогда не узнаете, никогда не встретите, но и в этом много печальной прелести. И, быть может, хорошо, что Вы не пишете, что Вы не написали мне ни слова и что я совсем не вижу Вас живым. Разве я могла бы говорить с Вами и чувствовать Вас так, как сейчас, если бы я Вас знала, даже если бы имела хоть одно письмо от Вас? Вы непременно были бы уже не такой, непременно чуть-чуть хуже, и мне было бы менее свободно писать Вам...

Свежеет, а я все не закрываю окна и все смотрю в голубую дымку низменностей и холмов за садом. И это голубое мучительно прекрасно, мучительно потому, что непременно нужно что-то сделать с ним. Что сделать? Я не знаю. Мы ничего не знаем!

5 ноября

Это похоже на дневник, по это все-таки не дневник, потому что теперь у меня есть читатель, хотя бы и предполагаемый...

Что побуждает писать вас? Желание рассказать что-нибудь или высказать (хотя бы иносказательно) себя? Конечно, второе. Девять десятых писателей, даже самых славных, только рассказчики, то есть, в сущности, не имеют ничего общего с тем, что может достойно называться искусством. А что такое искусство? Молитва, музыка, песня человеческой души... Ах, если бы оставить после себя хоть несколько строк о том, что вот и я жила, любила, радовалась, что и у меня была молодость, весна, Италия... что есть далекая страна на берегах Атлантического океана, где я живу, люблю и все еще чего-то жду даже и теперь... что есть в этом океане дикие и бедные острова и дикая, бедная жизнь каких-то чуждых всему миру людей, ни происхождения, ни темного языка, ни цели существования которых не знает и никогда не узнает никто...

Я все-таки жду, жду письма. Теперь это уже как бы навязчивая идея, род душевной болезни.

7 ноября

Да, все дивно. Письма, конечно, нет, нет и нет. И представьте себе: потому что нет этого письма, нет ответа от человека, которого я никогда не видала и не увижу, нет отклика на мой голос, брошенный куда-то вдаль, в свою мечту, у меня чувство страшного одиночества, страшной пустоты мира. Пустоты, пустоты!

И опять дождь, туман, будни. И это даже хорошо, то есть обычно, так, как надо. Это меня успокаивает.

До свидания, да простит вам бог Вашу жестокость. Да, все-таки это жестоко.

8 ноября

Три часа, а уже совсем сумерки от тумана и дождя. А в пять у нас чай с гостями.

Приедут под дождем, в автомобилях, из мрачного города, который в дождь еще чернее со своим черным мокрым асфальтом, черными мокрыми крышами и черным гранитным собором, острие которого уносится в дождь и мглу...

Я уже одета и как бы жду выхода на сцену. Жду того момента, когда я буду говорить, все то, что полагается, буду любезна, оживленна, заботлива и только немного бледна, что так легко объяснить этой ужасной погодой. И, одетая, я как будто помолодела, чувствую себя старшей сестрой своей дочери и каждую минуту

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
готова заплакать. Я все-таки пережила что-то странное, похожее на любовь. К кому? В силу чего?

Прощайте, я уже ничего не жду – говорю это совершенно искренне.

10 ноября

Прощайте, мой верный друг. Кончаю свои безответные письма тем же, чем и начала, – благодарностью. Благодарю Вас, что Вы не отозвались. Было бы хуже, если бы было иначе. Что бы Вы могли сказать мне? И на чем могли бы мы с Вами, без чувства неловкости, прервать переписку? И что бы я нашла сказать Вам еще, кроме сказанного? Больше у меня ничего нет, – я все сказала. В сущности, о всякой человеческой жизни можно написать только две-три строки. О, да. Только две-три строки.

Со странным чувством, точно я кого-то потеряла, – опять остаюсь одна, со своим домом, близостью туманного океана, осенними и зимними буднями. И опять возвращаюсь к дневнику, странную надобность которого, равно как и Ваших писаний, знает только бог.

Несколько дней тому назад видела Вас во сне. Вы были какой-то странный, молчаливый, сидели в углу темной комнаты и были не видны. А все-таки я Вас видела. Я и во сне чувствовала: как можно видеть во сне того, кого никогда не видел в жизни? Ведь только бог творит из ничего? И мне было очень жутко, и я проснулась в страхе, с тяжелым чувством.

Через пятнадцать, двадцать лет не будет, вероятно, ни меня, ни Вас в этом мире. До встречи в ином! Кто может быть уверен, что его нет? Ведь мы не понимаем даже своих собственных снов, созданий своего собственного воображения. Наше ли оно, это воображение, то есть, говоря точнее, то, что мы называем нашим воображением, нашими выдумками, нашими мечтами? Нашей ли воле подчиняемся мы, стремясь к той или иной душе, как я стремлюсь к Вашей?

Прощайте. Или нет, все-таки до свидания.

Приморские Альпы. 1923

В ночном море: #сотт037

Пароход, шедший из Одессы в Крым, остановился ночью перед Евпаторией.

На пароходе и возле него образовался сущий ад. Грохотали лебедки, яростно кричали и те, что принимали груз, и те, что подавали его снизу, из огромной баржи; с криком, с дракой осаждала пассажирский трап и, как на приступ, с непонятной, бешеной поспешностью, лезла вверх со своими пожитками восточная чернь; электрическая лампочка, спущенная над площадкой трапа, резко освещала густую и беспорядочную вереницу грязных фесок и тюрбанов из башлыков, вытаращенные глаза, пробивавшиеся вперед плечи, судорожно цеплявшиеся за поручни руки; стон стоял и внизу, возле последних ступенек, поминутно заливаемых волной; там тоже дрались и орали, оступались и цеплялись, там стучали весла, сшибались друг с другом лодки, полные народа, – они то высоко взлетали на волне, то глубоко падали, исчезали в темноте под бортом. А дельфиноподобную тушу парохода упруго, точно на резине, валило то в одну, то в другую сторону... Наконец стало стихать.

Очень прямой, с прямыми плечами господин, поднявшийся на палубу в числе последних, подал возле рубки первого класса свой билет и сак лакею и, узнав, что мест в каютах нет, пошел на корму. Тут было темно, стояло несколько полотняных кресел, и только в одном из них чернела фигура полулежащего под пледом человека. Новый пассажир выбрал себе кресло в нескольких шагах от него. Кресло было низкое, и, когда он сел, парусина натянулась и образовала очень удобный и приятный уют. Пароход поднимало и опускало, медленно сносило, поворачивало течением. Дул мягкий ветерок южной летней ночи, слабо пахнущий морем. Ночь, по-летнему простая и мирная, с чистим небом в мелких скромных звездах, давала темноту мягкую, прозрачную. Далекие огни были бледны и потому, что час был

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
поздний, казались сонными. Вскоре на пароходе и совсем все пришло в порядок, слышались уже спокойные командные голоса, загремела якорная цепь... Потом корма задрожала, зашумела винтами и водой. Низко и плоско рассыпанные на далеком берегу огни поплыли назад. Качать перестало...

Можно было подумать, что оба пассажира спят, так неподвижно лежали они в своих креслах. Но нет, они не спали, они пристально смотрели сквозь сумрак друг на друга. И наконец первый, тот, у которого ноги были покрыты пледом, просто и спокойно спросил:

– Вы тоже в Крым?

И второй, с прямыми плечами, не спеша ответил ему тем же топом:

– Да, в Крым и дальше. Побуду в Алушке, потом в Гагры.

– Я вас сразу узнал, – сказал первый.

– И я вас узнал и тоже сразу, – ответил второй.

– Очень странная и неожиданная встреча.

– Как нельзя более.

– Собственно, я не то, что узнал вас, а у меня как будто уже заранее таилось такое чувство, что вы почему-то должны появиться, так что и узнавать было не нужно.

– Совершенно то же самое испытал и я.

– Да? Очень странно. Как тут не сказать, что в жизни все-таки бывают минуты – ну, необыкновенные, что ли? Жизнь, может быть, не так уж проста, как кажется.

– Может быть. Но ведь может быть и другое: то, что мы с вами просто вообразили сию минуту эти чувства нашего якобы предвидения.

– Может быть. Да, весьма возможно. Даже скорее всего, что так.

– Ну вот видите. Мы умствуем, а жизнь, может быть, очень проста. Просто похожа на ту свалку, которая была сейчас возле трапа. Куда эти дураки так спешили, давя друг друга?

И собеседники немного помолчали. Потом снова заговорили.

– Сколько мы с вами не видались? Двадцать три года? – спросил первый пассажир, тот, что лежал под пледом.

– Да, почти так, – ответил второй. – Осенью будет ровно двадцать три. Нам с вами это очень легко подсчитать. Почти четверть века.

– Большой срок. Целая жизнь. То есть я хочу сказать, что обе наши жизни почти уже кончены.

– Да, да. И что же? Разве нам страшно, что кончены?

– Гм! Конечно, нет. Почти ничуть. Ведь это все враки, когда мы говорим себе, что страшно, то есть когда мы стараемся пугаться, что вот, мол, жизнь прожита и через каких-нибудь десять лет придется лежать в могиле. А ведь подумайте: в могиле. Не шуточная вещь.

– Совершенно верно. И я даже гораздо больше скажу. Вы ведь знаете, вероятно, как я, что называется, знаменит в медицинском мире?

– Кто ж этого не знает! Конечно, знаю. А что ваш покорный слуга тоже прославился, вам известно?

– Ну, разумеется. Можно сказать, ваш поклонник, усердный читатель, – сказал второй.

– Да, да, две знаменитости. Ну, так что вы хотели сказать?

– А то, что благодаря своей знаменитости, то есть некоторым знаниям, не бог весть какой мудрости, но все-таки довольно основательным, я знаю почти безошибочно, что жить мне осталось даже и не десять лет, а несколько месяцев. Ну, самое большее – год. У меня достоверно установленная и мною самим и сотоварищами по ремеслу смертельная болезнь. И уверяю вас, я все-таки живу почти как ни в чем не бывало. Только саркастически усмехаюсь: хотел, извольте ли видеть, всех перещеголять в знании всяческих причин смерти, чтобы славиться и великолепно жить, и на свою голову добился – великолепно узнал свою собственную смерть. То бы меня дурачили, обманывали, – что вы, батенька, мы еще повожем, черт возьми! – а тут как обманешь, как соврешь? Глупо и неловко. До того неловко, что даже пересаливают в откровенности, смешанной с умилением и льстивостью: «Что ж, уважаемый коллега, не нам с вами хитрить... *Finita la comedia!*»[13 – кончена комедия! (итал.)]

– Вы это серьезно? – спросил первый.

– Совершенно серьезно, – ответил второй. – И ведь главное что? Какой-то там Кай смертен, ergo[14 – Следовательно (лат.)] умру и я, да ведь когда-то еще это будет! Но тут, к сожалению, дело совсем иное: не когда-то, а через год. А много ли времени год? Будущим летом вы вот так же будете плыть куда-нибудь по синим волнам океана, а в Москве, в Новодевичьем, будут лежать мои благородные кости. Ну и что же? Да то, что я почти ровно ничего не чувствую при мысли об этом и, что хуже всего, вовсе не вследствие какого-то там мужества, которое видят во мне студенты, когда я расписываю им свою болезнь и ее течение как нечто интересное с клинической точки зрения, а просто так, по какому-то идиотическому бесчувствию. Да ничего не чувствуют и все окружающие меня, тающие мою роковую тайну. И вот вы, например, – разве вам страшно за меня?

– Страшно ли за вас? Нет, сознаюсь, – в сущности, нисколько.

– И, конечно, ничуть не жаль меня?

– Нет, и не жаль. И притом вы, я думаю, нисколько не верите в те блаженные места, где нет ни печали, ни воздыхания, а только райские яблочки?

– Ну, какая там у нас с вами вера...

И опять оба помолчали. Потом вынули портсигары, закурили.

– И ведь заметьте, – сказал первый, тот, что лежал под пледом, – мы ведь с вами ничуть не рисуемся, ничуть не играем сейчас ни друг с другом, ни перед воображаемым слушателем. Говорим мы, право же, очень просто и без всякого предумышленного цинизма, без всякого едкого хвастовства, в котором все-таки есть всегда некая компенсация: вот, мол, извольте взглянуть, в каком мы положении – ни у кого такого нет. Мы и беседуем просто и умолкаем без всякой значительности, без всякой стоической мудрости. Говоря вообще, более сладострастного животного, чем человек, нет на земле, хитрая человеческая душа изо всего умеет извлекать самоуслаждение. Но в нашем с вами случае я даже и этого не вижу. И это тем более любопытно, что ведь надо прибавить к нашему, как вы выражаетесь, идиотскому бесчувствию еще всю особенность наших с вами отношений. Мы ведь с вами ужасно тесно связаны. То есть, точнее говоря, должны были бы быть связаны.

– Еще бы! – ответил второй. – Какой ужас, в сущности, причинил я вам. Воображаю, что вы пережили.

– Да, и даже гораздо больше, чем вы можете вообразить. И вообще-то это ужасно, весь тот кошмар, который переживает мужчина, любовник, муж, у которого отняли, отбили жену и который по целым дням и ночам, почти беспрерывно, ежеминутно корчится от мук самолюбия, страшных ревнивых представлений о том счастье, которое испытывает его соперник, и от безнадежной, безысходной нежности, – вернее, половой умиленности, – к потерянной самке, которую хочется в одно и то же время и задушить с самой лютой ненавистью, и осыпать самыми унижительными знаками истинно собачьей покорности и преданности. Это вообще неслыханно ужасно. А ведь я к тому же не совсем обычный человек, особь с повышенной чувствительностью, с повышенным воображением. Вот тут и представьте, что я

– Неужели годов?

– Уверяю вас, что не менее трех лет. Да и потом еще долго одна мысль о вас и о ней, о вашей с ней близости, обжигала меня точно каленым железом. Да оно и понятно. Ну, отбил человек, например, невесту – это еще туда-сюда. Но любовницу или, как в нашем случае, жену! Ту, с которой ты, извините за прямоту, спал, все особенности тела и души которой знаешь как свои пять пальцев! Подумайте, какой тут простор ревнивому воображению. Как перенести обладание ею другим? Все это просто выше человеческих сил. Из-за чего же я чуть не спился, из-за чего надорвал здоровье, волю? Из-за чего потерял пору самого яркого расцвета сил, таланта? Вы меня, говоря без всякого преувеличения, просто пополам переломили. Я сросся, конечно, да что толку? Прежде меня все равно уже не было да и не могло быть. Ведь в какую святая святых всего моего существования вторглись вы! Царевич Гаутама, выбирая себе невесту и увидав Ясодхару, у которой «был стан богини и глаза лани весной», натворил, возбужденный ею, черт знает чего в состязании с прочими юношами, – выстрелил, например, из лука так, что было слышно на семь тысяч миль, – а потом снял с себя жемчужное ожерелье, обвинил им Ясодхару и сказал: «Потому я избрал ее, что играли мы с ней в лесах в давнопрошедшие времена, когда был я сыном охотника, а она девой лесов: вспомнила ее душа моя!» На ней было в тот день черно-золотое покрывало, и царевич взглянул и сказал: «Потому черно-золотое покрывало на ней, что мириады лет тому назад, когда я был охотником, я видел ее в лесах пантерой: вспомнила ее душа моя!» – Вы простите меня за всю эту поэзию, но в ней огромная и страшная правда. Вы только вдумайтесь в смысл этих поразительных слов насчет вспомнившей души и в то, какой это ужас, когда эту священнейшую в мире встречу нарушает посторонний. Кто знает – я, может быть, тоже выстрелил бы так, что было бы слышно за тысячи миль. И вот, вдруг явились вы...

– Ну и что же вы чувствуете ко мне теперь? – спросил господин с прямыми плечами. – Злобу, отвращение, жажду мести?

– Представьте себе: ровно ничего. Несмотря на всю вышеприведенную тираду, ровно ничего. Ужас, ужас. Вот тебе и «вспомнила душа моя»! Да ведь вы это хорошо знаете и сами, то есть то, что я ничего не чувствую. Иначе бы не спросили.

– Вы правы. Знаю. И это тоже очень страшно.

– А нам все-таки не страшно. Сплошной ужас: совсем не страшно.

– Да, в сущности, ничуть. Говорят: прошлое, прошлое! А все вздор. Никакого прошлого у людей, строго говоря, нет. Так только, слабый отзвук какой-то всего того, чем жил когда-то...

И собеседники еще раз помолчали. Пароход дрожал, шел; мерно возникал и стихал мягкий шум сонной волны, пронесившейся вдоль борта; быстро, однообразно крутилась за однообразно шумящей кормой бечева лага, что-то порою отмечавшего тонким и таинственным звоном: дзиннь... Потом пассажир с прямыми плечами спросил:

– Ну, а скажите... Что вы чувствовали, когда узнали о ее смерти? Тоже ничего?

– Да, почти ничего, – ответил пассажир под пледом. – Больше всего некоторое удивление своему бесчувствию. Развернул утром газету – слегка ударило в глаза: волею божиею, такая-то... С непривычки очень странно видеть имя знакомого, близкого в этой черной раме, на этом роковом месте газеты, напечатанное торжественно, крупным шрифтом... Затем постарался загрузить: да, мол, и это та самая, которая... Но –

Из равнодушных уст я слышал смерти весть,
И равнодушно я внимал ей...

Даже и грусти не вышло. Так только, слабая жалость какая-то... А ведь это та самая, которую «вспомнила душа моя», была моя первая и такая жестокая, многолетняя любовь. Я узнал ее в пору ее наивысшей прелести, невинности и той почти отроческой доверчивости и робости, которая потрясает сердце мужчины несказанно, потому, может быть, что во всякой женственности должна быть эта доверчивая беспомощность, что-то детское, знак того, что девушка, женщина всегда

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
таит в себе будущее дитя. И ведь это мне первому, в каком-то божественном блаженстве и ужасе, отдала она истинно все, что даровал ей бог, и ведь это ее девичье тело, то есть самое прекрасное, что есть в мире, истинно миллионы раз целовал я в таком иступлении, равного которому не было во всей моей жизни. И ведь это из-за нее сходил я с ума буквально день и ночь, целые годы. Из-за нее плакал, рвал на себе волосы, покушался на самоубийство, пил, загонял лихачей, в ярости уничтожал свои лучшие, ценнейшие, может быть, работы... Но вот прошло двадцать лет – и я тупо смотрю на ее имя в траурной рамке, тупо представляю себе ее в гробу... Представление неприятное, но и только. Уверяю вас, что только. Да и вы теперь, – теперь, конечно, – разве вы что-нибудь чувствуете?

– Я? Да нет, что ж скрывать? Конечно, почти ничего... Пароход шел; с шипением возникала впереди волна за волной, с плеском проносилась мимо, по бортам, однообразно шумела и кипела бледно-снежная дорога, тянувшаяся за кормой. Дул сладкий ветер, звездный узор неподвижно стоял в вышине, над черной трубой, над снастями, над тонким острием передней мачты...

– Но знаете что? – внезапно сказал первый, как бы очнувшись. – Знаете, что главное? Это то, что я никак не мог связать ее, умершую, с той, другой, о которой я вам только что говорил. Ну, никак. Совершенно никак. Та, другая, была совсем особо. И сказать, что я ровно ничего не чувствовал к ней, к той, другой, – ложь. Так что я неточно говорил. Совсем не то и не так.

Второй подумал.

– Ну и что же? – спросил он.

– А то, что почти весь наш разговор идет насмарку.

– Ох, насмарку ли? – сказал пассажир с прямыми плечами. – Та, другая, как им выражаетесь, есть просто вы, ваше представление, ваши чувства, ну, словом, что-то ваше. И значит, трогали, волновали вы себя только самим собой. Разберитесь-ка хорошенько.

– Вы думаете? – Не знаю. Может быть... Да, может быть...

– Да и долго ли вы волновались и самим-то собой? Десять минут. Ну, полчаса. Ну, день, наконец.

– Да, да. Ужасно, но, кажется, вы правы. И где она теперь? Вот там, в этом прелестном небе?

– Один аллах ведает, друг мой. Скорее всего, что было.

– Вы думаете? Да, да... Скорее всего, что так...

Равнина открытого моря почти черным кругом лежала под легким и светлым куполом ночного неба. И, затерянный в этой круглой чернеющей равнине, маленький пароход тупо и неуклонно держал свой путь. И без конца тянулась за ним сонно кипящая, бледно-млечная дорога – туда, вдаль, где ночное небо сливалось с морем, где горизонт, в силу противоположности с этой млечностью, казался темным, печальным. И крутилась, крутилась бечева лага, и печально и таинственно что-то отмечал, отсекал порою тонкий звон: дзи-инь...

Помолчав еще некоторое время, собеседники негромко и просто сказали друг другу.

– Покойной ночи.

– Покойной ночи.

Приморские Альпы. 1923

В некотором царстве

Бумажная лента медленно течет с аппарата возле мерзлого окна станционной комнаты – и буква за буквой читает Ивлев полные чудесного смысла слова:

– Иван Сергеевич женится на Святках на племяннице лошади высланы..

Телеграфист, через плечо которого он читает, странно кричит, что это служебная тайна, что это псковская повесть Пушкина, но Ивлев видит себя уже в дороге в глухой России, глубокой зимой.

Он видит, что вечереет, что к вечеру морозит, говорит себе, что такой снежной зимы никто не запомнит со времен Бориса Годунова. И Годунов дает этому зимнему русскому вечеру, снежным полям и лесам что-то дикое и сумрачное, угрожающее. Но в санях, среди прочих московских покупок к свадьбе и к празднику, лежат удивительные шведские лыжи, купленные племянницей в Москве. И это радует, обещает что-то такое, от чего замирает сердце. И тройка идет уверенно и шибко.

Сани ковровые, богатые. Кучер, в шапке под бобер, в свите, подпоясанной ремнем с серебряным набором, стоит в козлах. В задке же сидят две неподвижные и толстые от шуб и шалей женщины: крепкая старуха и ее черноглазая, румяная племянница. Обе, как все в санях, засыпаны снежной пылью. Обе пристально смотрят вперед, на спину кучера, на скачущие крупы пристяжных, на мелькающие в комьях снега подковы.

Вот выбрались на шоссе, пристяжные бегут легче, не натягивая постромок. И вдали уже видно жилье, деревня, стоят сосновые угрюмые леса, густые, обмороженные.

Неожиданно старуха говорит громким и твердым голосом:

– Ну, вот, слава богу, и дома. Не чаяла из вашей Москвы выбраться. А тут сразу двадцать лет с плеч долой, не нагляжусь, не нарадуюсь. Завтра же дам знать Ивану Сергеичу, не хочется больше тянуть с вашей свадьбой. Слышишь?

– Воля ваша, тетя, я на все согласна, – звонко отвечает племянница с притворным веселым простодушием.

А тройка шибко идет уже через деревню, над избами и сугробами которой темнеют сосны, посеревшие с морозу. А за деревней, совсем в лесу, видна усадьба: большой снежный двор, большой и низкий деревянный дом. Сумерки, глухо, огней еще не зажигали. И кучер, сдерживая лошадей, широким полукругом подкатывает к крыльцу.

С трудом, белые от снежной пыли, вылезают из саней, поднимаются на ступеньки, входят в просторную и теплую прихожую, уютно устланную попонами, почти совсем темную. Выбегает из задних горниц суетливая старушонка в шерстяных чулках, кланяется, радуется, помогает раздеваться. Раскутывают шали, освобождаются от пахучих снежных шуб. Племянница раздевается чем дальше, тем все живей и веселей, неожиданно оказывается тонкой, гибкой, ловко присаживается на старинный ларь возле окна и быстро снимает городские серые ботинки, показывая ногу до колена, до кружева панталон, и выжидательно глядя черными глазами на тетку, раздевающуюся сильными движениями, но медленно, с тяжелым дыханием.

И вдруг происходит то самое, страшное приближение чего уже давно предчувствовалось: тетка роняет поднятые руки, слабо и сладко вскрикивает – и опускается, опускается на пол. Старушонка подхватывает ее подмышки, по не осиливает тяжести и дико кричит:

– Барышня!

А в окно виден снежный двор, за ним, среди леса, блестящее снежное поле: из-за поля глядит, светит низкий лысый месяц. И нет уже ни старушонки, ни тетки, есть только эта картина в окне и темная прихожая, есть только радостный ужас этой темноты и отсутствие уже всяких преград между Ивлевым и той, что будто бы должна была быть невестой какого-то Ивана Сергеевича, – есть один дивный блеск черных глаз, вдруг вплотную приблизившихся к нему, есть быстрая жуткая мысль, как снимала она на ларе ботинки, и тотчас же вслед за этим то самое блаженство, от которого слабо и сладко вскрикнула тетка, опускаясь в предсмертной истоме на пол...

Весь следующий день Ивлев полон неотступным чувством влюбленности. Тайна того, что произошло в какой-то старинной деревенской усадьбе, стоит за всем, что он делает, думает, говорит, читает. И влюбленность эта во сто крат острее даже

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
всего того, что он когда-либо испытывал в пору самой ранней молодости. И в глубине души он твердо знает, что никакой разум никогда не убедит его, будто нет и не было в мире этой черноглазой племянницы и будто так и не узнает она, каким мучительным и счастливым воспоминанием, – их общим воспоминанием, – одержим он весь день.

Приморские Альпы. 12 июля 1923

Огонь пожирающий: #com039

Это была высокая красивая женщина с ясным и живым умом, с бодрым, деятельным характером, молодая, здоровая, всячески счастливая, всячески одаренная судьбой. Как памятна мне ее блестящие ореховые волосы, ее открытый и приветливый взгляд, чистый звук голоса, благородство рук и ног, казавшихся особенно пленительными при ее крупном сложении, и даже ее любимая накидка из гранатового бархата, отороченная соболем! С каким удовольствием входил я всегда во двор ее старинного особняка в Сен-Жерменском предместье! И вот как-то за чаем, на который она приглашала нас каждую среду, среди оживленного и беспредметного разговора, кто-то почему-то вспомнил старика В., известного собирателя фарфора, старомодного богача и едкого причудника, умершего в прошлом году и завещавшего себя сжечь, пожелавшего, как он выразился, «быть тотчас же после смерти ввергнутым в печь огненную, в огонь пожирающий, без всякой, впрочем, претензии на роль Феникса». Народу в гостиной было довольно много, и почти все при этом воспоминании возмутились. Неприятный был человек, неприятное остроумие! Дамы зябко содрогнулись в своих мехах, мужчины с усмешкой покачали головами. Хозяин сказал:

– Да, это очень чисто и скоро, эта печь огненная, но все-таки не желал бы я попасть в нее. Уж очень жарко. Мне даже и участь Феникса не кажется завидной.

Все засмеялись, кто-то прибавил:

– Так же, как мне участь тех трех отроков, что в печи огненной пели хвалы господе!

А еще кто-то подхватил:

– Тем более, что вы уже далеко не в отроческом возрасте...

И вдруг хозяйка, возвысив голос, произнесла с неожиданной отчетливостью:

– А я как нельзя более понимаю В., хотя тоже не одобряю острот в его завещании, и пользуюсь случаем заявить при всех здесь присутствующих свою непреклонную посмертную волю, которая, как известно, священна и неспорима: после моей смерти я тоже должна быть сожжена. Да, сожжена.

И настойчиво повторила, отстраняя попытки перевести разговор опять на шутки:

– Нет, я еще раз и совершенно серьезно говорю, отлично понимая всю неуместность подобных бесед в гостиной: я этого требую, это должно быть исполнено во что бы то ни стало, невзирая ни на какие могущие быть протесты со стороны моих родных и близких.

– Да что с тобой? – сказал хозяин. – Из всей твоей речи мне понравилось только твое замечание насчет странности такой гостинной беседы. Что с тобой?

– Только то, что я воспользовалась случаем, тем, что заговорили об этом, – ответила она. – Сколько уже раз собиралась я завещать это письменно и все как-то забываю, откладываю. А мало ли что может быть? Представь себе, что я нынче внезапно умру, – что тут невероятного?

А ровно через неделю после того именно это и случилось – она умерла перед самым выездом в театр: уже шла по вестибюлю к выходу и вдруг со странной улыбкой схватилась за руку сопровождавшего ее лакея – и тот едва успел поддержать ее. Я узнал эту совершенно дикую по неожиданности новость от знакомого на улице и почему-то с необыкновенной поспешностью пошел домой, простясь с ним. Мне

показалось, что тотчас же надо сделать что-то решительное, чем-то резко проявить себя. Но дома моей изобретательности хватило только на то, чтобы торопливо набить трубку, торопливо закурить, сесть в кресло... Была весна, конец марта. Париж празднично сиял, кипел жизнью. У нас в Пасси цвели и зеленели сады. По потолку надо мной топали, бегали дети, кто-то все начинал играть на пианино что-то шутовское, милое. В открытое окно входила весенняя свежесть и глядела верхушка старого черного дерева, широко раскинувшего узор своей мелкой изумрудно-яркой зелени, особенно прелестной в силу противоположности с черной сетью сучьев. Там, за окном, сыпали веселим треском воробьи, поминутно заливалась сладкими трелями какая-то птичка, а наверху топали и играли, и нее это сливалось с непрерывным смутным шумом города, с дальним гулом трамваев, с рожками автомобилей, со всем тем, чем так беззаботно при всей своей озабоченности жил весенний Париж...

А на другой день, в третьем часу, автомобиль мчал меня через весь город уже на кладбище Пер-Лашез: волю покойной не решились нарушить, тело ее должны были сжечь.

Едучи, я думал все то же: какая изумительная случайность! Точно сам злой дух внезапно шепнул ей тогда, что минуты ее сочтены. И нужно же было кому-то ни с того ни с сего вспомнить этого старого циника! И как представить себе, как поверить в то, что через какой-нибудь час ее случайное и ужасное завещание все-таки осуществится и не останется ровно ничего даже от ее тела? И я не представлял, не верил, я смотрел по сторонам, и меня быстро уносило вперед навстречу весеннему ветру и солнцу. Но, смотря, все думал: да, вот весенний ветер, а ее уже нет! Вот солнечный блеск и Сена, а она этого уже не видит и не увидит никогда! Вот я с какой-то кощунственно-веселой быстротой мчусь по ее родному и любимому городу и втайне все-таки наслаждаюсь, а она из этого города и вообще из всего нашего мира уже исчезла! Потом вдруг вспомнил, что там нельзя будет курить, и поспешно закуривал и опять думал свои путанные думы, странно согласованные с быстрым бегом автомобиля и мельканием праздничного, солнечного, людного Парижа.

И вот этот бег кончился. Предо мной были ворота и стены другого города, поднятого на возвышенность, как бы некая крепость, ярко и мертво глядящая из-за стен целыми полчищами мраморных и железных крестов, мавзолеев, часовен, статуй, ангелов, гениев. Я вышел из машины и вошел в эти роковые ворота. Подъехали мы не с той стороны, с какой было нужно, и мне пришлось пересечь все кладбище из конца в конец, пройти многочисленные проспекты и аллеи, целые бульвары и улицы. Тут мысли мои опять спасительно отвлеклись на некоторое время от ужасной цели моей поездки. Я шел и смотрел: какая музейная чистота в этом городе, какой порядок! И что за день, что за красота! Сколько ослепительной белизны, во всяческих видах сверкающей в небесной сини, среди еще сквозной черноты деревьев, осыпанной изумрудными мушками! Сколько пышных живых цветов на куртинах, у подножия крестов и бюстов, на мраморных и гранитных плитах и у входа склепов! И каким-то особым родом людей кажутся здесь все встречные, все эти мужчины и женщины, то стоящие у могил с поникшими головами, то просто мирно гуляющие. Все сдержанны, все как-то по-иному, чем в будничной жизни, скромны и просты, как-то иначе раскланиваются с знакомыми... Это город великой печали и великого отчаяния, – подумать только, какие миллионы уже легли здесь и еще лягут! Но удивительно, – какая-то благодатная, душу умиротворяющая радость все-таки витает здесь надо всем. Радость чего? Весны, неба, первой зелени, мрамора? Вечной молодости мира, вечно воскресающей жизни? Или же и впрямь той жизни небесной, в которую сердце невольно и наивно верит или жаждет верить здесь?

И вдруг я поднял глаза: на широкой площади, внезапно открывшейся передо мной, высилось нечто вроде храма или, вернее, капища с круглым куполом, две высоких заводских трубы, – именно заводских, голых, кирпичных, – поднимались в небо по сторонам этого купола – и из одной черными клубами валил дым. Уже! Я опоздал, ее уже жгли! Это из той адской подземной печи, куда, верно, уже вдвинули гроб с ее телом, валил этот страшный, молчаливый дым, такой особенный, такой не похожий ни на один дым в мире!

Странно, – меня, кажется, больше всего поразила именно грубая молчаливость, спокойная беспощадность, с которой валил дым. И такое же глубокое молчание царило и внутри этого капища. Как окаменелые, сидели мы в его большой полукруглой зале на длинных деревянных скамьях. Народу было мало – у одних не хватило духу присутствовать при необычном и жутком обряде, другие были возмущены

покойной, может быть, и нечаянно, невольно, но все же дерзко поправшей уставы того общества, к которому она принадлежала по своему древнему и благочестивому роду. На передней скамье сидели муж и несколько самых близких родных – мужчины все в черном и с креповыми цилиндрами на коленях, женщины в глубоком трауре. Мы, просто знакомые, несмело поместились на скамье задней. И спины всех сидящих перед нами были согнуты, как бы подавлены той невыразимой тишиной, к которой длилось наше ожидание ужасных итогов этой ужаснейшей в мире церемонии. Церемония совершалась где-то там, за траурным занавесом, который висел в глубине залы, закрывая нечто вроде театральной сцены. И зачем-то между его сдвинутыми черными полотнищами торчало бутафорское подобие золоченого гроба. А на мраморных колоннах по сторонам этих полотнищ, пучили глаза изваянные совы. Кроме траурного занавеса, гроба и сов, ничто иное не обозначало зловещего назначения этой пустой залы с окнами чуть не во всю стену. Помню, – окна справа были сверху донизу залиты солнечным светом. И мертвая тишина, в которой мы сидели и ждали, казалась от этого света еще более гнетущей.

Сколько времени мы сидели? По крайней мере, час, которому, казалось, конца не будет. И что это такое было то, где сидели мы? Храм, театр? Нечто вроде присутственного места или какого-то верховного судилища, где совершается что-то последнее и самое жестокое над человеком? Какая-то особенно важная научная лаборатория или какой-то адский притон? Мы не знали, что это такое, мы покорно сидели, затаив дыхание, не решаясь шевельнуться. Бога здесь не было, и существование и символы его здесь отрицались. Совы пучили слепые глаза только с бессмысленным удивлением, траур занавеса говорил только о смерти. А я сидел и мысленно видел этот густой черный дым, медленно валивший из трубы в небо над нами, и в небе мне все-таки грезился Некто безмерный, широко простиерший длани и молчаливо приемлющий и обоняющий жертву, приносимую ему. И так прошло двадцать, тридцать, сорок минут... Зачем-то заглядывал во входную дверь какой-то сутулый старик в траурной ливрее, очень серьезно осматривал нас и опять осторожно притворял дверь... Потом дверь снова распахнулась, и быстро, но тихо вошел щеголеватый молодой человек в траурном галстук бантиком, быстро, но на цыпочках прошел через залу, легонько вбежал по ступенькам к занавесу и, раздвинув его черные полотнища, скрылся за ними... И опять мы сидели и, не шевелясь, ждали, ждали... Где ее жгли? Там, где-то за занавесом, где-то в глубоком подземелье, где слепила и полыхала с невообразимой силой и яростью истинно геенна огненная. Эта геенна, этот огонь пожирающий должен действовать с быстротой всесокрушающей. Но почему же все это длится так нестерпимо долго? – И вдруг за занавесом послышались громкие, как бы наконец все разрешающие шаги, занавес раздвинулся – и молодой человек, появившийся на сцене, молча сделал нам широкий пригласительный жест.

Зачем я пошел! А я все-таки пошел. Мгновенно все во мне крепко подтянулось, и я быстро и мужественно встал, прошел между скамьями, поднялся на сцену и, следуя за другими, повернул в дверь налево, в какую-то большую комнату с голыми стенами и без окон, освещенную откуда-то электричеством. В глубине ее был какой-то железный куб с дверцами, теперь широко открытыми. Из внутренности этого куба, – он был бездонный, – тянулись в комнату две рельсы. И по этим рельсам два сторожа в траурных мундирах, два приземистых человека из той отпетой породы, что определяют себя на мрачное и низкое существование при моргах и анатомических театрах, тащили железными крюками как бы крышку стола, прямоугольник из асбеста, насквозь розовый, насквозь светящийся, раскаленный до прозрачности. И те прозрачно-розовые, инде горящие ярко-синим огоньком известковые бугры и возвышенности, что были на этом прямоугольнике, это и были скудные останки нашего друга, всего ее божественного тела, еще позавчера жившего всей полнотой и силой жизни. Больше ничего! Чувствуя на лицах и руках палящий зной от этой адской сковороды, мы стояли и тупо глядели. Асбест рдел, змеился лазурными огоньками... Потом стал медленно бледнеть, блекнуть, приобретать светло-песочный цвет... И тогда я среди его неровностей различил то, что осталось от головы, от наиболее крупных костей, от таза... и еще раз весь содрогнулся от грубости и жестокости всего этого дела и, главное, от кошунственного бесстыдства, с которым мне показали что-то такое, чего никому в мире не должно видеть...

А затем все было кончено в пять минут: быстро соскребли железными лопаточками эти неровности, кое-что похватили щипцами, побросали все собранное в мраморный ящичек, замазали его крышку цементом и, положив на небольшие носилки и прикрыв траурным покрывалом, быстро понесли вон. Мы, с опущенными и обнаженными головами, последовали за носилками, видели, как быстро вдвинули ящичек в нишу в той высокой стене, которая с трех сторон окружает крематорий, как затем эту нишу

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
замуровали, запечатали... Несчастный муж смотрел на всю эту работу с необыкновенной пристальностью. Потом, резко побледнев и приняв театрально-торжественный вид, отступил в сторону для приема того последнего рукопожатия, которое он, по французскому обычаю, должен был принять поочередно ото всех своих другой. И, быстро и молча исполнив этот обычай, мы тотчас же почти разбежались в разные стороны, разлетелись по разным направлениям в вечерующий, залитый уже зеленовато-золотистым солнцем океан Парижа...

Мой шофер, человек грузный и короткорукий, был пьян, его лицо было густо налито лиловой кровью. И теперь он мчался уже совсем бешено, и его автомобиль поминутно ревел на бегу с какой-то свирепой наглостью и угрозой.

Приморские Альпы. 1 октября. 1923

Несрочная весна: #comm040

...А еще, друг мой, произошло в моей жизни целое событие: в июне я ездил в деревню в провинцию (к одному из моих знакомых). Я, конечно, еще помню, что когда-то подобные поездки никак не могли считаться событиями. Полагаю, что не считаются они таковыми у вас в Европе и по сию пору. Да мало ли что было у нас когда-то и что в Европе еще есть! Двести, триста верст у нас теперь не шутка. Расстояния в России, опять превратившейся в Московщину, опять стали огромными. Да и не часто путешествуют нынешние московские людишки. Конечно, теперь у нас всяческих вольностей хоть отбавляй. Но не забудь, что все эти вольности, до которых мы и дожить не чаяли, начались еще слишком недавно.

Словом, случилось нечто необычное, много лет мною не испытанное: в один прекрасный день я взял извозчика и отправился на вокзал. Ты как-то мне тайком писал, что теперешняя Москва представляется тебе даже внешне «нестерпимой». Да, она очень противна. И, едучи на вокзал на извозчике, вроде тех, что бывали прежде только в самых глухих захолустьях и брали за конец не миллиард, а двугривенный, я, возбужденный необычностью своего положения, роль путешественника, чувствовал это особенно живо. Какое азиатское многолюдство! Сколько торговли с лотков, на всяческих толкучках и «пупках», выражаясь тем подлым языком, который все более входит у нас в моду! Сколько погибших домов! Как ухабисты мостовые и разрослись уцелевшие деревья! На площадях перед вокзалами тоже «пупки», вечная купля и продажа, сброд самой низкой черни, барышников, воров, уличных девок, продавцов всяческой съестной дряни. На вокзалах опять есть и буфеты, и залы разных классов, но все это еще до сих пор сараи, загаженные совершенно безнадежно. И народу всегда – не протолпишься: поезда редки, получить билет из-за беспорядка и всяческих волокит дело очень трудное, а попасть в вагон, тоже, конечно, захолустный, с рыжими от ржавчины колесами, настоящий подвиг. Многие забираются на вокзал накануне отъезда, с вечера.

Я приехал за два часа до поезда и чуть было не заплатил за свою смелость, чуть было не остался без билета. Однако кое-как (то есть, конечно, за взятку) дело устроилось, я и билет получил, и в вагон попал, и даже уселся на лавке, а не на полу. И вот поезд тронулся, и осталась Москва позади, и пошли давным-давно не виденные мною поля, леса, деревни, где начались опять глубочайшие будни после того разгульного праздничка, которым потешила себя Русь за такую баснословную цену. И вскоре стали заводить глаза, заваливать головы назад и храпеть с открытым ртом почти все, набившиеся в вагон. Напротив меня сидел русский мужик, большой, самоуверенный. Сперва он курил и все плевал на пол, со скрипом растирая носком сапога. Потом достал из кармана поддевки бутылку с молоком и стал пить затычными глотками, отрываясь только затем, чтобы не задохнуться. А допив, тоже откинулся назад, привалился к стене и тоже захрапел, и меня буквально стало сводить с ума зловоние, поплывшее от него. И, не выдержав, я бросил место и ушел стоять в сени. А в сенях оказался знакомый, которого я не видел уже года четыре: стоит, качается от качки вагона бывший профессор, бывший богатый человек. Едва узнал его: совсем старик и что-то вроде странника по святым местам. Обувь, пальтишко, шляпа – нечто ужасное, даже хуже всего того, в чем я хожу. Не брит сто лет, серые волосы лежат по плечам, в руке дерюжный мешок, на полу у ног другой. «Возвращаюсь, говорит, домой, в деревню, там мне дали надел при моем бывшем имени, и я, знаете, живу теперь так же, как тот опростившийся москвич, к которому вы едете, кормлюсь трудами рук своих, свободное время посвящаю, однако,

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
прежнему – своему большому историческому труду, который, думаю, может создать эпоху в науке...». Солнце серебряным диском неслось уже низко за стволами, за лесом. И через полчаса создатель эпохи сошел на своем глухом полустанке – и заковылял, заковылял со своими мешками по зеленой березовой просеке, по холодку вечерней зари.

А я приехал, куда мне было нужно, уже совсем в сумерки, в одиннадцатом часу. И так как поезд опоздал, то мужик, выезжавший за мной, подождал, подождал, да и отправился восвояси. Что было делать? Ночевать на станции? Но станцию на ночь запирают, да если бы и не запирали, диванов, скамеек на ней нет, – «теперь, брат, господ нету!» – а ночевать на полу даже и «советским» подданным не всегда приятно. Нанять в поселке возле станции какого-нибудь другого мужика? Но это теперь стало делом почти невозможным. У дверей вокзала сидел мужик, пришедший к ночному поезду на Москву, печальный и безучастный. Поговорил с ним. Он только рукой махнул. «Кто теперь поедет! Лошадь редкость, вся снасть сбита... Стан колес – два миллиарда, выговорить страшно...» Я спросил: «А если пешком?» – «А вам далеко?» – «Туда-то». – «Ну, это верст двадцать, не более. Дойдете». – «Да ведь, говорю, по лесу да еще пешком?» – «Что ж, что по лесу! Дойдете». Но тут же рассказал, как весной два каких-то «человечья» наняли так-то «мужичья» в ихнем селе, да и пропали вместе с ним: «Ни их, ни его, ни лошади, ни снасти... Так и неизвестно, кто кого растерзал – они его или он их... Нет, теперь не прежнее время!»

Разумеется, после такого рассказа у меня пропала уже всякая охота пытаться ехать ночью. Решил дожидаться утра и просить ночлега в трактирах возле станции, – «их тут целых два», – сказал мужик. Но оказалось невозможным ночевать и в трактирах, – не пустили. «Вот чайку, если угодно, пожалуйста, – сказали в одном. – Чай мы подаваем...» Долго пил чай, то есть какую-то тошнотворную распаренную травку, в еле освещенной горнице. Потом говорю: «Позвольте хоть на крыльце досидеть до утра». – «Да на крыльце вам будет неудобно...» – «Все удобнее, чем на дороге!» – «А вы безоружный?» – «Обыщите, сделайте милость!» – И вывернул все карманы, расстегнулся. – «Ну, как хотите, на крыльце, пожалуй, можно, а то и правда, в избу вас никуда не пустят, да уж и спят все...» И я вышел и сел на крыльце, и скоро огонь в трактире погас, – в соседнем его давно не было, – и наступила ночь, сон, тишина... Ах, как долга была эта ночь! На небе вдали, за чернеющим лесом, закатывался замазанный лунный серп. Потом и он скрылся, стала на том месте поблескивать зарница... Я сидел, шагал перед крыльцом по смутно белеющей дороге, опять сидел, курил на пустой желудок махорку... Во втором часу по дороге послышался перелив колесных спиц, толканье ступок на осях – и немного погодя к соседнему трактиру кто-то подъехал, остановился, стал стучать в окно каким-то воровским, условным стуком. Из сеней сперва выглянул, потом осторожно вышел хозяин, босой лохматый старик, тот самый, что вечером отказал мне в ночлеге с удивительной злобной грубостью, – и началось что-то таинственное: бесконечное тасканье из сеней чего-то вроде овчин и укладыванье их в телегу приезжего, и все это при блеске зарниц, которые все ярче озаряли лес, избы, дорогу. Дул уже свежий ветер, и вдали угрожающе постукивал гром. А я сидел и любовался. Помнишь ночные грозы в Васильевском? Помнишь, как боялся их весь наш дом? Представь, я теперь лишился этого страха. И в ту ночь на крыльце трактира я только восхищался этой сухой, ничем не разрешившейся грозой. Под конец я, однако, ужасно устал от своего бдения. Да и духом пал: как идти двадцать верст после бессонной ночи?

Но на рассвете, когда тучки за лесом стали бледнеть, редеть и все вокруг стало принимать дневной, будничной вид, мне неожиданно посчастливилось. Мимо трактира пронеслась на станцию коляска – привезла к поезду в Москву комиссара, управляющего бывшим имением князей Д., находящимся как раз в тех местах, где и нужно мне было быть. Это мне сказала проснувшаяся и выглянувшая из окна хозяйка трактира, и, когда кучер выехал со станции обратно, я кинулся к нему навстречу, и он даже с какой-то странной поспешностью согласился подвезти меня. Человек оказался очаровательный, – детский наивный гигант, всю дорогу повторял: «Глаза бы не глядели! Слезы!» Меж тем всходило солнце, и седловатый, широкозадый, шальной и оглохший от старости белый жеребец быстро и легко мчал по лесным дорогам коляску, тоже старую, но чудесную, покойную, как люлька... Давно, друг мой, не катался я в колясках!

Знакомый, у которого я прогостил несколько дней в этих лесах, человек в некоторых отношениях очень любопытный, – самоучка, полуобразованный, всегда жил

раньше в Москве, но в прошлом году бросил ее и вернулся на родину, в свое наследственное крестьянское поместье. Он страстно ненавидит новую Москву и не раз настаивал, чтобы я приехал к нему отдохнуть от этой Москвы, расписывал красоты своих мест. И точно, места удивительные. Представь себе: зажиточный поселок, мирный, благообразный, вообще такой, как будто никогда не было не только всего того, что было, но даже отмены крепостного права, нашествия французов; а кругом – заповедные леса, глушь и тишина неопишная. Преобладает бор, мрачный, гулкий. И по вечерам в его глубине мне чувствовалась не то что старина, древность, а прямо вечность. Зари – только клочья: только кое-где краснеет из-за вершин медленно угасающий закат. Бальзамическое тепло нагретой за день хвои мешается с острой свежестью болотистых низин, узкой и глубокой реки, потаенные извивы которой вечером холодно дымятся. Птиц не слышно – мертвое безмолвие, только играют козодои: один и тот же бесконечный звук, подобный звуку веретена. А как совсем стемнеет и выступят над бором звезды, всюду начинают орать хриплыми, блаженно-мучительными голосами филины, и в голосах этих есть что-то недосозданное, довременное, где любовный зов, жуткое предвкушение соития звучит и хохотом и рыданием, ужасом какой-то бездны, гибели. И вот, по вечерам я бродил в бору под ворожбу козодоев, по ночам слушал, сидя на крылечке, филинов, а дни посвящал зачарованному миру бывшей княжеской усадьбы, – истинно бывшей, потому что из ее владетелей не осталось в живых ни единого... Она несказанно прекрасна.

Дни стояли солнечные, жаркие. И по пути в усадьбу я шел то в тени, то по солнцу, по песчаной дороге, среди душно и сладко благоухающей хвои, потом вдоль реки, по прибрежным зарослям, выпугивая зимородков и глядя то на открытые загоны, сплошь покрытые белыми кувшинками и усеянные стрекозами, то на тенистые стремнины, где вода прозрачна, как слеза, хотя и казалась черной, и мелькали серебром мелкие рыбки, пучили глаза какие-то зеленые тупые морды... А затем я переходил старинный каменный мост и подымался к усадьбе.

Она осталась, по счастливой случайности, нетронутой, неразграбленной, и в ней есть все, что обыкновенно бывало в подобных усадьбах. Есть церковь, построенная знаменитым итальянцем, есть несколько чудесных прудов; есть озеро, называемое Лебединым, а на озере остров с павильоном, где не однажды бывали пиры в честь Екатерины, посещавшей усадьбу; дальше же стоят мрачные ущелья елей и сосен, таких огромных, что шапка ломится при взгляде на их верхушки, отягощенные гнездами коршунов и каких-то больших черных птиц с траурным веером на головках. Дом, или, вернее, дворец, строен тем же итальянцем, который строил церковь. И вот я входил в огромные каменные ворота, на которых лежат два презрительно-дремотных льва и уже густо растет что-то дикое, настоящая трава забвения, и чаще всего направлялся прямо во дворец, в вестибюле которого весь день сидел в старинном атласном кресле, с короткой винтовкой на коленях, однорукий китаец, так как дворец есть, видите ли, теперь музей, «народное достояние», и должен быть под стражей. Ни единая не китайская душа, конечно, ни за что бы не выдержала этого идиотского сиденья в совершенно пустом доме, – в нем, в этом сиденье, было даже что-то жуткое. Но однорукий, коротконогий болван с желто-деревянными ликом сидел спокойно, курил махорку, равнодушно ныл порою что-то бабье, жалостное и равнодушно смотрел, как я проходил мимо.

– Вы его, барин, не бойтесь, – сказал мне про него кучер тем тоном, каким говорят о собаках, – я ему скажу про вас, он вас не тронет.

И точно, китаец меня не трогал. Если бы ему приказали заколоть меня, он, разумеется, заколот бы, не моргнув бровью. Но так как колоть меня было не надо, то он только сонно косился на меня, и я мог свободно проводить целые часы в покоях дворца как дома. И я без конца бродил по ним, без конца смотрел, думал свои думы... Потолки блистали золоченой вязью, золочеными гербами, латинскими изречениями. (Если бы ты знал, как мой взгляд отвык не только от прекрасных вещей, но даже просто от чистоты!) В лаковых полах отсвечивала драгоценная мебель. В одном покое высилась кровать из какого-то темного дерева, под балдахинном из красного атласа, и стоял венецианский сундук, открывавшийся с таинственной сладкогласной музыкой. В другом – весь простенок занимали часы с колоколами, в третьем – средневековый орган. И всюду глядели на меня бюсты, статуи и портреты, портреты... Боже, какой красоты на них женщины! Какие красавцы в мундирах, в камзолах, в париках, в бриллиантах, с яркими лазоревыми глазами! И ярче и величавее всех Екатерина. С какой благодатной веселостью красуется, царит она в этом роскошном кругу! А в одном кабинете лежит на небольшом письменном столе и странно поражает взгляд коричневое бревно с золотой пластинкой, на

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru которой выгравировано, что это – частица флагманского корабля «Св. Евстафий», погибшего в битве при Честме «во славу и честь Державы Российской...». Да, во славу и честь Державы Российской... Странно это теперь звучит, не правда ли?

Часто бывал я и в нижних залах. Ты знаешь мою страсть к книгам, а там, в этих сводчатых залах, книгохранилище. Там прохладно и вечная тень, окна с железными толстыми решетками, а сквозь решетки видна радостная зелень кустов, радостный солнечный день, все такой же, такой же, как и сто, двести лет тому назад. Там устроены в стенах ниши с полками, и на этих полках мерцают тусклым золотом десятки тысяч корешков, чуть ли не все главнейшее достояние русской и европейской мысли за два последние века. В одной зале огромный телескоп, в другой гигантский планетарий, а на стенах снова портреты, редчайшие гравюры. Развернул я как-то один из прелестнейших томиков начала прошлого столетия, прочитал на шершавой бумаге строки:

Успокой мятежный дух
И в страстях не сгорай,
Не тревожь меня, пастух,
Во свирель не играй, –

и долго стоял очарованный: какой ритм и какая прелесть! грация, танцующий перелив чувств! Теперь, когда от славы и чести Державы Российской остались только «пупки», пишут иначе: «Солнце, как лужа кобыльей мочи...» А в другой раз мне попало под руку первое издание Баратынского, и я, словно нарочно, развернул книжку на стихах:

Что ж, пусть минувшее исчезло сном летучим,
Еще прекрасен ты, заглохший Элизей,
И обаянием могучим
Исполнен для души моей...

А перед отъездом был я в знаменитой церкви. Она в лесу, на обрыве, круглая, палевого цвета и сияет в синем небе золотой маковкой. Внутри ее круг желтоватых мраморных колонн, поддерживающих легкий купол, полный солнца. В круглом проходе между колоннами и стенами – изображения святых со стилизованными ликами тех, кто похоронен в фамильном склепе под церковью. А в узкие окна видно, как ветер ворочает косматые главы сосен, величаво и дико раскинутые из обрыва в уровень с окнами, и слышно пение, гул ветра. Я спустился в непроглядную темноту склепа, озаряя красным огоньком воскового огарка громадные мраморные гробы, громадные железные светильники и шершавое золото мозаик по сводам. Холодом преисподней веяло от этих гробов. Неужели и впрямь они здесь, те красавицы с лазоревыми очами, что царствуют в покоях дворца? Нет, мысль моя не мирилась с этим... А потом я опять поднялся в церковь и долго глядел в узкие окна на буйное и дремотное волнение сосен. Как-то весело и горестно радовался солнцем забытый, навсегда опустевший храм! Мертвая тишина царила в нем. За стенами же пел, гудел летний ветер, – все тот же, тот же, что и двести, сто лет тому назад. И я был один, совершенно один не только в этом светлом и мертвом храме, но как будто и во всем мире. Кто же мог быть со мною, с одним из уцелевших истинно чудом среди целого сонма погибших, среди такого великого и быстрого крушения Державы Российской, равного которому не знает человеческая история!

И это было мое последнее посещение усадьбы. На другой день я уехал...

А теперь, как видишь, я опять в Москве. И прошло уже больше месяца, как я вернулся, но сильное и, главное, какое-то невыразимо странное впечатление, привезенное мною в Москву, не оставляет меня. И я думаю, что и не оставит. Ведь то, что так живо и остро почувствовал и понял я во время этой поездки, зрело во мне уже давным-давно. И не предвидится, да и не может быть впереди ничего, что могло бы рассеять мое теперешнее состояние: они, эти люди так называемой новой жизни, правы – к прежнему, к прошлому возврата нет, и новое царит уже крепко, входит уже в колею, в будни. Состояние же мое заключается в том, что я непрестанно чувствую, как тлеет, рвется самая последняя связь между мною и окружающим меня миром, как все больше и больше отрешаюсь я от него и ухожу в тот, с которым связан был я не только весь свой век, с детства, с младенчества, с рождения, но даже и до рождения: ухожу в «Элизей минувшего», как бы в некий сон, блистающий подобием той яркой и разительно живой жизни, в которой застыли

Видишь ли, случилось, разумеется, чудо: некто, уже тлевший в смрадной могильной яме, не погиб, однако, до конца, подобно тысяче прочих, сваленных с ним в эту яму. Он, к великому своему изумлению, стал постепенно приходить в себя и, наконец, совсем пришел и даже получил возможность приподняться и опять выбраться на белый свет. Теперь он опять среди живых, опять приобретает знакомую привычку быть, как все, – будто как все, – опять видит город, небо, солнце, опять заботится о пище, об одежде, о крове и даже о житейском занятии, положении. Но, друг мой, проходит ли даром человеку смерть, хотя бы и временная? А главное, как переменялся, как сказочно переменялся даже самый белый свет за то время, которое мы, чудом уцелевшие, пребывали в могиле! Такого крушения, такой перемены лица земли за какие-нибудь пять лет в истории, повторяю, не бывало. Представь себе почти мгновенную гибель всего античного мира – и несколько человек, погребенных под развалинами, под лавинами варварских орд, и затем внезапно очнувшихся через два, три столетия: что должны они чувствовать? Боже, какое, прежде всего, одиночество, какое несказанное одиночество! И вот уже давно стало расти во мне некое наваждение. Чем больше привыкал я к тому, что мое восстание из мертвых есть явь, сузя правда, тем более овладевало мною чувство страшной перемены, происшедшей на свете, – я, конечно, не о внешнем говорю, хотя и во внешнем мы дошли до неслыханной и уже веками непоправимой мерзости, – и начал я оглядываться кругом все пристальнее, вспоминать свою домогильную жизнь все явственнее... И росло, росло наваждение: нет, прежний мир, к которому был причастен я некогда, не есть для меня мир мертвых, он для меня воскресает все более, становится единственной и все более радостной, уже никому не доступной обителью моей души!

Да, уезжая из Москвы, проезжая по ней, я почувствовал то, что чувствовал уже давно, с особенной остротой: до чего я человек иного времени и века, до чего я чужд всем ее «пупкам» и всей той новой твари, которая летает по ней в автомобилях! Затем вспомни вокзал, с которого я уезжал, вагон, в котором я добыл себе место, моего соседа, пившего молоко из бутылки... Вспомни профессора с его мешками, с его научными мечтаниями и ту просеку, по которой одиноко – о, как страшно одиноко! – заковылял он... Как поразили меня те минуты, когда поезд стоял на полустанке, где он слез, – эти первые впечатления полевой тишины, лесной глуши, запаха берез, цветов, вечерней свежести! Боже мой, Боже мой, опять – после тысячи лет самой страшной в мире каторги! – опять это святое, чистое безмолвие, закатывающееся за лесом солнце, даль, пролет в просеке, горькие и свежие ароматы, сладкий холодок зари... И чувство моей отчужденности от этого «советского» вагона, на площадке которого я стоял, и от русого мужика, который спал в нем, вдруг приобрело во мне такую глубину и силу, что на глаза мои навернулись слезы счастья. Да, я чудом уцелел, не погиб, как тысячи прочих, убиенных, замученных, пропавших без вести, застрелившихся, повесившихся, я опять живу и даже вот путешествую. Но что может быть у меня общего с этой новой жизнью, опустошившей для меня всю вселенную! Я живу, – и порою, как вот сейчас, даже в какой-то восторженной радости, – но с кем и где?

И та ночь, что провел я на крыльце трактира, тоже была для меня только моим прошлым. Разве я воспринимал ее как ночь в июне тысяча девятьсот двадцать третьего года? Нет, эта ночь была одной из моих прежних ночей. Прежние были и зарницы, и гром, и свежий ветер, с которым приближалась гроза... Они и совсем увели меня в мир мертвых, уже навсегда и блаженно утвердившихся в своей неземной обители. И теперь неотступно стоит передо мною это солнечное царство летних дней, бора и сказочно-спящего дворца, затерявшегося в бору, этих ворот со львами и бурьяном наверху, мрачных еловых ущелий, обмелевших прудов со стайками трясогузок на травянистых берегах, озера, заросшего осокой, навсегда опустевшей церкви и пустых, блистательных зал, полных образами покойников... Не могу тебе передать изумительного чувства, все еще не покидающего меня: до чего они ужасающе живы для меня!

Помнишь ли ты те стихи Баратынского, из которых я привел тебе несколько строк и которые так совпали с тем самым важным для всей моей теперешней жизни, что таится в самом сокровенном тайнике моей души? Помнишь, как кончается эта элегия, посвященная предчувствию того Элизея, который прозревал Баратынский под тяжестью своих утрат и горестей? Среди запустения родных мест, среди развалин и могил, я чувствую, говорит он, незримое присутствие некоего Призрака; и он, «сия Летийская Тень, сей Призрак» –

Он убедительно пророчит мне страну,
Где я наследую, несрочную весну,
Где разрушения следов я не примечу,
Где, в сладостной тени невянущих дубов,
У нескудеющих ручьев,
Я тень священную мне встречу...

Запустение, окружающее нас, неопишимо, развалинам и могилам нет конца и счета: что осталось нам, кроме «Летийских Теней» и той «несрочной весны», к которой так «убедительно» призывают они нас?

Приморские Альпы, 5 октября 1923

Богиня Разума: #comm041

I

Я записал этот день:

«Париж, 6 февраля 1924 г. Был на могиле Богини Разума».

II

Богиня Разума родилась в Париже, полтора века тому назад, звали её Тереза Анжелика Обри. Родители её были люди совсем простые, жили очень скромно, даже бедно. Но судьба одарила её необыкновенной красотой в соединении с редкой грацией, в отрочестве у неё обнаружился точный музыкальный слух и верный, чистый голосок, а в двух шагах от улочки Сэн-Мартэн, где она родилась и росла, находилось нечто сказочно-чудесное, здание Оперы. Естественно, что «античную головку» живой и талантливой девочки рано стали туманить обольстительные мечты, надежды на славную будущность. И случилось так, что мечты и надежды не только не обманули, но даже в некоторых отношениях превзошли ожидания. Тереза Анжелика Обри не только стала артисткой Оперы, не только пела и танцевала на её сцене рядом с знаменитостями и вызывала восторженные рукоплескания, являясь перед толпой олимпийскими богинями, – то Дианой, то Венерой, то Афиной-Палладой, – но и попала в историю: 10 ноября 1793 года она играла на сцене, которую никогда не могла и вообразить себе, – в Соборе Парижской Богоматери, выступала в роли неслыханной и невиданной, в роли Богини Разума, и затем – *apres avoir detrone la ci-devant sainte Vierge* [15 – ...после того, как была свергнута бывшая Святая Дева (фр.)] – торжественно была отнесена в Тюильерийский дворец, в Конвент: как живое воплощение нового Божества, обретенного человечеством.

Погребена Богиня на Монмартрском кладбище. Как не взглянуть на такую могилу?

III

Я давно собирался это сделать. Наконец поехал. В солнечный день, уже почти весенний, но довольно пронзительный, с бледно-голубым, кое-где подмазанным небом, я вышел на улицу и спустился в ближайшее метро. Сквозняки, бегущая толпа, длинные коридоры, цветистые рекламы, лестницы все вглубь и вглубь и наконец совсем преисподняя, её влажное банное тепло, вечная ночь и огни, блеск свода, серого, рубчатого, глянцевого, как брюхо адского змия... Через минуту я уже стоял в людном вагоне, мчался под Парижем и думал о Париже времён Богини Разума и опять – о её удивительной судьбе, её удивительном образе.

Современники писали о ней: «Одарённая всеми внешними дарами, какие только может дать природа женщине, она есть живая модель того античного совершенства, которое являют нам памятники искусства; при взгляде на её стан и очерк её головы тотчас является мысль о грозной эгиде и шлеме Афины-Паллады, и она особенно на месте в тех ролях, где черты лица, жесты, осанка, поступь должны воссоздать богинь...» Это писалось, когда ей было уже лет тридцать пять. Можно себе представить, как

прекрасна была она в двадцать, в те годы, когда она выходила на сцену в короткой тунике, в легких сандалиях на стройной ноге, с золотым полумесяцем на высокой прическе, с луком в длинных округлых руках, Дианой девственницей! Примадонной, дивой Обри никогда не стала; материальное её положение было незавидно – всего несколько сот ливров в год жалованья да угол в родительском доме; положив за кулисами лук, сняв белила и румяна, сбросив тунику и закрутив волосы простым узлом, она надевала грошовое платье и бежала домой, дома же хлебала гороховую похлёбку и укладывалась спать в чердачной каморке. Но справедливо говорили, что мадемуазель Обри tres sage, [16 – весьма скромна (фр.)] – простодушие, милая лёгкость, нетребовательность всегда отличали её характер. И вот «народ, разбивший оковы рабства, достойно прославил её 10 ноября 1793 года», обессмертил «се chef-d'oeuvre de la Nature», [17 – это чудо природы (фр.)] как галантно назвал её Шомет, представляя Конвенту. И много лет после того распевали уличные певцы стихи Беранже о ней:

Estce bien vous? Vous que je vis si belle
Quand tout un peuple entourant votre char
Vous saluait du nom de l'immortelle
Dont votre main brandissait l'etendard?
De nos respects, de nos cris d'allegresse,
De votre gloire et de votre beaute,
Vous marchiez fiere: oui, vous etiez deesse,
Deesse de la Liberte.

[18 – Неужели это ты? Ты, которую и видел столь прекрасной, когда толпа, окружив твою колесницу, приветствовала тебя, именуя той бессмертной, чьё знамя развевалось в твоих руках? Ты шествовала, гордая нашим преклонением, нашими ликующими возгласами, своим торжеством и своей красотой – да, тогда ты была богиней, Богиней Свободы! (фр.)]

IV

Возле Оперы я вышел на свет Божий. Добродетельные греки были правы: небо, солнце, воздух – высшая радость смертных, трижды несчастны тени, населяющие широковатное царство Гадеса. Бедная Тереза Анжелика Обри, бедная Богиня Разума! Как бы это получше уяснить себе разумом, почему и за что уже сто лет гниет в земле «се chef-d'oeuvre de la Nature»?

Солнце, всё-таки ещё зимнее, уже склонялось, был самый людный час, и несметное множество народа и экипажей затопляло площадь в его зеленоватом жидком блеске. Пешеходы бежали, автомобили и omnibus медленно текли страшной ревущей лавиной. Я поймал свободный автомобиль, вскочил и поехал дальше. Из одного длинного и узкого уличного пролета глянул на меня с высоты Монмартра бледный восточный призрак собора Sacre Coeur...

V

В автомобиле я добросовестно постарался вспомнить возможно подробнее и представить себе возможно яснее всё, что знал о 10 ноября 1793 года.

Какой был тогда Париж? Бог его знает, какой, слабо наше воображение, не велик разум. Ну, конечно, был Париж уже и тогда огромным городом, со множеством садов и поместий, с прекрасными зданиями, но и с лачугами, с лужами и грязью даже на площадях, с грубыми средневековыми мостами через патриархальную Сену... Левый берег вообразить легче, – столько ещё сохранилось там прежних узких улиц и узких нелепых домов. Зато собор всё тот же. Как странно, – всё тот же, как тогда, когда стояла под его сводами, на бутафорских скалах, возле Храма Премудрости, прелестная Тереза Анжелика Обри!

И на мгновение я довольно живо почувствовал душу Парижа в те годы, тот развал жизни, то нечто бездельное, праздничное и жуткое, то владычество черни, которым веет в воздухе во времена всех революций. И был сырой осенний день с сильным холодным ветром, сменившим ночной проливной дождь, и всюду, – на мостах, в улочках, ведущих к собору, и особенно на площади перед ним и в нём самом, – было великое, как бы ярмарочное многолюдство, и поминутно раздавался над городом грохот пушек, салютующих коронованию Нового Божества. А Новое Божество стояло под сводами собора, dans cet edifice cidevant dit eglise metropolitaine, [19 – в этом здании, прежде называвшемся архиепископским собором (фр.)] на скалистой

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
горе, возле белоколонного храма, в красной шапочке, в белой хламиде, опоясанной пурпуровой лентой, с копьём в руке – и два хора des adoreurs de la Liberte[20 – Поклонники Свободы (фр.)] – тоже во всем белом, в венках из роз, возжигали перед ней ароматы, воздавали ей поклонения и протягивали к ней обнажённые руки:

Descends o Liberte, fille de la Nature![21 – Сойди к нам, о Свобода, дочь Природы! (фр.)] –

а густая толпа «патриотов», переполнявшая собор, ревела и рукоплескала...

VI

Монмартрское кладбище было когда-то за городом, и вероятно, было уютно, мирно, похоже на рощу, на большой сад. Теперь всё растущий город окружил его отовсюду, включил в себя. А так как оно лежит в низменности, то через эту низменность перекинут теперь длинный и тяжкий железный мост, по которому беспрерывно идут и едут, катятся с глухим гулом валкие omnibus, несутся и на разные лады вопят автомобили, гремят и звенят трамваи. И вот первое, что ударило по моему чувству и зрению, когда я достиг места вечного пристанища Богини Разума: этот чёрный грубый мост, под которым проезжают к железным воротам кладбища и который день и ночь грохочет над покойниками. А затем произошло нечто совсем неожиданное.

Я хорошо знал, что славная Тереза Анжелика Обри была забыта ещё при жизни весьма основательно, а впоследствии уже настолько, что целых сто лет даже историки, специально занимавшиеся изучением «великой» революции и в частности культа разума, почти все были убеждены, что знаменитую революционную Богиню изображала m-me Maillard, балетный кумир тех дней, пока не догадались заглянуть в уцелевшие газеты от 11 ноября 1793 года. Но я как-то не подумал об этом хорошенько, да отчасти и был прав: ведь всё-таки теперь имя Терезы Анжелики Обри должно быть в каждом новом учебнике. Мне всё-таки представлялось, несмотря на все мои горестные мысли о ней, что по крайней мере хоть на кладбище-то её могила есть нечто и всем введома. Поэтому отчасти была простительна наивность, с которой я обратился к первому встречному: где могила Богини Разума? Однако встречный посмотрел на меня как на помешанного:

– Богиня Разума? Что это такое?

Я пояснил. Но встречный развел руками и резонно посоветовал мне обратиться лучше в кладбищенскую контору.

Тогда я ещё увереннее направился в контору. Каково же было моё удивление, когда и в конторе мне ответили на мой вопрос вопросом же:

– Это ваша родственница, г-жа Обри? Но совсем нет, – сказал я, опешив.

– Она давно погребена?

– В январе 1829 года.

И тогда на меня выпучили глаза:

– Помилуйте, да вы смеётесь! Можем ли мы знать всех погребённых здесь сто лет тому назад!

– Но неужели никто не посещает эту могилу, и я первый справляюсь о ней у вас?

– Кажется, первый! Обратитесь к какому-нибудь сторожу, может, он случайно знает по надписи на памятнике, если таковой есть и надпись сохранилась...

VII

А затем я спросил о знаменитой могиле у полной, с чёрными усиками женщины, стоявшей на пороге конторы, предполагая и ней привратницу. В самом деле, это была привратница и к тому же очень живая и толковая, – эти полные с усиками всегда такие. Но и она о могиле не имела никакого понятия. А затем я тщетно расспрашивал сторожей, встречавшихся мне в голых аллеях, по которым я ходил не

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
менее получаса, оглядывая надписи на памятниках. Затем опять обращался к
встречным дамам и господам в трауре... И один господин ни с того ни с сего
(вернее, с расчетом хоть чем-нибудь удовлетворить сумасшедшего искателя
знаменитых могил) предложил мне взглянуть на могилу Золя. Эта могила была в двух
шагах от меня, на пригорке. К вечеру совсем засвежело, небо над кладбищем стало
ещё бледнее, низкое солнце холодно и резко освещало ледяную и блестящую наготу
безобразно-громоздкой глыбы красного гранита, на которой не было ни единого
религиозного знака, ни одного слова Писания, – очевидно, тоже в честь Разума.
Над глыбой стоял на цоколе терракотовый бюст – молодой мужчина лет тридцати,
щеголевато-демократической артистическо-рабочей наружности, с длинными волосами
и в блузе. Я взглянул и, закурив, рассеянно сделал несколько шагов по аллее,
потом зачем-то в сторону, среди деревьев, крестов и памятников, где местами
лежал серый снежок. – «Ну и Бог с ней, с этой Богиней Разума, – подумал я, –
пора домой», – и вдруг увидел себя как раз перед её могилой...

И присев на соседний надгробный камень, я уставился на могилу в полном
изумлении.

VIII

Да, так вот оно что: даже на кладбище ни единая душа не знает и знать не желает
о какой-то Богине Разума, некогда коронованной вот в этом самом Париже, под
древними сводами собора Парижской Богоматери. Но мало того: что же это такое
перед моими глазами?

Перед моими глазами было старое и довольно невзрачное дерево. А под деревом –
квадрат ржавой решётки. А в квадрате – камень на совсем плоской и даже слегка
осевшей земле, а на камне – две самых простых каменных колонки в аршин высоты,
покосившихся, изъеденных временем, дождем и лишаями. Когда-то их «украшали»
урны. Теперь колонки лишены даже этих украшений: одна урна совсем куда-то
исчезла, другая валяется на земле. И на одной колонке надпись: «Памяти Фанни»,
на другой – «Памяти Терезы Анжелики Обри».

– Est-ce bien vous?

Неужели это правда, что это именно она, она самая, мадемуазель Тереза Анжелика
Обри, лежит в земле в двух шагах от меня?

Там ещё есть гнилые, смешавшиеся с землей остатки гроба, правильно лежащие
кости, зубастый череп... Это она? Конечно, она. А с другой стороны – конечно, не
она... Мудрый разум, помоги, – я всегда в подобных случаях совершенно теряюсь и
путаюсь!

Но разум не помогал.

IX

Бесспорно, судьба Обри была удивительна. Но удивительна больше всего в силу
необыкновенных несчастий. В общем, она была истинно ужасна. И Обри, при всей
независимости своей натуры, не могла не понимать этого даже в те дни, которые,
казалось бы, должны были быть её лучшими днями.

Революция совпала с апогеем её красоты и молодости. И, казалось бы, что ж ей,
молоденькой фигурантке, да ещё дочери ремесленника, революция? Только радость! А
потом – «vous etes deesse, deesse de la Liberte!». И жалованья прибавили, да ещё
сразу вдвое... Но нет, слишком хороша она была по натуре для всех этих радостей.

На её глазах началась и целые годы длилась страшная гибель всей той жизни, среди
которой она родилась, росла, мечтала о сцене и которая, конечно, только
восхищала её своим блеском. Разрушает «старую жизнь» во время революций не
презрение народа к ней, а как раз наоборот – острая зависть к ней, жажда её. А у
Обри даже и зависти не было. Ей нужны были, судя по её характеру, только
рукоплескания (причём рукоплескания маркиза она, вероятно, всё-таки предпочитала
рукоплесканиям трубочиста). И не могла она не чувствовать, не видеть, что такое
есть то царство Братства и Равенства, в которое она попала, то «жертвоприношение
Свободе», – «l'offrandea la Liberte», – которое приказано было ежедневно

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
разыгрывать в Опере и которое тоже, ежедневно разыгрывалось на улицах, в подвалах тюрем и на площадях с гильотинами. А Бог, церковь? Может быть, она была равнодушна к религии. Но всё-таки не могло не потрясать её и всё то, что делалось в те дни и с религией, вся эта вдруг начавшаяся по всей стране бешеная, зверская охота за священниками, грабёж и осквернение церквей и, как венец всего, упразднение Бога по комиссарским декретам и переименование в «Храм Разума» собора Парижской Богоматери, сперва даже было предназначенного к полному разрушению. Могла ли быть горда и счастлива в такие дни вот эта самая милая, кроткая Тереза Анжелика, чьи кости лежат в земле предо мною?

X

Но она не только испытала весь этот общий кошмар, в котором несколько лет жила при ней вся страна. Над нею – уже лично над нею – внезапно разразилось нечто ещё более ужасное: «tout un peuple la salueait du nom de l'immortelle», [22 – Народ приветствовал её, именуя бессмертной (фр.)] то есть, говоря проще, заставил её играть самую дикую и постыдную роль в кошунстве ещё более неслыханном, чем все прочие. Прости ей, Боже, разве виновата была она! Ведь её именно заставили, заставляла самая свирепая из тираний, тирания Свободы. Да она и сама не могла чувствовать себя виноватой. И всё же не сладко ей, вероятно, было. «Vous marchiez fiere, oui, vous etiez deesse de la Liberte...» О, пошлейшая из пошлостей! Конечно, в глубине души несчастной Терезы Анжелики была некоторая доля женской и профессиональной гордости. Конечно, порой голова её кружилась: ведь всё-таки она нынче, 10 ноября 1793 года, царица всего Парижа, первое лицо во всём этом небывалом и грандиозном, хотя и чудовищном торжестве, и играет роль, которую не играла никогда ни одна актриса в мире, и всё это благодаря своей красоте, тому, что она и впрямь есть истинный «chef-d'oeuvre de la Nature». Но вместе с тем какой неопишуемый ужас должен был туманом стоять весь день над полуголой, до костей продрогшей и вообще до потери чувств замученной заместительницей Божьей Матери!

Повторяю, – и до 10 ноября испытала она уже не мало, неизменно участвуя во всей той напыщенной пошлости, которая каждый день шла, по приказу насквозь изолгавшихся изуверов, на сцене Оперы. Она, говорю, уже хорошо знала, что это значит в действительной жизни, все эти «l'offrande a la Liberte» и «Toute la Grece ou se que peut la Liberte». Революционные вожди, как и полагается им по революционным обычаям, развивали сумасшедшую деятельность, каждый Божий день поражали город какой-нибудь новой выходкой, так что в конце концов и восприимчивости не хватало на эти выходки, и самое неожиданное уже теряло характер неожиданности. И всё-таки торжество 10 ноября свалилось на Париж (а на Обри ещё более) истинно как жуткий снег на голову. «Pour activer le mouvement antipapiste», [23 – Чтобы усилить антипапистское движение (фр.)] Шомет в четверг седьмого ноября вдруг распорядился на воскресенье десятого о «всенародном» празднестве в честь Разума, о беспримерном кошунстве в стенах Парижского собора, а m-lle Обри было объявлено, что ей выпала на долю величайшая честь возглавить это кошунство. И приготовления к празднеству закипели с остервенением, и к воскресенью всё потребное, чтобы Бог и попы были посрамлены окончательно, было вполне готово. Всю ночь накануне лил как из ведра ледяной дождь. Утром он перестал, но грязь была непролазная и дул свирепый ветер. Тем не менее, с раннего утра загрохотали пушки, загремели барабаны, Париж стал высыпать на улицу...

XI

и было великое безобразие, а для Обри и великое мучение, даже телесное. С раннего утра она, вместе с прочими «Обожателями Свободы», то есть с кордебалетом и хором, была уже в холодном соборе, репетировала. Потом стали собираться «патриоты», прискакал озабоченный Шомет – и началось торжество. Потом – и все под стук пушек, пение, барабаны и шум толпы – четыре босяка, ухмыляясь, подняли на свои дюжие плечи Обри вместе с её тронem и понесли, в сопровождении хора и кордебалета, пробиваясь сквозь толпу, сперва на площадь, «к народу», а затем в Конвент. И опять – давка, говор, крики, смех, остроты, а ноги чавкают по грязи, попадают в лужи, ветер рвёт голубую мантию и красную шапочку посиневшей Богини, кордебалет тоже стучит зубами в своих вздувающихся от ветра белых рубашечках, забрызганных грязью, а сзади высоко качаются над толпой шесты, на которых надеты, для вящей потехи, золотое облачение и митра Парижского Архиепископа. А в

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
Конвенте – торжественный прием Богини всем «высоким собранием» во главе с президентом, который её приветствует «как новое божество человечества», «заклучает от имени всего французского народа в объятия», возводит на трибуну и сажает рядом с собою.. Тут бы, казалось, и конец. Но нет! Из Конвента Обри понесли, совершенно так же, как и принесли, назад, в собор! Вообразите себе хорошенько это новое путешествие и перечитайте затем стихотворное красноречие Беранже..

XII

Прошла революция, снова наступила Империя и снова Обри заставляла разом подниматься все бинокли и лорнеты при своём появлении на сцене. Звезда её стояла высоко, время, молодость, успехи сделали прошлое далеким сном. Но вот однажды, в один из самых блестящих вечеров, в присутствии самой Императрицы и её Двора, во время апофеоза, которым оканчивалось «Возвращение Улисса», в тот момент, когда Минерву–Обри медленно спускали с облаков на землю, «Слава» – я употребляю театральный термин того времени – «Слава», на которой восседала она, внезапно сорвалась и обрушилась.. Когда-то Обри уступила однажды потребности любить, быть матерью – и стала ею. Теперь, после того, как её, окровавленную и изувеченную, принесли в уборную и привели в чувство, первое, что слетело с её губ, был крик: «Ради Бога, не пускайте ко мне Фанни, это испугает её!» А затем она тотчас стала умолять сказать ей правду: будет ли она в состоянии снова играть, если останется жива?

Нет, играть ей больше не пришлось. Всеми вскоре забытая, калека, обеспеченная только скудной пенсией, она повела грустную и однообразную жизнь в бедной и маленькой квартирке, с болезненной, медленно умирающей Фанни на руках, и жизнь эта, к несчастью, длилась ещё много лет. Уличные певцы пели под её окнами:

Je vous revois, et le temps rapide
Te fait ces yeux ou riaient les amours...
Resignez-vous: char, autel, fleurs, jeunesse,
Gloire, vertu, grandeur, espoir, fierte,
Tout a peri: vous n'etes pas deesse,
  Deesse de la Liberte...[24 – я вновь увидел тебя, но

быстротечное время погасило глаза, в которых некогда сияла любовь... Смирись: колесница и жертвенник, цисты и юность, слава, доблесть, величие, надежда, гордость – всё погибло: ты уже не богиня, Богиня Свободы! (фр.)]

Но знала ли она, что всё это относится к ней? Нет, она даже этого не знала. Она знала только одно, знала и без Беранже: да, да, всё прошло, всё погибло, осталось действительно одно – покоряться судьбе да употреблять остаток сил на заботы о Фанни, на то, чтобы хоть как-нибудь обеспечить её после своей смерти. Она всячески хлопотала об устройстве судьбы Фанни, писала завещание, прося добрых людей о ней да ещё о своих похоронах, – о том, чтобы всё было «прилично» и «чтобы поставили памятник на её могиле». И Бог дал ей под конец хотя и одно, но великое утешение: всё-таки Фанни пережила её, – Фанни успокоилась вот в этой самой могиле, что передо мною, через полтора месяца после её смерти..

А может быть, ей бы отраднее знать, умирая, что через полтора месяца она снова будет рядом – и уже навеки – со своею Фанни? Может быть, может быть... Что мы знаем? Что мы знаем, что мы понимаем, что мы можем!

XIII

Одно хорошо: от жизни человечества, от веков, поколений остаётся на земле только высокое, доброе и прекрасное, только это. Всё злое, подлое и низкое, глупое в конце концов не оставляет следа: его нет, не видно. А что осталось, что есть? Лучшие страницы лучших книг, предание о чести, о совести, о самопожертвовании, о благородных подвигах, чудесные песни и статуи, великие и святые могилы, греческие храмы, готические соборы, их райски-дивные цветные стёкла, органные громы и жалобы. «Dies irae» и «Смертью смерть поправ»... Остался, есть и вовеки пребудет Тот, кто, со креста любви и страдания, простирает своим убийцам объятия, осталась Она, Единая, Богиня богинь, Её же благословенному царствию не будет конца.

Город Царя Царей: #comm042

Вот старая, старая карта земного шара. Опять гляжу на нее, – в который раз в жизни и все еще жадно! – опять блуждаю глазами по великой пустоте Индийского океана, вижу черту экватора, останавливаюсь на том заветном месте немного выше его, где удлинненной каплей падает от треугольника Индостана, как бы от острия древесного листа, Цейлон, священный Львиный остров, и опять вспоминаю: город Царя Царей, Анарадхапура...

Что такое Анарадхапура? Кто знает или хотя бы слышал о ней? А меж тем Анарадхапура, величайшая святость буддийского мира, древнейшая столица Цейлона, Анарадхапура, ныне заросшая джунглями, превратившаяся в одно из самых глухих цейлонских селений и поражающая пилигрима только чудовищными останками былой славы, насчитывает более двух с половиной тысяч лет своего существования, из которых целых две тысячи она процветала на диво всему древнему Востоку, по размерам почти равняясь современному нам Парижу, золотом и мрамором зданий не уступая Риму, а своими дагобами, воздвигнутыми для хранения священных буддийских реликвий, превосходя пирамиды Египта.

Создатель одарил Цейлон всем, что только есть на земле ценного и прекрасного. Создатель сделал его раем, местом сотворения человека, и отдал Адаму в полное владение лишь с одним запретом: не стремиться ни мечтой, ни зрением за пределы рая. Но, искушаемый жаждой далекого и неведомого, жаждой «знать и иметь», с восторгом и корыстью созерцал Адам в час утренний, с высочайшей горы рая, царства и моря, в солнечно-голубых туманах лежавшие окрест, – и преступил запрет, ушел с Евой в Индию, мостом нагромоздив ряд скал в проливе между Индией и райским островом. Авель, не пожелавший противиться божьему запрету, остался в раю. Каин последовал за родителями. Но всюду и непрестанно томила его тоска по оставленному раю, и вот, постранствовав в мире, возвратился он в рай и убил Авеля, дабы владеть раем «нераздельно и вечно».

То, что известно нам о Цейлоне, по существу сходно с этим цейлонским сказанием. Соединенный с Индией так называемым Мостом Адама, цепью рифов и скал, действительно был некогда Цейлон частью нашей прародины. И необыкновенно многообразно его географическое строение и неисчислимы природные сокровища. Горный хребет Цейлона, занимающий три четверти его поверхности и за много миль маячащий мореходу своим острым Адамовым Пиком, изобилует глубокими долинами и многоводными реками, тонет в первобытных лесах. Возвышенны, лесисты и восточные его берега, а полную противоположность им составляют берега западные, низменные, отягченные буйной растительностью влажных тропических мест, равно как и болотистые джунгли севера. Океан вокруг Цейлона цветет жемчугом, кораллами и населен, как в первые дни творения. В горных цейлонских недрах таятся великие залежи хрусталя и графита, в речных ложах – сказочные богатства драгоценных камней. Растительный же мир Цейлона, равного которому, в смысле обилия пород, нет на земле, мир, от века и непрестанно цветущий и благоухающий, служит приютом для несметных видов птиц, пресмыкающихся и для несметного множества всяких обезьян, летучих лисиц, кабанов, пантер, слонов, оленей...

История Цейлона темна. Все же на основании летописей, начатых в буддийских монастырях Анарадхапуры более двух тысяч лет тому назад, и по древним книгам Китая, Бирмы, Сиамы с достоверностью установлено, что и история человеческой жизни на Цейлоне весьма точно намечена в иносказаниях цейлонских мифов об Адаме и его несчастных чадах. Да, первым обладателем Цейлона был действительно человек первозданный, прашур того (крохотного теперь) племени, которое вымирает в горных лесах юго-восточного цейлонского побережья под именем лучников: современным знанием лучники признаны за древнейшую в мире расу, за потомков праобитателей земли. Я видел эти леса. Они доисторически глухи, имеют много общего с девственными лесами Австралии, дебри их серых стволов и узловатых сучьев покрыты кожистой темной листвой, опутаны непролазными тенетами лиан; англичане прорубают в этих дебрях многомильные просеки, пролагают шоссейные дороги, но пока только одни удавы переходят их своими волнистыми трубами. И вот эта-то от века заповедная глушь и дает убежище лучнику, прямому наследнику того, кто был цейлонским Авелем.

Я смотрю на карту: вот заповедная точка земного шара, где живет древнейший из нас. Помню ослепительный и в то же время прохладный (по причине высоты) полдень, я на гребне Цейлона, на Пидуруталагалле, и весь Цейлон подо мною. В необозримые дали расходится туманно-синеватая картина его горного хаоса, сплошь покрытого лесом, и великий простор океана объемлет горизонты вокруг, и вся душа моя охвачена опьянением какой-то восторженной гордости, вечно присущей высотам. Но обманчивы все человеческие гордыни! И великой грустью земной тщеты сменяется моя гордыня при виде тех горных лесов, что лежат подо мною: там тоже бьется человеческое сердце, а как жалок и страшен этот человек, это существо, потаеннее всякого зверя скрывающееся от меня, своего единоутробного брата, в этих древесных притонах! Он и теперь еще не знает ни огня и никаких орудий, кроме лука да каменного топора. Он питается кореньями и плодами, лакомится ящерицами, дохлыми обезьянами. Религии у него нет, – он только смутно почитает (то есть боится) духа предков, и даже смерть его не освящается никаким обрядом. Нет у него и никаких основ права, нравственности и нет даже семьи, – разве его детеныши и его самка (чаще всего его родная сестра) составляют семью? А телом он черен, ростом карл, хотя сложен прекрасно и ловок необыкновенно, череп имеет самый маленький в мире, волосы буйные, уши торчащие и подвижные... Замечательней всего то, что цейлонский Авель никогда не смеется: этого человеческого дара он лишен совершенно.

А Каином был на Цейлоне пришелец из Индии. Индией, согласно буддийским летописям, владели сурии, арийцы. Они были будто бы очень мирны, эти «дети Солнца», но вот родился среди них вождь, великий царь, родился чудесно («от женщины и льва») и уже с юности приобрел славное имя: Жестокий Виджая. Под его водительством сурии вторглись по Мосту Адама в царство Авеля, овладели раем и назвали его (в честь своего вождя) Львиным островом (Сингала), а своих побежденных противников, тех самых, что известны теперь под именем лучников, частью истребили, частью обратили в рабство, частью загнали в горы, в леса. И тогда наступила уже не райская, а чисто земная слава острова: целых две тысячи лет процветало новое арийское царство, царство сингальское. Весь мир дивился его могуществу, его трудам, всяческому строительству, обработке земель, осушению болот, созданию городов, дворцов и храмин, циклопических плотин, ограждающих поля от разливов, великих каналов, распределяющих водные орошения и величайших в мире священных пирамид. И целых две тысячи лет не было во всей Азии города, равного сингальской столице, воздвигнутой среди расчищенных джунглей на севере острова и возвеличенной пышным именем: город Царя Царей – Анарадхапура...

Помню, с каким странным чувством смотрел я с высоты Пидуруталагаллы в ту смутную синь северной дали, где в безграничных лесных дебрях, снова разросшихся теперь так же мощно и буйно, как во времена незапамятные, покоились забвенные останки Анарадхапуры.

Человеческая история есть прежде всего история человеческих кровопролитий. И летописи сингальского царства говорят о его непрестанных войнах с прочими «сынами женщины и льва», с теми, которые, следуя примеру первого завоевателя рая, непрестанно вторгались из Индии на Львиный остров уже для нападения на потомков Виджайи. И шли века, и без конца длилась борьба. Но царство сингальское неизменно одолевало и все ширилось и крепло. В пятом веке до рождества Христова оно достигло вершины своего материального могущества, а с третьего столица его становится оплотом новой веры, данной человечеству царевичем из рода Сакиа, и начинает прославляться как священный город. «Кроткое и мощное слово Того, чей голос прозвучал по всему миру, как серебряный колокол, подвешенный к небесному своду», уже дошло и до Львиного острова.

В третьем веке новая религия объявляется единой истиной с высоты самого престола. Царствует царь Тисса. В некий день он забавляется охотой в окрестностях Анарадхапуры и достигает горы Михинтале, поднимается в джунгли, покрывающие ее вершину. С луком наготове одолевает он цветущие заросли, как вдруг пестрой стрелой взвивается перед ним великолепный олень. Царь кидается за ним, но в этот же миг и столь же внезапно преграждает дорогу царю появившийся из-за тех же листьев, цветов и ветвей человек в легкой хламиде, ослепляющей среди зелени своим солнечным, желтым цветом. Он бос, с обнаженным правым плечом и с темным, худым, вдохновенным ликом.

– Царь, не разрушай жизни! – говорит он. – Сбрось с себя покрывало греха и невежества. Я Махинда, сын царя Асоки Великого, служителя правды, зову тебя на кроткую стезю Того, кто научил Нирване и Закону.

И царь Тисса попросил его сказать Колесо Закона и, выслушав, со смирением преклонился перед первым буддийским апостолом, посетившим Львиный остров.

Царь Тисса отдал гору Михинтале святым соратникам Махинды, «кроткой Братии Желтого облачения», стекавшейся к Махинде со всего острова: он построил на горе Михинтале и в окрестностях Анарадхапуры множество обителей для них, для их пребывания там в дождливое время года; он выделил лучший участок в столице для посадки ветви со священного дерева Бо, под которым Будда познал Истину, он посвятил весь остаток своей жизни на мысли и дела благочестия, на то, чтобы сделать Анарадхапуру как бы престольным городом самого Будды, и на всяческое украшение, достойное ее славы и святости. Наследники же его в течение целых веков продолжали его труды. И богаты были плоды этих трудов!

Царство сингальское, говорит фа-Сьян, китайский монах, живший в пятом веке после рождения Христова и стяжавший себе большую известность своими путешествиями по святым местам и описанием их, по справедливости гордится своей столицей. Анарадхапура есть великолепный город огромных размеров. Он занимает шестнадцать миль в ширину и столько же в длину. Главные улицы его суть: Песочная, Речная, Царская и Лунная, малых же – без числа. На каждой главной улице помещается десять тысяч больших и богатых домов в два и три этажа. Улицы эти усыпаны песком, – белым посередине, черным по бокам, – и украшены множеством триумфальных ворот в цветах и знаменах. И тысячи людей, лошадей, зебу, слонов, паланкинов запружают их с утра до вечера. А надо всей этой прекрасной картиной шумной человеческой жизни, над великим множеством домов и базаров, высятся золотые кровли и золотые острия монастырских дворцов, ступ и дагоб...

Почти то же самое и с таким же восхищением говорят об Анарадхапуре и другие древние записи. И, читая их, представляешь себе огромную низменную страну, многолюдную, райски богатую, возделанную до последней своей пяди, покрытую селениями, рощами, садами, изрезанную реками и каналами, и посреди нее – огромный и великолепный город, вокруг которого и над которым гигантски блещут золотом и белизной пирамидальные, куполообразные и колоколоподобные здания, более похожие на горы, чем на дела человеческих рук.

Благословенное дерево Бо, под которым, в рощах Урувелы, после долгих лет, проведенных в истязании тела и духа, в глубочайших думах, в поисках Истины, Будда был однажды озарен ею внезапно, точно молнией, росло в Индии, слишком далеко от Львиного острова, чтобы каждый живущий на нем хоть раз в жизни обрел высокое блаженство быть осененным его листвою. И вот, из Анарадхапуры было отправлено в Индию священное паломничество за ветвью этого дерева, и ветвь была доставлена на Львиный остров под попечением дочери царя Асоки, царевны Сангамиты, сестры Махинды, на особом корабле, и посажена на особом участке на окраине Анарадхапуры с таким торжеством, о котором верные говорили и писали впоследствии целые века. Затем было начато возведение дагобы Тхупарамы и Бронзового дворца (то есть той обители, развалины которой и донныне стоят в ближайшем соседстве с двухтысячелетним отпрыском Священного дерева), и состоялось перенесение из Индии другой величайшей святыни – ключицы Будды...

Теперь Анарадхапура – маленькое и глухое лесное селение, через которое пролегает единственная улица, вернее, дорога под вековыми деревьями, еще сохранившая древнее название: Священная улица. На этой-то дороге, более двух тысяч лет попираемой стопами пилигримов, и стоит с одной стороны Мага-Вихара, в ограде которой растет дерево Бо, и Лога-Пазада, то есть Бронзовый дворец, с другой.

Мага-Вихара есть место, окруженное низкой каменной стеной. У ворот ее в полной неприкосновенности лежит двухтысячелетний гранит, Луна-Камень. За воротами стоят две громады – два Будды, а посередине двора уступами высятся несколько земляных насыпей, лежащих друг на друге, – несколько квадратов, из которых каждый менее предыдущего, ибо уже несколько раз со времени благочестивой сестры Махинды достигало дерево такой величины и ветхости, что нужно было, ради сохранения его от гибели, заключать его в земляную насыпь, оставляя на свободе только его ветвистую вершину. И три уступа широкой каменной лестницы ведут теперь под сень благословенного дерева, так широко раскинувшегося на верхней площадке, что в ветвях его свободно поднимается великолепная пальмира, по которой вверх и вниз носятся маленькие, игривые обезьянки.

В Бронзовом дворце было некогда девятьсот келий и обитало девятьсот иноков.

Девять этажей его покоилось на тысяче шестистах гранитных колоннах, высота которых постепенно, по мере приближения к середине Дворца, все увеличивалась, меж тем как размеры каждого этажа уменьшались по мере возвышения, так что Дворец имел форму пирамидальную, «блистал же своей медной кровлей, как небесная обитель».

Самодержавный государь Ланни, говорится в одной священной летописи пятого века нашей эры, назначил великое богатство денег, одежды и сосудов с сахаром, маслом и медом на постройку Бронзового Дворца, не желая обременять тех, которые строили Дворец, трудом безвозмездным. Дворец был окружен стеной, покрытой бронзовыми бляхами, что и дало Дворцу его название – Лога-Пазада, Бронзовая Обитель. Все келии Дворца были украшены с чрезвычайным великолепием: стены их блистали инкрустацией из драгоценных камней, образующих цветы; вдоль стен стояли сидения из резного дерева; на полу лежали чудесные ковры. В середине же Дворца была большая зала, вся золоченая, местами унизанная жемчугом и прочими самоцветами, потолок который держали колонны с изображением различных божеств и животных. И трон, который стоял в этой зале, был из слоновой кости, и на его возглавии сияли: золотое солнце, серебряная луна и перловые звезды. Возле трона лежало опахало слоновой кости – знак великого жреца, и был раскрыт зонтик белого шелка – знак царской власти. Сосуды же, где мыли руки и ноги, и ложка, употреблявшаяся в кухне при варке риса, – все было золотое... Теперь от этого великолепия осталась только каменная голая чаща в тысячу шестьсот столбов.

Прочие руины разбросаны в рощах и джунглях вокруг Анарадхапуры. Это останки Упозад – святилищ, где жрецы читали два раза в месяц собранию верующих веления Будды и принимали общую исповедь, затем пруды, заросшие лотосами, полные черепах и крокодилов, водоемы для омовения, каменные корыта и саркофаги неизвестного назначения, полукруглые Луны-Камни с изображениями на них слона, лошади, буйвола, льва, лотоса и гуся, затем многочисленные белоснежные колокола ступ и, наконец, дагобы.

Царь Тисса подарил монахам землю в рощах за городом и золотым плугом, который влекли два белых царских слона, собственноручно провел границы ее. Место это называлось Роща Магамега, и в ней-то царь и воздвиг из священного доломита (белого известняка, употреблявшегося лишь для храмов и царских дворцов) первую из цейлонских дагоб – Дхупараму, древнейший памятник всей Индии, святая святых Цейлона, где хранилась ключица Будды. Поднимаясь в небесную высоту, она еще донныне сверкает своей снежной белизной и окружена тремя рядами орнаментированных колонн, многие капители которых валяются на земле и заросли кустарником и травами.

При Тиссе построена была и Иссурумунья-дагоба, а несколько позднее – дагоба Руанвели. Теперь она превратилась в совершенную руину: издали видишь только гигантский холм, покрытый чащей кустарников, а приблизясь – гигантскую грудку кирпича, насквозь проросшую травами и деревьями.

И все эти дагобы превосходят своими страшными размерами дагоба Абхапари, соперничавшая с пирамидой Хеопса. Теперь от ее высоты осталась половина, и большого труда стоит взойти на нее по ее разрушенным ступеням. Но какой дивный, необъятный вид открывается с ее вершины на океан окрестных джунглей, болот, рек и островами подымающиеся среди них скалистые возвышенности! Невдалеке от нее уже две тысячи лет сидит в лесу и улыбается грустно-насмешливой улыбкой огромная черная статуя Будды, по плечам которой то и дело цветистой молнией мелькают хамелеоны. А если взять двуколку, запряженную бычком, то через час доберешься до джунглей, где бурыми могильными холмами стоят муравейные кучи и перебегают дорогу шакалы, олени и кабаны, а потом доедешь до подножия Михинтале с высеченными на ней двумя тысячами ступеней. На темени этих скал – могильный храм Махинды, осененный кокосовыми пальмами. На пальмах сидят сиворонки, обезьяны. На жертвенных столах перед храмом лежат ящерицы. Скалы окрест одиноко возносятся из древесного моря низменности. И великая тишина почиет над мертвой священной страной.

1924

Святитель

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
Двести лет тому назад, в некий зимний день, святитель, имевший пребывание в некоем древнем монастыре, чувствовал себя особенно слабым и умилненным.

Вечером в его покое, перед многочисленными и прекрасными образами, горели лампы, а тепло изразцовой каменки и попоны, покрывавшие пол, давали сладостный уют. И святитель, сидя и греясь на лежанке, тихо позвонил в колокольчик.

Неслышно вошел и тихо поклонился служка.

– Милый брат, позови ко мне певчих, – сказал святитель. – Бог простит мне, недостойному, что я тревожу их в неурочный час.

И вскоре покой святителя наполнился молодыми черноризцами, которые вошли в одних шерстяных чулках, – разулись, прежде чем войти.

И святитель сказал в ответ на их земном метание:

– Милые братья, хотелось бы мне послушать мои юношеские песнопения во славу пречистого Рождества господа нашего Иисуса Христа, Красоты нашей неизреченной.

И они стали вполголоса петь те песнопения, что святитель созидал в своей ранней молодости.

И он слушал, часто плача и закрывая глаза рукой.

Когда же получили они отпуск и, поклоняясь, стали выходить один за другим, святитель задержал одного из них, любимейшего, и повел с ним долгую неспешную беседу.

Он рассказал ему всю свою жизнь.

Он говорил о своем детстве, отрочестве, о трудах и мечтах своей юности, о своих первых, сладчайших молитвенных восторгах.

Прощаясь же с ним вблизи полуночи, поцеловал его с лихорадочно-сияющим взглядом и поклонился ему в нот.

И это была последняя земная ночь святителя: на рассвете обрели его почившим, – с двоерогим жезлом в руке стоял он на коленях перед божницею, закинув назад свой тонкий и бледный лик, уже хладный и безгласный.

Так и пишется он на одном древнем образе. И был этот образ самым заветным у одного святого, нам почти современного, – простого тамбовского мужика. И, молясь перед ним, так обращался он к великому и славному святителю:

– Митюшка, милый!

Только один господь ведает меру неизреченной красоты русской души.

7 мая 1924

Именины

Вместе с громадной пыльно-черной тучей, заходящей из-за сада, из-за вековых берез и серых итальянских тополей, все более жгучим становится ослепительный солнечный свет, его сухой степной жар – и все более немеет усадьба, все мельче и серебристее струится листва на тополях.

Черный ад обступает радостный солнечный мир усадьбы.

В усадьбе преизбыток довольства, счастья.

Дом полон гостей, соседей, родственников, своих и чужих слуг, – в доме именины.

Идет обед, долгий, необычный, с пирожками, с янтарным бульоном, с маринадами к жареным индейкам, с густыми наливками, с пломбиром, с шампанским в узких

И я тоже в усадьбе, в доме, за обедом, но вместе с тем, я весь этот день, усадьбу, гостей и даже себя самого только вижу: чувствую себя вне всего, вне жизни.

Я мальчик, ребенок, нарядный и счастливый наследник всего этого мира, и мне тоже празднично, – особенно от этих дедовских бокалов, полных горько-сладкого тонко-колючего вина, – но вместе с тем и несказанно тяжело, так тяжело, точно вся вселенная на краю гибели, смерти.

Отчего?

От этой страшной тучи, адом обступающей мир, от этой растущей тишины?

А, нет! Оттого, что, оказывается, не я один вне всего, вне жизни: все, окружающие меня, тоже вне ее, хотя они и двигаются, пьют, едят, говорят, смеются.

И еще оттого, что я чувствую страшную давность, древность всего того, что я вижу, в чем я участвую в этот роковой, ни на что не похожий (и настоящий, и имеете с тем такой давний) именинный день, в этой столь мне родном – то же время столь далекой и сказочной стране.

И в душе моей растет такая скорбь, что я наконец разрываю этот сон...

Глубокая зимняя ночь, Париж.

9 мая, 1924

Скарабей: #сонт045

Вижу себя в Каире, в Булакском музее.

Когда входил во двор, пара буйволов медленно влекла к подъезду длинные дроги, на которых высился громадный саркофаг. Усмехнувшись, подумал:

– Еще один великий царь...

Разноцветные гранитные саркофаги, гробы из золотистого лакированного дерева загромождали вестибюль. Пряно, сухо и топко пахло – священный аромат мумий, как бы сама душа сказочной египетской древности. Но буднично и деловито перекликались, что-то спрашивали друг у друга, что-то кому-то громко приказывали быстро проходившие по звонким коридорам и сбегавшие с главной лестницы чиновники, принимавшие новую партию тысячелетних покойников.

А пройдя между гробами в вестибюле, я вступил в залы, блистающие мертвенной чистотой и полные других гробов. И здесь оно, это тонкое и сухое благовоние, древнее, священное! Долго ходил и опять долго смотрел на маленькие черные мощи Рамзеса Великого в его стеклянном ящике. Да, да, подумать только: вот я возле самого Великого Рамзеса, его подлинного тела, пусть иссохшего, почерневшего, превратившегося в одни кости, но все же его, его!

А рядом – скарабей Мариетта. Мариетт поместил в особой витрине, разложил в хронологическом порядке все собранные им царские скарабей, – триста чудесных жучков из ляпис-лазури и серпентина. На этих жучках писали имена усопших царей, их клали на грудь царских мумий, как символ рождающейся из земли и вечно возрождающейся, бессмертной жизни. Мариетт собрал их – и выставил на удивление всему человечеству:

– Вот вся история Египта, вся жизнь его за целых пять тысяч лет.

Да, пять тысяч лет жизни и славы, а в итоге – игрушечная коллекция камешков! И камешки эти – символ вечной жизни, символ воскресения! Горько усмехаться или радоваться?

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
Все-таки радоваться. Все-таки быть в том веке неистребимом и самом дивном, что до сих пор кровно связывает мое сердце с сердцем, остывшим несколько тысячелетий тому назад, с сердцем, на коем тысячелетия покоился этот воистину божественный кусочек ляпис-лазури, – с человеческим сердцем, которое в те легендарные дни так же твердо, как и в наши, отказывалось верить в смерть, а верило только в жизнь. Все пройдет – не пройдет только эта вера!

<10 мая, 1924>

Музыка

Я взялся за дверную ручку, потянул ее к себе – и тотчас же заиграл оркестр. За раскрытым окном шли назад лунные поля – дом стал бегущим поездом. Я тянул то крепче, то слабее – и, необыкновенно легко согласуясь с моим желанием, то тише, то громче, то торжественно ширясь, то очаровательно замирая, звучала музыка, перед которой была ничто музыка всех Бетховенов в мире. Я уже понял, что это сон, мне было уже страшно от его необыкновенной жизненности, и я сделал отчаянное усилие очнуться и, очнувшись, сбросил ноги с кровати и зажег огонь, но тотчас же узнал, что все это опять дьявольская игра сна, что я лежу, что я в темноте и что нужно во что бы то ни стало освободиться от этого наваждения, в котором, несомненно, чувствовалась какая-то потусторонняя, чужая, хотя в то же время и моя сила, сила могущественная нечеловечески, потому что человеческое воображение обычной, дневной жизни, будь то воображение хоть всех Толстых и Шекспиров вместе, может все-таки только воображать, грезить, то есть все-таки мыслить, а не делать. Я же делал, именно делал, нечто совершенно непостижимое: я делал музыку, бегущий поезд, комнату, в которой я будто бы очнулся и будто бы зажег огонь, я творил их так же легко, так же дивно и с такой же вещественностью, как может творить только бог, и видел творимое мною ничуть не менее ясно и ощутительно, чем вижу я сейчас, наяву, при свете дня, вот этот стол, на котором я пишу, вот эту чернильницу, в которую я только что обмакнул перо...

Что же это такое? Кто творил? Я, вот сейчас пишущий эти строки, думающий и сознающий себя? Или же кто-то, сущий во мне помимо меня, тайный даже для меня самого и несказанно более могущественный по сравнению со мною, себя в этой обыденной жизни сознающим? И что вещественно и что невещественно?

25 мая. 1924

Слепой: #com047

Если выйти на мол, встретишь, несмотря на яркое солнце, резкий ветер и увидишь далекие зимние вершины Альп, серебряные, страшные. Но в затишье, в этом белом городке, на набережной, – тепло, блеск, по-весеннему одетые люди, которые гуляют или сидят на скамьях под пальмами, щурясь из-под соломенных шляп на густую синеву моря и белую статую английского короля, в морской форме стоящего в пустоте светлого неба.

Он же сидит одиноко, спиной к заливу, и не видит, а только чувствует солнце, греющее его спину. Он с раскрытой головой, сед, старчески благообразен. Поза его напряженно неподвижная и, как у всех слепых, египетская: держится прямо, сдвинув колени, положив на них перевернутый картуз и большие загорелые руки, приподняв свое как бы изваянное лицо и слегка обратив его в сторону, – все время сторожа чутким слухом голоса и шуршащие шаги гуляющих. Все время он негромко, однообразно и слегка певуче говорит, горестно и смиренно напоминает нам о нашем долге быть добрыми и милосердными. И когда я приостанавливаюсь наконец и кладу в его картуз, перед его незрячим лицом, несколько сантимов, он, все так же незряче глядя в пространство, не меняя ни позы, ни выражения лица, на миг прерывает свою певучую и складную, заученную речь и говорит уже просто и сердечно:

– Merci, merci, mon bon frére! [25 – Спасибо, спасибо, добрый мой брат! (фр.)]

«Mon bon frére...» Да, да, все мы братья. Но только смерть или великие

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
скорби, великие несчастья напоминают нам об этом с подлинной и неотразимой убедительностью, лишая нас наших земных чинов, выводя нас из круга обыденной жизни. Как уверенно произносит он это: mon bon fr#233;re! У него нет и не может быть страха, что он сказал невпопад, назвавши братом не обычного прохожего, а короля или президента республики, знаменитого человека или миллиардера. И совсем, совсем не потому у него нет этого страха, что ему все простят по его слепоте, по его неведению. Нет, совсем не потому. Просто он теперь больше всех. Десница божия, коснувшаяся его, как бы лишила его имени, времени, пространства. Он теперь просто человек, которому все братья...

И прав он и в другом: все мы в сущности своей добры. Я иду, дышу, вижу, чувствую, – я несу в себе жизнь, ее полноту и радость. Что это значит? Это значит, что я воспринимаю, приемлю все, что окружает меня, что оно мило, приятно, родственно мне, вызывает во мне любовь. Так что жизнь есть, несомненно, любовь, доброта, и уменьшение любви, доброты есть всегда уменьшение жизни, есть уже смерть. И вот он, этот слепой, зовет меня, когда я прохожу: «Взгляни и на меня, почувствуй любовь и ко мне; тебе все родственно в этом мире в это прекрасное утро – значит, родствен и я; а раз родствен, ты не можешь быть безчувствен к моему одиночеству и моей беспомощности, ибо моя плоть, как и плоть всего мира, едина с твоей, ибо твое ощущение жизни есть ощущение любви, ибо всякое страдание есть наше общее страдание, нарушающее нашу общую радость жизни, то есть ощущение друг друга и всего сущего!»

Не пекитесь о равенстве в обыденности, в ее зависти, ненависти, злом состязании.

Там равенства не может быть, никогда не было и не будет.

25 мая 1924

Мухи

Прокофий лежит на нарах под полатами уже третий год: высохли ноги.

Деревня в завале, по косогорам над оврагами. Места глухие, богом забытые. Да еще рабочая пора. Окрестные поля, усеянные копнами, голы и желты, похожи на песчаную пустыню, а в деревне ни души, только старики и дети. Нагоняя дремоту, поют петухи. Скучно, как тоскующий немой, мычит на выгоне теленок. В тени от пунек дремлют, смахивая с ушей мух, собаки. На порогах жарких изб попискивают, поклевывают цыплята. Тускло печет солнце, и с востока, из-за покатых полей, все собирается, синее и все ничем не разрешается молчаливая тучка.

И день за днем лежит он в этой тишине и скуке. Был я у него в прошлом году в эту же пору, был нынешней весной и вот опять заехал. Все то же: в избе полутемно, жарко, на столе хлебы, прикрытые рваным армяком; на этом армяке, на стеклах и по стенам кипят несметные мухи, – просто все черно от мух, – а он лежит на нарах, головой к боку печки, до пояса прикрытый старой пегой попоной, и, усмехаясь, курит трубку. Посасывает и усмехается. Под попоной – его неподвижные ноги. Они так противоестественно тонки, так неприятны и страшны даже через полосатые портки, что я поспешил отвести глаза, когда он откинул попону и показал мне их. А он еще пошутит:

– Посмотрите-ка, что делается! Не ноги, а коклюшки! Хоть кружево плети!

Я сижу возле нар на перевернутом ведре, кручу папироску и думаю о том, что вот через полчаса я уеду, а он опять останется в этой избе, опять будет лежать да смотреть на противоположную стену, на черные доски полатей, висящих над ним. Я ужасаюсь при одной мысли о таком существовании, а он лежит себе как ни в чем не бывало и даже более того – чувствует себя, видимо, прекрасно. Что это такое? Знаменитое русское терпение? Восточная покорность судьбе? Святость? Нет, все не то. Ничего святого в его лице нет – обыкновенное лицо мужика средних лет, поражающее только ясностью и бодростью глаз. И он усмехается и говорит:

– Верите ли, когда меня переносят на коник, чтобы, значит, тут перестлать, оправить, мне самому чудно глядеть на эти ноги, до того они маленькие, ребячьи. Главное дело, волочатся совсем как чужие...

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
Мне нестерпимо даже думать об этих ногах. А он сосет трубку и, отмахиваясь от мух, откидывая со лба длинные волосы, шутит и над волосами:

– Ишь оброс! Хоть в архиреи постригай!

Чтобы переменить разговор, я говорю:

– Ну и мух у вас, Прокофий!

Он оживленно подхватывает:

– Мух? Содом! Я их с утра до вечера мну, великие тысячи помял. Плюну на стену, они насыдут роем, а я их и мну. Палкой. Так сбоку меня и лежит.

И он шарит правой рукой по постели и показывает мне точно смолой вымазанную палку. В смоле и стена: вся в мушином тесте.

– Да что ж, – говорит он, – не будь их, что бы я мог делать? А тут весь день занят.

– Ну, а еще что ж ты делаешь?

– А что ж еще? Да ничего. Лежу, курю, думаю.

– О чем?

– Да, конечно, так, пустяки, о чем придется. Об хозяйству мало теперь стал думать. Придут с поля, начнут рассказывать, а я как-то без внимания. Нужды у нас, сами знаете, нету, ну и не думается. Думаю больше о прежнем, когда здоровый, молодой был.

– Ах, Прокофий, – говорю я, не выдержав, – все-таки как это ужасно то, что случилось с тобой!

Но он спокойно глядит мне в глаза и спокойно, не вынимая трубки изо рта, отвечает:

– Нет, барин, это только мнение. Это вам только так кажется по вашему здоровью. А захворали бы не хуже меня, что ж бы вы сделали? Лежали бы себе да лежали. Здоровому, понятно, думается утешить себя разными разностями, побогаче стать, перед людьми погордиться, а лег – и мухам рад. Вы вот норовите как бы что придумать, сочинить получше, а я как бы побольше мух помять. И все одна честь, одно удовольствие. И смерть то же самое. Кабы она уж правда была так страшна, никто и не умер бы, никогда бы господь такой муки не допустил. Нет, это только одно мнение...

Через полчаса я прощаюсь с ним, выхожу из избы и сажусь на лошадь со странным чувством какой-то глупой легкости ко всему окружающему. А может быть, и в самом деле все хорошо, все слава богу и довольствоваться, радоваться можно и впрямь очень малым? Как приятно, например, поставить ногу в стремя, нажать на него и, перекинув другую ногу через седло, почувствовать под собою его скользкую кожу и живое движение сильной молодой лошади! Тронув повод, я крупным шагом еду по выгону. Затихло в деревне еще больше. Даже петухи смолкли, и теленок лежит и дремлет, прикрыв свои крупные белые ресницы. Еду вдоль изб, мимо их жарко блестящих против предвечернего солнца окон, поворачиваю за угол крайней избы, поднимаюсь проселком на изволок, в степь... Вот уже потянуло навстречу сухим и сладким ветерком, и открывается впереди бесконечная равнина, далекие горизонты июльских полей, пустынная желтизна которых переходит в чуть видных далях в нечто прелестное, манящее, смутно-сиреневое...

Да, а Прокофий лежит, и у него свои радости. Когда я встал, покидая его, вероятно, еще на год, он просто и весело подал мне руку и пожал ее. И пожал совсем не по-прежнему, совсем не так, как бывало: не одними концами пальцев, бывших прежде не гибкими и корявыми, не с мужицкой неловкостью и несмелостью, а всей дланью, с приятной и дружеской силой и, главное, совсем как равный равному. И, кажется, это больше всего поразило меня, больше всего дало почувствовать, до чего он телесно и душевно переродился, до чего преобразили его эти годы, эти долгие дни одинокого лежания под полатями и сокровенные мысли, соединенные с

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
непрестанной забавой истребления мух, перешедшей уже в чисто охотничью страсть, почти в цель жизни: вот, мол, завтра, бог даст, проснусь, и опять пошла работа. Странная работа и странные мысли! Давит, мнет мушиные рои – и со спокойной таинственностью созидает в глубине своего существа какую-то страшную, а вместе с тем радостную мудрость... Мудрость ли это или же просто какой-то ясноокий идиотизм? Блаженство нищих духом или безразличие отчаяния?

Ничего не понимаю, еду и смотрю вдаль.

9 июня 1924

Сосед

Одна из вечерних прогулок...

Ясный апрельский закат, низкое чистое солнце, еще не набитый серый проселок, весенняя нагота полей, впереди еще голый зеленоватый лес. Еду на него, – куда глаза глядят, – спокойно и распущенно сидя в седле.

От перекрестка беру к лесу целиком, по широкой меже, по грани среди жнивья. Она вся зеленая, но еще по-весеннему мягкая, – чувствуется, как вдавливаются в нее копыто. А возле леса, на жнивье под опушкой, еще тянется длинный островок нечистого и затвердевшего снега. И ярко-голубые подснежники, – самый прелестный, самый милый в мире цветок, – пробиваются из коричневой, внизу гниющей, влажной, а сверху сухой листвы, густо покрывающей опушку. Листва шумно шуршит под копытами, когда я въезжаю в лес, и нет ничего радостнее этого напоминания о прошлой осени в соединении с чувством весны.

Шуршит и лесная дорога, – она тоже вся под листвой, – и далеко слышно это шуршание по лесу, еще сквозному, раскрытому, а все-таки уже не зимнему. Лес молчит, но это молчание не прежнее, а живое, ждущее. Солнце село, но вечер светлый, долгий. И Тамара чувствует всю эту весеннюю прелесть не меньше меня, – она идет особенно легко, подняв шею и глядя вперед, в далеко видную и еще просторную сероватую чащу стволов, кругами идущих нам навстречу, выглядывающих друг из-за друга. Внезапно, как кол, сваливалась со старой осины мохнатая совка, плавно метнулась и с размаху села на березовый пень, – просыпаясь, дернула ушастой головкой и уже зрячим оком глянула крутом: здравствуй, мол, лес, здравствуй, вечер, даже и я теперь не та, что прежде, готова к весне и любви! И как бы одобряя ее, на весь лес раскатился где-то близко торжествующим цоканием и треском соловей. А под старыми березами, сквозящими своей кружевной наготой на сероватом, но легком и глубоком вечернем небе, уже торчат тугие и острые глянцевиито темно-зеленые трубки ландышей.

Переезжая низы, смотрю вправо, вдоль оврага, густо заросшего грифельным безлиственным осинником, – там за лесом нежно, слабо разлился погожий закат. По дну оврага, среди темной чащи, среди подседа орешников, падает с уступа на уступ, журчит и холодно булькает еще не иссякший паводок. Самый вальдшнепный притон этот овраг! Потом, все так же шумно нарушая весеннюю тишину леса шуршанием копыт в листве, поднимаюсь по лесной дороге в гору, по глубоким гнилыстым колеям, промытым половодьем. Потом еду по широким полянам, где стоят, красуются, в отдалении друг от друга, вековые ветвистые дубы.

Широчайшая плотина лежит между двумя великолепными прудами, молчаливо отражающими в своих зеркалах эти дубы и вечернее небо. А за прудами начинается огромное пепелище Дубровки, – запущенные остатки бесконечного фруктового сада, разрушенных служб, от которых местами уцелели только груды кирпичей, заросших бурьяном, – и на половину вырубленная аллея сто-летних тополей ведет на обширный двор. Прежде каждого едущего по этой аллее издали встречал страшный, гремящий по всему окрестному лесу лай знаменитых дубровских овчарок. Теперь я еду среди мертвой тишины. На-право и налево – все яблони и яблони, старые, раскидистые, приземистые. Венера на светлом западе так великолепна, что на земле под яблонями от нее серебрится. И белеет впереди, на пустынном дворе, небольшой домик под тесовой крышей: это прежняя контора, в которой и живет теперь наследник Дубровки.

Двор перед конторой переходит прямо в поле, сливается с равниной, за которой

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
прозрачно алеет на горизонте луна. И хозяин стоит на крыльце, курит и исподлобья смотрит на нее. Приподняв картуз, я хочу повернуть в поле, по, завидев меня, он поднимает руку:

– halt![26 – Стойте! (нем.)] штраф за проезд через чужие владения! Стакан чаю!

Делать нечего, притворно улыбаясь, придерживаю Тамару, от чаю отказываюсь, но все-таки слезаю с седла, и Тамара идет по двору к водопойному корыту, а мы направляемся навстречу друг другу.

– Bonsoir, mon cher voisin, comment allez-vous? – говорит хозяин. – Une petite promenade?[27 – – Добрый вечер, дорогой сосед. Как поживаете? – Маленькая прогулка? (фр.)] Вот и я тоже, стою и люблюсь красотами природы, как Марий на развалинах Карфагена...

Ему лет тридцать, он очень худ, темен лицом, давно небрит, у него стоячие черно-агатовые глаза и страшно черная (коротко стриженная) голова под военным картузом без кокарды. Он в старых валенках, в рейтузах и в длинном сером пиджаке поверх грязной косоворотки. И он крепко жмет мне руку и ведет меня в дом, говоря, что самовар все равно готов и что он сейчас прикажет дать корму Тамаре.

– А вы хоть папиросу выкурите, – говорит он, – я, откровенно сказать, погибаю от скуки... Je ne sais pas comment je me ne suis pas mort encore[28 – – Не знаю, как я еще не умер (фр.)] среди этой пастушеской идиллии...

Темные сени отделяют бывшую контору от кухни. Дверь кухни открыта, и видно, что кухня полна дыма. Барышня лет пятнадцати, с двумя светлыми жидкими косами на спине, в легком ситцевом халатике и стоптанных мужских туфлях, надевает трубу на самовар, из которого и валит этот дым, необыкновенно густыми палевыми клубами.

– Vite, vite, Berthe![29 – живо, живо, Берта! (фр.)] – кричит хозяин и вводит меня в комнаты, без умолку продолжая говорить:

– C'est la fille de femme...[30 – Это дочь моей жены... Царица Небесная! (фр.)] то есть бывшей, конечно... Вы у меня тысячу лет не были, но, разумеется, всю эту историю от досужих соседок уже слышали... Эту девицу моя благоверная прикинула мне в наследство... Dame! Я ничуть не в претензии, – прекрасной компенсацией служит то, что мудрый немецкий Бог надоумил-таки ее наконец сбежать от меня. Вы ведь знаете, более нелепой женитьбы, чем моя, сам Мефистофель, не мог бы придумать... Черт знает, где, – в каком-то Ревеле, – черт знает почему... Vraï, je ne sais pas comment cela m'est arrive...[31 – Право, не знаю, как это со мной случилось... (фр.)] Попал в цирк, увидел рыжую наездницу, – и, заметьте, далеко не первой молодости, – и через неделю женат... Глупо до восхищения, до крайнего предела...

Комнат всего две, – «salon» и «chambre a coucher»[32 – гостиная; спальня (фр.)], как иронически говорит хозяин, вводя меня и извиняясь за их «лирический беспорядок». «Салон» разделен деревянной перегородкой, за которой живет барышня. В спальне большая, не по комнате, кровать красного дерева, покрытая мещанским одеялом из разноцветных лоскутков, на одеяле валяется балалайка. В салоне стопудовый кожаный диван, из которого торчат клоки мочалы и горбами выпирают пружины, в простенке дивное овальное зеркало, а под зеркалом – грузный письменный стол, на зеленом сукне которого стоит недопитый стакан молока и лежат огрызки серых лепешек, счеты, махорка в надорванном пакетике и ржавая конская подкова. В комнатах сумерки, – окна их глядят на восток, в поле. Входим, садимся, – хозяин в кресло возле стола, а я на диван, – и принимаемся вертеть папиросы. Выдумывать разговора не надо, – хозяин ни на минуту не прекращает своей отрывистой скороговорки:

– Не хотите ли свернуть из моего антрацита? Впрочем, не неволю, это, знаете, действительно на любителя! C'est affereux[33 – Это ужасно (фр.)], но что же делать? А я, как видите, во всей усадьбе соло. Распустил кабинет. Остался один работник, – анекдотический болван! Вообразил себя моим закадычным другом и по сему случаю пьянствует без просыпу. Вот и сейчас дрыхнет и угадайте, где? Вот за этой перегородкой! Терплю, – времена демократические! А все-таки и его придется прогнать. И вообще – ох, уж мне эти милые поселяне! Право, они только в оперетках хороши. Я с ними рос, я сам, можно сказать, на половину хам, полукровок, – ведь, как изволите знать, ma pauvre mere[34 – моя бедная мать (фр.)] была всего-навсего беглая дворовая девка, – но, позволь-те спросить, что

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
у меня с ними общего? Хозяйство? Но какое к черту хозяйство при таком бамбуковом положении? Кроме того, лично для меня это совершенно сто двадцать пять букв китайской грамоты! Вы скажете, зачем же я в таком случае сижу на этом Чертовом Острове, почему не продолжаю служить? Но как служить, не имея средств? Быть в полку парием? – Да, но позвольте! Про лошадь–то вашу мы совсем забыли! Надо приказать дать ей корму...

Я знаю, что корму нет, – есть только гнилая солома, которую Тамара все равно не станет есть, – и мне уже очень хочется уехать.

Я благодарю хозяина за радушие и прошу прощения, говорю что, к сожалению, должен сейчас проститься! что не стоит беспокоиться, что я дал слово быть к ужину дома. Но он не слушает, просит выкурить еще одну папиросу и, забыв о корме, опять пускается в беседу. И я опять курю и опять слушаю, как вдруг он снова тревожно вспоминает о Тамаре:

– Да нет, как хотите, а ей надо хоть клочок соломы бросить! Митька! Ты тут? – кричит он, оборачиваясь к перегородке.

Из-за перегородки слышен сонный, медлительный голос:

– Тут-та. Я ляжу.

– Вставай, поди убери лошадь, – гость приехал.

– Я пьян-най...

– Я тебе говорю вставай!

– Винца прежде да-ай...

– Каково ископаемое? – говорит хозяин с торжествующей усмешкой, и кричит в сени, в открытую дверь:

– Berthe, дай Митьке стакан водки! А вас, mon cher voisin[35 – мой дорогой сосед (фр.)] покорнейше прошу полюбоваться вот на это животное!

И он встает и широко открывает створчатые двери перегородки. Я заглядываю: за перегородкой светлее, там окошечко выходит на запад, и хорошо видно лежащего вниз лицом на железной кровати малого с белыми волосами, с большим мягким задом, в новой розовой смятой рубахе, подпоясанной почти под мышки зеленым поясом.

– Полюбуйтесь! – говорит хозяин. – Какого вам еще больше равенства?

А по салону, нагнув голову, не глядя на меня, быстро проходит к шкафчику барышня, очевидно, за водкой. Тогда я говорю хозяину уже совсем решительно:

– Нет, дорогой, оставьте его в покое. Я все равно должен сейчас ехать. Простите, пожалуйста, приеду, если позволите, в другой раз...

И хозяин наконец сдается:

– A}ons, bon![36 – Ну, хорошо! (фр.)] Не хочу разыгрывать демьянову уху! Но пройдемся хоть по саду. Скука в эти бесконечные вечера, повторяю, адова!

И мы выходим из дому, обходим его и идем по широкой дорожке между яблонями на тонкий свет позеленевшего заката и на низкую играющую розовым огнем Венеру. Хозяин разглядывает мой висок и усмехается:

– Однако мы с вами конкурируем в седине! Ну, да не беда, седые бобры дороже! Вот разве женский вопрос... Впрочем, тут Елен Прекрасных мало. Какая-нибудь идейная сельская учительница? Сбитые каблуки, потные от застенчивости руки... Вообще, не выношу провинциальных девиц! И фразы-то у них у всех трафаретные: Ну как вам нравится наш город? Видели наши достопримечательности? – Есть, впрочем, здесь одна в моем жанре – и, вообразите, кто – дочь станового! Ножка узенькая, прелестные сильные икры, в глазах этакое кашэ... Je lui plais, j'en suis certain... Je parie qu'elle tomberait volontiers dans mes bras[37 – я ей нравлюсь, и в этом уверен... Держу пари, что она бросилась бы в мои объятия (фр.)], если, конечно,

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
повести правильную осаду... C'est une affaire de huit jours...[38 – Это дело восьми дней (фр.)] Я вам покажу ее, если скоропостижно не сбегу в Петербург, заложив черту хотя бы душу. На меня нападает здесь форменный страх смерти, а ведь вы знаете, что у меня порок сердца, острая неврастения и прочая, прочая... В Петербурге, если и подохнешь внезапно, все легче. Я уже завещал похоронить меня непременно на Балтийском вокзале. Если бы вы знали, сколько воспоминаний связано у меня с этим вокзалом!

Темнеет. Венера переливается на горизонте за темной равниной уже пурпурным огнем. Слабо обозначаются тени под яблонями, – луна за домом уже светит, – и уже совсем свежо пахнет весенней землей. Вдали стонет пустошка, – стонет грустно, нежно и звонко, – хорошо ей в свежести и тишине апрельской ночи в этом старом фруктовом саду, выходящем прямо в поле! А хозяин говорит, говорит:

– Теперь единственная радость моей жизни – мой еще не законченный роман, начавшийся год тому назад в Царском Селе... Ах, если бы вы знали, что это за женщина! Она замужем за нашим полковым командиром... Такой милый старикан, прелесть! Недавно переведен в Литовский полк, в Нарву... Она мне часто говорит: «Ah! Si mon mari mourait! One j'aimerais passer avec toi toutc une nuite, m'endormir dans tes bras et me rcveiller le lendo-main sous tes baisors!»[39 – Ах! Если бы мой муж умер! как бы я хотела провести с тобой целую ночь, заснуть в твоих объятиях и проснуться на утро от твоих поцелуев! (фр.)] – Я знал еще ее отца, действительный статский советник, но не симпатичный, сухой человек! Мы с ней переписываемся! Достаточно одной телеграммы! – и она мгновенно будет тут. Но вы сами понимаете – могу ли я вызвать ее сюда, в эту хижину дяди Тома?

Мы возвращаемся во двор и медленно идем к Тамаре. Уже лунная ночь, уже луна поднялась над полем, и Тамара в ее свете стоит вдали черным силуэтом, а подушка седла, торчащего на Тамаре, блестит.

– Сколько она мне крови перепортила, ужас! – говорит хозяин с восторгом. – Но зато сколько блаженных минут! Отдалась безумно, дерзко. Однажды, понимаете, у них званный вечер, я приезжаю раньше всех, даже еще и мужа нет, она одна в пустой гостиной – и... Elle ne songeait meme pas qu'elle etait en toilette qui risquait de se froisser...[40 – Она даже не подумала о том, что она была в вечернем платье, которое могло измяться... (фр.)] Сразу, понимаете: «Je t'aime! Fais de moi ce que tu veux! Je me moque de tout!»[41 – Я тебя люблю! Делай со мной, что хочешь! Мне все равно! (фр.)] Вообще, черт знает что, зве-риная страсть! А потом, конечно, сцены: «Tu ne m'estirnes plus, je me suis donnee a toi trop spontanement»[42 – «Ты меня больше не уважаешь, я отдалась тебе не задумываясь» (фр.)] – и бешеная ревность, хватание за руки: «Tu es a moi, n'est-ce pas, n'est-ce pas?»[43 – Ты мой, не правда ли, не правда ли? (фр.)]

Тамара повернула голову при нашем приближении и тихонько, радостно заржала, – очень соскучилась. Я по-жал хозяину руку, сел и, обернувшись, помахал ему картузом. Он порывисто, поспешно затряс поднятой рукой. И Тамара сразу взяла полной рысью, прямо на луну, на светлое поле, четко дробя копытами в чистом и свежем воздухе...

Приморские Альпы. 13 июня, 1924

Лапти

Пятый день несло непроглядной вьюгой. В белом от снега и холодном хуторском доме стоял бледный сумрак и было большое горе: был тяжело болен ребенок. И в жару, в бреду он часто плакал и все просил дать ему какие-то красные лапти. И мать, не отходявшая от постели, где он лежал, тоже плакала горькими слезами, – от страха и от своей беспомощности. Что сделать, чем помочь? Муж в отъезде, лошади плохие, а до больницы, до доктора, тридцать верст, да и не поедет никакой доктор в такую страсть...

Стукнуло в прихожей, – Нефед принес соломы на топку, свалил ее на пол, отдуваясь, утираясь, дыша холодом и вьюжной свежестью, приотворил дверь, заглянул:

– Ну что, барыня, как? Не полегчало?

– Куда там, Нефедушка! Верно, и не выживет! Все какие-то красные лапти просят...

– Лапти? Что за лапти такие?

– А господь его знает. Бредит, весь огнем горит. – Мотнул шапкой, задумался. Шапка, борода, старый полушубок, разбитые валенки, – все в снегу, все обмерзло... И вдруг твердо:

– Значит, надо добывать. Значит, душа желает. Надо добывать.

– Как добывать?

– В Новоселки идти. В лавку. Покрасить фуксином нехитрое дело.

– Бог с тобой, до Новоселок шесть верст! Где ж в такой ужас дойти!

Еще подумал.

– Нет, пойду. Ничего, пойду. Доехать не доедешь, а пешком, может, ничего. Она будет мне в зад, пыль-то...

И, притворив дверь, ушел. А на кухне, ни слова не говоря, натянул зипун поверх полушубка, туго подпоясался старой подпояской, взял в руки кнут и вышел вон, пошел, утопая по сугробам, через двор, выбрался за ворота и потонул в белом, куда-то бешено несущемся степном море.

Пообедали, стало смеркаться, смеркось – Нефеда не было. Решили, что, значит, ночевать остался, если бог донес. Обыденкой в такую погоду не вернешься. Надо ждать завтра не раньше обеда. Но оттого, что его все-таки не было, ночь была еще страшнее. Весь дом гудел, ужасала одна мысль, что теперь там, в поле, в бездне снежного урагана и мрака. Сальная свеча пылала дрожащим хмурым пламенем. Мать поставила ее на пол, за отвал кровати. Ребенок лежал в тени, но стена казалась ему огненной и вся бежала причудливыми, несказанно великолепными и грозными видениями. А порой он как будто приходил в себя и тотчас же начинал горько и жалобно плакать, умоляя (и как будто вполне разумно) дать ему красные лапти:

– Мамочка, дай! Мамочка дорогая, ну что тебе стоит!

И мать кидалась на колени и била себя в грудь:

– Господи, помоги! Господи, защити!

И когда, наконец, рассвело, послышалось под окнами сквозь гул и грохот вьюги уже совсем явственно, совсем не так, как всю ночь мерещилось, что кто-то подъехал, что раздаются чьи-то глухие голоса, а затем торопливый зловещий стук в окно.

Это были новосельские мужики, привезшие мертвое тело, – белого, мерзлого, всего забитого снегом, навзничь лежавшего в розвальнях Нефеда. Мужики ехали из города, сами всю ночь плутали, а на рассвете свалились в какие-то луга, потонули вместе с лошадей в страшный снег и совсем было отчаялись, решили пропадать, как вдруг увидели торчащие из снега чьи-то ноги в валенках. Кинулись разгрести снег, подняли тело – оказывается, знакомый человек. – Тем только и спаслись – поняли, что, значит, эти луга хуторские, протасовские, и что на горе, в двух шагах, жилье...

За пазухой Нефеда лежали новенькие ребячьи лапти и пузырек с фуксином.

22 июня 1924

Слава

– Нет-с, сударь мой, русская слава вещь хитрая! До того хитрая, что об ней следовало бы целое исследование написать. Тут, по-моему, даже один из ключей ко всей русской истории. И вообще, вы меня простите, вы еще молодо-зелено. Вы лучше слушайте мое готовое. Я в свободное время очков не снимаю, сорок лет сохну над

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
книгами, да и жизненный опыт некоторый имею, с любым Ключевским могу кое в чем потягаться, – вы на то не глядите, что перед вами второсортный букинист. А уж про этих божьих людей и говорить нечего. Это даже моя специальность. Да вот вам несколько фигур из этой галереи, и фигур не каких-нибудь баснословных, незапамятных, а совершенно достоверных, современных мне.

– Вот вам, например, Мужик Борода. Был он воронежский. Много лет пребывал в сравнительной безвестности. Как вдруг счастливый случай. Пропадает в одно прекрасное утро у одного заштатного полковника ореховая шкатулка. Полиция рыщет, с ног сбивается – результату ни малейшего. Что делать? Кидаются в слободу, к знахарям – ими в слободах под Воронежем, под Орлом, под Курском, под Тамбовом хоть пруд пруди. Входят в один домик и застают целую ассамблею: стоит десятка два баб и со слезами умиления смотрят на угодника. А угодник кушает чай. Накрыт в красном углу стол, на столе кипит самовар, а за столом – благодушный мужик, подпоясанный детским розовым пояском, и с бородой во всю грудь: посматривает исподлобья ясными глазами и не отрываясь хлебает, да не из чашки, не из стакана, а прямо из полоскательницы. Допьет, вытрет рукавом пот с лысого лба, облизнется и опять шепотком приказывает:

– Наливай послаже!

До того, понимаете, упарился, что даже шепчет. И передняя баба, самая видная и красивая, опрометью кидается к столу, наливает полоскательницу с краями, наваливает сахару и опять назад: стоит, плачет и смотрит. А он опять дует, как телок.

– Что за человек?

– Божий человек, ваше благородие. Чай кушают, только и всего.

– Ты кто такой?

Отвечает, ничуть не робея:

– Я-то? Мужик Борода. Чай люблю.

– Можешь одну кражу разгадать?

Схлебывает и этакой скороговоркой:

– Гадаю, милый, только на тощее сердце. До завтра, до утречка повремени.

На другой день забирают его с раннего утра, ведут к полковнику, заставляют гадать.

– Нет, – говорит, – так не годится. Родители учили не так. Помолиться сперва надо. Молитесь. Все молитесь.

Все молятся: пристав, квартальный, городовые, полковник и вся его семья, все шесть дочерей. Даже бабушку и ту привели. Но после молитвы оказывается, что гадать Мужик Борода – не умеет. Выталкивают, натурально в шею, но что же вы думаете? Слава этой бороде начинает с тех пор расти не по дням, а по часам: за ним ходят уже толпами, осыпают деньгами и прочими даяниями, богатейшие купцы наперерыв зазывают его к себе с земными поклонами. И он милостиво заходит, садится на самое почетное место и – опивается чаем. Пьет и командует:

– Наливай послаже!

Вы не верите? Думаете, не может же быть, чтобы двадцать лет почитали, как икону, только за то, что может человек ведерный самовар охолостить? Ну, мол, пьет, да не в этом же все-таки дело. Вероятно, хоть изредка чем-нибудь себя иным проявляет. Ну, например, врет что-нибудь божественное, хоть из приличия дурачит. Да нет же, ничего подобного! Только пьет и стяжает славу!

– Но пойдем далее. Вот вам некий Федя, тоже воронежский. Прозвище несколько не благоуханное: Федя Золотарь. Но слава опять-таки громадная. Домик в слободе, двое взрослых детей, сын и дочь, которые весьма дельно торгуют лавочкой. А папаша уже лет пятнадцать ходит по улицам. Темное безбородое лицо, неморгающие

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
темные глаза и всегда молчит. То есть, вернее сказать, только поет: вы его останавливаете, спрашиваете, а он прет на вас, глядит в упор и дерет на ходу что-нибудь из Писания. Голос прямо ужасный. Да и сам ужасен: сальные волосы, босой, весь, конечно, в лохмотьях, на голове железный таган ножками вверх, – царская корона, Главное же занятие – в нечистотах рыться: как только ударят ко всенощной – он за город и до вечера роет там палкой по оврагам, где золотари по ночам городское добро выливают, Нароется до седьмого пота – и домой, ночевать. А еще что? А еще опять ничего! За что, спрашивается, его деньгами, булками и прочими дарами осыпают? За что руки ловят и целуют, да не только руки, а и палку вонючую? Не знаю-с, не знаю-с! Философствуйте сами – есть над чем...

– Затем вспоминаю-с Кирюшу Борисоглебского, Кирюшу Тульского, ксенофонта Окаянного... Кирюша Борисоглебский – мужик из большого торгового села под Борисоглебском. Морда свежая, румяная. Окромсал в один прекрасный день голову клоками, разулся, надел женскую юбку, взял в руку лом и отличился в город. Выбрал большой праздник, Троицу, – и прямо в собор, к обедне. Там, понятно, на переднем месте вся знать, все чины градские в полной парадной форме. Жара, духота, теснота невообразимые, солнце жарит прямо из купола, а березовая зелень на полу и по стенам вянет, покойником душит. И вдруг страшный коровий рев: врывается в церковь Кирюша и с коровьим ревом ломит сквозь толпу прямо к амвону. Естественно, полицейские его за шиворот и назад, но дело уже сделано – весь собор, а затем и весь город поражен и взволнован. А Кирюша как прикинулся на Троицу коровой, так и остался на целых три года. Целых три года ходил немым и ревел. Ревет, дует трубой иерихонской и разными жестами пророчествует. Посует пальцем в кулак – к свадьбе, сложит крестом ручки – к покойнику. А на четвертый год подсчитал однажды выручку, увидал, что капиталец составил уже кругленький, и восвояси. А там домик себе построил, палисадничек с мальвами завел, ну и прочее тому подобное. Обыкновенный мошенник? Разумеется. Ну, а слава-то? Ведь была же она? Была, равно, как и прочих двух, мною вкупе с этим Кирюшей упомянутых, то есть у Кирюши Тульского и у Ксенофонта. Кирюша Тульский был невеличек ростом и весьма благообразен, начитан в Писании и сладкопевен. На груди, на серенькой поддевочке, сумочка, а что в ней – «смертному лучше и не заглядывать, любезные сестры, вдовицы и мужатицы!» А Ксенофонт почему-то прозвал себя окаянным. Молодой малый, рябой, длинный, наряжен послушником. И все юродство его заключалось только в том, что шатался он по городу и пил у мещанок и купчих чай непременно с лампадным маслом. Опять скажете, простой жулик? Совершенно с вами и на этот раз согласен. У одного на груди таинственная сумочка, у другого лампадное масло, – только и всего. Однако в чем же секрет? Ужели только в сумочке и масле?

– Затем нарисую вам из числа подобных же, на парный взгляд тоже как будто весьма простых фигур, еще парочку: Феодосия Хамовнического и Петрушу Устюжского. Феодосию тоже однажды надоело быть обыкновенным дворником, и он тоже однажды разулся, возложил на себя вериги, то есть попросту собачьей цепью обмотался, прихватил в подручные некоего бродячего Петрушу и пошел пророчествовать. Вы опять подумаете – значит, все-таки хоть некоторый дар к тому имел? Но опять я вас разочарую: ничуть не бывало! Пророчествовал он крайне бездарно и, главное, вид имел самый не пророческий: обыкновенный лысый мужик лет сорока с превеселыми и нахальными глазами. А Петруша был и того ординарнее. Вид мелкотравчатый, умишко куриный, натура гаденькая и похотливая. Баб, дев иначе не называл, как вербочками, пеночками, канареечками, и прожорливостью отличался прямо противоестественною. И особенно на молочную лапшу и на арбузы. Завидев арбуз, весь трясся и кричал: «Искушение, искушение, великое искушение!» – затем облапливал его, ставил на колени и выгребал пятерней до донушка. Вы еще раз попытаетесь сказать, что плуты, мол, не в счет и что посеми и эти два угодника должны быть оставлены нами в покое. Но, во-первых, я же и хотел сказать, сколь много среди наших знаменитостей было и есть плутов и выроdkов, а во вторых, должен напомнить вам, что цель моя заключалась вовсе не в том, чтобы их обличать: я вел совсем к другому, к тому, что мы, русичи, исконные поклонники плутов и выроdkов и что эта наша истинно замечательная особенность, наша «бабская охота ко пророкам лживым» есть предмет, достойный величайшего внимания. А кроме того, никак не могу согласиться, что, например, Феодосии и Петруша только плуты. Нет-с, это в некоторых отношениях люди удивительные. Вы только представьте себе всю ту веселейшую небрежность, бесстыднейшую легкость, с которой совершал свое земное странствие вот этот самый Феодосии среди прочих русичей, коих он всех поголовно, раз и навсегда, счел совершеннейшими идиотами, счел, конечно, не умом, а, так сказать, всем естеством своим. Разве это не гениальность своего рода? Но гениален и Петруша. Здесь вы тоже должны

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
представить себе нечто совершенно из ряда вон выходящее в смысле цельности ходячей ненасытной утробы, ее зоологической устремленности исключительно к одной цели – к лапше, к арбузу, к канареечке, к лапушкам. Полагаю, что подобной первобытности, зоологичности вы нигде, кроме русичей, не встретите. И поверьте-с – толпу-то и поражала (конечно, для нес самой неведомо) именно страшная сила этой зоологической цельности...

– В том же роде был и знаменитый Иван Степанович Лихачев. Этот был много лет лихачом-извозчиком – оттого и прозвали Лихачевым, – стоял в Соболях, – знаете, конечно, что это такое было, – целый квартал бардаков, – а затем с козел слез и преобразился в бродячего наставника святой жизни. Надел подрясник, бархатную скуфеечку – и пошел. Пророчески лыс не хуже Феодосия и так же благодушен. Говорит с пошлейшим красноречием, читает самые избитые нотации, а сам, конечно, зорко посматривает, сколько именно пятаков сердобольная дура из платочка развязывает. Сюжет, по-моему, тоже на редкость интересный! Тут, как видите, тоже обрел человек, стоя целыми годами возле бардаков, некое замечательное воззрение на мир, на жизнь и на людей!

– Затем – Ванюша Кувырок. Почему Кувырок? А потому, что кувыркался, ходил больше всего колесом. Изумительно! Мог хоть пять, хоть десять верст пройти таким манером. А к этому прибавьте его лик: морщинистый мальчик лет сорока, с хитренькими глазками и с распущенными женскими волосами, впрочем, подрезанными, в силу того, что ходить колесом с длинными, конечно, неудобно. Знаменит был, между прочим, тем, что совершил паломничество в Киев с самой Матреной Макарьевной, богородицей всех московских юродиц, и притом паломничество не простое, а в некотором роде потрясающее: вообразите себе, что эта самая Матрена Макарьевна набрала в Киеве и повела за собой в Москву целых сто душ самых что ни на есть отборных по безобразию внешнему и внутреннему дур и дураков! Волосы на голове, сударь мой, зашевелились, как подумаешь, что это за орда шла со всяческим дреколием в руках и в подходящих ее сану одеяниях!

– И на этой картине позвольте пока и закончить. Думаю, что на первый раз довольно. Прибавлю еще только одного – Данилушку Коломенского. Этот вышел из семьи изуверски благочестивой, богатой и суровой, бил единственным сыном закоренелого раскольника, начетчика и фанатика, и стал юродом с раннего отрочества: запустил волосы, – заметьте эту удивительную черту, страсть к женским волосам! – скинул портки, надел женскую рубаху, – опять-таки женскую! – и стал обнаруживать свирепую жадность к деньгам, к игре в бабки и к пляске при виде покойников. Был он необыкновенно красив мрачной восточной красотой, и близорук до того, что его иначе и не звали, как слепая с..., играл же, однако, так, что вскоре прославился на весь уезд, равного себе в игре не знал: мог стать хоть за полверсты от кона и все-таки с одного маху срезать своей длинной рукой весь кон под гребенку. Играет, обыгрывает, – и богатеет. Бабки у него лежат уже целыми мешками и битки имеются такие, что за любой из них хороший игрок, знаток дела, готов был бы у попа в батраках три года служить. Играет, копит добро, торгует, меняет, а барыши где-то в землю закапывает; закапывает и то, что набирает на похоронах за свою пляску над покойниками. Довольно все странно, не правда ли? Дикая дылда, мрачный красавец с синими волосами по плечам, лето и зиму (даже в самые трескучие морозы) босой и в одной рубахе – и изо дня в день то играет, то бегает на похороны. Играет – как будто вполне нормален, только молчанием да видом отличается от прочих, а как только прослышит, что в слободе или в городе покойник – рысью в церковь, к отпеванию: врывается и до упаду бьется в буйнейшей пляске над гробом. Да что! Даже в Москву бегал, прослышав о смерти Семена Митрича, – осведомлены, вероятно, какова это среди юродов персона была? – и все затем, чтобы «отплясать его в царствие божие», а за пляску потуже набить кису подаяниями потрясенной толпы. Киса у него всегда на груди висела, и можете себе представить, как она гремела и звенела пятаками при его неистовом скакании и вихлянии!

– А в заключение – знаете, как он погиб? Был зверски растерзан своими согражданами за поджог церкви. Давно уже шло а слободе что-то странное: зачастили пожары, и совершенно неизвестно почему. Оказалось, что это Данилушка работал, что он новую страсть приобрел: поджигать. Отсюда и пошло: что ни ночь, то пожарище, и всегда на это пожарище первым является, несется в пляске Данилушка. Умирая, сам признался:

– Хотел всю Коломну пустить огнем по ветру, отплясать в царствие небесное...

Надписи: #comm052

Вечер был прекрасный, и мы опять сидели под греческим куполом беседки над обрывом, глядя на долину, на Рейн, на голубые дали к югу и низкое солнце на западе. Наша дама поднесла лорнет к глазам, посмотрела на колонны беседки – они, конечно, сверху донизу покрыты надписями туристов – и сказала своим обычным медлительно-презрительным тоном:

– Чувствительный немец свято чтит эти узаконенные путеводителями «места с прекрасным видом», *schöne Aussicht*. И считает неременным долгом расписаться: был и любовался фриц такой-то.

Старичок-сенатор тотчас же возразил:

– Но позвольте скромно заметить, что тут есть фамилии и французские, английские, и русские, и всякие иные прочие.

– Все равно, – сказала дама. – «Сию станцию проезжал Иванов седьмой». И совершенно справедливая резолюция следующего проезжего: «Хоть ты и седьмой, а дурак»!

Все мы засмеялись, и, вспоминая некоторые крымские и кавказские места, особенно излюбленные расписывающимися Ивановыми, все более или менее блеснули остроумием над путешествующим обывателем, а старичок пожал плечом и сказал:

– А я думаю, господа, что ваше остроумие над пошлостью этого обывателя гораздо пошлее, не говоря уже о вашем бессердечии и – о лицемерии, ибо кто же из вас тоже не расписывался в том или другом месте и в той или иной форме? Расписывается (и будет расписываться во веки веков) вовсе не один фриц или Иванов. Все человечество страдает этой слабостью. Вся земля покрыта нашими подписями, надписями и записями. Что такое литература, история? Вы думаете, что Гомером, Толстым, Нестором руководили не те же самые побуждения, что и седьмым Ивановым? Те же самые, уверяю вас.

– Ох, сколь вы привержены к парадоксам, вате высокопревосходительство, – сказала дама.

Но старичок продолжал:

– Говорят, что человек есть говорящее животное. Нет, вернее, человек есть животное пишущее. И количеству и разнообразию человеческих надписей – если уж говорить только о надписях – положительно нет числа. Одни вырезаны, выбиты, другие начертаны, нарисованы. Одни собственной рукой, другие рукой наследников, внуков, правнуков. Одни вчера, другие десять, сто лет тому назад или же века, тысячелетия. Они то длинны, то кратки, то горды, то скромны, даже чрезмерно скромны, то пышны, то просты, то загадочны, то как нельзя более точны, то без всяких дат, то с датами, говорящими не только о месяце и о годе того или иного события, но даже о числе, о часе; они то пошлы, то изумительны по силе, глубине, поэзии, выраженной иногда в какой-нибудь одной строке, которая во сто раз ценнее многих и многих так называемых великих произведений словесности. В конце же концов все эти несметные и столь друг на друга непохожие человеческие следы производят разительно одинаковое впечатление. Так что, если уж смеяться, то следует смеяться надо всеми. В Риме в таверне написано: «Здесь ели и пили в прошлом столетии писатель Гоголь и художник Иванов», – далеко не седьмой, как изволите знать. А не сохранилось ли надписи на подоконнике в Миргороде о том, что в позапрошлом столетии некто кушал однажды с отменным удовольствием дыню? Весьма возможно. И, по-моему, между этими двумя надписями нет ровно никакой разницы...

– Мне вот сейчас пришло в голову, – продолжал он, – где я на своем веку бывал и какие надписи видел? Оказывается, даже и счесть невозможно. Надписи перстнями на зеркалах в отдельных кабинетах ресторанов. Надписи клинописью. Надписи на колоколе в заштатном городе Чернаве, – имя, отчество и фамилия купца такой-то гильдии, создателя сего колокола. Гиероглифы на обелисках, на развалинах

Карнакских капищ. Надписи на триумфальных цезарских арках. Каракули карандашом на голубце возле одного святого колодца в непролазной глуши Керженских лесов: «Посетили грешный Ефим и Прасковья». Надписи сказочно-великолепной вязью в мечети Омара, в Айя-Софии, в Дамаске, в Каире. Тысячи имен и инициалов на старых деревьях и на скамейках в усадьбах и городах, в Орле и Кисловодске, в Царском Селе и в Ореанде, в Нескучном и в Версале, в Веймаре и Риме, в Дрездене и Палермо. Больше же всего, конечно, эпитафий. Где? Опять-таки даже счесть трудно. На деревянных и каменных крестах, на всяческих мавзолеях, на гранитных и сикоморовых саркофагах, на пеленах мумий, на медных досках, на железных плитах, на урнах и стелах, на драгоценных шалях, покрывающих гробы халифов, на скользких полах средневековых соборов и на столбиках из песчаника. Я глядел на эти надгробные паспорта в степях и пустынях, на Чернавском погосте и на Константинопольских Полях Смерти, на Волковом кладбище и под Дамаском, где среди песков стоят несметные рогатые бугорки из глины в виде седла, в Московском Донском монастыре и в Иосафатовой долине под Иерусалимом, в Петропавловском соборе и в катакомбах на Аппиевой дороге, на берегах Бретани и в сирийских криптах, над прахом Данте и над могилой дочурки Фени в Задонске. А, есть отчего впасть в парадоксальность, сударыня! Вы скажете, что вы говорили не о том. Вас, как и многих других, возмущают надписи вот вроде этих, то есть те, что вкривь и вкось покрывают развалины романтических замков и башен, внутренность вышки над куполом римского Петра, ворота на Байдарском перевале, верхушку пирамиды Хеопса, скалы в Дарьяльском ущелье и в Альпах, где они бьют в глаза издали, пишутся запашливыми путешественниками красной и белой краской? Вас приводит в негодование проявление пошлости, обывательщины, как говорят в подобных случаях, – дерзость мещанина, прикладывающего свою руку всюду, где он ни ступит?

– В негодование я не прихожу, – сказала дама, – но что надписи эти в достаточной мере противны, не скрываю. Вы, ваше высокопревосходительство, нынче в философском настроении и хотите высказать, очевидно, ту бесспорную истину, что все, мол, суета и что перед лицом господя бога совершенно равны и Данте, и какая-то Феня. Мол, река времени в своем теченье уносит все дела людей, то есть и Хеопса, фрица, и Иванова первого, и Иванова тысячу семьсот семьдесят седьмого. Вы эту Америку открыли? Да?

Но старичок только усмехнулся.

– Вы как нельзя более проницательны, мой старый друг, – ответил он. – За свою долгую жизнь я пришел к чудовищным выводам относительно человеческого ума и человеческой осведомленности насчет даже самых бесспорных истин и насчет возможности еще долго напоминать их без всякого риска. Кроме того, мне просто всегда очень нравились старые истины, с годами же я становлюсь прямо обожателем их, ибо ведь это только истерическим пороссятам из нынешних модернистов простительно думать, что мир лет десять тому назад стал совершенно неузнаваем по сравнению со всей предыдущей мировой историей. Было время, когда и я весьма немногим отличался от прочих. Прочие посягали на Иванова седьмого, а я смотрю, бывало, на клинопись и думаю: «Хоть ты и Вавилон построил и Сезостриса, как говорится, на голову разбил, а дурак!» Ну, а теперь я снисходительнее отношусь и к Навуходоносору и к Иванову.

– И даже с нежностью, – сказала дама.

– И даже с нежностью, – подтвердил старичок. – Только, знаете, я даже и в былые времена был порою ей подвержен. Вот хоть бы это: «Посетили грешные». Помню, прочитал – и расчувствовался ужасно. Ах, до чего хорошо! Казалось бы, зачем они расписались? И что мне в этой Прасковье, в этом Ефиме? А вот хорошо, и прежде всего как раз потому, что это не Карл Великий, а именно какой-то никому неведомый Ефим, оставивший для меня, ему тоже неведомого, как бы частицу своей души в один из ее самых заветных моментов. А эти изодранные перстнями, точно паутиной покрытые зеркала в кабацких кабинетах? Неужели они никогда не трогали вас? Ведь вы только подумайте: там, где-то в зале, играла музыка, а некто пьяный слушал, плакал, думал, что нет в мире несчастнее его судьбы, нет выше его чувств, и повторял, что его «лебединая песня пропета», разрывал себе душу сладкими воспоминаниями о том будто бы счастье, которое будто бы было «когда-то». Пошлость, цыганщина? Но разве важно, отчего именно счастлив или несчастлив человек? Все слезы одинаковы, все они капли одной и той же влаги! Да и не так уж отличен человек от человека, моя дорогая. Раз ты Иванов и я Иванов – в чем разница? В том, что ты седьмой, а я семнадцатый? Имя Иванова, написанное на могильном кресте, конечно, звучит иначе, чем тогда, когда оно написано на

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
садовой скамейке или в ресторане. А ведь, в сущности, все человеческие надписи суть эпитафии, поелику касаются момента уж прошедшего, частицы жизни уже умершей.

– Меня коммивояжеры, счастливы они или нет, все-таки не умиляют, Алексей Алексеевич, – сказала дама.

– А в иной час, – возразил старичок упрямо, – мне черт с ним, что он коммивояжер, раз этот «иной час» есть час его великой скорби или радости. Нет, надписи на зеркалах меня ужасно всегда трогали! Трогали и инициалы на скамейках и деревьях, вырезанные тоже по случаю того, что когда-то «была чудесная весна» и «хороша и бледна, как лилея, в той аллее стояла она...» Тут опять то же самое: не все ли равно, чьи имена, чьи инициалы, – Гете или Фрица, Огарева или Епиходова, Лизы из «Дворянского гнезда» или ее горничной? Тут главное все-таки в том, что была «до ланит восходящая кровь» и заветная скамья, что «шиповник алый цвел» (и, конечно, отцвел в свой срок), что блаженные часы проходят и что надо, необходимо (почему, один бог знает, но необходимо) хоть как-нибудь и хоть что-нибудь сохранить, то есть противопоставить смерти, отцветанию шиповника. Тут вечная, неустанная наша борьба с «рекой забвения». И что ж, разве эта борьба ничего не дает, разве она уже совсем бесплодна? Нет, тысячу раз нет! Ибо ведь в противном случае все пошло бы к черту – все искусства, вся поэзия, все летописи человечества. Зачем бы все это существовало, если бы мы не жили ими, то есть, говоря иначе, не продолжали бы, не поддерживали жизнь всего того, что называется прошлым, бывшим? А оно существует! У людей три тысячи лет наворачиваются слезы на глаза, когда они читают про слезы Андромахи, провожающей с ребенком на руках Гектора. Я сорок лет умиляюсь, вспоминая умиление, с которым выводили свои караули Ефим и Прасковья. И посему да здравствует во веки веков и Андромаха, и Прасковья, и Вертер, и Фриц, и Гоголь, и Иван Никифорович, полтора года тому назад скушавший в Миргороде дыню и записавший сие событие!

И, поднявшись со скамьи, старичок снял шляпу и, странно улыбаясь, потряс ею в воздухе.

28 июня 1924

Русак

Непроглядная метель, стекла окон залеплены свежим, белым снегом, в доме белый, снежный свет; и все время однообразно шумит за стенами, однообразно, через известные промежутки, скрипит и стонет сук старого дерева в палисаднике, задевающий крышу. Как всегда в метель, с особой отрадой чувствую старину, уют дома.

Вот в прихожей хлопнула дверь, слышно, как Петя, вернувшийся с охоты, топает валенками, отряхивается от снега, затем мягкими шагами проходит через залу к себе. Я встаю и иду в прихожую, С полем или нет?

С полем.

На лавке в прихожей, растянувшись, выкинув передние лапки вперед, а задние назад, лежит уже выбелившийся русак. Гляжу на него, трогаю его и с изумлением и с восторгом.

Он лобастый, с большими и выпученными, глядящими назад стекловидными глазами, золотистыми внутри и ничуть еще не померкшими, – все такими же бессмысленно блестящими, как и при жизни.

Но вся его тяжелая тушка уже каменно тверда и холодна.

Каменные туго вытянутые лапки и жесткой шерстке. Туго завернут серо-коричневый мохор хвостика. И на торчащих кошачьих усах, на раздвоенной верхней губе – запекшаяся кровь.

Чудо, дивное чудо!

Час тому назад, всего час тому назад, шевеля этими усами, прижав вот эти длинные

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
уши и чутко, зорко кося за спину стеклом глаз, золотистых внутри, он лежал в мерзлой ямке под сугробом в поле, наполняя эту ямку своим жарким теплом, блаженствуя в буйном дыму вьюги, которая со всех сторон дула, заносила его снегом. Внезапно открытый и поднятый собакой, он дал от нее такого стрекача, головокружительную красоту которого не выразить никаким человеческим словом. И как жарко и дико колотилось его обезумевшее, оглушенное выстрелом сердце, когда порывисто оборвался его бег, а Петя крепко поймал его за уши, и каким пронзительным, младенческим воплем ответил он на то последнее, что вдруг ощутил он, – острый огонь кинжала, глубоко пронзивший ему горло...

Нет слов выразить то непонятное наслаждение, с которым я чувствую и эту гладкую шкуру, и закаменевшую тушку, и самого себя, и холодное окно прихожей, занесенное, залепленное свежим, белым снегом, и весь этот выжженный, бледный свет, разлитый в доме.

19 августа. 1924

Книга: #comm054

Лежа на гумне в омете, долго читал – и вдруг возмутило. Опять с раннего утра читаю, опять с книгой в руках! И так изо дня в день, с самого детства! Полжизни прожил в каком-то несуществующем мире, среди людей никогда не бывших, выдуманных, волнуясь их судьбами, их радостями и печалью, как своими собственными, до могилы связав себя с Авраамом и Исааком, с пелазгами и этрусками, с Сократом и Юлием Цезарем, Гамлетом и Данте, Гретхен и Чацким, Собакевичем и Офелией, Печориным и Наташей Ростовою! И как теперь разобраться среди действительных и вымышленных спутников моего земного существования? Как разделить их, как определить степени их влияния на меня?

Я читал, жил чужими выдумками, а поле, усадьба, деревня, мужики, лошади, мухи, шмели, птицы, облака – все жило своей собственной, настоящей жизнью. И вот я внезапно почувствовал это и очнулся от книжного наваждения, отбросил книгу в солому и с удивлением и с радостью, какими-то новыми глазами смотрю кругом, остро вижу, слышу, обоняю, – главное, чувствую что-то необыкновенно простое и в то же время необыкновенно сложное, то глубокое, чудесное, невыразимое, что есть в жизни и во мне самом и о чем никогда не пишут как следует в книгах.

Пока я читал, в природе сокровенно шли изменения. Было солнечно, празднично; теперь все померкло, стихло. В небе мало-помалу собрались облака и тучки, кое-где, – особенно к югу, – еще светлые, красивые, а к западу, за деревней, за ее лозинами, дождевые, синеватые, скучные. Тепло, мягко пахнет далеким полевым дождем. В саду поет одна иволга.

По сухой фиолетовой дороге, пролегающей между гумном и садом, возвращается с погоста мужик. На плече белая железная лопата с прилипшим к ней синим черноземом. Лицо помолодевшее, ясное. Шапка сдвинута с потного лба.

– На своей девочке куст жасмину посадил! – бодро говорит он. – Доброго здоровья. Все читаете, все книжки выдумываете?

Он счастлив. Чем? Только тем, что живет на свете, то есть совершает нечто самое непостижимое в мире.

В саду поет иволга. Все прочее стихло, смолкло, даже петухов не слышно. Одна она поет – не спеша выводит игривые трели. Зачем, для кого? Для себя ли, для той ли жизни, которой сто лет живет сад, усадьба? А может быть, это усадьба живет для ее флейтового пения?

«На своей девочке куст жасмину посадил». А разве девочка об этом знает? Мужика кажется, что знает, и, может быть, он прав. Мужик к вечеру забудет об этом кусте, – для кого же он будет цвести? А ведь будет цвести, и будет казаться, что не даром, а для кого-то и для чего-то.

«Все читаете, все книжки выдумываете». А зачем выдумывать? Зачем героини и герои? Зачем роман, повесть, с завязкой и развязкой? Вечная боязнь показаться недостаточно книжным, недостаточно похожим на тех, что прославлены! И вечная

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
мука – вечно молчать, не говорить как раз о том, что есть истинно твое и единственно настоящее, требующее наиболее законно выражения, то есть следа, воплощения и сохранения хотя бы в слове!

20 августа 1924

Митина любовь: #com055

I

В Москве последний счастливый день Мити был девятого марта. Так, по крайней мере, казалось ему.

Они с Катей шли в двенадцатом часу утра вверх по Тверскому бульвару. Зима внезапно уступила весне, на солнце было почти жарко. Как будто правда прилетели жаворонки и принесли с собой тепло, радость. Все было мокро, все таяло, с домов капали капли, дворники скалывали лед с тротуаров, сбрасывали липкий снег с крыш, всюду было многолюдно, оживленно. Высокие облака расходились тонким белым дымом, сливаясь с влажно синеющим небом. Вдали с благостной задумчивостью высился Пушкин, сиял Страстной монастырь. Но лучше всего было то, что Катя, в этот день особенно хорошенькая, вся дышала простосердечием и близостью, часто с детской доверчивостью брала Митю под руку и снизу заглядывала в лицо ему, счастливому даже как будто чуть-чуть высокомерно, шагавшему так широко, что она едва поспевала за ним.

Возле Пушкина она неожиданно сказала:

– Как ты смешно, с какой-то милой мальчишеской неловкостью растягиваешь свой большой рот, когда смеешься. Не обижайся, за эту-то улыбку я и люблю тебя. Да вот еще за твои византийские глаза...

Стараясь не улыбаться, пересиливая и тайное довольство, и легкую обиду, Митя дружелюбно ответил, глядя на памятник, теперь уже высоко поднявшийся перед ними:

– Что до мальчишества, то в этом отношении мы, кажется, недалеко ушли друг от друга. А на византийца я похож так же, как ты на китайскую императрицу. Вы все просто помешались на этих Византиях, Возрождениях... Не понимаю я твоей матери!

– Что ж, ты бы на ее месте меня в терем запер? – спросила Катя.

– Не в терем, а просто на порог не пускал бы всю эту якобы артистическую богему, всех этих будущих знаменитостей из студий и консерваторий, из театральных школ, – ответил Митя, продолжая стараться быть спокойным и дружелюбно небрежным. – Ты же сама мне говорила, что Буковецкий уже звал тебя ужинать в Стрельну, а Егоров предлагал лепить голую, в виде какой-то умирающей морской волны, и, конечно, страшно польщена такой честью.

– Я все равно даже ради тебя не откажусь от искусства, – сказала Катя. – Может быть, я и гадкая, как ты часто говоришь, – сказала она, хотя Митя никогда не говорил ей этого, – может, я испорченная, но бери меня такую, какая я есть. И не будем ссориться, перестань ты меня ревновать хоть нынче, в такой чудный день! – Как ты не понимаешь, что ты для меня все-таки лучше всех, единственный? – негромко и настойчиво спросила она, уже с деланной обольстительностью заглядывая ему в глаза, и задумчиво, медлительно продекламировала:

Меж нами дремлющая тайна.
Душа душе дала кольцо...

Это последнее, эти стихи уже совсем больно задели Митю. Вообще, многое даже и в этот день было неприятно и больно. Неприятна была шутка насчет мальчишеской неловкости: подобные шутки он слышал от Кати уже не в первый раз, и они были не случайны, – Катя нередко проявляла себя то в том, то в другом более взрослой, чем он, нередко (и невольно, то есть вполне естественно) выказывала свое превосходство над ним, и он с болью воспринимал это, как признак ее какой-то тайной порочной опытности. Неприятно было «все-таки» («ты все-таки для меня

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru лучше всех») и то, что это было сказано почему-то внезапно пониженным голосом, особенно же неприятны были стихи, их манерное чтение. Однако даже стихи и это чтение, то есть то самое, что больше всего напоминало Мите среду, отнимавшую у него Катю, остро возбуждавшую его ненависть и ревность, он перенес сравнительно легко в этот счастливый день девятого марта, его последний счастливый день в Москве, как часто казалось ему потом.

В этот день, на возвратном пути с Кузнецкого моста, где Катя купила у Циммермана несколько вещей Скрябина, она между прочим заговорила о его, Митиной, маме и сказала, смеясь:

– Ты не можешь себе представить, как я заранее боюсь ее!

Почему-то ни разу за все время их любви не касались они вопроса о будущем, о том, чем их любовь кончится. И вот вдруг Катя заговорила о его маме и заговорила так, точно само собой подразумевалось, что мама – ее будущая свекровь.

II

Потом все шло как будто по-прежнему. Митя провожал Катю в студию Художественного театра, на концерты, на литературные вечера или сидел у нее на Кисловке и засиживался до двух часов ночи, пользуясь странной свободой, которую давала ей ее мать, всегда курящая, всегда нарумяненная дама с малиновыми волосами, милая, добрая женщина (давно жившая отдельно от мужа, у которого была вторая семья). Забегала и Катя к Мите, в его студенческие номера на Молчановке, и свидания их, как и прежде, почти сплошь протекали в тяжком дурмане поцелуев. Но Мите упорно казалось, что внезапно началось что-то страшное, что что-то изменилось, стало меняться в Кате.

Быстро пролетело то незабвенное легкое время, когда они только что встретились, когда они, едва познакомившись, вдруг почувствовали, что им всего интереснее говорить (и хоть с утра до вечера) только друг с другом, – когда Митя столь неожиданно оказался в том сказочном мире любви, которого он втайне ждал с детства, с отрочества. Этим временем был декабрь, – морозный, погожий, день заднем украшавший Москву густым инеем и мутно-красным шаром низкого солнца. Январь, февраль закружили Митину любовь в вихре непрерывного счастья, уже как бы осуществленного или, по крайней мере, вот-вот готового осуществиться. Но уже и тогда что-то стало (и все чаще и чаще) смущать, отравлять это счастье. Уже и тогда нередко казалось, что как будто есть две Кати: одна та, которой с первой минуты своего знакомства с ней стал настойчиво желать, требовать Митя, а другая – подлинная, обыкновенная, мучительно не совпадавшая с первой. И все же ничего подобного теперешнему не испытывал Митя тогда.

Все можно было объяснить. Начались весенние женские заботы, покупки, заказы, бесконечные переделки то того, то другого, и Кате действительно приходилось часто бывать с матерью у портних; кроме того, у нее впереди был экзамен в той частной театральной школе, где училась она. Вполне естественной поэтому могла быть ее озабоченность, рассеянность. И так Митя поминутно и утешал себя. Но утешения не помогали – то, что говорило мнительное сердце вопреки им, было сильнее и подтверждалось все очевиднее; внутренняя невнимательность Кати к нему все росла, а вместе с тем росла и его мнительность, его ревность. Директор театральной школы кружил Кате голову похвалами, и она не могла удержаться, рассказывала Мите об этих похвалах. Директор сказал ей: «Ты гордость моей школы», – он всем своим ученицам говорил «ты» – и, помимо общих занятий, стал заниматься с ней постом еще и отдельно, чтобы блеснуть ею на экзаменах особенно. Было же известно, что он развращал учениц, каждое лето увозил какую-нибудь с собой на Кавказ, в Финляндию, за границу. И Мите стало приходиться в голову, что теперь директор имеет виды на Катю, которая хотя и не виновата в этом, все-таки, вероятно, это чувствует, понимает и потому уже как бы находится с ним в мерзких, преступных отношениях. И мысль эта мучила тем более, что слишком очевидно было уменьшение внимания Кати.

Казалось, что вообще что-то стало отвлекать ее от него. Он не мог спокойно думать о директоре. Но что директор! Казалось, что вообще над Катиней любовью стали преобладать какие-то другие интересы. К кому, к чему? Митя не знал, он ревновал Катю ко всем, ко всему, главное, к тому общему, им воображаемому, чем втайне от него уже будто бы начала жить она. Ему казалось, что ее непреодолимо

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
тянет куда-то прочь от него и, может быть, к чему-то такому, о чем даже и помыслить страшно.

Раз Катя, полушутя, сказала ему в присутствии матери:

– Вы, Митя, вообще рассуждаете о женщинах по домострою. И из вас выйдет совершенный Отелло. Вот уж никогда бы не влюбилась в вас и не пошла за вас замуж!

Мать возразила:

– А я не представляю себе любви без ревности. Кто не ревнует, тот, по-моему, не любит.

– Нет, мама, – сказала Катя со своею постоянной склонностью повторять чужие слова, – ревность это неуважение к тому, кого любишь. Значит, меня не любят, если мне не верят, – сказала она, нарочно не глядя на Митю.

– А по-моему, – возразила мать, – ревность и есть любовь. Я даже это где-то читала. Там это было очень хорошо доказано и даже с примерами из Библии, где сам бог называется ревнителем и мстителем...

Что до Митиной любви, то она теперь почти всецело выражалась только в ревности. И ревность эта была не простая, а какая-то, как ему казалось, особенная. Они с Катей еще не переступили последней черты близости, хотя позволяли себе в те часы, когда оставались одни, слишком многое. И теперь, в эти часы, Катя бывала еще страстнее, чем прежде. Но теперь и это стало казаться подозрительным и возбуждало порою ужасное чувство. Все чувства, из которых состояла его ревность, были ужасны, но среди них было одно, которое было ужаснее всех и которое Митя никак не умел, не мог определить и даже понять. Оно заключалось в том, что те проявления страсти, то самое, что было так блаженно и сладостно, выше и прекраснее всего в мире в применении к ним, Мите и Кате, становилось несканозно мерзко и даже казалось чем-то противоестественным, когда Митя думал о Кате и о другом мужчине. Тогда Катя возбуждала в нем острую ненависть. Все, что, глаз на глаз, делал с ней он сам, было полно для него райской прелести и целомудрия. Но как только он представлял себе на своем месте кого-нибудь другого, все мгновенно менялось, – все превращалось в нечто бесстыдное, возбуждающее жажду задушить Катю и, прежде всего, именно ее, а не воображаемого соперника

III

В день экзамена Кати, который состоялся наконец (на шестой неделе поста), как будто особенно подтвердилась вся правота Митиных мучений.

Тут Катя уже совсем не видела, не замечала его, была вся чужая, вся публичная.

Она имела большой успех. Она была во всем белом, как невеста, и волнение делало ее прелестной. Ей дружно и горячо хлопали, и директор, самодовольный актер с бесстрастными и печальными глазами, сидевший в первом ряду, только ради пущей гордости делал ей иногда замечания, говоря негромко, но как-то так, что было слышно на всю залу и звучало нестерпимо.

– Поменьше читки, – говорил он веско, спокойно и так властно, точно Катя была его полной собственностью. – Не играй, а переживай, – говорил он отдельно.

И это было нестерпимо. Да нестерпимо было и самое чтение, вызывавшее рукоплескания. Катя горела жарким румянцем, смущением, голосок ее иногда срывался, дыхания не хватало, и это было трогательно, очаровательно. Но читала она с той пошлой певучестью, фальшью и глупостью в каждом звуке, которые считались высшим искусством чтения в той ненавистной для Мити среде, в которой уже всеми помыслами своими жила Катя: она не говорила, а все время восклицала с какой-то назойливой томной страстностью, с неумеренной, ничем не обоснованной в своей настойчивости мольбой, и Митя не знал, куда глаза девать от стыда за нее. Ужаснее же всего была та смесь ангельской чистоты и порочности, которая была в ней, в ее разгоревшемся личике, в ее белом платье, которое на эстраде казалось короче, так как все сидящие в зале глядели на Катю снизу, в ее белых туфельках и в обтянутых шелковыми белыми чулками ногах. «Девушка пела в церковном хоре», – с

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
деланной, неумеренной наивностью читала Катя о какой-то будто бы ангельски невинной девушке. И Митя чувствовал и обостренную близость к Кате, – как всегда это чувствуешь в толпе к тому, кого любишь, – и злую враждебность, чувствовал и гордость ею, сознание, что ведь все-таки ему принадлежит она, и вместе с тем разрывающую сердце боль: нет, уже не принадлежит!

После экзамена были опять счастливые дни. Но Митя уже не верил им с той легкостью, как прежде. Катя, вспоминая экзамен, говорила:

– Какой ты глупый! Разве ты не чувствовал, что я и читала-то так хорошо только для тебя одного!

Но он не мог забыть, что чувствовал он на экзамене, и не мог сознаться, что эти чувства и теперь не оставили его. Чувствовала его тайные чувства и Катя и однажды, во время ссоры, воскликнула:

– Не понимаю, за что ты любишь меня, если, по-твоему, все так дурно во мне! И чего ты, наконец, хочешь от меня?

Но он и сам не понимал, за что он любил ее, хотя чувствовал, что любовь его не только не уменьшается, но все возрастает вместе с той ревнивой борьбой, которую он вел с кем-то, с чем-то из-за нее, из-за этой любви, из-за ее напрягающейся силы, все более возрастающей требовательности.

– Ты любишь только мое тело, а не душу! – горько сказала однажды Катя.

Опять это были чьи-то чужие, театральные слова, но они, при всей их вздорности и избитости, тоже касались чего-то мучительно неразрешимого. Он не знал, за что любил, не мог точно сказать, чего хотел... Что это значит вообще – любить? Ответить на это было тем более невозможно, что ни в том, что слышал Митя о любви, ни в том, что читал он о ней, не было ни одного точно определяющего ее слова. В книгах и в жизни все как будто раз и навсегда условились говорить или только о какой-то почти бесплотной любви, или только о том, что называется страстью, чувственностью. Его же любовь была непохожа ни на то, ни на другое. Что испытывал он к ней? То, что называется любовью, или то, что называется страстью? Душа Кати или тело доводило его почти до обморока, до какого-то предсмертного блаженства, когда он расстегивал ее кофточку и целовал ее грудь, райски прелестную и девственную, раскрытую с какой-то душу потрясающей покорностью, бесстыдностью чистейшей невинности?

IV

Она все больше менялась.

Успех на экзамене много значил. И все-таки были на то и какие-то другие причины.

Как-то сразу превратилась Катя с наступлением весны как бы в какую-то молоденькую светскую даму, нарядную и все куда-то спешащую. Мите теперь просто стыдно было за свой темный коридор, когда она приезжала, – теперь она не приходила, а всегда приезжала, – когда она, шурша шелком, быстро шла по этому коридору, опустив на лицо вуальку. Теперь она бывала неизменно нежна с ним, но неизменно опаздывала и сокращала свидания, говоря, что ей опять надо ехать с мамой к портнихе.

– Понимаешь, франтим напропалую! – говорила она, кругло, весело и удивленно блестя глазами, отлично понимая, что Митя не верит ей, и все-таки говоря, так как говорить теперь стало совсем не о чем.

И шляпки она теперь почти никогда не снимала, и зонтика не выпускала из рук, на отлете сидя на кровати Мити и с ума сводя его своими икрами, обтянутыми шелковыми чулками. А перед тем как уехать и сказать, что нынче вечером ее опять не будет дома, – опять надо к кому-то с мамой! – она неизменно проделывала одно и то же, с явной целью одурачить его, наградить за все его «глупые», как она выражалась, мучения: притворно-воровски взглядывала на дверь, соскальзывала с кровати и, вильнув бедрами по его ногам, говорила поспешным шепотом:

– Ну, целуй же меня!

V

И в конце апреля Митя наконец решил дать себе отдых и уехать в деревню.

Он совершенно замучил и себя и Катю, и мука эта была тем нестерпимее, что как будто не было никаких причин для нее: что в самом деле случилось, в чем виновата Катя? И однажды Катя, с твердостью отчаяния, сказала ему:

– Да, уезжай, уезжай, я больше не в силах! Нам надо временно расстаться, выяснить наши отношения. Ты стал так худ, что мама убеждена, что у тебя чахотка. Я больше не могу!

И отъезд Мити был решен. Но уезжал Митя, к великому своему удивлению, хотя и не помня себя от горя, все-таки почти счастливый. Как только отъезд был решен, неожиданно вернулось все прежнее. Ведь он все-таки страстно не хотел верить ничему тому ужасному, что ни днем, ни ночью не давало ему покоя. И достаточно было малейшей перемены в Кате, чтобы опять все изменилось в его глазах. А Катя опять стала нежна и страстна уже без всякого притворства, – он чувствовал это с безошибочной чуткостью ревнивых натур, – и опять стал он сидеть у нее до двух часов ночи, и опять было о чем говорить, и чем ближе становился отъезд, тем все нелепее казалась разлука, надобность «выяснить отношения». Раз Катя даже заплакала, – а она никогда не плакала, – и эти слезы вдруг сделали ее страшно родною ему, пронзили его чувством острой жалости и как будто какой-то вины перед ней.

Мать Кати в начале июня уезжала на все лето в Крым и увозила и ее с собой. Решили встретиться в Мисхоре. Митя тоже должен был приехать в Мисхор.

И он собирался, делал приготовления к отъезду, ходил по Москве в том странном опьянении, которое бывает, когда человек еще бодро держится на ногах, но уже болен какой-то тяжелой болезнью. Он был болезненно, пьяно несчастен и вместе с тем болезненно счастлив, растроган возвратившейся близостью Кати, ее заботливостью к нему, – она даже ходила с ним покупать дорожные ремни, точно она была его невеста или жена, – и вообще возвратом почти всего того, что напоминало первое время их любви. И так же воспринимал он и все окружающее, – дома, улицы, идущих и едущих по ним, погоду, все время по-весеннему хмурившуюся, запах пыли и дождя, церковный запах тополей, распустившихся за заборами в переулках: все говорило о горечи разлуки и о сладости надежды на лето, на встречу в Крыму, где уже ничто не будет мешать и все осуществится (хотя он и не знал, что именно все).

В день отъезда зашел проститься Протасов. Среди гимназистов старших классов, среди студентов нередко встречаются юноши, усвоившие себе манеру держаться с добродушно-угрюмой насмешливостью, с видом человека, который старше, опытнее всех на свете. Таков был и Протасов, один из ближайших приятелей Мити, единственный настоящий друг его, знавший, несмотря на всю скрытность, молчаливость Мити, все тайны его любви. Он глядел, как Митя завязывал чемодан, видел, как тряслись его руки, потом с грустной мудростью ухмыльнулся и сказал:

– Чистые вы дети, прости господи! А за всем тем, любезный мой Вертер из Тамбова, все же пора бы понять, что Катя есть прежде всего типичнейшее женское естество и что сам полицеймейстер ничего с этим не поделает. Ты, естество мужское, лезешь на стену, предъявляешь к ней высочайшие требования инстинкта продолжения рода, и, конечно, все сие совершенно законно, даже в некотором смысле священо. Тело твое есть высший разум, как справедливо заметил герр Ницше. Но законно и то, что ты на этом священном пути можешь сломать себе шею. Есть же особи в мире животном, коим даже по штату полагается платить ценой собственного существования за свой первый и последний любовный акт. Но так как для тебя этот штат, вероятно, не совсем уж обязателен, то смотри в оба, поберегай себя. Вообще, не спеши. «Юнкер Шмит, честное слово, лето возвратится!» Свет не лыком шит, не клином на Кате сошелся. Вижу по твоим усилиям задушить чемодан, что ты с этим совершенно не согласен, что этот клин тебе весьма любезен. Ну, прости за непрошенный совет – и да хранит тебя Никола-угодник со всеми присными его!

А когда Протасов, тиснув Мите руку, ушел, Митя, затягивая в ремни подушку и одеяло, услышал в свое открытое во двор окно, как загредел, пробуя голос,

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
студент, живший напротив, учившийся пению и упражнявшийся с утра до вечера, – запел «Азру». Тогда Митя заспешил с ремнями, застегнул их как попало, схватил картуз и пошел на Кисловку, – проститься с матерью Кати. Мотив и слова песни, которую запел студент, так настойчиво звучали и повторялись в нем, что он не видел ни улиц, ни встречных, шел еще пьянее, чем ходил все последние дни. В самом деле было похоже на то, что свет клином сошелся, что юнкер Шмит из пистолета хочет застрелиться! Ну, что ж, сошелся так сошелся, думал он и опять возвращался к песне о том, как, гуляя по саду и «красой своей сияя», встречала дочь султана в саду черного невольника, который стоял у фонтана «бледнее смерти», как однажды спросила она его, кто он и откуда, и как ответил он ей, начав зловеще, но смиренно, с угрюмой простотой:

Зовусь Магометом я... –

и кончив восторженно-трагическим воплем:

– Я из рода бедных Азров,
Полюбив, мы умираем!

Катя одевалась, чтобы ехать на вокзал провожать его, ласково крикнула ему из своей комнаты, – из комнаты, где он провел столько незабвенных часов! – что она придет к первому звонку. Милая, добрая женщина с малиновыми волосами сидела одна, курила и очень грустно посмотрела на него, – она, вероятно, все давно понимала, обо всем догадывалась. Он, весь алый, внутренне дрожащий, поцеловал ее нежную и дряблую руку, по-сыновьи склонив голову, и она с материнской лаской несколько раз поцеловала его в висок и перекрестила.

– Эх, милый, – с несмелой улыбкой сказала она словами Грибоедова, – живите-ка смеясь! Ну, Христос с вами, поезжайте, поезжайте...

VI

Сделав все то последнее, что нужно было сделать в номерах, уложив свои вещи в кривую извозчичью пролетку при помощи коридорного, он наконец неловко уселся возле них, тронулся и тотчас же почувствовал то особое, что охватывает при отъезде, – кончен (и навсегда) известный срок жизни! – и вместе с тем внезапную легкость, надежду на начало чего-то нового. Он несколько успокоился и бодрее, как бы новыми глазами стал глядеть вокруг. Конец, прощай Москва и все, что пережито в ней! Накрапывало, хмурилось, в переулках было пусто, бульжник был темен и блестел, как железный, дома стояли невеселые, грязные. Извозчик вез с мучительной неспешностью и то и дело заставлял Митю отворачиваться и стараться не дышать. Проехали Кремль, потом Покровку и опять свернули в переулки, где в садах хрипло орала к дождю и к вечеру ворона, а все же была весна, весенний запах воздуха. Но вот наконец доехали, и Митя бегом кинулся за носильщиком по людному вокзалу, на перрон, потом на третий путь, где уже был готов длинный и тяжелый курский поезд. И из всей огромной и безобразной толпы, осаждавшей поезд, из-за всех носильщиков, с грохотом и предупреждающими покрякиваниями кативших тележки с вещами, он мгновенно выделился, увидел то, что, «красой своей сияя», одиноко стояло вдаль и казалось совершенно особым существом не только во всей этой толпе, но и во всем мире. Уже пробил первый звонок, – на этот раз опоздал он, а не Катя. Она трогательно приехала раньше его, она его ждала и кинулась к нему опять с заботливостью жены или невесты:

– Милый, занимай скорее место! Сейчас второй звонок!

А после второго звонка она еще трогательнее стояла на платформе, снизу глядя на него, стоявшего в дверях третьеклассного вагона, уже битком набитого и вонючего. Все в ней было прелестно, – ее милое, хорошенькое личико, ее небольшая фигурка, ее свежесть, молодость, где женственность еще мешалась с детскостью, ее вверх поднятые сияющие глаза, ее голубая скромная шляпка, в изгибах которой была некоторая изящная задорность, и даже ее темно-серый костюм, в котором Митя с обожанием чувствовал даже материю и шелк подкладки. Он стоял худой, нескладный, на дорогу он надел высокие грубые сапоги и старую куртку, пуговицы которой были обтерты, краснели медью. И все-таки Катя смотрела на него непритворно любящим и грустным взглядом. Третий звонок так неожиданно и резко ударил по сердцу, что Митя ринулся с площадки вагона как безумный, и так же безумно, с ужасом кинулась к нему навстречу Катя. Он припал к ее перчатке и, вскочив назад, в вагон, сквозь

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
слезы замахал ей картузом с неистовым восторгом, а она подхватила рукой юбку и поплыла вместе с платформой назад, все еще не спуская с него поднятого взгляда. Она плыла все быстрее, ветер все сильнее трепал волосы высунувшегося из окна Мити, а паровоз расходился все шибче, все беспощаднее, наглым, угрожающим ревом требуя путей, – и вдруг точно сорвало и ее, и конец платформы...

VII

Давно наступили долгие весенние сумерки, темные от дождевых туч, тяжелый вагон грохотал в голом и прохладном поле, – в полях весна была еще ранняя, – шли кондуктора по коридору вагона, спрашивая билеты и вставляя в фонари свечи, а Митя все еще стоял возле дребезжащего окна, чувствуя запах Катиной перчатки, оставшийся на его губах, все еще весь пылал острым огнем последнего мига разлуки. И вся длинная московская зима, счастливая и мучительная, преобразившая всю жизнь его, вся целиком и уже совсем в каком-то новом свете вставала перед ним. В новом свете, опять в новом, стояла теперь перед ним и Катя... Да, да, кто она, что она такое? А любовь, страсть, душа, тело? Это что такое? Ничего этого нет, – есть что-то другое, совсем другое! Вот этот запах перчатки – разве это тоже не Катя, не любовь, не душа, не тело? И мужики, рабочие в вагоне, женщина, которая ведет в отхожее место своего безобразного ребенка, тусклые свечи в дребезжащих фонарях, сумерки в весенних пустых полях – все любовь, все душа, и все мука, и все несказанная радость.

Утром был Орел, пересадка, провинциальный поезд возле дальней платформы. И Митя почувствовал: какой это простой, спокойный и родной мир по сравнению с московским, уже отошедшим куда-то в тридцатое царство, центром которого была Катя, теперь такая как будто одинокая, жалкая, любимая только нежно! Даже небо, кое-где подмазанное бледной синевой дождевых облаков, даже ветер тут проще и спокойнее... Поезд из Орла шел не спеша, Митя не спеша ел тульский печатный пряник, сидя в почти пустом вагоне. Потом поезд разошелся и умотал, усыпил его.

Проснулся он только в Верховье. Поезд стоял, было довольно многолюдно и суетливо, но тоже как-то захоластно. Приятно пахло чадом станционной кухни. Митя с удовольствием съел тарелку щей и выпил бутылку пива, потом опять задремал, – глубокая усталость напала на него. А когда он опять очнулся, поезд мчался по весеннему березовому лесу, уже знакомому, перед последней станцией. Опять по-весеннему сумрачно темнело, в открытое окно пахло дождем и как будто грибами. Лес стоял еще совсем голый, но все же грохотанье поезда отдавалось в нем отчетливее, чем в поле, а вдали уже мелькали по-весеннему печальные огоньки станции. Вот и высокий зеленый огонь семафора, – особенно прелестный в такие сумерки в березовом голом лесу, – и поезд со стуком стал переходить на другой путь... Боже, как по-деревенски жалок и мил работник, ждущий барчука на платформе!

Сумерки и тучи все сгущались, пока ехали от станции по большому селу, тоже еще весеннему, грязному. Все тонуло в этих необыкновенно мягких сумерках, в глубочайшей тишине земли, теплой ночи, слившейся с темнотой неопределенных, низко нависших дождевых туч, и опять Митя дивился и радовался: как спокойна, проста, убога деревня, эти пахучие курные избы, уже давно спящие, – с Благовещенья добрые люди не вздувают огня, – и как хорошо в этом темном и теплом степном мире! Тарантас нырял по ухабам, по грязи, дубы за двором богатого мужика высились еще совсем нагие, неприветливые, чернели грачиными гнездами. У избы стоял и вглядывался в сумрак странный, как будто из древности мужик: босые ноги, рваный армяк, баранья шапка на длинных прямых волосах... И пошел теплый, сладостный, душистый дождь. Митя подумал о девках, о молодых бабах, спящих в этих избах, обо всем том женском, к чему он приблизился за зиму с Катей, и все слилось в одно, – Катя, девки, ночь, весна, запах дождя, запах распаханной, готовой к оплодотворению земли, запах лошадиного пота и воспоминание о запахе лайковой перчатки.

VIII

В деревне жизнь началась днями мирными, очаровательными.

Ночью по пути со станции Катя как будто померкла, растворилась во всем окружающем. Но нет, это только так показалось и казалось еще несколько дней, пока Митя отсыпался, приходил в себя, привыкал к новизне с детства знакомых

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
впечатлений родного дома, деревни, деревенской весны, весенней наготы и пустоты
мира, опять чисто и молодо готового к новому расцвету.

Усадьба была небольшая, дом старый и незатейливый, хозяйство несложное, не требующее большой дворни, – жизнь для Мити началась тихая. Сестра Аня, второклассница-гимназистка, и брат Костя, подросток-кадет, были еще в Орле, учились, должны были приехать не раньше начала июня. Мама, Ольга Петровна, была, как всегда, занята хозяйством, в котором ей помогал только приказчик, – староста, как называли его на дворе, – часто бывала в поле, ложилась спать, как только темнело.

Когда Митя, на другой день по приезде, проспавши двенадцать часов, вымытый, во всем чистом, вышел из своей солнечной комнаты, – она была окнами в сад, на восток, – и прошел по всем другим, он живо испытал чувство их родственности и мирной, успокаивающей и душу и тело простоты. Везде все стояло на своих привычных местах, как и много лет тому назад, и так же знакомо и приятно пахло; везде к его приезду все было прибрано, во всех комнатах были вымыты полы. Домывали только зал, примыкавший к прихожей, к лакейской, как ее называли еще до сих пор. Веснушчатая девка, поденщица с деревни, стояла на окне возле дверей на балконе, тянулась к верхнему стеклу, со свистом протирая его и отражаясь в нижних стеклах синюющим, как бы далеким, отражением. Горничная Параша, вытащив большую тряпку из ведра с горячей водой, босая, белоногая, шла по залитому полу на маленьких пятках и сказала дружественно-развязной скороговоркой, вытирая пот с разгоревшегося лица сгибом засученной руки:

– Идите кушайте чай, мамаша еще до свету уехали на станцию со старостой, вы небось и не слышали...

И тотчас же Катя властно напомнила о себе: Митя поймал себя на вождении к этой засученной женской руке и к женственному изгибу тянувшейся вверх девки на окне, к ее юбке, под которую крепкими тумбочками уходили голые ноги, и с радостью ощутил власть Кати, свою принадлежность ей, почувствовал ее тайное присутствие во всех впечатлениях этого утра.

И присутствие это чувствовалось все живее и живее с каждым новым днем и становилось все прекраснее, по мере того как Митя приходил в себя, успокаивался и забывал ту, обыкновенную, Катю, которая в Москве так часто и так мучительно не сливалась с Катей, созданной его желанием.

IX

Первый раз жил он теперь дома взрослым, с которым даже мама держалась как-то иначе, чем прежде, а главное, жил с первой настоящей любовью в душе, уже осуществляя то самое, чего втайне ждало все его существо с детства, с отрочества.

Еще в младенчестве дивно и таинственно шевельнулось в чем нечто невыразимое на человеческом языке. Когда-то и где-то, должно быть, тоже весной, в саду, возле кустов сирени, – запомнился острый запах шпанских мух, – он, совсем маленький, стоял с какой-то молодой женщиной, – вероятно, с своей нянькой, – и вдруг что-то точно озарилось перед ним небесным светом, – не то лицо ее, не то сарафан на полной груди, – и что-то горячей волной прошло, выиграло в нем, истинно как дитя во чреве матери... Но то было как во сне. Как во сне было и все, что было потом, – в детстве, отрочестве, в гимназические годы. Были какие-то особые, ни на что не похожие восхищения то одной, то другой из тех девочек, которые приезжали со своими матерями на его детские праздники, тайное жадное любопытство к каждому движению этого чарующего, тоже ни на что не похожего маленького существа в платьице, в башмачках, с бантом шелковой ленты на головке. Было (это уже позднее, в губернском городе) длившееся почти всю осень и уже гораздо более сознательное восхищение гимназисточкой, часто появлявшейся по вечерам на дереве за забором соседнего сада: ее резвость, насмешливость, коричневое платьице, круглый гребешок в волосах, грязные ручки, смех, звонкий крик – все было таково, что Митя думал о ней с утра до вечера, грустил, порою даже плакал, неутолимо что-то желая от нее. Потом и это как-то само собой кончилось, забылось, и были новые, более или менее долгие, – и опять-таки сокровенные, – восхищения, были острые радости и горести внезапной влюбленности на гимназических балах... были какие-то томления в теле, в сердце же смутные предчувствия, ожидания чего-то...

Он родился и вырос в деревне, но гимназистом поневоле проводил весну в городе, за исключением одного года, позапрошлого, когда он, приехав в деревню на масленицу, захворал и, поправляясь, пробыл дома март и половину апреля. Это было незабвенное время. Недели две он лежал и только в окно видел каждый день меняющиеся вместе с увеличением в мире тепла и света небеса, снег, сад, его стволы и ветви. Он видел: вот утро, и в комнате так ярко и тепло от солнца, что уже ползают по стеклам оживающие мухи... вот послеобеденный час на другой день: солнце за домом, с другой его стороны, а в окне уже до голубизны бледный весенний снег и крупные белые облака в синеве, в вершинах деревьев... а вот, еще через день, в облачном небе такие яркие прогалины, и на коре деревьев такой мокрый блеск, и так каплет с крыши над окном, что не нарадуешься, не наглядишься... После пошли теплые туманы, дожди, снег распустило и съело в несколько суток, тронулась река, стала радостно и ново чернеть, обнажаться и в саду и на дворе земля... И надолго запомнился Мите один день в конце марта, когда он в первый раз поехал верхом в поле. Небо не ярко, но так живо, так молодо светилось в бледных, в бесцветных деревьях сада. В поле еще свежо дуло, жнивья были дики и рыжи, а там, где пахали, – уже пахали под овес, – маслянисто, с первобытной мощью чернели взметы. И он целиком ехал по этим жнивьям и взметам к лесу и издалека видел его в чистом воздухе, – голый, маленький, видный из конца в конец, – потом спустился в его лощины и зашумел копытами лошади по глубокой прошлогодней листве, местами совсем сухой, палеовой, местами мокрой, коричневой, переехал засыпанные ею овраги, где еще шла полая вода, а из-под кустов с треском вырывались прямо из-под ног лошади смугло-золотые вальдшнепы... Чем была для него вся эта весна и особенно этот день, когда так свежо дуло навстречу ему в поле, а лошадь, одолевавшая насыщенные влагой жнивья и черные пашни, так шумно дышала широкими ноздрями, храпя и ревя нутром с великолепной дикой силой? Казалось тогда, что именно эта весна и была его первой настоящей любовью, днями сплошной влюбленности в кого-то и во что-то, когда он любил всех гимназисток и всех девок в мире. Но каким далеким казалось ему это время теперь! Насколько был он тогда еще совсем мальчик, невинный, простосердечный, бедный своими скромными печальями, радостями и мечтаниями! Сном или, скорее, воспоминанием о каком-то чудесном сне была тогда его беспредметная, бесплотная любовь. Теперь же в мире была Катя, была душа, этот мир в себе воплотившая и надо всем над ним торжествующая.

Х

Только раз в это первое время напомнила о себе Катя зловеще.

Однажды, поздно вечером, Митя вышел на заднее крыльцо. Было очень темно, тихо, пахло сырым полем. Из-за ночных облаков, над смутными очертаниями сада, слезились мелкие звезды. И вдруг где-то вдали что-то дико, дьявольски гукнуло и закатилось лаем, визгом. Митя вздрогнул, оцепенел, потом осторожно сошел с крыльца, вошел в темную, как бы со всех сторон враждебно сторожащую его аллею, снова остановился и стал ждать, слушать: что это такое, где оно, – то, что так неожиданно и страшно огласило сад? Сыч, лесной пугач, совершающий свою любовь, и больше ничего, думал он, а весь замирал как бы от незримого присутствия в этой тьме самого дьявола. И вдруг опять раздался гулкий, всю Митину душу потрясший вой, где-то близко, в верхушках аллеи, затрещало, зашумело – и дьявол бесшумно перенесся куда-то в другое место сада. Там он сначала залаял, потом стал жалобно, моляще, как ребенок, ныть, плакать, хлопать крыльями и клекотать с мучительным наслаждением, стал взвизгивать, закатываться таким ерническим смехом, точно его щекотали и пытали. Митя, весь дрожа, впился в темноту и глазами и слухом. Но дьявол вдруг сорвался, захлебнулся и, прорезав темный сад предсмертно-истонным воплем, точно сквозь землю провалился. Напрасно прождав возобновления этого любовного ужаса еще несколько минут, Митя тихо вернулся домой – и всю ночь мучился сквозь сон всеми теми болезненными и отвратительными мыслями и чувствами, в которые превратилась в марте в Москве его любовь.

Однако утром, при солнце, его ночные терзания быстро рассеялись. Он вспомнил, как заплакала Катя, когда они твердо решили, что он должен на время уехать из Москвы, вспомнил, с каким восторгом она ухватилась за мысль, что он тоже приедет в Крым в начале июня, и как трогательно помогала она ему в его приготовлениях к отъезду, как провожала она его на вокзале... Он вынул ее фотографическую карточку, долго, долго вглядывался в ее маленькую нарядную головку, поражаясь чистотой, ясностью ее прямого, открытого (чуть круглого) взгляда... Потом написал ей особенно длинное и особенно сердечное письмо, полное веры в их любовь, и опять

Он помнил, что он испытал, когда умер отец, девять лет тому назад. Это было тоже весной. На другой день после этой смерти, робко, с недоумением и ужасом пройдя по залу, где с высоко поднятой грудью и сложенными на ней большими бледными руками лежал на столе, чернел своей сквозной бородой и белел носом наряженный в дворянский мундир отец, Митя вышел на крыльцо, глянул на стоявшую возле двери огромную крышку гроба, обитую золотой парчой, – и вдруг почувствовал: в мире смерть! Она была во всем: в солнечном свете, в весенней траве на дворе, в небе, в саду... Он пошел в сад, в пеструю от света липовую аллею, потом в боковые аллеи, еще более солнечные, глядел на деревья и на первых белых бабочек, слушал первых, сладко заливающихся птиц – и ничего не узнавал: во всем была смерть, страшный стол в зале и длинная парчовая крышка на крыльце! Не по-прежнему, как-то не так светило солнце, не так зеленела трава, не так замирали на весенней, только еще сверху горячей траве бабочки, – все было не так, как сутки тому назад, все преобразилось как бы от близости конца мира, и жалка, горестна стала прелесть весны, ее вечной юности! И это длилось долго и потом, длилось всю весну, как еще долго чувствовался – или мнился – в вымытом и много раз проветренном доме страшный, мерзкий, сладковатый запах...

Такое же наваждение, – только совсем другого порядка, – испытывал Митя и теперь: эта весна, весна его первой любви, тоже была совершенно иная, чем все прежние весны. Мир опять был преображен, опять полон как будто чем-то посторонним, но только не враждебным, не ужасным, а напротив, – дивно сливающимся с радостью и молодостью весны. И это постороннее была Катя или, вернее, то прелестнейшее в мире, чего от нее хотел, требовал Митя. Теперь, по мере того как шли весенние дни, он требовал от нее все больше и больше. И теперь, когда ее не было, был только ее образ, образ не существующий, а только желанный, она, казалось, ничем не нарушала того беспорочного и прекрасного, чего от нее требовали, и с каждым днем все живее и живее чувствовалась во всем, на что бы ни взглянул Митя.

XI

Он с радостью убедился в этом в первую же неделю своего пребывания дома. Тогда был как бы еще канун весны. Он сидел с книгой возле открытого окна гостиной, глядел меж стволов пихт и сосен в палисаднике на грязную речку в лугах, на деревню на косогорах за речкой: еще с утра до вечера, неустанно, изнемогая от блаженной хлопотливости, так, как орут они только ранней весной, орали грачи в голых вековых березах в соседнем помещичьем саду, и еще дик, сер был вид деревни на косогорах, и только еще одни лозины покрывались там желтоватой зеленью... Он шел в сад: и сад был еще низок и гол, прозрачен, – только зеленели поляны, все испещренные мелкими бирюзовыми цветочками, да опушился акатник вдоль аллеи и бледно белел, мелко цвел один вишенник в лощине, в южной, нижней части сада... Он выходил в поле: еще пусто, серо было в поле, еще щеткой торчало жнивье, еще колчеваты и фиолетовы были высохшие полевые дороги... И все это была нагота молодости, поры ожидания – и все это была Катя. И это только так казалось, что отвлекают девки-поденщицы, делающие то то, то другое в усадьбе, работники в людской, чтение, прогулки, хождение на деревню к знакомым мужикам, разговоры с мамой, поездки со старостой (рослым, грубым отставным солдатом) в поле на беговых дрожжах...

Потом прошла еще неделя. Раз ночью был обломный дождь, а потом горячее солнце как-то сразу вошло в силу, весна потеряла свою кротость и бледность, и все вокруг на глазах стало меняться не по дням, а по часам. Стали распахивать, превращать в черный бархат жнивья, зазеленели полевые межи, сочнее стала мурава на дворе, гуще и ярче засинело небо, быстро стал одеваться сад свежей, мягкой даже на вид зеленью, залиловели и запахло серые кисти сирени, и уже появилось множество черных, металлических блестящих синевой крупных мух на ее темно-зеленой глянцевиной листве и на горячих пятнах света на дорожках. На яблонях, грушах еще были видны ветви, их едва тронула мелкая, сероватая и особенно мягкая листва, но эти яблони и груши, всюду простиравшие сети своих кривых ветвей под другими деревьями, все уже закудрявились млечным снегом, и с каждым днем этот цвет становился все белее, все гуще и все благовоннее. В это дивное время радостно и пристально наблюдал Митя за всеми весенними изменениями, происходящими вокруг него. Но Катя не только не отступала, не терялась среди них, а напротив, – участвовала в них во всех и всему придавала себя, свою красоту, расцветающую

XII

И вот однажды, выйдя в зал, полный предвечернего солнца, к чаю, Митя неожиданно увидел возле самовара почту, которую он напрасно ждал все утро. Он быстро подошел к столу – уж давно должна была Катя ответить хоть на одно из писем, что отправил он ей, – и ярко и жутко блеснул ему в глаза небольшой изысканный конверт с надписью на нем знакомым жалким почерком. Он схватил его и зашагал вон из дома, потом по саду, по главной аллее. Он ушел в самую дальнюю часть сада, туда, где через него проходила лощина, и, остановясь и оглянувшись, быстро разорвал конверт. Письмо было кратко, всего в несколько строк, но Мите нужно было раз пять прочесть их, чтобы наконец понять, – так колотилось его сердце. «Мой любимый, мой единственный!» – читал и перечитывал он – и земля плыла у него под ногами от этих восклицаний. Он поднял глаза: над садом торжественно и радостно сияло небо, вокруг сиял сад своей снежной белизной, соловей, уже чуя предвечерний холодок, четко и сильно, со всей сладостью соловьиного самозабвения, щелкал в свежей зелени дальних кустов – и кровь отлила от его лица, мурашки побежали по волосам..

Домой он шел медленно – чаша его любви была полна с краями. И так же осторожно носил он ее в себе и следующие дни, тихо, счастливо ожидая нового письма.

XIII

Сад разнообразно одевался.

Огромный старый клен, возвышавшийся над всей южной частью сада, видный отовсюду, стал еще больше и виднее, – оделся свежей, густой зеленью.

Выше и виднее стала и главная аллея, на которую Митя постоянно смотрел из своих окон: вершины ее старых лип, тоже покрывшиеся, хотя еще прозрачно, узором юной листвы, поднялись и протянулись над садом светло-зеленой грядой.

А ниже клена, ниже аллеи лежало нечто сплошное кудрявого, благоуханного сливочного цвета.

И все это: огромная и пышная вершина клена, светло-зеленая гряда аллеи, подвечерняя белизна яблонь, груш, черемух, солнце, синевы неба и все то, что разрасталось в низах сада, в лощине, вдоль боковых аллей и дорожек и под фундаментом южной стены дома, – кусты сирени, акации и смородины, лопухи, крапива, чернобыльник, – все поражало своей густотой, свежестью и новизной.

На чистом зеленом дворе от надвигающейся отовсюду растительности стало как будто теснее, дом стал как будто меньше и красивее. Он как будто ждал гостей – по целым дням были открыты и двери и окна во всех комнатах: в белом зале, в синей старомодной гостиной, в маленькой диванной, тоже синей и увешанной овальными миниатюрами, и в солнечной библиотеке, большой и пустой угловой комнате со старыми иконами в переднем углу и низкими книжными шкафами из ясени вдоль стен. И везде в комнаты празднично глядели приблизившиеся к дому разнообразно зеленые, то светлые, то темные, деревья с яркой синевой между ветвями.

Но письма не было. Митя знал неспособность Кати к письмам и то, как трудно ей всегда собраться сесть за письменный стол, найти перо, бумагу, конверт, купить марку... Но разумные соображения опять стали плохо помогать. Счастливая, даже гордая уверенность, с которой он несколько дней ждал второго письма, исчезла, – он томился и тревожился все сильнее. Ведь за таким письмом, как первое, тотчас же должно было последовать что-то еще более прекрасное и радующее. Но Катя молчала.

Он реже стал ходить на деревню, ездить в поле. Он сидел в библиотеке, перелистывал журналы, уже десятки лет желтевшие и сохнувшие в шкафах. В журналах было много прекрасных стихов старых поэтов, чудесных строк, говоривших почти всегда об одном, – о том, чем полны все стихи и песни с начала мира, чем жила теперь и его душа и что неизменно мог он так или иначе отнести к самому себе, к

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru своей любви, к Кате. И он по целым часам сидел в кресле возле раскрытого шкафа и мучил себя, читая и перечитывая:

Люди спят, мой друг, пойдем в тенистый сад!
Люди спят, одни лишь звезды к нам глядят...

Все эти чарующие слова, все эти призывы были как бы его собственными, обращены были теперь как будто только к одной, к той, кого неотступно видел во всем и всюду он, Митя, и звучали порою почти грозно:

Над зеркальными водами
Машут лебеди крылами –
И колышется река:
О, приди же! Звезды блещут,
Листья медленно трепещут,
И находят облака...

Он, закрывая глаза, холодея, по несколько раз кряду повторял этот призыв, зов сердца, переполненного любовной силой, жаждущей своего торжества, блаженного разрешения. Потом долго смотрел перед собою, слушал глубокое деревенское молчание, окружавшее дом, – и горько качал головой. Нет, она не отзывалась, она безмолвно сияла где-то там, в чужом и далеком московском мире! – И опять отливала от сердца нежность – опять росло, ширилось это грозное, злое, заклинающее:

О, приди же! Звезды блещут,
Листья медленно трепещут,
И находят облака...

XIV

Однажды, подремав после обеда, – обедали в полдень, – Митя вышел из дома и не спеша пошел в сад. В саду часто работали девки, окапывали яблони, работали они и нынче. Митя шел посидеть возле них, поболтать с ними, – это уже входило в привычку.

День был жаркий, тихий. Он шел в сквозной тени аллеи и далеко видел вокруг себя кудрявые белоснежные ветви. Особенно силен, густ был цвет на грушах, и смесь этой белизны и яркой синевы неба давала фиолетовый оттенок. И груши и яблони цвели и осыпались, разрытая земля под ними была вся усеяна блеклыми лепестками. В теплом воздухе чувствовался их сладковатый, нежный запах вместе с запахом нагретого и преющего на скотном дворе навоза. Иногда находило облачко, синее небо голубело, и теплый воздух и эти тленные запахи делались еще нежнее и слаще. И все душистое тепло этого весеннего рая дремотно и блаженно гудело от пчел и шмелей, зарывавшихся в его медвяный кудрявый снег. И все время, блаженно скучая, по-дневному, то там, то здесь цокал то один, то другой соловей.

Аллея кончалась вдали воротами на гумно. Вдали налево, в углу садового вала, чернел ельник. Возле ельника пестрели среди яблонь две девки. Митя, как всегда, повернул со середины аллеи на них, – нагибаясь, пошел среди низких и раскидистых ветвей, женственно касавшихся его лица и пахнувших и медом, и как будто лимоном. И, как всегда, одна из девок, рыжая, худая Сонька, лишь только завидела его, дико захохотала и закричала.

– Ой, хозяин идет! – закричала она с притворным испугом и, соскочив с толстого сука груши, на котором она отдыхала, кинулась к лопате.

Другая девка, Глашка, сделала, напротив, вид, что совсем не замечает Митю, и, не спеша, крепко ставя на железную лопату ногу в мягкой чуне из черного войлока, за которую набились белые лепестки, энергично врезая лопату в землю и переворачивая отрезанный ломоть, громко запела сильным и приятным голосом: «Уж ты сад, ты мой сад, для кого ж ты цветешь!» Это была девка рослая, мужественная и всегда серьезная.

Митя подошел и сел на место Соньки, на старый грушевый сук, лежавший на рассохе. Сонька ярко глянула на него и громко, с деланной развязностью и веселостью спросила:

– Ай только встали? Смотрите, дела не проспите!

Митя нравился ей, и она всячески старалась скрыть это, но не умела, держала себя при нем неловко, говорила что попало, всегда, однако, намекая на что-то, смутно угадывая, что рассеянность, с которой Митя постоянно и приходил и уходил, не простая. Она подозревала, что Митя живет с Парашей или, по крайней мере, домогается этого, она ревновала и говорила с ним то нежно, то резко, глядела то томно, давая понять свои чувства, то холодно и враждебно. И все это доставляло Мите странное удовольствие. Письма не было и не было, он теперь не жил, а только изо дня на день существовал в непрестанном ожидании, все более томясь этим ожиданием и невозможностью ни с кем поделиться тайной своей любви и муки, поговорить о Кате, о своих надеждах на Крым, и потому намеки Соньки на какую-то его любовь были ему приятны: ведь все-таки эти разговоры как бы касались того сокровенного, чем томила его душа. Волновало его и то, что Сонька влюблена в него, а значит, отчасти близка ему, что делало ее как бы тайной соучастницей любовной жизни его души, даже давало порой странную надежду, что в Соньке можно найти не то наперсницу своих чувств, не то некоторую замену Кати.

Теперь Сонька, сама того не подозревая, опять коснулась его тайны: «Смотрите, дела не проспите!» Он посмотрел вокруг. Сплошная темно-зеленая чаща ельника, стоявшая перед ним, казалась от яркости дня почти черной, и небо сквозило в ее острых верхушках особенно великолепной синевой. Молодая зелень лип, кленов, вязов, насквозь светлая от солнца, всюду проникавшего ее, составляла по всему саду легкий радостный навес, сыпала пестроту тени и ярких пятен на траву, на дорожки, на поляны; жаркий и душистый цвет, белевший под этим навесом, казался фарфоровым, сиял, светился там, где солнце тоже проникало его. Митя, против воли улыбаясь, спросил Соньку:

– Какое же дело я могу проспать? То-то и горе, что у меня и дел-то никаких нету.

– Молчите уж, не божитесь, и так поверю! – крикнула Сонька в ответ весело и грубо, опять своим недоверием к отсутствию у Мити любовных дел доставляя ему удовольствие, и вдруг опять заорала, отмахиваясь от рыжего, с белой курчавой шерсткой на лбу теленка, который медленно вышел из ельника, подошел к ней сзади и стал жевать оборку ее ситцевого платья:

– Ах, омок тебя возьми! Вот еще сыночка бог послал!

– Правда, говорят, за тебя сватаются? – сказал Митя, не зная, что сказать, а желая продолжить разговор. – Говорят, двор богатый, малый красивый, а ты отказала, отца не слушаешься...

– Богат, да дурковат, а в голове рано смеркается, – бойко ответила Сонька, несколько польщенная. – У меня, может, об другом об ком думки идут...

Серьезная и молчаливая Глашка, не прерывая работы, покачала головой:

– Уж и несешь ты, девка, и с Дону и с моря! – негромко сказала она. – Ты тут брешешь что попало, а по селу слава пойдет...

– Молчи, не кудахтай! – крикнула Сонька. – Авось я не ворона, есть оборона!

– А о ком же это о другом у тебя думки идут? – спросил Митя.

– Так и призналась! – сказала Сонька. – Вон в вашего деда-пастуха влюбилась. Увижу, так до пят горячо! Я, не хуже вашего, все на старых лошадях ежу, – сказала она вызывающе, намекая, очевидно, на двадцатилетнюю Парашу, которая на деревне считалась уже старой девкой. И, внезапно бросив лопату, со смелостью, на которую она как будто имела некоторое право вследствие своей тайной влюбленности в барчука, села на землю, вытянула и слегка раздвинула ноги в старых грубых полсапожках и в шерстяных пегих чулках и беспомощно уронила руки.

– Ох, ничего не делала, а уморилась! – крикнула она, смеясь. – Сапоги мои худые, – пронзительно запела она, –

Сапоги мои худые,
Носки лаковые, –

и опять закричала, смеясь:

– Пойдемте со мной в салаш отдыхать, я на все согласная!

Смех этот заразил Митю. Широко и неловко улыбаясь, он соскочил с сука и, подойдя к Соньке, лег и положил ей голову на колени. Сонька скинула ее – он опять положил, опять думая стихами, которых он начитался за последние дни:

Вижу, роза, – счастья сила
Яркий свиток свой раскрыла
И увлажила росой –
Необъятный, непонятный,
Благовонный, благодатный
Мир любви передо мной...

– Не трожьте меня! – закричала Сонька уже с искренним испугом, стараясь поднять и отбросить его голову. – А то так закричу, все волки в лесу завоют! У меня ничего для вас нету, горело, да потухло!

Митя закрыл глаза и молчал. Солнце, дробясь через листву, ветви и грушевый цвет, горячими пятнами пестрило, щекотало его лицо. Сонька нежно и зло рванула его черные жесткие волосы, – «чисто у лошади!» – крикнула она и прикрыла ему картузом глаза. Под затылком он чувствовал ее ноги, – самое страшное в мире, женские ноги! – касался им ее живота, слышал запах ситцевой юбки и кофточки, и все это мешалось с цветущим садом и с Катей; томное цоканье соловьев вдаль и вблизи, немолчное сладострастно-дремотное жужжание несметных пчел, медвяный теплый воздух и даже простое ощущение земли под спиной мучило, томило жаждой какого-то сверхчеловеческого счастья. И вдруг в ельнике что-то зашуршало, весело и злорадно захохотало, потом гулко раздалось: «ку-ку! ку-ку!» – и так жутко, так выпукло, так близко и так явственно, что слышен был хрип и дрожание острого язычка, а желание Кати и желание, требование, чтобы она во что бы то ни стало немедленно дала именно это сверхчеловеческое счастье, охватило так неистово, что Митя, к крайнему удивлению Соньки, порывисто вскочил и большими шагами зашагал прочь.

Вместе с этим неистовым желанием, требованием счастья, под этот гулкий голос, внезапно раздавшийся с такой страшной явственностью над самой его головой в ельнике и как будто до дна разверзший лоно всего этого весеннего мира, он вдруг вообразил, что письма не будет и не может быть, что в Москве что-то случилось или вот-вот случится и что он погиб, пропал!

XV

В доме он на минуту остановился перед зеркалом в зале. «Она права, – подумал он, – глаза у меня если и не византийские, то, во всяком случае, сумасшедшие. А эта худоба, грубая и костлявая нескладность, мрачная угольность бровей, жесткая чернота волос, действительно почти лошадиных, как сказала Сонька?»

Но сзади его послышался быстрый топот босых ног. Он смутился, обернулся:

– Верно, влюбились, все в зеркало смотрите, – с ласковой шутливостью сказала Параша, пробегая мимо с кипящим самоваром в руках на балкон.

– Вас мама искали, – прибавила она, с размаху ставя самовар на убранный к чаю стол и, обернувшись, быстро и зорко взглянула на Митю.

«Все знают, все догадываются!» – подумал Митя и через силу спросил:

– А где она?

– У себя в комнате.

Солнце, обойдя дом и уже переходя на западное небо, зеркально заглядывало под сосны и пихты, своими хвойными ветвями осенявшие балкон. Кусты бересклета под ними блестя тоже совсем по-летнему, стеклянно. Стол, покрытый легкой тенью и кое-где жаркими пятнами света, сиял скатертью. Осы вились над корзиночкой с

белым хлебом, над граненой вазой с вареньем, над чашками. И вся эта картина говорила о прекрасном деревенском лете и о том, как можно было бы быть счастливым, беззаботным. Чтобы предупредить выход мамы, которая, конечно, не менее других понимает его положение, и чтобы показать, что у него вовсе нет никаких тяжких тайн на душе, Митя пошел из зала в коридор, в который выходили двери его комнаты, маминой и двух других, где летом жили Аня и Костя. В коридоре было сумрачно, в комнате Ольги Петровны синевато. Вся комната была тесно и уютно загромождена наиболее старинной мебелью, имевшейся в доме: шифоньерками, комодами, большой постелью и божницей, перед которой, как обыкновенно, горела лампада, хотя Ольга Петровна никогда не проявляла особой религиозности. За открытыми окнами, на запущенном цветнике перед входом в главную аллею, лежала широкая тень, за тенью празднично зеленел и белел в упор освещенный сад. Не глядя на весь этот давно привычный вид, опустив глаза в очках на вязанье, Ольга Петровна, крупная и сухощавая, черная и серьезная сорокалетняя женщина, сидела у окна в кресле и быстро ковыряла крючком.

– Ты спрашивала меня, мама? – сказал Митя, входя и останавливаясь у порога.

– Да нет, я просто хотела тебя видеть. Я ведь теперь почти никогда, кроме обеда, не вижу тебя, – ответила Ольга Петровна, не прерывая работы и как-то особенно, не в меру спокойно.

Митя вспомнил, как девятого марта Катя сказала, что она почему-то боится его матери, вспомнил тайное очаровательное замечание, которое, несомненно, было в ее словах... Он неловко пробормотал:

– Но ты, может, хотела что-нибудь сказать мне?

– Ничего, кроме того, что мне кажется, что ты что-то заскучал последние дни, – сказала Ольга Петровна. – Может, проехался бы куда-нибудь... к Мещерским, например... Полон дом невест, – прибавила она, улыбаясь, – и вообще, по-моему, очень милая и радушная семья.

– Как-нибудь на днях с удовольствием съезжу, – с трудом ответил Митя. – Но пойдем чай пить, там так хорошо на балконе... Там и поговорим, – сказал он, отлично зная, что мама, по своему пронзительному уму и по своей сдержанности, не будет больше возвращаться к этому бесполезному разговору.

На балконе они просидели почти до заката. Мама после чая продолжала вязать и говорить о соседях, о хозяйстве, об Ане и Косте, – у Ани опять передержка в августе! Митя слушал, порою отвечал, но все время испытывал нечто подобное тому, что он испытывал перед отъездом из Москвы, – что опять он как будто пьян от какой-то тяжелой болезни.

А вечером он часа два безостановочно шагал по дому взад и вперед, насквозь проходя зал, гостиную, диванную и библиотеку, вплоть до ее южного окна, открытого в сад. В окна зала и гостиной мягко краснел меж ветвями сосен и пихт закат, слышались голоса и смех работников, собиравшихся к ужину возле людской. В пролет комнат, в окно библиотеки, глядела ровная и бесцветная синева вечернего неба с неподвижной розовой звездой над пей; на этой синеве картинно рисовалась зеленая вершина клена и белизна, как бы зимняя, всего того, что цвело в саду. А он шагал и шагал, уже совсем не заботясь о том, как будет это истолковано в доме. Зубы его были стиснуты до боли в голове.

XVI

С этого дня он перестал следить за всеми теми переменами, что совершало вокруг него наступающее лето. Он видел и даже чувствовал их, эти перемены, но они потеряли для него свою самостоятельную ценность, он наслаждался ими только мучительно: чем было лучше, тем мучительнее было ему. Катя стала уже истинным наваждением; Катя была теперь во всем и за всем уже до нелепости, а так как всякий новый день все страшнее подтверждал, что она для него, для Мити, уже не существует, что она уже в чьей-то чужой власти, отдает кому-то другому себя и свою любовь, всецело долженствующую принадлежать ему, Мите, то и все в мире стало казаться ненужным, мучительным и тем более ненужным и мучительным, чем более оно было прекрасно.

По ночам он почти не спал. Прелесть этих лунных ночей была несравненна. Тихо-тихо стоял ночной млечный сад. Осторожно, изнемогая от неги, пели ночные соловьи, состязаясь друг с другом в сладости и тонкости песен, в их чистоте, тщательности, звучности. И тихая, нежная, совсем бледная луна низко стояла над садом, и неизменно сопутствовала ей мелкая, несказанно прелестная зыбь голубоватых облаков. Митя спал с незанавешенными окнами, и сад и луна всю ночь смотрели в них. И всякий раз как он открывал глаза и взглядывал на луну, он тотчас же мысленно произносил, как одержимый: «Катя!» – и с таким восторгом, с такой болью, что ему самому становилось дико: чем, в самом деле, могла напомнить ему Катю луна, а ведь напомнила же, напомнила чем-то и, что всего удивительнее, даже чем-то зрительным! А порою он просто ничего не видел: желание Кати, воспоминания о том, что было между ними в Москве, охватывали его с такой силой, что он весь дрожал лихорадочной дрожью и молил бога – и, увы, всегда напрасно! – увидеть ее вместе с собой, вот на этой постели, хоть во сне. Однажды зимой он был с ней в Большом театре на «Фаусте» с Собиновым и Шаляпиным. Почему-то в этот вечер все казалось ему особенно восхитительным: и светлая, уже знойная и душистая от многолюдства бездна, зиявшая под ними, и красно-бархатные, с золотом, этажи лож, переполненные блестящими нарядами, и жемчужное сияние над этой бездной гигантской люстры, и льющиеся далеко внизу под маханье каплеймейстера звуки увертюры, то гремящие, дьявольские, то бесконечно нежные и грустные; «Жил, был в фуле добрый король...» Проводив после этого спектакля, по крепкому морозу лунной ночи, Катю на Кисловку, Митя особенно поздно засиделся у нее, особенно изнемог от поцелуев и унес с собой шелковую ленту, которой Катя завязывала себе на ночь косу. Теперь, в эти мучительные майские ночи, он дошел до того, что не мог думать без содрогания даже об этой ленте, лежавшей в его письменном столе.

А днем он спал, потом уезжал верхом в то село, где была железнодорожная станция и почта. Дни продолжали стоять погожие. Перепадали дожди, пробегали грозы и ливни, и опять сияло жаркое солнце, непрестанно творившее свою спешную работу в садах, полях и лесах. Сад отцветал, осыпался, но зато продолжал буйно густеть и темнеть. Леса тонули уже в несметных цветах, в высоких травах, и звучная глубина их немолчно звала в свои зеленые недра соловьями и кукушками. Уже исчезла нагота полей – их сплошь покрыли разнообразно богатые всходы хлебов. И Митя по целым дням пропадал в этих лесах и полях.

Слишком стыдно стало ему торчать каждое утро на балконе или среди двора в бесплодном ожидании приезда с почты старосты или работника. Да и не всегда было время у старосты и у работников ездить за восемь верст за пустяками. И вот он стал ездить на почту сам. Но и сам он неизменно возвращался домой с одним номером орловской газеты или письмом Ани, Кости. И муки его стали достигать уже крайнего предела. Поля и леса, по которым ехал он, так подавляли его своей красотой, своим счастьем, что он стал чувствовать где-то в груди боль даже телесную.

Раз, перед вечером, он ехал с почты через пустую соседскую усадьбу, стоявшую в старом парке, который сливался с окружавшим его березовым лесом. Он ехал по табельному проспекту, как называли мужики главную аллею этой усадьбы. Ее составляли два ряда огромных черных елей. Великолепно-мрачная, широкая, вся покрытая толстым слоем рыжей скользкой хвои, она вела к старинному дому, стоявшему в самом конце ее коридора. Красный, сухой и спокойный свет солнца, опускавшегося слева за парком и лесом, наискось озарял между стволами низ этого коридора, блестел по его хвойной золотистой настилке. И такая зачарованная тишина царила кругом, – только одни соловьи гремели из конца в конец парка, – так сладко пахло и елями и жасмином, кусты которого отовсюду обступали дом, и такое великое – чье-то чужое, давнее – счастье почувствовалось Мите во всем этом и так страшно явственно вдруг представилась ему на огромном ветхом балконе, среди кустов жасмина, Катя в образе его молодой жены, что он сам ощутил, как смертельная бледность стягивает его лицо, и твердо сказал вслух, на всю аллею:

– Если через неделю письма не будет, – застрелюсь!

XVII

На другой день он встал очень поздно. После обеда он сидел на балконе, держал на коленях книгу, глядел на страницы, покрытые печатью, и тупо думал: «Ехать или нет на почту?»

Было жарко, белые бабочки парами вились друг за другом над горячей травой, над стеклянно блестящим бересклетом. Он следил за бабочками и опять спрашивал себя: «Ехать или разом оборвать эти постыдные поездки?»

Из-под горы, в воротах, показался верхом на жеребце староста. Староста посмотрел на балкон и поехал прямо на него. Подъехав, он остановил лошадь и сказал:

– Доброго утра! Все читаете?

И усмехнулся, оглянулся кругом.

– Мамаша спят? – спросил он негромко.

– Думаю, что спит, – ответил Митя. – А что?

Староста помолчал и вдруг серьезно сказал:

– Что ж, барчук, книжка хороша, да на все время надо знать. Что ж вы монахом-то живете? Ай мало баб, девок?

Митя не отозвался и опустил глаза на книгу.

– Ты где был? – спросил он, не глядя.

– Был на почте, – сказал староста. – И, конечно, писем никаких там нету, кроме одной газетки.

– Почему же «конечно»?

– Потому, что, значит, еще пишут, не дописали, – ответил староста грубо и насмешливо, обиженный тем, что Митя не поддержал его разговора. – Пожалуйте получить, – сказал он, протягивая Мите газетку, и, тронув лошадь, поехал прочь.

«Застрелюсь!» – подумал Митя твердо, глядя в книгу и ничего не видя.

XVIII

Митя и сам не мог не понимать, что нельзя и вообразить себе ничего более дикого, как это: застрелиться, раздробить себе череп, сразу оборвать биение крепкого молодого сердца, оборвать мысль и чувство, оглохнуть, ослепнуть, исчезнуть из того несказанно прекрасного мира, который только теперь впервые весь открылся перед ним, мгновенно и навеки лишиться всякого участия в той самой жизни, где Катя и наступающее лето, где небо, облака, солнце, теплый ветер, хлеба в полях, села, деревни, девки, мама, усадьба, Аня, Костя, стихи в старых журналах, а где-то там – Севастополь, Байдарские ворота, сиреневые знойные горы в сосновых и буковых лесах, ослепительно-белое, душное шоссе, сады Ливадии и Алупки, раскаленный песок у сияющего моря, загорелые дети, загорелые купальщицы – и опять Катя, в белом платье, под белым зонтиком, сидящая на гальке у самых волн, слепящих своим блеском, вызывающих невольную улыбку беспричинного счастья...

Он это понимал, но что же было делать? Как и куда вырваться из того заколдованного круга, где было тем мучительнее, тем нестерпимее, чем было лучше? Именно это-то и было непосильно – то самое счастье, которым подавлял его мир и которому недоставало чего-то самого нужного.

Вот он просыпался утром, и первое, что ударяло ему в глаза, было радостное солнце, первое, что он слышал, был радостный, знакомый с детства трезвон деревенской церкви – там, за росистым, полным тени и блеска, птиц и цветов садом; радостны, милы были даже желтенькие обои на стенах, все те же, что желтели и в его детстве. Но тотчас же, восторгом и ужасом, всю душу пронзала мысль: Катя! Утреннее солнце блистало ее молодостью, свежесть сада была ее свежестью, все то веселое, игривое, что было в трезвоне колоколов, тоже играло красотой, изяществом ее образа, дедовские обои требовали, чтобы она разделила с Митей всю ту родную деревенскую старину, ту жизнь, в которой жили и умирали здесь, в этой усадьбе, в этом доме, его отцы и деды. И Митя отбрасывал прочь одеяло, вскакивал с постели в одной рубашке, с раскрытым воротом, длинноногий,

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
худой, но все же крепкий, молодой, теплый со сна, быстро выдвигал ящик письменного стола, хватал заветную фотографическую карточку и впадал в столбняк, жадно и вопросительно глядя на нее. Вся прелесть, вся грация, все то неизъяснимое, сияющее и зовущее, что есть в девичьем, в женском, все было в этой немного змеиной головке, в ее прическе, в ее чуть вызывающем и вместе с тем невинном взоре! Но загадочно и с несокрушимым веселым безмолвием сиял этот взор – и где было взять сил перенести его, такой близкий и такой далекий, а теперь, может быть, даже и навеки чужой, открывший такое несказанное счастье жить и так бесстыдно и страшно обманувший?

В тот вечер, когда он ехал с почты через Шаховское, через эту старинную пустую усадьбу с черной еловой аллеей, он очень точно выразил своим неожиданным даже для самого себя восклицанием то крайнее изнеможение, которого он достиг. Стоя под окном почты, глядя с седла, как почтарь напрасно роется в куче газет и писем, он услышал сзади себя шум подходящего к станции поезда, и этот шум и запах паровозного дыма потряс его счастьем воспоминания о Курском вокзале и вообще о Москве. Едучи по селу с почты, в каждой идущей впереди девке небольшого роста, в движении ее бедер он с испугом ловил что-то Катину. В поле он встретил чью-то тройку, – в тарантасе, который шибко несла она, мелькнули две шляпки, одна девичья, и он чуть не вскрикнул: «Катя!» Белые цветы на меже мгновенно связывались с мыслью о ее белых перчатках, синие медвежьи ушки – с цветом ее вуали... А когда он, при заходящем солнце, въезжал в Шаховское, сухой и сладкий запах елей и роскошный запах жасмина дали ему такое острое чувство лета и чьей-то старинной летней жизни в этой богатой и прекрасной усадьбе, что, взглянув на красно-золотой вечерний свет в аллее, на дом, стоявший в ее глубине, в вечерней тени, он вдруг увидел Катю, сходящую, во всем расцвете женской прелести, с балкона в сад, почти совершенно так же явственно, как видел дом и жасмин. Уже давно утерял он жизненное представление о ней, и уже являлась она ему с каждым днем все необычнее, все преображеннее, – в этот же вечер ее преображение достигло такой силы, такой торжествующей победности, что Митя ужаснулся еще более, чем в тот полдень, когда внезапно закуковала над ним кукушка.

ХІХ

И он перестал ездить на почту, заставил себя оборвать эти поездки отчаянным, крайним усилием воли. Перестал и сам писать. Ведь все уже было испробовано, все написано: и неистовые уверения в своей любви, такой, какой еще не бывало на земле, и унижительные мольбы о ее любви или хотя бы о «дружбе», и бессовестные выдумки, что он болен, что он пишет, лежа в постели, – с целью вызвать к себе хоть жалость, хоть какое-нибудь внимание, – и даже угрожающие намеки на то, что ему останется, кажется, одно: избавить Катю и своих «более счастливых соперников» от своего присутствия на земле. И, перестав писать и помогать ответа, всеми силами заставляя себя не ждать ничего (а все-таки втайне надеясь, что письмо придет именно тогда, когда или обманешь судьбу, очень хорошо прикинувшись равнодушным, или когда в самом деле добьешься равнодушия), всячески стараясь не думать о Кате, всячески ища спасения от нее, он опять стал читать что под руку попадет, ездить со старостой по хозяйственным делам в соседние села и внутренне без усталости твердить себе; «Все равно, пусть будет что будет!»

И вот однажды возвращались они со старостой с хутора, ехали на бегунках и, как всегда, шибко. Оба сидели верхом, староста впереди, – он правил, – а Митя сзади, и оба подсакивали от толчков, особенно Митя, который крепко держался за подушку и глядел то в красный затылок старосты, то на прыгающие перед глазами поля. Подъезжая к дому, староста опустил вожжи, поехал шагом, стал вертеть сигарку и, ухмыляясь в развернутый кисет, сказал:

– Вот вы тогда, барчук, обиделись на меня, а понапрасну. Разве я не правду вам говорил? Книжка хороша, отчего и не почитать на гулянках, да ведь она не уйдет, на все время надо знать.

Митя вспыхнул и неожиданно для самого себя ответил с притворной простотой и неловкой усмешкой:

– Да никого что-то нету на примете...

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
– как так? – сказал староста. – Сколько баб, девок!

– Девки только манят, – ответил Митя, стараясь говорить в тон старосте. – На девок надежда плохая.

– Не манят, а обращения вы не знаете, – сказал староста уже наставительно. – И опять же скупитесь. А сухая ложка рот дерет.

– Ничего бы я не стал скупиться, будь дело путное и верное, – ответил вдруг Митя бесстыдно.

– А не станете, все и будет в лучшем виде, – сказал староста, закуривая, и продолжал как бы несколько обиженно: – Мне не целковый, не подарок ваш дорог, а мне хочется удовольствие вам сделать. Гляну, гляну: скучает барчук! Нет, думаю, этого дела нельзя так оставить. Я своих господ всегда беру в расчет. Я вот у вас второй год живу, а ни от вас, ни от барыни, слава богу, плохого слова не слышал. Другим, к примеру, что барская скотина? Сыта – хорошо, нет – черт с ней. А у меня того нет. Мне скотина дороже всего. Я и ребятам говорю; мне как хотите, а чтобы у меня скотина сыта была!

Митя уже стал думать, что староста выпивши, но староста вдруг бросил обиженно-задушевный тон и сказал, вопросительно взглянув на Митю через плечо:

– Да вот чего лучше Аленка? Бабенка ядовитая, молоденькая, муж на шахтах... Только и ей, конечно, надо какой-нибудь пустяк сунуть. Ну, истратите, скажем, на все про все пятерку. Целковый, скажем, ей на угощенье, два – на руки. Ну, мне на табачишко сколько-нибудь...

– За этим дело не станет, – ответил Митя, опять против воли. – Только про какую Аленку ты говоришь?

– Понятно, про лесникову, – сказал староста. – Да ай вы ее не знаете? Невестка нового лесника. Вы ее, думается, в прошлое воскресенье в церкви видели... Я тогда прямо же подумал: вот бы нашему барчуку в самый раз! Всего второй год замужем, ходит чисто...

– Ну и что же, – ответил Митя, усмехаясь, – ну вот и устрой.

– Тогда я, значит, буду стараться, – сказал староста, берясь за вожжи. – Я, значит, на днях попытаю ее. А вы и сами пока не дремите. Завтра она у нас с девками вал в саду опрavlять будет, вот вы и приходите в сад... А книжка эта никогда не уйдет, авось еще в Москве начитаетесь...

И тронул лошадь, и дрожки опять затряслись и запрыгали, Митя крепко держался за подушку и, стараясь не глядеть на красную толстую шею старосты, смотрел вдаль, через деревья своего сада и лозины деревни, лежавшей на скате к реке, к речным лугам. Что-то дико неожиданное, нелепое и вместе с тем такое, отчего по всему телу проходило знобящее томление, было уже наполовину сделано. И уже как-то по-иному, чем прежде, торчала перед ним из-за вершин сада и блестела крестом в предвечернем солнце с детства знакомая колокольня.

XX

Девки за худобу звали Митю борзым, он был из той породы людей с черными, как бы постоянно расширенными глазами, у которых почти не растут даже в зрелые годы ни усы, ни борода, – курчавится только нечто редкое и жесткое. Однако на другой день после разговора со старостой он с утра побрился и надел желтую шелковую рубашку, странно и красиво осветившую его изможденное и как бы вдохновенное лицо.

В одиннадцатом часу он медленно, стараясь придать себе немного скучающий, от нечего делать гуляющий вид, пошел в сад.

Вышел он с главного крыльца, обращенного на север. На севере, над крышами каретного сарая и скотного двора и над той частью сада, из-за которой всегда глядела колокольня, стояла аспидная муть. Да и все было тускло, в воздухе парило и пахло из трубы людской. Митя повернул за дом и направился к липовой аллее,

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
глядя на вершины сада и на небо. Из-под неопределенных туч, заходящих за садом, с юго-востока, дуло слабым горячим ветром. Птицы не пели, даже соловьи молчали. Одни пчелы во множестве беззвучно неслись через сад со взятки.

Девки, поправляя вал, работали опять возле ельника, заделывали в валу протоптанные скотиной лазы, заваливали их землей и парным, приятно-вонючим навозом, который работники от времени до времени подвозили со скотного двора через аллею, – аллея вся была усеяна влажными и блестящими шмотами. Девок было штук шесть. Соньки уже не было, – ее таки просватали, и теперь она сидела дома, кое-что готовя к свадьбе. Было несколько совсем еще жиденских девчонок, была толстая, миловидная Анютка, была Глашка, ставшая как будто еще суровее и мужественнее, – и Аленка. И Митя сразу увидел ее среди деревьев, сразу понял, что это она, хотя прежде никогда не видал ее, и его, как молния, поразило нежданно и резко ударившее ему в глаза что-то общее, что было, – или только почудилось ему, – в Аленке с Катей. Это было так удивительно, что он даже приостановился, на миг оторопел. Потом решительно пошел прямо на нее, не спуская с нее глаз.

Она была тоже невелика, подвижна. Несмотря на то, что она пришла на грязную работу, она была в хорошенькой (белой с красными крапинками) ситцевой кофте, подпоясанной черным лакированным поясом, в такой же юбке, в розовом платочке, в красных шерстяных чулках и в черных мягких чунях, в которых (или, вернее, во всей ее маленькой легкой ноге) было опять-таки что-то Катино, то есть женское, смешанное с чем-то детским. И головка у нее была невелика и темные глаза стояли и сияли почти так же, как у Кати. Когда Митя подходил, она одна не работала, как бы чувствуя свою некую особенность среди прочих, стояла на валу, поставив правую ногу на вилы и разговаривая со старостой. Староста, облокотясь, лежал под яблоней на своем пиджаке с рваной подкладкой и курил. Митя подошел – он вежливо подвинулся на траву, давая ему место на пиджаке.

– Садитесь, Митрий Палыч, закурьте, – сказал он дружески и небрежно.

Митя бегло, исподтишка глянул на Аленку, – очень хорошо освещал ее лицо ее розовой платочек, – сел и, опустив глаза, стал закуривать (он много раз за зиму и весну бросал курить, теперь опять закурив). Аленка даже не поклонилась ему, как будто и не заметила его. Староста продолжал говорить ей что-то, чего Митя не понимал, не зная начала разговора. Она смеялась, но как-то так, точно ни ум, ни сердце ее не участвовали в этом смехе. В каждую свою фразу староста пренебрежительно и насмешливо вставлял похабные намеки. Она отвечала ему легко и тоже насмешливо, давая понять, что он в каких-то своих намерениях на кого-то вел себя глупо, чересчур нахрапом, а вместе с тем и трусливо, боясь жены.

– Ну, да тебя не перебрешешь, – сказал наконец староста, прекращая спор, будто бы ввиду его надоевшей бесполезности. – Ты лучше иди посиди с нами. Барин тебе хочет слово сказать.

Аленка повела глазом куда-то в сторону, подоткнула на височках темные колечки волос и не двинулась с места.

– Иди, говорю, дура! – сказал староста.

И, подумав мгновенье, Аленка вдруг легко соскочила с вала, подбежала и на корточках присела в двух шагах от лежавшего на пиджаке Мити, весело и любопытно смотря в лицо ему темными расширенными глазами. Потом засмеялась и спросила:

– А правда вы, барчук, с бабами не живете? Как дьячок какой?

– А ты почему знаешь, что не живут? – спросил староста.

– Да уж знаю, – сказала Аленка. – Слышала. Нет, они не могут. У них в Москве есть, – вдруг заиграв глазами, сказала она.

– Подходящих для них нету, вот и не живут, – ответил староста. – Много ты понимаешь в их деле!

– Как нету? – сказала Аленка, смеясь. – Сколько баб, девок! Вон Анютка, – чего лучше? Анютк, поди сюда, дело есть! – крикнула она звонко.

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
Анютка, широкая и мягкая в спине, короткорукая, обернулась, – лицо у нее было миловидное, улыбка добрая и приятная, – что-то крикнула в ответ певучим голосом и заработала еще пуще.

– Говорят тебе, поди! – еще звончей повторила Аленка.

– Нечего мне ходить, не заучена я этим делам, – пропела Анютка радостно.

– Нам Анютка не нужна, нам надо почище, поблагороднее, – наставительно сказал староста. – Мы сами знаем, кого нам надо.

И очень выразительно посмотрел на Аленку. Она слегка смутилась, чуть-чуть покраснела.

– Нет, нет, нет, – ответила она, скрывая смущение улыбкой, – лучше Анютки не найдете. А не хотите Анютку, – Настьку, она тоже чисто ходит, в городе жила...

– Ну будет, молчи, – неожиданно грубо сказал староста. – Занимайся своим делом, побрехала, и будет. Меня и так барыня ругают, говорят, они у тебя только охальничают...

Аленка вскочила – и опять с необыкновенной легкостью – взялась за вилы. Но работник, сваливший в это время последнюю телегу навоза, крикнул: «Завтракать!» – и, задергав вожжами, бойко загремел вниз по аллее пустым тележным ящиком.

– Завтракать, завтракать! – на разные голоса закричали и девки, бросая лопаты и вилы, перескакивая через вал, соскакивая с него, мелькая голыми ногами и разноцветными чулками и сбегаясь под ельник к своим узелкам.

Староста покосился на Митю, подмигнул ему, желая сказать, что дело идет, и, приподнимаясь, начальственно согласился:

– Ну, завтракать так завтракать...

Девки, пестрея под темной стеной елок, весело и как попало расселись на траве, стали развязывать узелки, вынимать лепешки и раскладывать их на подолы между прямо лежащих ног, стали жевать, запивая из бутылок кто молоком, кто квасом и продолжая громко и беспорядочно говорить, хохоча каждому слову и поминутно взглядывая на Митю любопытными и вызывающими глазами. Аленка, наклонясь к Анютке, что-то сказала ей на ухо. Анютка, не сдержав очаровательной улыбки, с силой оттолкнула ее (Аленка, давась смехом, повалилась головой к себе на колени) и с притворным возмущением крикнула на весь ельник своим певучим голосом:

– Дура! Чего гогочешь без дела? какая радость?

– Пойдемте от греха, Митрий Палыч, – сказал староста, – ишь их черти разбирают!

XXI

На другой день в саду не работали, был праздник, воскресенье.

Ночью лил дождь, мокро шумело по крыше, сад то и дело бледно, но широко, сказочно озарялся. К утру, однако, погода опять разгулялась, опять все стало просто и благополучно, и Митю разбудил веселый, солнечный трезвон колоколов.

Он не спеша умылся, оделся, выпил стакан чаю и пошел к обедне. «Мама уж ушли, – ласково упрекнула его Параша, – а вы как татарин какой...»

В церковь можно было пройти или по выгону, выйдя из ворот усадьбы и свернув направо, или через сад, по главной аллее, а потом по дороге между садом и гумном, налево. Митя пошел через сад.

Все было уже совсем по-летнему. Митя шел по аллее прямо на солнце, сухо блестящее на гумне и в поле. И этот блеск и трезвон колоколов, как-то очень хорошо и мирно сливавшийся с ним и со всем этим деревенским утром, и то, что Митя только что вымылся, причесал свои мокрые, глянцевиные черные волосы и надел студенческий картуз, все вдруг показалось так хорошо, что Митю, опять не

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
спавшего всю ночь и опять прошедшего ночью через множество самых разнородных мыслей и чувств, вдруг охватила надежда на какое-то счастливое разрешение всех его терзаний, на спасение, освобождение от них. Колокола играли и звали, гумно впереди жарко блестело, дятел, приостанавливаясь, приподнимая хохолок, быстро бежал вверх по корявому стволу липы в ее светло-зеленую, солнечную вершину, бархатные черно-красные шмели заботливо зарывались в цветы на полянах, на припеке, птицы заливались по всему саду сладко и беззаботно... Все было, как бывало много, много раз в детстве, в отрочестве, и так живо вспомнилось все прелестное, беззаботное прежнее время, что вдруг явилась уверенность, что бог милостив, что, может быть, можно прожить на свете и без Кати.

«В самом деле, поеду к Мещерским», – подумал вдруг Митя.

Но тут он поднял глаза – и в двадцати шагах от себя увидел как раз в этот момент проходившую мимо ворот Аленку. Она опять была в шелковом розовом платочке, в голубом нарядном платье с оборками, в новых башмаках с подковками. Она, виляя задом, быстро шла, не видя его, и он порывисто подался в сторону, за деревья.

Дав ей скрыться, он, с бьющимся сердцем, поспешно пошел назад, к дому. Он вдруг понял, что пошел в церковь с тайной целью увидеть ее, и то, что видеть ее в церкви нельзя, не надо.

XXII

Во время обеда нарочный со станции привез телеграмму – Аня и Костя извещали, что будут завтра вечером. Митя отнесся к этому совершенно равнодушно.

После обеда он навзничь лежал на плетеном диване на балконе, закрыв глаза, чувствуя доходящее до балкона жаркое солнце, слушая летнее жужжанье мух. Сердце дрожало, в голове стоял неразрешимый вопрос: а как же дальше дело с Аленкой? Когда же оно решится окончательно? Почему староста не спросил ее вчера прямо: согласна ли она, и, если да, то где и когда? А рядом с этим мучило другое: следует или нет нарушить свое твердое решение не ездить больше на почту? Не съездить ли нынче еще раз, последний? Новое и бессмысленное издевательство над своим собственным самолюбием? Новое и бессмысленное терзание себя жалкой надеждой? Но что может теперь прибавить эта поездка (в сущности, простая прогулка) к его терзаниям? Разве теперь не совершенно очевидно, что там, в Москве, для него все и навеки кончено? Что ему вообще теперь делать?

– Барчук! – раздался вдруг негромкий голос возле балкона. – Барчук, вы спите?

Он быстро открыл глаза. Перед ним стоял староста в новой ситцевой рубашке, в новом картузе. Лицо у него было праздничное, сытое и слегка сонное, хмельное.

– Барчук, едемте скорей в лес, – зашептал он. – Я барыне сказал, что мне нужно повидаться с Трифоном насчет пчел. Едемте скорей, пока они почивают, а то ну-ка проснутся и отдумают... Захватим чего-нибудь угостить Трифона, он захмелеет, вы его заговорите, а я исхитрюсь шепнуть словечко Аленке. Выходите скорей, я уж запряг...

Митя вскочил, пробежал лакейскую, схватил картуз и быстро пошел к каретному сараю, где стоял запряженный в беговые дрожки молодой горячий жеребчик.

XXIII

Жеребчик прямо с места вихрем вынес за ворота. Против церкви на минуту остановились возле лавки, взяли фунт сала и бутылку водки и понеслись дальше.

Мелькнула изба на выезде, у которой стояла наряженная и не знавшая, что делать, Анютка. Староста в шутку, но грубо крикнул ей что-то и с хмельным, бессмысленным и злым удалством крепко передернул вожжами, хлестнул ими по крупу жеребчика. Жеребчик еще наддал.

Митя, сидя и подсакивая, держался изо всех сил. В затылок ему приятно пекло, в лицо тепло дуло полевым жаром, пахнувшим уже зацветающей рожью, дорожной пылью, колесной мазью. Рожь ходила, отливала серебристо-серой, точно какой-то чудесный

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
мех, зыбью, над ней поминутно взвивались, пели, косо неслись и падали жаворонки, далеко впереди мягко синел лес...

Через четверть часа были уже в лесу и все так же шибко, стучаясь о пни и корни, помчались по его тенистой дороге, радостной от солнечных пятен и несметных цветов в густой и высокой траве по сторонам. Аленка, в своем голубом платье, прямо и ровно положив ноги в полусапожках, сидела в распускающихся возле караулки дубках и вышивала что-то. Староста пролетел мимо нее, погрозив ей кнутом, и сразу осадил у порога. Митю поразили горький и свежий аромат леса, молодой дубовой листвы, оглушил звонкий лай собачонок, окруживших дрожки и наполнивших весь лес откликами. Они стояли и яростно заливались на все лады, а мохнатые морды их были добры и хвосты виляли.

Слезли, привязали жеребчика к сухому, опаленному грозой деревцу под окнами и вошли через темные сени.

В караулке было очень чисто, очень уютно и очень тесно, жарко и от солнца, светившего из-за леса в оба ее окошечка, и оттого, что была натоплена печь, – утром пекли ситники. Федосья, свекровь Аленки, чистенькая и благообразная на вид старушка, сидела за столом, спиной к солнечному, усыпанному мелкими мушками окошечку. Увидав барчука, она встала и низко поклонилась. Поздоровавшись, сели и стали закуривать.

– А где ж Трифон? – спросил староста.

– Отдыхает в клети, – сказала Федосья, – я сейчас пойду его покличу.

– Идет дело! – шепнул староста, моргнув обоими глазами, как только она вышла.

Но никакого дела Митя покуда не видел. Покуда было только нестерпимо неловко, – казалось, что Федосья уже отлично понимает, зачем они приехали. Опять мелькала ужасавшая уже третий день мысль: «Что я делаю? Я с ума схожу!» Он чувствовал себя лунатиком, покоренным чьей-то посторонней волей, все быстрее и быстрее идущим к какой-то роковой, но неотразимо влекущей пропасти. Но, стараясь иметь простой и спокойный вид, он сидел, курил, осматривал караулку. Особенно стыдно было при мысли, что сейчас войдет Трифон, мужик, как говорят, злой, умный, который сразу все поймет еще лучше Федосьи. Но вместе с тем была и другая мысль: «А где же она спит? Вот на этих нарах или в клети?» Конечно, в клети, подумал он. Летняя ночь в лесу, окошечки в клети без рамы, без стекол, и всю ночь слышен дремотный лесной шепот, а она спит...

XXIV

Трифон, войдя, тоже низко поклонился Мите, но молча, не взглянув ему в глаза. Потом сел на скамейку перед столом и сухо и неприязненно заговорил со старостой: в чем дело, зачем пожаловал? Староста поспешил сказать, что его прислала барыня, что она просит Трифона прийти посмотреть пасеку, что ихний пасечник старый, глухой дурак, а что он, Трифон, может, первый пчеловод во всей губернии по своему уму и понятию, – и немедля вытащил из одного кармана штанов бутылку водки, а из другого сало в шершавой серой бумаге, уже насквозь промаслившейся. Трифон холодно и насмешливо покосился, однако поднялся с места и достал с полки чайную чашку. Староста поднес сперва Мите, потом Трифону, потом Федосье, – она с удовольствием вытянула чашку до доньшка, – и, наконец, налил себе. Выпив, он тотчас же стал обносить по второй, жуя ситник и раздувая ноздри.

Трифон довольно быстро захмелел, однако не потерял своей сухости и неприязненной насмешливости. Староста тяжело отупел после второй же чашки. Разговор принял по внешности характер дружеский, но глаза у обоих были недоверчивые, злобные. Федосья сидела молча, смотрела вежливо, но недовольно. Аленка не показывалась. Потеряв всякую надежду, что она придет, ясно видя, что это совершенно дурацкая мечта – рассчитывать теперь на то, что старосте удастся шепнуть ей «словечко», если бы она даже и пришла, – Митя поднялся и строго сказал, что пора ехать.

– Сейчас, сейчас, успеется! – хмуро и нагло отозвался староста. – Мне еще надо вам словечко по секрету сказать.

– Ну вот дорогой и скажешь, – сказал сдержанно, но еще строже Митя. – Едем.

Но староста хлопнул ладонью по столу и с пьяной загадочностью повторил:

– А я вам говорю, что дорогой этого нельзя говорить! Выйдите ко мне на минутку...

И, тяжело поднявшись с места, распахнул дверь в сенцы.

Митя вышел за ним.

– Ну, в чем дело?

– Молчите! – таинственно прошептал староста, притворяя за Митей дверь и шатаясь.

– Об чем молчать?

– Молчите!

– Я тебя не понимаю.

– Молчите! Наша будет! Верное слово!

Митя оттолкнул его, вышел из сенец и остановился на пороге, не зная, что делать: подождать еще немного или уехать одному, а не то просто уйти пешком?

В десяти шагах от него стоял густой зеленый лес, уже в вечерней тени и оттого еще более свежий, чистый и прекрасный. Чистое, погожее солнце заходило за его вершины, сквозь них лучисто сыпалось его червонное золото. И вдруг гулко раздался и прокатился в глубине леса, где-то, как показалось, далеко на той стороне, за оврагами, женский певучий голос, и так призывно, так очаровательно, как звучит он только в лесу, по летней вечерней заре.

– Ау! – протяжно крикнул этот голос, видимо, забавляясь лесными откликами. – Ау!

Митя соскочил с порога и побежал по цветам и травам в лес. Лес опускался в каменистый овраг. В овраге стояла и ела баранчики Аленка. Митя надбежал над обрыв и остановился. Она снизу глядела на него удивленными глазами.

– Что ты тут делаешь? – спросил Митя негромко.

– Маруську нашу с коровой ищу. А что? – ответила она тоже негромко.

– Что ж, придешь, что ли?

– Что ж мне даром ходить? – сказала она.

– Кто ж тебе сказал, что даром? – спросил Митя уже почти шепотом. – Об этом не беспокойся.

– А когда? – спросила Аленка.

– Да завтра... Ты когда можешь?

Аленка подумала.

– Я завтра пойду к матери овцу стричь, – сказала она, помолчав, осторожно оглядывая лес на бугре за Митей. – Вечером, как стемнеет, и приду. А куда? На гумно нельзя, зайдет кто-нибудь... Хотите, в салаш в лощине у вас в саду? Только вы смотрите, не обманите, – даром я не согласна... Это вам не Москва, – сказала она, засмеявшись глазами глядя на него снизу, – там, говорят, бабы сами плотят...

XXV

Возвращались безобразно.

Трифон не остался в долгу, поставил и с своей стороны бутылку, и староста так напился, что не сразу сел на дрожки, сперва упал на них, а испуганный жеребчик

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
рванулся и чуть не ускакал один. Но Митя молчал, смотрел на старосту бесчувственно, ждал, пока он усядется, терпеливо. Староста опять гнал с нелепой яростью. Митя молчал, крепко держался, смотрел на вечернее небо, на поля, быстро дрожавшие и прыгавшие перед ним. Над полями к закату допевали свои кроткие песни жаворонки, на востоке, уже посиневшем к ночи, вспыхивали те дальние, мирные зарницы, которые ничего не обещают, кроме хорошей погоды. Митя понимал всю эту вечернюю прелесть, но теперь она была совсем чужой ему. В мыслях, в душе стояло одно: завтра вечером!

Дома его ожидало известие, что получено письмо, подтверждающее, что Аня и Костя будут завтра, с вечерним поездом. Он ужаснулся, – приедут, побегут вечером в сад, могут побежать к шалашу, в лощину... Но тотчас же вспомнил, что со станции их привезут не раньше десятого часа, потом будут кормить, поить чаем...

– Ты поедешь встречать? – спросила Ольга Петровна.

Он почувствовал, что бледнеет.

– Нет, не думаю... Мне что-то не хочется... Да и сесть негде...

– Ну, положим, ты бы мог верхом поехать...

– Да нет, не знаю... Собственно, зачем? Сейчас, по крайней мере, не хочется...

Ольга Петровна пристально посмотрела на него.

– Ты здоров?

– Совершенно, – сказал Митя почти грубо. – Я только спать очень хочу...

И тотчас же ушел к себе, лег в темноте на диван и заснул, не раздеваясь.

Ночью он услышал отдаленную, медлительную музыку и увидел себя висющим над огромной, слабо освещенной пропастью. Она все светлела и светлела, становилась все бездоннее, все золотистой, все ярче, все многолюднее, и уже совсем отчетливо, с несказанной грустью и нежностью, зазвучало и запело в ней: «Жил, был в фуле добрый король...» Он затрепетал от умиления, повернулся на другой бок и опять заснул.

XXVI

День казался бесконечным.

Митя как деревянный выходил к чаю, к обеду, потом опять шел к себе и опять ложился, брал с письменного стола уже давно валявшийся на нем том Писемского, читал, не понимая ни слова, подолгу смотрел в потолок, слушал ровный, летний, атласный шум солнечного сада за окном... Раз он встал и пошел в библиотеку, чтобы переменить книгу. Но эта прелестная своей стариной, своим спокойствием, видом из одного окна на заветный клен, а из других на светлое западное небо комната так остро напомнила ему те весенние (теперь уж бесконечно далекие) дни, когда он сидел в ней, читая стихи в старых журналах, и показалась такой Катиной, что он повернулся и быстро пошел назад. «К черту! – подумал он с раздражением. – К черту весь этот поэтический трагизм любви!»

Он с возмущением вспомнил свое намерение застрелиться, если не будет письма от Кати, и опять лег и опять взялся за Писемского. Но по-прежнему он ничего не понимал, читая, а порою, глядя в книгу и думая об Аленке, весь начинал дрожать от все растущей дрожи в животе. И чем ближе подходил вечер, тем все чаще охватывала, била дрожь. Голоса и шаги по дому, голоса на дворе, – уже запрягали тарантас на станцию, – все раздавалось так, как во время болезни, когда лежишь один, а вокруг течет обычная, будничная жизнь, равнодушная к тебе и потому чуждая, даже враждебная. Наконец где-то крикнула Параша: «Барыня, лошади готовы!» – послышалось сухое бормотание бубенчиков, потом топот копыт, шорох подкатывающего к крыльцу тарантаса... «Ах, да когда же все это кончится!» – пробормотал Митя вне себя от нетерпения, не двигаясь, но жадно слушая голос Ольги Петровны, отдававшей в лакейской последние приказания. Вдруг бубенчики забормотали и, бормоча все слитнее под звуки покотившегося под гору экипажа,

Быстро встав с места, Митя вышел в зал. В зале было пусто и светло от ясного желтоватого заката. Во всем доме было пусто и как-то странно, страшно пусто! Со странным, как бы прощальным чувством Митя взглянул в пролет растворенных молчаливых комнат – в гостиную, в диванную, в библиотеку, в окно которой по-вечернему синел южный небосклон, зеленела живописная вершина клена и розовой точкой стоял над ней Антарес... Потом заглянул в лакейскую, нет ли там Параши. Убедившись, что и там пусто, он схватил с вешалки картуз, пробежал назад, в свою комнату, и выскочил в окно, далеко выкинув на цветник свои длинные ноги. На цветнике он на мгновение замер, потом, согнувшись, перебежал в сад и тотчас же вильнул в глухую боковую аллею, густо заросшую кустами акации и сирени.

XXVII

Росы не было, не могли быть поэтому особенно слышны запахи вечернего сада. Но Мите, при всей бессознательности всех его действий в этот вечер, все же показалось, что он еще никогда в жизни, – за исключением, может быть, раннего детства, – не встречал такой силы и такого разнообразия запахов, как теперь. Все пахло – кусты акации, листья сирени, листья смородины, лопухи, черныбыльник, цветы, трава, земля...

Быстро сделав несколько шагов с жуткой мыслью: «А вдруг она обманет, не придет?» – теперь казалось, что вся жизнь зависит от того, придет или не придет Аленка, – уловив среди запахов растительности еще и запах вечернего дыма откуда-то с деревни, Митя еще раз остановился, обернулся на мгновение: вечерний жук медленно плыл и гудел где-то возле него, точно сея тишину, успокоение и сумерки, но еще светло было от зари, охватившей полнеба своим ровным, долго не гаснущим светом первых летних зорь, а над крышей дома, кое-где видной из-за деревьев, высоко блестел в прозрачной небесной пустоте крутой и острый серпок только что народившегося месяца. Митя глянул на него, быстро и мелко перекрестился под ложечкой и шагнул в кусты акации. Аллея вела в лощину, но не к шалашу, – к нему надо было идти наискось, взять левее. И Митя, шагнув через кусты, побежал целиком, среди широко и низко распростертых ветвей, то нагибаясь, то отстраняя их от себя. Через минуту он уже был на условленном месте.

Он со страхом сунулся в шалаш, в его темноту, пахнущую сухой прелой соломой, зорко оглянул его и почти с радостью убедился, что там еще никого нет. Но роковой миг близился, и он стал возле шалаша, весь превратясь в чуткость, в напряженнейшее внимание. Весь день почти ни на минуту не оставляло его необыкновенное телесное возбуждение. Теперь оно достигло высшей силы. Но странно – как днем, так и теперь, оно было какое-то самостоятельное, не проникало его всего, владело только телом, не захватывая души. Сердце, однако, билось страшно. А кругом было так поразительно тихо, что он слышал только одно – это биение. Беззвучно, неустанно вились, крутились мягкие бесцветные мотыльки в ветвях, в серой листве яблонь, разнообразно и узорно рисовавшихся на вечернем небе, и от этих мотыльков тишина казалась еще тише, точно мотыльки ворожили и заворачивали ее. Вдруг где-то сзади него что-то хрустнуло – и звук этот как гром поразил его. Он порывисто обернулся, глянул меж деревьев по направлению к валу – и увидел, что под сучьями яблонь катится на него что-то черное. Но еще не успел он сообразить, что это такое, как это темное, набежав на него, сделало какое-то широкое движение – и оказалось Аленкой.

Она откинула, сбросила с головы подол короткой юбки из черной самотканой шерсти, и он увидел ее испуганное и сияющее улыбкой лицо. Она была боса, в одной юбке и в простой суровой рубахе, заправленной в юбку. Под рубахой стояли ее девичьи груди. Широко вырезанный ворот открывал ее шею и часть плечей, а засученные выше локтя рукава – округлые руки. И все в ней, от небольшой головки, покрытой желтым платочком, и до маленьких босых ног, женских и вместе с тем детских, было так хорошо, так ловко, так пленительно, что Митя, видевший ее до сих пор только наряженной, впервые увидавший ее во всей прелести этой простоты, внутренне ахнул.

– Ну, скорее, что ли, – весело и воровски прошептала она и, оглянувшись, нырнула в шалаш, в его пахучий сумрак.

Там она приостановилась, а Митя, стиснув зубы, чтобы удержать их стук, поспешил

запустить руку в карман – ноги его были напряжены, тверды, как железо, – и сунул ей в ладонь смятую пятирублевку. Она быстро спрятала ее за пазуху и села на землю. Митя сел возле нее и обнял ее за шею, не зная, что делать, – надо ли целовать или нет. Запах ее платка, волос, луковый запах всего ее тела, смешанный с запахом избы, дыма, – все было до головокружения хорошо, и Митя понимал, чувствовал это. И все-таки было все то же, что и раньше: страшная сила телесного желания, не переходящая в желание душевное, в блаженство, в восторг, в истому всего существа. Она откинулась и легла навзничь. Он лег рядом, привалился к ней, протянул руку. Тихо и нервно смеясь, она поймала ее и потянула вниз.

– Никак нельзя, – сказала она не то в шутку, не то серьезно.

Она отвела его руку и цепко держала ее своей маленькой рукой, глаза ее смотрели в треугольную раму шалаша на ветви яблонь, на уже потемневшее синее небо за этими ветвями и неподвижную красную точку Антареса, еще одиноко стоящую в нем. Что выражали эти глаза? Что надо было делать? Поцеловать в шею, в губы? Вдруг она поспешно сказала, берясь за свою короткую черную юбку:

– Ну, скорей, что ли...

Когда они поднялись, – Митя поднялся, совершенно пораженный разочарованием, – она, перекрывая платок, поправляя волосы, спросила оживленным шепотом, – уже как близкий человек, как любовница:

– Вы, говорят, в Субботино ездили. Там поп дешево поросят продает. Правда ай нет? Вы не слышали?

XXVIII

На этой же неделе, в субботу, дождь, начавшийся еще в среду, ливший с утра и до вечера, лил как из ведра.

Он то и дело припускал в этот день особенно бурно и мрачно.

И весь день Митя без устали ходил по саду и весь день так страшно плакал, что порой даже сам дивился силе и обилию своих слез.

Параша искала его, кричала на дворе, в липовой аллее, звала обедать, потом чай пить – он не откликался.

Было холодно, пронзительно сыро, темно от туч; на их черноте густая зелень мокрого сада выделялась особенно густо, свежо и ярко. Налетавший от времени до времени ветер свергал с деревьев еще и другой ливень – целый поток брызг. Но Митя ничего не видел, ни на что не обращал внимания. Его белый картуз обвис, стал темно-серый, студенческая куртка почернела, голенища были до колен в грязи. Весь облитый, весь насквозь промокший, без единой кровинки в лице, с заплаканными, безумными глазами, он был страшен.

Он курил папиросу за папиросой, широко шагал по грязи аллей, а порой просто куда попало, целиком, по высокой мокрой траве среди яблонь и груш, натываясь на их кривые корявые сучья, пестревшие серо-зеленым размокшим лишайником. Он сидел на разбухших, почерневших скамейках, уходил в лощину, лежал на сырой соломе в шалаше, на том самом месте, где лежал с Аленкой. От холода, от ледяной сырости воздуха большие руки его посинели, губы стали лиловыми, смертельно бледное лицо с провалившимися щеками приняло фиолетовый оттенок. Он лежал на спине, положив ногу на ногу, а руки под голову, дико уставившись в черную соломенную крышу, с которой падали крупные ржавые капли. Потом скулы его стискивались, брови начинали прыгать. Он порывисто вскакивал, вытаскивал из кармана штанов уже сто раз прочитанное, испачканное и измятое письмо, полученное вчера поздно вечером, – привез землемер, по делу приехавший в усадьбу на несколько дней, – опять, в сто первый раз, жадно пожирал его:

«Дорогой Митя, не поминайте лихом, забудьте, забудьте все, что было! Я дурная, я гадкая, испорченная, я недостойна вас, но я безумно люблю искусство! Я решила, жребий брошен, я уезжаю – вы знаете с кем... Вы чуткий, вы умный, вы поймете меня, умоляю, не мучь себя и меня! Не пиши мне ничего, это бесполезно!»

Дойдя до этого места, Митя комкал письмо и, уткнувшись лицом в мокрую солому, бешено стискивая зубы, захлебывался от рыданий. Это нечаянное ты, которое так страшно напоминало и даже как будто опять восстанавливало их близость и заливало сердце нестерпимой нежностью, – это было выше человеческих сил! А рядом с этим ты – это твердое заявление, что даже писать ей теперь бесполезно! О, да, да, он это знал; бесполезно! Все кончено и кончено навеки!

Перед вечером дождь, обрушившийся на сад с удесятенной силой и с неожиданными ударами грома, погнал его наконец в дом. Мокрый с головы до ног, не попадая зуб на зуб от ледяной дрожи во всем теле, он выглянул из-под деревьев и, убедившись, что его никто не видит, пробежал под свое окно, снаружи приподнял раму, – рама была старинная, с подъемной половиной, – и, вскочив в комнату, запер дверь на ключ и бросился на кровать.

И стало быстро темнеть. Дождь шумел повсюду – и по крыше, и вокруг дома, и в саду. Шум его был двойной, разный, – в саду один, возле дома, под непрерывное журчание и плеск желобов, ливших воду в лужи, – другой. И это создавало для Мити, мгновенно впавшего в летаргическое оцепенение, необъяснимую тревогу и вместе с жаром, которым пылали его ноздри, его дыхание, голова, погружало его точно в наркоз, создавало какой-то как будто другой мир, какое-то другое предвечернее время в каком-то как будто чужом, другом доме, в котором было ужасное предчувствие чего-то.

Он знал, он чувствовал, что он в своей комнате, уже почти темной от дождя и наступающего вечера, что там, в зале, за чайным столом, слышны голоса мамы, Ани, Кости и землемера, но вместе с тем уже шел по какому-то чужому дому вслед за уходившей от него молодой нянькой, и его охватывал необъяснимый, все растущий ужас, смешанный, однако, с вожделением, с предчувствием близости кого-то с кем-то, близости, в которой было что-то противоестественно-омерзительное, но в которой он и сам как-то участвовал. Чувствовалось же все это через посредство ребенка с большим белым лицом, которого, перегнувшись назад, несла на руках и укачивала молоденькая нянька. Митя спешил обогнать ее, обогнал и уже хотел заглянуть ей в лицо, – не Аленка ли это, – но неожиданно очутился в сумрачной гимназической классной комнате с замазанными мелом стеклами. Та, что стояла в ней перед комодом, перед зеркалом, не могла его видеть, – он вдруг стал невидим. Она была в шелковой желтой нижней юбке, плотно облегающей округлые бедра, в туфельках на высоких каблучках, в тонких ажурных черных чулках, сквозь которые просвечивало тело, и она, сладко робея и стыдясь, знала, что сейчас будет. Она уже успела спрятать ребенка в ящик комода. Перекинув косу через плечо, она быстро заплетала ее и, косясь на дверь, глядела в зеркало, где отражалось ее припудренное личико, обнаженные плечи и млечно-голубые, с розовыми сосками, маленькие груди. Дверь распахнулась – и, бодро и жутко оглядываясь, вошел господин в смокинге, с бескровным бритым лицом, с черными и короткими курчавыми волосами. Он вынул плоский золотой портсигар, стал развязно закуривать. Она, доплетая косу, робко смотрела на него, зная его цель, потом швырнула косу на плечо, подняла голые руки... Он снисходительно обнял ее за талию – и она охватила его шею, показывая свои темные подмышки, прильнула к нему, спрятала лицо на его груди...

XXIX

И Митя очнулся, весь в поту, с потрясающе ясным сознанием, что он погиб, что в мире так чудовищно безнадежно и мрачно, как не может быть и в преисподней, за могилой. В комнате была тьма, за окнами шумело и плескалось, и этот шум и плеск были нестерпимы (даже одним своим звуком) для тела, сплошь дрожащего от озноба. Всего же нестерпимее и ужаснее была чудовищная противоестественность человеческого соития, которое как будто и он только что разделил с бритым господином. Из залы были слышны голоса и смех. И они были ужасны и противоестественны своей отчужденностью от него, грубостью жизни, ее равнодушием, беспощадностью к нему...

– Катя! – сказал он, садясь на кровати, сбрасывая с нее ноги. – Катя, что же это такое! – сказал он вслух, совершенно уверенный, что она слышит его, что она здесь, что она молчит, не отзывается только потому, что сама раздавлена, сама понимает непоправимый ужас всего того, что она наделала. – Ах, все равно, Катя, – прошептал он горько и нежно, желая сказать, что он простит ей все, лишь бы она по-прежнему кинулась к нему, чтобы они вместе могли спастись, – спасти

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
свою прекрасную любовь в том прекраснейшем весеннем мире, который еще так недавно был подобен раю. Но, прошептав: «Ах, все равно, Катя!» – он тотчас же понял, что нет, не все равно, что спасения, возврата к тому дивному видению, что дано было ему когда-то в Шаховском, на балконе, заросшем жасмином, уже нет, не может быть, и тихо заплакал от боли, раздирающей его грудь.

Она, эта боль, была так сильна, так нестерпима, что, не думая, что он делает, не сознавая, что из всего этого выйдет, страстно желая только одного – хоть на минуту избавиться от нее и не попасть опять в тот ужасный мир, где он провел весь день и где он только что был в самом ужасном и отвратном из всех земных снов, он нашарил и отодвинул ящик ночного столика, поймал холодный и тяжелый ком револьвера и, глубоко и радостно вздохнув, раскрыл рот и с силой, с наслаждением выстрелил.

14 сентябрь 1924

Приморские Альпы

Солнечный удар: #сонт056

После обеда вышли из ярко и горячо освещенной столовой на палубу и остановились у поручней. Она закрыла глаза, ладонью наружу приложила руку к щеке, засмеялась простым, прелестным смехом, – все было прелестно в этой маленькой женщине, – и сказала:

– Я совсем пьяна... Вообще я совсем с ума сошла. Откуда вы взялись? Три часа тому назад я даже не подозревала о вашем существовании. Я даже не знаю, где вы сели. В Самаре? Но все равно, вы милый. Это у меня голова кружится, или мы куда-то поворачиваем?

Впереди была темнота и огни. Из темноты бил в лицо сильный, мягкий ветер, а огни неслись куда-то в сторону: пароход с волжским щегольством круто описывал широкую дугу, подбегая к небольшой пристани.

Поручик взял ее руку, поднес к губам. Рука, маленькая и сильная, пахла загаром. И блаженно и страшно замерло сердце при мысли, как, вероятно, крепка и смугла она вся под этим легким холстинковым платьем после целого месяца лежания под южным солнцем, на горячем морском песке (она сказала, что едет из Анапы).

Поручик пробормотал:

– Сойдем...

– Куда? – спросила она удивленно.

– На этой пристани.

– Зачем?

Он промолчал. Она опять приложила тыл руки к горячей щеке.

– Сумасшедший...

– Сойдем, – повторил он тупо. – Умоляю вас...

– Ах, да делайте, как хотите, – сказала она, отворачиваясь.

Разбежавшийся пароход с мягким стуком ударился в тускло освещенную пристань, и они чуть не упала друг на друга. Над головами пролетел конец каната, потом понесло назад, и с шумом закипела вода, загремели сходни... Поручик кинулся за вещами.

Через минуту они прошли сонную конторку, вышли на глубокий, по ступицу, песок и молча сели в запыленную извозчиью пролетку. Отлогий подъем в гору, среди редких кривых фонарей, по мягкой от пыли дороге, показался бесконечным. Но вот поднялись, выехали и затрещали по (мостовой, вот какая-то площадь,

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
присутственные места, каланча, тепло и запахи ночного летнего уездного города... Извозчик остановился возле освещенного подъезда, за раскрытыми дверями которого круто поднималась старая деревянная лестница, старый, небритый лакей в розовой косоворотке и в сюртуке недовольно взял вещи и пошел на своих растоптанных ногах вперед. Вошли в большой, но страшно душный, горячо накаленный за день солнцем номер с белыми опущенными занавесками на окнах и двумя необожженными свечами на подзеркальнике, – и как только вошли и лакей затворил дверь, поручик так порывисто кинулся к ней и оба так испуганно задохнулись в поцелуе, что много лет вспоминали потом эту минуту: никогда ничего подобного не испытал за всю жизнь ни тот, ни другой.

В десять часов утра, солнечного, жаркого, счастливого, со звоном церковей, с базаром на площади перед гостиницей, с запахом сена, дегтя и опять всего того сложного я пахучего, чем пахнет русский уездный город, она, эта маленькая безыменная женщина, так и не сказавшая своего имени, шутя называвшая себя прекрасной незнакомкой, уехала. Спали мало, но утром, выйдя из-за ширмы возле кровати, в пять минут умывшись и одевшись, она была свежа, как в семнадцать лет. Смущена ли была она? Нет, очень немного. По-прежнему была проста, весела и – уже рассудительна.

– Нет, нет, милый, – сказала она в ответ на его просьбу ехать дальше вместе, – нет, вы должны остаться до следующего парохода. Если поедем вместе, все будет испорчено. Мне это будет очень неприятно. Даю вам честное слово, что я совсем не то, что вы могли обо мне подумать. Никогда ничего даже похожего на то, что случилось, со мной не было, да и не будет больше. На меня точно затмение нашло... Или, вернее, мы оба получили что-то вроде солнечного удара...

И поручик как-то легко согласился с нею. В легком и счастливом духе он довез ее до пристани, – как раз к отходу розового Самолета, – при всех поцеловал на палубе и едва успел вскочить на сходни, которые уже двинули назад.

Так же легко, беззаботно и возвратился он в гостиницу. Однако что-то уж изменилось. Номер без нее показался каким-то совсем другим, чем был при ней. Он был еще полон ею – и пуст. Это было странно! Еще пахло ее хорошим английским одеколоном, еще стояла на подносе ее недопитая чашка, а ее уже не было... И сердце поручика вдруг сжалось такой нежностью, что поручик поспешил закурить и, хлопая себя по голенищам стеклом, несколько раз прошелся взад и вперед по комнате.

– Странное приключение! – сказал он вслух, смеясь и чувствуя, что на глаза его навертываются слезы. – «Даю вам честное слово, что я совсем не то, что вы могли подумать...» И уже уехала... Нелепая женщина!

Ширма была отодвинута, постель еще не убрана. И он почувствовал, что просто нет сил смотреть теперь на эту постель. Он закрыл ее ширмой, затворил окна, чтобы не слышать базарного говора и скрипа колес, опустил белые пузырившиеся занавески, сел на диван... Да, вот и конец этому «дорожному приключению»! Уехала – и теперь уже далеко, сидит, вероятно, в стеклянном белом салоне или на палубе и смотрит на огромную, блестящую под солнцем реку, на встречные плоты, на желтые отмели, на сияющую даль воды и неба, на весь этот безмерный волжский простор... И прости, и уже навсегда, навеки. – Потому что где же они теперь могут встретиться? – «Не могу же я, подумал он, не могу же я ни с того, ни с сего приехать в этот город, где ее муж, ее трехлетняя девочка, вообще вся ее семья и вся ее обычная жизнь!» И город этот показался ему каким-то особенным, заповедным городом, и мысль о том, что она так и будет жить в нем своей одинокой жизнью, часто, может быть, вспоминая его, вспоминая их случайную, такую мимолетную встречу, а он уже никогда не увидит ее, мысль эта изумила и поразила его. Нет, этого не может быть! Это было бы слишком дико, неестественно, неправдоподобно! – И он почувствовал такую боль и такую ненужность всей своей дальнейшей жизни без нее, что его охватил ужас, отчаяние.

«Что за черт! – подумал он, вставая, опять принимаясь ходить по комнате и стараясь не смотреть на постель за ширмой. – Да что же это такое со мной? Кажется, не в первый раз – и вот... Да что в ней особенного и что собственно случилось? В самом деле, точно какой-то солнечный удар! И главное, как же я проведу теперь, без нее, целый день в этом захолустье?»

Он еще помнил ее всю, со всеми малейшими ее особенностями, помнил запах ее загара и холстинкового платья, ее крепкое тело, живой, простой и веселый звук ее

голоса... Чувство только что испытанных наслаждений всей ее женской прелестью было еще живо в нем необыкновенно, но теперь главным было все-таки это второе, совсем новое чувство – то страдное, непонятное чувство, которого совсем не было, пока они были вместе, которого он даже предположить в себе не мог, затеяв вчера это, как он думал, только забавное знакомство, и о котором уже некому, некому было сказать теперь! – «А главное, подумал он, ведь и никогда уже не скажешь! И что делать, как прожить этот бесконечный день, с этими воспоминаниями, с этой неразрешимой мукой, в этом богом забытом городишке над той самой сияющей Волгой, по которой унес ее этот розовый пароход!»

Нужно было спасаться, чем-нибудь занять, отвлечь себя, куда-нибудь идти. Он решительно надел картуз, взял стек, быстро прошел, звеня шпорами, по пустому коридору, сбежал по крутой лестнице на подъезд... Да, но куда идти? У подъезда стоял извозчик, молодой, в ловкой поддевке, и спокойно курил цыгарку, очевидно, дожидаясь кого-то. Поручик взглянул на него растерянно и с изумлением: как это можно так спокойно сидеть на козлах, курить и вообще быть простым, беспечным, равнодушным? «Вероятно, только я один так страшно несчастен во всем этом городе», – подумал он, направляясь к базару.

Базар уже разъехался. Он зачем-то походил по свежему навозу среди телег, среди возов с огурцами, среди новых мисок и горшков, и бабы, сидевшие на земле, наперебой зазывали его, брали горшки в руки и стучали, звенели в них пальцами, показывая их добротность, мужики оглушали его, кричали ему «Вот первый сорт огурчики, ваше благородие!» Все это было так глупо, нелепо, что он бежал с базара. Он зашел в собор, где пели уже громко, весело и решительно, с сознанием исполненного долга, потом долго шагал, кружил по маленькому, жаркому и запущенному садику на обрыве горы, над неоглядной светло-стальной ширью реки... Погоны и пуговицы его кителя так нажгло, что к ним нельзя было прикоснуться. Околыш картуза был внутри мокрый от пота, лицо пылало... Возвратясь в гостиницу, он с наслаждением вошел в большую и пустую прохладную столовую в нижнем этаже, с наслаждением снял картуз и сел за столик возле открытого окна, в которое несло жаром, но все-таки веяло воздухом, и заказал ботвинью со льдом. Все было хорошо, во всем было безмерное счастье, великая радость, даже в этом зное и во всех базарных запахах, во всем этом незнакомом городишке и в этой старой уездной гостинице была она, эта радость, а вместе с тем сердце просто разрывалось на части. Он выпил несколько рюмок водки, закусывая малосольными огурцами с укропом и чувствуя, что он, не задумываясь, умер бы завтра, если бы можно было каким-нибудь чудом вернуть ее, провести с ней еще один, нынешний день, – провести только затем, только затем, чтобы высказать ей и чем-нибудь доказать, убедить, как он мучительно и восторженно любит ее... Зачем доказать? Зачем убедить? Он не знал зачем, но это было необходимее жизни.

– Совсем разгулялись нервы! – сказал он, наливая пятую рюмку водки.

Он отодвинул от себя ботвинью, спросил черного кофе я стал курить и напряженно думать: что же теперь делать ему, как избавиться от этой внезапной, неожиданной любви? Но избавиться – он это чувствовал слишком живо – было невозможно. И он вдруг опять быстро встал, взял картуз и стек и, спросив, где почта, торопливо пошел туда с уже готовой в голове фразой телеграммы: «Отныне вея моя жизнь навеки, до гроба, ваша, в вашей власти». – Но, дойдя до старого толстостенного дома, где была почта и телеграф, в ужасе остановился: он знал город, где она живет, знал, что у нее есть муж и трехлетняя дочка, но не знал ни фамилии, ни имени ее! Он несколько раз спрашивал ее об этом вчера за обедом и в гостинице, и каждый раз она смеялась и говорила:

– А зачем вам нужно знать, кто я? Я Марья Маревна, заморская царевна... Разве недостаточно с вас этого?

На углу, возле почты, была фотографическая витрина. Он долго смотрел на большой портрет какого-то военного в густых эполетах, с выпуклыми глазами, с низким лбом, с поразительно великолепными бакенбардами и широчайшей грудью, сплошь украшенной орденами... Как дико, как нелепо, страшно все будничное, обычное, когда сердце поражено, – да, поражено, он теперь понимал это, – этим страшным «солнечным ударом», слишком большой любовью, слишком большим счастьем! Он взглянул на чету новобрачных – молодой человек в длинном сюртуке и белом галстуке, стриженный ежиком, вытянувшийся во фронт под руку с девицей в подвенечном газе, – перевел глаза на портрет какой-то хорошенькой и задорной барышни в студенческом картузе набекрень... Потом, томясь мучительной завистью ко

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
всем этим неизвестным ему, не страдающим людям, стал напряженно смотреть вдоль
улицы.

– Куда идти? Что делать?

Улица была совершенно пуста. Дома были все одинаковые, белые, двухэтажные, купеческие, с большими садами, и казалось, что в них нет ни души; белая густая пыль лежала на мостовой; и все это слепило, все было залито жарким, пламенным и радостным, но здесь как будто бесцельным, солнцем. Вдали улица поднималась, горбилась и упиралась в безоблачный, сероватый, с отблеском небосклон. В этом было что-то южное, напоминающее Севастополь, Керчь... Анапу. Это было особенно нестерпимо. И поручик, с опущенной головой, щурясь от света, сосредоточенно глядя себе под ноги, шатаясь, спотыкаясь, цепляясь шпорой за шпору, зашагал назад.

Он вернулся в гостиницу настолько разбитый усталостью, точно совершил огромный переход где-нибудь в Туркестане, в Сахаре. Он, собирая последние силы, вошел в свой большой и пустой номер. Номер был уже прибран, лишен последних следов ее, – только одна шпилька, забытая ею, лежала на ночном столике! Он снял китель и взглянул на себя в зеркало: лицо его, – обычное офицерское лицо, серое от загара, с белесыми, выгоревшими от солнца усами и голубоватой белизной глаз, от загара казавшихся еще белее, – имело теперь возбужденное, сумасшедшее выражение, а в белой тонкой рубашке со стоячим крахмальным воротничком было что-то юное и глубоко несчастное. Он лег на кровать, на спину, положил запыленные сапоги на отвал. Окна были открыты, занавески опущены, и легкий ветерок от времени до времени надувал их, веял в комнату зноем нагретых железных крыш и всего этого светоносного и совершенно теперь опустевшего безмолвного волжского мира. Он лежал, подложив руки под затылок, и пристально глядел в пространство перед собой. Потом стиснул зубы, закрыл веки, чувствуя, как по щекам катятся из-под них слезы, – и, наконец, заснул, а когда снова открыл глаза, за занавесками уже красновато желтело вечернее солнце. Ветер стих, в номере было душно и сухо, как в духовой печи... И вчерашний день и нынешнее утро вспомнились так, точно они были десять лет тому назад.

Он не спеша встал, не спеша умылся, поднял занавески, позвонил и спросил самовар и счет, долго пил чай с лимоном. Потом приказал привести извозчика, вынести вещи и, садясь в пролетку, на ее рыжее, выгоревшее сиденье, дал лакею целых пять рублей.

– А похоже, ваше благородие, что это я и привез вас ночью! – весело сказал извозчик, берясь за вожжи.

Когда спустились к пристани, уже синела над Волгой синяя летняя ночь, и уже много разноцветных огоньков было рассеяно по реке, и огни висели на мачтах подбегающего парохода.

– В аккурат доставил! – сказал извозчик заискивающе.

Поручик и ему дал пять рублей, взял билет, прошел на пристань... Так же, как вчера, был мягкий стук в ее причал и легкое головокружение от зыбкости под ногами, потом летящий конец, шум закипевшей и побежавшей вперед воды под колесами несколько назад подавшегося парохода... И необыкновенно приветливо, хорошо показалось от многолюдства этого парохода, уже везде освещенного и пахнущего кухней.

Через минуту побежали дальше, вверх, туда же, куда унесло и ее давеча утром.

Темная летняя заря потухала далеко впереди, сумрачно, сонно и разноцветно отражаясь в реке, еще кое-где светившейся дрожащей рябью вдали под ней, под этой зарей, и плыли и плыли назад огни, рассеянные в темноте вокруг.

Поручик сидел под навесом на палубе, чувствуя себя постаревшим на десять лет.

Приморские Альпы. 1925

Ида

Однажды на Святках завтракали мы вчетвером, – три старых приятеля и некто Георгий Иванович, – в Большом Московском.

По случаю праздника в Большом Московском было пусто и прохладно. Мы прошли старый зал, бледно освещенный серым морозным днем, и приостановились в дверях нового, выбирая, где поуютней сесть, оглядывая столы, только что покрытые белоснежными тугими скатертями. Сияющий чистотой и любезностью распорядитель сделал скромный и изысканный жест в дальний угол, к круглому столу перед полукруглым диваном. Пошли туда.

– Господа, – сказал композитор, заходя на диван и валясь на него своим коренастым туловищем, – господа, я нынче почему-то угощаю и хочу пировать на славу. – Раскиньте же нам, услужающий, самобранную скатерть как можно щедрее, – сказал он, обращая к половому свое широкое мужицкое лицо с узкими глазками. – Вы мои королевские замашки знаете.

– Как не знать, пора наизусть выучить, – сдержанно улыбаясь и ставя перед ним пепельницу, ответил старый умный половой с чистой серебряной бородкой. – Будьте покойны, Павел Николаевич, постараемся...

И через минуту появились перед нами рюмки и фужеры, бутылки с разноцветными водками, розовая семга, смугло-телесный балык, блюдо с раскрытыми на ледяных осколках раковинами, оранжевый квадрат честера, черная блестящая глыба паюсной икры, белый и потный от холода ушат с шампанским... Начали с перцовки. Композитор любил наливать сам. И он налил три рюмки, потом шутливо замедлился:

– Святейший Георгий Иванович, и вам позволите?

Георгий Иванович, имевший единственное и престранное занятие, – быть другом известных писателей, художников, артистов, – человек весьма тихий и неизменно прекрасно настроенный, нежно покраснел, – он всегда краснел перед тем, как сказать что-нибудь, – и ответил с некоторой бесшабашностью и развязностью:

– Даже и очень, грешнейший Павел Николаевич!

И композитор налил и ему, легонько стукнул рюмкой о наши рюмки, махнул водку в рот со словами: «Дай боже!» – и, дуя себе в усы, принялся за закуски. Принялись и мы, и занимались этим делом довольно долго. Потом заказали уху и закурили. В старой зале нежно и грустно запела, укоризненно зарычала машина. И композитор, откинувшись к спинке дивана, затягиваясь папиросой и, по своему обыкновению, набирая в свою высоко поднятую грудь воздуха, сказал:

– Дорогие друзья, мне, невзирая на радость утробы моей, нынче грустно. А грустно мне потому, что вспомнилась мне нынче, как только я проснулся, одна небольшая история, случившаяся с одним моим приятелем, форменным, как оказалось впоследствии, ослом, ровно три года тому назад, на второй день Рождества...

– История небольшая, но, вне всякого сомнения, амурная, – сказал Георгий Иванович со своей девичьей улыбкой.

Композитор покосился на него.

– Амурная? – сказал он холодно и насмешливо. – Ах, Георгий Иванович, Георгий Иванович, как вы будете за всю вашу порочность и беспощадный ум на Страшном суде отвечать? Ну, да бог с вами. «Je veux un tresor qui les contient tous, je veux la jeunesse!»^[44] – «я хочу обладать сокровищем, которое вмещает в себе все, я хочу молодости!» (фр.)] – поднимая брови, запел он под машину, игравшую Фауста, и продолжал, обращаясь к нам:

– Друзья мои, вот эта история. В некоторое время, в некотором царстве, ходила в дом некоего господина некоторая девица, подруга его жены по курсам, настолько незатейливая, милая, что господин звал ее просто Идой, то есть только по имени. Ида да Ида, он даже отчества ее не знал хорошенько. Знал только, что она из порядочной, но малосостоятельной семьи, дочь музыканта, бывшего когда-то известным дирижером, живет при родителях, ждет, как полагается, жениха – и больше ничего...

Как вам описать эту Иду? Расположение господин чувствовал к ней большое, но внимания, повторяю обращал на нее, собственно говоря, ноль. Придет она – он к ней – «А-а, Ида, дорогая! Здравствуйте, здравствуйте, душевно рад вас видеть!» А она в ответ только улыбается, прячет носовой платочек в муфту, глядит ясно, по-девичьи (и немножко бессмысленно): «Маша дома?» – «Дома, дома, милости просим...» – «Можно к ней?» – и спокойно идет через столовую к дверям Маши: «Маша, к тебе можно?» Голос грудной, до самых жабр волнующий, а к этому голосу прибавьте все прочее: свежесть молодости, здоровья, благоухание девушки, только что вошедшей в комнату с мороза... затем довольно высокий рост, стройность, редкую гармоничность и естественность движений... Было и лицо у нее редкое, – на первый взгляд как будто совсем обыкновенное, а приглядишься – залюбуешься: тон кожи ровный, теплый, – тон какого-нибудь самого первого сорта яблока, – цвет фиалковых глаз живой, полный...

Да, приглядишься – залюбуешься. А этот болван, то есть герой нашего рассказа, поглядит, придет в телячий восторг, скажет: «Ах, Ида, Ида, цены вы себе не знаете!» – увидит ее ответную, милую, но как будто не совсем внимательную улыбку – и уйдет к себе, в свой кабинет, и опять займется какой-нибудь чепухой, называемой творчеством, черт бы его побрал совсем. И так вот и шло время, и так наш господин даже никогда и не задумался об этой самой Иде мало-мальски серьезно – и совершенно, можете себе представить, не заметил, как она, в одно прекрасное время, исчезла куда-то. Нет и нет Иды, а он даже не догадывается у жены спросить: а куда же, мол, наша Ида девалась? Вспомнит иной раз, почувствует, что ему чего-то недостает, вообразит сладкую муку, с которой он мог бы обнять ее стан, мысленно увидит ее беличью муфточку, цвет ее лица и фиалковых глаз, ее прелестную руку, ее английскую юбку, затоскует на минуту – и опять забудет. И прошел таким образом год, прошел другой... Как вдруг понадобилось однажды ему ехать в западный край...

Дело было на самое Рождество. Но, невзирая на то, ехать было необходимо. И вот, простясь с рабами и домочадцами, сел наш господин на борзого коня и поехал. Едет день, едет ночь и доезжает, наконец, до большой узловой станции, где нужно пересаживаться. Но доезжает, надо заметить, со значительным опозданием и посему, как только стал поезд замедлять возле платформы ход, выскакивает из вагона, хватая за шиворот первого попавшегося носильщика и кричит: «Не ушел еще курьерский туда-то?» А носильщик вежливо усмехается и молвит: «Только что ушел-с. Ведь вы на целых полтора часа изволили опоздать», – «Как, негодяй? Ты шутишь? Что ж я теперь делать буду? В Сибирь тебя, на каторгу, на плаху!» – «Мой грех; мой грех, – отвечает носильщик, – да повинную голову и меч не сечет, ваше сиятельство. Извольте подождать пассажирского...» И поник головой и покорно побрел наш знатный путешественник на станцию...

На станции же оказалось весьма людно и приятно, уютно, тепло. Уже с неделю несло вьюгой, и на железных дорогах все спуталось, все расписания пошли к черту, на узловых станциях было полным-полно. То же самое было, конечно, и здесь. Везде народ и вещи, и весь день открыты буфеты, весь день пахнет кушаньями, самоварами, что, как известно, очень неплохо в мороз и вьюгу. А кроме того, был этот вокзал богатый, просторный, так что мгновенно почувствовал путешественник, что не было бы большой беды просидеть в нем даже сутки. «Приведу себя в порядок, потом изрядно закушу и выпью», – с удовольствием подумал он, входя в пассажирскую залу, и тотчас же приступил к выполнению своего намерения. Он побрился, умылся, надел чистую рубаху и, выйдя через четверть часа из уборной помолодевшим на двадцать лет, направился к буфету. Там он выпил одну, затем другую, закусил сперва пирожком, потом жидовской щукой и уже хотел было еще выпить, как вдруг услышал за спиной своей какой-то страшно знакомый, чудеснейший в мире женский голос. Тут он, конечно, «порывисто» обернулся – и, можете себе представить, кого увидел перед собой? Иду!

От радости и удивления, первую секунду он даже слова не мог произнести и только, как баран на новые ворота, смотрел на нее. А она – что значит, друзья мои, женщина! – даже бровью не моргнула. Разумеется, и она не могла не удивиться и даже изобразила на лице некоторую радость, но спокойствие, говорю, сохранила отменное. «Дорогой мой, – говорит, – какими судьбами? Вот приятная встреча!» и по глазам видно, что говорит правду, но говорит уж как-то чересчур просто и совсем, совсем не с той манерой, как говорила когда-то, главное же... чуть-чуть насмешливо, что ли. А господин наш вполне опешил еще и оттого, что и во всем прочем совершенно неузнаваема стала Ида: как-то удивительно расцвела вся, как расцветает какой-нибудь великолепнейший цветок в чистой воде, в каком-нибудь

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
этаком хрустальном бокале, а соответственно с этим и одета: большого скромности
накидка... Когда господин неловко и смиренно поцеловал ее руку в ослепительных
перстнях, она слегка кивнула шляпкой назад, через плечо небрежно сказала:
«Познакомьтесь кстати с моим мужем», – и тотчас же быстро выступил из-за нее и
скромно, но молодцом, по-военному, представился студент.

– Ах, наглец! – воскликнул Георгий Иванович. – Обыкновенный студент?

– Да в том-то и дело, дорогой Георгий Иванович, что необыкновенный, – сказал композитор с невеселой усмешкой. – Кажется, за всю жизнь не видал наш господин такого, что называется, благородного, такого чудесного, мраморного юношеского лица. Одет щеголем: тужурка из того самого тонкого светло-серого сукна, что носят только самые большие франты, плотно облегающая ладный торс, панталоны со штрипками, темно-зеленая фуражка прусского образца и роскошная николаевская шинель с бобром. А при всем том симпатичен и скромнен тоже на редкость. Ида пробормотала одну из самых знаменитых русских фамилий, а он быстро снял фуражку рукой в белой замшевой перчатке, – в фуражке, конечно, мелькнуло красное муаровое дно, – быстро обнажил другую руку, тонкую, бледно-лазурную и от перчатки немножко как бы в муке, щелкнул каблуками и почтительно уронил на грудь небольшую и тщательно причесанную голову. «Вот так штука!» – еще изумленнее подумал наш герой, еще раз тупо взглянул на Иду – и мгновенно понял по взгляду, которым она скользнула по студенту, что, конечно, она царица, а он раб, но раб, однако, не простой, а несущий свое рабство с величайшим удовольствием и даже гордостью. «Очень, очень рад познакомиться! – от всей души сказал этот раб и с бодрой и приятной улыбкой выпрямился. – И давний поклонник ваш, и много слышал о вас от Иды», – сказал он, дружелюбно глядя, и уже хотел было пуститься в дальнейшую, приличествующую случаю беседу, как неожиданно был перебит: «Помолчи, Петрик, не конфузь меня, – сказала Ида поспешно и обратилась к господину: Дорогой мой, но я вас тысячу лет не видала! Хочется без конца говорить с вами, но совсем нет охоты говорить при нем. Ему неинтересны наши воспоминания, будет только скучно и от скуки неловко, поэтому пойдем, походим по платформе...» И, сказав так, взяла она нашего путника под руку и повела на платформу, а по платформе ушла с ним чуть не за версту, где снег был чуть не по колени, и – неожиданно изъяснилась там в любви к нему...

– То есть как в любви? – в один голос спросили мы.

Композитор вместо ответа опять набрал воздуха в грудь, надуваясь и поднимая плечи. Он опустил глаза и, мешковато приподнявшись, потащил из серебряного ушата, из шушущего льда, бутылку, налил себе самый большой фужер. Скулы его зарделись, короткая шея покраснела. Сгорбившись, стараясь скрыть смущение, он выпил вино до дна, затынул было под машину: «Laisse-moi, laisse-moi contempler ton visage!»[45 – «Дай мне, дай мне наглядеться на твое лицо!» (фр.)] – но тотчас же оборвал и, решительно подняв на нас еще более сузившиеся глаза, сказал:

– Да, то есть так в любви... И объяснение это было, к несчастью, самое настоящее, совершенно серьезное. Глупо, дико, неожиданно, неправдоподобно? Да, разумеется, но – факт. Было именно так, как я вам докладываю. Пошли они по платформе, и тотчас начала она быстро и с притворным оживлением расспрашивать его о Маше, о том, как, мол, она поживает и как поживают их общие московские знакомые, что вообще новенького в Москве и так далее, затем сообщила, что замужем она уже второй год, что жили они с мужем это время частью в Петербурге, частью за границей, а частью в их именье под Витебском... Господин же только поспешно шел за ней и уже чувствовал, что дело что-то неладно, что сейчас будет что-то дурацкое, неправдоподобное, и во все глаза смотрел на белизну снежных сугробов, в невероятном количестве заваливших все и вся вокруг, – все эти платформы, пути, крыши построек и красных и зеленых вагонов, сбившихся на всех путях... смотрел и с страшным замиранием сердца понимал только одно: то, что, оказывается, он уже много лет зверски любит эту самую Иду. И вот, можете себе представить, что произошло дальше: дальше произошло то, что на какой-то самой дальней, боковой платформе Ида подошла к каким-то ящикам, смахнула с одного из них снег муфтой, села и, подняв на господина свое слегка побледневшее лицо, свои фиалковые глаза, до умопомрачения неожиданно, без передышки сказала ему: «А теперь, дорогой, ответьте мне еще на один вопрос: знали ли вы и знаете ли вы теперь, что я любила вас целых пять лет и люблю до сих пор?»

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
Машина, до этой минуты рычавшая вдали неопределенно и глухо, вдруг загрохотала героически, торжественно и грозно. Композитор смолк и поднял на нас как бы испуганные и удивленные глаза. Потом негромко произнес:

– Да, вот что сказала она ему... А теперь позвольте спросить: как изобразить всю эту сцену дурацкими человеческими словами? Что я могу сказать вам, кроме пошлостей, про это поднятое лицо, освещенное бледностью того особого снега, что бывает после метелей, и про нежнейший, неизъяснимый тон этого лица, тоже подобный этому снегу, вообще про лицо молодой, прелестной женщины, на ходу надышавшейся снежным воздухом и вдруг признавшей вам в любви и ждущей от вас ответа на это признание? Что я сказал про ее глаза? Фиалковые? Не то, не то, конечно! А полураскрытые губы? А выражение, выражение всего этого в общем, вместе, то есть лица, глаз и губ? А длинная соболя муфта, в которую были спрятаны ее руки, а колени, которые обрисовывались под какой-то клетчатой сине-зеленой шотландской материей? Боже мой, да разве можно даже касаться словами всего этого! А главное, главное: что же можно было ответить на это сногшибательное по неожиданности, ужасу и счастьем признание, на выжидающее выражение этого доверчиво поднятого, побледневшего и искажившегося (от смущения, от какого-то подобия улыбки) лица?

Мы молчали, тоже не зная, что сказать, что ответить на все эти вопросы, с удивлением глядя на сверкающие глазки и красное лицо нашего приятеля. И он сам ответил себе:

– Ничего, ничего, ровно ничего! Есть мгновения, когда ни единого звука нельзя вымолвить. И, к счастью, к великой чести нашего путешественника, он ничего и не вымолвил. И она поняла его окаменение, она видела его лицо. Подождав некоторое время, побыв неподвижно среди того нелепого и жуткого молчания, которое последовало после ее страшного вопроса, она поднялась и, вынув теплую руку из теплой, душистой муфты, обняла его за шею и нежно и крепко поцеловала одним из тех поцелуев, что помнятся потом не только до гробовой доски, но и в могиле. Да-с, только и всего: поцеловала – и ушла. И тем вся эта история и кончилась... И вообще довольно об этом, – вдруг резко меняя тон, сказал композитор и громко, с напускной веселостью прибавил: – И давайте по сему случаю пить на сломную голову! Пить за всех любивших нас, за всех, кого мы, идиоты, не оценили, с кем мы были счастливы, блаженны, а потом разошлись, растерялись в жизни навсегда и навеки и все же навеки связаны самой страшной в мире связью! И давайте условимся так: тому, кто в добавление ко всему вышеизложенному прибавит еще хоть единое слово, я пушу в череп вот этой самой шампанской бутылкой. – Услужайший! – закричал он на всю залу. – Несите уху! И хересу, хересу, бочку хересу, чтобы я мог окунуть в него морду прямо с рогами!

Завтракали мы в этот день до одиннадцати часов вечера. А после поехали к Яру, а от Яра – в Стрельну, где перед рассветом ели блины, потребовали водки самой простой, с красной головкой, и вели себя в общем возмутительно: пели, орали и даже плясали казачка. Композитор плясал молча, свирепо и восторженно, с легкостью необыкновенной для его фигуры. А неслись мы на тройке домой уже совсем утром, страшно морозным и розовым. И когда неслись мимо Страстного монастыря, показалось из-за крыш ледяное красное солнце и с колокольни сорвался первый, самый как будто тяжкий и великолепный удар, потрясший всю морозную Москву, и композитор вдруг сорвал с себя шапку и что есть силы, со слезами закричал на всю площадь:

– Солнце мое! Возлюбленная моя! Ура-а!

Приморские Альпы. 1925

Мордовский сарафан

Зачем иду я к ней, к этой странной и вдобавок беременной женщине? Зачем завязал и поддерживаю это ненужное и даже противное знакомство? Встретились вчера в Леонтьевском, и опять – радостная улыбка, минута несвязного, неловкого разговора, а затем крепкое рукопожатие и просьба:

– Заходите как-нибудь на огонек! Буду сердечно рада. Заходите, когда вздумается, я всегда дома. Заходите завтра, я вам покажу мой новый мордовский сарафан...

И вот опять иду и даже спешу почему-то.

Навстречу дует сырой мартовский ветер. Над Москвой черная весенняя ночь. Впереди чисто блестят фонари. В вышине, в черно-синем небе, белеют пухлые облака, снизу освещенные городом. В них теряются таинственно мерцающие старой позолотой церковные маковки. И отовсюду красновато глядят бесчисленные глаза домов, кажущихся в темноте огромными.

Опять, вероятно, ждала весь день, готовилась, – ходила покупать фрукты и печенья, принарядилась... Она вообще вообразила, кажется, будто жизнь ее вдруг приобрела какой-то радостный интерес, будто нашелся какой-то «чуткий» человек, который наконец оценит ее неocenенную мужем душу. – При мысли обо всем этом так стыдно, что хочется повернуть и бежать назад...

Однако вот и подъезд. Вхожу и без отдыха поднимаюсь по узкой лестнице, устланной затоптанным ковриком. Ух, черт, как высоко и как вообще все это нелепо! Но все равно – уже позвонил. Поспешные шаги за дверь – и дверь открывается, и не горничной, а самой хозяйкой.

Опять радостная и, как всегда, почему-то удивленная улыбка, миг обоюдного смущения – и торопливые, видимо, заранее приготовленные фразы:

– Ах, как мило, что сдержали обещание, забрели на огонек! А я совсем в одиночестве, даже прислугу отпустила, у них ведь, знаете, настоящее помешательство, этот кинематограф... Ну-с, разоблачайтесь и идем чай пить...

Дался ей этот «огонек»! А в придачу «разоблачайтесь» и бестактный поцелуй в висок, когда я поцеловал ее руку, и заявление об отсутствии прислуги. Стыдно уже нестерпимо, однако вхожу в гостиную бодро, как ни в чем не бывало, развязно протирая очки платком. И, протирая, думаю: да, и волосы убраны очень хорошо, видимо, у парикмахера, – значит, я был прав, ждала, готовилась, – и потом это болотно-зеленое бархатное платье, приоткрывающее полные груди, и жемчуг между ними, и чулки из серого шелка, и атласные туфельки...

– Присаживайтесь, милый Петр Петрович, я сию минуту...

И быстро уходит. – Очень возбуждена и, надо правду сказать, очень не плоха. Какая-то особая красота беременности, чудесный расцвет всего тела. Губы уже слегка воспалены, припухшие, но зато великолепно темны и блестящи глаза.

Со вздохом падаю всей своей тушей на диван. Обстановка, конечно, обычная: раскрытое черное пианино, над ним портрет грозного широкоскулого Бетховена, возле большая лампа на высокой подставке под огромным розовым абажуром, перед диваном столик, спиртовка для чайника, пирожные, фрукты, золотые ножички; а на креслах в изломанных и беспомощных позах лежит куклы: баба в желто-красном сарафане, добрый молодец в жаровой рубашке, в плисовой безрукавке и в круглой шляпке с павлиньими перьями, маркиза в белом парике из ваты, арлекин, Коломбина...

– Ну-с, вот и я.

Ставит чайник на спиртовку, зажигает ее, собирает с кресел игрушки и с улыбкой валит их мне на колени:

– Мои новые шедевры. Любуйтесь и критикуйте.

Любуюсь: для видимости интереса, внимания и беспристрастности выдумываю маленькие придирки, пересыпая их лестью. Она наливает чай, – «ведь вам покрепче, не правда ли?» – и с улыбкой подает мне чашку, оставив мизинец. И начинается беседа, если только это можно назвать беседой, так как говорит, по обыкновению, только она. О чем? О том же, о чем и всегда. Сперва об игрушках, которых я терпеть не могу, но которые я продолжаю рассматривать и среди разговора, так как это «ее страсть, то единственное, на чем она отводит душу, созданную, и сущности, только для искусства», затем о муже, которого я и до сих пор ни разу не видал и о котором она говорит с фальшивой веселостью, – «спит до десяти, едет на службу, обедает, снова спит и снова уезжает!» – и, наконец, о своем первом, умершем ребенке. Говорит она только о себе. Обо мне, хотя бы из приличия, никогда ни единого словечка, – до сих пор не знает и не проявляет ни малейшего

Возбуждена она нынче особенно. И возбуждена, и как будто очень весела. Говорит без умолку, с необыкновенной выразительностью и с такой требовательностью внимания, что я вскоре начинаю шалеть, цепенеть и только бессмысленно и растерянно улыбаюсь. Внезапно она вскакивает, – «ах, главное-то я и забыла!» – на мгновение скрывается в соседней комнате и возвращается с торжествующей улыбкой:

– Voilà! [46 – Вот! (фр.)] и все собственноручно! Правда, хорошо?

В руках у нее что-то странное и страшное: длинный балахон из суровой крестьянской холстины с нашивками и вышивками на плечах, на рукавах, на груди и на подоле темно-коричневыми и кубовыми шелками. Она всячески показывает мне его, прикидывает к себе, к своим полным грудям и округляющемуся животу, и вопросительно и радостно смотрит на меня. Я встаю и опять с притворным вниманием осматриваю, восхищаюсь, а меж тем мне уж просто не вмоготу: что-то мрачное, древнее и как будто гробовое есть в этом балахоне, что-то жуткое и очень неприятное вызывает он во мне в связи с ее беременностью и тревожной веселостью. Вероятно, умрет родами...

Бросив сарафан на пианино, садится рядом со мною и, не спуская с меня расширенных глаз, начинает говорить о своих чувствах к своему будущему ребенку. Они необыкновенны, невыразимы, эти чувства. Она «с ужасом и восторгом чует в себе новое бытие и уже полна такой любовью, перед которой всякая любовь, и особенно к мужчине, – кощунство, пошлость». Если бог отнимет у нее эту любовь, она покончит с собой, не задумываясь ни на минуту, – это она уже твердо решила... Или же уйдет в монастырь... Мысль о монастыре – ее давняя, заветная мысль. О, если бы не замужество, не дети! Она дня не стала бы медлить! Уже хотя бы по одному тому, что для чего, для кого медлить, для чего и для кого жертвовать собой?

– Скажите, родной, для кого? – горячо спрашивает она, уставясь на меня. – Уж не для него ли, который вряд ли и подозревает, что у меня есть своя личная жизнь, свои личные радости и горести, которыми мне во всем мире не с кем поделиться?

Не спуская с меня глаз, она пытается смеяться, – ведь, право же, ее муж даже не человек как будто, а нечто дикое в своей приверженности спать при малейшей возможности! Она то откидывается к спинке кресла, то подается вперед, кладя руку на мою, и я слышу все ее запахи – дыхания, волос, тела, платья. Щеки ее теперь пылают, глаза прямо великолепны, движенья резки, и на груди, на пальцах, в ушах сверкают драгоценные камешки. А я все смотрю на ее круглящийся под бархатом живот, на то, как она перекидывает нога на ногу, высоко показывая свой серый не туго натянутый чулок... И вдруг, поняв, что настала наконец именно та минута, тайная надежда на которую и вела меня к ней и не оставляла весь вечер, беру ее руку и, бормоча: «Полно, дорогая, успокойтесь!» – тяну ее к себе. А она вдруг закусывает нижнюю губу, быстро подносит к губам платок, быстро пересаживается ко мне на диван и со слезами падает головой на мою грудь...

Возвращаюсь я во втором часу ночи. На улицах ни души, ветер переменился, усилился и пахнет морем, в лицо мне иногда попадают капли дождя. Облака уже не белеют вверху, густая чернота висит над Москвой. И я быстро иду вперед.

– Бежать, бежать, завтра же! – неотступно стоит у меня в голове. – В Киев, в Варшаву, в Крым, – куда глаза глядят!

Приморские Альпы. 1925

Дело корнета Елагина: #comm059

I

Ужасное дело это – дело странное, загадочное, неразрешимое. С одной стороны, оно очень просто, а с другой – очень сложно, похоже на бульварный роман, – так все и называли его в нашем городе, – и в то же время могло бы послужить к созданию глубокого художественного произведения... Вообще справедливо сказал на суде

– В этом деле, – сказал он в начале своей речи, – нет как будто места для спора между мной и представителем обвинения: ведь подсудимый сам признал себя виновным, ведь его преступление и его личность, равно как и личность его жертвы, волю которой он будто бы изнасиловал, кажутся чуть ли не всем, в этой зале присутствующим, недостойными особого мудрствования по их якобы достаточной пустоте и обыденности. Но все это совсем не так, все это только одна видимость: спорить есть о чем, поводов для спора и размышлений очень много...

И далее:

– Допустим, что моя цель – добиться только снисхождения подсудимому. Я бы мог тогда сказать немного. Законодатель не указал, чем именно должны судьи руководствоваться в случаях, подобных нашему, он оставил большой простор их разумению, совести и зоркости, которым и надлежит в конце концов подобрать ту или иную рамку закона, наказующего деяние. И вот я и постарался бы воздействовать на это разумение, на совесть, постарался бы выставить на первое место все лучшее, что есть в подсудимом, и все, что смягчает его вину, будил бы в судьях чувства добрые и делал бы это тем настойчивее, что ведь он отрицает лишь одно в своем поступке: сознательную злую волю. Однако даже и в этом случае мог ли бы я избежать спора с обвинителем, определившим преступника не более не менее, как «уголовным волком»? Во всяком деле все можно воспринять по-разному, все можно осветить так или иначе, представить по-своему, на тот или иной лад. А что же мы видим в нашем деле? То, что нет, кажется, ни одной черты, ни одной подробности в нем, на которую бы мы с обвинителем смотрели одинаково, которую мы могли бы передать, осветить в согласии: «Все так, да не так!» – должен каждую минуту говорить я ему. Но, что всего важнее, так это то, что «все не так» в самой сути дела...

Ужасно и началось оно, это дело.

Было 19 июня прошлого года. Было раннее утро, был шестой час, но в столовой ротмистра лейб-гвардии гусарского полка Лихарева было уже светло, душно, сухо и жарко от летнего городского солнца. Было, однако, еще тихо, тем более, что квартира ротмистра находилась в одном из корпусов гусарских казарм, расположенных за городом. И, пользуясь этой тишиной, а также и своей молодостью, ротмистр крепко спал. На столе стояли ликеры, чашки с недопитым кофеем. В соседней комнате, в гостиной, спал другой офицер, штаб-ротмистр граф Кошиц, а еще дальше, в кабинете, корнет Севский. Утро было, словом, вполне обычное, картина простая, но, как всегда это бывает, когда среди обычного случается что-нибудь необычное, тем ужаснее, удивительнее и как будто неправдоподобнее было то, что внезапно случилось в квартире ротмистра Лихарева ранним утром 19 июня. Неожиданно, среди полной тишины этого утра, в прихожей звякнул звонок, потом послышалось, как осторожно и легко, босиком, пробежал отворять денщик, а затем раздался намеренно громкий голос:

– Дома?

С тем же намеренным шумом и вошел пришедший, особенно свободно распахнув дверь в столовую, особенно смело стуча сапогами и звеня шпорами. Ротмистр поднял изумленное и заспанное лицо: перед ним стоял его товарищ по полку, корнет Елагин, человек маленький и щуплый, рыжеватый и веснушчатый, на кривых и необыкновенно тонких ногах, обутый с тем щегольством, которое было, как он любил говорить, его «главной» слабостью. Он быстро снял с себя летнюю шинель и, бросив ее на стул, громко сказал: «Вот вам мои погоны!» А затем прошел к дивану, стоявшему возле противоположной стены, повалился на него спиной и закинул руки за голову.

– Постой, постой, – пробормотал ротмистр, следя за ним вытаращенными глазами, – откуда ты, что с тобой?

– Я убил Маню, – сказал Елагин.

– Ты пьян? Какую Маню? – спросил ротмистр.

– Артистку Марию Иосифовну Сосновскую.

– Да ты что, шутишь?

– Увы, к сожалению, а может, и к счастью, ничуть.

– Кто это там? Что случилось? – крикнул граф из гостиной.

Елагин потянулся и легким ударом ноги в дверь распахнул ее.

– Не ори, – сказал он. – Это я, Елагин. Я застрелил Маню.

– Что? – сказал граф и, мгновение помолчав, вдруг захохотал. – А, вот оно что! – закричал он весело. – Ну, черт с тобой, на этот раз прощается. Хорошо, что разбудил, а то бы непременно проспали, вчера опять до трех забавлялись.

– Даю тебе слово, что убил, – настойчиво повторил Елагин.

– Врешь, братец, врешь! – закричал и хозяин, берясь за носки. – А я уже было испугался, не случилось ли чего на самом деле... Ефрем, чаю!

Елагин полез в карман штанов, вытащил из него небольшой ключик и, через плечо ловко бросив его на стол, сказал:

– Ступайте, посмотрите сами...

На суде прокурор много говорил о цинизме и ужасе некоторых сцен, составляющих драму Елагина, не раз упирал и на эту сцену. Он забыл, что в это утро ротмистр Лихарев только в первую минуту не заметил «сверхъестественной», как он выразился, бледности Елагина и чего-то «нечеловеческого» в его глазах, а затем был «просто поражен и тем и другим»...

II

Итак, вот что произошло утром 19 июня прошлого года.

Через полчаса граф Кошиц и корнет Севский уже стояли на подъезде того дома, где жила Сосновская. Теперь им было больше не до шуток.

Извозчика они чуть не загнали, из пролетки выскочили опрометью, совали ключ в замочную скважину и звонили отчаянно, но ключ не подходил и за дверями была тишина. Потеряв терпение, быстро пошли во двор, стали искать дворника. Дворник побежал с черного хода на кухню и, возвратясь, сказал, что Сосновская, по словам горничной, дома не ночевала, – уехала еще с вечера, захватив с собой кокой-то сверток. Граф и корнет опешили: что же в таком случае делать? Подумав, пожав плечами, сели и поехали в часть, взяв с собой дворника. Из части позвонили к ротмистру Лихареву. Ротмистр бешено крикнул в телефон:

– Этот идиот, над которым я уже реветь готов, забыл сказать, что нужно было ехать вовсе не на ее квартиру, а в их любовный притон: Староградская, четырнадцать. Слышите? Староградская, четырнадцать. Нечто вроде парижской гарсоньерки, вход прямо с улицы..

Поскакали на Староградскую.

Дворник сидел на козлах, околоточный, со сдержанной независимостью, сел в пролетку, против офицеров. Было жарко, улицы были людны и шумны, и не верилось, что в такое солнечное и оживленное утро кто-то может лежать где-то мертвым, и в тупик ставила мысль, что это сделал двадцатидвухлетний Сашка Елагин. Как он мог на это решиться? За что он ее убил, почему и как убил? Ничего нельзя было понять, вопросы оставались без всякого ответа.

Когда, наконец, остановились возле старого и неприветливого двухэтажного дома на Староградской, граф и корнет, по их словам, «совсем пали духом». Неужели это здесь и неужели это нужно видеть, хотя и тянет видеть и так неодолимо тянет? Зато околоточный сразу почувствовал себя строгим, бодрым и уверенным.

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru – Позвольте ключ, – сухо и твердо сказал он, и офицеры заторопились отдать ему ключ с той же робостью, как сделал бы это дворник.

Посредине дома были ворота, за воротами виднелся небольшой двор и деревцо, зелень которого была как-то противоестественно ярка или казалась такой от темно-серых каменных стен. А вправо от ворот и находилась та самая таинственная дверь, выходящая прямо на улицу, которую нужно было отворить. И вот околоточный, нахмурившись, всунул ключ, и дверь отворилась, и граф с корнетом увидели что-то вроде совершенно темного коридора. Околоточный, точно чутьем угадав, где надо искать, протянул вперед руку, шаркнул ею по стене и осветил узкое и мрачное помещение, в глубине которого, между двух кресел, стоял столик, а на нем тарелки с остатками дичи и фруктов. Но еще мрачнее было то, что представилось глазам вошедших далее. В правой стене коридора оказался небольшой входе соседнюю комнату, тоже совершенно темную, могильно озаренную опаловым фонариком, висевшим под потолком, под громадным зонтом из черного шелка. Чем-то черным были затянута сверху донизу и все стены этой комнаты, совсем глухой, лишенной окон. Тут, тоже в глубине, стоял большой и низкий турецкий диван, а на нем, в одной сорочке, с полуоткрытыми глазами и губами, с поникшей на грудь головой, с вытянутыми конечностями, с немного раздвинутыми ногами, лежала, белела молоденькая женщина редкой красоты.

И вошедшие остановились и на мгновение оцепенели от страха и удивления.

III

Редкой красота покойной была потому, что она на редкость удовлетворяла тем требованиям, которые ставят себе, например, модные художники, изображающие идеально хорошеньких женщин. Тут было все, что полагается: прекрасное сложение, прекрасный тон тела, маленькая и без единого изъяна нога, детская, простодушная прелесть губ, небольшие и правильные черты лица, чудесные волосы... И все это теперь было уже мертво, все стало каменеть, блекнуть, и красота делала мертвую еще страшнее. Волосы ее были в полном порядке, прическа такова, что хоть на бал. Голова лежала на приподнятой диванной подушке, и подбородок слегка касался груди, что давало ее остановившимся, полуоткрытым глазам и всему ее лицу как бы несколько озадаченное выражение. И все это странно озарял опаловый фонарик, висевший под потолком, в дне огромного черного зонта, похожего на какую-то хищную птицу, распростершую над мертвой свои перепончатые крылья.

В общем, картина поразила даже околоточного. Затем все несмело перешли к более подробному осмотру ее.

Прекрасные обнаженные руки покойной были ровно вытянуты вдоль тела. На груди ее, на кружевах рубашки, лежали две визитных карточки Елагина, а у ног гусарская сабля, казавшаяся очень грубой рядом с их женственной наготой. Граф хотел было взять ее, чтобы вынуть из ножен, с нелепой мыслью, нет ли на ней следов крови. Околоточный удержал его от этого незаконного поступка.

– Ах, конечно, – шепотом пробормотал граф, – трогать, конечно, пока ничего нельзя. Но меня удивляет то, что я нигде не вижу ни крови, ни вообще следов преступления. Очевидно, отравление?

– Имейте терпение, – наставительно сказал околоточный, – подождем следователя и доктора. Но, несомненно, похоже и на отравление...

И точно, было похоже. Крови нигде не было – ни на полу, ни на диване, ни на теле, ни на сорочке покойницы. На кресле, возле дивана, лежали женские панталоны и пеньюар, под ними голубая с перловым отливом рубашечка, юбка из очень хорошей темно-серой материи и шелковое серое манто. Все это было брошено на диван как попало, но тоже не замарано ни одной каплей крови. Мысль об отравлении подтверждало еще то, что оказалось на выступе стены над диваном: на этом выступе, среди шампанских бутылок и пробок, огарков и женских шпилек, среди исписанных и изорванных клочков бумаги, стоял стакан с недопитым портером и небольшая склянка, на белом ярлыке которой зловеще чернело: «Op. Pulv».

Но как раз в ту минуту, когда околоточный, граф и корнет поочередно перечитывали эти латинские слова, на улице послышался шум подъехавшего экипажа с доктором и следователем, и через несколько минут оказалось, что Елагин говорил правду:

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
Сосновская, в самом деле, была убита из револьвера. Кровавых пятен на сорочке не было. Но зато под сорочкой обнаружили в области сердца багровое пятно, а посредине пятна круглую, с обожженными краями ранку, из которой сочилась жидкая темная кровь, ничего не испачкавшая вследствие того, что ранка была прикрыта комком носового платка...

Что еще установила врачебная экспертиза? Немногое: то, что в правом легком покойной есть следы туберкулеза; что выстрел был произведен в упор и что смерть наступила мгновенно, хотя покойная все-таки могла после выстрела произнести короткую фразу; что борьбы между убийцей и его жертвой не было; что она пила шампанское и приняла вместе с портером небольшое (недостаточное для отравления) количество опия; и, наконец, то, что она имела в эту роковую ночь сношение с мужчиной...

Но почему, за что убил ее этот мужчина? Елагин упорно твердил в ответ на этот вопрос: потому, что оба они – и он сам, и Сосновская – были в «трагическом положении», что они не видели иного выхода из него, кроме смерти, и что, убивая Сосновскую, он лишь исполнил ее приказание. Однако этому как будто совершенно противоречили предсмертные записки покойной. Ведь на ее груди нашли две его визитных карточки, исписанных ее рукой по-польски (и, кстати сказать, довольно безграмотно). На одной стояло:

– Генералу Коновницину, председателю правления театра. Приятель мой! Благодарю тебя за благородную дружбу нескольких лет... Шлю последний привет и прошу выдать моей матери все деньги за мои последние выходы...

На другой:

– Человек этот поступил справедливо, убивая меня... Мать, бедная, несчастная! Не прошу прощения, так как умираю не по собственной воле... Мать! Мы увидимся... там, наверху... Чувствую – это последний момент...

На таких же карточках писала Сосновская и другие предсмертные свои записки. Они валялись на выступе стены и были тщательно изорваны. Их сложили, склеили и прочли следующее:

– Человек этот требует моей и своей смерти... Живой мне не выйти...

– Итак, настал мой последний час... Боже, не оставь меня... Последняя моя мысль – матери и святому искусству...

– Бездна, бездна! Человек этот мой рок... Боже, спаси, помоги...

И, наконец, самое загадочное:

– Quand meme pour toujours...[47 – и все-таки навсегда... (фр.)]

Все эти записки, как те, что найдены на груди покойной в полной целостности, так и те, что найдены на выступе стены в клочках, как будто противоречили уверениям Елагина. Но именно только «как будто». Почему были не изорваны те две визитных карточки, что лежали на груди Сосновской и на одной из которых стояли такие роковые для Елагина слова, как «умираю не по собственной воле»? Елагин не только не изорвал и не унес их с собой, но даже сам (потому что кто же иной мог это сделать?) положил их на самое видное место. Он не изорвал их впопыхах? Впопыхах он, конечно, мог забыть изорвать их. Но как же он мог впопыхах положить на грудь покойной столь опасные для него записки? И был ли он вообще впопыхах? Нет, он привел мертвую в порядок, прикрыл ее сорочкой, предварительно заложив ее рану платком, потом сам прибирался, одевался... Нет, тут прокурор был прав: это делалось не впопыхах.

IV

Прокурор говорил:

– Есть два разряда преступников. Во-первых, преступники случайные, злодеяние которых есть плод несчастного стечения обстоятельств и раздражения, научно называемого «коротким безумием». И, во-вторых, преступники, совершающие то, что

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
они совершают, по злему и преднамеренному умыслу: это прирожденные враги общества и общественного порядка, это – уголовные волки. К какому же разряду причислим мы человека, сидящего перед нами на скамье подсудимых? Конечно, ко второму. Он, несомненно, уголовный волк, он совершил преступление потому, что озверел от праздной и разнузданной жизни...

Эта тирада необыкновенно странна (хотя и выражала почти общее мнение нашего города насчет Елагина), и странна тем более, что на суде Елагин все время сидел, опершись на руку, закрываясь ею от публики, и на все вопросы отвечал тихо, отрывисто и с какой-то душой раздражающей робостью и печалью. И, однако, был прокурор и прав: на скамье подсудимых сидел преступник никак не обычный и пораженный вовсе не «коротким безумием».

Прокурор поставил два вопроса: во-первых, разумеется, совершено ли преступление в состоянии аффекта, то есть раздражения, и, во-вторых, было ли оно только невольным пособничеством к убийству, – и ответил на оба вопроса с полной уверенностью: нет и нет.

– Нет, – сказал он, отвечая на первый вопрос, – ни о каком аффекте не может быть и речи, и прежде всего потому, что аффекты не длятся по несколько часов. Да и что могло вызвать аффект Елагина?

Для решения последнего вопроса прокурор задавал себе множество мелких вопросов и тотчас же отвергал или даже высмеивал их.

Он говорил:

– Не пил ли Елагин в роковой день больше обыкновенного? Нет, он вообще много пил, в этот же день не больше обыкновенного.

– Здоровый ли человек был и есть подсудимый? Присоединяюсь к мнению врачей, его исследовавших: вполне здоровый; но совершенно не привыкший себя обуздывать.

– Не вызван ли был аффект невозможностью брака между ним и любимой им женщиной, если только допустить, что он действительно любил ее? Нет, потому что мы точно знаем: подсудимый и не заботился, не предпринимал решительно никаких шагов к устройству этого брака.

И далее:

– Не привел ли его в аффект предполагаемый отъезд Сосновской за границу? Нет, потому что он давно знал об этом отъезде.

– Но тогда, может быть, привела его в аффект мысль о разрыве с Сосновской, о разрыве, который явится следствием отъезда? Опять нет, потому что о разрыве они говорили и до этой ночи тысячу раз. А если так, что же наконец? Разговоры о смерти? Странная обстановка комнаты, ее, так сказать, наваждение, ее гнет, равно как и вообще гнет всей этой болезненной и жуткой ночи? Но что до разговоров о смерти, то они никак не могли быть новостью для Елагина: эти разговоры шли между ним и его возлюбленной непрестанно и, конечно, уже давным-давно приелись ему. А про наваждение просто смешно говорить. Оно ведь весьма умерялось вещами весьма прозаическими: ужином, остатками этого ужина на столе, бутылками и даже, простите, ночной посудой... Елагин ел, пил, отправлял свои естественные потребности, выходил в другую комнату то за вином, то за ножом, чтобы очинить карандаш...

И прокурор заключил так:

– Что же до того, было ли убийство, совершенное Елагиным, исполнением воли покойной, то тут долго рассуждать не приходится: у нас для решения этого вопроса есть голословные уверения Елагина, что Сосновская сама просила убить ее, – и совершенно роковая для него записка Сосновской: «Умираю не по собственной воле»...

V

Многое можно было возразить на частности в речи прокурора. «Подсудимый человек вполне здоровый...» Но где граница здоровья и нездоровья, нормальности или

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
ненормальности? «Он не предпринимал никаких шагов к устройству брака...» Но ведь, во-первых, не предпринимал он этих шагов только потому, что совершенно твердо был убежден в полной бесцельности их; а во-вторых, неужели любовь и брак так уж тесно связаны друг с другом, и Елагин успокоился бы и вообще всячески разрешил бы драму своей любви, обвенчавшись с Сосновской? Неужели неизвестно, что есть странное свойство всякой сильной и вообще не совсем обычной любви даже как бы избегать брака?

Но все это, повторяю, частности. А в основном прокурор был прав: аффекта не было.

Он говорил:

– Врачебная экспертиза пришла к заключению, что Елагин был «скорее» в спокойном, чем в аффективном состоянии; а я утверждаю, что не только в спокойном, но удивительно спокойном. В этом нас убеждает осмотр прибранной комнаты, где совершено преступление и где Елагин оставался еще долго после него. Затем – показание свидетеля Ярошенко, видевшего, с каким спокойствием вышел Елагин из квартиры на Староградской и как тщательно, не торопясь, запер он ее на ключ. И, наконец, – поведение Елагина у ротмистра Лихарева. Что, например, сказал Елагин корнету Севскому, который убеждал его «опомниться», вспомнить, не застрелилась ли Сосновская сама? Он сказал: «Нет, брат, я все отлично помню!» – и тут же описал, как именно он произвел выстрел. Свидетеля Будберга «даже неприятно поразил Елагин – он, после своего признания, хладнокровно пил чай». А свидетель Фохт был поражен еще более: «Господин штаб-ротмистр, – иронически сказал ему Елагин, – я надеюсь, что вы сегодня уволите меня от учения. – Это было так страшно, – говорит Фохт, – что корнет Севский не выдержал и зарыдал...» Правда, была минута, когда зарыдал и Елагин: это когда ротмистр вернулся от командира полка, к которому он ходил за приказаниями насчет Елагина, и когда Елагин понял по лицам Лихарева и Фохта, что он, в сущности, больше уже не офицер. Вот в это-то время он и зарыдал, – закончил прокурор, – только в это время!

Конечно, последняя фраза опять очень странна. Кому неизвестно, как часто происходит подобное внезапное пробуждение от столбняка в горе, в несчастье даже от чего-нибудь совершенно незначительного, от чего-нибудь случайно попавшегося на глаза и вдруг напомнившего человеку всю его прежнюю, счастливую жизнь и всю безнадежность, весь ужас его теперешнего положения? А ведь Елагину напомнило все это вовсе не что-нибудь незначительное, случайное. Ведь он как бы и родился офицером, – десять поколений его предков служили. И вот он уже не офицер. И мало того, что не офицер, – не офицер он потому, что нет уже в мире той, которую он любил истинно больше своей жизни, и он сам, сам сделал это чудовищное дело!

Впрочем, это тоже только подробности. Главное же то, что «короткого безумия» действительно не было. Но тогда что же было? Прокурор признал, что «в этом темном деле все должно быть прежде всего сведено к обсуждению характеров Елагина и Сосновской и к выяснению их отношений». И он твердо заявил:

– Сошлись две личности, ничего общего между собой не имеющие...

Так ли это? Вот в этом-то и весь вопрос: так ли это?

VI

О Елагине я сказал бы прежде всего то, что ему двадцать два года: возраст роковой, время страшное, определяющее человека на все его будущее. Обычно переживает человек в это время то, что медицински называется зрелостью пола, а в жизни – первой любовью, которая рассматривается почти всегда только поэтически и в общем весьма легкомысленно. Часто эта «первая любовь» сопровождается драмами, трагедиями, но совсем никто не думает о том, что как раз в это время переживают люди нечто гораздо более глубокое, сложное, чем волнения, страдания, обычно называемые обожанием милою существа: переживают, сами того не ведая жуткий расцвет, мучительное раскрытие, первую мессу пола. И вот, будь я защитником Елагина, я просил бы судей обратить внимание на его возраст именно с этой точки зрения и еще на то, что перед нами сидел человек совсем незаурядный в этом смысле. «Молодой гусар, ошалелый прожигатель жизни», – говорил прокурор, повторяя общее мнение и в доказательство правоты своих слов передал рассказ одного свидетеля, артиста Лисовского: о том, как Елагин пришел однажды в театр

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
днем, когда артисты сходились на репетицию, и как, увидав его, Сосновская отскочила в сторону, за спину Лисовского, и быстро сказала ему: «Дядя, заслони меня от него!» Я ее заслонил, рассказывал Лисовский, и этот гусарик, налитый вином, вдруг остановился и ошалел – стоит, расставив ноги, и смотрит, недоумевая: куда же это делась Сосновская?

Вот именно так: ошалелый человек. Но только от чего ошалелый: ужели от «праздной, разнузданной жизни»?

Происходит Елагин из родовитой и богатой семьи, матери (которая была, заметьте, натурой весьма экзальтированной) он лишился очень рано, от отца, человека сурового, строгого, был прежде всего отделен тем страхом, в котором он и рос, и вырос. Прокурор с жестокой смелостью рисовал не только нравственный, но и физический облик Елагина. И он сказал:

– Таков, господа, был наш герой в живописном гусарском наряде. Но взгляните на него теперь. Теперь его уже ничто не скрашивает; перед нами низкорослый и сутулый молодой человек с белобрысыми усиками и крайне неопределенным, незначительным выражением лица, в своем черном сюртучке весьма мало напоминающий Отелло, то есть личность, по-моему, с резко выраженными дегенеративными особенностями, крайне не храбрый в одних случаях, – как, например, в отношении к отцу, – и крайне дерзкий, не считающийся ни с какими преградами в других, то есть тогда, когда он чувствует себя свободным от отцовского взгляда и вообще надеется на безнаказанность...

Что же, в этой грубой характеристике было много правды. Но я, слушая ее, во-первых, не понял, как можно с легкостью относиться ко всему тому страшно сложному и трагическому, чем часто отличаются люди с резко выраженной наследственностью, а во-вторых, все-таки видел в этой правде только очень небольшую часть правды. Да, рос Елагин в трепете перед отцом. Но трепет не есть трусость, и особенно перед родителями, да еще у человека, которому дано сугубое чувствование всего того наследства, которое связывает его со всеми его отцами, дедами и прадедами. Да, наружность Елагина не есть классическая наружность гусара, но и в этом я вижу одно из доказательств незаурядности его натуры: взгляните, сказал бы я прокурору, попристальнее в этого рыжеватого, сутулого и тонконового человека, и вы почти со страхом увидите, как далеко от незначительности это веснушчатое лицо с маленькими и зеленоватыми (избегающими глядеть на вас) глазами. И потом, обратите внимание на его дегенеративную силу: в день убийства он был на учении, – с раннего утра, конечно, – и выпил за завтраком шесть рюмок водки, бутылку шампанского, две рюмки коньяку и остался при этом почти совершенно трезвым!

VII

В большом противоречии с общим низким мнением об Елагине стояли и показания многих его полковых товарищей. Все они отзывались о нем самым лучшим образом. Вот каково, например, было мнение о нем эскадронного командира:

– Вступив в полк, Елагин замечательно хорошо поставил себя среди офицеров и всегда был чрезвычайно добр, заботлив, справедлив и к нижним чинам. Характер его, по-моему, отличался только одним: неровностью, которая выражалась, однако, не в чем-нибудь неприятном, а только в частых и быстрых переходах от веселости к меланхолии, от разговорчивости к молчаливости, от уверенности в себе к безнадежности насчет своих достоинств и вообще всей своей судьбы...

Затем – мнение ротмистра Лихарева:

– Елагин всегда был добрым и хорошим товарищем, только со странностями: то бывал он скромн и застенчиво скрытен, то впадал как бы в некоторую бесшабашность, браваду... После того, как он пришел ко мне с признанием в убийстве Сосновской, и Севский с Кошицем поскакали на Староградскую, он то страстно плакал, то едко и буйно смеялся, а когда его арестовали и везли в заключение, с дикой улыбкой советовался с нами, у какого портного заказать себе штатское платье...

Затем – графа Кошица:

– Елагин был человек в общем нрава веселого и нежного, нервный, впечатлительный,

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
склонный даже к восторженности. Особенно действовали на него театр и музыка, часто доводившая его до слез; да он и сам был необыкновенно способен к музыке, он играл чуть не на всех инструментах...

Приблизительно то же сказали и все прочие свидетели:

– Человек очень увлекающийся, но как будто всегда ожидавший чего-то настоящего, необыкновенного...

– На товарищеских пирушках чаще всего бывал весел и как-то мило надоедлив, шампанского требовал больше всех и угощал им кого попало... Вступив в связь с Сосновской, чувства к которой он всегда чрезвычайно старался скрыть от всех, очень изменился: часто бывал задумчив, печален, говорил, что утверждает в намерении покончить с собой...

Таковы сведения об Елагине, исходившие от лиц, живших с ним в наибольшей близости. Откуда же, думал я, сидя на суде, взял прокурор столь черные краски для его портрета? Или у него есть сведения какие-нибудь другие? Нет, у него их нет. И остается предположить, что к этим черным краскам побудили его общие представления о «золотой молодежи» и то, что он узнал из единственного имевшегося в распоряжении суда письма Елагина к одному своему другу в Кишинев. Тут Елагин с большой развязностью говорил о своей жизни:

– Дошел я, брат, до какого-то безразличия: все все равно! Нынче хорошо, ну, и слава богу, а что завтра будет – наплевать, утро вечера мудренее. Добился я репутации славной: первый пьяница и дурак чуть ли не во всем городе...

Такая самооценка как будто связывалась с красноречием прокурора, говорившего, что, «во имя животной борьбы за наслаждения, Елагин поставил женщину, все ему отдавшую, на суд общества и лишил ее не только жизни, но даже последней чести – христианского погребения...» Но связывалась ли на самом деле? Нет, прокурор взял из этого письма только несколько строк. Полностью же оно было таково:

– Дорогой Сергей. Письмо твое получил и хотя поздно отвечаю, но что ж делать? Наверное, ты, читая мое письмо, будешь думать: «Вот каракули, точно муха, попавшая в чернила, напознала!» Ну, что ж, почерк, как говорят, есть если не зеркало, то до известной степени выражение характера. Я все тот же лоботряс, как и был а если хочешь, даже хуже, так как два года самостоятельной жизни и еще кое-что наложили свою печать. Есть, брат кое-что, чего и сам Соломон премудрый не выразит! А потому не удивляйся, если в один прекрасный день узнаешь, что я себя тарарахнул. Я дошел, брат, до какого-то безразличия: все все равно! Нынче хороши, ну, и слава богу, а что завтра будет, наплевать, утро вечера мудренее. Добился я репутации славной: первый пьяница и дурак чуть ли не во всем городе. А, вместе с тем, поверишь ли? Чувствую иногда в душе такую силу и муку и влечение ко всему хорошему, высокому, вообще, черт его знает, к чему, что грудь ломит. Ты скажешь, что это еще юность: так отчего же мои сверстники ничего подобного не ощущают? Я стал страшно нервный: иногда зимой, ночью, в мотель, в холод, вскочив с постели, летаю верхом по улицам, изумляя даже городских, которые привыкли ничему по удивляться, – и замечать, вполне трезвый и не с перепоя. Хочу схватить какой-то неуловимый мотив, который как будто где-то слышал, а его все нет и нет! Что ж, тебе-то признаюсь: я влюбился и совсем, совсем не в такую, какими полон весь город... Впрочем, довольно об этом. Пиши мне, пожалуйста, адрес ты мой знаешь. Помнишь, как ты говорил? «Россия, корнету Елагину...»

Поразительно: как можно было после прочтения хотя бы одного этого письма говорить, что «сошлись личности, ничего общего между собой не имеющие»!

VIII

Сосновская была чистокровная полька. Была старше Елагина, – ей было двадцать восемь лет. Отец ее был незначительный чиновник, покончивший жизнь самоубийством, когда ей было всего три года. Мать долго вдовела, потом опять вышла замуж, и опять за мелкого чиновника, и опять скоро стала вдовой. Как видите, семья Сосновской была довольно среднего порядка, – откуда же все те странные душевные черты, которыми Сосновская отличалась, и откуда та страсть к сцене, которая, как мы знаем, очень рано обнаружилась в ней? Думаю, что уж,

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru конечно, не от воспитания в семье и в том частном пансионе, где она училась. А училась она, кстати сказать, очень хорошо и в свободное время много читала. И, читая, порою выписывала из книг мысли и изречения, ей нравившиеся, – конечно, как всегда в подобных случаях бывает, так или иначе связывая их с собою, – и вообще делала некоторые заметки, вела нечто вроде дневника, если только можно назвать дневником клочки бумаги, до которых она не дотрагивалась иногда по целым месяцам и на которые беспорядочно изливала свои мечты и взгляды на жизнь, а то просто заносила счета прачки, портнихи и прочее в этом роде. Что же именно выписывала она?

– «Не родиться – первое счастье, второе же поскорее возвратиться к небытию». Чудная мысль!

– Свет скучен, смертельно скучен, а душа моя стремится к чему-то необыкновенному...

– «Люди понимают только те страдания, от которых умирают». Мюссе.

– Нет, я никогда не выйду замуж. Это все говорят. Но я клянусь в том богом и смертью...

– Только любовь или смерть. – Но где же во вселенной найдется такой, чтобы я полюбила? Такого нет, не может быть! А как же умереть, когда я, как бесноватая, люблю жизнь?

– Страшнее, привлекательней и загадочней любви нет ничего ни на небе, ни на земле...

– Мать говорит, например, чтобы я вышла из-за денег. Я, я, из-за денег! Какое неземное слово любовь, сколько ада и прелести в нем, хоть я и никогда не любила!

– Весь мир смотрит на меня миллионами плотоядных глаз, как когда я бывала маленькая в зверинце...

– «Быть человеком не стоит. Ангелом – тоже. И ангелы возроптали и восстали на бога. Стоит быть богом или ничтожеством». Красинский.

– «Кто может похвалиться, что проник в ее душу, когда все усилия ее жизни направлены к сокрытию глубины ее души?» Мюссе.

Кончив курс в пансионе, Сосновская тотчас же заявила матери, что она решила посвятить себя искусству. Мать, добрая католичка, сперва, конечно, и слышать не хотела о том, чтобы ее дочь стала актрисой. Однако дочь была совсем не такова, чтобы покоряться кому бы то ни было, да уже и раньше успела внушить матери, что ее жизнь, жизнь Марии Сосновской, никак не может быть обыкновенной и бесславной.

Восемнадцать лет она уехала во Львов и быстро осуществила свои мечты: и на сцену попала без всяких затруднений, и вскоре выделилась на ней. Вскоре она приобрела известность и среди публики, и в театральном мире настолько серьезную, что на третий год службы получила приглашение в наш город. Однако и во Львове заносила она в свою записную книжечку приблизительно то же, что и раньше:

– «Об ней все говорят, над ней плачут и смеются, но кто же знает ее?» Мюссе.

– Если бы не мать, я убила бы себя. Это мое постоянное желание...

– Когда я выеду куда-нибудь за город, увижу небо, такое прекрасное и бездонное, я не знаю, что тогда со мной происходит. Я хочу кричать, петь, декламировать, плакать... полюбить и умереть...

– Я изберу себе прекрасную смерть. Я найму маленькую комнату, велю обить ее траурной материей. Музыка должна играть за стеной, а я лягу в скромном белом платье и окружу себя бесчисленными цветами, запах которых и убьет меня. О, как это будет дивно!

И дальше:

– Все, все требуют моего тела, а не души...

– Если бы я была богата, я объехала бы весь свет и любила бы по всему земному шару...

– «Знает ли человек, чего он хочет? Уверен ли в том, что он думает?» Красинский.

И, наконец:

– Негодяй!

Кто был этот негодяй, сделавший, конечно, то, о чем так не трудно догадаться? Известно только то, что он был и не мог не быть. «Уже во Львове, – сказал свидетель Заузе, львовский сослуживец Сосновской, – она не одевалась, а скорее раздевалась для сцены, принимала же у себя всех своих знакомых и поклонников в прозрачном пеньюаре, с голыми ногами. Красота их повергала всех и особенно новичков в восторженное изумление. А она говорила: „Вы не удивляйтесь, это мои собственные“, и показывала ноги выше колен. В то же время она не переставала твердить мне, – часто со слезами, – что нет никого, достойного ее любви, и что ее единственная надежда – смерть»...

И вот явился «негодяй», с которым она ездила в Константинополь, в Венецию, в Париж и у которого она бывала в Кракове, в Берлине. Это был какой-то галицийский помещик, человек чрезвычайно богатый. О нем говорил свидетель Вольский, знавший Сосновскую с детства:

– Я всегда считал Сосновскую женщиной очень низкого нравственного уровня. Она не умела держать себя, как надо артистке и обывательнице нашего края. Она любила только деньги, деньги и мужчин. Цинично, как она еще почти девочкой продала себя старому кабану галицийскому!

Именно об этом «кабане» рассказывала Сосновская Елагину в своей предсмертной беседе. Тут она, роняя слова, жаловалась ему:

– Я росла одиноко, за мной никто не смотрел. Я была в своей семье, да и во всем мире, всем чужая... Одна женщина, – да будет проклято ее потомство! – развращала меня, доверчивую, чистую девочку... А во Львове я искренне полюбила одного человека, как, отца, который оказался такой негодяй, такой негодяй, что я вспомнить не могу о нем без ужаса! И он приучил меня к гашишу, к вину, он возил меня в Константинополь, где у него был целый гарем, он лежал в этом гареме, смотря на своих голых рабынь, и заставлял раздеваться и меня, подлый, низкий человек...

IX

У нас, в нашем городе, Сосновская скоро стала притчей во языцех.

– Еще во Львове, – говорил свидетель Мешков, – многим предлагала она умереть за одну ночь с ней и все твердила, что ищет сердце, способное любить. Она очень настойчиво искала это любящее сердце. А сама постоянно говорила: «Моя главная цель – жить и пользоваться жизнью. Купор должен пробовать все вина и ни одним вином не упиваться. Так же должна поступать и женщина с мужчинами». И так она и поступала, – говорил Мешков. – Совсем не уверен, все ли вина она пробовала, но знаю, что окружила она себя огромным количеством их. Впрочем, может быть, и это делала она главным образом для того, чтобы создавать вокруг себя шум, приобретать себе клакеров для театра. «Деньги, – говорила она, пустяки. Я жадна, порою скупа, как последняя мещанка, но как-то не думаю о деньгах. Главное – слава, все остальное будет». И о смерти она, по-моему, постоянно толковала тоже только с этой целью: заставить говорить о себе...

То же самое, что и во Львове, продолжалось и в нашем городе. И почти такие же писались заметки:

– Боже, какая тоска, какое томление! Хоть бы землетрясение, затмение случилось!

– Как-то вечером я была на кладбище: там было так прекрасно! Мне казалось... но нет, я не умею описать этого чувства. Мне хотелось остаться на всю ночь, декламировать над могилами и умереть от изнеможения. На другой день я играла так

И опять:

– Вчера я была на кладбище в десять часов вечера. Какое тяжелое зрелище! Луна обливала лучами надгробные камни и кресты. Мне казалось, что я окружена тысячами мертвецов. Я же чувствовала себя такой счастливой, радостной! Мне было очень хорошо...

А познакомившись с Елагиным и узнав от него однажды, что в полку умер вахмистр, она потребовала, чтобы Елагин свез ее в часовню, где лежал покойник, и записала, что вид часовни и покойника при свете луны произвел на нее «потрясающе-восторженное впечатление».

Жажда славы, людского внимания перешли у нее в это время просто в исступление. Да, она была очень хороша собой. Красота ее была в общем не оригинальна, и все-таки было в ней какое-то особое, редкое, не обычное очарование, какая-то смесь простодушия и невинности с звериным лукавством, а кроме того, смесь постоянной игры с искренностью: посмотрите на ее портреты, обратите внимание на взгляд, ей особенно присущий, – взгляд всегда немножко исподлобья, при постоянно чуть-чуть открытых губках, взгляд грустный, чаще всего милый, призывный, что-то обещающий, как бы соглашающийся на что-то тайное, порочное. И она умела пользоваться своей красотой. Со сцены она уловляла поклонников не только тем, что на сцене она особенно умела расцветать всеми своими прелестями, звуком голоса и живостью движений, смехом или слезами, но и тем, что чаще всего выступала в ролях, где она могла показать свое тело. А дома она носила соблазнительные восточные и греческие одежды, в которых и принимала своих многочисленных гостей, одну из своих комнат отвела, как она выражалась, специально для самоубийства, – там были и револьверы, и кинжалы, и сабли в виде серпов и винтов, и склянки со всевозможными ядами, – а постоянным и любимейшим предметом разговоров сделала смерть. Но мало того: часто, беседуя о всяческих способах лишить себя жизни, она вдруг хватала со стены заряженный револьвер, взводила курок, приставляла дуло к своему виску и говорила: «Скорее, поцелуйте меня или я сию минуту выстрелю!» – а не то брала в рот пилюлю со стрихнином и заявляла, что, если гость тотчас же не упадет на колени и не поцелует ее босую ногу, она проглотит эту пилюлю. И все это она делала и говорила так, что гость бледнел от страха и уходил вдвойне очарованный ею, по всему городу разнося о ней именно те, всех волнующие, слухи, которых она так хотела...

– Вообще она сама собой почти никогда не бывала, – говорил на суде свидетель Залесский, очень близко и долго ее знавший. – Играть, дразнить – это было ее постоянное занятие. Довести человека до бешенства нежными загадочными взглядами, многозначительными улыбками или грустным вздохом беззащитного ребенка – на это она была великая мастерица. Так вела она себя и с Елагиным. Она то распалила его, то обдавала холодной водой... Хотела ли она умереть? Но она плотоядно любила жизнь, смерти боялась необыкновенно. Вообще было в ее натуре очень много жизнерадостности и веселости. Помню, как однажды прислал ей Елагин в подарок шкуру белого медведя. У нее в это время было много гостей. А она всех забыла, – в такой восторг привела ее эта шкура. Она раскинула ее по полу и, не обращая ни на кого внимания, стала кувыркаться на ней через голову, стала выкидывать такие штуки, что позавидовал бы любой акробат... Очаровательная была женщина!

Впрочем, тот же Залесский рассказывал о том, что она страдала припадками тоски, отчаяния. Врач Серошевский, знавший ее десять лет и лечивший ее еще до ее отъезда во Львов, – у нее начиналась тогда чахотка, – тоже показал, что в последнее время она мучилась сильным нервным расстройством, потерей памяти и галлюцинациями, так что он боялся за ее умственные способности. От этого же расстройства лечил ее и врач Шумахер, которого она все уверяла, что не умрет своей смертью (и у которого она однажды взяла два тома Шопенгауэра, «очень внимательно прочитанных и, что всего удивительней, прекрасное понятых, как оказалось потом»). А врач Недзельский дал такое показание:

– Странная была женщина! Когда у нее бывали гости, она чаще всего была очень весела, кокетлива; но случалось – вдруг ни с того ни с сего умолкнет, закатит глаза, уронит голову на стол... а не то начнет бросать, бить об пол стаканы, рюмки... В этих случаях всегда надо было поспешить попросить ее: ну, еще, еще, – и она тотчас же прекращала это занятие.

Х

Как произошла эта встреча? Как родилась между ними близость и каковы были их чувства друг к другу, их отношения? Об этом дважды рассказал сам Елагин: первый раз, кратко и отрывочно, через несколько часов после убийства, – следователю; второй раз – на допросах, происходивших три недели спустя после первого допроса.

– Да, – говорил он, – я виновен в лишении жизни Сосновской, но по ее воле...

Я познакомился с ней полтора года тому назад, в кассе театра, через поручика Будберга. Я горячо полюбил ее и думал, что и она разделяет мои чувства. Но я не всегда бывал уверен в этом. Порой мне казалось, что она любит меня даже больше, чем я ее, а порой – наоборот. Кроме того, она постоянно была окружена поклонниками, кокетничала, и я мучился жестокой ревностью. Но в конце концов все-таки не это составляло наше трагическое положение, а что-то другое, чего я не умею выразить... Во всяком случае, клянусь, что я убил ее не из-за ревности...

Я, говорю, познакомился с ней в феврале прошлого года, в театре, возле кассы. Я сделал ей визит, но до октября я бывал у нее не чаще двух раз в месяц и то всегда днем. В октябре я признался ей в своей любви, и она позволила мне поцеловать ее. Через неделю после того мы с ней и с моим товарищем Волошиным ездили ужинать в загородный ресторан, возвращались же оттуда только вдвоем, и, хотя она была весела, ласкова и слегка опьянена, я чувствовал такую робость перед ней, что боялся поцеловать ее руку. Затем она попросила у меня однажды Пушкина и, прочтя «Египетские ночи», сказала: а вы решились бы отдать жизнь за одну ночь с любимой женщиной? И когда я поспешил ответить, что да, она загадочно улыбнулась. Я уже очень любил ее и ясно видел и чувствовал, что это роковая для меня любовь. По мере того, как мы сближались, я смелел, начал говорить ей о своей любви все чаще, говорил, что чувствую, что гибну... уж хотя бы по одному тому, что отец никогда не позволит мне жениться на ней, что жить ей со мной без брака невозможно, как артистке, которой польское общество никогда не простило бы открытую незаконную связь с русским офицером. И она тоже жаловалась на свою судьбу, на свою странную душу, от ответа же на мои признания, на мой безмолвный вопрос, любит ли она меня, уклонялась, давая как будто мне некоторую надежду этими жалобами и их интимностью...

Потом, с января нынешнего года, я стал бывать у нее каждый день. Я посылал ей букеты в театр, посылал цветы на квартиру, делал подарки... Подарил две мандолины, шкуру белого медведя, перстень и браслет с бриллиантами, решил подарить брошку в виде черепа. Она обожала эмблемы смерти и не раз говорила мне, что желала бы иметь от меня именно такую брошку, с надписью по-французски: «Quand t'eme pour toujours!» [48 – и все-таки навсегда! (фр.)]

Двадцать шестого марта этого года я получил от нее приглашение на ужин. После ужина она впервые отдалась мне... в комнате, которую она называла японской. В этой же комнате происходили и наши дальнейшие свидания; служанку она отсылала после ужина спать. А потом она дала мне ключ от своей спальни, наружная дверь которой выходила прямо на лестницу... В память двадцать шестого марта мы заказали себе обручальные кольца, на внутренней стороне которых были вырезаны, по ее желанию, наши инициалы и дата нашей близости...

В одну из наших поездок за город мы подошли в деревне к кресту возле костела, и я поклялся ей перед этим крестом в своей вечной любви, сказал, что она моя жена перед богом и что я до могилы не изменю ей. Она стояла грустная и задумчивая и молчала. Потом сказала просто и твердо: «И я люблю тебя. Quand t'eme pour toujours!»

В начале мая, когда однажды я ужинал у нее, она достала опий в порошок и сказала: «Как легко умереть! Стоит только подсыпать немного, и готово!» И, высыпав порошок в бокал с шампанским, поднесла бокал ко рту. Я вырвал его у нее из рук, выплеснул вино в камин, а бокал разбил о шпору. На другой день она сказала мне: «Вместо трагедии вчера вышла комедия!» И прибавила: «Что ж мне делать, сама я не решаюсь, ты тоже не можешь, не смеешь... Какой позор!»

И после этого мы стали видеться реже: она сказала, что принимать меня у себя по вечерам больше не может. Почему? Я сходил с ума, мучился ужасно. Но, кроме того, она изменилась ко мне, стала холодна и насмешлива, принимала меня иногда так, точно мы были едва знакомы, и все издевалась над отсутствием у меня характера... И вдруг опять все изменилось. Она стала заезжать за мной для прогулок, стала заигрывать со мной, – может быть, потому, что и я начал усваивать себе холодную сдержанность в обращении с нею.. Наконец, она сказала, чтобы я нанял отдельную квартиру для наших свиданий, но такую, чтобы она была на глухой улице, в каком-нибудь сумрачном, старом доме, была бы совершенно темной и отделана так, как она мне прикажет... Вы знаете, как именно была убрана эта квартира...

И вот, шестнадцатого июня я зашел к ней в четыре часа и сказал, что квартира готова, и передал ей один из ключей. Она улыбнулась и, возвращая мне ключ, ответила: «Поговорим об этом позже». В то время раздался звонок, пришел некто Шкляревич. Я поспешно спрятал ключ в карман и заговорил о пустяках. Когда же мы уходили вместе со Шкляревичем, она в прихожей громко сказала ему: «Приходите в понедельник», – мне же шепнула: «Приходи завтра, в четыре», – и шепнула так, что у меня закружилась голова...

На другой день я был у нее ровно в четыре часа. Каково же было мое удивление, когда кухарка, отворившая дверь, заявила мне, что Сосновская не может меня принять, и передала мне ее письмо! Она писала, что чувствует себя нездоровой, что она едет к матери на дачу, что «теперь уже поздно». Вне себя, я зашел в первую попавшуюся кондитерскую и написал ей ужасное письмо, прося объяснить, что значит слово поздно, и отправил это письмо с посыльным. Но посыльный принес мне мое письмо обратно – ее не оказалось дома. Тогда я решил, что она хочет окончательно порвать со мной, и, возвратясь домой, написал ей новое письмо, резко упрекая ее за всю ее игру со мной и прося возвратить мне обручальное кольцо, которое для нее, вероятно, только шутка, а для меня самое дорогое в жизни, то, что должно лечь со мной в могилу: я хотел этим сказать, что между нами все кончено, и дать ей понять, что мне остается только смерть. Вместе с этим письмом я возвратил ей ее портрет, все ее письма и вещи хранившиеся у меня: перчатки, шпильки, шляпку... Денщик вернулся и сказал, что ее нет дома и что он оставил письмо и посылку у дворника...

Вечером я поехал в цирк, встретил там Шкляревича, человека мне мало знакомого, и, боясь быть один, пил с ним шампанское. Вдруг Шкляревич сказал: «Послушайте, я вижу, что вы переживаете, и знаю причины этого. Поверьте мне, что она не стоит того. Мы все прошли через это, она всех нас водила за нос...» Мне хотелось выхватить шашку и разрубить ему голову, но я был в таком состоянии, что не только не сделал ничего подобного и не прервал этого разговора, а даже был втайне рад ему, рад возможности хоть в ком-нибудь найти сочувствие. И не знаю, что со мной случилось; я, конечно, ни слова не проронил в ответ ему, ни слова не сказал о Сосновской, но повез его на Староградскую и показал ему квартиру, которую я с такой любовью выбирал для наших свиданий. Мне было так горько, так стыдно, что я так одурачен с этой квартирой...

Оттуда я погнал извозчика в ресторан Невьяровского; шел небольшой дождь, извозчик летел, и мне даже от этого дождя и от огней впереди было больно и страшно. В час ночи я вернулся с Шкляревичем из ресторана домой и уже стал раздеваться, как вдруг денщик подал мне записку: она ждала меня на улице, просила немедленно спуститься. Она приехала с горничной в карете и сказала мне, что она так испугалась за меня, что не могла даже ехать одна, взяла горничную. Я приказал денщику проводить горничную домой, а сам сел к ней в карету, и мы поехали на Староградскую. Дорогой я упрекал ее, говорил, что она играет со мной. Она молчала и, глядя перед собой, иногда вытирала слезы. Впрочем, она казалась спокойной. И так как ее состояние обыкновенно всегда передавалось мне, то и я стал успокаиваться. Когда мы приехали, она совсем повеселела, – квартира ей очень понравилась, я взял ее руку, просил прощения за все свои упреки, просил возвратить ее портрет, то есть тот, который я в раздражении отослал ей. У нас часто бывали ссоры, и я всегда в конце концов чувствовал себя виноватым и всегда просил прощения. В три часа ночи я повез ее домой. А дорогой наш разговор опять обострился. Она сидела, смотря перед собой, я не видел ее лица, чувствовал только запах ее духов и ледяной, злой звук голоса: «Ты не мужчина, – говорила она, – у тебя нет никакого характера, я могу когда угодно, и взбесить, и успокоить тебя. Будь я мужчина, я бы такую женщину изрезала на мелкие кусочки!» Тогда я крикнул: «В таком случае возьмите назад ваше кольцо!» – и насильно надел его ей на палец. Она повернулась ко мне и, смущенно улыбаясь, сказала: «Приходи

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
завтра». Я ответил, что не приду ни в каком случае. Она неловко, робко стала меня просить, говорила: «Нет, ты придешь, придешь... на Староградскую...» И потом решительно прибавила: «Нет, я умоляю тебя прийти, я скоро уеду за границу, я хочу видеть тебя в последний раз, главное, мне нужно тебе сказать очень важную вещь». И опять заплакала и прибавила: «Я только удивляюсь – ты говоришь, что ты меня любишь, что без меня жить не можешь и застрелишься, а не хочешь меня видеть в последний раз...» Тогда я сказал, стараясь быть сдержанным, что если так, то я завтра сообщу ей, в котором часу буду свободен. Когда мы расстались у ее подъезда, под дождем, у меня сердце разрывалось от жалости и любви к ней. Вернувшись домой, я с удивлением и отвращением застал у себя спящего Шкляревича...

Утром в понедельник, восемнадцатого июня, я послал ей записку, что я свободен с двенадцати часов дня. Она ответила: «В шесть, на Староградской...»

XI

Антонина Кованько, горничная Сосновской, и ее кухарка, Ванда Линевиц, показали, что в субботу 16-го Сосновская, зажигая спиртовку, чтобы подвить себе челку, бросила в рассеянности спичку на подол своего легкого пеньюара, а пеньюар вспыхнул, и Сосновская дико закричала, сбрасывая, срывая его с себя, – вообще так испугалась, что слезла в постель, послала за доктором, а потом все твердила:

– Вот посмотрите, это к большой беде...

Милая, несчастная женщина! Эта история с пеньюаром и с ее детским ужасом волнует и трогает меня необыкновенно. Этот пустяк как-то удивительно связывает и освещает для меня все то отрывочное и противоречивое, что мы о ней всегда слышали и чего мы наслушались и в обществе, и на суде со времени ее гибели, а главное, удивительно возбуждает во мне живое ощущение той подлинной Сосновской, которую почти никто не понял и не почувствовал по-настоящему, – равно как и Елагина, – невзирая на весь интерес, который к ней всегда проявляли, на все желания понять, разгадать ее, на все толки о ней, которым конца не было за последний год.

Вообще еще раз скажу: изумительно убожество человеческих суждений! Опять произошло то же самое, что всегда бывает, когда людям приходится разбираться в каком-нибудь даже мало-мальски значительном событии: обнаружилось, что люди глядят и не видят, слушают и не слышат. Нужно же было вопреки всякой очевидности, словно нарочито, исказить до такой степени и Елагина, и Сосновскую, и все, что было между ними! Все как будто условились не говорить ничего, кроме пошлостей. Что ж, мол, тут мудрить: он – гусар, ревнивый и пьяный прожигатель жизни, она – актриса, запутавшаяся в своей безалаберной и безнравственной жизни...

– Отдельные кабинеты, вино, кокотки, дебош, – говорили про него. – Бряцание сабли заглушало в нем все высшие чувства...

Высшие чувства, вино! А что такое вино для такой природы, как Елагин? «Чувствую иногда такую муку и влечение ко всему хорошему, высокому, вообще, черт его знает, к чему, что грудь ломит... Хочу схватить какой-то неуловимый мотив, который как будто где-то слышал, но его все нет и нет...» А вот во хмелю-то дышится легче и шире, во хмелю неуловимый напев звучит явственнее, ближе. И что с того, что и хмель, и музыка, и любовь в конце концов обманчивы, только усугубляют это несказанное в своей остроте и в своем излишестве ощущение мира, жизни?

– Она не любила его, – говорили про нее. – Она только боялась его, – ведь он постоянно грозил ей, что убьет себя, то есть не только отяготит ее душу своей смертью, но и сделает ее героиней большого скандала. Есть свидетельства, что она испытывала к нему «даже некоторое отвращение». Она все-таки принадлежала ему? Но разве это меняет дело? Мало ли кому она принадлежала! Однако Елагин захотел превратить в драму одну из тех многочисленных любовных комедий, которые она любила играть...

И еще:

– Она ужаснулась той страшной, безмерной ровности, которую он начал проявлять все более и более. Раз, при нем, был у нее в гостях артист Стракун. Он сидел сперва спокойно, только бледнел от ревности. И вдруг встал и быстро вышел в

соседнюю комнату. Она кинулась за ним вслед и, увидев в его руках револьвер, упала перед ним на колони, умоляя его сжалиться над собой и над ней. И таких сцен разыгрывалось, вероятно, немало. Не понятно ли после этого, что она наконец решилась избавиться от него, отправиться в заграничную поездку, к которой она была уже совсем готова накануне своей смерти? Он принес ей ключ от квартиры на Староградской, от квартиры, которую она, очевидно, выдумала лишь затем, чтобы иметь предлог не принимать его у себя до отъезда. Она этого ключа не взяла. Он стал ей навязывать его. Она заявила: теперь уже поздно, – то есть теперь мне не к чему брать его, я уезжаю. Но он закатил ей такое письмо, что, получив его, она ночью поскакала к нему, вне себя от страха, что может застать его уже мертвым...

Пусть все это так (хотя все эти рассуждения совершенно противоречат исповеди Елагина). Но почему же все-таки Елагин так «страшно», «безмерно» ревновал и захотел превратить комедию в драму? На что нужно было это ему? Отчего просто не застрелил он ее в один из припадков ревности? Отчего «борьбы между убийцей и его жертвой не было»? И затем: «Она чувствовала к нему порой даже некоторое отвращение... Она при посторонних иногда издевалась над ним, давала ему обидные прозвища, называла его, например, кривоногим щенком...» Но, бог мой, ведь в этом вся Соснонская! Ведь еще в ее львовских заметках есть запись про отвращение к кому-то: «Так он еще любит меня! А я? Что чувствую я к нему? И любовь и отвращение!» Она оскорбляла Елагина? Да, однажды, поссорившись с ним, – у них это бывало весьма часто, – она позвала горничную и, бросив свое обручальное кольцо на пол, крикнула: «Возьми эту гадость себе!» Но что она сделала перед этим? Перед этим она выбежала в кухню и сказала:

– Я сейчас позову тебя, брошу вот это кольцо на пол и скажу, чтобы ты взяла его себе. Но помни – это будет только комедия, ты должна нынче же возвратить мне его, потому что этим кольцом я с ним, с этим дураком, обручилась, и оно для меня дороже всего на свете...

Ее совсем недаром называли женщиной «легкого поведения», и недаром католическая церковь отказала ей в христианском погребении, «как личности дурной и распутной». Она всецело принадлежала к тем женским натурам, которые дают и профессиональных публичных женщин, и свободных служительниц любви. Но что это за натуры? Это натуры с резко выраженным и неутоленным, неудовлетворенным полом, который и не может быть утолен. Вследствие чего? Но разве я знаю, вследствие чего? И заметьте, что всегда происходит: мужчины того страшно сложного и глубоко интересного типа, который есть (в той или иной мере) тип атавистический, люди по существу своему обостренно чувственные не только по отношению к женщине, но и вообще во всем своем мироощущении, всеми силами своей души и тела тянутся всегда именно к таким женщинам – и являются героями огромного количества любовных драм и трагедий. Почему? В силу своего низкого вкуса, в силу своей развращенности или просто в силу доступности таких женщин? Конечно, нет, тысячу раз нет. Нет уже хотя бы потому, что ведь такие мужчины очень хорошо и чувствуют и видят, насколько всегда мучительна, порою истинно страшна и губельна связь, близость с такими женщинами. Они это чувствуют, видят, знают, а все-таки тянутся больше всего к ним, именно к таким женщинам, – неудержимо тянутся к своей муке и даже гибели. Почему?

Конечно, только комедию играла она, когда писала свои предсмертные записочки, внушая себе, будто и впрямь настал ее последний час. И ничуть не убеждают в противном никакие ее дневники, – кстати сказать, весьма банальные и наивные, – и никакие посещения кладбищ..

Наивность ее дневников и театральность прогулок на кладбища никто не отрицает, равно как и того, что она любила намекать на свое сходство с Марией Башкирцевой, с Марией Вечера. Но почему же все-таки избрала она именно тот, а не другой род дневника и хотела быть в сродстве именно с такими женщинами? Все было у нее: красота, молодость, слава, деньги, сотни поклонников, и всем этим она пользовалась со страстью и упоением. И однако жизнь ее была сплошным томлением, непрестанной жадной уйти прочь от постылого земного мира, где все всегда не то и не то. В силу чего? В силу того, что она все это наиграла себе. Но отчего же она наиграла именно это, а не что-либо другое? Оттого, что все это столь обычно среди женщин, посвятивших себя, как они выражаются, искусству? Но отчего же это столь обычно? Отчего?

Утром в воскресенье настольный колокольчик зазвенел из ее спальни в восьмом часу: она проснулась и позвала горничную гораздо раньше обыкновенного. Горничная внесла поднос с чашкой шоколаду и раздвинула занавески. Она сидела на постели и, по своему обыкновению, исподлобья, с полуоткрытыми губками, задумчиво и рассеянно следила за ней. Потом сказала:

– А знаешь, Тоня, я вчера заснула сразу же после доктора. Ой, мать божия, как я испугалась! А только он приехал, мне стало так хорошо и спокойно. Ночью проснулась, стала на колени на постели и целый час молилась... Ты подумай, какова бы я была, если бы меня всю обожгло! Глаза бы лопнули, губы раздулись. На меня страшно было бы взглянуть... Все лицо закрыли бы ватой...

До шоколаду она долго не притрагивалась и все сидела, что-то думая. Потом выпила шоколад и, приняв ванну, в купальном халатике и с распущенными волосами, написала за своим маленьким письменным столиком несколько писем на бумаге в траурной рамке: она уже давно заказала себе такую бумагу. Одевшись и позавтракав, она уехала: была на даче у матери, а вернулась только в двенадцатом часу ночи с актером Стракуном, который «всегда был у нее свой человек».

– Они приехали оба веселые, – рассказывала горничная. – Встретив их в прихожей, я сейчас же отозвала ее и передала ей письмо и вещи, которые в ее отсутствие прислал Елагин. Она шепнула мне про вещи: «Спрячь скорее, чтобы не видал Стракун!» – потом поспешно вскрыла письмо и сейчас же побледнела, растерялась и закричала, уже не обращая внимания на то, что Стракун сидел в гостиной: «Ради бога, беги одним духом за каретой!» Я сбегала за каретой и застала ее уже на подъезде. Мы скакали во весь опор, и дорогой она всекрестилась и повторяла: «Ой, мать божия, только бы застать его в живых!»

В понедельник она с утра уехала на реку, в купальни. Обедали у нее в этот день Стракун и англичанка (которая вообще приходила к ней почти каждый день давать уроки английского языка и почти никогда не давала). После обеда англичанка ушла, а Стракун оставался еще часа полтора: курил, лежа на диване, положив голову на колени хозяйки, которая «была в одном капоте и в японских туфельках на босу ногу». Наконец Стракун ушел, и она, прощаясь с ним, просила его прийти «нынче же в десять часов вечера».

– Не часто ли будет? – сказал Стракун, смеясь и отыскивая в прихожей палку.

– Ой, нет, пожалуйста! – сказала она. – А если меня не будет, ты уж, Люся, не сердись...

А затем долго жгла в камине какие-то письма и бумаги. Она напевала, шутила с горничной:

– Все теперь сожгу, раз сама не сгорела! А хорошо, кабы сгорела! Только уж вся, дотла...

Потом сказала:

– Скажи Ванде, чтобы ужин был к десяти вечера. А сейчас я уезжаю...

Она уехала в шестом часу, захватив с собой «что-то завернутое в бумагу и похожее на револьвер».

Она поехала на Староградскую, но по дороге завернула к швее Лещинской, которая поправляла, укорачивала ее пеньюар, вспыхнувший на ней в субботу, и, по словам Лещинской, «была в милом и веселом духе». Осмотрев пеньюар и завернув его в бумагу вместе с тем свертком, который она взяла из дому, она еще долго сидела в мастерской, среди девушек мастериц, все говорила: «Ой, мать божия, как я опоздала, пора мне уходить, ангелочки!» – и все не уходила. Наконец решительно поднялась и со вздохом, но весело сказала:

– Прощайте, пани Лещинская. Прощайте, сестрички, ангелочки, спасибо, что поболтали со мной. Мне так приятно сидеть в вашем милом женском кругу, а то все с мужчинами да с мужчинами!

И, еще раз с улыбкой покивав с порога головой, вышла...

Зачем взяла она с собой револьвер? Револьвер этот принадлежал Елагину, но она держала его у себя, боясь, что Елагин застрелится. «Теперь же намеревалась возвратить его собственнику, потому что через несколько дней надолго уезжала за границу», – сказал прокурор и добавил:

– Так отправилась она на роковое, но не заведомо роковое для нее свидание. В семь часов она была в доме № 14 по Староградской, в квартире № 1, – и вот дверь этой квартиры затворилась, а вновь открылась только утром 19 июня. Что там происходило ночью? Об этом рассказать нам некому, кроме Елагина. Послушаем же его еще раз...

XIII

И еще раз, в глубоком молчании, выслушали мы все, вся многолюдная зала суда, те страницы обвинительного акта, которые прокурор счел нужным восстановить в нашей памяти и которыми кончался рассказ Елагина:

– В понедельник восемнадцатого июня я послал ей записку, что свободен с двенадцати часов дня. Она ответила: «В шесть, на Староградской».

В шесть без четверти я был на месте и привез с собой закусок, две бутылки шампанского, две бутылки портеру два стаканчика и флакон с одеколоном. Но ждать пришлось долго: она приехала только в семь...

Войдя, она рассеянно поцеловала меня, прошла во вторую комнату и бросила сверток, который привезла с собой, на диван. – «Выйди, – сказала она мне по-французски, – я хочу раздеться». – Я вышел и опять долго сидел один. Я был вполне трезв и страшно подавлен, смутно чувствуя, что все кончено, кончается... Впрочем, и обстановка была странная: я сидел при огне, как ночью, а меж тем я знал и чувствовал, что на дворе, за стенами этих глухих и темных комнат, еще день, прекрасный летний вечер... Она долго не звала меня, не знаю, что она делала. За дверь было совершенно тихо. Наконец она крикнула: «Иди, теперь можно...»

Она лежала на диване, в одном пеньюаре, с голыми ногами, без чулок и без туфель, и молчала, исподлобья глядя в потолок, на фонарь. Сверток, с которым она приехала, был развернут, и я увидал свой револьвер. Я спросил: «А это ты зачем привезла?» Она ответила не сразу: «Так... Ведь я уезжаю... Ты лучше держи его здесь, а не дома...» У меня мелькнула страшная мысль: «Нет, это неспроста!» – но я ничего не сказал...

И разговор, который начался между нами после этого, шел довольно долго, с принуждением, холодно. Я втайне страшно волновался, – все хотел сообразить что-то, все ждал, что вот-вот я соберусь с мыслями и скажу ей, наконец, что-то важное и решительное, – ведь я понимал, что это, может быть, последнее наше свидание или, во всяком случае, разлука надолго, – и все ничего не мог, чувствовал свое полное бессилие. Она сказала: «Кури, если хочешь...» – «Но ведь ты не любишь», – ответил я. – «Нет, теперь все равно, – сказала она. – И дай мне шампанского...» Я так этому обрадовался, точно это было моим спасением. Мы в несколько минут выпили всю бутылку, я сел возле нее и стал целовать ее руки, говоря, что я не переживу ее отъезда. Она ерошила мне волосы и рассеянно говорила: «Да, да... Какое несчастье, что я не могу быть твоей женой... Все и все против нас, только, может, один бог за нас... Я люблю твою душу, люблю твою фантазию...» Что она хотела выразить этим последним словом, я не знаю. Я посмотрел вверх под зонт и сказал: «Посмотри, мы тут с тобой как в склепе. И как тихо!» В ответ она только грустно улыбнулась...

Часов в десять она сказала, что ей хочется есть. Мы перешли в переднюю комнату. Но ела она мало, я тоже, – мы больше пили. Вдруг она взглянула на закуски, привезенные мною, и воскликнула: «Глупый, блязень, сколько опять купил! В следующий раз не смей больше этого делать». – «Но когда же будет теперь этот следующий раз?» – спросил я. Она странно посмотрела на меня, потом уронила голову и закатила глаза под лоб. «Иисус, Мария, – прошептала она, – что ж нам делать? Ой, я хочу тебя безумно! Пойдем скорей».

Через некоторое время я взглянул на часы, был уже второй час. «Ой, как поздно, – сказала она. – Надо сию же минуту ехать домой». Однако она даже не приподнялась

и прибавила: «Знаешь, я чувствую, что нужно уезжать как можно скорее, а не могу двинуться с места. Я чувствую, что не выйду отсюда. Ты мой рок, моя судьба, божья воля...» И этого я не мог понять. Вероятно, она хотела сказать что-то общее с тем, что написала потом: «Умираю не по своей воле». Вы думаете, что она этой фразой выразила свою беззащитность передо мной. А по-моему, она хотела сказать другое: что наша несчастная встреча с ней – рок, божья воля, что она умирает не по своей, а по божьей воле. Впрочем, я не придумал тогда особого значения ее словам, я давно привык к ее странностям. Потом она внезапно сказала: «Есть у тебя карандаш?» Я опять был удивлен: зачем ей карандаш? Однако поспешил подать, – он был у меня в записной книжечке. Она попросила дать ей еще визитную карточку. Когда она стала что-то писать на ней, я сказал: «Но послушай, не надобно на моей визитной карточке писать записки». «Нет, это так, заметки для себя, – ответила она. Оставь меня подумать и подремать». – И, положив исписанную карточку себе на грудь, закрыла глаза. Стало так тихо, что я впал в какое-то оцепенение...

Так прошло, должно быть, не меньше получаса. Вдруг она открыла глаза и холодно сказала: «Я забыла, я пришла возратить тебе твое кольцо. Ты сам хотел вчера все кончить». И, приподнявшись, бросила кольцо на выступ стены. «Разве ты меня любишь? – почти крикнула она. – Не понимаю, как ты можешь спокойно представлять мне продолжать жить! Я женщина, у меня нет решимости. Я не боюсь смерти, – боюсь страданий, но ты бы мог одним выстрелом покончить со мной, а потом с собой». – И тут я еще больше, с страшной ясностью понял весь ужас, безысходность нашего положения, и что оно должно наконец разрешиться чем-нибудь. Но убить ее – нет, я чувствовал, что этого я не могу. Я чувствовал другое: настала решительная минута для меня. Я взял револьвер и взвел курок. «Как? Только себя? – воскликнула она, вскакивая. – Нет, клянусь Иисусом, ни за что!» – И выхватила револьвер у меня из рук...

И опять настало это мучительное молчание. Я сидел, она лежала, не двигаясь. И вдруг невнятно, про себя, сказала что-то по-польски и затем ко мне: «Дай сюда мое кольцо». Я подал. «И свое!» – сказала она. Я поспешил исполнить и это. Она надела на палец свое, а мне приказала надеть мое и заговорила: «Я тебя всегда любила и сейчас люблю. Я тебя свела с ума и замучила, но уж таков мой характер и такова наша судьба. Дай мне мою юбку и приноси портеру...» Я подал ей юбку и пошел за портером, а когда вернулся, увидел, что возле нее стоит скляночка с опиумом. «Слушай, – сказала она твердо. – Теперь уже конец комедиям. Ты можешь жить без меня?» Я ответил, что нет. – «Да, – сказала она, – я взяла всю твою душу, все твои мысли. Ты не поколеблешься убить себя? А если так, возьми и меня с собой. Мне без тебя тоже не жить. И, убивши меня, ты умрешь с сознанием, что я наконец уже вся твоя – и навеки. А теперь слушай мою жизнь...» И она опять легла и, помолчав минуту и успокоившись, не спеша стала мне рассказывать всю свою жизнь с самого детства... Я почти ничего не помню из этого рассказа...

XIV

– Не помню и того, кто из нас стал раньше писать... Я переломил карандашик пополам... Мы стали писать и писали все время молча. Я написал, кажется, прежде всего отцу... Вы спрашиваете, почему я упрекал его, что он «не хотел моего счастья», когда я даже и не пытался ни разу просить его согласия на мой брак с ней? Не знаю... Ведь он все равно не согласился бы... Потом я писал однополчанам, прощался с ними... Потом, кому еще? Командиру полка, о том, чтобы меня прилично похоронили. Вы говорите: значит, у меня была уверенность, что я покончу с собой? Конечно. Но как же все-таки я не сделал этого? Не знаю...

А она, помню, писала медленно, останавливаясь и обдумывая что-то; напишет слово и исподлобья глядит в стену... Рвала записки она сама, а не я. Писала, рвала и бросала куда попало... Мне кажется, что и в могиле не будет так страшно, как когда мы в этот поздний час, в этой тишине, под этим фонарем, писали все эти ненужные записки... Это была ее воля писать их. Я вообще беспрекословно повиновался всему тому, что она приказывала мне в эту ночь вплоть до самого последнего момента...

Вдруг она сказала: «Довольно. И уж если делать, так скорее. Дай же мне портеру, благослови, мать божия!» – Я налил стакан портеру, и она, приподнявшись, решительно бросила в него щепотку порошку. Выпив больше половины, она остальное велела допить мне. Я выпил. Она же заметалась и, хватая меня за руки, стала просить: «А теперь убей, убей меня! Убей ради нашей любви!»

Как именно я сделал это? Я, кажется, обнял ее левой рукой, – да, конечно, левой – и прильнул к ее губам. Она говорила: «Прощай, прощай... Или нет: здравствуй, теперь уже навсегда... Если не удалось здесь, то там, наверху...» Я прижался к ней и держал палец на спуске револьвера... Помню, я чувствовал, как дергалось все мое тело... А потом как-то сам собой дернулся палец... Она успела сказать по-польски: «Александр, мой возлюбленный!»

В котором часу это было? Думаю, что в три. Что я делал после того еще два часа? Но я с час шел до Лихарева. А остальное время я сидел возле нее, потом зачем-то приводил все в порядок...

Почему я не застрелился сам? Но я как-то забыл об этом. Когда я увидел ее мертвой, я забыл все в мире. Я сидел и только смотрел на нее. Потом, в таком же диком бессознании, стал прибирать ее и комнату... Я не мог бы не сдержать слова, которое я дал ей, что после нее я убью себя, но мной овладело полное безразличие... Так же безразлично отношусь я и теперь к тому, что живу. Но я не могу примириться с тем, что думают, будто я палач. Нет, нет! Может быть, я виноват перед людским законом, виноват перед богом, но не перед ней!

11 сентября. 1925. Приморские Альпы

Ночь: #comm060

На даче темно, – час поздний, – и все окрест струится непрерывным журчанием. Я сделал длинную прогулку по обрывам над морем и лег в камышовое кресло на балконе. Я думаю – и слушаю, слушаю: хрустальное: журчание, наваждение!

Ночная бездонность неба переполнена разноцветными висящими в нем звездами, и среди них воздушно сереет прозрачный и тоже полный звезд Млечный Путь, двумя неравными дымами склоняющийся к южному горизонту, беззвездному и поэтому почти черному. Балкон выходит в сад, усыпанный галькой, редкий и низкорослый. С балкона открывается ночное море. Бледное, млечно-зеркальное, оно латаргически-недвижно, молчит. Будто молчат и звезды. И однообразный, ни на секунду не прерывающийся хрустальный звон стоит во всем этом молчаливом ночном мире, подобно какому-то звенящему сну.

О чем я думаю?

«Решился я испытать разумом все, что делается под солнцем; но это тяжелое занятие дал бог сынам человеческим, чтобы они мучили себя... Бог сотворил людей разумно, но, увы, люди пустились в большую затейливость». И Екклезиаст отечески советует: «Не будь слишком правдив и не умствуй слишком». Но я все «умствую». Я «слишком правдив».

О чем я думаю? Когда я спросил себя об этом, я хотел вспомнить, о чем именно я думал, и тотчас же подумал о своем думанье и о том, что это думанье есть, кажется, самое удивительное, самое непостижимое – и самое роковое в моей жизни. О чем думал я, что было во мне? Какие-то мысли (или подобие мыслей) об окружающем и желание зачем-то запомнить, сохранить, удержать в себе это окружающее... Что еще? Еще чувство великого счастья от этого великого покоя, великой гармонии ночи, рядом же с этим чувство какой-то тоски и какой-то корысти. Откуда тоска? Из тайного чувства, что только во мне одном нет покоя – вечное тайное томление! – и нет бездумности. Откуда корысть? Из жажды как-то использовать это счастье и даже эту самую тоску и жажду, что-то создать из них... Но и тут тоска, Екклезиаст: «В будущие дни все будет забыто. Нет памяти о прежних людях. И любовь их и ненависть, и ревность давно исчезли, и уже нет им участия ни в чем, что делается под солнцем».

О чем я думал? Но не важно, о чем именно думал и – важно мое думанье, действие совершенно для меня непостижимое, а еще важнее и непостижимее – мое думанье об этом думанье и о том, что «я ничего не понимаю ни в себе, ни в мире» и в то же время понимаю мое непонимание, понимаю мою потерянность среди этой ночи и вот этого колдовского журчания, не то живого, не то мертвого, не то бессмысленного, не то говорящего мне что-то самое сокровенное и самое нужное.

Эта мысль о собственной мысли, понимание своего собственного непонимания есть самое неотразимое доказательство моей причастности чему-то такому, что во сто крат больше меня, и, значит, доказательство моего бессмертия: во мне есть, помимо всего моего, еще некое нечто, очевидно, основное, неразложимое, – истинно частица бога.

Да, но ведь это частица того не имеющего ни формы, ни времени, ни пространства, что и есть моя гибель. Вкусите и будете как бог. Но «бог на небе, мы же на земле». Вкушая, для земли, для земных форм и законов умираем. Бог бесконечен, безграничен, вездесущ, безымянен. Но эти-то божеские свойства и ужасны для меня. И если они все растут во мне, я для своей человеческой жизни, для этого земного «бывания» и «делания» гибну...

Неподвижно темнеют мелкие деревья в саду.

Между ними сереет галька, белеют белые цветы в Цветнике, а дальше – обрывы – и млечной плащаницей подымается в небо море.

В этой млечности есть зеркальность; но на горизонте сумрачно, зловеще: это от Юпитера и оттого, что там, в южном небосклоне, нет почти звезд.

Юпитер, золотой, огромный, горит в конце Млечного Пути так царственно, что на балконе лежат чуть видные тени от стола, от стульев. Он кажется маленькой луной какого-то иного мира, и его сияние туманно-золотистым столпом падает в зеркальную млечность моря с великой высоты небес, меж тем как на горизонте, в силу противоположности со светом, мрачно рисуется как бы темный холм.

И непрерывный, ни на секунду не смолкающий звон, наполняющий молчание неба, земли и моря своим как бы сквозным журчанием, похож то на миллионы текущих и сливающихся ручьев, то на какие-то дивные, все как будто растущие хрустальной спиралью цветы...

Только человек дивится своему собственному существованию, думает о нем. Это его главное отличие от прочих существ, которые еще в раю, в недумании о себе. Но ведь и люди отличаются друг от друга – степенью, мерой этого удивления. За что же отметил меня бог роковым знаком удивления, думанья, «умствования» так сугубо, зачем все растет и растет во мне оно? Умствуют ли мириады этих ночных, степных цикад, наполняющих вокруг меня как бы всю вселенную своей любовной песнью? Они в раю, в блаженном сне жизни, а я уже проснулся и бодрствую. Мир в них и они в нем, а я уже как бы со стороны гляжу на него. «Пожирает сердце свое глупец, сидящий праздно. Кто наблюдает ветер, тому не сеять...»

Я слушаю и думаю. И от этого я бесконечно одинок в этом полночном безмолвии, колдовски звенящем мириадами хрустальных источников, неиссякаемо, с великой покорностью и бездумностью льющихся в какое-то бездонное Лоно. Горний свет Юпитера жутко озаряет громадное пространство между небом и морем, великий храм ночи, над царскими воротами которого вознесен он как знак святого духа. И я один в этом храме, я бодрствую в нем.

День есть час делания, час неволи. День во времени, в пространстве. День – исполнение земного долга, служения земному бытию. И закон дня повелевает: будь в делании и не прерывай его для осознания себя, своего места и своей цели, ибо ты раб земного бытия и дано тебе в нем известное назначение, звание, имя. А что есть ночь? И подобает ли человеку быть пред лицом ее в бодрствовании, в том непостижимом, что есть наше «умствование»? Заповедано было не вкушать от запретного плода, и вот послушай, послушай их, этих самозабвенных певцов: они не вкушали и не вкушают! И что иное, как не славословие им, вынесли Екклесиасты из всей своей мудрости? – это они сказали: «Все суета сует, и нет выгоды человеку при всех трудах его!» Но они же и прибавили – с горькой завистью: «Сладок сон работающего! И нет ничего лучше, как наслаждаться человеку делами своими, и есть с веселием хлеб свой, и пить в радости сердца вино свое!» Что есть ночь? То, что раб времени и пространства на некий срок свободен, что снято с него его земное назначение его земное имя, звание, – и что уготовано ему, если он бодрствует, великое искушение: бесплодное «умствование», бесплодное стремление к пониманию, то есть непонимание сугубое: непонимание ни мира, ни самого себя, окруженного им, ни своего начала, ни своего конца.

У меня их нет, – ни начала, ни конца.

Я знаю, что мне столько-то лет. Но ведь мне сказали это, то, что я родился в таком-то году, в такой-то день и час: иначе я не знал бы не только дня своего рождения, а следовательно, и счета моих лет, но даже и того, что я существую по причине рождения.

Рождение! Что это такое? Рождение! Мое рождение никак не есть мое начало. Мое начало и в той (совершенно непостижимой для меня) тьме, в которой я был зачат до рождения, и в моем отце, в матери, в дедах, прадедах, ибо ведь они тоже я, только в несколько иной форме, из которой весьма многое повторилось во мне почти тождественно. «Я помню, что когда-то, мириады лет тому назад, я был козленком». И я сам испытал подобное (как раз в стране того, кто сказал это, в индийских тропиках): испытал ужас ощущения, что я уже был когда-то тут, в этом райском тепле.

Самообман? Самовнушение?

Но ведь так вероятно, что мои пращуры обитали именно в индийских тропиках. Как же могли они, столько раз передававшие своим потомкам и наконец передавшие и мне почти точную форму уха, подбородка, бровных дуг, как могли они не передать и более тонкой, невесомой плоти своей, связанной с Индией? Есть боящиеся змеи, пауков «безумно», то есть вопреки уму, а ведь это и есть чувство какого-то прежнего существования, темная память о том, например, что когда-то древнему пращуру боящегося постоянно грозила смерть от кобры, скорпиона, тарантула. Мой пращур обитал Индии. Почему же, при виде кокосовых пальм, склоненных с океанийского побережья, при виде голых темно-коричневых людей в теплой тропической воде, не мог вспомнить я того, что я чувствовал некогда, будучи синим голым темно-коричневым предком?

Но нет у меня и конца.

Не понимая, не чувствуя своего рождения, я не понимаю, не чувствую и смерти, о которой я тоже не имел бы даже малейшего представления, знания, а может, и ощущения, родись я и живи на каком-нибудь совершенно необитаемом, без единого живого существа, острове. Я всю жизнь живу под знаком смерти – и все-таки всю жизнь чувствую, будто я никогда не умру. Смерть! Но каждые семь лет человек перерождается, то есть незаметно умирает, незаметно возрождаясь. Значит, не раз перерождался (то есть умирал, возрождаясь) и я. Умирал – и, однако, жил, умер уже многократно – и, однако, в основе все тот же, что и прежде, да в придачу еще весь полон своим прошлым.

Начало, конец. Но страшно зыбки мои представления времени, пространства. И с годами все больше не только чувствую, но и сознаю я это.

Меня выделили из многих прочих. И хотя всю жизнь я мучительно сознаю слабость и недостаточность всех моих способностей, я, по сравнению с некоторыми, и впрямь не совсем обычный человек. Но вот именно поэтому-то (то есть в силу моей некоторой необычайности, в силу моей принадлежности к некоторому особому разряду людей) мои представления и ощущения времени, пространства и самого себя зыбки особенно.

Что это за разряд, что это за люди? Те, которых называют поэтами, художниками. Чем они должны обладать? Способностью особенно сильно чувствовать не только свое время, но и чужое, прошлое, не только свою страну, свое племя, но и другие, чужие, не только самого себя, но и прочих, – то есть, как принято говорить, способностью перевоплощения и, кроме того, особенно живой и особенно образной (чувственной) Памятью. А для того, чтобы быть одним из таких людей, надо быть особью, прошедшей в цепи своих предков очень долгий путь существований и вдруг явившей в себе особенно полный образ своего дикого пращура со всей свежестью его ощущений, со всей образностью его мышления и с его огромной подсознательностью, а вместе с тем особью, безмерно обогащенной за свой долгий путь и уже с огромной сознательностью.

Великий мученик или великий счастливец такой человек? И то и другое. Проклятие и счастье такого человека есть особенно сильное Я, жажда вящего утверждения этого Я и вместе с тем вящее (в силу огромного опыта за время пребывания в огромной цепи существований) чувство тщеты этой жажды, обостренное ощущение Всебытия. И вот Будда, Соломон, Толстой...

Гориллы в молодости, в зрелости страшны своей телесной силой, безмерно чувственны в своем мироощущении, беспощадны во всяческом насыщении своей похоти, отличаются крайней непосредственностью, к старости же становятся нерешительны, задумчивы, скорбны, жалостливы.. Разительное сходство с Буддами, Соломонами, Толстыми! И вообще, сколько можно насчитать в царственном племени святых и гениев таких, которые вызывают на сравнение их с гориллами даже по наружности! Всякий знает бровные дуги Толстого, гигантский рост и бугор на черепе Будды (и припадки Магомета, когда ангелы в молниях открывали ему «тайны и бездны неземные» и «в мановение ока», то есть вне всяких законов времени и пространства, переносили из Медины в Иерусалим – на Камень Мория, «непрестанно размахивающийся между небом и землей», как бы смешивающий землю с небом, преходящее с вечным).

Все Соломоны и Будды сперва с великой жадностью приемлют мир, затем с великой страстностью клянут его соблазны. Все они сперва великие грешники, потом великие враги греха, сперва великие стяжатели, потом великие расточители. Все они ненасытные рабы Майи, – вот она, эта звенящая, колдующая Майя, послушай, послушай ее! – и все отличаются все возрастающим с годами чувством Всебытия и неминуемого в нем исчезновения..

Слабое движение воздуха, запаха цветов из цветника и морской свежести неожиданно доходит до балкона. И через минуту слышится шорох, тихий вздох полусонной волны, медленно накатившейся где-то внизу на берег. Счастливая, дремотная, бездумная, покорная, умирающая, не ведая того! Накатилась, плеснула, озарила пески бледно-голубым сиянием, – сиянием несметных жизней, – и так же медленно потянулась назад, возвращаясь в колыбель и могилу свою. И несметные жизни поют окрест как будто еще исступленнее, и Юпитер, золотым потоком льющийся в великое зеркало вод, блещет в небесах как будто еще страшнее и царственнее..

Разве я уже не безначален, не бесконечен, не вездесущ?

Вот десятки лет отделяют меня от моего младенчества, детства. Бесконечная данность! Но стоит мне лишь немного подумать, как время начинает таять. Не раз испытал я нечто чудесное. Не раз случалось: вот я возвратился в те поля, где я был некогда ребенком, юношей, – и вдруг, взглянув кругом, чувствую, что долгих и многих лет, прожитых мной с тех пор, точно не было. Это совсем, совсем не воспоминание: нет, просто я опять прежний, совершенно прежний. Я опять в том же самом отношении к этим полям, к этому полевому воздуху, к этому русскому небу, в том же самом восприятии всего мира, какое было у меня вот здесь, на этом проселке, в дни моего детства, отрочества!

В такие минуты не раз думал я: каждый миг того, чем я жил здесь когда-то, оставлял, таинственно отпечатлевал свой след как бы на каких-то несметных, бесконечно-малых, сокровеннейших пластинках моего Я – и вот некоторые из них вдруг ожили, проявились. Секунда – и они опять меркнут во тьме моего существа. Но пусть, я знаю, что они есть, «Ничто не гибнет – только видоизменяется». Но, может, есть нечто, что не подлежит даже и видоизменению, не подвергается ему не только в течение моей жизни, но и в течение тысячелетий? Великое множество таких отпечатков передано мне моими предками, пращурами. Богатство способностей, гений, талант, – что это, как не богатство этих отпечатков (и наследственных, и приобретенных), как но та или иная чувствительность их и количество их проявлений в луче того Солнца, что откуда-то падает на них порою?

Недавно, проснувшись случайно на рассвете, я вдруг поразили мыслью о своих годах. Казалось когда-то, что это какое-то особое, почти страшное существо – человек, проживший сорок, пятьдесят лет. И вот таким существом стал наконец и я. Что же я такое, сказал я себе, чем именно стал я теперь? И, сделав маленькое усилие воли, взглянул на себя как на постороннего, – как дивно, что мы это можем! – я, конечно, совершенно живо ощутил, что я и теперь совершенно тот же, кем был и в десять, в двадцать лет.

Я зажег огонь, посмотрел в зеркало: да, есть уже сухость, определенность черт, есть серебристый налет на висках, несколько поблек цвет глаз... Но что с того?

И я особенно легко встал, вышел в другие комнаты, еще чуть светлеющие, еще по-ночному спокойные, но уже принимающие новый, медленно рождающийся день, слабо и таинственно разделивший на уровне моей груди их полутьму.

Покой, особый, предрассветный, царил еще и во всем том огромном человеческом гнезде, которое называется городом. Молчаливо и как-то по-иному, чем днем, стояли многооконные дома с их многочисленными обитателями, столь как будто разными и столь одинаково преданными сну, бессознанию, беспомощности. Молчаливые (и еще пустые, еще чистые) лежали подо мной улицы, по уже зелено горели газовые огни в их прозрачном сумраке. И вдруг опять испытал я то непередаваемое чувство, которое испытываю всю жизнь, когда мне случается проснуться на ранней заре, – испытал чувство великого счастья, детски доверчивой, душу умиляющей сладости жизни, чувство начала чего-то совсем нового, доброго, прекрасного – и близости, братства, единства со всеми живущими на земле вместе со мною. Как я понимаю всегда в такие минуты слезы Петра-апостола, который именно на рассвете так свежо, молодо, нежно ощутил всю силу своей любви к Иисусу и все зло содеянного им, Петром, накануне, ночью, в страхе перед римскими солдатами! Я опять пережил совершенно, как свое собственное, это далекое евангельское утро в Элеонской оливковой роще, это отречение Петра. Время исчезло. Я всем существом своим почувствовал: ох, какой это ничтожный срок – две тысячи лет! Вот я прожил полвека: стоит только увеличить мою жизнь в сорок раз, и будет время Христа, апостолов, «древней» Иудеи, «древнего» человечества. То же самое солнце, что когда-то увидел после своей бессонной ночи бледный, заплаканный Петр, вот-вот опять взойдет и надо мною. И почти те же самые чувства, что наполнили когда-то Петра в Гефсимании, наполняют сейчас меня, вызывая и на мои глаза те же самые слезы, которыми так сладко и больно заплакал Петр у костра. Так где же мое время и где его? Где я и где Петр? Раз мы так слились хотя бы на мгновение, где же оно, это мое Я, утвердить и выделить которое так страстно хотелось мне всю жизнь? Нет, это совсем, совсем ничего не значит, – то, что я живу на земле не во дни Петра, Иисуса, Тиверия, а в так называемом двадцатом веке! И сколько я жил в воображении чужими и далекими жизнями, чувством, будто я был всегда и всюду! А где грань между моей действительностью и моим воображением, моими чувствами, которые есть ведь тоже действительность, нечто несомненно существующее?

Всю жизнь сознательно и бессознательно, преодолеваю, разрушаю я пространство, время, формы. Неутолима и безмерна моя жажда жизни, и я живу не только своим настоящим, по и всем своим прошлым, не только своей собственной жизнью, по и тысячами чужих, всем, что современно мне, и тем, что там, в тумане самых дальних веков. Зачем же? Затем ли, чтобы на этом пути губить себя, или затем, чтобы, напротив, утверждать себя, обогащаясь и усиливаясь?

Есть два разряда людей. В одном, огромном, – люди своего, определенного момента, житейского строительства, делания, люди как бы почти без прошлого, без предков, верные звенья той Цепи, о которой говорит мудрость Индии: что им до того, что так страшно ускользают в безграничность и начало и конец этой Цепи? А в другом, очень сравнительно малом, не только не делатели, не строители, а созидатели, разорители, уже познавшие тщету дела ним и строения, люди мечты, созерцания, удивления себе и миру, люди «умствования», уже втайне откликнувшиеся на древний зов: «Выйди из Цепи!» – уже жаждущие раствориться, исчезнуть во Всеедином и вместе с тем еще люто страждущие, тоскующие о всех тех ликах, воплощениях, в коих пребывали они, особенно же – о каждом миге своего настоящего. Эти люди, одаренные великим богатством восприятий, полученных ими от своих бесчисленных предшественников, чувствующие бесконечно далекие звенья Цепи, существа, дивно (и не в последний ли раз?) воскресившие в своем лице силу и свежесть своего райского праотца, его телесности. Эти люди райски чувственные в своем мироощущении, но рая уже лишены. Отсюда и великое их раздвоение: мука ухода из Цепи, разлука с нею, сознание тщеты ее – и сугубого, страшного очарования ею. И каждый из этих людей с полным нравом может повторить древнее стенание: «Вечный и Всеобъемлющий! Ты некогда не знал Желания, Жажды. Ты пребывал в покое, но Ты сам нарушил его: Ты зачал и повел безмерную Цепь воплощений, из коих каждому надлежало быть все бесплотнее, все ближе к блаженному Началу. Ныне все громче звучит мне твой зов: „Выйди из Цепи! Выйди без следа, без наследства, без наследника!“ Так, господи, я уже слышу тебя. Но еще горько мне разлучение с обманной и горькой сладостью Бытия. Еще страшит меня твое безначалие и твоя бесконечность...»

Да, если бы запечатлеть это обманное и все же несказанно сладкое «бывание» хотя бы в слове, если уже не во плоти!

В древнейшие дни мои, тысячи лет тому назад, мерно говорил я о мерном шуме моря, пел о том, что мне радостно и горестно, что синева небес и белизна облаков

далеки и прекрасны, что формы женского тела мучительны своей непостижимой прелестью. Тот же я и теперь. Кто и зачем обязал меня без отдыха нести это бремя – непрестанно высказывать свои чувства, мысли, представления, и высказывать не просто, а с точностью, красотой и силой, которые должны очаровывать, восхищать, давать людям печаль или счастье? Кем и для чего вложена в меня неутолимая потребность заражать их тем, чем я сам живу, передавать им себя и искать в них сочувствования, единения, слияния с ними? С младенчества никогда ничего не чувствую я, не думаю, не вижу, не слышу, не обоняю без этой «корысти», без жажды обогащения, потребного мне для выражения себя в наибольшем богатстве. Вечным желанием одержим я не только стяжать, а потом расточать, но и выделиться из миллионов себе подобных, стать известным им и достойным их зависти, восторга, удивления и вечной жизни. Венец каждой человеческой жизни есть память о ней, – высшее, что обещают человеку над его гробом, это память вечную. И нет той души, которая не томилась бы тайне мечтою об этом венце. А моя душа? Как истомлена она этой мечтой, – зачем, почему? – мечтой оставить в мире до скончания веков себя, свои чувства, видения, желания, одолеть то, что называется моей смертью, то, что непреложно настанет для меня в свой срок и во что я все-таки не верю, не хочу и не могу верить! Неустанно кричу я без слов, всем существом своим: «Стой, солнце!!» И тем страстнее кричу, что ведь на деле-то я по устроивший, а разоряющий себя – и не могущий быть иным, раз уже дано мне преодолеть их, – время, пространство, формы, – чувствовать свою безначальность и бесконечность, то есть это Всеединое, вновь влекущее меня в себя, как паук паутину свою.

А цикады поют, поют. Им тоже оно дано, это всеединое, но сладка их песнь, лишь для меня горестная, – песнь, полная райской бездумности, блаженного самозабвения.

Юпитер достиг предельной высоты своей. И предельного молчания, предельной неподвижности перед лицом его, предельного часа своей красоты и величия достигла ночь. «Ночь ночи передает знание». Какое? И не в этот ли сокровенный, высший час свой?

Еще царственнее и грознее стал необъятный и бездонный храм полнозвездного неба, – уже много крупных предутренних звезд взшло на него. И уже совсем отвесно падает туманно-золотистый столп сияния в млечную зеркальность летаргией объятого моря. И как будто еще неподвижнее темнеют мелкие деревья, ставшие как бы еще мельче, в этом скудном южном саду, усыпанном бледною галькой. И непрестанный, ни на секунду не смолкающий звон, наполняющий молчание неба, земли и моря своим как бы сквозным журчанием, стал еще более похож на какие-то дивные, все как будто растущие хрустальными винтами цветы... Чего же наконец достигнет это звенящее молчание?

Но вот он опять, этот вздох, вздох жизни, шорох накатившейся на берег и разлившейся волны, и за ним – опять легкое движение воздуха, морской свежести и запаха цветов. И я точно просыпаюсь. Я оглядываюсь кругом и встаю. Я сбегая с балкона, иду, хрустя галькой, по саду, потом бегу вниз, с обрыва. Я иду по песку и сажусь у самого края воды и с упоением погружаю в нее руки, мгновенно загорающиеся мириадами светящихся капель, несметных жизнью... Нет, еще не настал мой срок! Еще есть нечто, что сильнее всех моих умствований. Еще как женщина вожделенно мне это водное ночное лоно...

Боже, оставь меня!

Приморские Альпы. 17 сентября 1925

Обуза

После ужина пили чай, жадно и торопливо просматривали газеты, только что принесенные с почты. Вес то же, все та же жуткая чепуха! Потом вес постепенно разошлись спать. Остался один и все читал, возмущаясь и волнуясь. Вдруг случайно взглянул на окна: за переплетами старых рам – красота старых сосен и елей, романтическая путаница их хвои, ветвей, сучьев и синее небо апрельской лунной ночи. Быстро встал, прошел в лакейскую, внял картуз и палку, вышел на крыльцо... Ах как прекрасна ночь! что за ночь!

Крыльцо и вся эта сторона дома в лунной прозрачной тени, впереди – просторный

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
светлый двор и озаренные стены и старые крыши подпорных построек. Сбежал с крыльца легко, молодо, повернул к саду: ночь свежая, но сухая, полная луна стоит высоко, небо совершенно чисто. Вошел в аллею – она еще голая, извилистые короткие тени спокойно лежат на сухой земле, по которой так приятно идти. Далеко насквозь виден голый сад.

Из аллеи повернул на дорожку между кустами сирени и акаций: светлая ночь сияет в уюте сада, над его полянами, на которых стоят низкорослые старые яблони, уже зацветшие. Луна смотрит с высоты прямо в лицо. Вдали направо, во флигеле, уже много лет догнивающим в саду без призора, светится огонек. Иду на него.

Поднявшись на крылечко и отворив дверь из сеней в прихожую, не сразу понимаю, что это такое: ад какой-то! Прихожая вся полна едкого дыму, в дыму багрово коптит на столе лампочка, а из дымной печки красными языками вырывается пламя. Старик, сидя на полу на коленях, топит. Он энергично, с сухим треском, ломает костлявыми руками бурьян, пихает его в печку, и огонь вместе с клубами дыма то и дело вышибает назад.

Я хлопнул дверью, входя, я подхожу к самой печке, но старик или не слышит, или не хочет слышать. Он не оборачивается, ломает, пихает и глядит с тем странным вниманием, с которым люди всегда глядят на огонь, Он в замызганном, ссохшемся от времени полушубчишке и в моей старой шляпе. Глаза у него от дыму красны, как раны, плачут, но он, не обращая на это внимания, глядит. Лицо морщинистое, китайское, с ошипанной седой бородкой.

– Здравствуй, Ефрем. Что не спишь, один сидишь?

Он точно сразу просыпается и дико взглядывает на меня. Потом крепко, отрывисто:

– Как один?

– Да как же, все давно спят, один ты сидишь.

– Я не один.

– А с кем же?

– С богом.

– А затопил почему?

– Почему! Лег было, да холодно. Застыл весь. Тебе хорошо в теплых хоромах.

– И трубу, верно, не открыл как следует – ишь сколько дыму напустил.

– Не достану я ее открыть, как следует. Открыл как попало, затопил и сижу... Вот так и живу, ночь в день оборачиваю. Да. Другие померли, а меня земля забыла. Что ж делать! Хочешь, не хочешь – живи!

– Это правда. А у тебя ведь, кажется, и родных никого нету?

– Захотел родных!

– И детей не было?

– Были, да сплыли. А жена – на кой она мне ляд?

– Все вдвоем-то лучше.

– С лучком! По могилам вдвоем не лежат.

– Так. Значит, плохо дело?

– Чужая печка холодна.

– А на свою не хочешь. Кто ж виноват? Ведь у тебя, говорят, свой дом есть?

– Сам же и виноват. Дома во сто раз скучнее. Забота да обуза. Забота да скука,

Помолчав:

- Да и дом-то мой – одни чурки. И земли нету.
- Ну вот, теперь лучше, говорят, будет. Теперь революция. Слышал небось?
- Какая еще такая революция?
- Такая, чтобы, значит, всем стало лучше.
- Никогда этого не будет.
- Как не будет? Вот тебе, например, земли дадут.

Он вдруг бросил ломать и пихать, сел, отвалившись назад, на ноги, и, обернувшись ко мне, заговорил уже яростно:

- Знаю. Ну, знаю, слышал. Царя, говорят, сместили?
- Да, сместили. А что ж, разве плохо?
- Я этого не знаю. И знать не хочу. Одно нарушение.
- Нарушение чего?
- Всего. Черти, дураки! Жили легко, без заботы. А теперь, значит, обо всем сам голову ломай?
- Да ведь земли дадут.
- Обещают! Всего обещают! А мне она, может, без надобности? Спросили разве меня?

И, отвернувшись, опять стал смотреть на прогорающий огонь и, опять начав ломать бурьян, заговорил уже спокойнее, хотя все еще сердито:

– Мне хорошего нечего ждать. Мне теперь, слава богу, ничего не надо. А господ нельзя без последствия оставить. Их тоже надо принять к сведению. Разве они умеют работать? И рады бы, да не умеют. А притеснять сдуру нельзя. Говорят – они теперь сами пахать будут! На поле, говорят, всех их будем выгонять! Чего с дурацкой головы не выдумают! Какое это распоряжение? Это что ж – чтоб птица плавала, а рыба летала? Это, значит, притеснять? Нет, тут хорошего никогда не будет. Они, сволочь, измываться хотят. (Повышая голос.) А мне чего ее силком навязывать? Мне ихняя земля не нужна, это одна обуза. Моя земля (стуча пальцем в пол), моя земля вот где! Мне теперь одна дорога. Мне грехи надо отмаливать, на свободе жить. А то что это было? То молодой был, то, в лета вошел, все погоди да успеется, а теперь вот и силы нету, до церкви не дойду! Так-то и с ним, с окаянным, будет.

- С кем?
- Со всяким.

И, нахмурившись, замолчал. Потом вдруг опять повернулся и внезапно, со старческой милой улыбкой, сказал уже совсем другим тоном:

- И умер бы, может, да умереть-то – попу три рубля, да то да се...

И с улыбкой, еще более задрожавшей:

- А там ну-ка спросят, отчего не пьяный помер, без всякого удовольствия...
- Значит, есть такой указ, чтобы пьяному туда являться?
- А как же? Обязательно! Обязательно, чтоб немножко замолаживало, повеселей да и пооткровеннее, в одних порточках!

И вдруг опять рассердился и опять закричал:

– А про эти дела я ничего не знаю! Не знаю и знать не хочу!

Я долго смотрел на него. Он молчал, глядя в огонь.

– Ну, до свиданья, – сказал я наконец. – Ложись спать, спокойной ночи.

– Наложись еще в земле, успеется, – отрывисто бросил он, не поворачивая головы. – Иди, иди, прощай...

Я вышел и, опять через сад, пошел на гумно, в поле.

Далеко насквозь виден голый сад.

Низко стоит и мистически-радостно смотрит из-за дальних вековых берез, белеющих стволами возле вала, какая-то крупная звезда.

Приморские Альпы. 1925

Воды многие: #сорт062

Господь над водами многими...

Псалтирь

12 февраля 1911 г., ночью, в Порт-Саиде.

Первая ночь на «Юнани». Капитан сказал, что пойдем не спеша, на Цейлоне будем не раньше, чем через полмесяца, и я чувствую себя в этой большой и покойной каюте уже как дома, хозяином.

Вышло как раз то, о чем мы мечтали зимой в Египте: попасть на один из тех пароходов, которые, будучи пассажирскими, ходят теперь в качестве грузовых по своей отсталости от современных удобств, по слишком ограниченному числу кают, по долгим стоянкам в портах. «Юнан» довольно велик, прост и стар, но чист, крепок, сидит глубоко, его кают-компания и двенадцать пассажирских помещений расположены не на корме, а на спардеке. Все каюты, кроме двух наших, пусты, – «вы будете как на собственной яхте», пошутил капитан, принимая нас в виде исключения на «Юнан». Он прибавил: «Только вам придется жить с экипажем совсем по-семейному, довольствоваться тем, что готовят нам, время проводить почти в одиночестве, – ведь мы круглые сутки заняты». Но это-то нам и нравится, сказали мы ему.

Капитан, крепкий, полнеющий француз, по-французски самодоволен и уверен в себе, по-французски предупредителен и вежлив с нами, но и равнодушен по-французски, говорит любезности и остроты, не меняя выражения лица. Два его помощника и младший механик малозаметные фигуры. Механик старший, – большой, грузный, усатый брюнет с несколько как бы яростными и изумленными глазами, я думаю, недалек, горяч и отходчив. Остальные обитатели «Юнана» – повар, два поваренка, подросток-китаец для мелких услуг, красавец лакей, несколько кочегаров и десяток матросов.

Мы перебрались на «Юнан» к обеду. И обед имел совсем домашний характер. По-домашнему приготавлилось и кофе, – не в поварской, а в столовой, собственноручно: молот старший механик, засыпал и варил первый помощник. Это было венцом обеда, некоторым священнодействием. После обеда все разошлись, кто на вахту, кто спать перед вахтой.

На пароходе уже давно тишина. Тихо и на рейде. Вот вторая склянка, – успокаивающий и слегка грустный звон: бам-бам, бам-бам, – десять часов. Я выбрал себе одну из трех кают возле кают-компания, – каюты на верхней палубе меньше и будут в тропиках жарче. У меня просторно и все прочно, на старинный лад. Есть даже настоящий письменный стол, тяжелый, прикрепленный к стене, и на нем электрическая лампа под зеленым колпаком. Как хорош этот мирный свет, как свеж и

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
чист ночной воздух, проникающий в открытое окно сквозь решетчатую ставню, и как я счастлив этим чистым, скромным счастьем!

Суздальская древняя иконка в почерневшем серебряном окладе, с которой я нигде не расстанусь, святыня, связующая меня нежной и благоговейной связью с моим родом, с миром, где моя колыбель, мое детство, – иконка эта уже висит над моей корабельной койкой. «Путь твой в море и стезя твоя в водах великих и следы твои неведомы...» Сейчас, благодарный и за эту лампу, и за эту тишину, и за то, что я живу, странствую, люблю, радуюсь, поклонюсь тому, кто незримо хранит меня на всех путях моих своей милосердной волей, и лягу, чтобы проснуться уже в пути. Жизнь моя – трепетное и радостное причастие вечному и временному, близкому и далекому, всем векам и странам, жизни всего бывшего и сущего на этой земле, столь любимой мною. Продли, боже, сроки мои!

13 февраля, Суэцкий канал.

Не слышал, как снялись, – пошли раньше, чем предполагали, задолго до рассвета, когда крепко спал. Потом стал будить скрежет над головой, – это взад и вперед ползала по верхней палубе рулевая цепь: канал извилист, то и дело надо лавировать. Но этот же скрежет и усыплял, усыпляло его однообразие и ощущение, что ты уже в дороге.

День облачный, мутный, ветер сильный и мягкий. К полудню мы были уже далеко от Порт-Саида, в совершенно мертвом, от века необитаемом царстве. И долго провожала нас слева, маячила в мути пустыни и неба чуть видная, далекая вершина Синая, и весь день прошел под его величавым и священным знаком, был связан с чувством его близости, его ветхозаветного, но вместе с тем и ночного владычества, ибо это вечно, вечно: «Аз есмь господь бог твой... Помни дни господин... Чти отца и мать твою... Не делай зла ближнему твоему... Но желай достояния его...»

Я ходил по верхней палубе, сидел, читал, думал о многом и разном, но за всем был Синай. Я смотрел в туманную пустыню справа, в сторону Египта, смотрел на пески впереди, но все время чувствовал тот жуткий в своей древности и вечности образ, что сопутствовал нам слева, с аравийской стороны, своей как бы повисшей в неясном небе, над розовым туманом, громадой. И это и страшило, как страшит все великое, и восторгало. Разве эта гора как все горы на земле? Несчетные мириады тех, что рождались на земле в течение этих тысячелетий, узнавали о нем с младенчества, на первом пороге жизни, и до гроба жили (покорно или строптиво, грешно или снято, а все-таки жили) под властью того, что заповедано на нем, на Синае. Вот истинно незабываемый маяк человечества, столп и основание его бытия, престол законов, их же без кары не преступишь!

Мысль об этой незабываемости и о той связи, которую рождает между людьми почитание синайских скрижалей, вменное в одинаковую священнейшую обязанность миллионам людей, отзывается в сердце великим утешением. Да, уже целые тысячелетия, из века в век, из часа в час, из сердца в сердце передается всех и вся равняющий и единящий завет: чти скрижали Синая. Сколько раз человечество восставало на них, дерзко требовало пересмотра, отмены их велений, воздвигало кровавые схватки из-за торжества новых заповедей, в кошунственном буйстве плясало вокруг золотых и железных тельцов! И сколько раз, со стыдом и отчаянием, убеждалось в полном бессилии своих попыток заменить своей новой правдой ту старую, как мир, до дикости простую правду, которая некогда, в громах и молниях, возвещена была вот в этой дикой и вечной пустыне со скалистых синайских высот!

Я сидел, смотрел... Сильно дул в лицо летний ветер, тепло солнца, все скрывавшегося за легкими, сливающимися клубами облаков, грело меня, грело белую сухую палубу. Ветер нес незримую, тончайшую песчаную пыль, с места на место пересыпая песчаные бугры и заноса канал все с тем же бесцельным прилежанием и упорством, с которым заносил он и каналы фараонов, давно погибшие, неведомые нам. Канал извивался, вода его зеленела то бледнее, то ярче в зависимости от солнца, порой заходившего в облака, порой озарявшего светом, радостью. Медленно проходили мимо засыпанные песком кустарники, насаженные по песчаным буграм вдоль канала. Мир был безгранично пуст – ни единого живого существа вокруг, ни единого жилища, кроме редких сторожевых мазанок, таких одиноких в этом серо-желтом море и со всех сторон теснимых желтыми сугробами. Но, казалось, душа всего человечества, душа тысячелетий была со мной и во мне. «Не пожелай дома ближнего твоего, ни жены его, ни раба его, ни осла его...» И меня охватывало умиление.

Какая пастушеская наивность выражений! Но как это трогает и радует, – то, что человечество и доньше сохранило в полной неприкосновенности эти древние, наивные формы заповедей! Мы и не подозреваем всей силы таинственного влияния этой архаичности, ее неизменности и независимости от преходящих земных условий. Она разрушает преграды времени, места, национальности, она говорит всем языкам людским только одним, только своим, только аравийским языком, и из тысячелетий в тысячелетия мириады самых разноплеменных человеческих душ, начинающих свое земное существование, младенческими голосами внушающих себе и другим для всех равно обязательные синайские законы, хранят только этот язык: ни раба его, ни осла его.

Я сидел и думал: все-таки оно есть в мире – нечто незыблемо-священное. В гигантском человеческом таборе, который стремится, невзирая на все свои блуждания, все-таки вперед, в какую-то обетованную землю, в пестром и шумном стане, который уютится в низкой земной юдоли, а все-таки у подножия неких горных высот, кипит мелкая, будничная жизнь, царит человеческое ничтожество, человеческая слабость, убогая гордыня, злоба, зависть, и божьи избранники, пророки, мудрецы не раз содрогались в этом таборе от ужаса перед его мерзостью, в отчаянии дробили о камень скрижали синайского завета между человеком и богом – и все-таки снова и снова собирали раздробленное, снова воздвигали все те же самые уставы, ибо снова и снова гремели из мглы и туч омраченных высот все те же страшные, но и утешающие, указующие спасительный путь глаголы:

– Вы видели, что я сделал с египтянами (за зло их) и как носил я вас на орлиных крылах (на крылах вечной мощи моей)... Вот я прихожу к вам в густом облаке и молниях (ибо омрачен престол правды моей и разгневано сердце мое): пусть слышит народ, как я буду говорить, и пусть поверит навсегда...

Там, в вечной книге книг, так и сказано: навсегда. Младенчески бедны уставы, навсегда долженствующие быть нашей норой и верой и нашим правилом, но в этом-то и сила их. Пастушеской простотой звучат они, но в простоте-то и вечность их, подобная вечности вот этого неба (простого синееющего воздуха), вот этой земли (простых песков и камня).

«Чти отца и мать твою» – что, казалось бы, может быть проще и беднее этих слов? А меж тем скорее солнце сойдет с своего пути, чем потеряют они свою повелительную силу и свою святость, ибо во веки веков будет свято чувство рожденного к родившим его, к тем, которые всей силой своей любви сохранили его в пору его слабости и беззащитности. Да и так ли уж проста она, эта нежнейшая из заповедей? Она говорит: «Чти отца и мать твою», – и прибавляет: «Дабы продлились дни твои». К чему оно здесь, это добавление о долготе дней? И о чем идет в нем речь? О награде от бога за почтительность? Нет, смысл заповеди гораздо глубже. Она говорит: чувство связи, – а не может быть связи без почитания, – чувство единства с родившими тебя, с жизнью отцов твоих, расширяет твою собственную, личную, краткую жизнь; возвышая их, воздавая сыновнюю дань своим отцам, утружденным жизненным бременем, таинством Бытия и любовью к тебе, ты возвышаешь самого себя, то есть существо, во всем подобное им: ты их порождение, их плод; чти же древо, давшее плод, если притязает быть и сам достойным почитания, ибо не может быть плода доброго с недоброго древа; единая жизнь совершает свое таинственное странствование через тела наши, – стремись же ощущать это единство и благоговей: в нем твое бессмертие (долгота дней) и самоутверждение.

А заповедь о достоянии? «Не пожелай дома ближнего твоего, ни жены его, ни раба его, ни осла его, ни всякого достояния его...» Какая опять как будто нехитрая и, главное, спорная истина! Не пожелай! А я вот желаю и желаю с очень достаточными основаниями: «Собственность есть кража, и, уж во всяком случае, ничего священного я в ней не вижу!». Но и тут только видимость простоты и легкой оспоримости. Нет, надо весьма немного подумать, чтобы понять всю вечность и глубину и этого синайского наказа. Нет, сколько бы ни изрекала дерзостей человеческая глупость, человеческая зависть, оно поистине священо, это достояние ближнего моего, приобретаемое не всегда же случаем, а обычно ценою не только всей его жизни, но и жизни целого рода его. И посему трижды священна пальма, посаженная его отцом и потому никак не могущая быть общей; священ колодец, вырытый его дедом, то есть хранящий некую частицу деда, его труда, его мысли, его души и, значит, как бы даже некое его бессмертие, продолжение, продление его земной жизни; священ старый дом, где мой ближний жил и хочет жить по-своему, во всей сокровенности своей личности, своих особенностей, своего

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
гнезда, и где он то и дело ощущает, вспоминает (то есть воскрешает) себя то ребенком, то отроком, то юношей, то мужем, со всеми своими былыми горестями и радостями, и, кроме того, чувствует себя наследником, продолжателем всех тех традиций, всей той культуры, которая уже создана на месте его дома... Какая кровь может смыть вторжение постороннего в это «достояние», в это святая святых человека!

14 февраля, Красное море.

Вчера, как только стемнело, на баке «Юнана» подняли большой электрический фонарь, целое солнце, и далеко ударил в темноту впереди белый слепящий свет. Влачась по изгибам канала, точно кит, заплывший в реку, «Юнан» зорко озирает все то, что было на его пути, – мутную воду, пласты бурого ила на побережьях, пересыпанные песком кустарники, лодки возле сторожевых пунктов, женские фигуры босоногих феллахов, на корточках сидевших в своих длинных рубахах на кормах лодок... Этот ил, эти аравийские пески, эти первобытные люди опять напоминали о жизни глухой, ветхозаветной, но впереди то и дело пронизывали темный горизонт прожекторы встречных пароходов. И раз «Юнан» даже совсем притих, неуклюже привалился к берегу, чтобы пропустить чуть не целый плавучий город: встречный великан надвигался на нас, резко и фиолетово, подобно горящему магнию, сияя широкими и нестерпимо блестящими лучами своего солнца, потом совершенно затопил нас как бы дневным светом – и с шумом прошел мимо всеми своими этажами, высокими мачтами и черными трубами, золотом освещенных иллюминаторов и раскрытых дверей, за которыми трала послеобеденная музыка и переполненных народом залах... Странное для синайских песков зрелище!

Когда нас снова окружила темнота, я посмотрел на небо. Ветер стих, небо было чисто. Небо от большого количества звезд первой величины было мрачно и торжественно.

В двенадцатом часу чуть видные в темноте берега стали расходиться, воздух изменился, стал более влажный, морской; чувствовалось, что кругом только одна вода, впереди были рассыпаны далекие огни на Суэцком рейде...

Проснулся уже в Красном море. Ночью опять поднялся ветер и развел такое волнение, что, выйдя нынче в кают-компанию к кофе, я увидел в ней странный полусвет, – все иллюминаторы, выходящие на бак, были закрыты наглухо: так швыряло волной навстречу.

На палубе слепило. В снастях выло, свистало. В воздухе веяла водяная свежесть, мешалась со зноем высокого, высокого солнца. Все море ходило долинами, холмами, верхушки этих холмов ярились пеной. Ветер рвал ее, и белые хлопья, залетавшие иногда на палубу и быстро скипавшие с гладких досок, резко горели серебром. «Юнан» медленно кланялся солнечному морю, шедшему на него ухабистой и сияющей равниной. Какие-то странные серые птички с совершенно круглыми крылышками в черной каемке перелетали по снастям, по поручням бортов. Откуда их занесло? Сколько разнообразнейших жизней в мире, о которых мы и не знаем, никогда не думаем!

Я долго не без некоторой хищной хитрости ходил за этими птичками по заваливающемуся то на один, то на другой бок пароходу. Одни подпускают очень близко, эти птички, а все-таки чувствуют правду – в конце концов пугаются и улетают. Сидит и неподвижно смотрит на тебя черным глазком: кто ты такой, что хочешь со мной сделать? И едва сделаешь лишний шаг – птичка порх и уже где-нибудь высоко, на рее. Нет, никакая жизнь не верит другой! И не без основания...

Сейчас звонят к завтраку. Блеск и зной, море успокаивается, ветер слабеет.

15 февраля.

За вчерашний день все чрезвычайно изменилось, – менялось чуть не каждый час. И вот оно уже наступило, то вечное светоносное лето совершенного для меня мира, которое говорит о какой-то давно забытой нами, райской, блаженной жизни. К вечеру совсем нам пришлось надеть все белое, и в этом было что-то праздничное. Ветер совсем упал, море совсем улеглось, и вообще все, по словам моряков, пришло в полный порядок, в тот покой, в то радостное и сияющее однообразие, из которого

А поздно вечером капитан поздравил нас со вступлением в тропики. Итак, заветная черта, о которой столько мечтал я, перейдена. Ночью долго стояли на корме. След от винта горит, в его бушующей пене плавают тысячи синих звезд, то и дело возникают и распускаются в лазурный дым целые блюда пламени.

Спать было уже душно. Мерно жужжит в теплой темноте каюты электрический вентилятор, но его веяние только ласкает.

Нынче утро еще жарче. Проснулся в шесть от шума воды-матросы, как всегда в этот час, «скаtywали» палубу, затопляли ее из шлангов, терли швабрами, и этот шум, свежий, водяной, был очень сладок в том зное и блеске, присутствие которого в мире я почувствовал еще в постели.

Затем натянули белые тенты над нижней палубой – докончили картину. Вот теперь уже все тропическое: и эта легкая жаркая тень под тентами, и резкое серебро белых одежд, белой обуви и белых шлемов на моряках, и их страшные черные очки.

Начали и мы тропическую жизнь, – блаженное безделье, лежанье в длинных камышовых креслах на палубе, в прозрачной, полной света, тени. Смотрим на светлую пустоту сияющего неба, видную между бортом и тентом, дивимся на воду, что сквозит в решетке поручней. Это драгоценный прозрачный камень, сплав зеленых самоцветов, в прозрачности которого дымится зеленая муть. Сплав идет, качается, по временам растет острыми хребтами и закипает с сильным и чарующим шумом. Повар, – он родом откуда-то из Пиренеев, – работает на кухне и поет чудесным, порою очень высоким голосом. И песня со сладкой грустью говорит о счастье жить, любить, мечтать в этом светоносном божьем мире...

После обеда сидели наверху, в большой каюте капитана. Он водил пас в штурманскую рубку, показывал небесный глобус, те новые южные звезды, которые уже открываются нам.

Ночью.

Второй час. Не могу заснуть, – таким счастливым чувствую себя.

Лежа в темноте, вспомнил штурманскую рубку, думал о рулевом. Вот он и сейчас прямо и ровно стоит там, наверху, белеет своей матроской в сумраке, держит за рога рулевое колесо, глядит на большой медный диск, лежащий перед колесом и таинственно освещенный низко спущенной лампочкой под черным колпаком, а на диске зыбко дрожит и, дрожа, медленно ходит, как живая, магнитная стрелка... Истинно высоким саном облечен теперь этот человек, ведущий нашу морскую стезю, сопряженный с теми непостижимыми, божьими силами, которые колеблют, правят эту стрелку!

Восторженно волнуясь, лежал в темноте и думал, а ветер веял и веял в каюту, в открытое окно, в растворенную дверь, глухо билось где-то внизу как бы некое огромное сердце, и мерно возникал, падал и снова рос шум волн, неустанно летевших вдоль бортов.

16 февраля.

В два часа прошли остров Джебель-Таир. Совсем не похож на Средиземные острова. Те всегда очертаньями волнисты, мягки и всегда в голубоватой или нежно-сиреневой дымке воздуха. Этот же совершенно четкий, голый и со всех сторон точно топором обрублен. И цвет его совсем новый для глаза – верблюжий.

Перед вечером слева шли мелкие острова, довольно далеко друг от друга разбросанные. Ближние в упор, но мягко были освещены солнцем, их известковые откосы сияли желто-розовой белизной, а дальний, самый большой, цвет имел опять верблюжий. Это Двенадцать Апостолов. И все время нас плавно, медленно качало.

В шесть часов, тотчас же после заката солнца, увидел над самой своей головой, над мачтами, в страшно большом и еще совсем светлом небе, серебристую россыпь Ориона. Орион днем! Как благодарить бога за все, что дает он мне, за всю эту

радость, новизну! И неужели в некий день все это, мне уже столь близкое, привычное, дорогое, будет сразу у меня отнято, – сразу и уже навсегда, навеки, сколько бы тысячелетий ни было еще на земле? Как этому поверить, как с этим примириться? Как постигнуть всю потрясающую жестокость и нелепость этого? Ни единая душа, невзирая ни на что, втайне не верит этому. Но откуда же тогда та боль, что неотступно преследует нас всю жизнь, боль за каждый безвозвратно уходящий день, час и миг?

А за обедом – человеческая суета сует. «В мыслях у них, что дома их вечны и что жилища их в род и род...» Разговор начался с России. И, конечно, вскоре перешел на «царизм», – ведь это для европейца образ всей России, нечто особенно загадочное и даже ужасное, – коснулся японской войны и перелома, вызванного ее последствиями, затем тех событий, которыми этот перелом сопровождался, и наконец, общих вопросов: о парламентаризме и абсолютизме, о консерваторах, о социальных неравенствах, о собственности. Тут, как и следовало ожидать, вспыхнули страсти.

Капитан оказался крутым собственником, первый помощник его тихим, но стойким сообщником, и в то время как второй, маленький, черноглазый, похожий на южного италянца, злым, огненным социалистом, а старший механик вообще революционером, яростным метателем театрально-напыщенных общих фраз. Он, огромный, черный, усатый, свирепо скрежетал ручкой кофейной мельницы и, пожирая глазами капитана, мощно декламировал.

Второй помощник не отставал от механика, говорил вместе с ним в одно и то же время, не громко, однообразно и тоже остановив на нем свои злые, как у змеи, сплошь черные глаза. А капитан смотрел на того и на другого надменно-презрительно, отлично зная и чувствуя, что, невзирая на свою видимую независимость, на всю свободу, с которой будто бы могут французские граждане иметь какие угодно мнения и суждения, эти социалисты побаиваются его. И он был прав, потому что, как только он раскрывал рот, речи обрывались, и он, не спеша, бросал короткие наставительные фразы.

Медленно допив последнюю, самую сладкую капельку кофе, капитан аккуратно надел картуз, поднялся с видом сытого, сильного и во всем собой довольного человека, с небрежной вежливостью пробормотал обычное приветствие и пошел из столовой. И старший механик проводил его глазами разъяренного кота и театрально прошипел:

– О, старый реакционер!

17 февраля.

Утром прошли Перим.

Сейчас, после завтрака, идем очень близко возле африканского берега, низменного, пустынного, серого, как слон. Виден Обок. Дальше, в бесконечной дали, даже туманной от обилия солнечного света, поднимаются в небо смутные, знойные признаки Абиссинских гор. Лежу в камышовом кресле на палубе, в жаркой, светлой и душной тени под тентом. Бежит, вспыхивает блеск воды за бортом, но он тусклый. Гляжу из-под тента: и солнце печет тускло, и эти далекие, таинственные горы, словно тусклые, чуть видные тучи... И какая-то великая тоска во всем. Откуда она? От смутной мысли о тех, которых забросила судьба в этот бесконечно одинокий, маленький форт, на эту пядь дикой земли, затерянную среди от века необитаемых пустынь, светоносных и знойных берегов таинственной Африки?

* * *

В четыре стали на рейде против Джибутти, довольно далеко от него. Громадный залив, вода зеленая. Вдалеке налево, за линией рифов, эта зелень резко обрезана синью, – там уже Индийский океан. Впереди, на низком побережье, белеет городок, мавританский дворец французского губернатора. Я стоял на верхней палубе, смотрел на него и вдруг увидел: к пароходу быстро несло несколько узких и темных, глубоко сидевших в зеленой воде пирог, из которых торчали худые и голые черные торсы и седые волосы. А через несколько минут после этого на баке «Юнана» уже стояла кучка еще никогда мной не виданных людей, тех самых «диких», о которых читал в детстве: кучка высоких черно-шоколадных тел, одинаково узких в плечах и

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
в бедрах, шелковисто-сухих даже на вид. Это были сомалии, о которых говорят, что они еще и теперь не прочь от людоедства. Зубы у них сверкали, на головах высоко курчавилась желтоватая шерсть, – у них обычай обесцвечивать волосы, – шеи поражали длиной, в тонких профилях было что-то козлиное. Некоторые были с луками в рост человека. А я смотрел на их наготу и испытывал какое-то странное, даже как будто стыдное, райское (да, истинно райское) чувство.

До заката сомалии работали, – из Джибутти пришла баржа с углем, и они перекидывали уголь из баржи в нутро нашего парохода. К закату баржа опустела. Сомалиям выдали по булке и по бумажному фунтику фиников. И, отдыхая, они сидели на барже и ужинали, а один стоял на корме Барки и по-мусульмански молился. Никогда, кажется, не видал я такой молитвы, – такой горячей благодарности богу за жизнь, за день труда, за эту булку и горсточку фиников!

18 февраля.

Ездили в Джибутти. Гребцы голые, голые и те, что встречаются в пирогах, то есть, по-нашему, дубках. Глубоко, почти с краями, сидит этот дубок в теплой воде, и из него по поясу торчит голос тело, работающее одним веслом. И опять сильное, живое чувство первобытного, теплого, райского.

Город маленький, новый, но какой-то забытый богом, захолустный. Магазины как у нас в уездных городах. Ходили на окраину; там лачуги, мухи на мусоре и нечистотах, жара, базар. Дальше – пески, полная пустыня, табор сомалиек, живущих уже совсем по-своему, с первобытной дикостью. Шатры, козы, голые черные дети и, конечно, опять нечистоты... Мерзко? Нет, страшно по первобытности, по древности, а раз так, чувства пробуждаются совсем иные, высокого, почти жуткого порядка. Тысячелетиями идет эта полуживотная жизнь. Но над нею – нам неведомые божьи цели. В этом грязном человеческом гнезде, среди этой первозданной пустыни, тысячелетиями длятся рождения и смерти, страсти, радости, страдания... Зачем? Без некоего смысла быть и длиться это не может.

Все же какая-то великая тоска, великая безнадежность царит над этим глухим и скудным человеческим жильем.

19 февраля.

Уже в Океане. Совсем особое чувство – безграничной свободы.

Прохладнее от муссона, весь день боковая качка.

Поздно вечером опять были в штурманской рубке, смотрели карту нашего пути: путь наш прямо на восток. Потом был на верхней палубе. Четверть месяца стоит очень высоко и светит очень ярко, – с правой стороны настоящая лунная ночь. Россыпь Ориона в зените. Южный Крест на юге, в большом пространстве почти пустого неба. Смотрел на него и вдруг вспомнил, что у Данте сказано: «Южный Крест освещает преддверие рая». Слева низко лежала серебром раскинутая по темно-синему небосклону Большая Медведица, под нею, почти на горизонте, печально белела Полярная звезда. А на востоке точно ветром раздувало какую-то огромную и великолепную звезду, ровно и сильно пылавшую красным огнем. И ход наш был прямо на нее.

20 февраля.

Легкий, веселый день, ветер.

В полдень встреча: далеко вдаль, в крупной и блестящей волне, плавно и мягко пыряющая барка. Капитан сказал, что это арабы из Персидского залива: путешествуют по-древнему, совершают в таких утлых ладьях огромные переходы, в дорогу с собой беря только рис и пресную воду. И мысль об этих арабах восхитила: люди иных, далеких и блаженных в своей бедной простоте времен, к нашему великому счастью еще существующие на земле!

Долго ходил по палубе с необыкновенной легкостью, наслаждаясь бьющим в лицо ветром. Потом решительно пошел в каюту, развязал набитый книгами чемодан,

который мы с ненавистью таскали всю зиму по отелям в Египте, и торопливо стал отбирать прочитанное и не стоящее чтения. А отобрав, стал бросать за борт и с большим облегчением смотреть, как развернувшаяся на лету книга плашмя надает на волну, качается, мокнет и уносится назад, в океан – навеки. Думала ли она, в свое время мирно лежавшая в орловской деревне, побывать в Каире, у порогов Нила, в Красном море, а потом кончить свои дни в Индийском океане! Поразительная полная неизвестность и случайность всякой земной судьбы. Разве я, например, могу быть уверен, что увижу Цейлон, возвращусь в Россию? Может быть, завтра, послезавтра сбросят мое тело вот в эти же самые волны... И вообще с немалым основанием преследуют меня всю жизнь подобные мысли. Я именно из тех, которые, видя колыбель, не могут не вспомнить о могиле. Поминутно думаю: что за странная и страшная вещь наше существование – каждую секунду висить на волоске! Вот я жив, здоров, а кто знает, что будет через секунду с моим сердцем, которое, как и всякое человеческое сердце, есть нечто такое, чему нет равного во всем творении по таинственности и тонкости? И на таком же волоске висит и мое счастье, спокойствие, то есть жизнь, здоровье всех тех, кого я люблю, кем я дорожу даже гораздо больше, чем самим собою.. За что и зачем все это?

Выбросив несколько книг и успокоившись, будто сделал что-то очень нужное, после чего все должно пойти гораздо лучше, глядел с палубы в пустой простор этих «вод многих», со всех сторон безответно объемлющих нас, все с тем же вопросом в душе: за что и зачем? – и в этой же самой божьей безответности, – непостижимой, но никак не могущей быть без смысла, – обретая какую-то святую беззаботность. Прощел капитан и, так как на коленях у меня лежало «На воде» Мопассана, я спросил его, – знает ли ад эту книгу и нравится ли она ему.

– О да, – ответил он, – это очень мило.

Вероятно, в другое время такой ответ показался бы мне возмутительно глупым. Но тут я подумал, что, пожалуй, он совершенно прав в своей снисходительной небрежности. Как смешно преувеличивают люди, принадлежащие к крохотному литературному миру, его значение для той обыденной жизни, которой живет огромный человеческий мир, справедливо знающий только Библию, Коран, Веды!

«За что, зачем?» Вот для тех арабов, которых мы встретили давеча, не существует этого вопроса. Они знают одно – древнюю «покорность Вожатому», тому, кто говорит о себе в Коране: «Мы к человеку ближе, чем его сонная жила».

Ночью.

Зажег настольную лампу, – как успокоительно освещает она сквозь свой зеленый колпак каюту! – сел за стол и чувствую: медленно уходит, ползет стол из-под руки, оседает, погружается пол в бездонную силу, волнующуюся подо мною, косо клонятся стены, размахивается дверная занавеска...

В девять часов был на носу. Очень сильный и необыкновенно приятный ветер навстречу, такой сильный, что рябит в глазах, когда смотришь вперед. Море впереди совсем черно, небо очень чисто и совсем пусто, и опять низко стоит на нем и кровью переливается большая жуткая звезда. Далеко сзади, за кормой – бесконечно разлит по зыби розоватый блеск луны, золотой ломоть которой почти лежит на воде.

В десять с половиной опять ходил туда же и опять глядел назад. Ломоть луны меркнет, умирает, картина приобретает трагический характер. Мимо бортов горами несутся маслянисто-черные волны, взвиваются гребнями светящейся зеленой пены. А там, далеко вдаль за кормой, красно-золотой и уже густой и тусклый блеск, разлитый по морю, весь изрыт черными ухабами и весь движется, как бы кишит какими-то живыми существами, ночными морскими чудовищами...

Сейчас качает так, что писать уже трудно. лягу, и будет всю ночь баюкать меня, как в колыбели. «Мы к человеку ближе, чем его сонная жила».

22 февраля.

И вчера и нынче ослепительно солнечно, но такой ветер, такой свист в снастях и такая крупная зыбь, что ни стоять, ни ходить... Завтракали, обедали не без труда,

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
хотя особенно весело. Наш кривоногий бой проявил чудеса китайской ловкости, вприсядку носясь из кухни в столовую и обратно с кушаньями и с посудой.

Нынче уже тише. К ночи, говорят, все придет в полный порядок.

23 февраля.

Да, опять все как следует.

Опять радостное и жаркое солнце, тишина, корабельная чистота, все двери, окна раскрыты, – и все пусто, – все на работе, по своим местам, – и мы совсем одни, точно и впрямь на своей собственной яхте. И все утро поют матросы. Какая грусть! И какое сладкое счастье – это солнечное утро, это наше одиночество, этот от века и до скончания времени светоносный океан и эта песня, то есть жизнь, душа какой-то далекой, нам неведомой страны, – Бретани, Вандеи, Прованса? – со всей своей французской стариной, историей, со всеми преданиями и особенностями быта, нравов, то есть со всем тем своим особенным, в чем священная поэзия каждого народа...

Все утро идем мимо Гвардафуя: далекий берег коричневого цвета, полосы желтеющих у моря песков. Страшное место, славное в летописях кораблекрушений. Но такой прекрасный день, что этому как-то не верится.

Впереди били какие-то фонтаны. Капитан сказал, что это кит. Потом прибавил:

– А кораблекрушения возле Гвардафуя и теперь не редкость. Тогда сбегаются туземцы, грабят гибнущее судно, добывают тонущих и едят их.

Бог меня прости, – во мне шевельнулось что-то похожее на радость. Ведь это опять то далекое, старинное, из тех путешествий, которые с таким восхищением читал в детстве.

24 февраля.

Все та же прелесть однообразия.

Все последние дни солнце садилось совершенно чисто. Небо перед закатом было неизменно золотое, сияющее; потом оно краснело, вместе с краснеющим солнечным шаром, который, коснувшись горизонта, слегка вытягивался, становился огненно-багряной митрой.

Нынче весь день ходили облака, солнце припекало, как перед грозой, – близится земля, Индия. В пять часов красота этих легчайших, истинно эдемских облаков, раскинувшихся в небосклоне над предзакатным солнцем, была ни с чем не сравнима.

Сейчас уже ночь, девять часов. Был на корме. Там пахнет сеном, стоят в загородке быки. Завтра утром одного из них убьют. Последняя его ночь! Это невозможно, этому не верится, но это так. Впрочем, так ли? Может быть, последняя только на земле? Даже в смерть быка отказывается верить сердце...

А ночь прелестная, с мирной луной и белыми облаками, с редкими и тем более прелестными звездами среди них. Совсем бы одна из наших орловских ночей, если бы не дивная игра Конопуса, этого двойника Сириуса, только ярче отливающего красным блеском. Южный Крест не высоко, склонен вправо. И все заходят облака на востоке, величавыми и грозными горами. Так заходили они весь день, и опять весь день росла качка вместе с ровно растущим муссоном. Теперь валит уже совсем хорошо, хотя все с той же медлительной плавностью и не мешая мирной прелести ночи (той, что над нами, а не на восточном горизонте, где те белые грозные тучи).

С кормы я долго смотрел вправо, на юг. Там, в светлом и совсем пустом небе, под Южным Крестом, все мерцает одинокая низкая звезда. Какая? Надо завтра спросить моряков. Может быть, Альфа Центавра? – Как пленительно, загадочно звучали для меня всю жизнь подобные слова! И вот бог дал мне великое счастье видеть все это...

Последняя ночь быка все-таки не выходит из головы. Он должен умереть, чтобы я мог жить, продолжать видеть прекрасные ночи – и думать о его судьбе, дивиться

25 февраля.

Вчера, потушив огонь, долго лежал, мысленно видя те облачные горы на восточном горизонте. В открытое окно, за тенью от навеса палубы, белела лунная ночь, в открытую дверь доходило сладкое веяние ветра. Думал о тех грезах, которые, по рассказам моряков, начинаются здесь с апреля и бывают так страшны. В полусне стало представляться, что облака эти становятся все величавее, темное, ужаснее и уже блещут зарницами... Потом очнулся и, не зажигая огня, записал:

Океан под ясною луной,
Теплой и высокой, бледнолицей,
Льется гладкой, медленной волной,
Озаряясь жаркою зарницей.
Всходят горы облачных громад:
Гавриил, кадя небесным Силам,
В темном фимиаме царских врат
Блещет огнедышащим кадилом.

Нынче все так же медленно и плавно поднимает, слегка валит на одну сторону, потом на другую, еще медленнее опускает и опять начинает все сначала. И спокойно стоят весь день далекие облака на северо-востоке, над этой таинственной Индией. В пустой столовой жужжит и дует из угла электрический вентилятор. Все читаю, читаю, бросая прочитанное за борт. – Жить бы так без конца!

Я даже к консервированному молоку, которое подают к утреннему кофе, привык; освеженный после жаркой постели душем, надевши все белоснежное, чувствую себя двадцатилетним, сажусь за стол с юношеской жадностью. А в одиннадцать другое острое удовольствие – запахи из кухни, завтрак. Подают вздор – омлет, что-то вроде зеленого луку, какое-то подобие рагу, часто улиток... Но блещут стаканы, рюмки, скатерть, радуется здоровый загар и пикейная одежда моряков, красавец лакей, тоже весь в белом, и сонная улыбка очень подвижного, когда надо, но вечно безмолвного кривоногого нашего китайчонка; радуется порядок корабельной жизни. А там чай среди дня, а там и обед, завершение правильного трудового дня... За обедом моряки часто что-нибудь рассказывают.

Как это ни странно, капитан рассказывает отлично, лучше всех. И вообще, несмотря на свои многие неприятные черты, – какое, например, презрение ко всему, что не французское! – он мне очень нравится: очень цельный человек. Нравится и то, что сидит он во главе стола, как высший между нами, с сознанием, что он высший, имеющий над нами неограниченную власть. Да, конечно, неограниченную, – разве может быть иначе в море, на корабле? В море, в пустыне, непрестанно чуя над собой высшие Силы и Власти и всю ту строгую иерархию, которая царит в мире, особенно ощущаешь, какое высокое чувство заключается в подчинении, в возведении в некий сан себе подобного (то есть самого же себя).

Нынче весь день летели летучие рыбки. Мы идем, а они, как молодые воробьи, поднимаются целыми стаями, несутся плоско, прямо и опять сыплются в воду, разбрасывая брызги вокруг себя, и опять врываются целым ливнем и опять летят...

Ночь похожа на вчерашнюю.

Та звезда, что по ночам переливается кровью на горизонте перед нами, мигает, цветет и как будто манит, увлекает все дальше в глубь своей таинственной тропической страны, есть Спика.

Быка уже нет на свете. Все тот же плеск, шум воды за кормой, все тот же мирный запах сена и все та же сладость ночного ветра, а его уже нет. Непостижимо!

В каюте все жарче. Сплю совсем Адамом. Качает и качает то утлое, что хранит и несет нас среди этих бесконечных хлябей, веет во все окна и двери нежный воздух, жужжит из угла вентилятор... Иногда представляю себе самого себя, спящего, – беспомощно, без мысли и сознания лежащего в этой каюте, затерянного в океане. Как страшно и как хорошо! Я сплю, мы все спим, кроме тех двух-трех бессонных, безмолвных, недвижимых, что бдят за нас там, наверху, на вахте, мы спим, а ночь,

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
вечная, неизменная, – все такая же, как и тысячелетия тому назад! – ночь, несказанно-прекрасная и неизвестно зачем сущая, сияет над океаном и ведет свои светила, играющие самоцветными огнями, а ветер, истинно божие дыхание всего этого прелестного и непостижимого мира, веет во все наши окна и двери, во все наши души, так доверчиво открытые ей, этой ночи, и всей той неземной чистоте, которой полно это веяние.

26 февраля.

Спал в каюте на верхней палубе, думал, что в ней, более доступной ветру, все-таки не такое знойное тепло, не такая горячая духота, как в нижней. Но нет, там еще жарче, за день она, вся открытая солнцу, накаляется, как духовая печь.

Проснулся, по обыкновению, в шесть, – зашуршали швабры, зашумела вода из шлангов, – и тотчас же вскочил. Спать в этих солнечных странах можно очень мало, и сон, чуть откроешь глаза, отлетает мгновенно. Всегда есть надежда на что-то новое, счастливое в начинающейся утренней жизни, тут же, среди этого вечно юного божьего лона, в первозданности океана особенно. Отдернул дверную занавеску, – уже всходит жаркое солнце, сладок шум воды, дающий обманчивое чувство прохлады, приятен вид молодых и здоровых людей за работой, их босых ног, крепких икр и до пояса обнаженных бурых тел. Еще раз здравствуй, утро! Еще раз выкатилось могучее тропическое светило, как выкатывалось оно в эту минуту уже сотни тысяч лет и снова будет выкатываться миллионы, когда от меня не останется даже пылинки.

За день муссон ослабел. Но качает еще шире и глубже, – как на качелях весь день качаешься.

Дочитал «На воде». – «J'ai vu de l'eau, du soleil, des nuages, je ne puis raconter autre chose...»[49 – «Я видел воду, солнце, облака, больше я ничего не могу рассказать...» (фр.)] Дочитав, бросил книгу за борт. Поднялся на верхнюю палубу, потом еще выше, на крышу капитанской рубки, стоял и качался вместе со всем пароходом, который был весь подо мною и весь виден, от бугшприта до кормы, со всеми своими мачтами, снастями и тяжелой черной трубой, ее круглотой и тяжестью, ее чуть дымящей пастью. Все это поднималось, опускалось, косо валилось то туда, то сюда... Куда забросило меня! Я под экватором!

Сейчас пять. Океан все штилеет и принимает нежно-синий тон, – та зыбь, что качает нас, мертвая. И уже есть кое-где вдали поля светло-стальной глади.

Ночью.

Солнце нынче опускалось в слепящее золото. Океан все штилеет. Всюду вокруг нас, по матово-стальным медленно перекачивающимся волнам, тоже текло, переливалось, блистало золото.

Мы поднялись с верхней палубы еще выше, на мостик. Океан за это мгновение стал уже весь млечно-стальной с голубым налетом, и по этой безграничной млечности пошли от заката (ставшего менее слепящим, оранжево-золотым) оранжевые глянца, меж тем как небо на востоке стало гелиотроповым, а вдоль бортов медленно изгибалась, как лилово-синие удавы, мертвая волна.

Мы поспешили на самую высшую точку, на капитанскую рубку: солнце успело уже скрыться, восточное небо стало фиолетовым, а западное позеленело и пошло по зеленому огненно-оранжевыми полосами, над нами же, в бездонной глубине, тени облаков, легчайшие, как дамасский газ, окрасились в нежно-малиновый цвет.

А через мгновение все опять изменилось: восточный небосклон стал сине-лиловый, море под ним – густо-фиолетовое. И все огненной разгорались полосы на небосклоне закатном. Когда же, с быстро набегающим вечером, превратилось в фиолетовое и западное море, эти полосы раскалились, как темно-рдяное железо в горне. Темнело все быстрее, над закатом сверкнула первая звезда. Неприметная и маленькая луна, все белевшая очень высоко над нами, стала оживать. Мы простояли еще несколько минут и побежали вниз на звонок к обеду: она уже сияла! Вдоль бортов потекло блестящее серебро, на палубе обозначились в лунном свете тени от снастей... И потянуло с востока бризом.

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
За обедом все говорили, что видели при закате знаменитый зеленый луч. Как когда-то пленял он мое воображение! Увы, я его не видел.

Потом без конца ходил по верхней палубе, наслаждаясь даже хрустением под ногами угольной пыли, невидимо сыплющейся из жерла трубы. Луна над самой головой, так высоко, что нигде в море нет от нее отблеска. И такая яркая бледность чехлов на шляпках, точно они серебряно-меловые. Опять ветер с востока, звезды чисты. Мерно и крепко бьется стальное сердце «Юнана», мерно шагают в лад ему, и, мерно взвиваясь и падая, несутся назад, мимо бортов, холмистые волны. И качаются и дрожат, дрожат ярко-бледные виндзейли (холщовые трубы вентиляторов из кочегарной), привязанные за боковые треугольные полотнища к палубным стопкам возле трубы: будто какие-то дьяволы в саванах с треугольными врозь растянутыми рукавами.

27 февраля.

Просыпался в пять, – спал опять в верхней каюте, – выглянул, подняв дверную занавеску: солнца еще нет, но уже совсем день; впереди, за океаном, много красивых облаков, крупных, нежно-лиловых; среди них нежно алеет восток.

* * *

Полдень. Сильный ветер навстречу, – все от близости земли, как говорят моряки. Белые круглые облака покрыли все небо, такие наши, орловские, летние! Океан совсем синий, в мелкой зыби. Матросы уже готовятся «к берегу», усиленно стирают свое белье, – на баке все увешено рубашками, рукавами вниз. Ветер их треплет, надувает, – туловища с отрубленными головами.

* * *

Закат, звонят к обеду. Океан стал бронзовый, а по бронзе текут зелено-металлические, с красным оттенком переливы. Облака легкие, страшно высокие, розово-рыжие. И все мягко, мягко, дивно-нежно: ветер, воздух и все краски, все оттенки.

* * *

Опять на самом верху, пишу при лунном свете. Все огромно: и океан, и небо, и все пространство между ними, и все так высоко, высоко: и небо, и луна, и эти кучевые облака. Ох, как сладок и силен ветер и как носит, качает! Ветер, шум, плеск – и я среди всего этого в истинном блаженстве!

* * *

Проснулся, чтобы записать:

Звезда пылала на горизонте впереди целым золотым костром. Я стоял на мостике, я был капитан и командовал, отрывисто бросал назад, в рулевую рубку, радуясь быстрому ходу:

– Так держать!

А в рубке были, кроме рулевого, отец и мать, давно, как я хорошо понимал, умершие, но живые все-таки, – я никогда не вижу их во сне мертвыми и никогда не дивлюсь во сне, видя их живыми. И я чувствовал к ним необыкновенную нежность в ответ на те ласковые, милые улыбки, с которыми они смотрели на меня, гордясь мной, моей отвагой. И было в их улыбках и еще что-то, смутный смысл его был, кажется, таков: да благословит тебя бог, живи, радуйся, пользуйся тем кратким земным сроком, что и ты получил в свой черед от него!

28 февраля.

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
Все ближе земля–день облачный, с горячим, припекающим солнцем, с тем, что называется «парит». Под тентом на верхней палубе было жарче и душнее всех дней. И все больше чувствуется ненужность одежды, хотя мы и так уже почти раздеты.

* * *

Шесть часов, пишу на корме. Закат страшно далек, равнина океана видна к западу без конца. Закат, среди великолепных сиреневых облаков, весь огненно-красный, захватывает весь небосклон.

* * *

Возвращаясь с кормы к обеду, ахнул: луна – зеленая! Посмотрел из столовой в окно, выходящее на бак: да, зеленая! Нежно-зеленая, на гелиотроповом небе, среди пепельных облаков, над зеленым блеском океана! И так качает, что нос «Юнана» лезет в небо, а в окно бьет блаженно проникающий до самой глубины души ветер, и опять все так нежно, так ласково, так веет раем, истинно раем!

1 марта ночью.

Земля, рай все ближе – всю ночь облака, всю ночь луна сияет между ними, серебром озаряя их края.

Последняя ночь в океане, завтра Цейлон, Коломбо.

«Путь твой в море и стезя твоя в водах великих и следы твои неведомы...» И я был в страшной и сладкой близости твоей, и безгранична моя любовь к тебе, и крепка вера в родимое, отчее лоно твое!

Вот я, – как бы один во всем мире, – в последний раз мысленно преклоняю колени на этой светлой от луны палубе. Словно нарочно разошлись облака, и радостно и мирно сияет лунный лик в высоте передо мной, а ниже, в светлой и прозрачной бездонности южного небосклона, тихо теплятся алмазы Южного Креста. Спокойным и предвечным веселием веселится светлая ночь твоя. – Как мне благодарить тебя?

<1925–1926>

Страшный рассказ

В голом, обезображенном зимней смертью парке, черневшем перед домом, была темнота и пустынность мартовской ночи, и на старый, серый снег поросил молодой, белый, нежный, как лебяжий пух.

Они, – известно только то, что их было двое, – сидели в парке с вечера, выжидали самого глухого часа.

И дом зорко глядел в темный парк множеством освещенных окон: она, эта старая француженка в каштановом парике и с выпуклыми рачьими глазами, за отъездом хозяев в город жившая в доме совсем одна, чувствовала зловещее присутствие тех, что стерegli ее: она осветила все комнаты, – а их было много, и все они были большие, – она решила не спать всю ночь и все ходила из комнаты в комнату, по всему пустому и блистающему лампами и канделябрами дому.

Страшнее всего то, что вместо того, чтобы пойти в подвальный этаж, где спали горничная и прачка, или в людскую, где ночевала дворня, вместо того, чтобы позвать кого-нибудь к себе, она, уже твердо зная свою обреченность, только ходила из комнаты в комнату и даже вздумала писать записочки.

Она писала:

«Двенадцать с четвертью. Все хожу и хожу! Чувствую, что я погибла. В саду кто-то есть. Я даже знаю, что их двое...»

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
«Только что пробило час – внизу, на больших часах в вестибюле. Пробило страшно и торжественно... Один из них – маленький, с кривыми, как у таксы, ногами. Но я не буду спать всю ночь, я буду защищаться...»

Она играла на рояли кекуок, – много раз принималась играть, играла бурно, с отчаянным весельем, и все обрывала:

«Как сумасшедшая, играю кекуок, – писала она. – Ужас мой доходит до экстаза...»

Потом она перебирала книги в шкапу в кабинете, смотрела и бросала их на пол. Она искала что-нибудь почитать и взяла наконец том географии Реклю.

На хозяйском письменном столе она оставила еще одну записку:

«Боже мой! Но почему же должна быть этой жертвой я? Я буду защищаться, живой я не сдамся!»

С Реклю в руках она прилегла на кабинетный диван и, развернув книгу, почитала некоторое время и даже сделала карандашом несколько отметок.

На этом же диване и нашли ее утром – с перерезанным горлом, без парика, с голым черепом, с дикими, рачьими глазами, стоячими, изумленными.

Стекла в двойных гостиных дверях, выходящих в сад на балкон, были выдавлены, вынуты. Ветер дул в гостиную, нес из белесого парка холодный пар, туман. И весь дом пылал огнями, желтевшими в бледном свете сырого и белого, мглистого дня.

Кто зарезал? И зачем?

Зарезали они, те двое, что сидели в саду. А зачем – непостижимо: они не унесли, не тронули ни единой вещички.

Да, их было двое. Это доказывали мокрые, грязные следы, оставленные ими на паркете. И следы одного были не совсем обычны, широко расставлены друг от друга, кривы... Несомненно, он был криволап.

Их было двое. Но кто были они? Их не нашли, не поймали.

Все-таки самое страшное на земле – человек, его душа.

И особенно та, что, совершив свое страшное дело, утолив свою дьявольскую похоть, остается навсегда неведомой, непойманной, неразгаданной.

Где они теперь, эти двое? А ведь может быть, что они до сих пор живы, где-то что-то делают, ходят, едят, пьют, разговаривают, смеются, курят...

Париж, 1926

Поруганный Спас

– Нет, господин, не всяк бога славит, а бог себя явит. А когда и за что – одному ему известно. Сколько именных икон и соборов, сколько мощей по нашей местности! А вот было же так: заболела смертной болезнью дочка одного нашего купца, девочка, и, господи, царица небесная, чего только этот купец для своего чада не делал! И докторов-то из Москвы выписывал, и молебны самые дорогие служил, и к мощам в Москву и к Троице возил, и все наши местные святости подымал – ничего не помогает! А девочка все свое твердит: буду здоровая непременно, исцелюсь, мол, обязательно, только не от этого ото всего, а от Поруганного Спаса. «Ну, прекрасно, – говорят ей отец, мать, – верим и надеемся, только что это за Поруганный Спас и где он находится?» – «А это, говорит, я во сне видела, бог мне такое видение дал». – «И того лучше, – отвечают ей, – но какой же он и где?» – «А вы, говорит, ищите, везде ходите и ищите. Я и сама не знаю, где он. Знаю только, что поруганный и в большой хуле и бедности, брошен куда-то как попало и уж давно, еще при царице Василисе». – «При какой такой царице Василисе? Такой, мол, и царицы никогда не было». – «Ну уж этого я ничего не знаю, говорит. Знаю только, что он совсем маленький, в одну пядь и вроде простой дощечки черной, с

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
богохульной надписью, – только и всего. Главное то, что надо через всякую силу искать и обязательно найти...» И что ж вы думаете, господин? Все чердаки по всем домам и по всем церквам облазили, под всеми крышами колокольными ходили, все мусоры голубиные разрыли, и нашли же наконец того. И нашли-то где? Видели часовеньку пониже базара? Лет тысячу небось стоит, гниет, и всякое непотребство в ней бессовестным народом делается, а в ней, в мусоре, и нашли. И как только маленько, значит, обчистили, промыли, протерли и принесли в этот несчастный дом, дали девочке помолиться хорошенько на него, приложиться к нему и на грудь к себе взять, сразу же девочка заплакала, зарыдала, затряслась от великой радости – и на ноги поднялась. Вскочила, бросилась к отцу-матери и кричит не своим голосом: «Милые мои родители, я теперь совсем здоровая! Зовите священников, давайте молебен служить! Это он самый и есть – Спас Поруганный. Гляньте, что на нем написано!» – И что ж вы думаете? Ведь и тут правда оказалась. Обернули и прочли: «Не годится на него молиться, годится горшки накрывать...»

Едем шагом, извозчик, рассказывая, сидит боком и вертит сигарку, глядя в развернутый кисет. Кончив рассказ, бормочет: «Прости, господи, мое согрешение, какие слова повторяю!» Летние долгие сумерки, Ростов Великий давно спит. Вдали все еще брезжит свет зари, и город давно пуст, безлюден, – один караульщик с колотушкой в руке медленно бредет по длинной пыльной улице. Тепло, тихо, грустно...

И несказанно прекрасны очертания церквей над сумраком земли, на чуть зеленоватом далеком закатном небе.

Париж, 1926

В саду

Вечером приехал Иван Василич Чеботарев, липецкий мещанин, снявший в усадьбе сад.

Это небольшой старичок в теплом глубоком картузе и в голубой, слинявшей от времени чуйке («двадцать осьмой год с плеч не спускаю!»). Всегда горбится – наиграл себе эту манеру в каком-то большом соответствии со всем своим характером. Сколь стар, определить невозможно: «Я его таким спокон веку помню», – говорят про него в Липецке, но выносив, не утомим на редкость и горбится притворно, играя роль старика, а не от старости, хотя и любит пожаловаться на нее и вообще на свои недуги. Наблюдателен поразительно, жизненный опыт имеет громадный. Курчавится серая жесткая борода, курчавы черно-серые брови и волосы на носу. Смотрит чаще всего в землю, взглядывает исподлобья. В живых черных глазах и в губах постоянная снисходительная усмешка.

Мужик, привезший его на барский двор со станции, неловко, нелепо остановил телегу как раз посреди двора. Иван Василич легонько покрутил головой на его глупость, не без труда (или притворяясь, что ему трудно) слез, откинул полу чуйки, отвернулся и, еще больше сгорбившись, вытащил из кармана, шаровар очень большой и очень засаленный кошелек. Мужик тупо глядел на серые волосы, курчавившиеся на его шее. Он же не спеша отсчитал медяками восемь гривен и, подумав, прибавил еще две копейки, на магарыч:

– Держи, любезный. С прибавочкой за старанье.

Потом, запахнувшись, пошел, слегка шаркая, в сад, прошел по аллее к шалашу, к караульщикам, которых он прислал из-под Липецка еще в конце мая:

– Здорово, братушки. Ради, не ради, принимайте хозяина.

Караульщики, умиленно улыбаясь, низко, подобострастно раскланялись:

– Милости просим, доброго здоровьица, Иван Василич. В акурат к самоварчику!

Самоварчик дымил по всей аллее густым дымом и уже кипел. Иван Василич сел на лавку возле шалаша, снял картуз, положил его возле себя, предварительно сдунув с лавки, пригладил серые курчавые волосы, оглянулся.

– Ну, как? Все в порядке?

– Пока плохого нету, Иван Василич. Караулим, стараемся...

Чай подали ему (тоже осторожно, почтительно) в толстой чашке с синими разводами, сахар в жестянке из-под килек. Он выпил две чашки и стал вертеть сигарку, усмехаясь и глядя в землю.

– Ну, и слава богу, что пока все хорошо, – сказал он, закуривая и распространяя сладкий запах «отборной» махорки. – Ну, и слава создателю... А я, братушки, к вам денька на два вырвался. Приехал с большим удовольствием на душе. У вас тут рай. А у меня – избавь бог. В доме ремонт, со штукатурками скандал бесконечный... несродного я характеру с нынешним народом! Ни совести, ни чести, хоть плюй в глаза, все божья роса. В голове один обман да орлений штоф. А сами живем, как цыгане, сбились всей семьей в одной горнице, а я этого не могу. На столе весь день русская картина: самовар не убран, возле самовара тарелка с заваренной горчицей. Бабушка трет ее щербатой ложкой и, понятно, в три ручья плачет от ней. Ух, говорит, и крепка же будет! А на кой ляд мне эта крепость, с похмелья я, что ли, позвольте спросить? А под ногами, на полу, внуки, куча поганных игрушек. А жена наседкой квохчет, все больна чем-то, а дочь скучает, божий свет не мил, а почему – неизвестно: горе от ума Грибоедова, видимое дело. А я этого не могу, я человек эластичный, у меня от этого шум в ушах делается.

– Уж чего хуже! – сочувственно подтвердили караульщики. – От этого шуму, говорят, вошь на человека кидается.

Иван Василич помолчал; потом поднялся и пошел за шалаш.

– Вошь, не вошь, а не радость, – сказал он, возвращаясь оттуда, застегивая штаны, поплеывая на кончики пальцев и опять садясь. – За весь день ни покоя тебе, ни удовольствия. А ночью сны одолевают, и, что ни увидишь, все будто, по бабушке, не к добру выходит: я, мол, нынче во сне лисицу видел, а она и привяжется: ох, не хорошо, ох, это к обману, к неприятности. А позвольте спросить, что у нее к приятности? Я, говорит, в соннике читала: видеть во сне автомата к неблагополучию. Но позвольте, бабушка, при чем тут автомат? А вот при том-то, говорит. Да, но никакого автомата я не видал, да и где они, эти автоматы, у нас в Липецке? Все равно, говорит. И пойдет строчить: видеть во сне ельник – к неприятности, очки надевать – к неприятности, сидеть под балдахином – к горести, пить теплую воду – к печали, пить деревянное масло – к смерти, есть блины – к смерти, есть воронье мясо – к пожару, есть драчену – к разлуке, брить бороду – к убытку, петь томным голосом – к зубной боли, еврея видеть – к вредному знакомству... Одно слово, гадай моя голова!

И он даже легонько рукой махнул.

– Выходит, по ее, что одно хорошо: видеть во сне, что декохт пьешь, – это будто к успеху! А с прислужгой какая мука? Нанял девку: так не то что сготовить, – свиньям дерьма с хоботьем не замесит и опять же как профан глупа. Морда сиськой, сама как мясopotам какой. А тут еще сосед тронулся – лавочник Шуринов, знаете небось?

– Как не знать, – сказали караульщики. – С чего ж это он? По его достатку только жить бы да жить!

– А вот подите ж, – сказал Иван Василич. – В отделку спятил. Как ни заглянешь – сидит за прилавком в жилетке, голову на руку пристроил и читает. На стене картину прибил: лес зеленый, дремучий, ели лохматые, избушка под ними, а на лавочке под ней угодник, а перед угодником – медведь, ручку ему лижет. «Ой, говорю, Николай Иваныч, зачитаешься – в кармане недосчитаешься, печалиться – хвост замочалится». А он в ответ на это чуть не в слезы: «Эх, Иван Василич, не об кармане, говорит, нам с вами думать надобно». – «А об чем же, мол?» – «А об том, говорит, что нонче ты с дружьями, а завтра с червями, нынче в лорфине, а завтра в могиле: жизнь наша яко цвет травный мимо идет. Что такое, к примеру, вампир впивающий? А между тем это есть смерть. Вот, говорит, гляньте, что тут написано: „Горе тебе, человеце, прошли дни твоей юности в неразумии, а также и лета мужества протек ты в нерадении. Видишь ли, какой я есть страшный могильный скелет? Но я был некогда, как ты теперь, и, подобно тебе же, расширял свои владения, пока непреклонная смерть не заключила меня в свои железные объятия. Зри место вечного покоя, жилище тихое мертвецов, для гражданина и героя, для

– Понимаете, – сказал Иван Василич, поднимая голову, – любому скорбному старичку не уступит, а глянешь на него – даже жуть берет: ну, прямо буйвол дикий, – а не человек, Миклуха Маклай! Ах, не ладна наша земля, братушки, – сказал он, крутя головой. – Сумасходный мы народ, с жиру бесимся. Теперь, говорят, его уж под опеку хотят взять да в Тамбов в желтый дом наладить. Да и что ж с ним иначе делать? Теперь, говорят, одно твердит: амигдал да онагръ, велбуд да тля, скимен да вретище... А чего ему не доставало, чем он недоволен? И все мы вот так-то: все не по-нашему, все не хорошо да недостаточно. Амигдал! Еду давеча по селу со станции, а впереди – здо-оровый болван: рубаха распояской, голова взлохмачена, разодрал гармонию на три версты и орет на всю округу: «Ох, разорю усе именье, сам заруюсь у камня!» – Шутки шутками, а думаю, что неспроста мы так-то шутим: дошутимся!

– Ну, а что ж в городе говорят? – спросил один из караульщиков. – Когда же эта война кончится? Правда, будто и французский царь на нашего колебается?

– Этого не слышал, – сказал Иван Василич. – Врать не хочу. Этого не слышал. Да там, говорят, и царя-то никакого нету. Опять же они и союзники наши, эти самые французы. Правда, поумнее нас чуточку будут, – все нороят под немца не свою, а нашу дурацкую башку подставить, мол, помри ты нынче, а я завтра, ну, а все-таки союзники.

– Колебайся не колебайся, – с притворной развязностью и, видимо, желая угодить Ивану Василичу, сказал другой караульщик, – колебайся не колебайся, все равно им, этим царям, теперь шабаш. Куда ж им против нашего, против нашей державы? Вон вчера приходил один какой-то сволочь со станции, – я говорит, по своим делам мимо вас в Ростов пробираюсь... А после того и зачал меня настрачивать: будто царица у нас очень больна, а больна потому, что ей Вильгельма очень жалко, и будто завелся там какой-то мужик, страшный распутный будто бы... Ну, завелся и завелся, говорю, – на здоровье. Да народ, говорит, из-за этого очень волнуется. Опять брешешь, говорю, это, может, господа волнуются, а мне чего волноваться? Нам это даже лестно очень. Да и послал его куда подале, где он у матери был, и балакать с ним больше не стал. Не может того быть, чтобы наша не взяла!

– Не знаю, не знаю, – сказал Иван Василич, глядя в землю. – Не знаю, а верить не верю. Верю, как говорится, только зверю, собаке да ежу, а прочему погожу. Думаю, что навряд, братушки, навряд наше возьмет. Победит один тот, у кого невры хорошие. А наш брат что? Спервоначалу ух как горячо берем, а потом и в кусты, ну его, мол, к черту, надоело. Это как горшок базарный из паршивой глины: нагревается в один секунд, да в один секунд и стынет. Нет, ихний солдат с соображением, со смекалкой. У него в ранце карты, планы всякие, преискуранты, какие надо, и фляжка с ромом, – он знает, по какой местности идет! А главное, он обо всем рассудить может и про отечество понимает, а у нашего что в голове? У нашего в голове мухи кипят, и настрочить его на всякий скандал трынки не стоит. Нет, мы не можем, – решительно сказал Иван Василич. – И никакого согласия у нас нет и отроду не было. Я вон нынче приехал на вокзал, а там безобразие. Станции начальник кричит, и пассажир кричит. Тот ему: «Да вы кто такой, позвольте спросить? Можете вы тут кричать?» А пассажир на него: «А я вас в свою очередь прошу не кричать! Я – грузоотправитель!» – Ну, думаю, и вышел дурак. Подумаешь, чин какой: я грузоотправитель, я вас в свою очередь прошу! А какая такая очередь? Спроси его, что это значит, а он и сам не понимает. Нет, – сказал Иван Василич, поднимаясь, – быть у нас большому черту в стуле!

– Это обязательно, – подтвердили караульщики в один голос. – Такая пойдет, что праху не останется!

– Ну, значит, и давайте пока что на боковую, – сказал Иван Василич. – Сбегайте-ка на барское гумно, украдите соломки да постелите мне в салашу помягче, пожалейте хозяйскую старость...

Приморские Альпы. 1926

Божье древо: #сотт066

Сад в нынешнем году снял у нас помещик Богомолов. Стеречь его прислал своего земляка, однодворца из-под Козлова.

Явился этот однодворец в усадьбу и поселился в шалаше в главной аллее как-то совсем незаметно. Мы узнали о его существовании только вчера. Пошли гулять, вошли в аллею и видим, что под липой против шалаша дымится костерчик, а на него стоит смотрит какой-то мужик. Подходим ближе – мужик шутливо, с усмешкой опускает руки по швам, вытягивается:

– Господам дворянам почтение!

Мы приостановились:

– Доброго здоровья. Караульщик?

Он снял шапку и уже без всякой шутливости, низко, истово поклонился:

– Так точно. Буду караулить, вам и хозяину угожать.

– Так... Надевай шапку-то.

– Ничаго, и без шапки постоим. Вы господа, я мужик. Бог лесу, и то не сравнял.

– А откуда ты и как величать тебя?

– Козловский однодворец, Знаменской волости, сельца Прилепы. А звали Яковом. Яков Демидыч Нечаев.

И все так ладно, бодро. Что однодворец, сразу заметно – поговору. Возраста неопределенного, – лет под пятьдесят, должно быть, хотя можно дать и меньше, – наружности довольно обычной, но чем-то очень приятной. Посконная рубаха, такие же портки, на ногах лапти, – все не новое, поношенное, но опрятное. Глаза живые, немного насмешливые и прищуренные, умудренные наблюдательностью и житейским опытом, в соответствии с небольшой кое-где седеющей бородой, которая еще курчавится и, видно, была когда-то черной. Но в звуке грудного голоса и во всей повадке есть в то же время что-то молодое, простодушное. Представившись, надел шапку и опять усмехнулся:

– Вот чаек себе налаживаю. Самоварчикя, признаться, нету, да эта одна баловство, и из чугунчикя попьем...

Мы заглянули в шалаш, – там, конечно, все как полагается: красная подушка и затертый, ссохшийся от старости полшубок на соломе, ржавая одностволка в уголке, обрубок широкого пня при входе, а на нем горбушка черного хлеба, толстая чайная чашка, самодельный ножичек...

– Домок, как у зайца тяремок, – еще раз пошутил он. – Милости просим гостями быть...

В саду было сумрачно от туч, с поля дул мягкий ветер. Мы взглянули сквозь листву на небо:

– А как думаешь, будет дождь?

Он, прищуриваясь, тоже поднял лицо кверху:

– Кабыть так. Маяго кобелькя нынче что-й-то весь день не видать, весь день на гумне мышкуя. А это уж обязательно к дождю, она, мыш-крыса усякая, перед дождем сильней пахня. Ну, що ж, и помоча маленько, авось не сахарные, не растаем...

Говор старинный, косолапый, крупный. Он говорит: що, каго, яго, маяго, табе, сабе, теперь, но все как-то так, что слушать его большое удовольствие. Иногда, конечно, сбивается на обычный народный язык наших мест.

Когда мы отошли и пошли по аллее дальше, он стал собирать в траве сухую листву и сучки и, подбрасывая их в огонь, стал негромко напевать (вернее, приговаривать):

Сова ль моя, совка,
Сова ль моя, вдовка,
Где ж ты бывала,
Где ж ты лятала?

Мы невольно засмеялись – так ловко у него это выходило – и опять приостановились:

– Как, как?

– А вы разве ня знаят? – ответил он, тоже засмеявшись. И тотчас же без всякого смущения, с видимой охотой, слегка поднял свой грудной голос:

Где ж ты бывала?
Где ж ты лятала?

И стал пошевеливать плечами, покачивать головой:

Нихто совушку ня знал,
Нихто ее не сползал,
Спознали два луня,
Спознали два друга:
– Ты приветь мне, луня,
Поди замуж за мне!

– А она, значит, не жалае, не хоча, – сказал он, смеясь, и опять запел шутливо и жалостно:

А она не хоча
Ды как захохоча!
Назад сторонилась,
У лес завалилась –
Кверху ногою,
Об пень головою..
Ах, що ж это в лесе?
Каго это беся?

15 июня.

Погода все хмурится, от скуки ездили в Осиновые Дворы, за коновалом. Перед вечером опять пошли в аллею, к шалашу. Посидели, поговорили с Яковом. Спрашиваем:

– А ты, значит, куришь, Яков Демидыч?

– Я-то? – сказал он. – А я все могу. Могу курить, могу и целый год так ходить. Мая душа прямая, все примая, и мед, и тот прет. На гулянках и покурить ни плохо.

– А насчет водочки как?

– А я человек мирской. Що Илья, то и я, що Евсей, то и все. Кто ж от нее откажется? Не пьют на небеси, а тут кому ни поднеси. Зашел так-то праздник престольный – отчего ж нямножко не погулять, не потратиться? Я ня жадный, я добродушный. Их, денег, жалеть нечево. Понурая голова и с рублем пропадае!

Потом поговорили о том, что и как, надо полагать, уродится нынешним летом в саду, в поле. Он с удовольствием поддерживает всякий разговор. Очень словоохотлив, однако не болтлив. Главная черта его, кажется, заключается в неизменно ровном и отличном расположении духа. То и дело с неподражаемой легкостью и приятностью надо всем подшучивает, подтрунивает.

Между прочим, спросил:

– А вы що ж, господа, только лето тут, а то все в Москве?

И стал трунить над Москвой, над воображаемыми московскими белоручками, щеголями – и рассказал целую историю о том, как будто бы приехал однажды в деревню некий

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
московский «обуватель», то есть обыватель, как он ничего не ел, не пил, брезгуя всем деревенским, и как неудачно сходил он за нуждой за избу: сел там да так замечтался о московских кушаньях, что собаки ему «причинное место» оторвали.

– Он как вскоचा: ах, що ж мне, мол, таперь делать, да за ними, – не успел и штанов подхватить, – а оне по деревне да прямо в народ, на улицу, а там девок цельный карогод...

Начал рассказ шутя, отрывисто, но тотчас стал увлекаться, глаза, брови заиграли, быстро меняя выражение, изображая то мужиков, то чванного москвича, то подкрадывающихся к нему собак, а потом вдруг вскрикнул, как бы от внезапной боли, подскочил, ударил себя по ляжкам, затопал лаптями, – бросился, значит, бежать, – и согнулся, повалился вперед, хохоча вместе с воображаемыми девками.

– Ах, батюшки, да що ж эта такое, вот срам-то, девки!

– А ты был когда-нибудь в Москве? – спросили мы.

– А на що она мне? – сказал он с веселой небрежностью. – Мы люди простые, черные. Там, говорят, нажива одна, людодерство, усе норовят друг над другом поверхность одержать, друг у друга что ни есть ухамить... А вы, я слышал, на степь ездили?

– Да, – ответили мы. – Да это только так говорится степь, а это просто ровная местность. У нас настоящих степей нету.

– Эта правда, у вас тут буераков много, – сказал он. – А вот как выедешь за Елец, за Задонск, прямо душа радуется, конца-краю этой степи не видать, до самого синя-моря идет, до Нагая. И чаво только нету там! И овсы, и ячменя, и твяты (цветы) усякие, и ковыль белый, седатый... Я так полагаю, лучше нашей державы во всем свете нету!

Потом рассказал, где, в каких «странах» он бывал – «за самый Царицын подавался», – какие «народности» видел, и я все дивился, сколько употребляет он слов старинных, Древних даже, почти всеми забытых: изнугряться вместо издеваться, ухамить вместо урвать, варяжить вместо торговать, огонь взгнетать вместо зажигать... Нагайцев он назвал кумане, – древнее название половцев, – конину маханиной. Формы у него тоже свои: «Он неладно думал об мужиков», сказал он, например, про москвича. А про своего кобелька так:

– Он любит воять в темные ночи.

16 июня.

Нынче жарко, парит, на дворе тепло пахнет разогретой муравой, из-за ярко-зеленых вершин сада ослепительно белеют великолепно круглящиеся облака.

Перед завтраком вышел пройтись, иду по аллее, слушая птиц, на все лады заливающих в солнечном саду, а впереди Яков: тащит к шалашу тяжелое ведро, из которого точно серебряными рыбами выплескивается порой вода, и вниз по его рубахе и порткам течет пестрая, радостная сеть света и тени. Голова опущена, шапка с затылка сдвинута на лоб. Догнал, шутя спрашиваю:

– Что, Яков Демидыч, не весел?

Живо поднял голову, глаза тотчас заиграли:

– Чем не весел?

– Да как же, – шапка на лоб, идешь грустный.

– Чем грузный?

– Да не грузный, а грустный, скучный.

– Скушный? Никак нет. По чем мне скучать? Скучать не годится. День меркнет ночью, человек печалью. А мне скучать не по чем, я завсегда довольный. Вот добыл

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
водицы в людской избе, сейчас кашку себе совостожу... Я люблю по садам сидеть, люблю, кода ветвей много, а у вас этого вволю, сад отменный. У вас тут благодать, мне тут скучать нечего. Кобель, как говорится, жрет месиво, а и то живет весело. А я хрещеный человек. Я, господа хорошие, – сказал он уже совсем твердо, сдвинув свободной рукой шапку со лба назад и взглянув прямо в лицо мне своими прищуренными бодрыми глазами, – я живу, как бог вялит, я, как говорится, божья древо: куды ветер, туда и она...

Я свернул за шалашом в солнечную аллею из акатника. Облака белоснежными зевсоподобными главами вставали из-за столетних берез на валу, за лощиной все великолепнее. На припеке горячо и сладко пахли травы, цветы, крапива. В фруктовом саду, с блаженной беззаботностью, игриво и томно выводила свои флейтовые переливы иволга... Отчего так особенно прекрасно все старинные, старые березы, например? И я стал думать о жизни наших дедушек, бабушек, которая кажется мне всегда такой счастливой. Пройдя аллею, я пошел назад и опять вернулся к шалашу. И что же, как нарочно, услышал? Яков, спиной ко мне, сидел на корячках перед земляной печуркой, которую он уже вырыл под липой против шалаша, ставил в ярко-оранжевый огонь, распаленный в ней, чугуничик с водой и опять пел, – вполголоса, нежно и жалобно:

Мой стон и грусти люты
вообрази себе
И вспомни те минуты,
как был я люб тебе...

И, приподнявшись, разогнулся и ладно топнул лаптями:

Ах, сыпья, горох,
На двенадцать дорог,
Кода буду помирать,
Тода буду подбирать!

– Яков Демидыч, – сказал я, подходя, – где ты мог эту песню слышать?

– Какую? – спросил он, оборачиваясь.

– А вот эту, про стон и грусти люты? Теперь таких песен не поют, эта песня старинная и к тому же господская.

– Это правда, – ответил он, – эта песня томная. Но только я таких много знаю. Могу эту сыграть: «Я не помню в оный час твоя досады», а еще «От несклонности твоей дух во мне метется», а еще «Мне припятства ни по чем, не спасусь любви». Могу и про девок: «Есть-ли девки все метрессы, бросим мудрости и мы...» Ведь мы, однодворцы, в старые времена тоже, бают, господа были. Над нами барские и теперь еще смеются: ты, мол, галман, чьих господ барин?

– Кстати, – сказал я, – что ж ты до сих пор ничего не рассказал нам про себя? Есть ли у тебя семья, двор, свое хозяйство, что ты зимой делаешь?

– Да ведь вы мне про то не спрашивали, – ответил он. – А сам я не на смелился. А ну-ка вам это безо всякой надобности? А семьи у мене нету, первая жана померла давно, а другая ушла, не пожелала со мной жить, соскучилась, значит. А сыновья, какие остались, один в солдатах, а другой во двор пошел, сапожничает, пьяница и дурак, по совести сказать, каких мало... Постойте-ка, вас, никак, к столу кличут?

– Ну, видно, до вечера, – сказал я и пошел в дом. Божье древо – это очень неплохо сказано.

17 июня.

Жить, говорит Яков, надо так, как жили деда, прадеда. Новшеств, однако, не отвергает:

– Вот, скажем, теперь молотилки пошли. Шо ж, эта не бяда. Бывальча, как станем гужом, в двадцать цепов, да как вдарим враз – заслушаешься, до чего ладно выговаривая! Ну, а в сырую погоду, знамо дело, молотилка куда удобней.

– Министры виноваты. Вроде как господские бурмистры в прежнее время...

Богатым он не желал бы быть: объешься, обопьешься, будешь по перинам валяться, а пух человеку вреден, имеет будто бы свойство «притягивать». Но жить в достатке, конечно, не прочь бы.

Смерти не боится, – по крайней мере, утверждает так. Сказал с нарочитой развязностью:

– Вона, чаго ее бояться! Все равно, никто жалеть не будя. Лес по дереву не тужит!

Беседуя, он все время пристально работал: делал себе лозниковую дудку, я, говорит, люблю эти дудки и жилейки, буду вам играть «Во лузях», лучше этой песни во всем свете нету: «Расцвяли твяты лазоревые, понеслись духи малиновые...»

Пишу в библиотеке. Окна в сад открыты, подоконники горят на солнце. На подоконниках насыпаны и сохнут, сладко пахнут лепестки роз. В саду – радость, зелень, птицы, прекрасное летнее утро. И все время с удовольствием вспоминается присутствие в усадьбе этого милого человека.

18 июня.

Едем в Субботино, на станцию, встречать городских гостей.

Собираться запрягать стали тотчас после завтрака, хотя поезд приходит четверть пятого. Впрочем, запрягали, как всегда, часа два: покуда тарантас выкатили из каретного, покуда его подмазали, покуда сбрую собрали, покуда лошадей вычистили и напоили...

Я, принарядившись, вышел из дому и пошел посмотреть, исправно ли переднее колесо, которое уже два раза посылали к кузнецу. Опять чудесный, праздничный какой-то день. Зной, блеск, потом это детское удовольствие при мысли о поездке. Тарантас уже весь такой горячий, что прикоснуться нельзя, лакированные крылья зеркально сияют, нагретая кожа фартука пихнет необыкновенно приятно... Яков с узелком под мышкой и с вальком в руке шел через двор к воротам.

– Ай в город? – спросил он, с усмешкой щурясь от солнца и приостанавливаясь. – Вот иду на речку по своему вдовьему делу, постирушечка есть кое-какая... А вы в город? Що ж вы в такой вар, в самую жару средидневную? – сказал он, испытывая, видимо, большое удовольствие от этой жары и обилия света.

Я ответил, что едем гостей встречать, на станцию.

Он засмеялся:

– Ну, эта еще вволю на станции насидитесь! Она беспреречно опоздает, машина-то. Ведь она как идет? Я так-то, кода еду по ней, захочу соскочу, земляники наемся и опять ее догоню... А гостечки, это ничаго, хорошо. Я, прежнее время, эта любил, – погостевать, попить у хорошего соседа. У нас в старину село богатая была, сходка, бывало, соберется – все тузья, бояре, угошали радушно, на полный рот. Бывало, не выдерешься с этого пиру, беседы: только поднялся, – ну, мол, спасибо, соседюшка, сладок мед, да не по две ложки в рот, ко двору пора! – опять силком на лавку валят: стой, сват, давай еще по единой, по стремянной выпьем!

– Это что же за стремянная такая? – насмешливо спросил Илюшка, подходя к тарантасу с дугой.

– Вот и вышел Иван, – сказал Яков. – Как же ты не знаешь? Эта, значит, по самой последней, когда уж в стремя становишься, ко двору едешь. Это ведь у вас, у барских, бедного на пиру обносят, ложкой кормят, стеблом глаза колят, каждый стаканчик считают...

19 июня.

Погоду сглазили, нынче весь день льет.

Началось еще со вчерашнего вечера. Мы, по счастью, вернулись вовремя, к ужину (проездивши даром, гости обманули). Но едва вошли в дом, как понесло таким вихрем, что свету божьего не стало видно. Весь вечер бушевал настоящий ураган, молнии, удары, ливень ужасные. Я любовался грозой, сидя в темной библиотеке, поминутно оглушаемый громом и ослепляемый каким-то жестяным зелено-белым пламенем, до неправдоподобия светло озарявшим комнату, вслед за которым мелькал фиолетовый отблеск, а потом заливало чернильным мраком. К десяти стало понемногу стихать, гром стал отходить, раскатываться все дальше, небо над садом расчистилось, в комнате посветлело от месяца, показавшегося из-за сада, из-за его мокрых мотающихся ветвей. Месяц был странный совсем оранжевый. В небо над ним быстро неслись лиловатым дымом остатки туч. Я заснул при открытых окнах, с надеждой на чудесную погоду, – так сладко успокоилось все к полночи и так мирно, счастливо щелкал соловей в таинственно-тихом саду. Однако нынче опять льет, шумит по крыше с самого утра.

После вечернего чаю надели высокие сапоги, накинули резиновые плащи и пошли в шалаш. Это у нас уже входит в привычку, да и некуда больше пойти. Аллея размыта, закидана оборванной листвой, сучьями, всюду все пересыщено водой, – трава, земля, зелень деревьев, черная солома шалаша. Дождь теплый, но все же не настолько, чтобы сидеть в одной рубахе. Однако Яков сидел на сыром ветру, дувшем в шалаш, без полушубка и без шапки. Пристроившись на своем пне, положив нога на ногу и приподняв правое колено, он чинил себе рубаху, неловко, но смело действуя огромной, так называемой, цыганской иглой. Увидев нас, поднял голову:

– Бона, как нарядились! Жидки вы, господа дворяне, на расправу! А дождок, правда, словно нанялся, прости господи. Мой кобелек и тот не вытерпел: забился в салас, весь день почивает. То, бывало, не докличешься, а нонче и Аниска не мила.

– Какая Аниска?

– А ваша, стряпухина. Он с ней так сдружился, часу не может без ней быть. Набегаются, накатаются по двору – и под водовозку, либо под крыльцо: обнимутся и спят, как брат с сестрой, даже глядеть умильно.

– Умильно-то умильно, – сказали мы, – а вот как ты ухитрился ночевать тут прошлую ночь? Смотри-ка, что у тебя в шалаше, – во все дыры течет. Надо сказать работникам перекрыть его, как опогодится.

– Нет, я ночевал смирно, – ответил Яков. – Она протекать-то как следует стало только нонче. А дождок, это для хлебов теперь первое дело. Я люблю всякую погоду. Все хорошо, все слава богу. Вы вчера поехали, а я думаю: ой, прихватит моих господ к вечеру! Ну, и правда, и грозу же разыграл господь! Как полыхнет, полыхнет – хоть деньги считай. На селе, говорят, избу зажгло, у сотского двух ребят убило, у князя в саду самое толстоветное дерево повалило...

– Ну, вот, а ты говоришь, все хорошо, – сказали мы.

– А как же быть-то? – возразил он. – Убило – значит, не подвертывайся. Що, значит, кому назначено, всякому свой жребий, на это обижаться нельзя. Бог и колосьев не сравнял. Один дурак, другой умный, один богатый, другой побирушка, он помер нонче, а я завтра...

Потом, пристально и с удовольствием следя за своей работой, поднимая рубаху на свет и оглядывая, не протерто ли еще где, стал рассказывать про себя, про свой жребий:

– У нас двор в старину знаменитый был. Да знамо дело – стали делиться, ну и изничтожились. Мне земли пришлось всего полторы десятины. Да що ж я, я не жадный. Я своей скудости не стыжусь: чем девчонка виновата, что юпчонка маловата? Одна беда – детей много было. Жанили рано, а она и наваляла мне их – баба, правда, отменная была. Я с ней восемнадцать годов отжил и девять человек наплодил.

– Значит, любишь это дело? – пошутили мы.

– Баб-то? А кто ж их не любит? Да я и теперь не откажусь, подавай какую хочешь. При старости при такой не требуют никакой, у чужом у краю и с рябой как в раю. Вон, бают, господа какие-то ярусные капли пьют, чтоб, значит, яровитей быть, а я и без них, как дорвусь, в рукавицах не оттащишь: старая кобыла борозды не испортит! А детей, говорю, правда, много нарожал. Ну, только их почти всех бог по одному прибрал, мне и стало посвободнее. А как и жана померла, я семь годов вдовцом ходил. Думал, так и свекую. Ан суседки зачали сбивать, что ж ты, мол, как обсевок какой в поле, рубахи некому постирать... Жанись да жанись, я и послушался. Тут как раз брата моего старшого убили, я и думаю себе...

– Постой, как убили? Кто убил?

Он мотнул головой и засмеялся:

– Казаки убили, пропади они пропадом. Они ведь страшные жадные, аредные, черти. Брат, правда, чуточку неладно сделал – приловчился у них в отарах овечек поворовывать, а они и поймай его. Схоронились так-то в яруге, в балке, а как завидели, что он ярку по полю в сумерках на себе прет, выскочили и давай его нагайками парить, по ушам да по чем попадя глушить... Так до смерти и засекли. Ну, а я в тую пору и жанился. Думал, думал, за кого бы, дескать, посвататься? Кто, думаю, за меня за такого пойдет, за старого и вдового? Ан все случай. Зашел раз к невестке, ко вдове братниной, а там нищенка, дурочка сидит, хлебушка зашла попросить. Я ее и испрашиваю, смеху ради: «Что ж ты, дескать, шатаешься, побирушкой ходишь? Ты бы замуж шла, ты еще здоровая. Авось, мол, ума большого там с тебя не спросят». – «Да что ж, говорит, за хорошую голову пошла бы». Ишь ты, мол, какая шустрая! За хорошую! При твоей дурости и бедности тебе нечего разбирать. Да вот тебе, к примру, хорошая голова, – дескать, я – пойдешь за меня? Ты, мол, не гляди на мою старость: стар пестрец, да уха сладка. Ну, а она, понятно, рада-радехонька. Кто ж ее такую-то опричь вдовца возьмет? Дундук, бестолковая, побирушка, а красотой так даже я перед ней король. Повенчались наране Успенья, а она пожила осень да зиму, а на Фоминой и пятки салом подмазала: ушла. Меня, говорит, любовники жамками кормили, а ты кобель, у тебя нету ничего... Понятно, обykle шататься, работой скучает, ну и ушла, слава богу...

– Так ты теперь и живешь один? – спросили мы.

– Так вот и живу, – подтвердил он, вставая и складывая рубаху с видимым удовольствием от доделанного дела. – Так и живу, бояре хорошие, – сказал он, легонько вздыхая. – Когда будем помирать, тогда будем горевать. А пока вот по садам сижу, а зиму хожу, волну бью по суседским дворам. Дома я долго не люблю сидеть, к дому у меня охоты нету.

– Ну, а дети твои? Они дома живут?

– Дети у меня никуда, – сказал он. – Один сын, слава богу, на казенных харчах, в солдатах, другой хромой, пьяница, сапожник... Сапожник, сапожник, а родному отцу без пятака латки на сапог не положит! А как у самого нужда – сейчас к отцу. «Батя, помоги!» Ну, и помогаю по силе-мочи...

21 июня.

И вчера весь день лил дождь. Нынче очень свежо, сильный северо-западный ветер, все небо движется сумрачными и величественными облаками, купоросно ярка зелень сада.

Яков вчера отсыпался на печке в людской, – «прозяб маленько»! Нынче с необыкновенной бодростью помогает Николке таскать с гумна старновку, покрывать шалаш, выгрести из него старую, гнилую, пахучую солому. Шалаш стал теперь желтый, виден в аллее издалека. Аллея вся завалена обломанными бурей ветвями с зеленой листвой... Яков, конечно, не унывает:

– Ничего! Авось не первая волку зима! Мы этих бурей не боимся!

И опять умиляется, художественно восхищается на кухаркину девочку, которая, в одной грязной рубашонке, опять весь день катается с его кобельком по холодной и

– Он все будто грызет ее, а она будто боится, отбивается... А вчерась что сделала? Видела, как работники в каретном себе сапоги дегтем мажут, забежала туда и давай помазком себе голые ноги холить! Явилась в избу – мать так и ахнула...

Перед вечером проглянуло с запада солнце. По низу аллеи, между стволами, стоят золотистые столпы чистого и холодного вечернего света. Шалаш кончили, – теперь все ново, сухо, в порядке. Яков благодушествует за «чайкём».

– А ты, Яков Демидыч, сказки разные, стихи, былины знаешь?

– Это как побирушки–то на ярмарках кричат? Это я много знаю. Я три лета при свечной лавке жил, ездил торговал с прикащиками по селам, по престольным праздникам, – нас семь подвод было. Они страсть как кричат, эти калеки переходные. Как поднимут, поднимут «разжалкие папашечки...»

– А ты можешь по–ихнему кричать?

– Вона, еще бы тебе!

И в ту же минуту, поставив чашку с чаем на землю и закрыв глаза, откинув голову назад, стал в нос, на разные голоса вопить:

– Разжалкие папашечки, разжалкие мамашечки, подайте Лазарю убогому, безногую! Ваши ножки ходят, ваши ручки служат, а он того не можа, смальства страдая! Ваша подающая рука, которая подавает, та вовек не оскудевает! Ваша подаянья на огне не горит и в воде не тонет, ее моль не ест, ни ржа не точа! Вы подайте не ради нашего прошения, а ради своей души спасения! Как вы, разжалкие воспитатели, нам подадите, вы своей души спасенью угодите! Разжалкие сестрицы, братцы, мы, как помрем, ничего с собой не возьмем – ни злата, ни серебра, ни богатства, ни имения! Смальства он, Лазарь, не ходил, не служил, согласен он вам за корку служить, каменные горы бить, чем таким несчастным быть! Небесная птица, не можа ее без крыла по воздуху носить, так бедный калека не можа на своих ножках ходить! Разжалкие наши питатели, вы полайте свое верное подаянье ни другу, ни брату, – подайте самому господу богу святу!

Кончив, он открыл глаза, засмеялся и, опять взявшись за чашку и откусывая от кусочка сахара, назидательно прибавил:

– Вот они как кричат, народ обманывают. Их всех надо по тюрьмам рассажать, они там сытые и на всем готовом будут.

– Ну, а какие ты сказки знаешь? – спросили мы. Он подумал, весело глядя в землю:

– Сказки? Про Конькя–горбунькя знаю, про младого Ивана Царевича, как он на охоту ходил, свою царевну добывал, а еще про этого Алексея Божьи человеки...

И, опять прикрыв глаза, начал скороговоркой, мешая сказочный лад речи с обыденным:

– У главном городе у Рыме, при первом царю при Онории, при великом князе Претемьяну, жил, значит, князь со княгинею. Он усердно молился, трудился, просил себе детища у матери госпожи пресвятой богородице. Создай мне, дескать, господи, единую чаду, при младых лет на посмотрение, при старости на призрение. И вскорости, значит, так по его молитве и вышло дело. Алексей Божьи человеки скитался и спасался, а мать с отцом его не узнали, за побирушку почитали. И возговорит он тут отцу–матери, состройте мне, дескать, отхожую келью у красном зяленом саду, где всякий мусор мечут и помои свиньям льют. Зачал он в келье трудиться со всеми своими образами, иконами, с пресвятой госпожой богородицей и тут, значит, и век свой молодой скончил. Отворил служба двери, взошел на порог и гроб открыл, а он как живой лежит. И вскричали тут отец с матерью промежду себя: «Сын наш, дескать, возлюбленный, что ж ты над собою сделал? Мы бы тебе в лучшем виде келью отстроили, твою молодость успокоили!»

Когда он кончил и это и, убирая в шалаш чугунички, хлеб, чашку, сказал, что теперь хорошо бы водочки стаканчик выпить да какой–нибудь закусочки закусить, мы спросили:

– А что ты из закусок больше всего любишь?

– Из закусок-то? – отозвался он. – Да что ж, вот селедочки не плохо закусить, бараинки жареной, пирожка с сомовинкой... ну, еще какой-нибудь там хвостик ветчинки, хунтик колбаски вареной... Да я, по совести сказать, за весь век только один раз сытый был, когда на бойнях у купца в Ельце служил. Там и насчет этого самого щепоточного, насчет баб то есть, было вольно. Ну, только я на это не льстился. Дома дело другое. Там иной раз займешься с какой-нибудь пожилой старушкой, сделаешь ей за работу безделицу какую, ножницы, скажем, поточишь али вялёк, каким на речке белье колотят, вырубишь, вот и расход весь. И самому лестно, и ей удовольствие...

24 июня.

Дождь, дождь и дождь.

С Яковом не видались давно, только немножко поболтали вчера вечером.

Сидит на соломе, ест кулеш из чугуничка. На пне горит свечка, забитая в какую-то жестянку, на стене шалаша чернеет его большая тень. Снаружи, по шалашу, шуршит ветер с дождем, кругом, в саду, непроглядная чернота... Между прочим, опять попробовали попытать его насчет смерти:

– Вот ты говоришь, тебе пятьдесят седьмой, значит, лет через десять, может, и помирать придется. Думаешь когда-либо об этом, боишься?

– Нет, не думаю. Двум смертям не быть, одни не миновать. Чаго ж ее бояться!

– Да как же не бояться, ты только представь себе: вот в такую вот ночь да в гробу, в могиле, на кладбище...

Но он опять стал отделяться шутками, – видно, что разговор этот ему пока (то есть пока он здоров) совершенно неинтересен:

– Да авось туда, в могилу-то, не протечет, мелко не положат...

Разговор о боге тоже перевел на шутку, на сказку о солдате, который попал в рай и остался очень им недоволен: «А, вот оно что, этот рай! Да какой же это рай? Ни трубочки, ни водочки! Кабы трубочки, да водочки, да кисет с табачкём, вот это иная была бы статья!»

– А нам думается, – сказали мы, пытая его, – ничего на том свете не будет, ни этого рая, ни ада.

Но тут он не согласился:

– А как же святые-то в раю живут, если его нету? Нет, это вы глупо говорите. Это выходит, что и бога нету? Кабы его не было, вся бы земля пропала. Не дал бы, к примеру сказать, бог травы, кормов, вся бы скотина поколела...

Потом рассказал, как Христос с дьяволом насчет людей делились – «вот как братья на селе делятся»:

– Тебе, говорит Христос, пушай мертвые достанутся, – тебе же лучше будет, мертвых-то ведь больше, а мне, значит, живые... А потом обдумолся да и на попятный: ведь как же, ведь все они, живые-то, тоже когда-нибудь мертвые будут? И, значит, сошлись на том, что которые упасутся – ему, богу, а которые нет – дьяволу...

26 июня.

Дождь. Разговор о цели жизни:

– Яков Демидыч, для чего ты на свете живешь?

– Как для чего? Вот ваш сад караюлю.

– Да нет, я не про то. Для чего ты на свет родился, для чего на земле существуешь?

– А господь его знает.

– Значит, не знаешь?

– А кто ж это знает?

– Да ведь надо знать. Надо думать, додумываться.

– Я и думаю.

– Ну, и что ж ты надумал?

– Надумал-то? По совести сказать, не знаю.

– А может, ты живешь только для того, чтобы есть, пить, спать, потомство плодить и жить в свое удовольствие?

– Нет, это я бы заскучал.

– Значит, ты живешь не для этого? Но тогда для чего же?

– А чтоб радость была.

– Радость! А это разве не радость, – сладко есть, сладко пить, с женой красивой спать, богатым и почетным быть?

– Это сама собой.

– Значит, не в этом одном дело?

– Стало быть, что нет.

– А в чем же?

Думает. Потом смеется:

– В чем да в чем! Мы вот так-то возили раз с покойником родителем хлеб с поля, а я и пристань к нему, – что, да как, да зачем, – я тогда еще совсем коростовый был, – а он молчал, молчал, да и говорит, наконец: «Вот как пуцу тебе, малый, по ушам кнутом, тогда узнаешь зачем!»

28 июня.

Завтра уезжаю на юг, хотя ехать уже не хочется: опять наступили прекрасные дни. Нынче Яков сказал мне:

– А народ у вас тут глупый, господа хорошие. Я вчера пошел на деревню серничков купить, иду задворками, а на гумне мужик стоит, а по меже ко ржам во весь дух бежит девочка лет семи али восьми... Бежит и навзрыд плача, спешит изо ржей телушку выгнать, а он стоит и орет на все поле. Длинный, долговязый, морда злая, скучная – и орет безо всякой совести: «Опять телушка во ржи, так-то твою так? Ты так-то за ней глядишь, распротак твою так?» – Я просто диву дался, до чаго свинья, невежа! Можно разве так-то на свое дитя кричать?

– Ну вот, а ты говоришь, что лучше нашей державы и лучше нашего народа во всем свете нету, – сказал я.

– А що ж? – поспешно и бодро ответил он. – Конечно, нету. Только, конечно, нас учить надо. Кабы подойти к этому самому дураку да дать яму, щоб красные сопли потекли, небось в другой раз не горланил бы так-то! А еще и то сказать: не все ж и у вас подобные. Я вот нынче утром пастуха у вас за гумном видел: ну, до чаго хорош! – сказал он, вдруг засмеявшись и засияв от восхищения. – Сядит на меже и

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
портки себе жжет! Скотина по всему полю разбрелась, а ему и горюшки мало! – Вынул это стекло жгучее и наводит на портки: как солнце из-за облака выйдет – от порток дым столбом! Що ж, ты, говорю, дурак, делаешь, ай маленький? Ведь тебя жанить давно пора! А у него рот до ушей от радости: да уж больно, говорит, чудно, дяденька! – А где ж ты ее взял, это самое стекло? – А мне брат солдат принес... Нет, – сказал он с удовольствием, – наш народ хороший, обоудный!

Я сообщил ему, что завтра уезжаю.

– Ну, що ж, – сказал он весело и равнодушно. – Дай бог час. живы будем, еще, можа, повидаемся... А далеко едете-то?

Я ответил, что на юг, к морю, купаться.

Он весело изумился:

– Как купаться? Да вы бы дома-то, в речке? А какие же там жители? Наши ай немцы?

– Там больше татары, – ответил я.

– А! – сказал он, немножко насмешливо улыбаясь. – Этих я люблю. Они, слух есть, нами сто лет владали. А известно – конь ездока любит. Опять же смирный народ, ласковый. Скажешь ему: здорово, мол, князь, есть платки? – он так и вскинется весь: «Есть, бачка, есть!» – «А магометовы портки?» – «Тьфу, не хорошо, грех так-то говорить!» И больше ничего. Не то что жида – те страшные обидчивые... А скучать вы не скучайте, – прибавил он неожиданно, уже давно, видимо, угадав, что мне не хочется и немного грустно уезжать, – это всегда так перед отъездом, все будет жалко чего-то, а в дороге, глядь, и разгулялся и забыл всех...

И, поднявшись, бодро пошел к огню, который, как всегда, пылал в земляной печурке против шалаша под липой, и на ходу легонько притопнул лаптями:

Сова ль моя, совка,
Сова ль моя, вдовка!

Приморские Альпы. 1927

Алексей Алексеич

Нелепая, неправдоподобная весть: Алексей Алексеич умер!

Всего нелепее то, до чего неожиданно умер он. Ведь еще только вчера, вернее, прошлой ночью, он был с нами, сидел, ужинал и, как всегда, говорил, говорил – то, что он говорил повсюду, за всеми ужинами.

– Как Чацкий, с корабля на бал, – сказал он вчера, входя в столовую.

Он сказал то, что неизменно говорил, приезжая на вечера к знакомым. Вчера откуда именно приехал он? Но, по совести сказать, разве мы знали когда-нибудь, откуда он приезжает? Да и знали ли мы вообще более или менее точно жизнь Алексея Алексеича, несмотря на то, что, кажется, не было человека во всем нашем петербургском кружке, который не был бы в приятельстве с ним? Знала, может быть, немного больше прочих его старинный друг, княгиня. А все прочие знали только то, что днем у Алексея Алексеича служба, дела, деловые завтраки, заседания, что по вечерам он не пропускает ни одной театральной премьеры, ни одного порядочного концерта, – музыку он действительно любил и понимал, – а ночью непременно где-нибудь ужинает – у Кюба, на Островах, у знакомых, – так что все, бывало, дивятся на него: и когда только успевает он спать?

– Как Чацкий, с корабля на бал, – сказал он вчера, входя в людную и светлую столовую, со своим обычным слегка насмешливым выражением лица.

И, как всегда, едва только он показался и сказал это, все встретили его хором радостных восклицаний:

– А! Наконец-то!

и, с безразличной улыбкой пожимая руки, раскланиваясь, он прошел к своему месту за столом, безразлично поцеловал большую и жилистую руку своей соседки княгини, засунул угол салфетки за открытый жилет, взялся за бутылку и, как всегда, спросил:

– А вам, княгиня, позволите?

Княгиня ответила:

– Пожалуйста. Только немножко.

И он возразил опять–таки так, как всегда возражал в подобных случаях:

– Э, княгиня, что за счеты. Пить умереть и не пить умереть. Уподобимся, государыня моя, стрекочущу кузнецу, в зленом злаке сущу. В меру и во благовремени питие вредить не может. Лишь бы не упиваться до отвратности, – сказал он, не думая ни единой секунды о том, что говорит. – Лишь бы не сравняться с пьяницей богомерзким. Ибо что есть пьяница, по учению мужей мудрых? Оный пьяница аки болван, аки мертвец валяется, многожды бо осквернився, мокр и нальвяся, яко мех, до горла, не могий главы своей возвести, смрадом отрыгая от многого локания.

– Не говорите гадостей, я есть не могу, – сказала княгиня.

– Как, это поучения–то святых отцов гадость? – сказал Алексей Алексеич. – А еще в Лавру, княгиня, каждый божий день ездите!

– Нет таких поучений, это вы всё сами выдумываете.

– Ничего–то вы, княгиня, не знаете, даже слушать страшно. Истинно, жена прелестная. А ведь что такое жена прелестная?

– Какая еще такая жена?

– А вообще жена. Что есть жена, сиречь женщина?

– Ох, Алексей Алексеич, и про жену уже тысячу раз слышала.

– Слышали, а каждый раз забываете. Жена, милая княгиня, есть святым обложница, змиино покоище, цвет дьявола, купница бесовская, сковорода подпечаящая. И далее: что есть жена? Сеть утворена прельщающи человеки, светлым лицом и высокими очима намизающи, ногами играющи.

– Боже, какой вздор. И что это значит – наммзающн?

– А черт его знает, я и сом не знаю, милая княгиня. Вот «ногами играющи» – это я понимаю.

– Перестаньте говорить глупости.

– А это не я говорю, это бес в человеке говорит. Ибо что есть человек? В человеке, как всем сие ведомо, есть восемь составов...

– И это знаю, и не трудитесь, пожалуйста, перечислять ваши составы.

– Нельзя, милая княгиня, и рад бы не перечислять, да не могу. От земли у человека тело, и тот человек темен; от моря – кровь, и тот человек прохладен; от огня жар, и тот человек скуп...

– И откуда только берется все это у вас?

– От прилежания, государыня моя, оно же неистощимый, неупиваемый кладезь мудрости. Но позвольте кончить. От солнца у человека очи, и тот человек богатыреват...

– Ничего не понимаю. Что ото значит – богатыреват? дайте–ка мне лучше спичку.

– А вы думаете, я понимаю? – ответил Алексей Алексеич, зажигая спичку и помогая княгине закурить. – От ветра у человека дыхание, и тот человек легкоумен, подобно вашему покорному слуге. От облака мысль, и тот человек похотлив. И наконец: от света – свет, и тот человек не мыслит земного, а лишь небесная.

– Вы, конечно, от облака?

– Сиречь, похотлив? Грех вам, княгиня, говорить так, будучи единственной причиной оной похоти. Вы же отлично знаете, что по отношению ко всем прочим прелестницам я мыслю лишь небесная.

Княгиня легонько ударила его по руке. Он вынул маленький портсигар, плетенный из китового уса.

– Разрешите, раз уж вы сами курите? И куренье, конечно, не благо, дорогая моя, ибо который человек начнет дерзати табуку, то у того человека мозг крутится...

Так и в таком роде, без конца и без умолку, говорил Алексей Алексеич за ужином. А за кофе, которое мы пили с ликерами в четвергом часу ночи, он уже слегка осовел, сидел с вялой усмешкой на устах и опять приставал к княгине с тем, что она уже тысячу раз слышала и что, однако, ей ничуть не докучало, хотя она и делала вид, что сердится.

– Дитя! – говорил он. – Али не разумеешь, яко вся сия внешняя б... ничто же суть, но токмо прелесть и тма и пагуба?

– Ох, боюсь, Алексей Алексеич, что хозяйка прикажет вас вывести, – сказала княгиня.

– А за что же, позвольте спросить, она прикажет меня вывести? – слегка жалобно возразил Алексей Алексеич. Ведь это же прекрасное старинное русское слово, коим наши отцы и деды не токмо в самом высшем свете, по даже и при дворе не гнушались. Ничего-то вы, княгиня, не знаете, даже страшно. Ведь это слово у самого протопопа Аввакума в его житии пишется, а уж на что сурьезный был мужик этот протопоп. Мм, сказано там...

– Довольно, довольно, Алексей Алексеич, – сказала княгиня. – Верю и без дальнейших примеров. И перестаньте пить и едем, смотрите, какие у вас мешки под глазами.

– Слушаюсь и повинуюсь, – ответил Алексей Алексеич. – Но повинуюсь не мгновенно, а лишь через четверть часа. Ровно через четверть часа, государыня моя. Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, поспешай не торопясь, как советует Кузьма Прутков...

Кончилось тем, что, по обыкновению, вернулся домой и заснул Алексей Алексеич только в семь часов, когда в его кабинете на конюшенной уже синел грязный утренний сумрак. А проснулся после полудня, часу во втором, и проснулся, по свидетельству его слуги, как-то внезапно, сразу, раскрыв глаза с испугом. Некоторое время после этого он лежал без всякого движения, глядя в стену перед собою, потом позвонил и приказал подать себе сельтерской воды. А выпив воды, попросил помочь ему одеться, а потом – позвать извозчика и, когда доложили, что извозчик готов, вышел из дому и поехал к Потехину...

Потехин! Потехин-то, конечно, и виноват во всем. Вообще, что такое эти визиты к докторам, сидение у них в приемной, ожидание их расспросов, исследований, решения, рецептов, советов! Какой это вообще ужас быть больным! Вот человек вдруг почувствовал, что дело его что-то не ладно, подозрительно... Он перемогается, тщится уверить себя, что это неладное есть нечто случайное, временное, что не стоит думать о нем, не надо поддаваться ему, а сам меж том думает все чаще, поддается все больше – и наконец не выдерживает, решает воззвать о помощи к этому волхву, именуемому доктором, и либо с трепетом ждет его у себя на дому или томится у него в приемной... Последнее, по-моему, особенно ужасно!

Да, на дом к вам доктор приезжает всегда с большим опозданием, а если вы едете к нему сами, всегда-то он как нарочно занят с другим больным, требующим долгого и серьезного осмотра, или где-то задержался. И вот вы сидите в этой проклятой

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru

приемной, в ее напряженной тишине, где всякий почему-то боится вздохнуть, а если говорит, то шепотом, где так дьявольски медленно, важно, спокойно, дремотно отсчитывают время дорогие мраморные часы на камине, так бесстрастно блещут картины на стенах и черная рояль у стены, возле высокой таинственной двери в докторское святилище, и так безжизненно стоит, каменеет мебель в чехлах вокруг круглого стола посреди комнаты. Вы сидите, измученный нетерпением, вы ждете, подавленный вас окружающим, ждущим молчанием. Вы пытаетесь заняться истрепанными книгами, иллюстрированными журналами и проспектами, картинками санаторий, лежащими на круглом столе. Вы заставляете себя читать, осторожно перелистывая эти журналы и проспекты, разглядывая отели в сосновых и снежных горах, виды из салонов, столовых, каких-то стеклянных веранд, уставленных лонгшезами... Но, в сущности, вы ровным счетом ничего не видите и не понимаете, читая, перелистывая и разглядывая: вас погружает в транс, в идиотизм, в какое-то подобие улыбки летаргии эта тишина, этот сложный и смутный шум обычной, будничной жизни города, которой нет ровно никакого дела до вас, до ваших мук, болезней, смертей, которая течет себе и течет никогда не прерывающимся потоком где-то там, за этими двойными, никогда, верно, не открывающимися окнами...

Бедный Алексей Алексеич тоже должен был пережить не менее часа подобного томления, дожидаясь Потехина, который будто бы был вызван куда-то на консультацию, а на самом деле, вероятно, дрых после завтрака в своих дальних, семейных покоях.

Пожилая и аккуратная, точно какая-нибудь классная дама, горничная бесшумно отворила ему дверь, помогла раздеться и очень сдержанно сказала:

– Пожалуйте обождать в приемной. Доктор экстренно вызван на консилиум...

И Алексей Алексеич вошел в пустую приемную и покорно сел в кресло возле круглого стола ждать решения своей участи.

Что он чувствовал, что он думал, сидя в этом роковом кресле?

Конечно, то же самое, что и все мы, грешные, чувствуем и думаем в подобных случаях. Сидел, цепенел, тупо глядел перед собою, задавал разные глупые вопросы... Вот рояль и на ней груды нот, – все, что полагается: и Моцарт, и Бетховен, и Глинка... Но когда и кто играет на этой рояли? Очень возможно, что никто и никогда. Вот люстра в кисейном коконе, подвески которой тихо звенят от продвигающихся по улице ломовых телег, нагруженных чем-то очень тяжким... Зажигается ли когда-нибудь эта люстра? Бывают ли в этой гостиной обыкновенные, а не больные люди, то есть друзья, знакомые доктора, и вообще живет ли доктор когда-нибудь не докторской, а своей личной, простой жизнью? Вот огромная картина в десятипудовой золотой раме, возвышающаяся над роялью: грозно и великолепно синееет дикое ущелье, с шумом клубится, несется пенно-зеленый горный поток, сумрачно и величаво дымятся облаками скалистые и снежные вершины гор... Чья это картина, как и зачем она попала к доктору, что общего у него с этим ущельем? Ущелье синееет и синееет, поток, нагоняя дремоту, шумит и шумит – неужели это так и будет изо дня в день, из году в год, пока будет жить и принимать доктор? Доктор дышит от своих вечных приемов и забот о чужих болезнях, верно, только в августе... Где же именно? На Кавказе, в Швейцарии, то есть опять-таки где-то там, где синие ущелья и пенно-зеленые потоки? Но на кой черт ему они?

И потехинская горничная говорит, что слышала, как Алексей Алексеич будто бы вдруг громко сказал:

– Нам, государь мой, уже давным-давно наплевать на все эти красоты с высокого дерева!

Он, конечно, стучал пальцами по столу, с мукой глядел на часовую стрелку, приближавшуюся к трем, иногда нарочно кашлял, в надежде, что в кабинете что-нибудь скрипнет в ответ на этот кашель, – в консультацию он ни минуты не верил, но высокая дверь кабинета была все так же неподвижна и заповедна, и, конечно, ему уже начинало казаться, что он и вовеки не дожидется той желанной минуты, когда эта дверь внезапно приоткроется и Потехин с нарочитой сухостью и, разумеется, не глядя на пациента, скажет: «Пожалуйте!»

Однако дверь эта (и как раз в ту минуту, когда у Алексея Алексеича лопнуло уже всякое терпение) вдруг приотворилась, – и судьба Алексея Алексеича была решена...

Потехин! Боже, как смалодушествовал Алексей Алексеич, допустив себя так по-детски уверовать в эту тупицу! Ибо что такое Потехин? Человек неуклюжий, сутулый, нарочито грубый; с грубыми, простонародными чертами лица, с крупными свинцовыми волосами, с тяжелым и недружелюбным взглядом маленьких глаз; неизменно медлительный и до наглости самоуверенный, хотя вместе с тем никогда не могущий взглянуть вам в лицо прямо, то и дело густо краснеющий от угрюмой семинарской застенчивости... А потом эта манера защищать себя от своего простого происхождения частым и резким упоминанием о нем!

Это убеждение, что вследствие такого происхождения он будто бы имеет перед вами какие-то преимущества, какое-то право на высокомерие! Это бахвальство, когда разговор заходит, например, о музыке, о стихах, о живописи, особенно новой!

– Ну, здесь я умываю руки, – грубо говорит он в таких случаях. – Я в этом суший профан. По-моему, это не картина, а яичница с луком, не стихи, а рубленая проза, которую с одинаковым удобством можно читать и с конца. Но что ж, вам и книги в руки: весьма охотно допускаю, что это гениально, замечательно...

И вот перед таким-то мудрецом и смалодушествовал наш бедный Алексей Алексеич.

Разговор в кабинете Потехина был короткий:

– Здравствуйте, Алексей Алексеич. Садитесь, пожалуйста. На что изволите жаловаться?

– Да как вам сказать, – начал Алексей Алексеич, тщетно пытаясь быть тем самым собою, которым он был всю жизнь и который в этот день вдруг почему-то точно сквозь землю провалился. – Уже давно замечаю, что как будто не совсем в порядке мои, так сказать, сердечные делишки, а вот нынче утром и совсем сдрейфил: схватило, понимаете ли, так, что душа в пятки ушла. Пустяки, конечно, но все же почел за благо явиться перед ваши пресветлые очи...

– Прекрасно. Годочков-то вам сколько?

Алексей Алексеич ответил, все еще стараясь шутить, что, во всяком случае, больше, чем «тлидцать тли», потом сказал серьезно, и дело пошло обычным порядком. Наклонив свою свинцово-густоволосую голову и не глядя на Алексея Алексеича, начал Потехин сухо расспрашивать, не спеша записывать, потом сказал еще суше и неприязненней:

– Разденьтесь, пожалуйста...

И Алексей Алексеич покорно, даже как-то угодливо, униженно, торопливо и очень неловко стал трясущимися руками стаскивать с себя пиджак, жилет, развязывать галстук, отстегивать запонки... Потом он то сидел, то стоял, то глубоко дышал, то совсем не дышал, чувствуя, что вот-вот упадет от головокружения, лежал во всяческих позах на скользкой простыне на холодном клеенчатом диванчике... Наконец Потехин и сам измаялся. Помолчал, глядя в потолок, еще немного помял белый живот Алексея Алексеича своими большими мягкими пальцами уже неизвестно зачем, очевидно, только в силу привычки мять животы, потом встал и, еще больше нахмурясь, сел за стол и в мертвой тишине стал писать рецепт, меж тем как Алексей Алексеич, раздавленный столь неожиданно-зловещим поведением Потехина, с постыдной неряшливостью и поспешностью приводил себя в порядок.

– Ну, что же, доктор, что скажете? – спросил он наконец с усмешкой. – Дрянь дело?

И Потехин ответил, не поднимая головы:

– Дрянь, не дрянь, но не скрою – неважно.

– Сердце?

– Оно самое.

– Ну, годик-то еще попрыгаю? – опять сделал попытку пошутить Алексей Алексеич. – Я, откровенно говоря, этой самой любви к жизни, сладкой привычке бытия не весьма

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
привержен, поелику почитаю оное сплошным свиным корытом... Не обуреваем равным образом и гамлетовскими терзаниями насчет того, что ждет нас там, на противоположных берегах реки, Стиксом именуемой. Но все же, знаете, как-то не того... не хочется спешить выправлять подорожную в место злачно и блаженно, иде же несть ни печали, ни въздыхания, а скука зеленая да шесть пород червей, кои будут трапезовать новопреставленным рабом их. Так уж вы скажите мне, дорогой мой, участь мою без лицепрятия, а то я просто на извозчике околею от неизвестности...

И Потехин, дописав и расчеркнувшись, ответил с истинно хамской беспощадностью:

– Я пророчествами не занимаюсь...

Умер Алексей Алексеич, как вы знаете, именно на извозчике, по дороге домой, и, конечно, вовсе не от неизвестности, а как раз наоборот. Вот тебе и «стрекочущу кузнецу», и Кюба, и Острова, и ужины у друзей-приятелей! И ни одна-то душа из этих друзей-приятелей через два-три дня даже и не вспомнит о нем. Даже и на похоронах-то будут думать только об одном: как бы покурить поскорей!

1927

Подснежник: #с0тт068

Была когда-то Россия, был снежный уездный городишко, была масленица – и был гимназистик Саша, которого милая, чувствительная тетя Варя, заменившая ему родную мать, называла подснежником.

Была оттепель, стояли теплые и сырые дни, русские, уездные, каких было уже много, много в этом старом степном городишке, и приехал к Саше отец из деревни.

Отец приехал из глухой, внесенной сугробами усадьбы и, как всегда, остановился на Елецком подворье, в грязных и угарных номерах. Отец человек большой и краснолицый, курчавый и седеющий, сильный и моложавый. Он ходит в длинных сапогах и в романовском полушубке, очень теплом и очень вонючем, густо пахнущем овчиной и мятой. Он все время возбужден городом и праздником, всегда с блестящими от хмеля глазами.

А Саше всего десять лет, и поистине подобен он подснежнику не только в этих мерзких номерах Елецкого подворья, но и во всем уездном мире. Он такой необыкновенный, особенный? Нет, ничуть не особенный: разве не каждому дает бог то дивное, райское, что есть младенчество, детство, отрочество?

На нем новая длинная шинель, светло-серая, с белыми серебряными пуговицами, новый синий картуз с серебряными пальмовыми веточками над козырьком: он еще во всем, во всем новичок! И до чего эта шинель, этот картуз, эти веточки идут к нему, – к его небесно-голубым, ясным глазкам, к его чистому, нежному личику, к новизне и свежести всего его существа, его младенчески-простодушного дыхания, его доверчивого, внимательного взгляда, еще так недавно раскрывшегося на мир божий, и непорочного звука голоса, почти всегда вопросительного!

Живет Саша «на хлебах», в мещанском домишке. Грусть, одиночество, скучные, одинаковые дни в чужой семье. Какое же счастье, какой праздник, когда вдруг у ворот этого домишки останавливаются деревенские, набитые соломой сани, пара запряженных впротыжку лохматых деревенских лошадей! С этого дня Саша переселяется на Елецкое подворье.

Отец просыпается рано, наполняет весь номер, и без того душный, едим табачным дымом, затем кричит в коридор, требуя самовар, пьет чай и опять курит, а Саша все спит и спит на диване, чувствуя, что можно спать сколько угодно, что в гимназию идти не надо. Наконец, отец ласково будит его, шутя стаскивает с него одеяло. Саша молит дать поспать ему хоть одну минуточку, а потом сразу приходит в себя, садится на диване и, радостно оглядываясь, рассказывает, что снилось ему, будто у него передержка по латыни, но только не в гимназии, а где-то на голубятне.

Умывшись, он становится во фронт и учтиво, но рассеянно крестится и кланяется в угол, потом шаркает отцу ножкой и целует его большую руку. Он счастлив, он свеж

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
и чист, как ангел. Он кладет в стакан целых пять кусочков сахара, съедет целый калач и опять шаркает ножкой:

– Мерси, папочка!

Он совершенно сыт, но отец уже надевает полушубок: пора идти на базар, в трактир, – завтракать. И, одевшись, они выходят, бросив теплый, полный дыму номер раскрытым настезь. Ах, как хорош после комнаты зимний сырой воздух, пахнущий праздничным чадом из труб! И какой долгий прекрасный день впереди!

В трактире «чистая» половина во втором этаже. И уже на лестнице, необыкновенно крутой и донельзя затоптанной, слышно, как много в ней народу, как буйно носятся половые и какой густой, горячий угар стоит повсюду. И вот отец садится, сняв шапку, распахнув полушубок, и сразу заказывает несколько порций, – селянку на сковородке, леца в сметане, жареной наваги, – требует графин водки, полдюжины пива и приглашает за стол к себе знакомых: каких-то рыжих мужиков в тулупах, каких-то чернявых мещан в чуйках...

Казалось бы, какое мучение сидеть в этом чаду, в этой тесноте, среди бесконечных и непонятных разговоров и споров без всякой меры пьющих, закусывающих и пьянеющих людей! Сколько их кругом, этих мужиков, извозчиков, толстых купцов, худых барышников! Сколько красных, распаренных едой, водкой и духотой лиц, потных лбов, лохматых голов, густых бород, чуек, армяков, полушубков, тулупов, громадных сапог и тающих валенок, разводящих под табуретами целые лужи! Как везде натоптано, наплевано, как дико и нелепо орут за некоторыми столиками и как ошалели половые в белых штанах и рубахах, носясь туда и сюда со сковородками и блюдами в руках, с задранными головами, меж тем как спокоен только один высокий и худой старик, строгим и зорким командиром стоящий за стойкой! И, однако, как незаметно летит этот счастливый день, как блаженно и широко раскрыты лазурные детские глаза!

А в понедельник все это сразу кончается. Город принимает смиренный и будничный вид, пустеет даже базарная площадь – и великое горе надвигается на Сашу: отец уезжает.

Да, даже проснулся отец нынче уже совсем не таким, как просыпался все эти масленичные дни. Он прост, тих, чем-то озабочен. Он собирается, расплачивается. А там, во дворе, уже запрягают лошадей. Последний, самый горький час! Вот сию минуту вдруг войдет коридорный:

– Подано, Николай Николаич!

И отец, огромный, толстый от медвежьей шубы, надетой поверх полушубка, в черных, выше колен, валенках и в большой боярской шапке, сядет на диван и скажет;

– Ну, присядем, Сашенька, и Христос с тобой.

И тотчас же опять встанет и начнет торопливо крестить, целовать его, совать руку к его губам...

А лошади уже стоят у крыльца. Они косматы, ресницы у них большие, на усах засохшее тесто – боже, какой родной, не городской, а деревенский, зимний, бесконечно милый вид у них! Милые, деревенские и эти сани, набитые соломой! И работник уже стоит в их козлах, в буром и грубом армяке, надетом на полушубок, с вожжами и длинным кнутом в руках... Еще минута – и побегут, побегут эти лошади, эти сани по Успенской улице вон из города, в серые снежные поля – и прости, прощай, счастливейшая в жизни неделя!

– До свиданья, Сашенька, Христос с тобой.

1927

К роду отцов своих

Дивны дела твои, и душа моя вполне понимает это.

I

На раннем рассвете, почти в темноте и в густом тумане, привезли из города пожилую черничку и огромный гроб, черный с белыми крестами, который полулежал возле нее в тарантасе, упираясь узким концом в козлы, а широким в полуоткинутый верх. Пустой, по-осеннему мертвый двор усадьбы, по которому туман шел из сада сонным, мрачным дымом, весь серел крупной сизой изморозью. Дом за туманом рисовался темно и смутно, казался нежилым, угрюмым. И зловеще краснели в его дальнем, крайнем окне огни трех свечей. От бессонной ночи черничка и кучер промерзли до костей, похудели, были бледны, безжизненны. Кучер поехал от крыльца к каретному сараю – отпрягать отупевших от долгой дороги, обросших туманом лошадей. Черничка прошла через темные сени и вошла в сумрак, в сонное тепло дома, Девка, спавшая на конике в прихожей, испуганно вскочила и села, ничего не понимая. Но через минуту она уже говорила оживленным и дружественным шепотом, помогая черничке раздеваться и расспрашивая, очень ли та озябла, когда выехали из города и сколько дали за гроб. Она зажгла и отнесла в зал, где со всех сторон были заперты двери, керосиновую лампу, запалила на окне в прихожей зашумевшую спиртовку... И когда тепло и душисто запахло кофе, черничка, крестясь и садясь за стол, почувствовала несказанную сладость жизни.

Все в доме спали, измученные горем и тем беспорядком, что внезапно воцарился в нем с роковой прошлой ночи.

– И барыня, слава богу, заснули, – шепотом говорила девка, подавая хлеб и масло. – Не приведи бог, как плачут, убиваются!

Черничка, намазывая хлеб маслом, спросила:

– А он где лежит-то?

Девка неопределенно и боязливо кивнула на запертые двери:

– За маленькой гостиной.

– Один?

– Один. Сперва при нем старик был с пашей деревин, да у них молотилка сломалась, он и бросил читать, ушел ее чинить.

Черничка неодобрительно качнула головой:

– Нехорошо. Одному покойнику нельзя лежать...

И она жадно стала пить горячий кофе, поглядывал на эти высокие, таинственно закрытые двери. Он был где-то там, за ними, в глубине дома. Он лежал и ждал се, и в уме уже привычно звучало:

– Как овец, заключает их в преисподнюю... Смерть будет пасти их... Могила жилище их... Он пойдет к роду отцов своих, которые никогда не увидят света...

Огонь в лампе пожелтел, в зале светлело, туман за окнами стал голубой, прозрачный. Вновь наступающий день сулил живым только привычную сладость земных дел и забот. Дня него, для того, кто еще позавчера сидел вот за этим столом, а теперь лежал и ждал черничку, это был последний, самый последний день на земле. Могут потом проходить века, тысячелетия – все равно: его, бывшего хозяина этого дома, уже никогда не будет. Нынче, даже сейчас, как только все проснутся, его навеки, до скончания времен, положат в то, ни на что в мире не похожее, всему миру чуждое и враждебное, что всю ночь тряслось рядом с черничкой в тарантасе, покачиваясь и постукивая в тумане и мраке по осенней промерзлой дороге. Но черничка не думала об этом, – с радостью отогревалась, с наслаждением пила и ела, с удовольствием соображала, что сейчас надо приказать внести гроб в дом, позвать работников и заставить их сделать все, что полагается, не как попало, а под своим наблюдением.

Утро наступило ясное, тихое. Часам к девяти все нужное было сделано. Теперь всем оставалось только ждать следующего утра. И вот он течет, длится, этот последний, самый последний день.

С позапрошлой ночи усадьба вдруг стала доступна для всякого. Смерть широко распахнула двери пораженного ею и лишившегося своей обычной сокровенности человеческого гнезда. И вчера весь день шли и шли в усадьбу все те, что почему-то желали взглянуть на покойника, – всякие проезжие и прохожие, калеки и нищие, мужики и бабы (не только свои, но и чужие, заречные). Идут они и нынче. Без спросу, без стеснения подходят они к парадному крыльцу, возле которого стоймя стоит и так и бьет в глаза своими страшными очертаниями и своей высотой черная с белым крестом крышка, заглядывают внутрь настезь развороченного дома, в пролет его больших горниц, входят, идут и доходят до той, самой последней, которая превратилась теперь в некое подобие часовни: там пугливо и любопытно толпится и смотрит народ, певуче и немолчно звучит горестный и покорный голос – «ибо ты возвращаешь человека в тление... ибо ты говоришь: возвратитесь, сыны человеческие... ибо перед очами твоими тысяча лет как день один», – там, среди белого дня, при солнце, которое косо заглядывает в окно, выходящее в сад, оранжевым прозрачным пламенем горят толстые свечи, тонко синеет литургически-пахучий дым ладана, еще не рассеявшийся после панихиды, а весь угол занят огромным смертным одром: составленными столами и пышным в своей мрачной и великолепной новизне, до половины покрытым парчовой ризой гробом, возглавие которого поражает чудовищно и безобразно распухшим фиолетовым ликом в крупных и сквозных серых усах, круто поднятой и закаменевшей под выпирающей крахмальной манишкой грудью с высоко и неуклюже лежащими на ней в вылезших манжетах руками, толсто налитыми лиловым воском, и сиреневыми ногтями их.

А вокруг дома, в усадьбе, все полно осенней прелести. В розовом саду вкочхнут сытые дрозды, стоит блаженная тишина, тепло, кротость, медленно падают легкие листья. На дворе сладко дремлют борзые. На желтом соломенном скате крыши сидят, хохлятся против солнца белоснежные голуби. Над людской избой буднично и спокойно тянется к бледно-голубому небу серый дымок, из ее раскрытых окон приятно пахнет кухонным чадом, слышны голоса и смех праздных работников, своим куреньем и бездельем раздражающих кухарку, обремененную большой и сложной стряпней на завтра.

А на деревне, на гумнах ладно выбивают дробь цепи, мерно и однообразно стучат веялки, ровно гудят молотилки, обещая жизнь долгую, мирную, благоденственную. Все дрожат и наслаждаются каждой минутой чудесной погоды и дружной, спорой работы. С веселым ревом, неустанно и густо засыпая гумно дымящейся соломой, беспощадно сокрушаемой и извергаемой мощным зубастым барабаном, снова гудит новая рязанка Семена: он богат и горяч, – в один миг добыл мастера и поправил ее, и теперь сам подает и думает, что уж нет, шалишь, больше не доверит он дуракам сыновьям машину.

– В мыслях у них, что дома их вечны и что жилища их в род и род... Но человек в чести не будет: он уподобится животным, которые погибают...

Семен знает это лучше всякого... и, весь серый от пыли, от мякины, с кровавыми, воспаленными глазами, с хоботьем в бороде, отклоняя потное, засыпанное и разъедаемое сором лицо от зерна, остро бьющего из-под бешено рвущего и ревущего барабана, только успеваешь покрикивать:

– Бабы, подавай! Бабы, веселей!

III

Ночью светит молодая туманная луна. Легкая дымка стоит в светлом, мертвом, беззвучном саду. На гумне, не нарушая тишины, а только еще больше давая ее чувствовать, жалобно твякает совка.

Тишина, пустота и на дворе усадьбы, одиноко краснеет окно в людской избе. Работники за ужином, по случаю покойника, выпили. После ужина они сидели и курили, уже вялые, позевывая.

А там, в доме, в этой страшной горнице, похожей на часовню, стояла благоговейная тишина. Только дрожал, дрожал сонный сумрак в углах, чуть потрескивали, нагорая и оплывая горячим воском, свечи, и то блистал, то темнел под их ярким, но неровным пламенем сизый чудовищный лик с розовой ватой в ноздрях. И однообразно, кротко и укоризненно звучал певучий женский голос:

– И мудрые умирают, равно как невежды, и бессмысленные погибают и оставляют имущество другим...

– В мыслях у них, что дома их вечны и что жилища их в род и род, и земли свои они называют своими именами...

– Но человек в чести не будет; он уподобится животным, которые погибают... Он пойдет к роду отцов своих, которые никогда не увидят света...

– Обратись, господи! Научи, как исчислять дни паши, дабы нам приобрести сердце мудрое...

IV

Наутро все проснулись с одной мыслью: нынче!

И колокол уже звал, звал.

Утро было особенно прекрасно. Особенно тих и счастлив был розовый сад, медленно выходивший из голубого тумана, таявшего от солнца.

Но колокол звал, звал. И опять шли и шли через двор. Какая-то длинная женщина в серой шали зачем-то вела с собой двух своих девочек, шедших покорно, с любопытно расширенными глазами.

Последним пришел лесник, старый друг покойного по молодости и по охоте.

Он шел через сад, по сухой земле липовой аллеи, где было так тихо, что слышен был каждый падающий листик, и тонко пахло и сладким ароматом листвы, поджаренной солнцем, и свежестью тумана, теперь уже сиявшего в саду лазурным газом. Он шел спокойно. Спокойно прошел и по дому. Но, войдя к покойнику, беззащитно возвышающемуся в гробу во всем смертном позоре среди толпы, наполнявшей комнату, увидав блеск свечей, столь странный среди солнечного света, и безобразное лицо, синевшее в дыму ладана, вдруг побледнел, упал на колени, торопливо закрестился, а потом кинулся к гробу так неистово, стал так страстно впиваться в ледяные и зловонные губы своего господина и друга, что и все вокруг побледнели...

V

В полдень все кончилось.

Мирную жизнь живых уже ничто более не нарушало. Его, этого страшного существа, потерявшего облик и подобие божие, уже не было. И все возвратилось на обычную стезю свою.

За церковью, против алтаря, в блеске спокойного и кроткого солнца, лежал длинный глиняный бугор. Но он уже никому не был ни нужен, ни страшен.

<21 ноября. 1927>

Старый порт

Отель «Бретань» еще пуст, деревня Старый Порт, близ которой странно высится на голом холме это новое многоэтажное здание, живет пока своей простой рыбацкой жизнью.

Стоит та прекрасная погода, когда солнечный зной, припекающий где-нибудь на склоне холма, обращенного к югу, еще мешается с морской свежестью, которой тянет

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
с севера, как только поднимешься повыше и увидишь вокруг другие холмы, а впереди – голубое море. Стоит та радостная пора, когда еще поют жаворонки и всюду цветут цветы, – не только в полях, но даже на окраинах шоссе и на самых кремнистых косогорах, когда вьются мириады мотыльков над этими цветами и над жесткими кустарниками, тоже цветущими мелким цветом в какой-нибудь бесплодной лощине или вдоль заглохшего проселка с высоким крестом из почерневшего камня на перекрестке... Край пустынный, скудный; но теперь на суглинистые поля и холмы его, покрытые молодой, чистой зеленью хлебов, на меловые прибрежные скалы и спокойные лазоревые заливы не наглядываться.

И вот появляются в деревне первые иностранцы: старик-шотландец с женой и дочерью и какой-то одинокий норвежец. Он приехал с тем же поездом и остановился в той же «Бретани», что и шотландцы; однако он не знаком и даже не ищет знакомства с ними, хотя они заметили, что он преследует их с самого Лондона, где он оказался их случайным сожителем тоже по отелю. Человек он вообще необщительный. На вопрос портье, сколько он думает пробыть в отеле, он ответил неопределенно:

– Не знаю. Может быть, сутки, двое суток...

Но проходит три, четыре дня, потом неделя – он все живет и все той же одинокой жизнью.

Он рано ложится и рано встает. Раньше всех пьет кофе в большой пустой столовой, освещенной утренним солнцем, и, пока пьет, пристально читает какую-нибудь книгу, наугад взятую из библиотеки отеля. Потом, сунув ее в карман, захватив плед и палку, спускается на берег. Тут он бросает плед на мелкий белый песок под меловым обрывом прибрежного холма, высоко поднимающегося на западной стороне залива, и до самого завтрака лежит, облокотясь на руку и глядя то на широкий пляж и на изгиб моря, в эти часы еще синего, то на солнечную белую дорогу от отеля, по которой он спустился.

Он глядит, слушает. Вот в деревне бьет восемь часов; вот половина девятого; вот девять... В девять двадцать приходит, шумит на маленькой станции за деревней утренний поезд. А как только он свистнет и тронется дальше, на дороге от отеля показывается дочь тех шотландцев, за которыми он приехал. И тогда он тотчас развертывает книгу и притворяется, что читает, искоса следя за тем, как она подходит, – за развевающимися полами ее купального халата.

Это высокая, худощавая девушка. У нее длинные, стройные ноги и удивительно милое в своей ласковой простосердечности и даже наивности выражение веснушчатого, немного бледного лица. И он жадно глядит на нее исподлобья, – на то, как она быстро спускается с пригорка, идет к нему вдоль пляжа, затем, шагах в ста от него, сбрасывает с себя халат, остается в одном черном трико и бежит к воде. Тело у нее тоже бледное, голубоватое, но не слабое. Она далеко уплывает в море, сидит на камне, торчащем вдали среди залива, потом, возвратясь на берег, долго лежит на песке навзничь, закрыв глаза от солнца. Однажды она неожиданно крикнула ему на смешном французском языке:

– Почему вы не купаетесь?

Он густо покраснел и неловко крикнул в ответ, что холодно, что еще никто не купается.

В двенадцать она уходит домой, к завтраку. Он тоже поднимается и в отдаленье идет следом за ней.

Мать с отцом, в свободное от завтрака время, гуляют, пишут письма, читают, сидя в креслах-будках на дорожках большого цветника, разбитого перед отелем и радующего глаз необыкновенно свежим, зеленым, как медянка, газоном. А что делает она? Он видит ее только на берегу, утром, и в столовой, в час и в семь с половиной. Проходя в эти часы мимо их стола, он сдержанно кланяется. Ему отвечают тем же. Девушка даже глядит ему прямо в глаза – долгим и вопросительным взглядом, в котором можно уловить расположение, готовность к знакомству. Но он, поклонившись, краснеет и, нахмурясь, быстро проходит мимо.

После завтрака он бродит по деревне, – она очень стара, черна, первобытна, – иногда заходит в пустую церковь, снаружи имеющую вид очень дикий. Там он подолгу сидит на соломенном стуле и слушает ту великую тишину, которая бывает только в

пустых церквах. Впереди, за рядами темных дубовых скамеек, блестит и высится все то церковно-сложное, что составляет престол, алтарь, украшенный бумажными розами и такими же кружевами, трогательный в своем деревенском, бедном убранстве. Над ним, в полукруглой стене, остро зеленеет, гранатно краснеет и густо синее узкое окно, новое, довольно грубое. Новы, дешевы и все эти сусально позолоченные или малярно раскрашенные в голубое и розовое гипсовые статуэтки Мадонны, Орлеанской Девы, Христа в терновом венце, святых монахов с четками в руках. Однако и в этом есть некая деревенско-католическая прелесть. А как прекрасны в своей простоте, дикости древние, каменные своды, ухабистый каменный пол, толстые стены со следами сырости, долгих зимних дождей, свирепых ветров с севера, с моря, при мысли о которых сладко и уютно замирает сердце! Всего же лучше – эта глубокая, как бы чего-то с неземным бесстрастием ждущая тишина.

Часто ходит он и в маленькую гавань деревни, полную неуклюжих лодок и парусных барок, делает прогулки в поля, в соседние поселки... Зеленеет волнистая равнина, мирно синее море, поют жаворонки... Очень странно видеть в этой кроткой, слегка грустной, безлюдной глуши безобразные деревянные щиты на столбах-ножках, с которых смотрит и сладострастно жмется, хохочет от приятной зябкости, от предвкушенья ванны, голый большеголовой ребенок, рядом с древними каменными крестами, простирающими в простор полей свои скорбные объятия.

Возвратись в отель за полчаса до обеда, он бреется, подстригает рыжие усы, надевает смокинг и бальные туфли. За обедом он много пьет. Лицо его багровеет, полнеет, синие глаза наливаются блеском. Потом он идет в курильню, берет газету и тонет в густом пахучем дыму жарко раскаленной сигары...

И так проходит дней десять. А затем он внезапно требует однажды перед обедом счет. Прямой поезд на Париж отходит в пять часов утра из ближайшего прибрежного города. Он заявляет портье, что отправляется туда на парусной лодке, и просит разбудить его в три часа.

До часу он не спит, лежит при огне и пристально смотрит перед собою. Потом, при огне же, крепко засыпает – и вдруг слышит: кто-то стучит, сперва осторожно, точно заговорщик, потом все громче и громче... Он вскакивает и поспешно начинает одеваться, в последний раз оглядывая свой тесный номер с широкой ясеновой кроватью, с яркой и уютной лампой под желтым шелковым колпаком, с зеркальным шкафом, с большим умывальником из палевого мрамора, где свежая вода, налитая в большую фаянсовую чашу, кажется хрустальной. Но вот опять стук в дверь – это уже за вещами. Он поспешно надевает пальто, шляпу, на прощанье оглядывается еще раз...

В слабо освещенном коридоре, устланном толстым ковром, у одной двери стоят две пары больших башмаков, мужских и женских, у другой – пара маленьких, имеющих какое-то особое выражение, возбуждающих восхищение, нежность. Он останавливается, быстро пишет в записной книжке: «Good night!» [50 – «Спокойной ночи» (англ.)], вырывает листок, сует его под дверь и бежит по широкой лестнице вслед за носильщиком, быстро идущим впереди с одним чемоданом на левом плече и с другим в правой руке.

Хрустя в темноте по гравию, они обходят цветник, легким бегом спускаются по белеющей в звездном свете дороге к заливу и направляются к деревне, в гавань. Навстречу тянет сладким ветром летней ночи и моря. Звезд в небе необыкновенно много – крупных, предрассветных, неизвестных. Черной равниной лежит до прозрачного горизонта море, чернеет и медленно клонится, качается лесок мачт в бухте. Волны с ночной неприветливостью плещут в каменные глыбы, наваленные в воде за узкой и длинной полосой мола. Впереди невысоко висят в небе два крупных огня, мутно-синий и сумрачно-красный.

Торчащая в небе мачта лодки, ожидающей в конце пристани, клонится, шатается, ходит по звездам шире всех, то высоко вырастая, то глубоко падая вниз. Носильщик негромко окликает людей, что-то делающих в лодке, шагающих с валкой кормы на нос и с носа на корму. Они кидают в ответ ему что-то односложное. В этот поздний час они кажутся людьми, тайком затевающими что-то недоброе. Уезжающий доверчиво хватая чью-то жесткую руку и прыгает на качающуюся корму. За ним падают его чемоданы. И тотчас же бледное полотнище паруса, вдруг потянувшееся вверх с шумом и трепетом, закрывает звездное небо, лодка ныряет так глубоко, что с головы до ног обдаёт холодными брызгами, затем круто валится набок и быстро несется вперед, остро рубя, рассекая шумно взлетающую и быстро кипящую вдоль бортов воду, широко заворачивая навстречу свежему, тугому ветру, водянисто охлаждающему

<25 ноября. 1927>

ПИНГВИНЫ

Началось с того, что мне стало опять тридцать лет, – я увидел и почувствовал себя именно в этой счастливой поре; я опять был в России того времени и во всем, что было присуще тому времени, и сидел в вагоне, ехал почему-то в Гурзуф... Затем я почувствовал, что меня что-то тревожит. Все, казалось бы, хорошо было, – еду на юг, сижу покойно и свободно, в маленьком отделении первого класса, в курьерском поезде... Но ведь Пушкин давно умер, и в Гурзуфе теперь мертво, пусто, вдруг сказал я себе – и увидел, понял, что не только в Гурзуфе, но и везде страшно мертво и пусто. Какая-то особенно грустная осень, – тут, на юге, была еще осень, – и какой-то удивительно тихий, молчаливый день. Поезд идет быстро и полон, но полон как будто неживыми. И в тех необыкновенно ровных степях, где идет он, тоже так безжизненно, скучно, словно не осталось ни малейшего смысла их существования. Это и наяву бывает: страшно безжизненно, ничтожно кажется иногда все на свете...

– Нет, – подумал я, – что-то неблагополучно. Нужно бросить поезд...

Я вдруг вспомнил, что очень люблю Бахчисарай, – ведь Пушкин жил и в нем когда-то, был в нем даже ханом в пятнадцатом веке, – и решил выйти в Бахчисарае, ехать дальше на лошадях, через горы, и так немедля и сделал. Однако Бахчисарая я как-то не заметил, а в горах было жутко. Глушь, пустыня, и уже вечереет. Все какие-то каменистые теснины и провалы, и все лес, лес, корявый, низкорослый и уже почти совсем голый, засыпанный мелкой желтой листвой: все карагач, подумал я, вкладывая в это слово какое-то таинственное и зловещее значение. И лошади бегут как-то не в меру ровно, и ямщик на облучке так неподвижен и безличен, что я его даже плохо вижу, – только чувствую и опасаюсь, потому что бог его знает, что у него на уме... Одна надежда на ужин в Ялте, подумал я. Спрошу себе отварную кефаль и белого Абрау...

И тотчас я увидел Ялту, ее кладбищенски белеющие среди кипарисов дачи, набережную и зеленоватое море в бухте. Но тут стало уже совсем страшно. Что случилось с Ялтой? Смеркается, темнеет, но почему-то нигде ни одного огня, на набережной ни одного прохожего, всюду опять тишина, молчание... Я сел в пустой и почти темной зале ресторана и стал ждать лакея. Но никто не шел, – все было пусто и удивительно тихо. В глубине залы совсем почернело, а за большим оконным стеклом, возле которого я сел, поднимался ветер, дымились низкие тучи и то и дело пушечными выстрелами бухали в набережную и высоко взвивались в воздух длинными пенистыми хвостами волны... Все это было так странно и страшно, что я сделал усилие воли и вскочил с постели: оказалось, что я заснул, не раздевшись, не потушив свечи, которая почти догорела, темным дрожащим светом озаряя мой номер, и что уже второй час ночи. И я вскочил, ужаснувшись: что же я теперь буду делать? Выпался крепко, а ночи и конца не видно, и за окнами шумит крупный ливень, и я совершенно один во всем мире, где не спит теперь только Давылка! Я поспешно кинулся к Давыдке, в его погребок на виноградной. Ночь была так непроглядна и дождь лил в ее черноте так бурно, что погребок казался единственным живым местом не только во всем Потти, – теперь я был в Потти, – но и на всем кавказском побережье, даже, больше – во всем мире. Но пока я добежал до него по каким-то узким, грязным и глухим переулкам, Давылка уже вышел закрывать ставни на своем убогом окошке, собрался тушить свет и запирать двери.

– Но послушай, сказал я ему, чувствуя страх уже смертельный, – если ты запрешь и потушишь, что же мне тогда делать? Куда деваться? Ведь сюда зимой даже пароходы не заходят!

Однако Давылка только языком пощелкал и неумолимо, с тем спокойным идиотизмом, на который способен лишь кавказец, помотал своей черной стриженной башкой.

– На молу гулять будешь, – сказал он. – Там всю ночь главный маяк гореть будет...

И вот я на каком-то страшном обрыве, горбатом и скалистом, где можно держаться, только прижавшись к необыкновенно высокой и круглой белой башне и упершись

ногами в скалы. Вверху, в дымном от дождя и медленно вращающемся свете, с яростным визгом и криком кружатся и дерутся, как чайки, несметные траурные пингвины. Внизу – тьма, смола, пропасть, где гудит, ревет, тяжело ходит что-то безмерное, бугристое, клубящееся, как какой-то допотопный спрут, резко пахнущее устричной свежестью и порой взрывающееся целыми водопадами брызг и пены... А вверху пингвины, пингвины!

1929

Благосклонное участие

В Москве, – ну, скажем, на Молчановке, – живет «бывшая артистка императорских театров». Одинока, очень немолода, широкоскула, жилиста. Дает уроки пения. И вот что происходит с ней каждый год в декабре.

Однажды в воскресенье, – положим, в очень морозное, солнечное утро, – раздается в ее передней звонок.

– Аннушка! Звонят! – испуганно кричит она из спальни кухарке.

Кухарка бежит отворять – и даже отступает: так блестящи, нарядны гости – две барышни в мехах и белых перчатках и фронт-студент, их сопровождающий, насквозь промерзший в своей легкой шинельке и тонких ботинках.

Гости долго ждут в холодной гостиной, янтарно озаренной сквозь морозные узоры окон, затем слышат быстрые шаги хозяйки и поспешно встают ей навстречу. Она очень взволнованна, – знает, в чем дело, – густо напудрила лицо, надушила крупные, костлявые руки...

– Ради бога, простите, господа, я, кажется, заставила вас ждать, – с очаровательной улыбкой и самой светской непринужденностью говорит она, быстро входя и с трудом преодолевая сердцебиение.

– Это вы нас простите за беспокойство, – с отменной почтительностью перебивает ее студент, кланяясь и целуя ее руку. – Являемся к вам с усердной и покорнейшей просьбой. Комитет по устройству традиционного литературно-вокально-музыкального вечера в пользу недостаточных воспитанников пятой московской гимназии возложил на нас честь ходатайствовать перед вами о вашем благосклонном участии в этом вечере, имеющем быть на третий день рождественских праздников.

– Господа, если можно, увольте! – очаровательно начинает она. – Дело в том...

Но барышни нападают на нее так дружно, горячо и лестно, что она не успевает сделать даже этой слабой попытки отказаться, уклониться...

После того проходит целых три недели.

И целых три недели Москва работает, торгует, веселится, но, среди всех своих разнообразных дел, интересов и развлечений, втайне живет только одним – ожиданием знаменательного вечера двадцать седьмого декабря. Великое множество афиш всех цветов и размеров пестрит на всех ее улицах и перекрестках: «На дне», «Синяя птица», «Три сестры», Шаляпин в «Русалке», Собинов в «Снегурочке», Шор, Крейн и Эрлих, опера Зимина, вечер Игоря Северянина... Но теперь всякому бьет в глаза только та маленькая афиша, на которой крупно напечатаны имя, отчество и фамилия благосклонной участницы литературно-вокально-музыкального вечера в пользу недостаточных учеников пятой московской гимназии. А сама участница безвыходно сидит в это время дома и работает не покладая рук, дабы не обмануть ожиданий Москвы, – без конца выбирает, что петь, с утра до вечера пробует голос, разуучивает то то, то другое... Дни идут теперь необыкновенно быстро, и эта быстрота уже приводит ее в ужас: и оглянуться не успеешь, как настанет это страшное двадцать седьмое декабря!

Она прекратила давать уроки, никого не принимает и сама не выходит из дому, боясь схватить бронхит, насморк. С чем именно выступать? Публика и не подозревает, как трудно решение этого вопроса даже для опытного артиста! Какое нужно проявить тут чутье, сколько вкуса, такта, опыта! После долгих и

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
мучительных сомнений, колебаний дело, однако, кончается тем, что она останавливается на своем старом, неизменном репертуаре, – снова проходит три вещи: одну французскую, нежную и грустную, чарующую, как колыбельная песня, где, впрочем, скрыта огромная страсть, сила и боль любящей женской души, безумно жаждущей счастья и жертвенно от этого счастья отрекающейся; другую – полную блеска колоратуры и русской удали; и затем – свою коронную: «Я б тебя поцеловала, да боюсь, увидит месяц», которой, как всегда, можно блеснуть особенно, дать се «с огоньком», игриво, молодо и оборвать на таком отчаянно-высоком и ликующем звуке, чтобы весь зал дрогнул от рукоплесканий. Кроме того, она готовит двенадцать вещей на «бис»... Дни мелькают, мелькают, и в душе у нее уже растет такое чувство, точно близится час ее казни. Однако она работает, работает. И вот настает наконец этот последний роковой день!

Утром двадцать седьмого декабря все силы ее доведены до предельного напряжения. Утром еще одна репетиция, но уже последняя, генеральная. Она поет уже как бы на эстраде: полным голосом, со всей выразительностью художественности, проходит с аккомпаниатором всю свою программу – и чувствует: работа не пропала даром! Но кто все-таки знает, что ждет ее вечером? Триумф или гибель? Лицо ее пылает, руки как лед... После репетиции она идет в свою спальню, раздевается и ложится в постель. Аннушка приносит ей нечто совершенно необычное – зернистой икры, холодного цыпленка и портвейну: так, в день выступления, завтракают все большие артисты. Покушав, она велит задернуть шторы, уйти и хранить в доме полнейшую тишину, а сама закрывает глаза и, в темноте, без единого движения, лежит, стараясь ни о чем не думать, ничем не волноваться, час, другой, третий – вплоть до шести часов вечера. В шесть вскакивает: резкий звонок в передней – парикмахер!

С бьющимся сердцем, с пылающими ушами и скулами, накапывает она себе ледяной рукой целых сорок капель эфирно-валерьяновой микстуры и, в халатике, с распущенными волосами, как дева, которую пришли убирать, готовить на заклятие, садится перед зеркалом. Парикмахер входит, предварительно согрехи руки над плитой в кухне, и говорит ободрающе:

– Чудная погода! Изрядный морозец, но чудно!

Он работает изысканно и медленно, чувствуя и себя участником предстоящего события, вполне понимая и разделяя ее артистическое волнение, будучи и сам натурой артистической. Он своими небрежно-легкими разговорами, шутками и вообще всей своей опытностью в таких делах, равно и твердой верой в ее предстоящий успех, мало-помалу успокаивает се, возвращает ей силы, мужество, надежды... Но когда он кончает свое дело и, осмотрев его со всех сторон, убеждается, что лучше уже ничего нельзя сделать из этой великолепной завивки и прически, уходит, а часы в столовой медленно бьют семь, у нее опять начинает замирать сердце: в восемь с половиной за ней явятся!

Затем бьют восемь, а она все еще не готова. Она опять пила капли, – на этот раз гофманские, – она надевает свое лучшее белье, румянится, пудрится... В восемь же с половиной раздается новый звонок, который поражает ее как громом: приехали! Аннушка тяжело бежит в переднюю, от волнения, – она тоже сама не своя, – не может сразу открыть дверь...

Они – на этот раз два студента – приехали в огромной старозаветной наемной карете, запряженной двумя исполинскими клячами. Они тоже франты и тоже без калош, и ноги у них тоже окаменели с морозу. В гостиной, как всегда, холод и скучно горят пахнущие керосином лампы. Они терпеливо сидят в одних мундирах, блестя зеркальными головами, благоухая фиксатуаром и бриллиантином, с большими бантами из белого атласа на груди, точно шафера. Они сидят молча, ждут вежливо и стойко, смотрят на запертые со всех сторон двери, на мерзлые стекла, мерцающие синими и красными огоньками, на рояль, на портреты великих певцов и певиц по стенам, слушают глухой звон и гул трамваев за окнами, тревожные шаги Аннушки и самой артистки за дверями... И так проходит четверть часа, полчаса, сорок минут... как вдруг одна из дверей неожиданно распахивается. Они, как по команде, вскакивают с мест, а артистка быстро, с очаровательно-беспечной улыбкой, идет к ним навстречу:

– Ради бога, простите, господа, я, кажется, заставила вас ждать... Что, разве уже пора? Ну, что же, едем, если угодно, я готова...

На скулах ее даже сквозь румяны и пудру горят багровые пятна, изо рта пахнет ландышевыми каплями, от рук кремом, от воздушного платья из дымчатого газа духами. Она похожа на Смерть, собравшуюся на бал. На ее сложную и высокую прическу, на завитые и взбитые со всех сторон серые волосы накинута что-то черно-кружевное, испанское, на голые плечи с огромными ключицами – шубка из белой кудрявой козы... И студенты со всех ног кидаются за ней в прихожую. Тот, что худее и выше, хватает ее ботинки и, быстро став на одно колено, ловко надевает их на ее черные атласные туфельки с алмазными пряжками и слышит, как пахнет мышами из-под ее подмышек, когда она наклоняется, чтобы помочь ему, а вместе с тем и скромно одернуть подол на белые круженные зубчики панталон...

Она пела и про тучу, которая с громом повстречалась, и про какое-то убежище, – «в убежище сюда направил нас господь», – и с особенным блеском «я б тебя поцеловала...». Критикан-старичок, сидевший в первом ряду, едко при этом захихикал, закрутил головой – весьма недвусмысленно: покорно, мол, благодарю, пожалуйста, не целуй... И все-таки остался в дураках: успех артистка имела колоссальный, ее без конца выпивали и заставили бисировать – особенно чуткая молодежь, стоявшая в проходах, кричавшая даже грозно и бившая в сложенные ковшиком ладони с страшной гулкостью.

1929

Ландо

У смерти все свое, особое.

Возле ворот дачи стоит огромное старое ландо, пара черных больших лошадей: приехал из города хозяин дачи. Что-то необычное, чрезмерное в этом ландо и в этих лошадях. Почему? Оказывается, что лошадей и ландо дал хозяину дачи его приятель, содержатель бюро похоронных процессий. Кучер, сидевший на козлах, сказал:

– Это ландо из погребательной конторы.

И, в довершение всего, черная борода кучера имеет цвет сухой ваксы: крашенная.

1930

Убийца

Дом с мезонином в Замоскворечье. Деревянный. Чистые стекла, окрашен хорошей синеватой краской. Перед ним толпа и большой автомобиль, казенный. В растворенные двери подъезда виден на лестнице вверх коврик, серый, с красной дорожкой. И все толпа смотрит туда с восхищением, слышен певучий голос:

– Да, милые, убила! Вдова молодая, богатого купеческого роду... Любила его, говорят, до страсти. А он только на ее достаток льстился, гулял с кем попало. Вот она и пригласила его к себе на прощанье, угощала, вином поила, все повторяла: «Дай мне на тебя наглядеться!» А потом и всадила ему, хмельному, нож в душу...

Открылось окно в мезонине, чья-то рука в белой перчатке дала знак автомобилю. Машина зашумела, народ раздался. И вот она показалась – сперва стройные ноги, потом полы собольей накидки, а потом и вся, во всем своем наряде – плавно, точно к венцу, в церковь, стала спускаться вниз по ступенькам. Бела и дородна, черные глаза и черные брови, голова открыта, причесана гладко, с прямым пробором, в ушах качаются, блещут длинные серьги. Лицо спокойно, ясно, на губах ласковая улыбка – ко всему народу... Вошла в машину, села, за ней вошли власти, человек в ловкой шинели строго и недовольно глянул на любопытных; хлопнула дверца, машина сразу взяла с места...

И все, глядя вслед, с восхищением:

– И-их, покатили, помчали!

1930

Обреченный дом

Один из тех зимних мокрых дней, ледяных и темных, когда кажется, что нет на свете города отвратительнее Москвы. И уже вечереет. Иду вверх по Большой Никитской и вижу: впереди, возле старого двухэтажного дома, кучками чернеет на тротуаре и на мостовой народ. Что такое? Издали заметно что-то особенное в том, как эти люди глядят на дом, подходят к витрине часового магазина в его нижнем этаже и о чем-то переговариваются, не обращая внимания на капли с крыши и снежные лужи под ногами. Ускоряю шаги и спрашиваю, что случилось? Оказывается, попадаю на убийство: часовщика, одиноко жившего тут над своим магазином, нашли нынче мертвым – лежит на полу с проломленной головой, весь подплыл кровью... Кто убил – никто не знает: будто бы какой-то большой черный мужчина, часов в семь утра пробежавший тут с топором в руке. Зачем и почему – тоже неизвестно: из вещей у часовщика ничего не взято, а денег у него, говорят, не было... С изумлением осматриваю этот давно знакомый мне дом: как же это никогда до сих пор не приходило мне в голову, что в таком доме непременно должно совершиться убийство? Эти линючие стены, эта ржавая вывеска над витриной, это мрачное и загадочное выражение черных окон вверху... Подхожу и себе к витрине: внутри темного магазина видны старинные часы, узкие, высокие, красного дерева, бронзовый маятник которых (в виде двух обнявшихся влюбленных) медленно поблескивает, тихо и мерно ходит из стороны в сторону... Потом смотрю на запертую на замок дверь магазина, под которую натекла с тротуара свинцовая вода, и вспоминаю то, что не раз видел утром, проходя мимо: как этот часовщик, пожилой, невзрачный человек в шубке с вытертым бровным воротником, отворял свой магазин, и на него тоже капало с крыши и с вывески...

Сумерки, лужи, грязные сугробы, впереди, вдоль пустой улицы, могильно горят редкие фонари...

1930

Идол

Как всегда зимой, в московском Зоологическом саду было и в ту зиму людно, оживленно: на катке с трех часов играла музыка и туда шло и там толпилось и каталось множество народу. А по дороге на каток все на минуту приостанавливались и любопытно глядели на то, что представлялось их глазам в одном из загонов возле дороги: все прочие загоны, равно как и всякие искусственные гроты, хижины и павильоны, раскинутые на снежных лугах сада, были пусты и, как все пустое, печальны – все странные звери и птицы, населявшие сад, зимовали в теплых помещениях, но этот загон не пустовал, и было в нем нечто еще более необыкновенное, чем всякие пеликаны, газели, утконосы: там стоял эскимосский чум, похаживал и порой бил в снег копытом тонкой ноги, что-то искал под ним большой, бородатый буланый олень, гладкозадый и куцый, коронованный высокими и тяжкими лопастями серых рогов, – зверь мощный и весь какой-то твердый, жесткий, как все северное, полярное, – а возле чума, прямо на снегу, поджав под себя короткие скрещенные ноги в пегих меховых чулках, торчал раскрытой головой из каляного мешка оленьей шкуры не то какой-то живой идол, не то просто женоподобный, безбородый дикий мужик, у которого почти не было шеи, плоский череп которого поражал своей крепостью и густотой крупных и прямых смоляных волос, а медно-желтое лицо, широкоскулое и узкоглазое, своей нечеловеческой тупостью, хотя как будто и смешанной с грустью; и занимался этот идол только тем, что с трех часов до позднего вечера сидел себе на снегу, не обращая внимания на толпящийся перед ним народ, и от времени до времени давал представление: меж его колен стояли две деревянные миски, – одна с кусками сырой конины, а другая с черной кровью, – и вот он брал кусок конины своей короткой ручкой, макал ее в кровь и совал в свой рыбий рот, глотал и облизывал пальцы, всему прочему совсем не соответственные: небольшие, тонкие и даже красивые...

В эту зиму, в числе прочих, ходивших на каток в московском Зоологическом саду и мимоходом смотревших на такую удивительную разновидность человека, были жених и

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
невеста, студент и курсистка. И так на весь век и запомнились им те счастливые дни: снежно, морозно, деревья в Зоологическом саду кудряво обросли инеем, точно серыми кораллами, с катка долетают такты вальсов, а он сидит и все сует себе в рот куски мокрого и черного от крови мяса, и ничего не выражают его темные узкие глазки, его плоский желтый лик.

1930

Слон

Худенькая, живоглазая девочка, похожая на лисенка, необыкновенно милая от голубой ленточки, бантом которой схвачены на темени ее белобрысые волосики, во все глаза смотрит в зверинце на покатую шершавую громаду слона, тупо и величаво обращенную к ней большой, широколобой головой, лопухами облезлых ушей, голо торчащими клыками и толстой, горбатой трубой низко висящего хобота с черно-резиновой воронкой на конце. Тонким голоском:

– Мама, отчего у него ноги распухли?

Мама смеется. Но смеется и сам слон. Склоняя широколобую голову, смотрит и он на девочку, и в его свинных глазках явно блещет что-то хитрое и веселое. Он от удовольствия весь раскачивается, начинает волновать хобот – и вдруг, в трогательной беспомощности, в невозможности иначе выразить свои чувства и мысли, крутым изгибом взвывает его кверху, показывая его исподнюю влажно-телесную мякоть, рога обнаженных клыков и нелепо-маленький рот между ними, с мучительным наслаждением катит из своих страшных недр глухой гром, рокот, потом мощно и радостно-глупо трубит, сотрясая весь зверинец.

А за обедом прибавили цветную капусту и были гости, – полнеющая, но еще моложавая и красивая дама с черноглазым мальчиком, очень молчаливым и внимательным.

И мама рассказала о слоне и о том, как спросила девочка о его ногах. И девочка поняла, что она сказала смешно и что ею восхищаются, и стала изгибаться, вертеть головкой, неожиданно и не в меру звонко захохотала.

– Прелестный ребенок! – задумчиво сказала дама, без стеснения глядя на нее.

И она заболтала ногами и капризно повторила:

– Нет, мама, правда: отчего у него ноги распухли?

Но мама улыбнулась уже нарочно и заговорила с дамой о чем-то другом, совсем неинтересном. И тогда, искоса поглядывая на мальчика, девочка ерзула со стула, подбежала к буфету и, чтобы опять обратить на себя внимание, стала пить воду прямо из горлышка графина, задыхаясь, булькая и обливая себе подбородок. А когда совсем облилась и захлебнулось, бросила и заплакала.

1930

Телячья головка

Мальчик лет пяти, веснушчатый, в матроске, тихо, как замороженный, стоит в мясной лавке: папа пошел служить на почту, мама на рынок и взяла его с собой.

– У нас нынче будет телячья головка с петрушкой, – сказала она, и ему представилось что-то маленькое, хорошенькое, красиво осыпанное яркой зеленью.

И вот он стоит и смотрит, со всех сторон окруженный чем-то громадным, красным, до полу висящим с железных ржавых крючьев короткими, обрубленными ногами и до потолка возвышающимся безголовыми шеями. Все эти громады спереди зияют длинными пустыми животами в жемчужных слитках жира, а с плечей и бедер блещут тонкой пленкой подсохшего тучного мяса. Но он в оцепененье смотрит только на головку, которая оказалась лежащей прямо перед ним, на мраморной стойке. Мама тоже

смотрит и горячо спорит с хозяином лавки, тоже огромным и тучным, в грубом белом переднике, гадко испачканном на животе точно ржавчиной, низко подпоясанным широким ремнем с висящими толстыми салыными ножами. Мама спорит именно о ней, о головке, и хозяин что-то сердито кричит и тычет в головку мягким пальцем. О ней спорят, она же лежит неподвижно, безучастно. Бычий лоб ее ровен, спокоен, мутно-голубые глаза полузакрыты, крупные ресницы сонны, а ноздри и губы так раздуты, что вид имеют наглый, недовольный... И вся она гола, серо-телесна и упруга, как резина...

Затем хозяин одним страшным ударом топора раскроил ее на две половины и одну половину, с одним ухом, одним глазом и одной толстой ноздрей швырнул в сторону мамы на хлопчатую бумагу.

1930

Роман горбуна

Горбун получил анонимное любовное письмо, приглашение на свидание:

«Будьте в субботу пятого апреля, в семь часов вечера, в сквере на Соборной площади. Я молода, богата, свободна и – к чему скрывать! – давно знаю, давно люблю вас, гордый и печальный взор, ваш благородный, умный лоб, ваше одиночество... Я хочу надеяться, что и Вы найдете, быть может, во мне душу, родную Вам... Мои приметы: серый английский костюм, в левой руке шелковый лиловый зонтик, в правой – букетик фиалок...»

Как он был потрясен, как ждал субботы: первое любовное письмо за всю жизнь! В субботу он сходил к парикмахеру, купил (сиреневые) перчатки, новый (серый с красной искрой, под цвет костюму) галстук; дома, наряжаясь перед зеркалом, без конца перевязывал этот галстук своими длинными, тонкими пальцами, холодными и дрожащими: на щеках его, под тонкой кожей, разлился красивый, пятнистый румянец, прекрасные глаза потемнели... Потом, нарядженный, он сел в кресло, – как гость, как чужой в своей собственной квартире, – и стал ждать рокового часа. Наконец в столовой важно, грозно пробило шесть с половиной. Он содрогнулся, поднялся, сдержанно, не спеша надел в прихожей весеннюю шляпу, взял трость и медленно вышел. Но на улице уже не мог владеть собой – зашагал своими длинными и тонкими ногами быстрее, со всей вызывающей важностью, присущей горбу, но объятый тем блаженным страхом, с которым всегда предвкушаем мы счастье. Когда же быстро вошел в сквер возле собора, вдруг оцепенел на месте: навстречу ему, в розовом свете весенней зари, важными и длинными шагами шла в сером костюме и хорошенькой шляпке, похожей на мужскую, с зонтиком в левой руке и с фиалками в правой, – горбунья.

Беспощаден кто-то к человеку!

1930

Молодость

Студент был с большим, ровным носом, весь как будто деревянный, прямоугольный, высокий, носил длинный широкоплечий сюртук темно-зеленого сукна, узкие (совсем военные) панталоны со штрипками, щегольские николаевские ботинки. Студент был постоянным гостем, своим человеком во многих богатых гостиных, – всегда оживленный, готовый на любезность, на услугу, тело держащий в постоянном наклоне вперед, сияющий гладким пробором. Студент появлялся на первых представлениях, в театрах, а после них у Кюба, на «ты» сошелся – и так незаметно, просто – кое с кем из золотой молодежи, бывающей там...

Но вот приехал в Петербург его земляк, товарищ по пензенской гимназии, стал искать его с настойчивостью провинциала: и оказалось, во-первых, что живет студент бог знает где, по Шлиссельбургскому шоссе. Добравшись туда, земляк вошел в глубочайший двор громадных кирпичных корпусов, темно глядевших несметным числом голых окон, мелких квартир. Он долго ходил, ища дворника, долго добивался на пороге полуподземной дворницкой, где тут студент такой-то; и оказалось,

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
во-вторых, что надо было спрашивать квартиру не студента, а вдовы такой-то, его матери, что студент живет при ней, ровно как и его сестра, муж которой сидит в сумасшедшем доме.

После этого товарищ нашел наконец подъезд номер девять, вернее, просто черный ход, и без конца поднимался на седьмой этаж по крутой и темной лестнице, на одной площадке которой неподвижно сидели против черной кошки два серых кота: кошка была точно в нарядном трауре, с белыми лапками и пушистой белой грудкой, была чиста, сыта, ежилась уютно и спокойно, жмурилась небрежно, сонно, коты же были тощи, шершавы, сидели напряженно, подняв плечи, не сводя с нее узких, злых глаз, и было видно, что сидят они и кошка уже очень давно и могут просидеть еще хоть сутки. А на седьмом этаже не сразу отворили, – после звонка, как это часто бывает в подобных квартирах, послышался за дверь женский испуганный голос: «Мамаша, звонят!» – и кто-то куда-то пробежал, чем-то прошлепал. Когда же отворили, гость очутился в крохотной прихожей, перед пожилой женщиной, которая, при всей своей наружной кротости, стала, однако, так, точно была готова на все, лишь бы не дать гостю шагнуть дальше. Это была женщина уже седеющая и вся какая-то мягкая.

– Что вам угодно-с? – спросила она вежливо, но стойко.

И гость забормотал:

– Простите, здесь живет студент такой-то?

– Здесь. А позвольте спросить, вы к нему по какому делу?

– Я, видите ли, его земляк, товарищ по гимназии...

– Но, простите, я вас что-то не помню. Я знала всех товарищей Вити, а вот вас...

И тогда ребенок, который стоял, прятался за ее юбкой, закрывая лицо решеткой пальцев, и сквозь пальцы пристально следил за гостем, вдруг кисло, нехотя и с отвращением заплакал, продолжая, однако, следить за ним...

А дальше оказалось, что живет студент в комнате удивительно узкой и длинной, притом такой холодной, что даже по воздуху в ней видно было, как она холодна. Между двойными рамами ее единственного окна лежал толстый вал дымчатой, дешевой ваты, но это тепла не прибавляло. Зато порядок царил во всем редкий: на полу ни пушинки, железная койка покрыта серым жестким одеялом без единой складки, лекции и книги – между ними французский самоучитель Туссэна – лежат на столике с полнейшим соблюдением симметрии, заветный широкоплечий сюртук, распяленный на деревянной распорке, висит на стене за чистой простыней, николаевские ботинки блещут под ним на колодках...

И был студент дома вовсе не такой, как в свете, в гостиных: приветлив, но сух, серьезно-грустен. И все поглядывал куда-то в свое холодное окно. За окном же, с семиэтажной высоты, было далеко видно: плоско болели бесконечные снежные пустыни, – нечто столь скучное, ненужное, что возможно только возле Петербурга.

1930

Красные фонари

Вечер наступал теплый, душистый. В церквах звонили ко всенощной, по старому деревянному мосту через пересохшую речку, гудя и стуча, катились извозчики – на вокзал, к вечернему поезду. Гимназист-второклассник, не доходя до моста, повернул и пошел вдоль домов по узкой и ухабистой набережной. Дома эти были совсем особенные, необыкновенные, жутко волнующие: над их крыльцами висели большие красные фонари, а гимназист уже знал, что это значит. Оставаясь против одного из них, возле деревянных перил над обрывом к речке, он стал делать вид, что балуется, шалит от нечего делать: то влезал на перила, то слезал с них, а сам все смотрел на дом и слушал.

Ах, как все было интересно!

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
Внизу, в полуподвальном этаже, сидел у раскрытого окошечка рыжеусый унтер, видный только до пояса, без мундира, в одной пестренькой ситцевой рубахе. Он тачал сапог, вдевал и раздергивал драгту и громко говорил:

– Ты чего пируешь, нахальничаешь? Ты чего, как у меня гости, лезешь не в свою компанию, невежа?

И кто-то острым, противным голосом отвечал ему из глубины комнаты:

– Бреешь! Опять бреешь! Я не выходила, я за шкапом чай пила!

А на крыльце дома стоял стол, уставленный темными пивными бутылками, а за столом сидели: дюжий, бородатый мужчина в жилетке и девка в красном размахае. Она, поставив очаровательные оголенные руки на стол, быстро что-то говорила и задирчиво смеялась. И вдруг мужчина, до сих пор сумрачно и тяжело молчавший, вскочил с места и, валя бутылки, схватил девку за косу. И другая девка, в шелковом лимонной косоворотке, сидевшая и грызшая подсолнухи под окном возле крыльца, с криком появилась на пороге и кинулась бить мужчину кулаками в голову, потом схватила его за густые бурые волосы и потащила через стол. Тот вырвался, упал задом на стул и, высоко поднимая руки, сказал неожиданно-спокойным голосом:

– Ну, ну, будет, будет! За все заплачу...

А третья девка, широколицая, курносая, в голубом капоте, ходила, прелестно волнуя этот капот, взад и вперед по тротуару и что-то задумчиво, томно напевала. Перед ней бегала маленькая лохматая собачка. И приказчик, проходивший навстречу девке и очарованный ее капотом и голыми ногами в легких туфельках, вздумал пошутить, игриво спросил ее:

– А нельзя ли вас с этой собачкой в участок забрать за такие прогулки?

Но девка гордо прошла мимо и отрезала, раздувая ноздри:

– Кабы тебе самого не забрали, дурака такого!

1930

Грибок

Сквозь утренний морозный туман и утренние дымы города – розово-янтарное солнце, мягко, весело, уютно озаряющее номер «Северной гостиницы». Внизу, за окнами, огромная людная площадь, весь серый от инея плечистый, коренастый царь-мужик на своем упрямом и могучем свиноподобном коньке, возбуждающие звонки, гул и скрежет трамваев, все время кругами обходящих его... Хорош Петербург! Приезжий только что из Москвы, отлично выпался в теплом купе, за которым всю ночь густо шли черно-зеленые, в белом сахаре, еловые леса, и впереди у него целый день суеты и наслаждений: солнце, мороз, резвый лихач, сизые ущелья великолепных проспектов и улиц, одно интересное свиданье, другое, еще более интересное, потом завтрак с одним приятелем и обед с другим... Приезжий раскрыл чемодан, разбросал что куда попало – на постель, на кресла, на бархатную скатерть круглого стола перед диваном, поспешно бреется, моется, переодевается... Сейчас коридорный принесет до теплоты расчищенные ботинки, а лакей во фраке – горячий кофе и горячий калач, он же сам уже будет к тому времени весь уже чистотой, нарядностью, моложавостью – белоснежной рубахой, мраморными воротничками, шелковым красивым галстуком, шелковыми черными подтяжками, яркими глазами, нежностью и свежестью припудренных щек, мокрым блестящим прибором... Вдруг осторожный стук в дверь.

– Кто там? Стук громче.

– Кто это? Войдите!

И дверь тихонько отворяется, и в комнату несмело заглядывают лисьи глазки небольшого лысого человечка:

– Виноват, вы господин такой-то?

– Позвольте рекомендоваться: делопроизводитель такого-то учреждения, из Твери. Находясь по личным надобностям в Петербурге, проживаю рядом с этой гостиницей, в номерах таких-то. Вышел купить кое-чего к утреннему чаю и проходил у вашего подъезда как раз в ту минуту, когда вы входили в него прямо с вокзала. Лицо показалось знакомым, – у вас большое сходство с вашим братцем, живущим в Твери, да вы и сами бываете у нас от времени до времени, – спросил у вашего швейцара ваше имя, отчество и фамилию и убедился, что не ошибся. Счел, как земляк, долгом представиться и, пользуясь счастливым случаем, повидаться, побеседовать – между прочим, и кое о чем, вас лично касающемся и вам еще, может быть, неизвестном, а меж тем весьма значительном... Разрешите войти на минутку?

– Простите, я очень спешу. Очень рад, но... И в чем, собственно, дело?

– Прекрасно, прекрасно, навещу вас, если позволите, вечером или завтра утречком...

– К сожалению, я вернусь нынче очень поздно...

– Ну, тогда завтра. Во всяком случае, надеюсь, еще увидимся, – я пробуду здесь еще с недельку. А что до дела, то позвольте пока, до более подробного разговора, изложить его вкратце. Я счел долгом немедленно предупредить вас о нем, собственно, по той причине, что заключается оно вот в каких печальных обстоятельствах: дом, купленный, как вам известно, не так давно вашим братцем в Твери на такой-то улице, неминуемо обречен на гибель: в нем грибок. Вашего брата злостно обманули. Дом новый, прекрасный, продан за бесценок, но именно потому-то и продан так: в нем грибок, от которого, как вам опять-таки должно быть известно, нет совершенно никакой защиты. Конечно, братец ваш мог бы поторопиться перепродать его. Но несчастье углубляется тем, что теперь уже весь город знает, что в нем грибок. Так что теперь его даже и за грош никто не возьмет.

– Очень благодарю вас за внимание. Но простите – стоило ли вам спешить с такой печальной вестью! Да и зачем, раз дело, как вы говорите, совершенно безнадежно?

– Увы, не скрою: вполне безнадежно.

– Ну и бог с ним совсем! Какой грибок, что за грибок?

– А вот я вам сейчас расскажу.

– Но повторяю – я очень спешу.

– Не беспокойтесь, я в двух словах. Изволите ли видеть: всякое жилище, построенное из сырого леса, который заражен так называемым «домовым грибком», то есть известного рода червяком-вредителем, неминуемо превращается в течение некоторого (и часто даже очень короткого) времени в труху, в прах. Вредитель этот, размножаясь и распространяясь с поразительной быстротой в том древесном материале, который стал его, так сказать, случайным пристанищем, буквально пожирает строенье. Для примера приведу вам случай, недавно опубликованный в газетах и имевший место в Челябинске: там в один год погибло ни более ни менее, как целых тридцать домов, – цифра поистине ужасная! В один год они были заражены и разрушены сверху донизу! Если же принять во внимание, что дом вашего брата...

Кончается все это тем, что приезжий убивает делопроизводителя из Твери кувшином с умывальника и отдается в руки правосудия.

1930

Ущелье

Лесистое ущелье, предвечернее время.

Зеленой кудрявой смушкой, зеленым каракулем кажется издали густой лес, покрывающий горные скаты против аула. В лесу кто-то жжет костер, голубой дымок

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
далеко тянется над зеленой смужкой, и его пряный запах мешается с миндальной
свежестью леса.

Синее небо над горами бездонно и ясно, – лишь впереди, где ущелье сомкнулось,
отвесно стоит в лазури витое из белоснежных клубов облако.

А там, в ауле, непрерывно звучит, восторженно плачет, переливно зовет и вопит
роговая дудка: звук горловой, дикий, чарующий и страшный, слушая который,
думаешь о горных козлах, о весенней, грозной поре их страсти.

Это танцуют на крыше сакли подростки-татары; один стоит, надул губы, выпучил
белки – играет на дудке, два других, пристально глядя в глаза друг другу,
положив руки друг другу на плечи, подскакивают козлами, крепко топают на одном и
том же месте.

Куда, в какую райскую пропасть устремлен их напряженный, радостный,
остановившийся взгляд?

На соседней сакле сидит на корточках, вся сжалась и не спускает с них глаз
девочка-подросток. Она худенькая, но уже длинная; она еще в одной рубаше, черная
головка ее еще раскрыта; но глаза уже дивны и жутки, как у архангела...

Какое душу раздирающее блаженство в дудочных переливах и воплях!

1930

Первая любовь

Лето, именье в лесном западном краю.

Весь день проливной свежий дождь, его сплошной шум по тесовой крыше. В притихшем
доме сумрак, скучно, на потолке спят мухи. В саду покорно никнут под водяной
бегущей сетью мокрые деревья, красные цветники у балкона необыкновенно яркие. Над
садом, в дымном небе, тревожно торчит аист: почерневший, похудевший, с
подогнутым хвостом и обвислой косицей, стал на краю своего гнезда в верхушке
столетней березы, в развилине ее голых белых сучьев, и порой, негодуя, волнуясь,
подпрыгивая, крепко, деревянно стучит клювом: что же это такое, потоп, настоящий
потоп!

Но вот, часа в четыре, дождь светлен, реже. Ставят самовар в сенцах –
бальзамический запах дыма стелется по всей усадьбе.

А к закату совсем чисто, тишина, успокоенье. Господа и те, что гостят у них,
идут в бор на прогулку.

Уже синееет вечер.

В просеках бора, устланных желтой хвоей, дороги влажны и упруги. Бор душист, сыр
и гулок: чей-то дальний голос, чей-то протяжный зов или отклик дивно отдается в
самых дальних чащах. Просеки кажутся узки, пролеты их стройны, бесконечны,
уводят своей вечерней далью. Бор вдоль них величаво-громиден, стоит темно,
тесно; мачты его в верхушках голы, гладки, красны; ниже они серы, корявы,
мшисты, сливаются друг с другом: там мхи, лишай, сучья и гнили и еще в чем-то,
что висит подобно зеленоватым космам сказочных лесных чудовищ, образуют дебри,
некую дикую русскую древность. А пока выходишь на поляну, радуется юная сосновая
поросль: она прелестного бледного тона, зелени нежной, болотной, легка, но
крепка и ветвиста; вся еще в брызгах и мелкой водяной пыли, она сует как бы под
серебристой кисеей в блестящих...

В тот вечер бежали впереди гулявших маленький кадетик и большая добрая собака, –
всё время играя, обгоняя друг друга. А с гулявшими степенно, грациозно шла
девочка-подросток с длинными руками и ногами, в клетчатом легком пальтишке,
почему-то очень милом. И все усмехались – знали, отчего так бежит, так неустанно
играет и притворно веселится кадетик, готовый отчаянно заплакать. Девочка тоже
знала и была горда, довольна. Но глядела небрежно и брезгливо.

Небо над стеной

В солнечное зимнее утро уезжаю из Рима.

Хмельной, возбужденный старик, везущий меня на вокзал, в одном пиджаке и каскетке сидящий на высоких козлах, дергает локтями, гонит свою узкую клячу по тесной длинной улице, в тени и свежей сырости. Но вот улица круто поворачивает вправо, обрывается спуском на просторную площадь, на слепящее теплое солнце. Кляча с разбегу садится на задние ноги, старик, упав на бок, быстро крутит тормоз. Колеса скребут и ноют, копыта крепко цокают по камню. Впереди, в этом блеске, еще зыбком, влажном, густо дымится водяной пылью, валит в разные стороны серыми клубами огромный фонтан. А слева, рядом с нами, идет какая-то древняя руина, тянется дикая, как крепость, радостно озаренная солнцем стена, над обрезом которой ярко и густо синее небо. И старик, тормозя, косит глаза кверху, в дивное лоно его райских красок, и кричит, восклицает:

– Мадонна! Мадонна!

1930

Свидание

На престольный праздник барчук верхом поехал на деревню.

Девка, в которую он был тогда так романтически влюблен, вышла на крыльцо наряженная, радостно улыбнулась:

– Здравствуйте. Что ж давно не были? Вы вон когда еще были: тогда у нас сучка щенилась, а теперь уж щенята здоровые выросли...

1930

Петухи

На охотничьем ночлеге, с папиросой на пороге избы, после ужина. Тихо, темно, на деревне поют петухи. Выглянула из окошечка сидевшая под ним, в темной избе, хозяйка, послушала, помолчала. Потом негромко, подавляя приятный зевок:

– Что ж это вы, барин, не спите? Ишь уж не рано, петухи опевают ночь...

1930

Муравский шлях

Летний вечер, ямщицкая тройка, бесконечный, пустынный большак... Много пустынных дорог и полей на Руси, но такого безлюдья, такой тишины поискать. И ямщик мне сказал:

– Это, господин, Муравский шлях называется. Тут на нас в старину несметные татары шли. Шли, как муравьи, день и ночь, день и ночь и все не могли пройти...

Я спросил:

– А давно?

– И не запомнит никто, – ответил он. – Большие тысячи лет!

1930

Распятие

Свежее майское утро, двор старой уездной церкви.

Уже ревет и гудит вверху, медью верещит в ушах большой колокол.

Сходятся во двор старухи, нищие, длинноволосые, увешанные мешками и жестяными чайниками странники с посошками в руках, на ходу с привычным притворством гнущиеся.

Во дворе еще тень.

Старухи, подходя, садятся в сторонке, на молодой траве, подстилая под себя, скромно подвертывая юбки и прямо вытягивая ноги.

Нищие опускаются на холодные каменные плиты возле паперти.

А странники идут на солнце, за церковь, где над старой могилой стоит на чугунном кубе позеленевшее чугунное Распятие.

На кресте никнет в колючем терновом венце голова Христа.

На кубе – череп и две кости, два скрещенных мослака.

И странники крестятся, кланяются, потом опускаются на колени, глядя вверх, в васильковое утреннее небо.

И солнце ярко и празднично освещает средневековую худобу Христа, его впалый живот и длинные, вытянутые к небу руки, греет серые волосы странников, их спины в заплатках, веревки, мешки, жестяные чайники и кружки.

1930

Марья

В избе, после сытного, праздничного обеда.

Работники в сапогах, в чистых рубахах, подстрижены, с красными, бритыми сзади шеями.

Рычат, ловко вторят две гармошки:

Раздайся, народ:
Трепаком идет Федот!

Илюшка и Наташка ходят друг перед другом, постукивают каблуками, не глядя друг на друга.

– Марья, а что ж ты сидишь?

Не отвечает, с сумрачной усмешкой щелкает подсолнухи.

– Ну хоть выходку сделай!

Мотает головой, исподлобья поглядывает на пляшущих своими далеко расставленными, в переносицу косящими черными глазами.

И вдруг встает, поправляет платок на плечах...

Ах, бог мой, как пошла!

Нехороша, немолода, невелика, сухощава, а у всех замирает сердце: какая сжатость сил, тайной страсти и какой оттого пуший блеск, лад!

Илюшка раздувает ноздри, дробит в пол каблуками, наступает:

Ух, сыпь чаще,
Подавай слаще!

Она плывет мимо, говоря небрежно, вскользь, как неживая:

Я ходила, подавала,
А тебе все мало, мало...

1930

Ужас

Месячной осенней ночью, светлой и тихой, я пешком возвращался с полевой охоты по сухим, блестящим жнивьям, пашням и проселкам и зашел ночевать на хутор, одиноко стоявший в поле. Постоянно жил на нем только сторож, а хозяин, городской прасол, лишь порой, наездом. Хутор имел вид пустынный: чистое, ровное поле, гумно от жилья далеко, а само жилье – всего-навсего бревенчатый флигель да изба-сторожка, тоже на отлете... и ни души на обширном дворе между ними, даже не залаяла собака, когда я стал стучаться в темное окошечко сторожки. Мужик, вышедший на порог в накинутом полушубке, долго не понимал спросонья, что мне надо, потом повел меня во флигель. «Вот тут и ложитесь», – сказал он, вводя меня из маленькой прихожей в просторную хозяйскую спальню, где были только голые бревенчатые стены да широкая деревянная кровать без матраца, с одной большой подушкой. И вот, когда он вышел, лег я на эту кровать, покурил, что-то подумал о чужой, совсем не известной мне жизни какого-то мещанина, под кров которого привел меня случай, и стал забываться. Невысокий месяц мирно светил в два больших окна напротив, озарял кровать теплым золотистым блеском, и все вокруг было так просто и прекрасно, так безмолвно и спокойно... Мог ли я думать, засыпая, что так страшно будет мое пробуждение среди ночи? Я проснулся сразу, от какого-то стука. Кто-то громко стучал ко мне снаружи, в верхнюю половину оконной рамы. Стук был так страшен, что я вне себя вскочил на кровати. А вскочив, увидел, что за окном, все его затемняя, стоял кто-то громадный, черный, длинный и покатый, лез и стучал, стараясь пробить верхние стекла. Я схватил двустволку, дико крикнул: «кто это? Стрелять буду!» Он, не отвечая, вытянулся еще выше, надвинулся на окно еще плотнее и застучал еще громче...

Это была старая, худая лошадь, без призору шатавшаяся ночью по усадьбе. Она пришла к дому и стала чесаться об оконный наличник, вытянув шею и – стуча головой в раму.

1930

Русь

Старуха приехала в Москву издалека. Свой северный край называет Русью. Большая, бокастая, ходит в валенках, в теплой стеганной безрукавке. Лицо крупное, желтоглазое, в космах толстых седых волос, – лицо восемнадцатого века.

Спросил ее как-то:

– А сколько вам лет будет?

– Семьдесят семь, господин милый.

– А вы, дай Бог не сглазить, еще совсем хоть куда!

– А что ж мне? Это года не велики. Наш родитель до ста лет дожил.

Чаю она не пьет, сахару не ест. Пьет горячую воду с черным хлебом, с селедкой или солеными огурцами.

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
– Вы никогда, небось, не хворали?

– Нет, трясовица была на мне, порча на мне была. Мужа страшилась: как он ко мне с любовным чувством, меня и начинало трясти, корежить. Сжечь бы ее, ту, что напустила на меня это!

Слово «сжечь» одно из ее любимых. Про большевиков говорит очень строго:

– Не смеют они так про Бога говорить. Бог наш, а не их. Сжечь бы их всех!

Ее рассказы о родине величавы. Леса там темны, дремучи. Снега выше вековых сосен. Бабы, мужики шибко едут в лубяных санках, на кубастых лохматых коньках, все в лазоревых, крашеных тулупах со стоячими аршинными воротами из жесткого псиного меху и в таких же шапках. Морозы грудь насквозь прожигают. Солнце на закате играет как в сказке: то блещет лиловым, то кумачевым, а то все кругом рядит в золото или зелень. Звезды ночью – в лебяжье яйцо.

1930

Пожар

Богатый мужицкий хутор.

Загорелось, когда кончали ужинать, темным и сухим осенним вечером.

Зажгли какие-то злодеи с гумна, и на нем все сгорело. Но ригу сыновья хозяина отстояли.

Хозяин, огромный, толстый мужик, все время сидел на крыльце избы неподвижно. На гумне был ад – там бешено орал и гасили огонь его сыновья и бабы. Он же только глядел, как странно и светло был озарен весь двор красным полымем, как блистал алым зеркалом пруд и розовыми трепетными клубами стояли над двором в высоком небе облака, освещаемые исподу. Он все говорил – очень спокойно:

– Бог дал, бог взял. Мне это все равно, я этого не чую и не чувствую.

Когда же все догорело, потухло, стал рыдать и рыдал не переставая сутки, лежа вниз лицом в риге возле ворот, на старновке. В темноте, в дыры ворот, сверкали на ней алые пятна солнца и ходил, ковылял одинокий белый голубок, опаленный на пожаре.

1930

Журавли

Ясный и холодный день поздней осени, еду ровной рысцей по большой дороге. Блеск низкого солнца и пустых полей, осеннее безмолвное ожидание чего-то. Но вот вдаль, за мной, слышен треск колес. Прислушиваюсь – треск мелкий, быстрый, треск беговых дорожек. Оборачиваюсь – кто-то нагоняет. Этот кто-то все ближе, ближе – уже хорошо видна его во весь дух летящая лошадь, затем он сам, то и дело выглядывающий из-за нее и покрывающий ее то кнутом, то вожжами... Что такое? А он уж вот он, настигает – сквозь треск слышно мощное лошадиное дыхание, слышен отчаянный крик: «Барин, сторонись!» В страхе и недоуменье виляю с дороги – и тотчас же мимо мелькает сперва чудесная, гнедая кобыла, ее глаз, ноздря, новые вожжи сургучного цвета, новая блестящая сбруя, взмыленная под хвостом на ляжках, потом сам седок – чернобородый красавец мужик, совершенно шальной от скачки и какого-то бессмысленного, на все готового исступленья. Он бешено кидает на меня, пролетая, свой яростный взгляд, поражает свежей красной пастью и смолю красивой молодой бороды, новым картузом, желтой шелковой рубахой под распахнувшейся черной поддевкой – узнаю: богатый, хозяйственный мельник из-под Ливен – и как ветер летит дальше. А пролетев с версту, сразу соскакивает с дрожек. Тут уж я гоню к нему и, приближаясь, вижу: лошадь стоит на дороге и тяжело носит боками, сургучные вожжи висят по оглоблям, а сам седок лежит на дороге возле, лицом книзу, раскинув полы поддевки.

– Барин! – дико кричит он в землю. – Барин!

И отчаянно взмахивает руками:

– Ах, грустно-о! Ах, улетели журавли, барин!

И, мотая головой, захлебывается пьяными слезами.

1930

Людоедка

Нищая девка, сирота, безобразно-миловидная, очень тихая, почти дурочка. Взяли на барский двор, дают самую грязную и трудную работу – надрывается беспрекословно, молча, всячески стараясь угодить. Староста, то есть старшой на дворе, отставной солдат-гренадер, быстро лишил ее невинности – покорила после отчаянного, но жалкого, детского сопротивления. Через месяц забеременела, все всё узнали. Старостиха подняла ад, барыня девку поспешила уволить. Обливаясь слезами, девка кое-как посовала свое добришко в мешок, побежала со двора долой. Старостиха, стоя на пороге людской, дико ликовала: вихляясь, свистала, травила ее собаками, била костью в медный таз, кричала разными голосами:

– Сука! Побирושка! Межедворка! Людоедка! Волшебница!

1930

На Базарной

– Вам что-нибудь по хозяйству или гробик?

На Базарной улице всем торгуют: тут магазины красного товара, часовой магазин, аптекарский магазин, москательные и колониальные лавки, скобяные, посудные, а ещё дальше, совсем возле базара, те растворы и сараи, где выставлены наружу метла, гробы, лопаты, грабли, новые, черно-блестящие по втулкам колеса... Июль, будни, день сухой и жаркий, на Базарной улице пусто – всего один случайный покупатель, мужик из уезда: рысью прогремел от собора, снизу, – сразу видно, что по спешному делу, – и остановился перед самым большим раствором. Бросил веревочные вожжи на свою кобыленку с дробными, как у осла, ногами, соскочил с грядки пыльной телеги, набитой соломой, двинул на затылок горячую шапку, стоит и смотрит.

– Что-нибудь по сельскому обиходу или гробик?

– Гробик...

– Выбор огромный. Вам поскромней или понарядней?

Мужик переводит глаза с манящих своей новизной лопат и метел на то, что нужно, – что так грубо чернеет сухой дешевой краской, белея крестами на крышках и крылатыми детскими головками по скатам крышек.

– Да, конечно, что-нибудь получче...

– А, собственно, для кого же? Для младенца? Для отрока или отроковицы? Для старичка или старушки?

– Для младенца, милый, я не стал бы себя беспокоить в такую пору. Для младенца я бы сам какую-нибудь херовинку сколотил. А тут всю косью бросил в поле...

– Значит, для родителя или мамы?

– То-то и дело, что для мамы...

Мужик, выбирая гроб глазами, ребром ладони проводит себя от плеча к плечу.

– Тогда чего ж лучше модель, например, такого рода?

И приказчик быстро кладет руку на возглавие лилового гроба, одним ловким кругообразным движеньем отделяет его от прочих и ставит перед мужиком на тротуаре.

– Этот, думается, дюже мелок. Она, правда, исхудала...

– Гроб не первого разряду завсегда довольно мелок, но вмещает вполне прилично.

– А прочен?

– С ручательством за полную солидарность. До второго пришествия хватит.

– А ну-ка открой-ка...

Приказчик отнимает крышку. Мужик, наклоняясь, внимательно смотрит. Внутри гроб некрашен, тес там золотистый, шершавый, хорошо и сухо пахнет, кое-где в желтых смоляных каплях. Дно, однако, не из цельной тесины, а из двух и притом неровных, уж совсем корявых, плохо пригнанных друг к другу, а главное, с дырой от спиленного и выпавшего сучка, от его выскочившей пробки. И мужик, оживляясь, в радостной надежде на большую уступку:

– Нет, этот со свищем, с изъяном! Это брак, милый! Возьму, если скинешь с пятерки. И то только ради мамы!

1930

Полдень

Полдневный жар, ослепительный блеск неподвижного желтого пруда и его желтых глинистых берегов. Пригнали стадо на обеденный отдых – коровы залезли в охвостье пруда, стоят в воде по брюхо. Рядом радостный визг, крик, хохот – раздеваются и бросаются в воду девки. Одна через голову сорвала с себя серую замашную рубаху и кинулась так дико, что я тотчас вспомнил Нил, Нубию. Черноволоса и очень смугла телом. Грудь – как две темных тугих груши.

1930

Бродяга

Поле и летнее утро, дружно песет тройка. А вдоль шоссе, навстречу, – странник: без шапки, босой и такой легконогий, как будто на крыльях. Поравнялся, мелькнул и пропал. Худ и старчески сух, веет длинными выгоревшими на солнце волосами. Но как легок, как молод! Какой живой, быстрый взгляд! И сколько у него впереди этих белых шоссейных дорог!

«Бог бродягу не старит».

1930

Слезы

Подошла к воротам усадьбы старуха, побирушка. Старушечьи лохмотья, старушечьи прямые чулки на сухих ногах, замученные глаза...

Дал ей полтинник, попробовал разговориться:

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
– Ну вот, бабушка, везде ты ходишь, везде бываешь, – небось много интересного видишь?

Горько заплакала:

– Да что ж поделаешь, батюшка, конечно, видишь!

Ковылял по выгону дурачок Ваня, седой, стриженный клоками, в одной бабьей рубахе, с сумой через плечо:

– Ваня, здорово! Как поживаешь?

Косноязычно, слюняво и радостно:

– С большими слезами, папаша! С большими слезами!

1930

Капитал

Квасник, лысый, красный, тугопузый, лихо кричит тенором на всю ярмарку:

– Вот квасок, попыривает в носок! Вот кипит, да некому пить!

Высокий русский мужик в теплой шапке на затылок идет в толпе с огромным белым хлебом под мышкой и на ходу набивает им рот, жует, откидывая голову назад, раздувая ноздри:

– А почем этот квасок?

– Орел вся бутылка, семитка стакан!

– А на грош не отольешь?

– На грош, милый, и воробей не мочится!

Мужик жует, думает. Потом со вздохом, но твердо:

– Нет, на семитку не взойду. Капитал не позволяет!

1930

Блаженные

Блаженный Антонушка воронежский жил сто двадцать лет. Сказал однажды одному купцу:

– В сенцах у тебя, кормилец, большой пестрый гроб стоит.

И купец в тот же день и кончился.

Блаженный Данилушка тульский в городе на крышах сживал. Завещал хоронить себя в желтом шелковом саване – как хоронили юродивых в древности – и в гробу не простом, а долбленом, в колоде.

Диомид орловский восемьдесят лет скитался по Брянским лесам, ночевал на деревьях, был наг и покрыт густым волосом.

Феня елецкая, когда я однажды сказал при ней: московский Царь-Колокол, замахнулась на меня палкою и крикнула:

– Дурак, кто ж так-то говорит? Это называется Ревун, его все святые так-то называли, его, батюшку, бояться надо.

Коренной

Вечер на постоялом дворе, страшные рассказы на нарах:

– Въехали они в этот лес, ночь их обуяла томная, лес черный... Доезжают до дуба косматого, а под ним жар-птичье перо лежит, огнем переливается...

– Нет, это что – перо! – говорит другой. – Вот жил так-то кузнец на глухом столбовом пути, и принесись к нему раз ночью тройка ямская... Лошади все в мыле, храпят, как львы, глаза ярые, ноздри раскалились, насквозь светятся... Соскочил молодец ямщик – «куй коренного скорее, задние подковы сшиб!» Раздул кузнец мех, разжег струмент, хватъ этого коренного за ногу, а нога-то человечья, голая, белая!

1930

Комета

На дворне и на деревне долго не верили, будто идет какая-то комета: «Это только в старину они бывали!» Наконец однажды ночью уже довольно ярко засеребрился ее прозрачный хвост, косо вскинутый в северный небосклон, за каретным сараем. Господа стояли на крыльце и смотрели. Смотрели и с порога людской, даже крестились. А наутро староста залез на крышу господского дома и стал забивать доской слуховое окно. Услышав стук, вышли из дому:

– Староста! Что это ты делаешь?

– Окно слуховое забиваю.

– Зачем?

– От кометы.

1930

Стропила

– Здравствуйте, барин, мое почтение. Как поживаю-то? Да не бог весть как. Все мотаюсь, мещанствую. С ярманки на ярманку, с базара на базар... А ведь уж под сорок, – вы не глядите, что я такой борзой, на ногу легкий. Одно спасенье, что своя хибарка есть, – случается, и совсем голодный придешь, ну, а все-таки домой... хотя, по совести сказать, скука мне дома теперь, не приведи бог. Сами знаете наше слободское житье: сушь, жара, дни долгие... А дом пустой: жену схоронил, детей схоронил, одна мамаша покамест жива. Но только и мамаша последнее время не больно радуется: едва ноги таскает по горнице, слаба стала до крайности, слухом и зрением и того слабей, интереса или соображения – ни малейшего, худа, хоть в гроб клади. Ведь какая была женщина! По дородству, по статности прямо игуменьей быть. А теперь – никуда: одни стропила остались.

1930

Летний день

Слобода, бесконечный летний день.

И весь день сидит босой, распоясанный сапожник возле своей ветхой мазанки, на гнилой лавочке, подставив под солнце свою раскрытую лохматую голову. Сидит и занимается с рыжим кобельком:

– Дай лапку!

Кобелек не понимает, не дает.

– Говорят тебе, дай лапку! Ну?

Кобелек не дает. И он бьет его по морде. Кобелек с отвращением моргает, отворачивается, кисло-сладко оскалывается, неуверенно поднимает лапу и тотчас опять опускает ее. И опять пощечина, и опять:

– Дай, сукин сын, лапку!

1930

Дедушка

Сед, густоволос, лохмат, весь день курит.

Встает ни свет ни заря, и пока не закурит, не затянется – совершенно шальной, ничего не понимает.

И необыкновенно ненужен, чужд всему миру, всем чадам и домочадцам (хотя и зовут его папашей, дедушкой) я вот-вот скоростижно помрет, навеки исчезнет из этого мещанского гнезда, из этого уездного захолустья – и поди-ка узнай тогда, расскажи, чем и для чего жил он в своем вечном табачном дурмане.

И все-то он играет какую-то роль:

– Дедушка, обедать! Лапша простынет!

– Да обедайте, обедайте без меня... Я потом... что останется...

А сам ждет не дождется обеда – с раннего утра.

– Папаша, вы хоть бы кальсоны переменяли, ведь у вас целая укладка белья!

– Вот это спасибо! Целая укладка! Да у меня клока цельного давно не осталось! Небось, кабы было, не стал бы беречь! Мне теперь, милая невестушка, ничего не надо. Пожил, слава богу, пора и честь знать, об одном молю бога – околеть поскорей...

А сам жаден невероятно, над укладкой своей дрожит, и жить хочет ужасно, и твердо надеется прожить никак не менее века.

Зачем?

Но он и сам не знает зачем.

«Чужая душа – потемки». – Нет, своя собственная гораздо темней.

1930

Постоялец

– Нет, батюшка, нет, теперь не сдается. Извозчик сказал вам правду, у нас жили. Мы, действительно, прежде иногда сдавали, ну, а теперь решили совсем не сдавать, – ни за какую цену. И не просите – никак не можем. Вы меня, пожалуйста, извините, вы, я вижу, господин приятный и приличный, но что же делать? Я вас понимаю, – городок наш дикий, найти у нас помещенье трудно. Опять же человек вы приезжий, никому не известный – всякий будет стесняться: мол, будет ли платить аккуратно, да не дерзкого ли поведенья... ведь бывает – придет постоялец ночью от друга, ляжет спать хмельной, с папироской, заснет и наделает пожару... Знаю и то, что не всякое семейство будет и вам самому по вкусу, а у нас, конечно, чисто,

тихо, старушки мы с сестрицей одинокие, не нахальные, домик имеем хоть и скудный, а все-таки есть и садик, и коровка... Мне вас, батюшка, сердечно жалко, но только мы уж твердо теперь согласились: больше этим делом никогда не заниматься – бог с ним совсем, пускай комната стоит пустая. Вы вот усмехаетесь, а, простите, сами не знаете чему. Отчего именно мы так решили? А не все ли вам равно? Если же хотите знать серьезно, то извольте, объясню: оттого, что с последним постояльцем мы имели такую неприятность, которой и подобия не сыщешь. Мы, батюшка, так с ним натерпелись, что и теперь страшно вспомнить. Он, этот постоялец, сначала просто пленил нас; видим однажды утром, подъезжает к воротам извозчик с вокзала, с утреннего поезда из Тулы, сидит в пролетке молодой человек с дорожной корзинкой, не спеша слезает и направляется к калитке. Очень хромает, – левый костреч так и ходит то кверху, то книзу, подошва на левом ботинке пальца в три толщиной, – но до того скромн, миловиден, такое новенькое пальтецо, такой хорошенький костылик, что мы просто залюбовались. Форменная фуражка тоже только что из магазина – оказывается чиновник, недавно поступил на службу и вот, значит, командирован из Тулы находится в нашем уезде. Застенчив на редкость, спрашивает об условиях даже подобострастно, глаз не поднимает, стоит в прихожей, сняв фуражку, уперся в этот костыль, поднял костреч сколько можно, едва носком пола касается, смотрит куда-то вбок, в землю, весь румянцем залился и спрашивает... Голос искательный, тихий, заикается немного... Не понравилось мне, правда, тогда же, что он избегает не может, видно, глядеть человеку в глаза прямо, ну, да что ж, думаю себе, они, эти хромые и заики, всегда такие обидчивые, самолюбивые... Короче сказать вам, в тот же день он у нас и поселился и с месяц жил с того безупречно, что хоть бы епархиалке впору. Напьется чаю, уйдет до обеда на службу, после обеда засядет за какую-нибудь ведомость, отчетность, что принесет с собой на дом, для вечерней работы, – и сидит, как мышь, даже дыханья не слышно... Только уж очень был не словоохотлив, да спать ложился даже как-то нехорошо рано: мы и то куда позднее – в свои козыри для развлечения поиграем, поговорим о чем-нибудь, пошутим, а он как поужинал, как только, значит, восемь часов било, сейчас в постель и уж лампу тушит. А ведь знаете – человек молодой: ну, хоть бы какое знакомство завел, хоть бы почитал что, гитару купил бы себе или цитру! Все это меня тоже куда как к нему не располагало, ну, а сестрица и слышать ничего не хочет – души в нем не чаёт: мол, и трудолюбив, и вежлив, и все такое... Только можете себе представить, что же вдруг выходит? Чувствуем раз ночью – что-то нас сквозь сон беспокоит. Открываем глаза, а у него свет под дверью. Что за притча? Что, мол такое, уж не захворал ли? Час уже поздний – по месяцу в окно видно, снег на крышах хоть и блестит еще, а уж мертвеет, и так везде тихо, жутко, как, знаете, только часам к трем, к четырем бывает, а у него вдруг огонь горит! Встали мы одна за другой чуть слышно, подкрались к его двери, я глянула в щелку – и, верите ли, истинно обомлела: полыхает у него лампа – во весь фитиль пущена, – а сам он сидит в одном белье на кровати, поджал под себя хромую ногу и этак гордо, дерзко глядит против себя в стену: уперся в нее глазами, будто что на ней видит, потом как привскочит. Я вся трясусь, шепчу: «Сестрица, гляньте, гляньте!» А он как взовьется да как вскинет кренделями руки... Затряс ими да как хлопнет по ляжкам вроде крыльев, да как хватит на весь дом во весь петушиный голос: «Кукареку! Кукареку!» – Словом, не буду вас беспокоить долгим рассказом. Одно скажу: мы такой страсти за весь век не испытывали, как за эту зиму! Ведь всю зиму кричал! Как ночь – пошла потеха! Мы, конечно, после первого же раза обратились к нему вполне откровенно: мол, извините, что же это такое, вы, оказывается, по ночам петухом кричите, это нам слишком странно и неудобно, мы вас покорнейше просим оставить квартиру. И, представьте, что ж он нам отвечает? «Нет, говорит, простите, с квартиры я не съеду». Этак тихо, ровно, глаз не поднимая, но так твердо, как мы даже и в мыслях не держали слышать от такого вежливого человека. Мы сперва просто ушам не могли поверить: позвольте, как же это так вы не съедите с квартиры? Дом-то все-таки наш собственный, мы ведь можем и к вашему начальству обратиться! А он помолчал, помолчал, да еще тише и тверже: «Пожалуйста. Посмотрим, что из этого выйдет. Вас сочтут за сумасшедших, вашим сказкам никто не поверит». – «Да помилуйте, какие же сказки? Значит, вы хотите сказать, что вы не кричите?» – «Да-с, не кричу. Кроме вас, ведь никто не слышал?» И как, знаете, поднимется со стула во весь рост, как сверкнет глазами! Прежде все только припадал да костреч отключивал, а тут как вытянется до потолка этаким командиром, как стукнет костылем! «Да-с, не кричу! Попробуйте докажите! Зовите понятых сидеть у вас всю ночь, ждать этого крику!» А мы со страху так и поползли от него в разные стороны. Перестали после того и в столовую выходить, и чай пьем, и обедаем, и ужинаем у себя в спальне, велели кухарке ему одному подавать, он же и на это никакого внимания: поест, попьет и закостыляет в свою комнату, ровно ни в чем не бывало, А как ночь... Батюшка, он нас прямо с ума свел! С вечера

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
ни живы, ни мертвы, – сидим, ждем этого страшного часа, когда он, значит, проснется и загорланит со всякими петушиными переливами. Кухарка тоже не спит, ждет, трясется вся: «Господи, сохрани, господи, помоги! Живой в помощи вышнего!» И куда только мы не бегали, с кем только не советовались: как быть, как нам от этой муки и страсти избавиться! А добились только того, что всему городу посмешищем стали, а пристав, у которого мы чуть не в ногах валялись, так нами под конец раздражился, что как орел стал вскакивать с кресла, завидя нас: «Вон с глаз моих долой, ведьмы, в кандалы велю заковать, по этапу в Тулу в желтый дом отправлю!». И что бы это было, что бы это, царь небесный, было, если бы этого постояльца не перевели на службу в Богородицк!

1930

Первый класс

Подмосковный дачный поезд, весь из вагонов только первого и второго класса. Идет быстро, ровно, но вдруг замедляет ход – и в одном первоклассном вагоне происходит нечто небывалое: кондуктор вталкивает в него какого-то рваного, измазанного глиной мужичишку.

– Ради бога, простите, господа, – рабочий с пути, посылается с срочным поручением в Быково, не успел, дурак, на паровоз вскочить... Только до Быкова...

Все на мгновение даже теряются от такой нелепости, но быстро овладевают собой, сдерживаются. Поезд опять идет полным ходом, и в вагоне опять все как будто по-прежнему, курят, беседуют, смотрят в окна... Однако всем неловко, всем не по себе – беседуют уже притворно, курят с преувеличенной беззаботностью... А про него и говорить нечего: он стоит возле двери, готовый провалиться сквозь землю от всех этих панам, чесучовых костюмов, больших, полных тел, сытых лиц. Он не знает, куда глаза девать, рукавом вытирает потный лоб, держа в левой руке тяжело висящую до пола сумку с какими-то чугунными брусками, гайками, клещами...

И длится эта чепуха, эта мука целых тридцать пять минут.

1930

Канун

В городе, по пути на вокзал. Извозчик мчит во весь дух, с горы и на мост, через речку. Под мостом, на береговой отмели, отвернувшись от проезжих под навес моста и как бы для защиты подняв плечи, стоит босяк, спешно, как собака, пожирает из грязной тряпки что-то ироде начинки. А позади грохочут, летят, точно нагоняют, ломовые телеги, трясутся, висят с грядок, страшные сапоги мужиков. Все в муке, – мукомолы, – все великаны, и все рыжие, без шапок, в красных рубахах распояской...

А потом вагон, второй класс. И какой-то сидящий против меня господин лет за сорок, широкий и стриженный бобриком, в золотых очках на плоском носу с наглыми кудрями, все встает и, не глядя на меня, – от пренебрежении ко мне, – все поправляет на сетке свои хорошие, в крепких чехлах чемоданы и чемоданчики. Аккуратный и уверенный в себе господин, спокойный за свое благополучие и строгое достоинство...

Шла, однако, уж осень шестнадцатого года.

1930

Сестрица

По Смоленской дороге. Длинный коридор и раскрытые отделения первоклассного вагона. Блеск, орехового дерева и красного бархата в полном несоответствии с солдатским людом, наполняющим вагон: рогульки костылей под торчащими плечами, серые халаты, забинтованные головы, толстые белые култышки закутанных ступней,

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
выставленных вперед... Курят турецкий табак, едят конфеты, прилично беседуют,
наслаждаясь своим необычным положением.

Она, с улыбкой:

– Ну, как, Меркулов?

Солдат, вежливо приподнимаясь на костылях, на носу держа вперед култышку ноги,
бесстыдно врет медовым голосом:

– Да что ж, сестрица, терпеть надо... Всякий должен свою жертву принести...
Благодарим вас...

Она заговаривает то с тем, то с другим, потом стоит у окна в коридоре. Вагон
мягко пружинит, летит. Она смотрит на мелькающие за окном темные рукава слей, на
стволы, идущие кругами в глубине леса, что-то чуть-чуть напевает. Белая
косыночка, мягкая кожаная куртка, легкая юбка из серого тика. Тихо и греховно
сияют иконописные черные глаза...

1930

Маска

Зимним вечером на Николаевском вокзале в Петербурге. Отходят поезда в Москву. В
буфетной зале шумно, тесно, все не в меру торопятся есть, пить, все одеты
тяжело, жарко, по-дорожному. Круглоголовые татары-лакеи носят с блюдами, как
угорелые, воздух густой, пахучий, горячий... Она сидит за соседним столиком и
делает вид полного спокойствия. Я обедаю и порой поглядываю на нее. Она же
притворяется, что внимательно читает газету, заказала отбивную котлету с
гарниром, а пока что купила «Новое время» и, подняв брови, читает, хотя
прекрасно видно, что она не понимает ни единого слова – так не идет к ней
газета, так непривычно и не нужна она ей. Она остро чувствует мое соседство и
мое тайное любопытство, по-своему толкуя его, ждет, что вот-вот я обращусь к ней
примерно так:

– Виноват, а вы тоже изволите ехать в Москву или ждете вологодского поезда?

Но я молчу, поглядываю и ем. И она уже волнуется, все выше поднимает брови и все
озабоченнее перевертывает газетные листы, будто ищет в них что-то самое важное,
и наконец не выдерживает.

– Простите, – говорит она сухо и грустно, – вы не знаете, были сегодня в
вечерних газетах новые вести с фронта? Я ужасно беспокоюсь за мужа, третий месяц
не получаю писем... Он летчик и безумно храбрый...

– Не видал вечерних газет, не могу вам сказать.

– Жаль, – говорит она еще суше и, сдвинув брови, опять погружается в газету. На
ней синяя поддевка на белом барашке, белая папаха, далеко не молодые глаза ее
густо подведены темной синью, широкоскулое лицо густо напудрено, точно известью,
пальцы крупны и крепки, миндально сияют выпуклыми острыми ногтями, духи пахнут
тяжко, собакой...

Но вот, безнадежно поискав взглядом свободного места, подошел к столику
молоденький рыжеусый офицер в новенькой шинели из солдатского сукна, с
блестящими погонями, покраснел, кинул руку к козырьку и, щелкнув каблуками,
несмело взялся за стул против нее:

– Вы позволите?

Через пять минут он уже угощает ее сотерном. Внимание ее весьма устремлено на
котлету, руки ловко работают ножом и вилкой, но мизинец изысканно отставлен,
брови подняты грустной усмешкой. Он раскраснелся, осмелел, расстегнул шинель,
курит, говорит без умолку. Она то и дело пожимает плечами, небрежно роняет в
ответ на его щегольские рассуждения о том, что жизнь «все-таки прекрасна», все
одни и те же загадочные фразы:

- Это смотря для кого...
- Это зависит от вкуса...
- Жизнь не укладывается в рамки...

Он горячо возражает:

- Но вы ужасный скептик! На вид вы такая бодрая, энергичная, а меж тем...

Она легонько стучит по тарелке ножом, грустно-рассеянно заказывает лакею: «Чашечку шорнаго кофэ, пожалуйста», и со вздохом говорит:

- Нет, вы горько ошибаетесь, у меня в душе траур, мой муж тоже офицер, артиллерист, и я только что получила страшное известие, что он смертельно ранен в бою... Я только слишком хорошо умею носить маску.

1930

До победного конца

- Наш поп – какой он поп? Он дурак, невежа. Мою девку хоронил – спешит, сует как попало... гроб не дает поставить в могилу как надо. Можно разве так хоронить? Это не скотина, «Вот съезжу, говорю, в Орел, ваше священство, схожу в консисторию, тогда узнаете, как надо хоронить: намнут вам холку очень прекрасно!» – «Не смей, кричит, говорить со мной так вольно!» – «Ну нет, мол, батя, потише! Теперь, говорю, это время прошло! Вот дай с войной управимся, мы вам вашу „Газету Копейку“ припомним! Узнаете тогда „до победного конца!“».

1930

Письмо

- Еще пишу вам, обо мне не скучайте, в вагонах было тепло даже раздетому. От самого Минска снега совсем нету, места все ржавые, кругом болота, вода. Теперь ожидает меня что-то небывалое. Прощайте, все мои родные и знакомые, наверно, больше не увидимся. Прощайте, дорогие, писать некогда, да и дождь, а из глаз моих слезы. Как начали сыпать из винтовок и снарядами, только пыль столбом. Двое рядом со мной рыли окоп, и к ним прилетел снаряд, их двоих тогда убило, один новобранец чужой, а другой наш Ваня, он погиб во славу русского оружия...

1930

Произведения, не включавшиеся в собрания сочинений

Плач о Сионе: #сoтm114

Так сказал господь:

- Вот без причины плакали вы. Будет же вам плач из рода в роды.

На горах был Сион и храм его, – видный отовсюду. И когда в девятый день месяца Аб прошиб дым с пламенем золотую кровлю храма и донеслись до небес вопли гибнущих и торжествующие крики воинов Навуходносора, был в небесах великий страх и смятение.

И послал господь ангелов своих на помощь Израилю. Но царь, именующий себя быком и торжествующий, уже сломил силы Израиля.

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
И был день тоски, и ожидания, и неизвестности и достиг вечера, и видел господь тьму внизу и как бы жаровню, полную раскаленных углей, на горе Мориа: ибо пожар прогорал.

К ночи же вернулись ангелы, посланные на защиту города. И лица их были бледны и покрыты пылью и копотью, и запах дыма был в их волосах и одеждах, которые были опалены огнем, и ссадины были на руках и коленях их.

И сказали ангелы, говоря господу:

– Не ты ли, господи, грозил народу твоему? «Вот без причины плакали вы: будет же вам плач из рода в род». Ныне, господи, сбылась угроза твоя, по грехам Израиля.

– На исходе субботнего дня стали левиты на возвышении и пели славословия тебе.

– И когда воскликнул хор, да истребит господь злодействующих, ворвались в храм язычники, и схватили их, и запалили огнем Завесу храма, и предались грабежу и разрушению. Город же пылал еще с полудня. И мы шли среди великого шума огня и среди криков женщин, рвущих на себе волосы, и среди бегущих и сражающихся и ударяли стопами в стены и укрепления, дабы овладели враги уже домом разрушенным и башней поверженной и не могли похваляться потом, что это они разрушили Сион.

– Видя храм в пламени, взшел первосвященник на кровлю храма и с ним юноши-ключники с ключами от дверей.

– И, воззвав, воскликнули громко: «Недостойны мы, господи, хранить сокровище твое: вот мы возвращаем тебе ключи дома твоего».

– И бросили ключи к небу и погибли в пламени.

– И левиты, и коганы пришли к храму с арфами и трубами и бросились в пламя вслед за первосвященником, играя на них.

– И девушки, ткавшие Завесу святая святых, бросились за левитами и коганами.

– Оленя направил ты, господи, в подземный ход от дома царского до пустынь иерихонских. И царю с сыновьями повелел бежать за ним ради спасения.

– Но у выхода настиг царя Навуходоносор.

– Прошу тебя, – сказал царь, – убей сперва меня, дабы мне не видеть крови детей моих.

– И просили сыновья царя: «Убей нас сперва, дабы мы не видели крови отца нашего».

– И Навуходоносор зарезал их, царю же вырвал глаза и бросил их в огонь, самого же его отвел в цепях в Вавилон.

И, сказав так, ангелы сокрыли лица свои в изгибе локтей, рыдая о погибшем Сионе.

<1925>

Благовестие: #сoтm115

Фарра, отец Авраама, обитал в Уре Халдейском.

Фарра дал в жены Аврааму Сарру.

Сарра была прекрасна, но бесплодна. Но в те дни еще не пекся Авраам о потомстве.

Он пас и умножал стада свои, радуясь своей силе и молодости.

Он был велик и статен. Рост его равнялся десяти локтям, волосы курчавились и глаза имели вид блестящей черной крови.

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
Фарра оставил Ур и пошел с Авраамом и Саррой, со всем домом и рабами своими к западу; там лежала земля Ханаанская. Но, дойдя до Харона и чувствуя желание покоя, ибо ему было двести пять лет, замедлил свой путь. И, благословив Авраама, умер. Тогда стал Авраам наследником Фарры, и вступило в его сердце желание иметь преемника и себе.

Он поднялся со всем имуществом своим, чтобы идти в Ханаан, о котором сказал ему господь: иди в землю, которую я укажу тебе.

Но был голод в Ханаане. И Авраам, пройдя по всей Ханаанской земле, спустился в Египет.

Египтяне увидели красоту Сарры и замыслили убить Авраама. И еще так сильна была в нем любовь к жизни, что он запретил Сарре называть его мужем. «Говори, – сказал он ей, – что ты моя сестра, дабы мне было хорошо ради тебя».

И Сарра вошла во дворец фараона наложницей, и Авраам насытился ради нее серебром и золотом, мелким и крупным скотом, ослами и верблюдами, рабами и рабынями в меру щедрости царя и своей страсти к стяжанию.

И тогда еще сильнее восстало в нем желание потомства: ибо дошел он до вершины человеческой жизни, и до глаз заросла его борода, как у сынов халдейских, и побелела и высохла, как трава на холме. И, взяв от фараона Сарру, он возвратился со всем, что у него было, в землю, ему данную. И разбил шатры в Хевроне, и сложил в горах среди дубрав каменные жертвенники. И вот посетил его господь у Дубравы Мамре, когда он сидел при входе в шатер во время зноя дневного.

Пегий хитон из овечьей шерсти был на плечах Авраама.

Сам же он был велик и статен.

Красный загар покрывал его лицо, сильные руки и крупные ноги, обутые в сандалии из кожи и с кожаным задником.

Серые волосы его были подобны густому овечьему руно, и глаза цвета черной крови блистали из белой бороды, как у юноши. Но был он уже в летах преклонных.

Среди дубрав, на круглых холмах, стояли его черные шатры.

И был зной дневной, и жарко дышали собаки в тени от шатров.

И белые облака круглились на ярком синем небе над кудрявыми зелеными дубами по холмам за Долиной Возлюбленного.

И голос одинокой горлицы сладко звучал вдали, полный желания.

Пастухи же и стада их отдыхали в тени древесной.

И тогда почувствовал Авраам в сердце своем великое томление.

И поднял глаза, и, вот три мужа стоят против него.

И, увидев их, он поклонился им низко и сказал:

– Владыка! Не пройди мимо раба твоего. И принесут воды и омоют ноги ваши, и вы отдохнете под этим дубом. Я же принесу хлеба, и вы подкрепите сердца ваши.

И поспешил в шатер и сказал Сарре:

– Замеси три саты лучшей муки и сделай опресноки.

Отрока же, раба его, не было, потому что он ушел и собирал в дубраве шмелиный мед.

И Авраам сам пошел к стаду, чтобы взять, и заколоть телят для трапезы гостей.

Но когда он взял телят за шею, вырвался теленок из рук его и побежал и скрылся в кустарнике. И Авраам пустился в погоню за ним.

Но из кустарников скрылся теленок в пещере, бывшей на холме. И Авраам, догоняя теленка, вбежал в нее.

И увидел ее каменистую внутренность, как бы в день пиршества озаренную пылающими светильниками, посредине же две великих гробницы прародителей, в оный день лишенных рая и познавших смерть.

И пал на лицо свое, и поклонился им, и, взяв теленка, возвратился к шатру своему, чтобы достойно принять благовестников жизни.

<1925>

Суета сует: #comm116

Многие ли знают, как умер Вольтер, где похоронен он был первоначально и какова была судьба его сердца и мозга?

Об этом с обычным мастерством к с вечно присущей ему тонкой иронией рассказывает Ленотр.

Вольтер приехал в Париж за три месяца до своей смерти и поселился в особняке г. де Виллета, на углу улицы Бон и набережной.

Три месяца в этом особняке царили мир и спокойствие. Но вот настает роковой вечер 30 мая 1778 года – и проходящие мимо ворот особняка и заглядывающие в его двор (который, кстати сказать, остался и донине почти таким же, каким был в те годы) видят, что в доме происходит что-то не совсем обычное: несмотря на поздний час, три окна в первом этаже ярко освещены, за их занавесками мечутся людские, тени... Что случилось?

А случилось то, что «великий безбожник» уже отдал богу душу, и его семья, г-жа Дени, ее брат, аббат Миньо, г. Дормуа, г. де Виллет и кухарка с привратницей энергично хлопочут над трупом, наряжают его: дело в том, что после похорон А. Лекуврер Вольтер был одержим кошмарным страхом, что после его смерти тело его будет брошено, как падаль, что враги его правы, предсказывая огромный скандал, который могут учинить при его погребении религиозные фанатики. Надо, значит, было этот скандал во что бы то ни стало предотвратить.

Вольтер испустил последний вздох в одиннадцать часов. Тотчас же после этого кинулись за хирургом г. Три и за соседом аптекарем г. Митуар, которые, быстро осмотрев тело и запротokolировав смерть, стали наспех, кое-как, бальзамировать его, вынули сердце, мозг, внутренности...

Внутренности бросили в помойную яму, мозг погрузили в банку со спиртом, а сердце – в свинцовую коробку, которая заключена была в серебряный вызолоченный ларчик. Однако это было далеко не все, что нужно было сделать. Главная задача состояла в том, чтобы тайком вывезти тело из Парижа, тайком доставить его в аббатство Сельер, находящееся от Парижа в тридцати лье. Аббат Миньо, племянник покойника, к этому аббатству был причастен и надеялся получить от его настоятеля разрешение на отпевание и погребение Вольтера именно там. Но как доставить его туда? Доставить нужно было не без хитрости, не стесняясь средствами и как можно скорее.

И вот, после вскрытия, быстро стали наряжать труп: его спеленали свивальниками, которые были надраны на скорую руку из простынь, на него напялили халат, на голову надели ночной колпак, на ноги – ночные туфли. А покончив с этим, потащили ряженые останки великого человека вон из дому, во двор, посадили их в карету, – она была голубая, в звездах, – напротив велели сесть лакею, который должен был держать и не давать покойнику падать, а кучеру приказали гнать лошадей что есть мочи.

Как известно, все это предприятие удалось превосходно. Лакей, по прибытии в Сельер, был сам близок к смерти от страха, пережитого во время скачки до Сельера, в темной карете, лицом к лицу с качавшимся мертвецом. Однако доставлен был мертвец в Сельер в целости, в сохранности весьма быстро, и так же быстро

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru было и доделано дело: Париж даже еще и не знал о кончине Вольтера, как уж тело его лежало под плитами Сельерского собора.

Что до мозга и сердца, то они претерпели гораздо худшие и гораздо более многочисленные приключения.

Мозг, «который отличался необыкновенным объемом», – взял себе аптекарь Митуар. Некоторое время он извлекал из него большие радости для своего тщеславия: показывал его публике – «всем желающим созерцать сии останки г. Вольтера». Будучи, однако, человеком культурным и боясь за судьбу «дивной реликвии», он решил принести ее в дар государству. Но тогда судьба еще более жестоко посмеялась над Вольтером: к несказанному удивлению и ужасу аптекаря, государство почему-то смутилось, стало благодарить, кланяться, но взять мозг – отказалось. Через полвека после этого сын аптекаря, врач Митуар, повторил попытку отца сохранить для потомства замечательный мозг, – еще раз предложил его Франции. Но... Франция почему-то снова отклонила эту честь. Третий собственник мозга, г. Вердые, навязывал его Академии: авось хоть «бессмертные» согласятся взять мозг своего бывшего сочлена. Но и Академия отказалась: «Не нашлось достойного вместилища для столь неожиданного вклада...» И мозг пустился странствовать: он перешел по наследству к внучке аптекаря, а внучка все путешествовала и всюду возила за собой драгоценный сосуд, «таивший в себе то чудесное, что в свое время вырабатывало столь гениальные мысли». А когда умерла и внучка, сосуд почему-то попал в руки какого-то г. Лаброса, аптекарского помощника, в 1870 году был куплен кем-то на аукционе, при распродаже какой-то обстановки, а затем погрузился во мрак полной неизвестности.

– Может быть, – говорит Ленотр, – он цел и доньше, валяется где-нибудь на чердаке, среди какой-нибудь рухляди? Но где именно? На этот вопрос до сих пор еще никто не отозвался.

Беспокойна, печальна была участь и вольтеровского сердца.

У Вольтера была приемная дочь, «олицетворение Красоты и Доброты», которая была замужем за маркизом де Виллет, домовладельцем на улице Бон, поэтому и страстным поклонником Великого Старца. Он и присвоил себе его сердце и приказал выгравировать на ларчике, вмещавшем это сердце, стих собственного сочинения:

Дух его витает повсюду, сердце же покоится здесь.

Впоследствии ларчик с сердцем долго стоял в мавзолее, воздвигнутом для него Биллетом в салоне знаменитого вольтеровского убежища, в славном по всему миру замке, которым Виллет тоже завладел в свое время. Там, в честь своего идола, он устроил нечто среднее между музеем и капищем, самого же себя провозгласил верховным жрецом вольтеровского культа. Но шли годы, страсть Виллета мало-помалу утихала, и знаменитый замок был сдан им, в конце концов, внаем какому-то богатому англичанину. Англичанин же, конечно, тотчас же велел мавзолей в салоне разрушить, а «драгоценный» сосуд с сердцем – «куда-нибудь вынести»...

Впрочем, сердце оказалось все-таки счастливее мозга. Ларец с ним все же сохранился. Конечно, и он переходил из рук в руки, от наследников к наследникам, был предметом их споров и даже судов, однако уцелел и в свое время был тоже предложен в дар государству, которое на этот раз оказалось уступчивее, чем прежде, в деле с мозгом. Сердце Вольтера покоится теперь, как известно, в библиотеке на улице Ришелье, в цоколе, на котором стоит модель знаменитого мрамора Гудона...

Да, Вольтер недаром усмехается так ядовито и доньше. Между прочим, и над самим собою, конечно.

<1927>

Портрет: #comm117

Богатая квартира, вечно безмолвная: хозяин, человек холостой, одинокий, гостей приглашает только по воскресеньям.

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
В просторной прихожей, устланной черно-красными коврами, медленно, беззвучно блещет медный диск маятника в английских высоких часах, каждый час оживающих: льется, переливается мелодический звон по всей квартире.

Сумрачная и великолепная столовая в темной фанере. Тяжелый стол из темного гладкого дерева без скатерти, темные дубовые стулья с очень высокими спинками. А над огромным кирпичным камином – достопримечательность квартиры, гордость хозяина: чей-то старинный портрет, писанный будто бы каким-то знаменитым художником, – смотрит с потрескавшегося лакового полотна, не спуская с зрителя глаз, куда он ни пойдешь, большой, плотный мужчина в бархатном малиновом берете, с коричневой прямоугольной бородой. Ничего замечательного нет в этом портрете. Но все гости хозяина, зная, что он им гордится почему-то, – совершенно неизвестно почему! – считают своим долгом продолжительно, задумчиво, даже с важной грустью смотреть на портрет и наконец тихо говорить:

– Да. Вещь замечательная.

Так и проживет хозяин еще лет двадцать с этим неизвестным человеком в малиновом берете, с коричневой бородой, ставшим давным-давно только картиной.

<1927–1930>

Русь, града взыскующая: #сomm118

Деревня, усадьба, предвечернее летнее время. В открытые окна нарядно и мирно глядит зелень деревьев.

Тишина, щебет птиц в саду.

И вдруг чей-то трагический, гремящий бас:

– Аз есмь Русь, града и дома взыскующая! По земле ходящая, вопиющая и глаголящая!

И под окном вырастает некто яростный, в неопишуемых лохмотьях, не скрывающих нагого тела, с глазами кровавыми, как раны, под всклокоченными лохмами черных волос. Он выкатывает смуглые белки, на все лады ворочает, играет ими и вскидывает кверху скелетно-худые, цвета мумии, руки:

– Бог есть ревнитель и мститель! Бог – человеколюбие и вечное даяние! Но не перенесу щедрот его из рук нечестивых! Царь ваш – тиран, слуги его – кровопийцы! Восстал всевышний бог, да судит земных владык во сонме их! Аз есмь пророк его!

И он раздирает на груди лохмотья, показывает жесткую шерсть на ней и бьет в нее кулаком.

– Червь-книгожитель, прославленный писатель! – кричит он, выкатывая из кровавых век смуглые, как на старой лубочной иконе, белки. – Вот напишите реальность, но не стишки, подобные эльфам и бабочкам! А! Не напишете! Дрогнет рука! Слов достойных не имате! Ибо знаете ли вы, что есть риза нешвенная и что есть риза тленная? Что есть молния стожальная и молния коленчатая? Меск, сиречь мул, и велбуд пустынь? Птица Ивин, питающая гадами? Орлий клекот? Место Краниево? Аз есмь смерд и пророк господень! – воскликнул он, театрально зарыдав. – Отпустите от щедрот ваших несколько драхм и скажите рабам вашим проводить меня по двору: не хочу быть растерзану от псов! Вечером, мертвецки пьяный, он спал в вагоне, весь раскинувшись, навзничь. Выражение его загорелого, далеко назад откинутого лица было адски мрачно и важно. Черная, с крепкой проседью борода торчала вверх путаными клочьями. Возле него валялась корзинка с подаянием – корки хлеба и яйца.

<1927–1930>

«Сон пресвятыя богородицы»: #сomm119

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
Зимняя ночь, непроглядная тьма и вьюга в поле, жаркая изба постоянного двора при большой дороге, – на нарах спят мужики-обозники, на мокрой, гниющей на земляном полу соломе лежат две овцы, поросенок и телушка. Висячая над столом лампочка притушена, едва светит и воняет керосином, в избе стоит ровный храп, вокруг избы шумит и снегом бьется в окошко буря. Лежу на лавке под образами, закрывая глаза, стараясь заснуть, и вдруг слышу звонкий шепот:

– А «Сон пресвятыя богородицы» ты знаешь?

В ответ детское бормотанье:

– Я спать хочу...

Это спрашивает мальчик, отвечает девочка, дети вдового хозяина постоянного двора, лежащие на печи, над нарами.

– Нет, ты не спи, ты погоди, послушай, – быстрым шепотом просит мальчик.

И спеша, восторженной скороговоркой, без передышки, начинает:

– В Вифлееме иудейском спала-почивала пресвятыя мати богородица приде к ней Иисусе Христе и рече к ней о мати моя возлюбленная и рече к нему пресвятыя мати богородица со слезами...

Дикая снежная Русь, бесконечная вьюжная ночь... Как попал сюда Вифлеем иудейский? Какой ангел занес в эту избу «Сон пресвятыя богородицы» и поразил им эту детскую душу?

<1927–1930>

Сокол

Иван – охотник, лодырь. Живет с краю деревни, возле погоста. Погост на косогоре, скучный: голые глинистые бугорки, взрытые свиньями, истоптанные овцами, которые до земли выглодали сухую траву между ними; над одной могилой тощая лозинка, на лозинке вниз головой висит дохлая галка, насквозь источенная муравьями; в одном голубце, рядом с фольговой иконкой, свила гнездо мухоловка... К погосту и прилегает гумно Ивана, нищее, пустое: раскрытый хребет риги, старый тележный ящик, рогатая соломорезка – и все заросло травой, бурьяном.

Когда мы шли к его избе с деревни, от нас стремглав, припадая к земле шеей, неслась его единственная наседка и с отчаянно восклицательным криком взвилась в ее разбитое окошко. На разрушенном крыльце, как-то по-вдовьи свернувшись, лежала чернобровая собака с висячими ушами, грустно глядя на нас вкось, исподлобья. – Иван, – спросили мы, – чем же ты ее кормишь?

Иван слегка удивился:

– Как чем? Да ничем. Это ее дело.

Перед крыльцом, на двух лопнувших колесах, рассыхалась на солнце пустая водовозка и бесцельно (видно, не зная, что делать) сидел на ее обрезе сизый, с серой грудкой голубь. Иван посмотрел, усмехнулся:

– Ишь в какую визиточку нарядился!

А в избе пол был завален чем попало – всякой добычей того памятного лета семнадцатого года: корыта, кадушки, треногое ободранное кресло, прихотливо изогнутая рама из палисандра, где от зеркала осталась только косая половинка, полотнище пыльной гардины, цинковая детская ванна с продавленным боком, граммофонный рупор, стенные часы с одной гирей в золе возле печки, пыльная господская визитка, как раз похожая на ту, в которую голубь «нарядился», – все из какого-нибудь разграбленного господского имения. В избе, и без того тесной, негде было повернуться, было безобразно. И истуканом, молча сидела на лавке баба, каменная, большая, с страшными светлыми глазами – жена Ивана. Сидела, молчала и смотрела.

– Это все она натащила, – сказал Иван самодовольно. – Она у меня сокол!

1930

Сказки: #comm121

Летней ночью, в саду, в темном шалаше, сквозь дырявую крышу которого видны звезды.

Яков лежит в глубине шалаша, мы сидим и курим на скамейке у входа.

– Ну, расскажи еще что-нибудь, Яков Демидыч. Ты не спишь еще?

– Спать не сплю, а маленько подремываю. Уж джуже ночь хороша, тепло. – Да и поздно небось. Какой теперь часто? Боле двенадцати, пожалуй, наберется.

– Что ты, девять только что било.

– Где било?

– Караульщик на церкви бил.

– А по чем этот караульщик может время знать?

– Как по чем? По часам, конечно.

– Ну, энто не часы. В них мух сухих много. Я эти часы видел, был у него в караулке. Он их потянет за цепочку – они прямо роем оттуда сыплются. А что же вам еще рассказать? Сказку какую-нибудь? али событие?

– Что хочешь. Мы и сказки твои любим.

– Это правда, я их хорошо выдумываю.

– Да разве ты их сам выдумываешь?

– А кто же? Я хоть и чужое говорю, а выходит, все равно, что выдумываю.

– Это как же так?

– А так. Раз я эту сказку сказываю, значит, я свое говорю.

– Это очень интересно, то, что ты сейчас сказал.

– Конечно, интересно. Мои сказки интересные. Только и события бывают хорошие. С одним попом, к примеру сказать, такое событие вышло. Было так-то, не хуже нашего, село с плохим приходом, и никогда, значит, священники эти там не жили, потому как не могли себя обрабатывать, а жил один поп в большом селе в трех верстах от этого, – один, стало быть, на два села: раннюю обедню, положим, тут служит, а позднюю едет туда служить. Один и потребности все справлял – и похороны, и причастие. А поп этот грешный был, пьяный, сквернослов, ни одной бабы видеть не мог – так и лезет на исповеди. И опять же жадный: дадут ему, скажем, пяток яиц, так нет – подавай десяток. И вот, случись так, сидит он раз в доме у себя, а уж ночь, поздно, дело осеннее и дождь ужасный. Месяц хоть примеркал, а все-таки видно в окна. Вот он и видит – подъезжает черный скрытный фазтон к дому, вроде карета барская. Слезает, обыкновенным манером, кучер с этой кареты, стучит в двери, входит. Понятно, мокрый весь, глаза блестят, в башлыке. Говорит: «Скорее, батюшка, – едем, княгиня помирает». Стал ему священник грубо отвечать: «Куда тебя, мол, такой-сякой, в такую погоду принесло? Не хочу ехать!» Ну, однако, уговорила его попадья, согласился. Сели, поехали. Лошади несут, аж грязь отскакивает. Сидит священник в карете, и стала его совесть мучить, хочется ему оправдаться перед кучером, за что, мол, я ругал его так, – бывает, опять выпивши был, ну а пьяный, известно, всегда каяться любит. Отворил он дверцу, задрал ему ветер волосы назад, сечет дождем в лицо, а он кричит: «Прости меня, кучер, я, мол, человек грешный, горячий!» Молчит кучер. Он опять кричит – опять

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
кучер безо всякого внимания, не оборачивается даже. Взяла попа жуть, глянул он так-то в поле и видит: идет к нему навстречу полная солидная дама, самая эта, значит, мертвая княгиня. Ахнул он, схватился за святые дары. «Господи!» – говорит. И только сказал – нет тебе ничего, ни кучера, ни кареты, а сидит он в поле на камне верхом, на коленях скуфью свою держит... Темь, ночь, дождь так и парит...

– Ну, и что же потом с этим священником было?

– А то и было, что пришли ране мужики и сняли его, чуть живого, с этого камня...

Молчание. Тихо, темно, звезды. Как земляника, краснеют огоньки наших папирос.

– Так. Это, значит, событие. Ну, а сказку не расскажешь?

– А сказку вам можно рассказать такую: про мужичка Чувилья и про Бабу-Ягу. Жил, значит, мужичок Чувиль, и был у него садишка за избой, а в садишке яблоня, а на яблоне этой возьми да и вырасти золотое яблочко. Ну, конечно, сошел Чувиль с ума от такой радости, стережет его пуще зеницы ока, все не рвет, надеется, что оно еще маленько подрастет, день и ночь в саду сидит. Только раз сидит он так-то, а она, Баба-Яга, и вот она: перекинула ногу через плетень и прямо к нему. Нос крючком, голова сучком, нога жилистая, сама стриженная. И так-то весело: «Здорово, мужичок, сорви-ка мне это яблочко, угости меня!» Оробел Чувиль до смерти, не посмел отказать, тряхнул яблоню... «Да нет, говорит, ты, мужичок, мне из ручки в ручку дай!» И, значит, цап его за руку да в лес, в избушку свою. А в этой избушке лесной сидят, значит, девки ее простоволосые, Аленка Коза да Акуль-ка Егоза. Вот вошла Яга к ним, да и говорит этак мельком старшой: «Сжарь-ка мне, Аленушка, Чувилья к ужину, а я пока еще по одному дельцу сбегая...» Аленка сейчас печь разожгла, посадила Чувилья на лопату хлебную – и раз его в огонь! Да ишь, не тут-то было: уперся Чувиль, раскорячился, – никак не всунет его девка в эту печь, разозлилась, кричит: «Что ж не лезешь, дурак, что ты меня мучаешь?» А Чувиль и взаправду дураком прикинулся: «Напрасно серчаешь, говорит, я бы, говорит, с радостью влез, да у меня уменя нет. Ты поучи меня, как мне сесть пострушней, присядь на минутку сама». – «У, серый пень, да ты сядь вот так, по-моему!» Вскочила на лопату бочком, подхватила подол, а Чувиль, не будь глуп, – шмыг ее в печь!

– Сжарил, значит, вместо себя?

– За милую душу. Ну, только речь о том, что добралась все-таки эта Яга до крестьянина. Прибежала домой, маленько ахнула, – жалко, понятно, дочь, – и поскорей сама за дело взялась! Опять сажает Чувилья, тащит его к огню да еще посмеивается: «Уж и легко ты, Чувиль, одне косточки!» – «А ты кинь, – отвечает Чувиль, – ты не жарь меня, авось навек не налопаешься, сама ж говоришь, что я больно худ». – «Да мне и лопать-то не хочется». – «Вот те на! Так чего ж тебе хочется?» – «А поиграть, позабавиться, посмотреть, как ты будешь в огне корежиться: я ведь, Чувиль, веселая!» ловко ай нет?

– Куда ловчей!

– Ну, а к чему ж эта сказка придумана?

– А по-твоему, к чему?

– Вот то-то и есть. Я вам загадал, а вы подумайте...

Потом Яков просит у нас «сигарочку», закуривает и ложится спать, с удовольствием затягивается – «ух, сладка!» – и начинает «свое самое любимое» уж совсем странным языком:

– За горами, за лесами, за широкими, значит, морями, и не на небе, на земле, жил старик в одной селе, и у крестьянина было три сына. Большой был умная голова, середний с бусорью, а младший с придурью, – по совести сказать, совсем дурак...

Вот эти братья сеяли, значит, пшеницу и возили в царскую столицу, там они ее, конечно, продавали, а денежки счетом принимали и поскорее ворочались ко двору: а то, не ровен час, и ошибешься, – зашел, скажем, выпить на суставчик, а вместо того и осьмухи показалось мало...

Ну, вот так, честно, благородно, и делали они дело, только вдруг, в долгом ли, в скором ли времени, приключилось им горе: кто-й-то ночью стал ходить и пшеничку ихнюю шевелить, – обивать, значит. Они сейчас друг другу смекнули, чтоб стоять в поле на карауле, и как, значит, стало смеркаться, вышло старшему брату собираться. Он берет вилы, топор и отправляется вроде как на дозор, а сам у вдовы у суседки усю ночь в клети пробыл, а на поле караулить и вовсе не ходил. Утром рассветает, он и приходит домой на крыльцо и стучит в кольцо, – мол, отворяйте скорее, застыл весь. А куда там застыл – лучше всякой бани напарился!

Братья ему двери сейчас отворили и давай его спрашивать, не видал ли, дескать, чего диковинного. Он им отвечает, на мою счастье, говорит, я ничего не видал, – на мою счастье, дюже холод был. Потом стало во второй раз смеркаться, надо середнему брату собираться. Он сейчас взял вилы, топор и отправляется будто на дозор, а сам пошел на сеник и так-то сладко проспал, аж слюни потекли. Наране приходит, всходит на крыльцо и стучит опять в кольцо, – мол, отворяйте скорее, я, говорит, вымок весь. Братья двери отворяли и опять давай его пытаться, не видал ли чего диковинного, а он опять им отвечает, что, на мою, мол, счастье, дож дюже силен был, такой, говорит, трескун, я весь мокрый пришел. А какой там мокрый, – он просто взял да водой весь облился, чтоб, значит, ему больше поверили... Чуете, намек-то какой?

– На кого намек, Яков Демидыч?

– Да хоть на меня на такого-то. Вы небось думаете – он сад караулит, а я лежу себе да тем сном занимаюсь. – Ну, да ладно. Слушайте, что дальше-то будет: – Тут, значит, кинулся к нему отец, ты, говорит, у меня первый молодец, теперь, говорит, двое, слава богу, откараулили. Потом в третий раз стало смеркаться, надо меньшому, дураку, собираться, а он и ухом не ведет, на печке каряки дерет. Тут братья стали его умолять, стали его восхвалять, – обязательно, говорят, тебе, Ваня, надо иттить, ты, говорят, у нас всему дому голова. А он опять свое, – лежит, не слушается их. Потом стал умолять его отец, ступай, мол, Ванюша, на караул, я поеду на базар, куплю тебе, говорит, бобов, а еще шапочку с красным околком и с гремучим позвонком, – ну и уговорил его...

Этот Ваня с печи, значит, слезая, малахай на себя надевая, кушачком подпоясывается, кладе за пазуху краешечку и отправляется на этот самый караул, на стражу. Вот он округ поля обходит и к кусту подходит, к какому-нибудь, значит, дереву ракитовому; сел под тем кустом, звездочки на небе считает, а краешечку уплетает. Вдруг ему что-й-то на ум блеснуло, он глянул из-под рукавицы и осмотрел белую кобылицу, а кобылица та была ровно как зимушка бела. Ну, он и обрадовался. Стой, думает себе, что за диво такая? Сейчас ее догнал, задом наперед оседлал, за хвост ухватился и по полю покатился. Она его и помчала, – мчала по горам, мчала по лесам, потом, стало быть, остановилась и к нему с речью обратилась, я, говорит, приведу тебе двух коньков золотогривых, все в мелких хвост кольца завитые...

– Постой, Яков Демидыч, это что-то неладно. Как это «в мелких хвост кольца завитые»?

– А так, волночатый, значит, хвост, весь в кольца завивается. Да вы не сбивайте меня, а то мне скушно станет...

Уходим мы поздно, когда уже краснеет за почерневшим и ставшим как будто меньше и ниже садом зарево восходящего ущербленного месяца.

1930

Паломница: #comm122

На пароходе, на пути из Палестины в Одессу.

Среди палубных пассажиров – множество русских мужиков и баб, совершивших паломничество в Иерусалим и на Иордань, и, как всегда, в числе их немало тяжко больных «животом». Одну старушку «схватило» еще в Яффе. Жестокая холерина, все ждут – вот-вот умрет. Однако она твердо решила умереть только в Одессе; ей было

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
лет восемьдесят, не менее; мала и слаба была она, как ребенок, смерти ждала даже с радостью; шутка ли – сподобиться умереть тотчас после такого святого подвига! Но вот узнала, что будет брошена в море, если умрет в пути, – и решительно отказалась умирать до прибытия в Одессу. Так всем и сказала:

– Нет, подожду до Одессы.

И так и сделала: перекрестясь, скончалась только тогда, когда услышала, что входим уже в Одесский порт...

В самом деле, это все не выдумка, а то удивительное самообладание, благочестие, с которым умирали когда-то русские мужики и бабы, то спокойствие, с которым они делали на смертном одре свои последние распоряжения и высказывали уверенность в жизнь будущую.

Только не напрасно ли приписывали такие смерти каким-то особенным свойствам русской души... Вот умирает тоже крестьянка и тоже чуть не столетняя, но во французской деревне, у нас в Провансе. Очевидец рассказывает:

– Elle etait si calme et tranquille que je lui dis en toute simplicité:

– Vous irez au Paradis, ma bonne Julienne.

– Paradis, – me repondit-elle, – ou voulez-vous que j'aïlle?[51 – Она была такая умиротворенная и спокойная, что я ей невольно сказал:– Вы пойдете в рай, моя дорогая Жюльена.– Рай, – ответила она, – а куда ж вы хотели, чтобы я пошла? (фр.)]

1930

Поросята: #сотт123

Вышли поросята на вечернюю прогулку после ливня с бурей и в восхищенье остановились перед грязным, взволнованным прудом.

– Ах, какой прекрасный, вонючий пруд! – воскликнул передний.

И все прочие взвизгнули дружно:

– Oui![52 – да! (фр.)]

Больше они по-французски ничего не знали.

1930

Из цикла «Странствия»

...В начале апреля посетил в Хамовниках дом Толстого. Несмотря на блестящий день, весеннее сияние голых деревьев, запах почек и сырой земли, впечатление тяжелое. Дом давно не топится, в нем холод, сырость. Особенно тяжело в тех двух низких комнатах с топорными креслами, обитыми черной кожей, очень потертой и в складках, где жил он сам. На стене висит его старая меховая шуба, на полу – разбитый кувшин и старое деревянное судно, у одной стены столик с сапожными инструментами... Все бедное, жалкое, следы жизни уже давней и забытой!

Вспоминаю Остафьево, где был перед этим. Там, в кабинете Карамзина, лежат под стеклом кое-какие вещи Пушкина: черный жилет, белая бальная перчатка, оранжевая палка с ременной кисточкой... Потом – восковая свеча с панихиды по нем... Смотрел – стеснялось дыханье. Как все хорошо, безжизненно и печально! Век еще более давний и потому кажущийся гораздо богаче, тоньше...

* * *

..Недавно, в прекрасный сентябрьский вечер, шел в Данилов монастырь. Когда подходил, ударил большой колокол. Вот звук! Золотой, глухой, подземный... На могиле Гоголя таинственно и грустно светил огонек неугасимой лампы и лежали свежие цветы. Возле стояли, кланялись и крестились старичок и старушка, очень старомодные, милые и жалкие. Я спросил, кто это так хорошо содержит могилу. Старичок ответил: «Монахи. А вы думаете, что все погибло? Нет еще...» – затрясся и заплакал. Старушка взяла его под руку: «Пойдем, пойдем, ты совсем впал в детство», – и повела его, плачущего, по дорожкам к воротам.

* * *

..Вчера весь день несло страшной вьюгой. Ночью, возвращаясь домой, думал, что погибну в снежной пустыне своего переулка.

Нынче пришлось быть возле Красных ворот. Вечерело, было снежно, тихо, всюду тоска и грусть. Я вспомнил, что тут, где-то близко, в Хоромном тупике, находится загородный дом Ивана Грозного. Отыскал тупик, спустился немного и вошел в ворота широкого, занесенного снегом двора. Неожиданно открылась какая-то странная глухая усадьба, и спереди, и с боков состоящая из теремов с крылечками и маленькими окошечками. Снег был свеж и настолько глубок, что я тонул по колено. Единственный след чьих-то очень больших ног вел к главному крылечку. Я пошел по следу, надеясь, что в доме кто-нибудь есть, – там теперь музей. Поднялся на крылечко – дверь оказалась заперта, хотя на ней и висело под стеклом объявление, что музей открыт каждый день от девяти утра до пяти вечера. Я стал стучать – ни звука в ответ. Откуда-то из-за дома вышел мужик в теплом картузе, в длинной стеганой куртке и, не обращая на меня внимания, пошел по двору. Я его окликнул:

– Музей открыт?

Он приостановился:

– Закрыт. По воскресеньям только открыт.

– А почему же висит объявление, что открыт каждый день?

– Да так висит, не снимают...

Я пошел к нему, и мы вышли из снега к крыльцу одного из флигелей.

– А что, интересно в музее?

– Есть люди интересуются, говорят, хорошо.

– А как по-вашему?

– Как-то не могу понять. Не могу вам разъяснить. Там, конечно, разное украшение старинное, разные орудия, всякие топоры, молотилки... Все собирали...

Он легонько вздохнул. По его тону можно было заключить, что он хочет высказать какую-то более глубокую мысль.

– А где же дом самого Ивана Грозного? Средний и есть?

– Средний. На его собственную ассигновку строен. Четыреста лет, говорят, стоит...

Он опять вздохнул.

– Да. Жили-наживали, хозяйство приобретали...

Темнело, и опять стало белеть в воздухе, опять пошел снежок на этот глухой, обширный двор, на старые, с грубыми деревянными лафетами пушки, которыми обставлен он...

* * *

..Июль был мрачный – каждый день грозы, ливни; свинцовая чернота неба над жутко

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
белеющей Москвой, режущий блеск сургучных молний и ужасающие удары грома, от которых звенят стекла. Недавно был такой потоп, что мальчишки-папиросники на Кузнецком и Неглинной разделись и плавали. В тот день я как раз опять уезжал из Москвы в гости к одним знакомым, на дачу: вода местами шла выше колесной ступки, от нее кружилась голова...

Знакомые – муж и жена (и, как это ни странно по нынешним временам, в нашем кругу, молодожены); пара вообще не совсем обычная: она женщина молодая (и очень серьезная), ему лет шестьдесят, хотя человек он очень живой, бодрый (небольшой, сухощавый, юношески легкий в движениях); оба занимаются русской историей, – он даже знаменит некоторыми историческими трудами. А дача – недостроенная бревенчатая изба в небольшом лесном поселке; всего сто верст от Москвы, но в леса, в болота, к северо-востоку, и потому край опять глухой, старинный: «черное место, дикой лес, мокрая болотина...»

Жили мы скучно, неуютно. Изба не в поселке, а как-то сама по себе, на отлете, на месте недавно срубленного леса, среди пней, щепы и сучьев. Еще без фундамента – только на столбах по углам, так что все заходил под нее чей-то петух и очень рано будил меня по утрам, орал под самой кроватью. И, проснувшись, видел я только сырой лес кругом, пни в густом молочном тумане перед окнами... Самовар, который я ставил среди этих пней, набив его сырым древесным углем, дымил ужасно, выедал глаза, не грелся по часу, по два. А вода тут пахнет ужами, хлеб липкий, зеленый...

Муж ходил в довоенных сереньких штанишках и в мужицкой рубаше, на ногах носил лыковые бахилки. Жена одевалась совсем по-крестьянски – тоже бахилки и суровая рубаша до пят, расшитая по рукавам и подолу красными елочками. И одевалась она так не только по необходимости: видела в этом опрощении свой долг и даже радость. Молчаливая, черноглазая, она все твердила о древней, мужицкой Руси, к которой нам уже давно надо было возвратиться, о том, что русские пути особые, неисповедимые, что бог послал нам великую милость – пострадать и в страданиях, как в огне, очиститься... Сны она видела только вещие, думы думала все загадочные, многозначительные. Имела какого-то тайного наставника, духовного отца, старца святой жизни, собиралась идти осенью к Серафиму Саровскому, который, по ее словам, предрек наши дни в точности: открылось будто бы некое рукописание, где собраны все его пророчества...

Когда я уезжал, хозяева провожали меня до станции. Мы шли несколько верст лесом. День был сумрачный, над соснами, над просекой, по которой мы шли, скоплялись сизо-белые облака, не обещавшие ничего доброго. И точно – как только мы подошли к станции, черный локомотив, уже стоявший за ней и яростно шипевший из-под себя белым паром, шумно осыпало крупным дождем с градом...

* * *

...В жаркий день, в конце апреля, ходил в село Измайлово, вотчину царя Алексея Михайловича. Выйдя за город, не знал, какой дорогой идти. Встречный мужик сказал: «Это, должно быть, туда, где церквушка с синим кумполом». Шел еще долго, очень устал. Но весна, тепло, радость, – было удивительно хорошо. Увидел, наконец, древний собор, с зелеными главами, которые мужик назвал синими, – как часто называют мужики зеленое синим, – увидел весенний сквозной лес, а в лесу стены, древнюю башню, ворота и храм Иосафа, нежно сиявший в небе среди голых деревьев позолотой, узорами, зеленью глав, – в небе, которое было особенно прекрасно от кое-где стоявших в нем синих и лазурных облаков...

Теперь тут казармы имени Баумана. Идут какие-то перестройки, что-то ломают внутри теремов, из которых вырываются порой клубы известковой пыли. В храме тоже ломают. Окна пусты, рамы в них выдраны, пол завален и мусором, и этими рамами, и битым стеклом. Золотой иконостас кое-где зияет дырами – вынуты некоторые иконы. Когда я вошел, воробы ливнем взвились с полу, с мусора, и усыпали иконостас по дырам и по выступам риз над ликами святых...

А как знаменита была когда-то эта вотчина! Вот кое-что из одной старой, редкой книги о ней:

«Рощи 115 десятин. Рощи, числом 5, заповедные. Роща цапельная, где жили цапли. Зверинец. Плодовые сады, числом 32, аптекарские огороды. Регулярный сад.

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
Виноградный сад. Волчий двор. Житный двор в 20 житниц. Льняной двор для мятя льну. Скотный двор, в нем 903 быка, 128 коров, 190 телиц и 82 тельца, 82 барана, 284 свиньи. Конюший двор, в нем 701 иноходец, кони, кобылы и мерины. Воловий двор. Виноградная мельница. Пивоварня, медоварня, солодовня, маслобойня. Птичий двор, в нем лебеди, павлины, утки и охотничьи куры многих родов. На мукомольне 7 мельниц. Стекланный завод... Церквей каменных 3, деревянных 2, дворов поповых 5 и 11 причетников. Воксал для блистательных представлений. Мост, мощный дубовыми брусьями... 27 прудов, в одном щуки, в другом стерляди, каковым щукам царевны вешали золотые сережки и кликали в серебряные колокольчики...»

* * *

..В августе ездил в Троицкое, поместье Румянцева.

За станцией – не то лес, не то парк, дикий, дубравный. На выезде из деревушки – памятник, очень странный в соседстве с мужицкими избами: Екатерина в греческом шлеме и какая-то богиня со змеей вокруг ноги, а под ними надпись:

«От Екатерины дана сему месту знаменитость, навсегда оглашающая заслуги графа Румянцева-Задунайского».

За мостом через ручей, среди вековых берез, – прекрасная церковь с двумя колокольнями, напоминающая некоторые римские церкви. В часовне при ней, тоже очень красивой, стоит громадная яшмовая гробница последнего Румянцева. Возле часовни – огненный куст настурции.

Кругом, из-под темных деревьев, сквозь их стволы, видны далекие деревни, сине-лиловые леса, золотом горящие на солнце жнивья.

Дальше – бесконечно длинная, страшно высокая аллея. Еще дальше – развалины дворца, пролеты в развалинах стен...

* * *

..Прошлое воскресенье провел в Троицкой лавре. Облазил все стены, все башни, подземелья...

В соборе, там, где стоит открытая серебряная рака, горит только одна лампада. Мощи как-то мелко лежат на дне раки, в каких-то почерневших, до ужаса древних остатках ветоши... Кругом плотная толпа – бабы, мужики, старухи с крысиными глазами. Ни страха, ни благоговения, ни вздохов – ничего. Только любопытство, кое-какие замечания, иногда остроты и смех...

В ризнице – кафтан Ивана Грозного: потертая золотая парча на голубом шелку, с золотыми шнурами. Концы рукавов истерты особенно, а низ левой полы весь изорван, из него торчит слой ваты... Тупо смотрят и на кафтан.

Во дворе собора по-прежнему нищие, калеки, недужные, «пораженные язвами и червья воскипением...». Лежат, сидят, переползают... Костыли, лохмотья, головы, повязанные платками и тряпками, безносые или безгубые, с кровавыми, как бы выдранными глазами или с оловянными бельмами, тщетно ищущими зрения... «Подайте слепому, безрукому... Кормители, питатели... Обратите внимание...» Бодро и деловито прошли среди этой орды два рослых монаха: один здоровый мужик в гимнастерке и грубых сапогах, в черной шляпе, с двумя русыми косами, другой в рясе – круглолицый красавец Алеша Попович с шелковой каштановой бородкой, с темно-синими, как бы налитыми маслом женскими глазами...

* * *

..После дождей – опять светлая, тихая осень. Ехал странно: заливной звон колокольчиков под росписной дугой, тарантас, тройка... Только тройка – три задранных клячи, тарантас – допотопная рухлядь, ямщик – в сплошных заплатах. И ни души встречной за всю дорогу. Ямщик сказал:

– Теперь все пошло на старый жребий!

В монастыре Саввы собор 14 века, теперь всеми забытый. Поднялся на крутую гору, на Старое Городище. Там тоже древняя церковь – одиноко белеет на самой верхушке; за ней древние земляные укрепления, вековые громадные сосны. Кругом ясная и четкая пустыня полей и лесов, солнечная теплая колкость...

* * *

...Суздальские земли грустны даже летом. Лесистые холмы, река. Краски – зеленые, лиловые, синие – очень густы и неприятны.

Нынче к вечеру небо на закате обложилось непогожими тучками, по реке пошла кирпичная рябь. Какие-то мужичишки-рыболовы, выплыв на реку, стоя и качаясь, наклоняясь в своих долблених челнах, вытаскивали бредни. Я долго смотрел на одного из них, качавшего своим челном реку, на его кривые ноги, на изломанное личико с серой проседью под размятым теплым картузом, на линючую ситцевую рубашку на впалом животе... Вот они, создатели, зиждители суздальских обитателей!

В одной из этих обитателей мне попала рукопись древнего монаха: «Замогильные летописи созерцаний». В ней есть такие строки:

О, жилище немятежное ближних моих друзей!
Мирное обиталище всех утрудших в ней!
Вертоград пустынный, краснейший Эдем!
Небурное пристанище, юдоль, сладкая всем!

Вечерами в городе великая уездная глушь. Долго не темнеет, бесконечно стоит тускло-синий сумрак в пустых и широких улицах без единого фонаря. Медленно бьют часы на древнем монастыре... для кого? Город точно вымер. Ложатся спать с вечера – целая вечность до утра! Мой сосед по жесткому дивану на постоялом дворе, какой-то мещанин, который спит, не раздеваясь и не разунаясь, всю ночь страшно скрипит зубами – точно новыми сапогами...

Видел одного местного начетчика. Он в поддевке, нескладно шаткий и высокий, с бледно-синими глазами. Пользуется большой славой. За ним приезжают из деревень, возят его на религиозные диспуты. Священное писание знает наизусть. Говорит очень громко, убежденно, сосредоточенно – и не позволяет сказать в ответ себе ни одного слова. Мужики им восхищаются:

– Какие ученые люди ни приезжали – не гожаются. Никуда! А какой мелкий приедет, с двух слов забьет – и шабаш!

* * *

...На Волге видел Макарьевский монастырь. Нанял лодку. Рыжий мужик, первобытный волгарь-рыбак, не спеша ворочал веслами, стоя в ней, и по зеркальной, тихой воде подвел ее к самому монастырю, к его древним стенам, из-за которых глядели главы шести соборов. В соборах все как было чуть не тысячу лет тому назад – незапамятная и нерушимая Русь: черные, средневековые лики икон, черная, средневековая олифа... Но монахов в монастыре осталось всего несколько человек. Живут тем, что возят по приволжским городам (на пароме) древний чудотворный образ. Я, когда плыл к монастырю, как раз встретил этот паром. Он шел еще медленнее нашей лодки, в глубоком молчании. Золотые хоругви, белый престол с образом, белые балахоны возцов и черные рясы сопровождающих образ. Все фигуры – и белые, и черные – сажень ростом, великаны...

* * *

...Опять весна, и опять живу в большой глуши – в тех самых краях, где несколько веков тому назад жил подвижник, про которого сказано:

Ты в пустыню суровую,
в места блатные, непроходимые
поселился еси...

Городок маленький, деревянный. Основан чуть не в самом начале Руси, стоит на мутной речке, нижний берег которой болотист, серебрится кустами ольхи. Середина города, очень малая часть его, окружена высоким земляным валом с тремя проходами. На валу еще заметно место, где была когда-то сторожевая башня. Вал зарос густой травой, в траве высыпали по весне желтые лилии. За валом древний собор, несколько деревянных домишек, два государственных здания и три березовых аллеи, в которых поют птицы. Некоторое пространство в этом зеленом кремле не застроено и тоже зарастает какими-то цветами. Тут же пруд, отражающий берега и весну. Вода имеет цвет фиалки. Возле пасутся лошади. Полное затишье, ветер сюда не заходит...

Я живу не в городе, а за городом, на горе. Город с церквями и соборами внизу, на широком разлужье, полускрыт тополями и липой. С горы открывается даль: перевалы, холмы, кое-где покрытые лесом, кое-где – полосами запашек и озимей, идущих вниз как бы холстами: запашки – розоватыми (от песчаной земли), озими – ярко-зелеными. Дальше, за холмами, леса все гуще и темнее...

Край этот церковный, монастырский: куда ни глянь, всюду монастырь. Слева от меня, совсем близко, белеет каменной стеной и башнями по углам женский монастырь двенадцатого века. Он наполовину скрыт столетними, уже засыхающими деревьями, весь осел, врос стенами в свои зеленые берега. Вечерами под его тяжелые ворота с золотым крестом над ними идут черные фигуры монахинь. Справа – скит, дальше плоскодонный лог, а за ним невысокий холм, на котором, под старыми деревьями, раскинут старый погост, где козодои, не смолкая ни на минуту, тянут всю ночь напролет все одну и ту же жужжащую ноту. Птица эта очень идет к скитам. Вылетает она беззвучно из-под самых ног, повьется над головой, бесшумно трепеща крыльями, и опять упадет на какую-нибудь могильную плиту. Глаза у нее – два красных карбункула. Могильные плиты на погосте мшисты и загажены птицами, мшистые кресты серы, мягки, точно на них фланель. Есть, конечно, развалившийся склеп богатого купца, нелепый и безобразный, из черных окон-дыр которого пахнет нечистотами. А рядом чей-то новый крест, под которым лежат свежие цветы и густо вьются пчелы...

В монастыре есть могилы очень древние. Как-то, возвращаясь с вечерней прогулки, вошел во двор монастыря, прельщенный красным огоньком, горевшим в келий под навесом деревьев монастырского сада. Были уже сумерки – полусвет северной ночи. Во дворе было пусто. Золотой ангел с крыши притвора благословлял двор. В притворе чернели две рясы, белели два капюшона. Одна из монахинь была молода, нежна, тиха. Я попросил ее показать, где на монастырском кладбище самые древние могилы. Она достала из ниши фонарик, зажгла его и повела меня в полумрак сада, среди смешанных весенних запахов – и сладких, и терпких, и каких-то водянистых, травяных. Иногда она останавливалась и освещала могилы. В полусвете фонарика выделялся ее белый капюшон. Ока разыскала старую-старую могильную плиту, вросшую в землю особенно глубоко, всю во мху, в порах и углублениях, суженную к одному концу. Буквы, насеченные на ней, покрытые мохом совсем черным, гласили:

«Лета такого-то (шестьсот лет назад)... схимонах ферапонт... рода Долгоруких...»

Когда я уходил, монахиня поклонилась мне в пояс. Колокола били часы. Колокола здесь тоже очень старые, есть шестнадцатого века. Среди этой северной ночи их серебряная, певуче дрожащая игра над монастырским садом и городом очаровательна. Особенно поздней ночью, когда все спит. Ночь же здесь прозрачная, бледная. Что-то бледно-лимонное, тонкое освещает небо. Венера стоит высоко, играет каким-то тающим, просветленным блеском. Мохнатая лесная зелень в этом прозрачном свете беловата и кажется мягкой, как лебяжий пух. В полночь светает. Лимонный свет становится ярче, леса – темнее, сырее, бархатней, и запахи цветов, очень сильные ночью, тонут в одном, особенно сильном запахе ландышей...

* * *

...У стен монастыря встретил однажды монаха из уезда. Он отвязывал от дерева старую лошадь с вытекшим глазом, запряженную в старомодную колымажку, на дрогах, с загнутыми сзади полурессорами. Очень маленького роста, в сером подряснике и черной шляпе; лицо худое, длинное, редькой, в оловянных очках; на грудь спускается по плечам два жгута волос, маслянисто-каштановых, с серебром. Разговорились, я присел к нему в колымажку, и мы выехали за город, поехали по лесной дороге. В пути он стал рассказывать про свой монастырь, про хозяйство, которое там опять понемногу налаживается. Рассказал также про святого,

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
основавшего монастырь, и про знаменитого юродивого, погребенного в монастыре. Юродивый был «как бы Голиаф», ходил в одной рубахе, под которой носил целый пуд тяжелой собачьей цепи (и до сих пор хранимой в монастырской ризнице). Пришел в монастырь неизвестно откуда, ископал себе поблизости от него, в дремучем ельнике, землянку. Каждый день, услышав монастырский колокол, приходил к монастырской церкви и становился на паперти, – стоял на ней босиком и в одной рубахе, даже зимой, не боясь ни морозов, ни метелей. После обедни являлся в хлебодарню, залезал в печь и закрывал за собой заслонку, говоря: «В аду еще жарче будет!» Как-то раз не пришел. На другой день тоже. Монахи стали тревожиться: не случилось ли чего? А как нарочно шла сильная метель. Стали бить в колокола. День и ночь, сквозь бурю и снег, в дремучих еловых лесах, в снежном густом бору, гудел колокольный звон – его все не было. Когда стихло, пошли искать по лесам окрест – не нашли и в лесах. А потом пошел как-то на медведя мужик – и видит: лежит юродивый возле своей хижины, окруженный сугробами, но не на снегу, а на весенней зеленой траве, посреди благовонных цветов...

...Был еще в одном монастыре.

* * *

Пришел туда рано утром. Утро было солнечное, яркое. Золотыми сердцами горели на солнце монастырские кресты. В церкви шла служба, из раскрытых церковных дверей слышалось пение. Церковь была пуста – только по обеим сторонам ее, против боковых алтарей, стояли в два ряда черные монахи, с четками в руках. Царственно-суровая игуменья, положив левую руку на черный посох с желтой косяной рукояткой, стояла против средних царских врат в высоком дубовом кресле, устремив взор на высоко уходящий вверх золотой иконостас, весь покрытый ликами святых, мужчин и женщин, списанных с членов одного древнего рода. Служба шла стройно, спокойно, возгласы и чтения звучали с нарочитой безжизненностью, ровно и бесстрастно, высокими женскими альтами, пение неожиданно прерывало эту безжизненность минутами сладостных или скорбных излияний вдруг оживавших душ. А двери церкви были раскрыты на воздух, светлое летнее утро окружало монастырь, радостно и мирно сияло в окрестных полях и росистых перелесках...

Когда служба отошла и монахи, под звон колоколов, под жарким солнцем, стали расходиться из церкви в разные стороны, к своим кельям, я спросил у одной из них, где монастырская библиотека. Она указала мне на часовню, возле которой была пристроена какая-то особая келья. Я пошел туда, постучал в дверь. Вышла высокая, мужественная монахиня с черными внимательными глазами, вся в черном, с белой коленкоровой наколкой на голове. Выслушав меня, она помолчала, потом ввела в келью. Я увидел две маленьких комнатки, необыкновенно чистых, весело озаренных солнцем. В одной топилась печка и горела на столике розовая лампадка, было необыкновенно уютно, пахло чем-то очень приятным. Другая была заставлена книжными шкапами, там стояли два стола для чтения и фисгармония. Монахиня дала мне каталог, сама села на подоконник, все продолжая следить за мной серьезными и даже пронзительными глазами. Я выбрал историю монастыря. Монахиня, найдя ее, подала мне и вышла. Я, невольно стараясь быть как можно скромней и тише, сел читать и делать выписки возле раскрытого окна, за которым светило солнце и шел ровный лепет зеленой древесной листвы...

Между прочим, я узнал, что под монастырем находится громадное подземелье, сплошь уставленное гробницами предков того рода, с лиц которого списаны святые на иконостасе в церкви. Есть гробницы еще времен Грозного. Историк монастыря, перечисляя гробницы, дает и краткие жизнеописания погребенных в них. «В гробнице такой-то погребен такой-то, обезглавленный царем Иваном Васильевичем Грозным... В гробнице такой-то – тот-то, убиенный в 1612 году...» В следующей – «отрок Сергей, убитый лошадью; родился в 1698 году, преставился в 1715; был иноком с четырнадцати лет; красавец собой, одаренный несравненным для пения голосом, страстью к музыке и большими познаниями в оной, с детства стремился он к богу и вечности, куда и восхищен был преждевременной кончиной своей...».

В полдень, простясь с монахиней и выйдя из кельи, пошел к склепу, откуда идет спуск в это подземелье. Однако спуститься в него не решился: только заглянул между прогнивших и провалившихся досок пола в его тьму, увидел две каких-то громадных осмоленных колоды – и поскорее пошел прочь...

...На прощанье попал еще в одно старинное место, еще в одну усадьбу. Опять широкий двор, стертые камни старинного крыльца, в доме сложные вековые запахи... Из полутьмы большой гостиной, в окна которой глядел одичавший сад, прошел в еще более просторный, но светлый зал, весь позлащенный солнцем, сияющий зеркальным паркетом. Опять портреты... Неужели не приукрашали старинные художники этих женщин? Особенно поразил меня один молодой женский портрет, глядевший со стены сквозь золотистую солнечную сетку, падавшую на него из сада. Несравненная прелесть форм, облитых тонким шелком, неземная красота радостно-восторженных очей, их чистейшей небесной бирюзы! В библиотеке – портрет старинного владельца усадьбы. Что-то вольтеровское, как часто это бывало в те годы: белый густой парик, нежное румяно-желтое лицо с впалыми щеками, едкие, пронизательные глаза и тонкая линия рта. Сколько уже лет молча смотрит он на эту молчаливую комнату? А комната такая, что, кажется, остался бы в ней навеки: низкие книжные шкапы с инкрустацией, золотые узоры на кожаных и сафьяновых корешках за их стеклами, посредине, под дубовым полированным столом, горит на солнце красный бархатный коврик; кругом, по лаковому полу, блеск и игра лучей, а за широкими полукруглыми окнами – безбрежные серебристые леса... В «Расходной книге» этого имени прочел между прочим: «Отпущено псарю Тимофею 60 аршин алаго атласу на кафтан...», и мысленно увидел охоту, несущуюся по этим серебристым лесам за каким-нибудь лосем, который мчится от собак по кустам и полянам, вывалив на сторону закушенный язык... Потом смотрел другие книги: откуда и в них, в самый расцвет благосостояния, таких тонких и сильных вкусов к жизни, эти вечные стремления «к богу и вечности», эти горестно-возвышенные упреки земле и человеку?

Почто, о человек! стремишься
Всегда за счастьем земным?
Неужли ты надеждой льстишься
Вовеки наслаждаться им?

<1930>

История с чемоданом

Начинается эта ужасная история весело, просто и гладко.

Дело происходит в доброе старое время, однажды весной.

Я молод, беспечен, легковверен, живу в Москве и собираюсь в свое первое путешествие в Турцию, что, конечно, еще больше меня окрыляет, делает особенно легким в решениях, в поступках, в доверии к жизни.

И вот наступает день моего отъезда, я начинаю укладывать вещи, вижу, что мой прежний чемодан слишком мал, истрепан, и отправляюсь в Английский магазин, на Кузнецкий, чтобы купить новый, большой, прочный.

Что такое чемодан? Это ближайший, интимнейший друг человека, – по крайней мере, в дороге, – выбор которого требует, значит, немало ума, расчета, опытного и зоркого глаза, способности многое предвидеть, взвесить, а еще и того, конечно, чтобы, выбирая вещь практично, выбрать вместе с тем нечто такое, что не причинило бы ущерба и эстетическим вкусам, пренебрежение к которым может иной раз сделать самую практичную покупку ненавистной. Что до чемодана, о котором идет эта повесть, то я купил его совсем иначе: вне всяких мудрых правил, изложенных выше, без дум и размышлений, с небрежнейшей быстротой, однако ж на редкость удачно. Так, во всяком случае, казалось сначала – и не без оснований: чемодан на первый взгляд был безупречен.

Я до сих пор отлично помню, как произошла эта покупка. Я вошел в магазин бодро, живо, с тем приятным чувством, с каким всегдаходишь в магазин дорогой, богатый и потому спокойный, просторный, красивый, а главное, знакомый, где тебя не только давно знают, но, как кажется, и любят, где продавцы, похожие на людей из хорошей гостиной, встречают тебя какою-то такой улыбкой, что тебе вдруг делается очень лестно и ты мгновенно становишься фатом, спеша притвориться тем именно светским молодым человеком, держаться которым тотчас заставляет тебя уже одна эта улыбка. Я, помню, отвечая на поклоны, засунув в левый карман пальто

набалдашник трости, конец которой торчал у меня за плечом, быстрым шагом прошел по коврам, по разным отделеньям магазина, мельком хвостнул, что уезжаю надолго, далеко, и, войдя в дорожное отделение, кивнул головой на первый попавшийся чемодан прекрасной смуглой кожи, не спросив даже, что он стоит, – только приказав отправить его вместе со счетом в мой номер в «Лоскутной». Я сразу, конечно, заметил, что в своем фатовстве слегка зарвался, – что цена чемодана, когда я об ней узнаю, заставит меня ахнуть. Но эта мысль, это чувство тотчас исчезли в сознание, что такой превосходной вещи у меня еще никогда не бывало, что я могу покрыть эту трату экономией на прочих расходах... Взгляд мой упал на этот чемодан совершенно случайно, но я им сразу восхитился – и недаром.

Повторяю: не в пример большинству покупок, столь пленяющих в лавках, а дома, при ближайшем и спокойном рассмотренье, приносящих чаще всего большое разочарование, чемодан оказался и в «Лоскутной» вполне достойным восхищенья. В магазине он так поразил меня своими замками, кожей и тем, как он вообще дивно сработан, что я, принужденный сделать до отъезда еще кое-какие покупки, ужасно торопился как можно скорее воротиться домой, спешил, как на любовное свиданье. А он был уже там, в «Лоскутной», как бы ждал моего прихода, спокойно лежал на диване, весь обернутый толстой синей бумагой и увязанный тонкой и крепкой бечевкой. Я наконец приехал, вбежал в номер и кинулся к дивану. Я быстро перерезал бечевку, разметал бумагу – и вот мой новый друг и спутник предстал предо мной во всем своем блеске: большой, тяжелый, прочный, ладный, с этим удивительным лоском новой великолепной кожи, с зеркально-белыми замками, благородно-пахучий, атласно-скрипящий... Легко себе представить, с каким чувством я его раскрыл, раскинул, увидел его девственные недра, большой карман темно-красного сафьяна с исподу верхней половины!

Так радовал он меня и всю дорогу до Одессы. Я все время наслаждался чувством своего обогащенья, мыслью о том, чем я обладаю. Сажу в вагоне-ресторане за обедом, лечу и мотаюсь, расплескивая, наливаю красное бордо в низкий и толстый стакан, гляжу на столы, на соседей, на тот веселый, пестрый блеск, что присущ всем вагонам-ресторанам, потом пью кофе и курю жаркую и сладкую сигару, а сам мысленно вижу свое купе с уже раскрытой постелью, лампочку под розовым абажуром на столике возле постели – и его, мою гордость: лежит себе в оттянувшейся сетке, плотно набитый всем мне необходимым, качается и дремлет, мчитя вместе со всеми нами в Киев, а Одессу! Возвратясь в купе после обеда, выпиваю нарзану, слегка задыхаюсь от его стеклянно-колющих иголок, раздеваюсь, тушу свет, засыпаю – и опять та же мысль, то же чувство: ночь, вагон, темнота, все летит, рвет, скачет, а он тут, он со мной, в этой сетке... Я чувствовал к нему даже какую-то благодарность! Ну-с, а затем мы приехали с ним в Киев, пересели в другой поезд, тоже ночной, курьерский, а утром проснулись уже под Одессой, в то время когда весь вагон умывался, одевался, пил чай и кофе, что несли по поезду лакеи... В Одессе мы остановились в «Петербургской», он, то есть чемодан, полегал в вестибюле, а я съездил в пароходную контору, потом позавтракал в ресторане «Петербургской» жареной глосью, запивая ее белым вином кристи, и, расплатившись по счету и вновь соединившись с чемоданом, поскакал в Карантинную Гавань... Пароход уже готовился к отходу. Он оказался старый, видавший виды, низкий, с тяжелой кормой, с глубокой посадкой, – значит, подумал я, покойный, не валкий. Был он приятен и тем, что был совсем почти безлюден, – только подъехало в самую последнюю минуту еще два пассажира первого класса, какой-то ксендз и в трауре худая дама, из посольских, – так что в нашем с чемоданом распоряжении оказалась целая большая каюта. Там чемодан лег на верхней койке, а я расположился на нижней. Вскоре после того пошел над нами топот матросов, под бортами зашумело, забурлило, послышались свистки, команда, треньканье телеграфа из вахтенной рубки в машину, набережная стала от бока парохода отделяться... На закате мы были уже далеко в море, и я не запомню столь ровного, безмятежного хода, каким шли мы весь вечер, а потом в мягкой тьме морской ночи с теплым и все крепнущим ветром. Надыхавшись им на юте, я, часов в десять, был уже в койке и стал погружаться в сладкую дремоту, медленно опускаясь и поднимаясь вместе с нею, валясь то на правый бок, то на левый, временами шумно покрываясь целым водопадом вдруг откуда-то ударившей в стену волны, временами же ровно, тихо дрожа на слегка стучащей дрожи работавшей где-то в глубине машины... как вдруг, как раз в ту самую минуту, когда я уж совсем было исчез куда-то, меня вознесло, как на качелях, потом метнуло книзу и оглушило таким громом, что я дико сорвался с койки – в полном убеждении, что пароход налетел на что-то, что сейчас в каюту хлынет море, – и получил такой страшный удар в ноги, что ринулся вниз головой, под ревущий умывальник, но, по счастью, не успел его достигнуть, ибо пол за мной внезапно провалился, и я снова покатился к койке, снова наступаемый каким-то

Дело было ясно: страшная качка! Но этот гром, грохот? Этот удар в ноги? Чем это меня такхватило? Страшней всего было мгновенье ожидания нового удара, пока я катился к койке. Тут я, однако, изловчился, упал в койку грудью и, поймав на переборке какую-то кнопку, осветил каюту. Что ж оказалось? В шуме волн, в свисте ветра, в скрипе переборки, по полу бешено летающей каюты носится что-то живое! Да, живое, живое! Что? Но чемодан, конечно! Это он оглушил меня громом, брякнувшись с верхней койки об пол, потом чуть не перебил мне ноги... Теперь, на свободе, он носился по каюте как угорелый. Он точно мстил кому-то за всю ту покорность, с которой он должен был лежать всю дорогу в сетках, притворяться моей вещью, бездушным чемоданом. Он вдруг ожил и бесовски разыгрался: гладкий, скользкий, тяжелый, как булыжник, набитый мной до круглоты, до отказа, как говорят нынче, он, в диком и резвом веселье, то мчался на меня, на койку и бил лбом в ножку койки, то, подпрыгнув, кубарем летел под умывальник, а оттуда к двери, а от двери под иллюминатор... Умывальник, мотаясь, как пьяный, задыхался, отчаянно ловил своей дырой воздух, клокотал и захлебывался ревом, переборки трещали, скрипели, иллюминатор то и дело падал своим черным стеклом в налетавшие волны, которые, взвиваясь, били в него густой, мутной слюной, текли ее мерзкими разводами, кружевами, а чемодан стервенел все больше и больше, ничуть себя не жалея, драл свою дивную кожу, с яростью бился замками и углами обо что попало... Надо было немедленно кинуться на этого безумца, подмять под себя, притиснуть к полу, забить под койку! И вот я опять сорвался с койки и упал на него всем телом. Но тут пол за мной опять рухнул, впереди же встал дыбом – и чемодан быстро выскользнул из-под моего тела, крепко дал мне в темя и, крутясь, грохоча, сам понесся под койку. Я мгновенно перевернулся и уже готов был вбить его туда одним ударом, но он вдруг подпрыгнул, как мячик, взвился и понесся к двери, а я угодил как раз туда, куда его метил, – под железную сетку койки, страшно ободравшую мне плечи.

Продолжать он рисовать эту гнусную битву? Ей не было конца и края. Я тоже потерял рассудок, тоже остервенился. Сперва я еще думал, что все это только игра моего воображения, – что чемодан мне только показался живым, одушевленным; я сначала испугался лишь корыстно, – того, что он весь изобьется, обдерется, кинется к нему, в сущности, на помощь, чтобы облегчить ему возможность где-нибудь приткнуться, задержаться... Но нет, он вовсе не был лишь игрушкой, забавой волн и ветра, бессмысленной вещью, безвольно вверх и вниз летавшей вместе с каютой! Он, видимо, сознательно был счастлив всем этим адом качки, давшей ему столь чудесный случай сорваться на пол и пуститься в свои беснованья, раззадорить меня ими, вовлечь в схватку и начать нещадно гвоздить по чем попало. И если б кто видел, сколь он оказался ловок, прыток, изворотлив, как метки и ужасны были все его удары, какой умной, сильной, злобной тварью он вдруг объявился! Но ведь и я был не из таковых, что сдаются сразу. Я бился не на живот, а на смерть, руками и ногами, – и порой награждал его такими тумаками, что он, невзвидев света, взвивался чуть не на умывальник, у которого все больше выворачивало душу от морской болезни. Я скрежетал зубами, – о, если бы помощь! Но кто же мог помочь мне? Кричать – верх позора, да и кто бы отозвался? Не спали лишь там, на вахте! Я задыхался, обливался потом, катаясь по каюте в самом постыдном, растерзанном виде, молил бога о кинжале: о, если б кинжал – с каким упоеньем я всадил бы его в бок этой твари! Но какой кинжал, откуда? Да и что ему кинжалы!

Кончилось все же моим бегством. «Будь ты проклят! – крикнул я ему под утро. – Носись, взвивайся, грохочи тут сколько хочешь!» – И, кое-как одевшись, выскочил вон из каюты.

Наверху был холод, лед, пустыня, буря, палубу то и дело крыло пенными и шумными хвостами крепко пахнущего мокрым бельем моря. Я жадно хватал грудью свежий воздух, стоял, мотался, ухватясь за притолоку рубки. Уже стихало и светало. Борт передо мной летел в лиловеющее облачное небо, а небо куда-то прочь, в бездну, потом вдруг открывалась и отвесно неслась прямо на меня равнина моря, – зелено-седого, изрытого ухабами, горами, с которых дымом, метелью гнало пыль пены. Я метнулся из рубки на холодный ветер или, говоря поэтичней, в ледяные крылья бури – и, с безобразно вздутым картузом, в один зигзаг перелетел к юту, ют в тот же миг взвился вверх своим широким задом, все остальное, вся та неуклюжая тяжесть, что была впереди, подо мной, – палуба, рубка, труба и отчаянно вопиющие снасти, – повалилось к носу, поклонилось морю и по плечи, по горло, с мучительным наслаждением, в него погрузилось, и я увидел, как мала и

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
несчастлива наша старая черная баржа в этом огромном и дико-пустынном водном
круге, высоко затоплявшем горизонты, охваченном лохматым небом. Но что мне было
до всей этой картины! Я, видя, что все-таки стихает, что близится утро,
стискивал зубы, бормотал злорадно, сладострастно (чемодану, конечно):

– Ну, погоди, погоди же!

А в сущности, что я мог ему сделать?

1931

Провансальские пересказы: #comm126

Звезды

Небо было все в звездах, мяукала совка. Я гулял в поле, встретил у дороги
старика-пастуха Жана, который стерег овечье стадо, и вот какой разговор
произошел между нами:

Он

Как вы сюда попали, господин Фредерик?

Я

Вышел немного прогуляться, мэтр Жан.

Он

Прогуляться по звездам?

Я

Мэтр Жан, вы угадали. Я так утомлен Землею, что мне хотелось бы ее покинуть и
затеряться в звездном царстве.

Он

Что до меня, господин Фредерик, то я совершаю подобное путешествие почти каждый
вечер и могу вас уверить, что оно удивительно прекрасно.

Я

Да, но как это сделать, как попасть в эти светозарные бездны?

Он

Очень просто. Стоит только следовать за мною.

Я

Мэтр Жан, ловлю вас на слове.

Он

Тогда отправимся прежде всего вот этой дорогой, белеющей с севера к югу: это
путь святого Иакова, прямой путь из Франции в Испанию. Когда император Карл
Великий воевал сарацинов, святой начертал этот путь в небе, чтобы указать ему
дорогу.

Я

Язычники называли это Млечным Путем.

Возможно. Но я говорю только то, что сам слышал. Затем, видите вот эту чудесную колесницу, четыре колеса которой озаряют весь север? Это Колесница Душ. Три звезды, что перед нею, – три коня, запряженные в Колесницу. А та, что чуть видна возле третьей, – Возничий.

Я

В книгах это называется Большой Медведицей.

Он

Это как вам угодно. Но смотрите, смотрите: одна за другой падают звезды. Это бедные души, лишенные рая. Осеним себя крестным знаменем, господин Фредерик.

Я

Да не оставит их милость господня!

Он

Но дальше: вот Небесный Пастырь – вон то великолепное светило, что блещет недалеко от Колесницы.

Я

В астрономии называемое Арктуром.

Он

Допустим. Теперь смотрите на север, вон на ту звезду, что едва мерцает. Это Звезда Мореходов, или Трамонтана. Она никогда не заходит и путеводит в море. Моряки, теряющие ее из виду, считают, что они обречены на гибель.

Я

Эта звезда, называемая также и Полярной Звездой, находится в созвездии Малой Медведицы. И так как северные ветры дуют именно оттуда, то провансальские и итальянские моряки, когда им случается идти против ветра, говорят, что они идут «на Медведицу».

Он

А обернувшись, мы увидим, как мерцает Курятник.

Я

Ученые говорят: Плеяды. Гасконцы же – Собачья Тележка.

Он

Совершенно верно. А вот, немного ниже, сверкают Знаки, прямое назначение которых указывать пастухам время. Одни называют их Тремя Королями, другие говорят: Три Шмеля, или Грабли.

Я

То есть Орион и Пояс Ориона.

Он

Превосходно. Еще ниже, к югу, блещет Жан из Милана.

Я

Сириус, если не ошибаюсь.

Жан из Милана – светило из светил. Жан из Милана, Знаки и Курятник были, говорят, приглашены однажды на свадьбу. (На свадьбу красавицы Магелоны, о которой скажем после.) Курятник, как самый ранний, отправился первым и пошел верхней дорогой. Знаки, три быстроногие девы, пересекли ему путь снизу и совсем было его догнали. Тогда Жан из Милана, немножко проспавший, вскочил, взял им наперерез и, чтоб задержать их, запустил в них свой посох. От этого Три Короля, или Грабли, и называются с тех пор Посохом Жана из Милана.

Я

А вот та звезда, что выходит из-за гор на горизонте?

Он

Это – Хромой. Он тоже был приглашен на свадьбу. Только он, бедняга, едва ковыляет. Да и встает он поздно и ложится очень рано.

Я

А вот та, что уже заходит и сияет такой брачной красотой?

Он

А, это Пастушья Звезда, Утренняя Звезда, та, что нам светит и на восходе, когда мы только что выгоняем стадо, и по вечерам, когда мы его гоним обратно! Это королева-звезда, красавица Магелона, вечно преследуемая Пьером Провансальским, с которым она вступает в брачный союз каждое семилетие.

Я

По-моему, это пересечение путей Венеры и Юпитера, иногда Сатурна.

Он

Пересечение так пересечение. Но погодите минутку... Эй, Лабри, что ж ты зеваешь? Мы тут болтаем, а все овцы разбрелись куда попало. Что за негодная собака! Придется бежать самому сгонять их! Ну, господин Фредерик, до свидания, смотрите не заблудитесь!

Я

До свидания, мэтр Жан.

<1930>

Мэтр всех мэтров

Однажды, сидя у себя в раю, господь бог-отец был чем-то весьма озабочен. Бог-сын Иисус сказал ему:

– Что с вами, отец?

– У меня, – ответил господь, – есть одна забота, которая не дает мне покоя. Вот взгляни-ка туда.

– Куда? – спросил Иисус.

– Вот прямо туда, куда я указываю. Видишь, вон в том селении, на самой окраине, кузницу? Большую и отличную кузницу?

– Да, вижу.

– Так вот, сын мой, есть там один человек, которого мне очень хотелось бы спасти, – мэтр Элуа. Это очень достойный человек, верный исполнитель всех моих

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
заповедей и всякого житейского долга, милостивый к бедным, готовый на всякое добро и услугу, неутомимый и благочестивый работник. Он, по-моему, вполне достоин стать святым.

– А что ж ему в этом мешает? – спросил Иисус.

– Гордыня, чадо мое. Он отличный мастер, кузнец первого сорта и поэтому думает, что нет на свете никого выше его. А ведь высокомерие есть великий грех.

– Отче, – сказал Иисус, – если бы вы позволили мне сойти на землю, я бы попытался обратить его на правый путь.

– Иди, возлюбленное чадо мое.

И вот милосердный господь наш Иисус Христос сошел на землю. В одежде простого подмастерья, с котомкой за плечами, он направился прямо к мэтру Элуа. По обыкновению, над дверью кузницы висела вывеска. Однако вывеска эта была не совсем обычна. На ней стояло: «Кузнец Элуа, мэтр всех мэтров, в два накала кующий подкову».

Божественный подмастерье снял шляпу и молвил:

– Добрый день и бог помощь, мэтр Элуа! Нет ли работки?

– Сейчас нет, – ответил мэтр Элуа.

– Тогда простите и до свиданья, зайду как-нибудь в другой раз.

И милосердный господь наш Иисус Христос продолжал свой путь по селенью. На улице стояла и болтала кучка крестьян, и он, проходя, сказал им:

– Вот никогда бы не подумал, что в такой отличной и большой кузнице не найдется никакой работы!

– Постой, дружок, – сказал один из крестьян, – да ты как поздоровался с мэтром Элуа?

– Да обыкновенно как: мол, добрый день, мэтр.

– Ха! Совсем не так нужно было сказать: не мэтр, а мэтр всех мэтров. Взгляни-ка на его вывеску.

– В самом деле! – сказал Иисус. – Попытаюсь пойти еще разок.

И, сказав так, снова пошел в кузницу:

– Бог помощь, мэтр всех мэтров! Не нужно ли вам подручного?

– Входи, входи, – сказал мэтр Элуа, – я как раз думал о том, чтобы взять тебя. Только вот какое дело: запомни хорошенько, что, когда ты обращаешься ко мне, ты всегда должен называть меня «мэтр всех мэтров», и это вовсе не затем, чтобы угодить моему тщеславию, а в силу того, что таких мастеров, которые в два накала могли бы выковать подкову, нет, кроме меня, нигде на свете.

– О, – ответил подмастерье, – но у нас, в наших краях, куют подкову и с одного накала.

– Как с одного накала? Не болтай вздора, это невозможно.

– Невозможно? Посмотрим, мэтр всех мэтров!

И Христос хватает брусок железа, бросает его в горн, раздувает мех и, когда железо краснеет, а потом доходит до белого каленья, протягивает к нему руку.

– Стой, дурачок, – кричит мэтр Элуа, – обожжешься! Возьми клещи!

– Не беспокойтесь, у нас, слава богу, не нуждаются в этом, – отвечает Иисус, берет голый рукой раскаленное добела железо, швыряет его на наковальню, бьет

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
молотом, перевертывает, плющит, закругляет, пробивает для гвоздей дырки – и все это так быстро и ловко, что через минуту подкова совсем готова.

Мэтр Элуа, однако, не смутился.

– О, – говорит, – это ничего не стоит, стоит только захотеть хорошенько!

Затем берет брусок железа, бросает его в горн, раздувает мех и, когда железо краснеет, а затем белеет, хватая его тоже голыми руками и несет к наковальне. Тут он, однако, пребольно обжигает себе пальцы, спешит его бросить, кидается за клещами, но, пока их находит, оно уже остывает. А подмастерье вдруг молвит:

– Постойте, никак, кто-то скачет!

И точно, к кузнице подлетает чудеснейший конь, а на нем всадник – сам святой Мартин.

– Еду, – говорит, – издалека, потерял целых две подковы и все никак не могу найти кузницы! Наконец-то!

На что мэтр Элуа, расправляя плечи, отвечает в таких выраженьях:

– Господин мой, вы попали как нельзя лучше. Перед вами кузнец, не только первый во всей округе, но и во всем французском королевстве, который смело может сказать, что он мэтр всех мэтров и выковывает подковы всего в два накала. Дружок, поддержи-ка коню ногу!

– Держать ногу? – возразил подмастерье. – Но в наших краях находят это совсем бесполезным.

– Как? – воскликнул мэтр Элуа. – Подковывать, не касаясь копыта? Это очень мило, только как же это сделать?

– Бог мой, да нет ничего легче! Вот смотрите.

И Христос быстро берет топорик, подходит к коню и – раз! – в один миг отсекает ему копыто. Затем несет копыто к наковальне, зажимает его тисками, хорошенько обчищает, прилаживает к нему новую подкову, которую только что сделал, прибивает ее гвоздями, а прибив, несет копыто обратно и, перекрестясь, приставляет к конской ноге, где оно тотчас же крепко-накрепко и прирастает.

Мэтра Элуа даже в пот ударило при виде такого чуда.

– Ловко! – сказал он, покачивая головой, – таким манером, думается, подкую и я неплохо!

Вслед за тем он подходит к коню и – раз! – в один миг отхватывает у него копыто. Затем, точь-в-точь как подмастерье, несет его к наковальне, зажимает тисками и начинает подковывать подковой, после чего остается только поставить его снова на место. Но вот в этом-то и вся суть дела! Мэтр Элуа подходит к коню, плюет на копыто, изо всех сил прижимает его к конской ноге... Увы, копыто не пристаёт, не прирастает, а из ноги ручьем кровь хлещет!

И тогда, смертельно пораженный в своей гордыне, спешит мэтр Элуа броситься к ногам своего подмастерья. Но, оглянувшись, видит, что он уже исчез, скрылся, так же как и конь, и всадник. И льются из глаз мэтра Элуа горячие слезы: бедный человек, он, наконец, понял, что есть мэтр выше его и выше всех на свете. Он смиренно снимает с себя фартук и навсегда покидает селенье – чтобы, странствуя по всему миру, идти и возвещать повсюду славу нашего господина Иисуса.

<1930>

Тараскон

Жил-был когда-то в Тарасконе некто Жозеф, носильщик, и, прожив ровно столько, сколько ему полагалось, в один прекрасный день умер. А как только умер, тотчас,

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru конечно, полетел на тот свет, в вечность. Летит и летит – и конца не видит своего полета! Главное, совсем не понимает, куда именно летит он, и от неизвестности, от страха не попадает зуб на зуб: непроглядная тьма, безграничная пропасть! Наконец, слава богу, какой-то просвет в отдаленье. Еще минута – и Жозеф у самой двери рая.

Тут он немножко передохнул и стукнул:

- Отворите, будьте добры.
- Кто там? – ответил святой Петр из-за двери.
- Это я, господин апостол.
- Кто «я»?
- Жозеф, носильщик.
- Жозеф из Тараскона?
- Он самый, господин апостол.

Святой Петр пришел в ярость.

– Как! Жозеф из Тараскона? Да как же, негодяй, смеешь ты сюда ломиться! Ты, который целых двадцать лет не сотворил ни одной молитвы! Который, когда ему говорили: «Жозеф, иди к обедне!» – отвечал с наглым смехом: «Прекрасно, дай только закусить и выпить!» Который хохотал над громом, называя его барабаном! Который по пятницам лопал мясо да еще ухмылялся: «Мы ведь и сами из плоти!» Который не крестился, как подобает доброму христианину, при церковном звоне и колокол сравнивал с подвешенным к балке поросенком!

Жозеф, однако, не растерялся.

- Что ж, – говорит, – отпираться бесполезно: грешен. По совести говоря, без вины я виновен: откуда же мне было знать, что и впрямь «тот свет» не шутка? Но за всем тем воля теперь ваша: казните, как хотите. Только позвольте, святой угодник божий, просить вас о маленьком одолжении: дайте мне хоть повидаться с дядей, рассказать ему, как поживают в Тарасконе.
- С каким таким дядей?
- С дядей Фредериком, господин апостол.
- С Фредериком? Но ему назначено быть в чистилище не больше не меньше как целое столетие!
- Мама дорогая! Целое столетие! Да за что же это?
- Но ведь ты знаешь, что он носил распятие во время церковных процессий и что однажды кто-то из толпы над ним посмеялся: «Смотрите-ка, как Фредерик согнулся! Что это он, бедняга, тащит?» И Фредерик взбесился: «Что! Что! Тащу чурбан, вроде тебя, дуралея!» – да тут же и протянул ноги, помер от удара.
- Ну, тогда, – сказал Жозеф смиренно, – позвольте мне повидаться с тетей Доротеей. Уж она-то была не чета дяде, – набожна, прямо как ангел.
- Ха! Тетя твоя, любезный, в аду, в преисподней. Жозеф усмехнулся:
- Не удивляюсь, господин апостол: зла была истинно, как гадюка. Представьте себе, например, такую историю..
- Жозеф, оставь меня в покое, я по горло занят!
- Столько дела, святой угодник божий? Ну, раз так, умолкаю. Но все-таки позвольте мне хоть глазком взглянуть на эту самую райскую обитель, которую у нас на земле расписывают в таких радужных красках.

– Да, как бы не так! Держи карман шире!

– Святой Петр, прошу вас! Ну, хоть ради моего покойного отца, который, как вам известно, был всегда самый страстный ваш поклонник!

– Ради твоего отца? Ну, это, пожалуй, другое дело. Ради него даже и тебя, бездельника, можно уважить. Однако помни – можешь просунуть в дверь только кончик носа.

– Этого мне вполне достаточно, господин апостол.

И вот райская дверь чуть-чуть приоткрылась, но, как только она приоткрылась, Жозеф поспешно повернулся к ней боком и в одно мгновение был уже за нею.

– Это что же это такое? – закричал апостол.

– А как же мне было не повернуться? – закричал и тарасконец. – Меня положительно ослепило это обилие света! Однако не беспокойтесь, я уговор помню, дальше не сделаю ни шагу. Но как у вас тут действительно чудесно! Какая музыка! Как все красиво!

– Повторяю тебе, – сказал Петр строго, – у меня нет времени на болтовню с тобой. Полюбовался – и с богом!

– Но вы, пожалуйста, не стесняйтесь, господин апостол, – ответил Жозеф галантно. – Если у вас есть какое-нибудь неотложное дело, пожалуйста, идите, я ничуть не обижусь. Не беспокойтесь и насчет моего ухода – уйду в свое время. Меня, кстати сказать, решительно ничто не торопит.

– Но ведь мы сговорились, что ты только заглянешь!

– Бог мой! Да чего вам, святой отец, так волноваться? Я бы вас еще понял, если бы здесь было тесно; но, слава богу, места на всех хватит!

– А я тебе говорю – уходи, потому что, если господь бог зайдет случайно...

– Ну, уж с господом богом это ваше дело. А я уходить не желаю.

Святой Петр вздернул плечами, топнул ногой и пошел за святым Ивом.

– Святой Ив, ты адвокат, посоветуй. Я, знаешь, ужасно попался. Вышло вот то-то и то-то... Что ж мне теперь делать?

– Ты должен, – ответил святой Ив, – поступить очень просто: взять кого-нибудь поделней из стряпчих и через пристава притянуть вышеназванного Жозефа на суд к самому господину богу.

Кинулись искать по раю стряпчих; но, увы, стряпчих в раю еще никогда не бывало. О приставах же и говорить не стоит. И святой Петр совсем растерялся. Видит – идет Лука-угодник. Он к нему:

– Дорогой мой! Вот какая штука: некий Жозеф из Тараскона хитростью проскользнул в дверь рая, и я совершенно не знаю, как его выставить отсюда!

– Ты говоришь – из Тараскона?

– Из Тараскона.

– Ах, бог мой, – сказал Лука-угодник. – Если он из Тараскона, то выставить его нет ничего легче. Я, как тебе известно, часто бываю в Камарге, в Арле, в Ниме и отлично знаю тарасконцев. Вот ты сейчас увидишь, что надо делать...

В эту минуту как раз пролетала над ними стайка ангелочков.

– Детки! – крикнул Лука-угодник. – Пстт! Погодите!

Ангелочки остановились.

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
– Детки, летите скорее за стены рая и кричите во весь голос: «Быки! Быки! Быков гонят!»

Ангелочки снова вспорхнули, и тотчас за стенами рая послышались их звонкие крики: «Быков гонят! Быков гонят!»

Жозеф, как сумасшедший, кинулся к двери.

– Черт меня побери! Быков гонят! – заорал он и вихрем вылетел из рая.

А святой Петр поскорее хлоп дверью, а сам к глазку, к окошку:

– Ну как, Жозеф? Кто кого одурачил? Простись теперь с раем!

– Наплевать мне на ваш рай! – крикнул Жозеф, махнув рукою. – Если бы тут и впрямь оказались быки, я бы и не вздохнул о вашем рае!

И, сказав так, кинулся вниз головой, прямо в адскую бездну.

<1931>

Юный пилигрим

Старому воину было почти сто лет. Когда-то он был неутомим и в походах, и в битвах, теперь, сокрушенный годами, дни и ночи лежал неподвижно в постели.

Было у него три сына. И вот однажды утром позвал он к себе старшего из них и сказал ему:

– Слушай, сын мой. Вспомнилось мне, что дал я когда-то, в разгаре одной жестокой сечи, обет сходить в Рим на богомолье. Но ты видишь – стар я стал, как земля. Исполни же за меня это святое дело, дабы я мог умереть спокойно.

Сын выслушал и молвил:

– И что только лезет вам в голову, родитель, – эти паломничества в Рим или я не знаю еще куда! Право, у нас и без вашего Рима достаточно дел. Лежите-ка лучше, как лежали, ешьте, пейте, спите, выдумывайте, что вам угодно, но оставьте нас в покое.

Наутро старец позвал к себе среднего сына:

– Сынок, послушай-ка меня. Вспомнилось мне, что когда-то, во время одной страшной битвы, дал я обещанье сходить в Рим на богомолье. Да сам видишь, стар я теперь, как земля, – куда ж мне идти! Я хотел бы, чтобы ты исполнил за меня это обещанье.

Тот послушал и ответил:

– Отец, через две недели жатва. Надо косить, возить, молотить, потом позаботиться о виноградниках. Старший сын поведет стадо в горы, младший еще совсем ребенок – кто же справится со всеми этими делами, если я отправлюсь шататься по Римам? Ешьте себе, пейте, спите, а нас уж оставьте в покое.

На третье утро призвал старец младшего сына, своего любимца:

– Эспери, дитя мое, поди ко мне. Я дал когда-то обещание сходить в Рим на богомолье. Но я стар, как земля, – куда уж идти мне? Сходи ты вместо меня!

– Хорошо, схожу, родитель, – ответил Эспери просто.

Мать, услышав эти речи, закричала:

– Не слушай, Эспери, этого старого пустомелю! Он совсем из ума выжил. Мало ему, что нам и так нет покоя от его жалоб да стонов, он еще вздумал посылать ребенка на погибель!

Но Эспери ответил:

– Мать, я должен повиноваться. Воля отца – воля божья.

И, выйдя, налил небольшой мех вином из бочки, положил в дорожную суму несколько луковиц и хлеба, взял дубовый к осты лик, накинул плащ, на плечи, обнял отца, простился со всем домом и пустился в дорогу.

Проходя мимо церкви, он вспомнил, что надо сперва зайти в церковь, отстоять обедню, и, войдя на паперть, встретил юного и прекрасного незнакомца, который обратился к нему с вопросом:

– Друг мой, вы идете в Рим на богомолье?

– Да, – ответил Эспери учтиво.

– И я, друг мой, иду туда же. Не хотите ли отправиться вместе?

– Охотно, прекрасный друг мой, – ответил Эспери, не подозревая, что этот незнакомец – ангел, посланный богом, дабы охранять его в пути до Рима.

И вот пошли они по старой романской дороге, и так вдвоем то под дождем, то под солнцем, распевая псалмы и прося у добрых людей пропитанья, дошли до самого Рима. Там, отдохнув, они поклонились храму святого Петра, потом обошли все прочие базилики и часовни и наконец отправились на поклонение к папе, который и дал им свое благословение. Перед тем же, как идти обратно, прилегли они отдохнуть в тени портала одной церкви, и Эспери, утомленный, заснул, забылся. И приснилось ему, что он с отцом в раю, в вечной славе и блаженстве, и видит оттуда, как его мать и братья горят в вечном огне, в преисподней.

– Господи боже! – взмолился он, видя их муки. – Что повелишь мне сделать, дабы спасти их?

Господь ответил:

– Братьев твоих спасти невозможно, они не пожелали исполнить моей воли. Мать же твоя спастись еще может, если успеет сделать до своей смерти три добрых дела.

И Эспери проснулся и увидел, что его прекрасного спутника и друга уже нет с ним рядом. Он долго искал его по всему Риму и, не найдя, один отправился в обратную дорогу. Шел то берегом моря, то долинами и горами, тропинками и большими путями, пел псалмы, молился, собирал милостыню на пропитанье и дошел наконец до родного края.

Он странствовал целых два года, и, когда, худой, покрытый пылью, босиком и в лохмотьях, шел по своей деревне, не узнал его никто из соседей. Дойдя же до дверей отчего дома, он тихо постучался и молвил:

– Подайте, Христа ради, бедному пилигриму!

Мать, услышав его, закричала:

– Ах, как надоели эти бродяги! И откуда только такая тьма бездельников, лентяев!

Но отец сказал из глубины своей спальни:

– Полно, жена, грех говорить так-то! Подай ему хоть в память нашего странствующего сына. Ведь, может, и он сейчас просит вот так же у чьей-нибудь двери!

И мать, ворча, достала хлеб с полки и отрезала на изрядное подаенье.

На другой день пилигрим опять пришел к дому и опять стал просить о том же:

– Подайте, Христа ради, добрая хозяйка!

– Как, ты опять явился! – ответила мать криком. – Я же тебе подала вчера,

– Слушай, жена, – сказал отец из глубины спальни. – Ты ведь тоже вчера ела, а нынче опять хочешь. Вспомни нашего сына – кто знает, где теперь он и что с ним? Подай ему хоть малость!

И опять мать смягчилась и опять сотворила подаянье. А на третий день стал просить Эспери свою мать уже о ночлеге:

– Добрая хозяйка, окажите приют на ночь!

И мать разгневалась еще пуще:

– Да ты, бродяга, рехнулся! Прочь с порога, не выводите меня из терпенья!

– Жена, прошу тебя,пусти его! – сказал отец, вздыхая. – Ведь кто знает, где теперь наше бедное чадо! Может, тоже просит где-нибудь ночлега.

И тогда мать распахнула дверь в хлев, в закут, и втокнула туда сына, который и лег со всем смиреньем на солому среди скотины.

А наутро она вместе с двумя другими своими сыновьями пошла убирать скотину – и увидела: хлев весь залит светом; странник, мертвый, неподвижный, бледный, озаренный четырьмя горящими свечами, лежит на блещущей золотом соломе; паутина на балках сияет подобно алтарному убранству; очарованные быки и мулы стоят с полными слез глазами; воздух благоухает ароматом фиалок; лик почившего полон торжества и блаженства, в руках же почивший держит бумажку, записку:

– Я Эспери, сын ваш.

И тогда все пали перед ним на колени, крестясь и плача: Эспери стал святым.

<1931>

Волхвы

«Когда же Иисус родился в Вифлееме Иудейском, во дни царя Ирода пришли в Иерусалим Волхвы с Востока и говорят: где родившийся царь Иудейский? Ибо мы видели звезду его на Востоке и пришли поклониться ему...»

Старый провансальский поэт рассказывает, как они, детьми, встречали Волхвов на зимней, пустынной Арльской дороге.

Он рассказывает приблизительно так:

– Дети, – говорили нам матери в канун праздника Волхвов, – если вы хотите видеть их шествие к младенцу Иисусу, идите скорей им навстречу: уже вечереет. И несите им какие-нибудь дары...

И вот мы бежим, бежим по большой дороге на Арль.

– Дети, куда это вы так спешите?

– Навстречу Волхвам!

Мы бежим в наших провансальских колпачках, в маленьких деревянных сабо, с бьющимся от радости сердцем, жадно глядя в даль, в нашем воображении уже полную дивных видений, прижимая к груди наши дары: лепешки (для самих Волхвов), сушеные фиги (для их слуг и рабов), пучки сена (для их верблюдов)... Свищет ветер, холодно. Зимнее солнце склоняется к Роне. Ручьи подернуты ледяной коркой, трава по их берегам померзла. Краснеют безлиственные ветки ив, по ним зябко прыгают красношейки... И ни души кругом – разве какая-нибудь бедная вдова с вязанкой сухого хвороста на голове или старик в лохмотьях, который шарит под колючим кустом: не попадет ли улитка?

– Куда это вы, дети, так поздно?

– Навстречу Волхвам!

И опять вперед, еще резвей и веселей, вприпрыжку, бегом – по бесконечно белеющей дороге, выметенной зимним ветром... Крик, песенки, смех, головки назад – совсем молодые петушки...

А день уже на исходе. Колоколенка Майана давно скрылась за черными острями кипарисов, кругом только голая, пустая равнина... Мы зорко рыщем по ней глазами: ничего, кроме игольчатых клубков перекасти-поля, что мчит, крутит ветер по жнивью!

Впрочем, порой встречался какой-нибудь запоздалый пастух, который, завернувшись в свой истрепанный плащ, гнал домой свою отару.

– Дети, куда это вы в такую пору?

– Навстречу Волхвам... Не можете ли сказать, они еще далеко?

– Навстречу Волхвам? Ах да, правда, правда, нынче ведь канун их праздника... Они уже близко, вы их вот-вот встретите...

И опять вперед!

Но вот и совсем вечер. Солнце, преследуемое зимними облаками, спускается все ниже и ниже. Мы смолкаем, нам уже немножко жутко. Ветер еще резче дует навстречу, мы бежим уже не так резво... И вдруг:

– Вот они!

Из груди у нас всегда вырывался в этот миг безумно-радостный крик – и дивное, царственное великолепие ослепляло наши глаза: блеском, торжеством роскошнейших красок вдруг загорался запад. Там полосами пылал пурпур, золотом и рубином горел солнечный венец, раскидавший в зенит неба свои длинные зубцы-лучи...

– Волхвы! Волхвы! Видите венец, корону? Вон мантии, знамена! Вон кони и верблюды!

И мы замирали в изумленье, в восторге. Но не проходило и минуты, как все это великолепие, вся эта слава и роскошь гасли, исчезали, и мы снова, в большом разочаровании, оказывались одни, в сумерках, в поле.

– Где же они, где?

– Прошли за горами!

Стонала совка. Нас охватывал страх. Мы со страхом спешили назад, домой...

– Ну, что же, видели Волхвов? – спрашивали нас дома.

– Нет... Они прошли далеко, за горами.

– А вы шли по какой дороге?

– По дороге в Арлатан.

– Ах, дурачки, дурачки! Там Волхвов никогда не встретишь, нужно было идти по старой Римской дороге...

А если бы вы знали, что это за красота, когда они входят в Майан! Трубы, барабаны, слуги, рабы, верблюды... Теперь они уже в церкви, в Вертепе, поклоняются младенцу Иисусу. После ужина бегите скорей в церковь...

И мы наспех ужинали, бежали в церковь. Церковь была уже полна, блистала огнями алтаря, звездой, сиявшей над ним, и ярко озаренным Вертепом, где Волхвы в своих разноцветных мантиях – красной, синей и желтой – уже поклонялись младенцу Иисусу, полагали перед ним свои дары: Гаспар – золото, Мельхиор – ладан, Валтасар – смирну... И, как только мы входили, пробирались вперед между женских юбок,

Нынче, в утренний час,
Встретил я на большой дороге
Караван трех великих Волхвов...

1931

Святочный вечер

– А в наше время много всяких удивительных вещей случалось! Вот хоть бы взять эту историю с Белой Курицей. Немало доверчивых душ заводила она чуть не на край света. Раз чуть было не завела мою родную тетку. Вышла она как-то из дому, пошла собирать по пригорку хворост и вдруг видит: идет ей навстречу, идет и поклевывает чудеснейшая наседка, вся, как снег, белая, с янтарными лапками, с красным гребешком, сытая и гладкая, – просто загляденье. На деревне такой ни у кого не было, значит, чья-нибудь чужая, приبلудная, – ну, понятно, тетка сейчас же к ней: «Цып, цып, цып!» Курица ничего себе, идет и клюет. Тетка нагнулась – та в сторону. Тетка за ней – она опять шмыг из-под ее руки и дальше. Тетка за ней, прибавляет шагу, опять ее настигает – нет, опять не тут-то было: скок из-под руки и трусцой вперед, – клюнет и опять засеменит, клюнет, клюнет – и этакой иноходью. А тетка все за ней, тоже уж рысцой: «Цып, цып, милая! Цып, чтоб тебя! Сядь, сядь, сядь!» А та будто и слушается – бежит, бежит и, глядь, присела. Но только присядет, только тетка, уж задыхаясь, вся в поту, чуть не со слезами, надбежит на нее, курица – кудах-тах-тах! – подпрыгнет, взовьется и дальше, да все ловчей, все резвей, а тетка за ней, уж что есть мочи, падая, спотыкаясь, вне себя от обиды, стыда и злости. Ах, проклятое отродье, только бы настигнуть – задушила бы, не давши пикнуть! Да вот, попробуй-ка, настигни! Опять обе бегут, опять скачут, и уж обе кричат: тетка – «Стой, такая-сякая! Стой!» А та: «А-а, кудах-тах-тах! О-о, кудах-тах-тах!» А уж не рано, а там уж и вечер, горы синеют, сумерки на все пали, деревня бог знает где сзади осталась, пошел кустарник, камни, скалы... «Дева Мария! – кричит наконец (моя) тетка, – спаси и помилуй!» И, конечно, как только назвала святое имя, нет тебе никакой наседки, только камни, кустарник да дикая темь ночи...

– А то мы, бывало, часто говорили об этой страшной Черной Свинье, на которую нарывались порой наши ребята, выходя из кабачка ночью, насквернословив там и налившись по горло: только они за порог, а свинья – хрюк! – и всей своей тушей им в ноги, а они через нее вниз головой... Чья свинья, откуда? Во всей округе ни одной такой свиньи. Да и пропадала она всегда после такой штуки в одно мгновение ока: вскочут ребята, глянут – свиньи как и не бывало. Жгут спички, бегают, ищут – как провалилась!

– А то могу рассказать вам еще о Черной Кобыле. Эта история, пожалуй, еще страшней будет. Эту лошадь видели только раз, в Драгиньяне. Вышла однажды – вот так же, из кабачка, ночью – банда пьяных молокососов и видит – идет мимо превосходная черная матка.

– Вот так лошадь! – кричит один, какой попьаннее. – Я такой никогда и не видел. Вот небось резвая лошадь! Стой, братцы, я сяду, прокачусь немного!

Хватает кобылу за гриву, а она этак спокойно остановилась и поджидает: садись, мол, очень рада. Он подскочил, сел и уж хочет трогать. Но тут другой лезет:

– Погоди, и я сяду, хватит и на двух места.

И тоже поскорей садится. А за ним третий:

– И я, ребята! Есть еще одно место! Места хватит!

И точно: места сколько угодно – спина кобылы стала как будто еще длиннее. Видя это, лезет на нее и четвертый, за четвертым – пятый... И представьте себе, какое чудо: чем больше лезет на лошадь народу, тем она все длиннее и длиннее! Уже человек двенадцать взлезло, а все еще не тесно.

– Иисус Мария! Святой Иосиф! – крикнул наконец кто-то. И, понятно, как только крикнул, от Черной Кобылы и следа не осталось. А ведь не крикни он так-то, что бы было? Ищи потом всю эту пьяную банду! Умчала бы их Черная Кобыла куда надо, а куда – нетрудно догадаться: в Верхние Альпы, в какие-нибудь такие дебри, где есть провалы прямо в адскую пропасть, к самому черту!

– А про Черных Кошек кто, господа, знает? Есть такие, которыми скидываются ведьмы и которые, однако, живут себе преспокойно по деревьям, при людях. И не только живут – большое счастье приносят: в таких домах всегда удача в хозяйстве, в наживе – деньги туда так и льются. Многие в таких кошек не верят, говорят, что это просто самые обыкновенные кошки и что зажиточность дома ничуть от них не зависит. Ну что ж, сколько голов, столько умов, только, конечно, разных. Я могу одно прибавить – рассказать вам про моего дядю. Шел дядя раз по деревне лунной ночью, а Черная Кошка ему через дорогу. Он схватил камень – раз в нее со всего размаху! А Кошка вскочила на ограду да оттуда и говорит ему этак кокетливо и жеманно:

– Надо, мосье, быть немного половчее. А то вот вы пустили в меня камнем и чуть было не угодили в окно соседу...

– Затем – домовые. О них всякому известно, но, чтоб уж покончить со всеми этими чудесами, скажу и о них два слова: как вы думаете, Почему домовые так любят именно конюшню? А потому, что они бубенчики очень любят. Зазвенит бубенчик на муле – и то-то домовому радость! Хохоchet до упаду, и притом совершенно детским, прелестнейшим смехом. Многие из старых людей этот смех слышали, – говорят, нельзя от улыбки удержаться: так это у него весело, мило, сердечно выходит!

1931

Проза Бунина 1914–1931 годов

Произведения, включенные в четвертый том, относятся ко времени, вобравшему в себя два очень важных, переломных периода в жизни Бунина. За последние шесть лет пребывания да родине писатель пережил первую мировую войну и две революции, коренным образом изменившие его судьбу. Большинство повестей и рассказов, вошедших в настоящий том, падает на первое десятилетие (из предстоящих трех с лишним) жизни Бунина в добровольном изгнании на чужбине, во Франции, где он так никогда и не обрел второй родины.

На 1914–1915 годы приходится расцвет бунинского творчества. Писателя занимают самые разнообразные проблемы, влекут самые полярные характеры. По многообразию тем творчество Бунина не знало подобного размаха.

Под впечатлением путешествия в марте 1911 года на Цейлон написан рассказ «Братья». Действующие лица очерчены лишь внешне; писателю в данном случае важно было не обрисовать человеческие характеры (да и не смог бы он создать достоверные образы жителей страны, где был лишь две недели), сколько выразить то новое, переполнявшее его ум и сердце состояние, которое он пережил во время поездки, а также под влиянием индусской философии, с которой он тогда познакомился. Путешествие на «землю древнейшего человечества» потрясло Бунина. Буддистская философия оказалась созвучной его созерцательному мироощущению. И в то же время путешествие на Цейлон вдохновило писателя с его жизнелюбием, его страстной приверженностью ко всему земному, что и выразилось в рассказе «Братья». Земная жизнь с ее соблазнами, с ее любовью, «от века» призывающая «все существа к существованию», отравила душу и тело молодого сингалеза-рикши. Но в то же время эта земная жизнь, согласно буддистской религии – сладкий самообман. Она обманывает всех: и старика рикшу, который трудился весь век свой для любимой семьи, но так и не изведаль счастья, и его сына, познавшего сладкую отраву любви и обман ее. Отсюда – призыв к отречению от земной жизни, к освобождению от нее, к соединению с мирозданием, растворению в нем, – к смерти. Бунин, который в дальнейшем будет размышлять над этими проблемами – в этюдах «Ночь», «Воды многие» и других, в книге «Освобождение Толстого» (1937), возьмет лишь то, что ему близко, и переосмыслит. В «Братьях» же он ведет рассказ, стоя как бы в стороне от своего героя, который добровольно принимает смерть, для того чтобы, согласно индусским верованиям, в будущем снова воплотиться в каком-нибудь земном существе и вновь и вновь познать краткий и обманчивый «жизненный сон».

Во второй части рассказа слышится уже голос самого Бунина. Устами англичанина (заездившего рикшу чуть не до полусмерти) писатель выражает свои любимые мысли. Эта психологическая непоследовательность ничуть не уменьшает ценности и значительности бунинского творения. С огромной болью бросает писатель обвинение в лицо тем представителям мира цивилизованного, кто, по сути дела, лишен чувства жизни, понимания ее смысла, своего в ней назначения, кого «ничем не удивишь»; у них атрофированы те начала, которые только и делают человека человеком. «Мы, в сущности, ничего не боимся. Мы даже смерти не боимся по-настоящему: ни жизни, ни тайн, ни бездн... Мы все, – коммерсанты, техники, военные, политики, колонизаторы, – мы все, спасаясь от собственной тупости и пустоты, бродим по всему миру и силимся восхищаться то горами и озерами Швейцарии, то ничтогой Италии...» И нужны какие-то переворачивающие душу потрясения, впечатления, чтобы человек не разучился хотя бы «кое-что» чувствовать и думать. Бунин противопоставляет цивилизованному миру «тех несметных людей, что еще живут или младенчески-непосредственной жизнью, всем существом своим ощущая и бытие, и смерть, и божественное величие вселенной, или уже прошли долгий и трудный путь, исторический, религиозный и философский, и устали на этом пути».

Близок к «Братьям» и знаменитый «Господин из Сан-Франциско». К идее этого рассказа Бунин шел издавна, с юных лет, когда он торопился жить, боясь, что «время уходит», что он ничего не успеет узнать и совершить. «Страшно вспомнить, сколько времени пропало зря, даром», – сокрушался он, вспоминая свою юность. И прибавлял: «Ничего не охватишь, ничего не узнаешь, а хочется жить бесконечно, – так много интересного, поэтического!» (сб. «В большой семье», Смоленск, 1960, с. 241).

Это постоянное стремление – наиболее полно, углубленно и творчески прожить жизнь – всегда было у Бунина тесно связано с неприятием иного миропонимания. Он осуждает тех, кто живет жизнью внешней, ложной, ради богатства, преуспевания или погони за наслаждениями. Так живет господин из Сан-Франциско, так прозябают его «коллеги» (рассказ «Братья»), – вот как описывает их Бунин, выходящих из отеля в Коломбо: «Следы усталости, истомы от зноя, морской качки и болезней были на серых лицах шедших к отелю. У всех вид был полумертвый... но все шли один и за другим... чтобы разойтись по своим комнатам, вымыться, ободриться, а потом, до красноты лица опьянив себя едой, питьем, сигарами и кофе, покатить на рикшах на берег океана... к индусским храмам и буддийским вихарам». Но на что им красоты мира? Осквернители земли, порабитители слабых, они не способны на человеческие чувства и расплачиваются за это ранней старостью, пресыщенностью, равнодушием и болезнями, – они не живут, а влачат существование. Они выхолощены, внутри них – пустота; они вызывают у писателя брезгливое презрение. Потому-то образ безымянного господина из Сан-Франциско нарочито обезличен, обобщен, – прием, нетипичный для Бунина, всегда жадно интересующегося человеческими характеристиками. И напротив, писатель не жалеет красок для живописания всего того, чем живут подобные «люди»: всей этой паровой роскоши, окружающей «господ из Сан-Франциско» и являющей собою истинную жизнь, в их понимании.

Много лет спустя Бунин писал: «Я с истинным страхом смотрел всегда на всякое благополучие, приобретение которого и обладание которым поглощало человека, а излишество и обычная низость этого благополучия вызвали во мне ненависть» (Бунин, т. 9, с. 352).

Благополучие, считает писатель, – это не бытие, а существование, то есть обратное истинной жизни. Эту антибуржуазность Бунина нужно понимать не столько в социальном плане (хотя он и создал немало социально-обличительных страниц), сколько в философском. Ибо Бунин, по складу своей натуры, придает многим своим произведениям философско-созерцательный, лирический оттенок. На прозе его лежит печать поэта, – недаром Бунин огорчался, когда его «числили» в первую очередь прозаиком, а уж затем поэтом...

Итак, что же такое жизнь, ее «тайны и бездны»? Одна из таких великих бездн, по мнению Бунина, – любовь. В ранней молодости познав это чувство во всей его силе и боли, он, в продолжение своего огромного пути художника, черпал из этого бездонного источника, создавая поэтические страницы, посвященные самому прекрасному, но самому загадочному и необъяснимому, как он считал, из человеческих чувств. Так, в бунинском творчестве середины и конца 10-х годов проходят перед читателем герои, раз и навсегда опаленные сильной и мучительной любовью, которая сокрушает их жизни, – если только они вообще остаются в живых,

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
а не кончают с собой оттого, что иначе нельзя, как госпожа Маро и ее юный друг Эмиль («Сын»). Так, оцепенев после смерти горничной Лушки, помещик Хвоцинский больше двадцати лет просидел на ее кровати, никуда не показываясь и до бесконечности перечитывая старинные книги о любви. Бунин не просто охотно поверил этой семейной легенде и написал рассказ («Грамматика любви»), – чутьем художника он стремился проникнуть в эту «бездну», постичь: просто ли сумасшедший его герой или это «какая-то ошеломленная, на одном сосредоточенная душа»?

Всегда влекло писателя стремление разгадать тайну непостижимого и неизъяснимого женского очарования, что так магически действует на мужчину, всецело подчиняя себе его ум, лишая его воли, толкая его на роковые поступки. Каким секретом владела гимназистка Оля Мещерская, подобно опытной кокетке завлекшая, лишь ради игры, казачьего офицера и погибшая от его руки («Легкое дыхание»)? Все тем же извечным и неотразимым оружием: женственностью, слишком рано проснувшейся во вчерашней девочке, самой природой, которая не раздумывает, не выбирает средств. Оля Мещерская – прообраз того загадочного, даже рокового женского типа, который Бунин вывел не в одном произведении. Например, в «Снах Чанга» проходит, как бы за сценой, образ прелестной и бессердечной женщины, поразившей чувства и соображение капитана, некогда храброго и сильного человека, а теперь опустившегося бедняка. Но чувство к ней не лишает капитана любви к жизни в целом, а придает ей романтический оттенок, взволнованное ощущение того, что жизнь не только прекрасна, но и загадочна, и даже страшна. У капитана есть силы понять, что женщины, вроде той, что встретила ему, – прежде всего и главным образом, – несчастны. «Есть... женские души, которые вечно томятся какой-то печальной жадой любви и которые от этого от самого никогда и никого не любят, – говорит он. – Есть такие, – и как судить их за всю их бессердечность, лживость... Кто их разгадает?»

В эти годы бунинское творческое воображение не направлено еще на то, чтобы более или менее осязаемо обрисовать женский характер вообще. Все они лишь намечены: Оля Мещерская («Легкое дыхание»), не проснувшаяся еще для жизни и невинная в своем очаровании Клаша Смирнова («Клаша») да странная, необычайная Аглая с чертами вырождения, по признанию самого писателя («Аглая»). Женские типы во всем разнообразии придут на страницы его произведений в 20-е годы («Ида», «Митина любовь», «Дело корнета Елагина» и дальше – в 30-е и 40-е – «Темные аллеи»). Пока что писатель почти всецело занят им, героем, вернее, персонажем. Галерея мужских портретов (скорее именно портретов, нежели характеров) выстраивается в бунинских рассказах, написанных главным образом в 1916 году., далеко не все познали сладкую отраву любви, – разве что капитан из «Снов Чанга» и еще, пожалуй, странный Казимир Станиславович, стремящийся убить себя, после того как последним взглядом проводил под венец прекрасную девушку[53 – По первоначальному замыслу, она была его дочерью; в рассказе это так и остается неясным.], которая даже не подозревала о его существовании и которую он, очевидно, беззаветно любил, подобно желтков у из «Гранатового браслета» куприна... Старый же архивариус, по прозвищу Фисун, из рассказа «Архивное дело» не только ни о какой любви не ведал, – он вообще не подозревал о существовании никакого иного мира, кроме своего архивного подвала да еще длинной дороги на службу и обратно, машинально и ежедневно им проделываемой. Нужно представить себе во всей полноте страстное жизнелюбие самого Бунина, его стремление не только путешествовать, видеть и испытать как можно больше, но и познать «тоску всех стран и всех времен», чтобы понять, до какой степени для него чужд и непонятен этот живой мертвец. Но, с другой стороны, он с участливым любопытством и даже сочувствием изображает этого старого русского чудака, живущего не в настоящем, а в прошлом, давно отшумевшем, но всегда милом бунинскому сердцу мире.

Гораздо меньше сочувствия вызывает у Бунина Зотов – еще не старый, в расцвете сил, вчерашний брянский мужик, сделавшийся, благодаря своей феноменальной напористости и удачливости, преуспевающим дельцом. Его буквально разрывает от бушующей в нем энергии, бросающей на все новые и новые аферы: «и правительственную службу, и парходную агентуру, и чайные дела» и т. д. Если господин из Сак-Франциско, преждевременно изношенный, умирает от усталости и пресыщения, то Зотов, с его сверхчеловеческой энергией, пребывающий вдобавок «всегда во хмелю – от нервности, от жары, от табаку, от виски», сам сжигает себя. Он неглуп и чувствует, что впереди у него лишь пустота. И только там, в индийских тропиках, куда забросила его судьба, по временам начинает его охватывать «тоска какого-то бесконечно далекого воспоминания» о своей «прародине». Как и Казимир Станиславович, он близок к тому, чтобы оборвать свою бессмысленную жизнь.

Но Зотов, этот странный и страшный тип, с признаками вырождения, все же не чета Адаму Соколовичу из рассказа «Петлистые уши» – жестокому выродку, для которого спланированное и хладнокровное убийство женщины составляет развлечение, приятно щекочущее нервы. Не оттого ли, – как бы спрашивает Бунин читателя, – что не перевелись пока на земле выродки с «петлистыми ушами», все еще содрогается она от войн, насилий, казней? Появление на бунинских страницах именно в 1916 году чудовищного Соколовича так же не случайно, как и молодого самоуверенного немца, будущего ученого, который тоже по-своему страшен, ибо для него не существует «ни бездн, ни тайн» жизни, а лишь собственная карьера, ради которой, чувствуется, он не остановится ни перед чем («Отто Штейн»).

Именно теперь, в пору творческого расцвета, когда, казалось бы, должна была появиться уверенность в себе, Бунин, напротив, становился все более и более придирчив к своей работе. И с годами это свойство росло в нем. Нельзя работать, творить, «как птица поет», полагаясь только на свой талант: художественное произведение нужно строить – эти слова он скажет позже, а в 10-е годы, создавая свои самые знаменитые вещи, он нередко жаловался на «каторжный труд» писателя. Характерно, что Бунин вовсе не хотел, чтобы кто-нибудь видел следы этих тяжелых творческих мук, то есть его черновики, которые стремился уничтожить. А сохранившиеся бунинские черновики между тем – вещь поучительная и интереснейшая. По ним видно, как достигал он той неповторимой силы выразительности, того неподражаемого стиля, по которому его, Бунина, можно было узнать безошибочно. Он не терпел многословия, освобождался от излишних эпитетов, создавал свою прозу плотной, сжатой, что позволило в свое время Чехову сравнить ее с слишком «густым бульоном»... И совершенно не выносил словесных штампов. Когда в «Господине из Сан-Франциско» он написал: «Декабрь „выдался“ не совсем удачный», то словечко выдался иронически взял в кавычки, так как позаимствовал его из чуждого ему лексикона: из лексикона богатых и безликих господ, которые действуют в его рассказе. Слух на фальшь, серость языка был у него острейшим. Как-то (было это уже спустя много лет) он довольно резко оборвал собеседника, употребившего «штампованное» выражение, вроде: «недоразумение произошло на почве...» и т. д. «На почве растет трава, а не происходят недоразумения», – разгневался Иван Алексеевич...

И в ранние и в поздние годы он повторял, что ремесло писателя – тяжелый труд. «Какая мука, какое невероятное страдание литературное искусство! Я начинаю писать, – говорил он в 10-е годы, – говорю самую простую фразу, но вдруг вспоминаю, что подобную этой фразе сказал не то Лермонтов, не то Тургенев. Перевертываю фразу на другой лад, получается пошлость, изменяю по-другому – чувствую, что опять не то, что так пишет Амфитеатров или Брешко-Брешковский. Многие слова – а их невероятно много – я никогда не употребляю, слова самые обыденные. Не могу. Иногда за все утро я в силах, и то с адскими муками, написать всего несколько строк... Какая мука наше писательское ремесло... А какая мука найти звук, мелодию рассказа, – звук, который определяет все последующее! Пока я не найду этот звук, я не могу писать» (сб. «В большой семье», Смоленск, 1960, с. 247, 248).

И еще, говорил Иван Алексеевич, – есть литераторы, «иногда очень ловкие», и есть писатели – художники. Настоящий писатель – тот, который, когда пишет, видит то, что пишет. Но и талантливый человек должен все время трудиться, не позволять себе «разбалтываться». Именно эти слова сказал Бунин в 1918 году В. Катаеву, тогда начинающему писателю, прочитав его рассказы. Он спросил молодого человека, много ли тот читает, и когда услышал в ответ, что совсем не много, а лишь то, что нравится, был весьма недоволен. Читать, сказал Бунин, нужно больше, причем не только беллетристику, но и исторические книги, путешествия, книги по естествознанию. Нужно заставлять себя читать, даже если будет «скучно». И посоветовал читать «Жизнь животных» Брема, чтобы обогатить словарь: «Какое описание окрасок птиц!»

Между тем шел уже третий год войны, которая угнетающе действовала на Бунина. Чувство тоски и безысходности растет у Бунина с каждым месяцем. И хотя в своих произведениях он ставит проблемы и обрисовывает характеры, как уже было сказано, скорее в отвлеченном, морально-философском плане, нежели в конкретно-историческом, – от этого не исчезает ощущение связи со временем, а обличение зла ничуть не лишается резкости и силы. Впрочем, в том же 1916 году Бунин создал остропублицистическое произведение – рассказ «Старуха», маленький

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru шедевр, в котором всего на двух–трех страницах, как бы дал панораму России зимы 1916 года. Идет кровопролитная мировая война, унесшая в могилу четырех сыновей безвестного уездного караульщика; в деревнях – голод и нищета, в столице же – «разливанное море веселия»: «цвет» искусства услаждает бездумную публику. А в захолустном городишке пожилой учитель корпит над тщетою – отвлеченным теоретическим сочинением. Никто ничего не хочет понимать, да и просто задуматься над происходящим. И лишь одна несчастная, никому не нужная старуха, безутешно оплакивающая свою никчемную жизнь, оказывается, сама о том не подозревая, самым естественным существом в этом безумном мире, в котором нарушена гармония и здравый, смысл...

В 1916 году Бунин стал писать гораздо меньше. Он чувствовал себя и физически и морально очень скверное записывал в дневнике невеселые, порою – мрачные мысли. Его дневник за 1916 год полон безнадежности и желчи. Сообщения газет о событиях на фронте и в тылу, разговоры, новые произведения литературы – все вызывает у него непреодолимое раздражение, пессимизм и ощущение ужаса от мысли, что старой жизни приходит конец.

«В газетах та же ложь – восхваление доблестей русского народа, его способностей к организации. Все это очень взволновало – „народ, народ“! А сами понятия не имеют (да и не хотят иметь) о нем. И что Они сделали для него, этого действительно несчастного народа?» (21 марта – «В мире книг», 1973, № 7, с. 63).

«Все думаю о той лжи, что в газетах насчет патриотизма народа. А война мужикам уже так осточертела, что даже не интересуется никто, когда рассказываешь, как наши дела. „Да что, пора, бросать. А то и в лавках товару стало мало. Бывало, зайдешь в лавку...“ и т. д.» (5 апреля – там же, с. 64).

«Душевная и умственная тупость, слабость, литературное бесплодие все продолжается. Уж как давно я великий мученик, нечто вроде человека, сходящего с ума от импотенции. Смертельно устал, – опять-таки уж очень давно, – и все не сдаюсь. Должно быть, большую роль сыграла тут война – какое великое душевное разочарование принесла она мне!» (27 октября – там же).

Так, в конце 1916 года, подкрался к Бунину творческий кризис, продолжившийся несколько лет. Замыслы, редкие и случайные, обдумываются им и покидаются. «Отупел я, обездарел, как живу, чем живу? Позор!»; «Совсем отупела, пуста душа, нечего сказать, не пишу ничего; пытаюсь – ремесло и даже жалкое, мертвое» (записи от 6 и 20 октября 1917 г. – «Новый мир», 1965, № 10, с. 218)..

Бунин–с женой надолго уезжает в деревню: с весны по зиму 1916 года. Его интересует, что думают по поводу происходящих событий крестьяне; беседы с ними, которые он записывает в дневник, не приносят утешения.

Из тех записей Бунин сделал два рассказа: «Последняя весна» и «Последняя осень». Лица, разговоры, споры. Мотыка, глупый, недовольный «малый», стреляет в галок – «учитесь»: на войну хочет проситься. Другой, поумнее, говорит, осуждая царя: «Что ж он весь народ на эту войну обобрал? Разве это дело? Вся Россия опустела, затихла!» А еще один мужик заявляет: «Пусть их воюют. Войте на здоровье. Это, господа дворяне, ваше дело». И почти все с «барами» разговаривают теперь отчужденно, «дерзко и громко»...

Февральскую революцию Бунин встретил в Москве. Будучи человеком сугубо консервативным, всеми корнями уходящим в прошлое, он, несмотря на то что видел и понимал всю отсталость России, гнилость строя, ни о каком насильственном переустройстве не мог допустить мысли. И начиная с 1914 года, когда история России стала круто переворачиваться, Бунин отвечал на все события категорическим неприятием.

С весны до поздней осени семнадцатого года Бунин с женой Верой Николаевной опять жили в деревне. В деревнях начались беспорядки; находиться там стало небезопасно: ведь они были «баре», которых могли и убить...

В октябре 1917 года Бунины переехали в Москву, и там Иван Алексеевич ненадолго включился в литературную жизнь; писал немного стихи. Проза не получалась.

В состоянии растерянности, неопределенности в мае 1918 года Бунины выехали в Одессу, где прожили больше года. Там Иван Алексеевич, пытаясь отвлечься от

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
реальности, написал несколько мелких рассказов. Один из них – «Исход» – о смерти старого князя; его безумно оплакивает деревенская калека Аня, которая любила его всю жизнь, о чем он, конечно, и не подозревал. Здесь слышится перепев «Суходола», с роковыми страстями его персонажей. В рассказе «Готами» Бунин пересказывает древнеиндийскую легенду о девушке, которую полюбил царский сын, а когда она родила «дитя», охладил к ней, и она покорно приняла это, так как была «смирена сердцем»...

Желание уехать стало бесповоротным. Вера Николаевна, которая вела записи почти день за днем, так передает состояние Ивана Алексеевича и причины его решения: «Вчера (25 декабря 1919 г. – А. С.)... Ян[54 – Так она звала Бунина.]...хорошо говорил о том, что он не может жить в новом мире, что он принадлежит к старому миру, к миру Толстого, Москвы, Петербурга. Что поэзия только там, а в новом мире он не улавливает ее. Когда он говорил, то на глазах у него блеснули слезы. Ни социализма, ни коллектива он воспринять не может, все это чуждо ему». Дальше она приводит его слова: «Никогда я не примирюсь с тем, что разрушена Россия... Я никогда не думал, что могу так остро чувствовать».

6 февраля 1920 года Иван Алексеевич с Верой Николаевной поднялись на борт маленького французского парохода «Спарта»; через три дня пароход отчалил, и русский берег навсегда исчез за горизонтом...

И вот Бунин – добровольный изгнанник. Константинополь, София, Белград; с марта 1920 года – Париж. Во фракции писателю суждено было прожить до конца дней – тридцать три года.

Первое время Бунин продолжал пребывать в глубокой депрессии, говорил, что хуже жизни еще никогда не было, заболел и не рад был выздоровлению. Узнав о смерти брата Юлия, стал жестоко корить себя за отъезд, считал, что и его жизнь кончилась... Поверял свои жалобы дневнику, где называл свою жизнь диким сном, который унес все счастье жизни. Вспоминал молодость и бесконечно мучил себя думами о промелькнувшей жизни. Старался работать и приходил в отчаяние, что «все не то», что ничего больше не напишет, что – «полный банкрот». Невозможно не привести хотя бы некоторые из бунинских записей:

«Нынче прелестный день, теплый – весна, волнующая, умиляющая радостью и печалью... Все вспоминалась молодость. Все как будто хоронил я – всю прежнюю жизнь, Россию» (8 мая 1921 г.).

«Сон, дикий сон! Давно ли все это было – сила, богатство, полнота жизни – и все это было наше, наш дом, Россия! Полтава, городской сад. Екатеринослав, Севастополь, залив, Графская пристань, блестящие морские офицеры и матросы, длинная шлюпка в десять гребцов... Сибирь, Москва, меха, драгоценности, сибирский экспресс, монастыри, соборы, Астрахань, Баку... И всему конец! И все это было ведь и моя жизнь! И вот ничего, и даже последних родных никогда не увидишь! А, собственно, я и не заметил как следует, как погибла моя жизнь... Впрочем, в этом-то и милость божия...» (21 июня 1921 г.).

«Поздно засыпаю – очень волнуюсь, что не пишу, что, может, кончено мое писание, и от мыслей о своей промелькнувшей жизни» (17 января 1922 г.).

«Люди спасаются только слабостью своих способностей, – слабостью воображения, недуманием, недодумыванием» (21 января 1922 г.).

«„Я как-то физически чувствую людей“ (Толстой). Я всё физически чувствую. Я настоящего художественного естества. Я всегда мир воспринимал через запахи, краски, свет, ветер, вино, еду – и как остро, боже мой, до чего остро, даже больно!..» (22 января 1922 г.).

«По ночам читаю биографию Толстого, долго не засыпаю. Эти часы тяжелы и жутки. Все мысль: „А я вот пропадаю, ничего не делаю“. И потом: „А зачем? Все равно – смерть всех любимых и одиночество великое – и моя смерть!“» (10/23 января 1922 г.).

«Дождь. Стараюсь работать. И в отчаянии – все не то!» (5/18 февраля 1922 г.).

«Солнце, облака, весна, хотя еще прохладно. Вышел на балкон – 5-й час – в чистом, углубляющемся небе одно круглое облако висит. Вспомнил горы, Кавказ,

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
небо синее, яркое, и в нем такое же облако, только ярче, белее – за что лишил меня бог молодости, того, теперь уже далекого времени, когда я ездил на юг, в Крым, молодой, беззаботный, людей, родины, близких? Юлий, наша поездка на Кавказ... Ах, как бесконечно больно и жаль того счастья!» (7/20 февраля 1922 г.).

«...Мучительное желание и писать и чувство, что ничего не могу, что я полный банкрот – и что вот-вот откроется эта тайна» (18 марта 1922 г.).

Очень, очень медленно возвращается к писателю душевное равновесие, да и то весьма зыбкое:

«День моего рождения. 52. И уже не особенно сильно чувствую ужас этого. Стал привыкать, притупился.

День чудесный. Ходил в парк. Солнечно, с шумом деревьев. Шел вверх, в озарении желто-красной листвы, шумящей под ногой. И как в Глотове – щеглы, их звенящий щебет. Что за очаровательное создание! Нарядное, с красненьким, веселое, легкое, беззаботное. И этот порхающий полет. Падает, сложив крылышки, летит без них и опять распускает...» (23 октября 1922 г.).

Настроения Бунина пессимистичны, неустойчивы. Больше всего ему хотелось бы забыть о действительности. Он погружается в свои старые записи о поездке на Цейлон, пишет рассказы «Третий класс», «Ночь отречения». Глубоким отчаянием вызван рассказ о художнике, который, стремясь воплотить на своем полотне божественную мировую гармонию, независимо от своей воли запечатлевает картину ужасающего разрушения и гибели («Безумный художник»). А следом, словно набравшись мужества, Бунин создает ярчайшую в своей правдивости, беспощадности и художественной: силе сцену собственного бегства за границу из Одессы на хлипком: французском суденышке («Конец»)...

На чужбине Бунин так и не «привился», остался обособленным, не примкнул ни к одной; из эмигрантских, литературных группировок, не участвовал в идейных склоках, которые считал не более чем глупой игрой. Гордость и одиночество – вот что было невысказанным, неосознанным его девизом. «Всякая сосна своему бору шумит. А где мой бор? С кем и кому мне шуметь?» – на этот вопрос он никогда не нашел ответа, не обрел утешения.

У птицы есть гнездо, у зверя есть нора.
Как горько было сердцу молодому,
Когда я уходил с отцовского двора,
  Сказать прости родному дому!

У зверя есть нора, у птицы есть гнездо.
  как бьется сердце, горестно и громко,
Когда вхожу, крестясь, в чужой, наемный дом
  С своей уж ветхую котомкой!

(Стихотворение 1922 года)

Дом – это ведь не только крыша над головой (она у Бунина, конечно, была). Дом – это место, с которым человек сроднился. Бунин не сроднился с Францией, она не стала его второй родиной. И, может быть, самое выразительное доказательство тому – следующее. Несмотря на то что Бунина почитали, издавали, хвалили, у него вырвались однажды – это было через десять лет после приезда за границу – горькие слова: «Как обидно умирать, когда все, что душа несла, выполняла – никем не понято, не оценено по-настоящему!»

Панацеей от всех больных проблем, прибежищем от тоски и вернейшим утешением для Бунина незыблемо остается природа, – часть его души; изо дня в день, из года в год, вплоть до самых последних, не устает он воспевать ее, разговаривать с нею. Если собрать записи Бунина за все годы, посвященные природе, погоде, краскам, свету, запахам, – получится огромное стихотворение – поэма – в прозе...

«Цветет гранатовое дерево – тугой бокальчик из красно-розового воска, откуда кудрявится красная бумажка. Листики мелкие, гляцевитые, темно-зеленые. Цветут белые лилии – стоят на обрыве против моего окна и так и сияют насквозь своей белизной, полные солнечного света. С неделю назад собирали апельсинный цвет, флердоранж» (1/14 июля 1924 г.).

В 4-ом часу ночи проснулся. Истинно дивное небо! Все точно увешено золотыми цепями, созвездиями. Над горой направо, высоко, – совершенно золотой серп месяца, ниже, под ним, грозное великолепие Ориона, а над ним, севоем в высоте, – Стожар. Направо, почти над седловиной Наполеона, над горой крупной золотой звездой садится Марс» (10/23 августа 1924 г.).

В творчестве Бунина 20-х годов, как никогда, сильна борьба двух начал: мрака и света. Так, в рассказах «Город царя царей» (о стертой с лица земли древнецейлонской столице), «Огонь пожирающий» (о смерти прекрасной женщины, от которой осталась лишь горстка пепла) писатель побежден чувством безнадежности. А рассказ «Несрочная весна», не знающий себе равных по страстности выраженных в нем чувств любви и отчаяния, являет собою переломный момент в мирозерцании автора. Это, пожалуй, единственный рассказ, написанный Буниным как бы из некоего далека и высока, почти сновиденный, где описываемое не воссоздано с природы, а воображено. Ибо, при всей кажущейся конкретности деталей (пассажиры в грязном вагоне, чай в каком-то трактире и т. п.), всё здесь, в сущности, абстрактно, условно, всё – страшный сон, а не реальность. Впрочем, реальность есть, единственная и сильнейшая: это – одиночество автора, смертельное, безнадежное, непреходящее. Проще и легче всего усмотреть в этом произведении один лишь реквием по прекрасному разрушенному прошлому и анафему зловещему и неуютному настоящему. Пусть и так, но главное, однако, в другом: в муках порыва из тьмы к свету, от разрушения – к жизни, поиски человеком опоры в мире, изначально и неотразимо подверженном катастрофам, насилию, жестокостям. Такая опора, такой выход – природа, не подвластная никакому злу; такая опора – прекрасное, созданное на земле руками и духом человека, начиная от изумительных дворцов и кончая волшебными стихами; все та же красота, которая спасет мир, – эту «формулу» Достоевского Бунин, сам того не ведая (ибо Достоевского не любил и не принимал), как бы подхватывает и утверждает. И в финале «Богини Разума» (1924) уже прямо досказано то, что недоговорено в «Несрочной весне»: «...от жизни человечества, от веков, поколений остается на земле только высокое, доброе и прекрасное, только это. Все злое, подлое и низкое, глупое в конце концов не оставляет следа: его нет, не видно. А что осталось, что есть? Лучшие страницы лучших книг, предание о чести, о совести, о самопожертвовании, о благородных подвигах, чудесные песни и статуи, великие и святые могилы, греческие храмы, готические соборы... и „смерткю смерть поправ...“»

Весною и летом Бунин жил среди прекрасной южной природы – в Грассе, близ Ниццы. И все же, как вспоминает его жена, больше всего Ивану Алексеевичу хотелось увидеть Родину, – чудом вернуть прежнюю, неизменную Россию, которой не коснулись никакие бури... Но это было несбыточной мечтой. Родина и превратилась в мечту, которая осталась в памяти Бунина навсегда. Любовь и Память помогали выжить и медленно-медленно возвращали писателю творческие силы.

«Нет разлук и потерь, доколе жива моя душа, моя Любовь, Память! В живую воду сердца, в чистую влагу любви, печали и нежности погружаю я корни и стебли моего прошлого... Отдались, неотвратимый час, когда иссякнет эта влага, оскудеет и иссохнет сердце...» («Роза Иерихона»).

Родина, которая продолжала жить в душе писателя, была единственной опорой. «Прелесть была в том, – пишет он в рассказе „Косцы“, – что все мы были дети своей родины и всем нам было хорошо, спокойно и любовно без ясного понимания своих чувств, ибо их и не надо, не должно понимать, когда они есть. И еще в том была... прелесть, что эта родина, этот наш общий дом была – Россия...»

Память переносит писателя в далекие времена, когда он был подростком, из родного дома был отдан в елецкую гимназию и жил нахлебником в чужой и противной ему мещанской семье (рассказ «Подснежник»). Какими праздниками в этой унылой, обыденной жизни были для десятилетнего вани (в рассказе – Саши) приезды его отца; короткими вспышками они озаряли серое существование, и тем горше было расставание – до следующего отцова приезда...

А вот хоть и не столь давние, но тоже почти легендарные времена, когда Бунину было тридцать с небольшим. Из Ирландии ему написала тогда русская женщина, прочитавшая его рассказы в журнале. «...живу я далеко, далеко от вас... тем иг менее слова, которые ваша рука набросала на листе бумаги, долетели до меня и запали мне в душу...» Бунин ответил ей; послал фотографию, книгу; переписывались они, с

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
перерывами, никогда не увидя друг друга, три года. Письма бунинской корреспондентки остались в России. И вот, ровно двадцать лет спустя, Бунин вспоминает эту романтическую истерию и пишет рассказ «Неизвестный друг». Безответный монолог женщины, которая пишет известному писателю; пишет в течение месяца почти каждый день, но не получает ответа. Заглавие «Неизвестный друг» Иван Алексеевич взял из письма своей корреспондентки, а некоторые-ее письма почти дословно совпадали с текстом рассказа. Может быть, этот рассказ Бунин начал еще в России? Но, как бы то ни было, завершил его на чужбине, и оттого, должно быть, весь рассказ пронизан щемящей памятью сердца, когда с новой и огромной силой вспыхивают переживания давних лет. Эти переживания пришли к нему в новом, преображенном виде, вызвав в душе состояние, подобное тому, которое испытал крестьянин Гаврила в рассказе «Преображение», увидевший, как преобразилась, предстала перед его взором в ином свете его только что умершая мать...

Перед мысленным взором Бунина проходят тени минувшего, ожившие впечатления дорисовываются творческой фантазией. Лица, лица, лица... Вот «барин», сын «беглой дворовой девки» и помещика в рассказе «Сосед». У него особенная, изломанная речь, обильно и некстати уснащенная французскими выражениями. Его «усадыба» – не что иное, как пепелище некогда роскошного поместья; его имущество состоит из балалайки, «стопудового» кожаного драного дивана, из которого торчат клоки мочалы, одеяла из разноцветных лоскутков и тому подобного хлама. В рассказе «Слава» Бунин вспоминает о том, что услышал когда-то о русских плутах, мошенниках и жуликах, выдававших себя за юродивых и даже святых. Они шествовали по темной, дремучей России, одурачивая народ: Кирюша Борисоглебский, Ксенофонт Окаянный, Данилушка Коломенский и прочие... Не устает и не перестает писатель дивиться русскому крестьянину, загадочной его душе. В рассказе «Мухи» выведен кроткий деревенский старик с отнявшимися ногами, у которого осталось единственное развлечение в жизни: давить полчища одолевающих его мух. Однако прежний, молодой Бунин если бы писал об этом человеке, то сделал бы упор на чудовищности страшного и дикого крестьянского существования. Теперь же он не обличает, а философствует. Может быть, и впрямь, размышляет он, в жизни можно довольствоваться очень малым? Однако ему трудно утвердиться в этой идее, и вопрос оставлен открытым: что означает это смирение калеки – «блаженство нищих духом или безразличие отчаяния»? Не менее удивителен и необъясним старик Ефрем в рассказе «Обуза». Ему решительно ничего не надо в жизни: ни дома, ни земли, – все это для него одна «обуза», и голову ломать ему ни о чем не хочется. И совсем другой человек, вызывающий у писателя восхищенное удивление, – Нефед из рассказа «Лапти», совершивший в страшную вьюжную ночь свой молчаливый подвиг: он добыл лапти умирающему ребенку, который просил их в горячечном бреде. Этот подвиг, стоивший Нефеду жизни, вызван был могучим движением души, именуемым добротой. В творчестве Бунина усиливается мотив доброты, любви к людям, очень сильно прозвучавший в рассказе 1922 года «Далекое». «В сущности, все мы, в известный срок живущие на земле вместе и вместе испытывающие все земные радости... должны были бы питать друг к другу величайшую нежность, чувство до слез умиляющей близости и просто кричать должны были бы от страха и боли, когда судьба разлучает нас, всякий раз имея полную возможность превратить всякую нашу разлуку, даже десятиминутную, в вечную». В маленьком этюде «Слепой» (1924) та же самая мысль звучит с еще большей силой: «Все мы в сущности своей добры. Я иду, дышу, вижу, чувствую, – я несу в себе жизнь, ее полноту и радость. Что это значит? Это значит, что я воспринимаю, приемлю все, что окружает меня, что оно мило, приятно, родственно мне, вызывает во мне любовь. Так что жизнь есть, несомненно, любовь, доброта, и уменьшение любви, доброты есть всегда уменьшение жизни, есть уже смерть» – слова, словно выписанные из страниц позднего Л. Толстого. Так природное жизнелюбие художника пытается преодолеть издавна мучившую его проблему жизни и смерти и одерживает победу.

В гораздо большей степени «по-бунински» звучат слова, которым художник не изменит до конца дней:

«...блаженные часы проходят и... надо, необходимо (почему, один бог знает) хоть как-нибудь и хоть что-нибудь сохранить, то есть противопоставить смерти» («Надписи», рассказ 1924 г., где с огромной силой звучит мотив жизнеутверждающей силы искусства и бессмертия его).

Таким противопоставлением смерти Бунин считает любовь. Начиная с середины 20-х годов тема любви властно входит в его творчество, чтобы впоследствии, в конце 30-х – 40-е годы, стать главной (книга рассказов «Темные аллеи»).

Самое значительное произведение Бунина 20-х годов (и самое крупное после «Суходола») – повесть «Митина любовь». Она являет собою не только новый этап в творчестве Бунина, но и в русской литературе. До Бунина так о любви не писали. Бунинское новаторство состоит в том, что современная смелость («модерность», как тогда говорили) в изображении чувств героев сочетается с классической ясностью и совершенством словесной формы. Это приближает повесть «Митина любовь» к большому стихотворению в прозе, восславляющему счастье и муки любви. Переживания Мити, наделенного сверхобычной эмоциональностью, способного ощущать с непомерной остротой, болью и блаженством пробуждение природы и самого себя, испытавшего мучительную любовь к девушке, увлекавшейся театром, недостоверной в чувствах и бросившей его, – несомненно, автобиографичны. Митя напоминает также Елагина («Дело корнета Елагина»). Там влюбленный в актрису герой тоже переживает первую, мучительную и сокрушающую любовь, которая часто «сопровождается драмами, трагедиями, но совсем никто не думает о том, что как раз в это время переживают люди нечто гораздо более глубокое, сложное, чем волнения, страдания, обычно называемые обожанием милого существа; переживают, сами того не ведая, жуткий расцвет, мучительное раскрытие, первую мессу пола». Эта «первая месса пола», в понятии Бунина, – явление космического масштаба, ибо в человеке, в этом микромире, частице природы, происходят катаклизмы, потрясающие до основания его хрупкую телесную основу; когда в ощущениях человека преобразуется и весь мир, когда до предела обострена чувствительность ко всему вокруг, и тогда – «все Любовь, все душа, все мука и все несказанная радость». И это «все» воплотилось для Мити в кате, созданной его воображением и непохожей на реальную, грешную, слабую, может быть, ничтожную катю. Но такова природа любви, – показывает Бунин, – творить легенду и мучиться ею же. Любовь Мити раздваивается на блаженство и муки, потому что Катя тоже раздваивается на «светлую», приближающуюся к Митиному идеалу девочку, ибо и это в ней есть, – и на совершенно иную, недостоверную, суетную, нелюбящую (чего в ней больше). Так рождаются муки ревности. Художник описывает «весь тот кошмар, который переживает мужчина... который по целым дням и ночам, почти непрерывно, ежeminутно корчится от... страшных ревнивых представлений о том счастье, которое испытывает его соперник, и от безнадежной, безысходной нежности... какой тут простор ревнивому воображению. Как перенести обладание ею другим? Все это просто выше человеческих сил» (рассказ «В ночном море», 1925, тематически связанный с «Митиной любовью»). Ревность для Мити не только естественна, она неизбежна, ибо зыбкая Катя постоянно дает повод к пей. Жестокую ревность (как и страстную любовь), – продолжает развивать свою давнишнюю мысль писатель, – чаще всего вызывают именно такие типы женщин, как Катя, юное олицетворение «типичнейшего женского естества» (как Оля Мещерская в рассказе «Легкое дыхание»). Они всегда кажутся «загадочными», их невозможно понять, – да они и сами себя не понимают; они мятущиеся, неустойчивые, неопределенные, «недолепленные» природой душевно и духовно; они, как правило, страдают сами и заставляют страдать других. Люди же с особо обостренной чувствительностью, с повышенным воображением тянутся к таким женщинам – как тянется Митя к Кате, как корнет Елагин – к изломанной и истеричной актрисе Сосновской (вероятной Кате в будущем, когда повзрослеет), как в «Снах Чанга» – капитан к женщине, которая не любит его. И наконец, в «Митиной любви» Бунин приходит к творческому прозрению, делающему повесть истинно новаторским для того времени произведением. «В книгах и в жизни, – пишет он, – все как будто раз и навсегда условились говорить или только о какой-то почти бесплотной любви, или только о том, что называется страстью, чувственностью. Его же (Мити. – А. С.) любовь была непохожа ни на то, ни на другое... Душа Кати или тело доводило его почти до обморока, до какого-то предсмертного блаженства?..» И эпизод с Аленкой, когда «сила телесного желанья» не перешла в «блаженство, в восторг, в истому всего существа», доказывает непреложно, что любовь настоящая – это непременно гармония, неразрывность «небесного» и «земного», души и тела. Начиная с «Митиной любви», Бунин будет писать о любви как о высшем даре судьбы, – и чем прекраснее этот дар, тем он скоротечней. На эту тему написан рассказ «Солнечный удар», где Бунин развивает свою философию любви. Если в произведениях, написанных до «Солнечного удара», любовь трагедийна потому, что она не разделена, одинока, – то здесь ее трагедийность именно в том, что она взаимна – и слишком прекрасна для того, чтобы продлиться. Обрыв встречи закономерен и неизбежен. Более того: оба любящих знают, что, продлись их встреча, соединись их жизни – и чудо, озарение, «солнечный удар», поразивший их, уничтожится. В «Деле корнета Елагина» автор замечает: «Неужели неизвестно, что есть странное свойство всякой сильной и вообще не совсем обычной любви даже как бы избегать брака?» «Солнечный удар» (как и «Митина любовь», «Ида», «Дело корнета Елагина») предвосхищает книгу «Темные аллеи».

Любовь, по убеждению Бунина, – некий высший, напряженный момент бытия; подобно зарницам в ночи, она озаряет всю жизнь человека. Эта мысль особенно важна для Бунина с его повышенным, обостренным чувством жизни. В свои лучшие минуты, когда его не томили мрачные мысли, безнадежность и недуги, писатель создавал свои лирико-философские эссе (как бы теперь сказали), нечто вроде стихотворений в прозе. Вновь и вновь перерабатывал он на собственный лад мудрость древних, выбирая из нее все, что служило к утверждению жизни, говорило об ее прелести и очаровании, и отбрасывая то, что призывало к отрицанию ее радости и смысла. В такие светлые дни были написаны «Ночь», «Воды многие» – истинные гимны красоте, гармонии и загадочности мироздания, бесконечного во времени и пространстве; пронзительно передано ощущение самого себя как крохотной частицы вселенной. «Неутолима и безмерна моя жажда жизни, – признается он, – и я живу не только своим настоящим, но и всем своим прошлым, не только своей собственной жизнью, но и тысячами чужих, всем, что современно мне, и тем, что там, в тумане самых дальних веков. Зачем? Затем ли, чтобы на этом пути губить себя, или затем, чтобы, напротив, утверждать себя, обогащаясь и усиливаясь?» («Ночь»). «Жизнь моя – трепетное и радостное причащение вечному и временному, близкому и далекому, всем векам и странам жизни всего бывшего и сущего на этой земле, столь любимой мною. Продли, боже, сроки мои!» («Воды многие»).

Справедлива причисляя себя к людям «мечты, созерцания, удивления себе и миру, людям умствования», Бунин не устает испытывать это удивление и вопрошать: что же все-таки есть земная жизнь хрупкого человеческого организма, от чего зависит его крепость, невредимость? «Поминутно думаю: что за странная и страшная вещь наше существование – каждую секунду висишь на волоске [Вот я жив, здоров, а кто знает, что будет через секунду с моим сердцем, которое, как и всякое человеческое сердце, есть нечто такое, чему нет равного во всем творении по таинственности и тонкости? И. на таком же волоске висит и мое счастье, спокойствие, то есть жизнь, здоровье всех тех, кого я люблю, кем я дорожу даже гораздо больше, чей самым собою.. За что и зачем все это?]» («Воды многие»). Герой, рассказа «Алексей Алексеевич», ощутив неладное в этом своем сердце, успел зайти к врачу и услышать от него небрежное заключение, а затем сел на извозчика и скоропостижно скончался, – вероятно, не без вины бездушного эскулапа. Речь идет в данном случае вовсе не о пессимизме писателя, а опять все о том же его безмерном и неистощимом изумлении перед жизнью и ее творениями, то есть обратной стороне его неугасимой влюбленности в жизнь...

И когда, вспоминая Россию, Бунин вновь обращается к образам крестьян, им руководит удивление перед многообразием русского характера и желание постичь его. Так, в рассказе «Божье древо» личность русского крестьянина многогранна, ярка и совмещает в себе различные свойства. Он талантлив, обладает прекрасной памятью, знает много песен и сказаний – и притом темен, необразован и нелюбопытен. Он считает, что жить нужно, как жили в старину, однако совсем не боится и новшеств. Он любит жизнь, имеет вкус к ней, но к смерти вполне равнодушен. Он приветливый и словоохотливый собеседник, но ему безразлично, с кем вести разговоры. Он, когда видит зло, стремится пресечь его и одновременно может заявить беспечно: «Наш народ хороший, обоюдный». «Обоюдный» – на его языке означает «многогранный». Таков и сам герой рассказа, Яков Демидыч, который живет не задумываясь, как природа, как «божье древо», совмещая в себе разные жизненные начала. Яков Демидыч был «списан» Буниным с реального лица; это был караульщик сада, липецкий крестьянин-однорец, тоже Яков, с которым Иван Алексеевич познакомился в 1912 году. Так писатель обессмертил образ этого простого русского человека и увековечил его изумительную, великолепную старинную речь. Яков Демидыч – как бы собирательный образ родины, которая видится Бунину с чужбины...

В рассказе «Благосклонное участие» воображение переносит Бунина в старую Москву, на Молчановку, в квартиру «бывшей артистки императорских театров» – одинокой, бедной, очень немолодой женщины, живущей уроками пения. Этот рассказ – один из самых добрых произведений русской литературы. Он – о человеческом счастье, о том, что жизнь проходит, человек стареет, но никогда не перестает ожидать счастья, пусть редкого и мгновенного. Так целый год живет эта женщина ожиданием своего единственного «звездного дня», когда она выступит на благотворительном концерте в пользу нуждающихся воспитанников гимназии. Для нее этот зимний день на рождественской неделе олицетворяет великий, всеобъемлющий праздник, и всё ей представляется необычайным, торжественным, богатым. Бедный студент «в легкой шинельке и тонких ботинках», с окованными ногами, кажется ей франтом; маленькая афишка, на которой обозначен этот благотворительный вечер, «всякому

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
бьет в глаза», затмевая имена Шаяпина, Собинова и других знаменитостей. Сама она репетирует «не покладая рук, дабы не обмануть ожиданий Москвы»...

Бунин рисует образ героини с огромной силой сопереживания. Он понимает старость, нужду, жестокость жизни и неугасимый порыв души к счастью, даже если оно – мираж.. А оно скорее всего мираж. Потому что вряд ли старая, истерзанная трехнедельными волнениями и репетициями, напичканная лекарствами, сверх меры нарумяненная и напудренная, похожая «на Смерть, собравшуюся на бал», – вряд ли бунинская героиня имела «колоссальный» успех, да еще особенно у молодежи. Но именно так она ощущала этот вечер и на нем – саму себя. А дело писателя было – передать ее состояние с максимальной психологической точностью, так сказать, оставив за сценой почти все собственные комментарии. Но это и есть милосердие художника...

В середине двадцатых годов в творческом сознании Бунина поселился замысел большого произведения, тема которого – история души поэта, писателя, – то есть его самого, Ивана Алексеевича Бунина. Поэтому рассказов он пишет мало. Почти все, что озаряет его память художника, идет в копилку для будущего романа «Жизнь Арсеньева», а короткие сценки, наблюдения, эпизоды, отдельные портреты, которые не попадают туда, Бунин печатает отдельно под названием «Краткие рассказы» («Первая любовь», «Петухи», «Журавли», «Комета» и др.). Собранные вместе, освещенные Любовью и Памятью художника, они дают живую картину старой России, навсегда оставшейся для Бунина «на том берегу».

Комментарии

Произведения данного тома печатаются по Собранию сочинений И. А. Бунина в девяти томах (т. 4, 5. М., Художественная литература, 1966), в основу которого были положены издания: Бунин И. А. Собрание сочинений, т. I–XI. Берлин, Петрополис, 1934–1936; сборники «Весной, в Иудее. Роза Иерихона». Нью-Йорк, 1952; «Митина любовь. Солнечный удар». Нью-Йорк, 1953; «Петлистые уши и другие рассказы». Нью-Йорк, 1954 – с позднейшей авторской правкой.

Рассказы, не входившие в Собрание сочинений И. А. Бунина в девяти томах, печатаются по «Литературному наследству» (т. 84, кн. 1. М., Наука, 1973).

Список условных сокращений

Бунин – Бунин И. А. Собр. соч. в 9-ти томах. М., Художественная литература, 1965–1967.

«И. А. Бунин» – Бабореко А. И. А. Бунин. Материалы к биографии. М., Художественная литература, 1967.

«Жизнь Бунина» – Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина. Париж, 1958.

ЛН – Литературное наследство, т. 84, кн. 1 и 2. М., Наука, 1973.

ИМ – журнал «Новый мир».

Братья: #sect001

Сб. «Слово», М., 1914, № 3.

Написано под впечатлением путешествия Бунина в феврале–марте 1911 года на Цейлон, где он пробыл полмесяца. «Когда я был в Коломбо, – вспоминал писатель, – меня равно поразили свет солнца, совершенно непередаваемый и слепящий, и учение Будды, в котором много от этого слепящего очи и душу солнца... После, в Одессе, я вышел на берег как пьяный. Я жмурился, я не мог глядеть на землю, освещенную солнцем: мне все чудился огненный свет Коломбо. Я хотел передать этот свет в „Братьях“» («И. А. Бунин», с. 196–197). О возникновении замысла рассказа Бунин вспоминал: «После путешествия на Цейлон хотелось написать. У нашего тамошнего консула была, слышал там, молоденькая любовница сингалезка. Всю историю рикши

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
выдумал, вспоминая это» (ЛН, кн. 1, с. 393).

Путешествие на «землю древнейшего человечества» потрясло писателя. Впервые он воочию увидел колониальное рабство, пропасть, отделяющую колонизаторов от местного населения, влачащего жалкое, полудикое существование. По свидетельству В. Н. Муромцевой-Буниной, на Цейлоне Бунин «почти заболел. Не мог видеть рикш с окровавленными губами от бетеля. То, что чувствовал его англичанин в „Братях“, автобиографично» («И. А. Бунин», с. 158). Сам Бунин вспоминал о Цейлоне: «В Коломбо я глазам своим не верил, видя, как опасно, все время начеку, проходят англичане по улицам, – как они боятся осквернить себя нечаянным прикосновением к тамилу, к сингалезу и вообще ко всякому „цветному“ человеку, ко всякому „презренному“ (по их любимому выражению) дикарю... Голый черный человек, то есть рикша, во всю прыть мчит раскаленную лакированную колясочку, в которой сию я – всегда с большим стыдом, к чести моей сказать...» (Бунин, т. 5, с. 482).

В 1922 году о «Братях» с горячей похвалой отозвался Ромен Роллан. «Я вижу... – писал он Бунину, – вдохновенную красоту некоторых рассказов, обновление вашими усилиями того русского искусства, которое и так уже столь богато и которое вы сумели еще более обогатить и по форме, и по содержанию, ничто не захватило меня так сильно в вашей книге, как эти два рассказа: „Братья“ и „Соотечественник“» («И. А. Бунин», с. 197).

Эпиграф взят из «Сутты-Нипаты» – одной из древнейших книг буддийского канона, в которой изложено учение древнеиндийского философа и проповедника Сиддартхи Гаутамы, или Сакия-Муни (Будды) (623–544 гг. до н. э.).

Возвышенный – Будда.

Мара – сатана буддийского мира, искушитель-демон; Будда искушается дочерьми Мары, носящими имена: Желание, Беспокойство, Стремление.

Ананда – любимый ученик Будды.

Архивное дело: #sect003

Газ. «Русское слово», М., 1914, № 297, 25 декабря под названием «Святочный рассказ».

По свидетельству В. Н. Муромцевой-Буниной, в рассказе отражены автобиографические моменты. Живя в 1892–1893 годах в Полтаве, Бунин работал там библиотекарем при архиве городской, земской управы, куда его устроил старший брат Юлий. – В это время он писал множество корреспонденции в газетах «Киевлянин», «Харьковский вестник»; «Кроме отчетов о земских собраниях, он посылал корреспонденции о текущих делах, о борьбе с насекомыми, об урожаях свекловицы и т. д...»; «...он много писал в своей сводчатой библиотеке, пока не наступило время подготовки к земским собраниям, перед которыми ему и приходилось выдавать разные отчеты, доклады земской управы, журналы земских собраний, „Сборники“ и „Вестники“ членам управы, статистикам, земским гласным. Ему в этом помогал архивариус, который весь архив знал наизусть: странная дореформенная личность, выведенная в „Святочном рассказе“ (первоначальное название „Архивного дела“. – А. С.) в лице фисуна» («Жизнь Бунина», с. 79, 83).

«...времен Очакова и покоренья Крыма...» – слова из «Горя от ума» А. С. Грибоедова.

«Бывали хуже времена, но не было подлей» – строка из первой главы поэмы Н. А. Некрасова «Современники»..

Грамматика любви: #sect004

Альм. «Клич», сборник на помощь жертвам войны (под ред. И. А. Бунина, В. В. Вересаева, Н. Д. Телешова). М., 1915.

Спустя много лет Бунин вспоминал о происхождении этого рассказа: «Мой. племянник Коля Пушешников, большой любитель книг, редких особенно, приятель многих

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
московских букинистов, добыл где-то и подарил мне маленькую старинную книжечку под заглавием „Грамматика любви“. Прочитав ее, я вспомнил что-то смутное, что слышал еще в ранней юности от моего отца о каком-то бедном помещике из числа наших соседей, помешавшемся на любви к одной из своих крепостных, и вскоре выдумал и написал рассказ с заглавием этой книжечки (от лица какого-то Ивлева, фамилию которого я произвел от начальных букв своего имени в моей обычной литературной подписи» (см. т. 6 наст. изд.). Н. А. Пушешников (1882–1939), переводчик, страстный библиофил, подарил Бунину книжку, вышедшую в 1831 г. «Грамматика любви, или Искусство любить и быть взаимно любимым... Сочинение г. Мольера». На самом деле автором книги был французский писатель Ипполит Жюль Демольер (1802–1877) – см. статью А. Блюма «Лишь слову жизнь дана...» («Альманах библиофила», вып. VII. М., книга, 1979, с. 118).

«Есть бытие...» – начало стихотворения Е. А. Баратынского «Последняя смерть». Бунин любил поэзию Баратынского; в 1900 г. он написал о нем статью, в которой утверждал, что «скорбная жизнь» поэта была поучительна и что он являл собою «искренного и страстного искателя истины» (см. т. 6 наст. изд.).

Господин из Сан-Франциско: #sect005

Сб. «Слово», М., 1915, № 5.

По свидетельству В. Н. Муромцевой-Буниной, одним из поводов к написанию рассказа послужило воспоминание, связанное с давним впечатлением. В апреле 1909 года, на пароходе, по дороге из Италии в Одессу, у Бунина «завязался спор о социальной несправедливости», и он так ответил оппоненту; «Если разрезать пароход вертикально, то увидим: мы сидим, пьем вино, беседуем на разные темы, а машинисты в пекле, черные от угля, работают и т. д. Справедливо ли это? А главное, сидящие наверху и за людей не считают тех, кто на них работает...». «Я считаю, – пишет В. Н. Муромцева-Бунина, – что здесь зародился „Господин из Сан-Франциско“» («И. А. Бунин», с. 131). Сам Бунин вспоминает о происхождении этого рассказа и об обстановке, в которой он был написан: «Летом пятнадцатого года, проходя однажды по Кузнецкому мосту в Москве, я увидел в витрине книжного магазина Готье на русском языке издание повести Томаса Манна „Смерть в Венеции“, но не зашел в магазин, не купил ее, а в начале сентября 1915 года, живя в имении моей двоюродной сестры, в селе Васильевском, Елецкого уезда, Орловской губернии, почему-то вспомнил эту книгу и внезапную смерть какого-то американца, приехавшего на Капри, в гостинице „Квисисана“, где мы жили в тот год, и тотчас решил написать „Смерть на Капри“, что и сделал в четыре дня, не спеша, спокойно, в лад осеннему спокойствию сереньких и уже довольно коротких и свежих дней в тишине в усадьбе и в доме: напишу немного, оденусь, возьму заряженную двустволку, пройду по саду на гумно, куда всегда слеталось множество голубей, возвращусь с пятью, шестью штукаами, убитыми дуплетом, и опять сяду писать; взволновался я и писал даже сквозь восторженные слезы только то место, где идут и славословят мадонну запоньяры. Заглавие „Смерть на Капри“ я, конечно, зачеркнул тотчас же, как только написал первую строку: „Господин из Сан-Франциско“... И Сан-Франциско, и все прочее (кроме того, что какой-то американец действительно умер после обеда в „Квисисане“) я выдумал.

Обычно я пишу быстро и спокойно, вполне владея своими мыслями и чувствами, но на этот раз писал, повторяю, не спеша и порою весьма волнуюсь» (см. т. 6 наст. изд.).

А в дневнике Бунин записал: «14–19 августа писал рассказ „Господин из Сан-Франциско“. Плакал, пища конец» («И. А. Бунин», с. 204).

Работа над рассказом проходила напряженно; писатель упорно стремился достичь предельной силы и сжатости, избавлялся от прямолинейно-назидательных, публицистических страниц, от излишних эпитетов, от иностранных слов, от словесных штампов. Все это можно видеть по сохранившимся рукописям рассказа.

Рассказ «Господин из Сан-Франциско» очень высоко оценил Горький. «В моей очень суетной и очень тяжелой жизни Вы – может быть, и даже наверное – самое лучшее, самое значительное, – писал он Бунину. – Знали бы Вы, с каким трепетом читал я „Человека из Сан-Франциско“» («Горьковские чтения», М., 1961, с. 85). Томас Манн также был в восхищении от бунинского рассказа и писал, что он «по своей

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru нравственной мощи и строгой пластичности может быть поставлен рядом с некоторыми из наиболее значительных произведений Толстого – с „Поликушкой“, со „Смертью Ивана Ильича“» (ЛН, кн. 2, с. 379).

На этом острове две тысячи лет тому назад жил человек... – Речь идет о древнеримском императоре Клавдии Нероне Тиберии (42 г. до н. э. – 37 г. н. э.), вошедшем в историю как жестокий мрачный тиран, кровавый злодей и человеконенавистник. Последние одиннадцать – двенадцать лет Тиберий оставил Рим и, движимый страхом и подозрительностью, переселился на остров Капри. Бунин описывает Тиберию в рассказе «Остров сирен».

Казимир Станиславович: #sect007

Журн. «Летопись», Пг., 1916, № 5, май.

Рассказ был задуман еще в 1914 году, о чем свидетельствует запись Букина в дневнике от 28 июля того же года: «Написать рассказ „Неизвестный“. „Неизвестный выехал из Киева 18 марта в 1 ч. 55 дня...“ Цилиндр, крашенные бакенбарды, грязный бумажный воротничок, расчищенные грубые ботинки. Остановился в Москве в „Столице“. На другой день совсем тепло, лето. В пять часов ушел на свадьбу своей дочери в маленькую церковь на Молчановке. (Ни она и никто в церкви не знал, что он ее отец и что он тут.) В номере у себя весь вечер плакал – лакей видел в замочную скважину. От слез облезла краска с бакенбард» («Подъем», Воронеж, 1979, № 1, с. 120).

Песня о гоце: #sect008

Газ. «Орловский вестник», 1916, № 81, 10 апреля.

Бунин любил этот рассказ и позднее с удовольствием говорил о нем. В 1931 году Г. Н. Кузнецова записала в своем дневнике его слова: «Я ведь чуть где побывал, нюхнул – сейчас дух страны, народа – почуял. Вот я взглянул на Бессарабию – вот и „Песня о Гоце“. Вот и там все правильно, и слова, и тон, и лад» (ЛН, кн. 2, с. 278). Незадолго до смерти, 22 июля 1953 года, он вспоминал: «Гоца я задумал писать в Индийском океане по пути на Цейлон, но написал только начало. Как странно!» (там же, кн. 1, с. 393).

Легкое дыхание: #sect009

Газ. «Русское слово», М., 1916, № 83, 10 апреля.

О происхождении этого рассказа Бунин пишет так: «Рассказ „Легкое дыхание“ я написал в деревне, в Васильевском, в марте 1916 года: „Русское слово“ Сытина просило дать что-нибудь для пасхального номера. Как было не дать? „Русское слово“ платило мне в те годы два рубля за строку. Но что делать? Что выдумать? И вот вдруг вспомнилось, что забрел я однажды зимой совсем случайно на одно маленькое кладбище на Капри и наткнулся на могильный крест с фотографическим портретом на выпуклом фарфоровом медальоне какой-то молоденькой девушки с необыкновенно живыми, радостными глазами. Девушку эту я тотчас же сделал мысленно русской, Олей Мещерской, и, обмакнув перо в чернильницу, стал выдумывать рассказ с той восхитительной быстротой, которая бывала в некоторые счастливейшие минуты моего писательства» (см. т. 6 наст. изд.).

Г. Н. Кузнецова в «Грасском дневнике» пишет о том, как Бунин трактовал этот рассказ:

«Говорили о „Легком дыхании“.

Я сказала, что меня в этом очаровательном рассказе всегда поражало то место, где Оля Мещерская, весело, ни к чему, объявляет начальнице гимназии, что она уже женщина. Я старалась представить себе любую девочку-гимназистку, включая и себя, – и не могла представить, чтобы какая-нибудь из них могла сказать это. И. А. стал объяснять, что его всегда влекло изображение женщины, доведенной до предела своей „утробной сущности“. „Только мы называем это утробностью, а я там

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru назвал это легким дыханием. Такая наивность и легкость во всем, и в дерзости, и в смерти, и есть „легкое дыхание“, недуманье. Впрочем, не знаю. Странно, что этот рассказ нравился больше, чем „Грамматика любви“, а ведь последний куда лучше...“» (ЛН, кн. 2, с. 263–264).

Аглая: #sect010

Журн. «Летопись», Пг., 1916, № 10, октябрь.

Рассказ принадлежит к числу любимых самим автором. 21 февраля 1931 года Г. Н. Кузнецова в дневнике записала о том, как в тот день Бунин «особенно хорошо», «замечательно» читал вслух этот рассказ и потом сказал: «Вот, видят во мне только того, кто написал „Деревню“!.. А ведь и это я! И это во мне есть! Ведь я сам русский, и во мне есть и то и это! А как это написано! Сколько тут разнообразных, редко употребляемых слов, и как соблюден пейзаж хотя бы северной (и иконописной) Руси: эти сосны, песок, ее желтый платок, длинность – я несколько раз упоминаю ее – сложения Аглаи, эта длиннорукость... Ее сестра – обычная, а сама она уже вот такая, синеглазая, белоликая, тихая, длиннорукая, – это уже вырождение. А перечисление русских святых! А этот, что бабам повстречался, как выдуман! В котелке и с завязанными глазами! Ведь бес! Слишком много видел! „Утешил, что истлеют у нее только уста!“ – ведь какое жестокое утешение, страшное! И вот никто этого не понял! Оттого, что „Деревня“ – роман, все завопили! А в „Аглае“ прелести и не заметили! Как обидно умирать, когда все, что душа несла, выполняла, – никем не понято, не оценено по-настоящему! И ведь сколько тут разнообразия, сколько разных ритмов, складов разных!» (ЛН, кн. 2, с. 278).

Лев Великий – Лев I (V в.), византийский император, принявший православие.

Воин Евстафий – легендарный римский вельможа и полководец. Однажды ему явилось видение оленя, между рогов которого сиял крест, и он услышал божий, глас. Евстафий принял христианство, пережил тяжелые испытания, потерял богатство и семью; затем был возвращен в Рим императором Траяном. В пору гонений на христианство (после смерти Траяна), в царствование Адриана, погиб мученической смертью, будучи «ввержен в раскаленного медного быка».

Алексей Божий человек – христианский святой, сын римских патрициев; ушел из отчего дома, скитался семнадцать лет, после чего вернулся домой, где прожил, неузнанный, еще столько же, терпя издевательства слуг. Был признан лишь после смерти.

Иоанн Кушник – христианский святой, «подвижник царьградский»; после долгих странствий во имя праведной жизни тоже вернулся неузнанный домой и построил напротив родительского дома бедную избушку. Открылся матери лишь перед кончиной.

Сны Чанга: #sect011

Альм. «Объединение», Одесса, 1919.

В рассказе ошутимы настроения, навеянные знакомством писателя с философией и искусством древнего Востока. Бунина привлекала вера древних во внутренние силы человека, которые способствовали бы его самосовершенствованию; однако для него был неприемлем аскетизм древневосточных мудрецов, проповедь отказа от жизни. По свидетельству В. Н. Муромцевой-Буниной, некоторые черты капитана были «взяты» писателем у П. А. Нилуса (1869–1943), близкого друга Бунина, художника и литератора (НМ, 1969, № 3, с. 210).

Правда еврея Иова. – По библейскому преданию, Иову; усомнившись в справедливости божьего промысла, принадлежат слова: «Но где премудрость обретается? Не знает человек цены ее, и она не обретается на земле живых»; «человек, рожденный женою, кратковремен и пресыщен печальями».

Правда мудреца из неведомого племени, Экклезиаста. – Экклезиасту, или Проповеднику, Библия приписывает слова: «Всё – суета и томление духа»; «человек не может постигнуть дел, которые делаются под солнцем»; «если человек проживет

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru много лет, то пусть веселится он в продолжение всех их и пусть помнит о днях темных, которых будет много». Слова капитана: «Помни, человек... нет мне удовольствия в них» – неточная цитата из «Книги Экклезиаста, или Проповедника» (Библия).

..ваши Будды... что они говорят об этой любви к миру и вообще ко всему телесному... – Согласно буддийскому учению, все земное непостоянно, обречено на уничтожение; всякое бытие есть страдание. Чтобы освободиться от страданий мира, от самой жизни, нужно достигнуть нирваны («Нирвана – это вода жизни, утоляющая жажду пожеланий»), то есть состояния оцепенения, полнейшего бесстрастия и самосозерцания. Тогда человек будет избавлен от страданий сансары – бесконечной цепи перевоплощений в других земных существ, выйдет из этой цепи.

Тао (Дао) – в древнекитайской философии – «Путь», основа всего сущего во вселенной, источник всего. Человек, который следует Дао, должен покориться неизбежному, не впадать в «грех непослушания», и тогда он будет неподвластен радостям и печалям земным и достигнет гармонии с окружающим миром.

«Золотое кольцо в ноздре свиньи», «Коврами я убрала постель мою» – слова из «Притч Соломоновых», приведенные не совсем точно.

Соломон Премудрый – древнеиудейский царь, по преданию, автор некоторых книг Библии: «Притч», «Премудростей», «Песни Песней».

Соотечественник: #sect013

Сб. «Слово», М., 1919, № 8.

В «Происхождении моих рассказов» Бунин утверждает, что этот рассказ, как и «Братья», он «написал, опять вспоминая Цейлон и некоторые черты тамошнего русского консула» (ЛН, кн. 1, с. 393).

Отто Штейн: #sect014

Газ. «Южное слово», Одесса, 1920, № 112, 1 января.

Рассказ представляет собой начало незавершенного романа.

Последователь Геккеля – то есть сторонник естественнонаучного материализма. Геккель Эрнст (1834–1919) – биолог, последователь Дарвина.

...думал о гении Лессепса, о том, что Лессепс совершил величайший переворот в судьбах человечества. – Речь идет о французском инженер-предпринимателе Фердинанде Лессепсе (1805–1894), под чьим руководством был сооружен в 1859–1869 гг. Суэцкий канал.

Последняя весна: #sect018

Газ. «Последние новости», Париж, 1931, № 3672, 12 апреля.

В этом этюде использованы дневниковые записи Бунина 1916 г., когда он подолгу жил в деревне Глото-зо, в усадьбе семьи своего племянника Н. Пушешникова.

Шестая неделя – Великого поста.

Зашли к Пальчиковым – в семью крестьянина Александра Пальчикова. В записи Бунина от 30 марта 1916 г. читаем о хозяине: «Богат, а возле избы проходу нет от грязи и навозу. Полушубок, кубовая рубаха, видная из расстегнутого порота, серо-серебристая борода» («В мире книг», 1973, № 7, с. 64).

Нет, это все брешут... никогда не допустят. – Слова Александра Пальчикова, почти без изменений перенесенные Буниным из дневниковой записи (там же).

Рассказ вошел в 10-й том Собрания сочинений (изд-во «Петрополис»).

См. комментарий к рассказу «Последняя веска».

Сухомлин... Через кого там теперь миллионы лежат... – Слова Архипова относятся к военному министру В. А. Сухомлинову (1848–1926); за неподготовленность русской армии к войне он был в 1916 г. арестован.

Роза Иерихона: #sect020

«Наш мир» (воскресное приложение к газ. «Руль»), Берлин, 1924, № 13, 15 июня.

Точная дата написания неизвестна. Рассказ открывал собою, в качестве введения, сборник того же названия, вышедший в Берлине в 1924 году, а также восьмой том Собрания сочинений (изд-во «Петрополис»), Таким образом, писатель придавал ему значение рубежа, этапа в своем творчестве.

Эмигрантская критика 20-х годов неустанно повторяла, что Бунин – «классик»; классическим началом называли в его творчестве «начало формообразующее, мужское, начало разума, равновесия, меры, ясности и простоты... Есть оно и в плавном ритме бунинской прозы, в том, как приводимо к простоте и единству, как стройно организуется все сложное и страстное в его душе» («Современные записки», Париж, 1924, № 22, с. 449–450). Другая мысль сводилась к тому, что Бунин – воспеватель своей, старой России, канувшей в небытие: «Каждая его строчка есть кровь от крови и плоть от плоти его России. Оттого, быть может, так и совершенно его искусство, что оно искусство уже совершившего свой жизненный путь времени, оттого, быть может, и так трепетно живо оно сейчас для нас, что трепещет о том, что уже отошло... что все оно: шум последней сосны своему сведенному бору» («Современные записки», Париж, 1925, № 25, с. 327).

...совершал я свое первое дальнее странствие. – Речь идет о путешествии Бунина весной 1907 г. на Ближний Восток.

Пятиградие – пять городов в Палестине, упоминаемых в Библии: Содом, Гоморра, Адма, Севоим и Сигор.

Рахиль – по Библии, жена патриарха Иакова.

Готами: #sect024

Журн. «Русский эмигрант», Берлин, 1920, №. 4, 1-14 ноября.

В среду Братии желтого облачения – то есть к бикшу, последователям Будды. По преданию, когда царевич Сакия-Муни (впоследствии Будда) покинул отчий дом, чтобы посвятить свою жизнь служению человечеству, он обменялся одеждой со встречным нищим, отдав ему свое царское одеяние, и оставил себе только желтый охотничий плащ. С той поры все его ученики должны были носить плащи желтого цвета.

Расторгшие Цепь – то есть цепь земных существований.

Третий класс: #sect026

Газ. «Новая русская жизнь», Гельсингфорс, 1921, № 74, 2 апреля, под заглавием «Записная книжка».

В этом рассказе Бунин вспоминает свое путешествие на Цейлон весной 1911 года, оставившее огромный след в его душе и творчестве. См. также рассказ «Братья» в наст. томе. Во время путешествия писатель вел дневник (см. «Воды многие», там же); под впечатлением этой поездки написаны также этюды «Ночь» (см. там же) и книга «Освобождение Толстого» (см. т. 6).

Рассказ «Третий класс» имел в первой редакции начало и конец, впоследствии Буниным опущенные. И то и другое имеет самостоятельную художественную ценность. Приводим их:

«Вспоминая купе вагонов, в которых столько колесил я по земному шару, неизменно вспоминаю одно и то же: переменяв котелок на дорожный картуз, достав из несессера книжку, англичанин сидит весь день без малейшего движения, не роняя ни единого слова, ни на миг не снимая перчаток; я вхожу – он медленно осматривает меня оскорбительно холодными глазами и опять опускает их на книжку; за окном мелькают древние города, развалины замков, горные бездны и вершины, морские заливы, озера, пески, Нил, пирамиды, нубийские хижины, тропические лесные дебри – он невозмутим, он не замечает меня, он читает, а если глядит в окно, то еще мертвее и оскорбительнее, чем глядел на мою фигуру.

Таким же вижу я его и на пароходе, в отеле. Я или не существую для него (благо днем полагается по английскому этикету быть свободным в одежде), или же он самым непристойным образом осматривает меня с головы до ног – в ту торжественную минуту, когда гудит обеденный гонг и все шествуют в столовую в смокингах и бальных туфлях, среди нарядных дам, блеска зеркал и электричества.

Однажды отель, в котором я проводил зимы на Капри, загорелся (с верхнего этажа). Весь городок сбежался, все двери в отеле были настежь, по всем лестницам носились люди, тушившие огонь, все жильцы не английского происхождения помогали им или хватали из своих комнат и выбрасывали в коридор вещи, – англичане и бровью не повели: взяли пледы, книжки, сели в кресла, обернув пледами ноги, и преспокойно стали кто читать, кто писать дневники и письма.

В Ерусалиме, в Назарете, в Иерихоне жившие со мною в отеле англичане вставали раным-рано поутру, не спеша совершали туалет, плотно завтракали и затем, под предводительством гида от Кука, выходили на осмотр священных достопримечательностей с неизменным пением псалмов... Бог мой, как это было ужасно во всех смыслах!

В Египте, возле пирамид, храмов, я с утра до вечера слушал треск палок по головам арабов: арабы с бешеными криками осаждали туристов, предлагая им свои услуги, своих ослов, а английские полицейские молча лупили их направо и налево, да так крепко и ловко, что только палки отскакивали...

В Коломбо я глазам своим не верил, видя, как опасливо, все время начеку проходят англичане по улицам, – как они боятся осквернить себя нечаянным прикосновением к тамилу, к сингалезу и вообще ко всякому „цветному“ человеку, ко всякому „презренному“ (по их любимому выражению) дикарю.

А какими скандалами сопровождалась на Цейлоне все мои попытки проехать по железной дороге в третьем классе!

Каждый раз, когда я отправлялся в поездку по острову, происходило следующее.

Жара адская, удушающая... Голый черный человек, то есть рикша, во всю прыть мчит раскаленную лакированную колясочку, в которой сижу я – всегда с большим стыдом, к чести моей сказать...» (Бунин, т. 5, с. 481–482).

Конец рассказа:

«Конечно, я и тут остаюсь верен себе, я догадываюсь, что ведь и я могу устроить новую пакость и кассиру и кондуктору – я на следующей станции хватаю свой сак и перебегаю в другой вагон, даже и не в третий, а еще хуже, – в четвертый, в самую гущу „презренных дикарей“... Но сколько же крови стоит мне это невиннейшее желание проехаться с ними, сколько крепчайших чисто русских слов посылаю я по адресу просвещеннейшей Британии, вскакивая в этот четвертый класс, удушающий, как полк в бане, и, как баня в субботу, набитый черными и шоколадными телами, которые только по бедрам прикрыты мокрыми от пота тряпицами!

...Качаются головы на этих телах, сидящих и стоящих в полутемном от наружных навесов над окнами вагоне, мчится полутемный вагон в бездне белого, ослепительного зноя, льющегося с неба на радостную, райски богатую землю, чутко отдается татаканье колес от цветущих, бесконечных лесных дебрей, летящих назад,

– Курумба-а! – звонко и жалобно кричат на остановках продавцы кокосовых орехов...

И опять, четко татакая, несется вагон, опять летят мимо окон джунгли, с райской нежностью синеют медленно проходящие за деревьями долины и сланообразные вершины гор...

Какой бег, какой наглый и чудесный поезд, как властно прорезает он этот Эдем!

Горе вам, „презренные дикари“!» (Бунин, т. 5, с. 482–483).

Ночь отречения: #sect028

Газ. «Звено», Париж, 1923, № 47, 24 декабря, вместе со стихотв. «Приморский путь» («Цейлон») под общим заглавием «Львиный остров».

Г. Н. Кузнецова в «Грасском дневнике» пишет 29 сентября 1932 г.: «И. А. читал мне переводы обращения Будды к монахам, восхищаясь высокой прелестью и общим строем этой речи. Потом попросил меня прочесть ему вслух его „Ночь отречения“. Рассказал, как был в Кенди и видел в священной библиотеке пальмовые дощечки с начертанными на них круглыми знаками – буддийские книги. Показывал их ему верховный жрец, человек „с сумасшедшими, сплошь черными глазами“... Библиотека помещалась в подземелье, решетчатые окна которого приходились почти вровень с водой рва, и так как вокруг было много зелени, в комнате был зеленоватый отблеск. Стены были очень толстые, с нарисованными на них драконами. Жрец подарил ему одну пальмовую дощечку, на которой стилетом написал тушью с золотом свое имя.

2 октября. После обеда разговаривали в кабинете о Будде, ученье которого И. А. читал мне перед тем. От Будды перешли к жизни вообще и к тому, нужно ли вообще жить и из каких существ состоит человек. И. А. говорил, что дивное уже в том, что человек знает, что он не знает... и что мысли эти в нем давно и что жаль ему, что он не положил всю свою жизнь „на костер труда“, а отдал ее дьяволу жизненного соблазна. „Если бы я сделал так – я был бы одним из тех, имя которых помнят“. Но... Ананде было сказано Буддой: „Истинно, истинно говорю тебе, ты еще много раз отречешься от меня в эту ночь земных рождений...“» (ЛН, кн. 2, с. 289–290).

...с обрезанными волосами... –Когда царевич Сакия–Муни Сиддартха (будущий Будда) покинул родительский дом, он обрезал свои длинные волосы (знак высокого происхождения).

Мара. – См. коммент. к рассказу «Братья».

Конец: #sect031

Газ. «Звено», Париж, 1923, № 6, 12 марта.

В рассказе воссоздана картина отъезда Бунина из Одессы за границу 26 января 1920 года.

«Гром и шум, корабль качает...»– неточная цитата из стихотворения Я. П. Полонского «Качка в бурю».

Косцы: #sect032

Альм. «Медный всадник», Берлин, 1923, кн. 1.

Сохранилась запись Бунина от 9 ноября 1921 года: «Нынче неожиданно начал „Косцов“, хотя, написав после обеда, вдруг опять потух, опять показалось, что и это ничтожно, слабо, что не скажешь того, что чувствуешь, и выйдет патока да еще не в меру интимная, что уже спета моя песенка. Утешаю себя только тем, что и

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
прежде это бывало, особенно перед „Господином) из С. Фр<анциско>“, хотя можно ли сравнить мои теперешние силы, и душевные и физические, с силами того времени? Разве та теперь свежесть чувств, волнений! Как я страшно притупился, постарел...»

Поводом к написанию рассказа послужило следующее воспоминание Бунина: «Когда мы с моим покойным братом Юлием возвращались из Саратова на волжском пароходе в Москву и стояли в Казани, грузчики, чем-то нагружавшие наш пароход, так восхитительно сильно и дружно пели, что мы с братом были в полном восторге всем существом и все говорили: „Так только могут петь свободно, легко, всем существом только русские люди“. Потом мы слышали, едучи на беговых дрожках с племянником и братом Юлием по большой дороге, и слышали, как в березовом лесу рядом с большой дорогой пели косцы – с такой же свободой, легкостью и всем существом» (Бунин И. А. Соч. в 3-х томах, т. 2. М., Художественная литература, 1982, с. 541).

Далекое: #sect035

Газ. «Руль», Берлин, 1924, № 1153 и 1154, 18 и 19 сентября. Ср. с записью Бунина, сделанной несколько позже: «Мы живем всем тем, чем живем, лишь в той мере, в какой постигаем цену того, чем живем. Обычно эта цена очень мала: возвышается она лишь в минуты восторга – восторга счастья или несчастья, яркого сознания приобретения или потери; еще – в минуты поэтического преображения прошлого в памяти» (см. т. 6 наст. изд.).

Неизвестный друг: #sect036

Альм. «Златоцвет», Берлин, 1924.

Происхождение этого рассказа впервые установил и подробно описал Л. Н. Афонин (см. ЛН, кн. 2, с. 412). В 1901 году Бунин получил письмо из Ирландии от Натальи Петровны Эспозито, русской по происхождению, жены итальянского композитора. Он откликнулся на письмо; переписка их продолжалась в 1902 и 1903 годах. От своей корреспондентки (она была старше писателя на одиннадцать лет) Бунин получал поэтичные, исповедальные письма-дневники, свидетельствующие как об ее богатом внутреннем мире, так и о литературной одаренности. В первом письме Н. П. Эспозито писала: «Как видите, живу я далеко, далеко от вас, на самых западных пределах Европы, и разделяют нас не только горы и реки, земли и моря, но вся наша прожитая жизнь, наша обстановка, наши вкусы и привычки; тем не менее слова, которые ваша рука набросала на листе бумаги, долетели до меня и запали мне в душу. Отчего? Кто знает! Быть может, оттого, что и в моей жизни было много трудных и одиноких перевалов и самой не раз приходилось махнуть рукой на жизнь и говорить себе: „Будем брести, пока не свалимся. Дойдем – хорошо, не дойдем – все равно!“» (слова из рассказа Бунина «Перевал» в первой редакции. – А. С.) (там же).

Получив от Бунина книгу его «Рассказы» (СПб., 1902), Н. П. Эспозито пишет: «Я была обрадована вашей книгой как знаком вашей памяти, а еще больше и самими рассказами, в которых узнаю самую себя и чувствую, что вы пережили то, что описываете, и что, несмотря на все горькие минуты, на разочарования и страдания, вы верите и в красоту, и в любовь, и в поэзию, которой полна наша жизнь, если только мы имеем дар ее видеть» (ЛН, кн. 2, с. 413).

«Да, жить хорошо, полной жизнью природы, чувствовать хотя бы и страданье, лишь бы только было, – пишет она в другом письме,–

Много дум в голове,
Много в сердце огня...

В сущности, что такое страданье?.. Не служит ли страданье доказательством возможности счастья? А короткие минуты настоящего счастья – разве они не заслуживают быть куплены ценою слез и страданий? Конечно, жизнь полна разочарований – мы ожидали так много и получили так мало; но зато бывают минуты блаженства, которого даже наше воображение не в состоянии было создать, и след таких минут никогда не исчезает, и после них человек становится лучше и добрее, и для него мелочи жизни не имеют подавляющего действия; он стоит выше их» (там же, с. 414). Такое мироощущение, несомненно, было близко Бунину как в молодости, так и позднее.

Заглавие «Неизвестный друг» писатель взял из письма своей корреспондентки. Он использовал также факты, которые сообщала в своих письмах Н. П. Эспозито; более того, некоторые отрывки из ее писем он, почти без изменений, вставил в рассказ. Последнее обстоятельство заставляет думать, что начат рассказ был еще в России, так как писем Н. П. Эспозито Бунин с собой не взял; вряд ли он мог помнить их столь подробно.

Своему рассказу Бунин придал драматический оттенок, сделав письма героини безответными и безнадежными, он также вложил в него некоторые свои излюбленные мысли – о творчестве, о том, как прекрасна жизнь и природа и т. п.

Нынче дивный день... итальянская весна? – Ср. слова из письма Н. П. Эспозито: «Сегодня у нас чудная погода, поэтому на душе легко и отрадно, и через открытое окно лучи солнца и теплый воздух напоминают о весне и даже о лете. Странный климат здесь в Ирландии! Летом холодно и дождливо, зимой тепло и дождливо, а от время до время выдаются такие чудесные дни, что не знаешь, зима или лето стоят на дворе» (там же, с. 421).

В ночном море: #sect037

Альм. «Окно», Париж, 1924, кн. III. Рассказ имеет автобиографический характер. Как и повесть «Митина любовь», он связан с воспоминаниями писателя о своей первой, самой сильной любви – к В. В. Пашенко (1870–1918) (см. о ней т. 5 – «Жизнь Арсеньева» и коммент.), которая вышла замуж за приятеля Бунина А. Н. Бибикова. В. Н. Муромцева-Бунина считала, что поводом к написанию рассказа «В ночном море» послужила встреча, после долгой разлуки, Бунина с Бибиковым, когда последний сообщил ему о смерти Пашенко.

Царевич Гаутама... увидав Ясодхару... слышно на семь тысяч миль... – По преданию, шестнадцатилетнему Сиддартхе Гаутаме (будущему Будде), претендовавшему на руку княжеской дочери, красавицы Ясодхары, нужно было выдержать состязание на турнире в стрельбе из лука и в других упражнениях. Он отовсюду вышел победителем, и Ясодхара стала его женой. В книге «Освобождение Толстого» Бунин так описывает этот эпизод: «Будда был в миру царевичем... когда настала его брачная пора и со всего царства созваны были невесты достойнейшие и прекраснейшие, он пожелал избрать „наилучшую“, а на состязании из-за нее с прочими юношами – оказался „первейшим“, как в силе, так и в ловкости; и все свои пожелания выполнил; превзошел всех и во всем, каковому превосходству есть пример хотя бы в том, что, пустив стрелу из лука, он так пустил ее, что она улетела за семь тысяч миль» (см. т. 6 наст. изд.).

«Из равнодушных уст...» и т. д. – неточная цитата из стихотворения Пушкина «Под небом голубым страны своей родной...».

Огонь пожирающий: #sect039

Газ. «Руль», Берлин, 1924, № 1129, 21 августа.

Согласно буддийскому учению, все в мире подвергнуто вечному изменению и уничтожению, и это есть величайшее зло, «огнь, пожирающий весь мир».

Несрочная весна: #sect040

Журн. «Современные записки», Париж, 1924, кн. XVIII.

За полтора месяца до написания рассказа, 20 августа 1923 года, Бунин сделал следующую запись:

«Перед вечером перед домом, по саду спокойный, недвижимый, чуть розоватый свет. И запах гари. Август, август, любимое мое.

Gefuhl ist alles – чувство – всё. Гете.

действительность – что такое действительность? Только то, что я чувствую.
Остальное – вздор.

Несрочная весна.

Grau, lieber Freund, ist alle Theorien,

Doch ewig grün das goldne Baum des Lebens, –

Все умозрения, милый друг, серы,

Но вечно зелено златое Древо Жизни» (Бунин А. И. Стихотворения. Рассказы. М., Правда, 1986, с. 531).

«Солнце как лужа кобылей мочи...» – перифраз строк из стихотворения С. Есенина «Кобыльи корабли»: «Даже солнце мерзнет, как лужа, которую напрудил мерин». Свое отрицательное отношение к творчеству Есенина Бунин выразил, в частности, в статье «Россия и Инония» (1925), а также в письмах.

«Что ж, пусть минувшее исчезло сном летучим...» – неточная цитата из стихотворения Е. А. Баратынского «Запустение». Бунин неточен: это стихотворение входило не в первое, а во второе издание стихотворений Баратынского.

Богиня разума: #sect041

Газ. «Руль», Берлин, 1924, № 1098 и 1099, 16 и 17 июля. Печатается по тексту: ЛН, кн. 1, с. 79.

Написано по очерку французского историка Ленотра под тем же названием, основанному на документальных материалах. Тереза Анжелика Обри (1772–1829) – французская актриса, участвовавшая в «Празднестве Разума», которое состоялось в Париже 10 ноября 1793 года и должно было символизировать освобождение человеческого разума от пут католической религии (подробно об этом см.: ЛН, кн. 1, с. 78–79).

Шомет Пьер Гаспар (1763–1794) – левый якобинец, по чьему замыслу состоялось «Празднество Разума».

Et-ce bien vous? – Здесь, а также на с. 283 цитируется стихотворение Беранже «Богиня», обращенное к Терезе Анжелике Обри.

«Toute la Grece ou Ce que peut la Liberte» («Вся Греция, или что может совершить Свобода») – одноактная опера Ж. Лемуана на либретто Л. Беффруа, поставленная в парижской опере в сезон 1793/1794 г.

«Возвращение Улисса» («Retour d'Ulysse») – балет Л. Милона, поставленный в парижской опере в феврале 1807 г.

Город Царя Царей: #sect042

Газ. «Руль», Берлин, 1925, № 1284 и 1285, 22 и 24 февраля.

Навеяно впечатлениями от путешествия Бунина на Цейлон в 1911 году (см. коммент. к рассказу «Братья»). По утверждению П. Л. Вячеславова, при работе над произведением Бунин пользовался книгой К. Гютнера «Цейлон» (Пг., 1914) (см.: Бунин, т. 5, с. 517).

Царевич из рода Сакиа – Будда (Сакия-Муни).

...Братии Желтого облачения... – См. коммент. к рассказу «Готами».

Скарабеи: #sect045

Газ. «Звено», Париж, 1924, № 95, 24 ноября, под заглавием «Жучки».

Здесь Бунин вспоминает свое путешествие в 1907 году в Египет, описанное им в книге «Тень Птицы» (глава «Свет Зодиака»).

Булак – предместье Каира, где раньше находилась часть египетского Национального музея, основанного в 1857 г. египтологом Августом Мариеттом (1821–1881).

Слепой: #sect047

Журн. «Иллюстрированная Россия», Париж, 1924, № 9, 15 декабря.

Настроению рассказа соответствует запись Бунина, сделанная 1 июня 1924 года.

«Лежал, читал, потом посмотрел на Эстерель, на его хребты в солнечной дымке... Боже мой, ведь буквально, буквально было все это и при римлянах! Для этого Эстереля и еще тысячу лет ровно ничего, а для меня еще год долой со счета – истинный ужас.

И чувство это еще ужаснее оттого, что я так бесконечно счастлив, что Бог дал мне жить среди этой красоты. Кто же знает, не последнее ли это мог лето не только здесь, но и вообще на земле!» (Бунин И. А. Стихотворения. Рассказы. М., Правда, 1986, с. 532).

Надписи: #sect052

Газ. «Руль», Берлин, 1924, № 1236, 25 декабря, под заглавием «Schone Aussicht».

«Сию станцию проезжал Иванов седьмой» – перефразировка слов из рассказа Чехова «Жалобная книга».

«Река времен в своем теченье» и т. д. – неточно приведенные первые строки стихотворения Г. Р. Державина без названия (1816).

...«была чудесная весна», «шиповник алый цвел»... – строки из стихотворения Н. П. Огарева «Обыкновенная повесть». Строка того же стихотворения «Стояла темных лип аллея» впоследствии побудила Бунина дать заголовок своей книге рассказов: «Темные аллеи» (см. т. 5 наст. изд.).

«Хороша и бледна, как лилея...» – из пародии И. И. Панаева «Как будто из Гейне».

«До ланит восходящая кровь» – из стихотворения А. А. Фета «Весенние мысли».

Книга: #sect054

Журн. «Иллюстрированная Россия», Париж, 1925, № 15, 15 марта, под заглавием «На гумне».

Бунин всю жизнь был убежден, что художник должен все им виденное и пережитое записывать, не смущаясь мелочами, «пустяками», вести дневник. Так, еще в молодости он высказывался о Пушкине, которого боготворил: «Мы почти ничего не знаем про жизнь Пушкина... А сам он ничего о себе не говорил. А если бы он совершенно просто, не думая ни о какой литературе, записывал то, что видел и что делал, какая это была бы книга! Это, может, было бы самое ценное из того, что он написал. Записал бы, где гулял, что видел, читал...» (сб. «В большой семье», Смоленск, 1960, с. 248). «Надо, – говорил Бунин, – кроме наблюдений о жизни, записывать цвет листьев, воспоминание о какой-то полевой станции, где был в детстве, пришедший в голову рассказ, стихи... Такой дневник есть нечто вечное» (ЛН, кн. 2, с. 264). Интересна бунинская запись в дневнике 9 ноября 1921 года:

«Все дни, как и раньше часто... мучения, порою отчаяние – бесплодные поиски, попытки выдумать рассказ, – хотя зачем это? – и попытка пренебречь этим, а

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
сделать что-то новое, давным-давно желанное, и им на что не хватает смелости, что ли, умения, силы.. начать книгу, о которой мечтал Флобер, „Книгу ни о чем“, без всякой внешней связи, где бы излить свою душу, рассказать свою жизнь, то, что довелось видеть в этом мире, чувствовать, думать, любить, ненавидеть».

Митина любовь: #sect055

Журн. «Современные записки», Париж, 1925, кн. XXIII, XXIV.

Повесть во многом автобиографична. Бунин воскрешает в ней свою юношескую любовь к В. В. Пашенко, дочери елецкого врача (см. также вступит. статью к «Жизни Арсеньева», т. 5 наст. изд.). Это подтверждает и В. Н. Муромцева-Бунина. «В „Митиной любви“, – пишет она, – правда, нет ни одной автобиографической черты внешней, но зато переживания Мити – это переживания юноши Бунина... И, мне кажется, нигде Иван Алексеевич не приоткрывал своих любовных переживаний, как в „Митиной любви“, тщательно закамуфлировав их» (НМ, 1969, № 3, с. 219–220). Кате автор придал некоторые черты В. В. Пашенко: непостоянство, недостоверность чувств. Как и Пашенко, Катя бросает Митю ради другого человека.

Письма Бунина к Пашенко подтверждают автобиографичность переживаний героя повести. Вот несколько извлечений из них:

«По целым дням и ночам, во сне, как живая стоит передо мною моя ненаглядная девочка!.. Как я любил тебя, когда ехал, в ту ночь. Что за ночь была! и какой хороший оттенок она придавала моему чувству... Настоящая зимняя, – голубая и поразительно светлая ночь!.. А на другой день и после как мне было грустно! Вот когда я искренно понимал, как мне будет тяжело, если ты хоть немного забудешь меня... По вечерам в особенности. Неужели ты сама не испытывала этих минут, когда так грустно и хорошо, когда, по выражению Гейне, „всю душу обвеивает и уносит куда-то мучительное счастье молодости и любви“? Ощущение такое бывает, когда, например, слушаешь чудную, грустную музыку» (письмо от 17 января 1891 г. – «Литературный Смоленск», 1956, с. 291). «Вся душа переполнена безграничной нежностью к тебе, весь живу тобою. Варенька! как томишься в такие минуты! Можно разве написать? Нет, я хочу сейчас стать перед тобою на колени, чтобы ты сама видела все, – чтобы даже в глазах светилась вся моя нежность и преданность тебе... Ради Христа люби меня, я хочу, чтобы в тебе даже от моей заочной ласки проснулось сердце. Господи! ну да не могу я сказать всего. Право, кажется, что много хорошего есть у меня в сердце, и все твое, – все оживляется только от тебя» (письмо от 9 апреля 1891 г. – там же, с. 293). И в другом письме: «Завтра в городском театре будут играть приехавшие малороссы под управлением Садовского. Жаль, что ты не увидела их. Да и я не увижу, – уеду, потому что только дома успокоюсь. Там ведь хорошо: зелено, свежо и тихо; окна в моей „гостиной“ открыты, ветер теплый, полевой, пахнет сиренью, в белой черемухе жужжат пчелы, а на пруде, под садом, раздаются только глухие удары валька... Все буду думать о тебе. Девочка! да люблю же я тебя, люблю глубоко и серьезно. Будь и ты серьезна в наших отношениях, помни, что свою молодость, все хорошее, что только есть, я отдаю тебе!» (письмо от 14 мая 1891 г. – там же, с. 295–296).

Письма Бунина к Пашенко воспринимаются как жизненная «канва» трагической любви Мити. «Ты говорила, что я стал рассудителен, что у меня, значит, угасло чувство. Что это? Как же ты говорила мне постоянно, что веришь мне во всем? Но всему есть предел, во всем есть известные перемены форм. Я на каждом шагу слышал упреки и просьбы не поддаваться тоске, уметь владеть собою... Я обдумал, во многом согласился, понял, что лучше пусть на душе будет беспросветное несказанное горе, но я не буду забывать о внешней жизни, не допущу себя размокнуть голову... У всякого существа есть животные тяготения к жизни, есть, значит, и у меня...» (письмо от 14 июля 1891 г. – там же, с. 299). «Я хочу полного, цельного в наших отношениях! А какое же полное, когда мне приходится упрашивать тебя писать, когда твои письма являются как бы вынужденными, когда тебе не хочется писать... Неужели нельзя выбрать время?..» (Бунин И. А. Собр. соч в 5-ти томах, т. 4. М., Правда, 1956, с. 462).

И, наконец, одно из последних, самых горьких и безнадежных писем: «Не помню, не помню ни одного твоего письма, которое разорвал бы спокойно – все дрожит внутри, потому что знаю, знаю, что больно мне будет, что всю ту нежность, глубокоую нежность, которой переполняет мое сердце разлука с тобой – истомит твое молчание, а потом оскорбит неправда. Ах, эта неправда! Вся душа моя встает на

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
дыбы! И ни одно-то мое желание не исполнялось никогда, не перечесть те минуты, которые пришли именно тогда, когда ждал их – всегда обещание, как ребенку, и неисполнение всегда...» (по-видимому, 18 августа 1894 г. – там же, с. 464).

Внешние моменты повести были взяты из действительности. В. Н. Муромцева-Бунина вспоминала: «Название „Митина любовь“ произошло оттого, что у нас в то лето в Грассе гостил один Митя, сын родовитого помещика, очень молодой, тихий и застенчивый, и вот Иван Алексеевич представил, что такого барчука сбивает староста, чтобы получить бутылку водки и еще что-нибудь...» (НМ, 1969, № 3, с. 215). Речь идет о Дмитрие Алексеевиче Шаховском, который позднее подтвердил эти слова: «Летом 1923 г. я жил с Буниным на их даче „Бельведер“ в Грассе... Ив<ан> Ал<ексеевич> писал тогда „Митину любовь“, и как будто кое-что внешнее во мне ему дало повод перенести в рассказ... в рассказе встречается географическое место, названное моей фамилией („Шаховское“)... Но ничего подобного сюжету этого рассказа не было в моей жизни» (там же, с. 216).

Р.-М. Рильке дал подробный разбор бунинской повести, своеобразно переосмыслив образ Мити и его переживания. 25 февраля 1926 года в письме корреспонденту, усмотревшему, по-видимому, сходство между 8-й Дуинской элегией Рильке и «Митиной любовью», он писал: «Участь того, кто все же остается жить, конечно, лучше Митиной. Я вот уже несколько месяцев как знаком с обоими, и с Катей и с Митей, по хорошему французскому переводу „Les sacrement de l'Amour“... („Посвящение в Любовь“; под этим заглавием повесть Бунина вышла в 1926 г. в переводе на французский. – А. С.). „Случай“ Мити – это один из тех многочисленных случаев нетерпения (и притом один из самых чистых и трогательных), когда молодой человек теряет любопытство и способность ожидать течения событий и выхода из невыносимого положения и перестает верить в то, что за этими страданиями, в которые вступил и вовлечен был весь мир, должно последовать что-то иное, может быть, поначалу и не более легкое, но, во всяком случае, иное, которое в силу своей инакости должно было бы представляться более выносимым и переносимым. Сначала судьба Мити показалась мне не имеющей ничего общего с теми душевными состояниями, о которых говорит мое стихотворение. Но нет, вы правы, как о „любящем“, о нем, конечно, говорится в этом стихотворении. Любимая, Катя, эта нежная, впечатлительная Катя, впервые дает ему тот взгляд на простор, который (быть может) приближается к великолепному бессознательно-знающему взгляду животного; но едва только он покидает любимую девушку, как от тоски и покинутости он заполняет эту открывшуюся ему беспредельную даль, это блаженство, которое есть не что иное, как пространство, – тоже любимым, близким ему миром, который он затем, с утратой Кати, по необходимости вместе с нею утрачивает, так что ему не остается ничего, кроме небытия, кроме „neant“, в котором он храбро и последовательно гибнет.

Малейшая доля любопытства (я намеренно применяю эту самую по себе ничтожную мерку) к тому состоянию, которое должно было последовать за этим отчаянием, могла бы еще спасти его, хотя он действительно погрузил весь мир, который он знал и видел, на маленький, устремляющийся от него прочь кораблик „Катя“... на этом кораблике ушел от него мир» («Вопросы литературы», 1966, № 9, с. 248–249). Французское название «Посвящение в Любовь», считает Рильке, «передает лучше то, что здесь происходит, чем заглавие „Митина любовь“. Митина любовь была бы скорей утраченной Катей, счастье, борьба, судьба рядом с ней, и все же в конце концов утрата друг друга, которая была бы с Катей, какова она есть, неизбежна... В этом смысле маленький роман Бунина почти старомодная книга: нас гораздо больше интересует то, что происходит в тех и между теми, кто не теряет себя на такой лад, все-таки должны как-то по-иному, в жизни, потерять себя, ибо не научились любить» (там же, с. 249).

Крайне требовательный к себе художник, Бунин не терпел ничего лишнего в своей прозе, нещадно избавляясь от ненужных, как ему казалось, длиннот, даже если вещь уже была напечатана, отсекая большие отрывки и даже целые главы. Так, в главе XIII, показавшейся ему громоздкой, вероятно из-за обилия цитирующихся в ней стихотворений, он, по сравнению с первой публикацией, убрал такой текст (после слов «...в чужом и далеком московском мире!»):

«А разве там было ее место? Разве не ей напоминал он?

Ты помнишь ли, Мария,
Один старинный дом
И липы вековые

Над дремлющим прудом?
Безмолвные аллеи,
Заглохший старый сад,
В высокой галерее
Портретов длинный ряд?

И непонятные слезы загорались у него на глазах, когда он читал строки, столь как будто не подходящие к его любви, а меж тем почему-то до боли умилявшие его:

Я твой, родимая дубрава!
Но от насильственных судьбин
Молить хранительного крова
К тебе пришел я не один:
Привел под сень твою святую
Я соучастницу в мольбах, –
Мою супругу молодую
С младенцем тихим на руках...

Но чаще всего уносило его совсем в другой мир:

Клонит к лени полдень жгучий,
В листьях замер каждый звук,
В розе, пышной и пахучей,
Нежась, спит блестящий жук, –

читал и перечитывал он – и его охватывали страстные мечты о встрече с Катей в Крыму, о Мисхоре, который он хорошо представлял себе, так как в отрочестве был в Крыму два раза. Боже мой, боже мой, неужели никогда не дождется он этого жгучего полдня, роз и лавров, моря, горящего синим пламенем между кипарисами! Неужели бог лишит его этого счастья – некогда сказать ей:

Ты помнишь ли вечер, как море шумело,
В шиповнике пел соловей,
Душистые ветки акации белой
Качались на шляпке твоей?

Холодея и бледнея от этого безответного вопроса, он тупо глядел перед собою, потом голова его медленно клонилась... И опять медленно таяла, отливала от его сердца грусть, нежность – и опять, опять росло и ширилось что-то жестокое и злое, страстное и грозное, как некое неотразимое заклятие:

Над зеркальными водами
Машут лебеди крылами –
И колышется река:
О, приди же!
Звезды блещут,
Листья медленно трепещут,
И находят облака»

(Бунин, т. 5, с. 483–485).

В первой редакции между главами XXI и XXII была еще одна, которую Бунин снял:

«На дворе сильно и чадно пахло из трубы людской, в людской обедали, собаки, виляя хвостами искательно и подобоострастно, стояли под ее окнами. Деревня на том боку, за лугами, за речкой, скучно серела. Все было как-то особенно буднично, – бывают такие особенно будничные дни. В воздухе было все так же тускло, в небе все те же неопределенные облака и тучки, с юга все так же слабо и горячо дуло.

Войдя в дом, Митя прошел к себе и лег лицом в подушку. Он знал, он представлял себе: позавтракав, девки тотчас улягутся спать в теплой духоте под елками, завернув подола и закрывшись ими с головой, поджав босые и в чуньках ноги... Ляжет и Аленка... При мысли о возможности обладания ею, – а теперь эта возможность уже вполне определилась, была несомненна, – у него прерывисто замирало сердце.

– Что же это такое? Что же это такое? – спрашивал он себя. – Неужели я уже влюбился в нее? А Катя? Какой вздор, будто она похожа на Катю!

Катя была сама по себе, совсем в другом, небудничном мире, и все-таки к горлу подступали слезы острой нежности и жалости к ней. Он поднял голову. Ветер за окном мягко волновал густую и еще мягкую, нежную зелень сада, его вершин, ветви медленно мотались, клонились, и в них еще были остатки весны, Кати... Он вскочил, сел, желтая рубаха, испуг и изумление озарили его бледное лицо.

– Нет, пошлю телеграмму, поеду в Москву! – испуганно мелькнуло у него в голове. – Вдруг все это вздор? Вдруг просто пропало письмо, просто она чем-нибудь захворала, простудилась, лежала несколько дней в постели? Да мало ли, мало ли что!

Но тут неслышно, босыми ногами вошла Параша, подала ему газету и открытку, сказала „кушать пожалуйста“ и вышла.

Открытка была от Протасова: „Дорогой мой Рыцарь Печального образа, прости за свинское молчание в ответ на все твои письма, причина сего, увы, крайне проста: зубрежка и полное отсутствие новостей, достойных твоего просвещенного внимания... К. несколько раз видел, – она в настроении что-то довольно кисло. На днях, перед отбытием к родным пенатам, напишу пространнее...“

Митя, стиснув зубы и сразу зло повеселев, бросил открытку на письменный стол и решительными шагами пошел обедать» (Бунин, т. 5, с. 485–486).

«Девушка пела в церковном хоре...» – первая строка стихотворения А. Блока (без названия).

«Юнкер Шмит, честное слово, лето возвратится!» – строка из стихотворения Козьмы Пруткова «Юнкер Шмидт».

«А эра» – романс А. Рубинштейна на слова Г. Гейне. «Иван Алексеевич в Полтаве впервые услышал „Полубив, мы умираем“, и этот романс произвел на него впечатление», – вспоминала В. Н. Муромцева-Бунина (ЛН, 1969, № 3, с. 219).

«Люди спят...» и т. д. – первые строки из стихотворения без названия А. А. Фета.

«Над зеркальными водами...» – неточная цитата из стихотворения И. С. Тургенева «Призвание».

«Вижу, роза, – счастья сила...» – неточная цитата из стихотворения А. Фета «Роза».

Солнечный удар: #sect056

Журн. «Современные записки», Париж, 1926, кн. XXVII.

Этот рассказ – предтеча бунинской книги «Темные аллеи». Новаторство этой повести было отмечено в эмигрантской прессе. «Я не помню в литературе такой, почти физически ощущаемой передачи солнечного света, удававшейся разве гениальному Мане и художникам-импрессионистам, – писал критик. – По напряженности чувства, по насыщенности светом, счастьем и болью любви, по своей жгучей жизненности этот маленький рассказ – чудо».

Дело корнета Елагина: #sect059

Журн. «Современные записки», Париж, 1926, кн. XXVIII.

Сюжетом рассказа послужило истинное событие. В 1890 году в Варшаве поручиком Бартеневым было совершено убийство актрисы Висновской. Защищал подсудимого знаменитый русский адвокат Ф. Н. Плевако (1842–1908). Дело Бартенева получило широкую огласку; оно было подробно изложено в предисловии к «Речи в защиту Бартенева» Ф. Н. Плевако, помещенной в томе I собрания его речей (М., 1910). Нужно думать, что именно этим изданием воспользовался Бунин при создании своего рассказа. Вся фабула «Дела корнета Елагина», весь ход событий, отдельные мелкие подробности воспроизведены писателем весьма точно: внешний облик героев, их высказывания, предсмертные записки Сосновской и т. д., притом реально существовавшие подробности и детали послужили именно той психологической версии,

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru на которой настаивает Бунин в своем рассказе. Интересно, что, оперируя множеством реальных подробностей, восходящих к материалам следствия, речи прокурора, показаниям и мнениям товарищей подсудимого и т. д., Бунин (умышленно или неумышленно) не упоминает о речи защитника, о его взгляде на свершившуюся трагедию и ее участников. Между тем образы Сосновской и Елагина, олицетворяющие для писателя два типических и ярких начала в женском и мужском характерах, очень близки именно к тем характеристикам, которые обрисовал в своей защитительной речи Плевако. Так юрист и художник, имея в руках один и тот же материал, пришли к одному и тому же.

Купор – человек, закупоривающий винные бутылки; здесь – в смысле дегустатор.

Клакеры – люди, нанимаемые для создания искусственного успеха либо провала (спектакля, выступления и т. п.).

...сходство с Марией Башкирцевой, с Марией Вечера. – Башкирцева Мария Константиновна (1860–1884) – русская художница, скончавшаяся от чахотки, с 1870 г. жила за границей. Посмертно прославилась своим неоднократно изданным и бывшим в свое время очень популярным «Дневником», где она предстает как незаурядная, гордая и влюбленная в себя личность, мечтающая о славе художницы и о не испытанной еще любви. Бунин отрицательно относился к Башкирцевой. В его записи от 27 октября 1916 г. читаем: «Прочел (перечел) „Дневник Башкирцевой“... Все говорит о своей удивительной красоте, а на портрете при этой книжке совсем нехороша. Противное и дурацкое впечатление производит ее надменно-вызывающий, холодно-царственный вид... Снова думаю, что слава Башкирцевой, основанная ведь больше всего на этом дневнике, непомерно раздута. Снова очень неприятный осадок от этого дневника... Французская манера писать, книжно умствовать; и все – наряды, выезды, усиленное напоминание, что были такие-то и такие-то депутаты, графы и маркизы, самовосхваление и снова банальные мудрствования» («В мире книг», 1973, № 7, с. 64).

Мария Вечера (правильно: Вечерова) – чешская девушка, полюбившая наследника австрийского престола Рудольфа Габсбурга. Ввиду невозможности вступить в брак оба покончили с собой 30 января 1889 г. в охотничьем замке Мейерлинг.

Ночь: #sect060

Журн. «Современные записки», Париж, 1925, кн. XXVI, под заглавием «Цикады».

«Вскоре после смерти Толстого (в 1911 г. – А. С.) я был в индийских тропиках, – писал Бунин в книге „Освобождение Толстого“. – Возвратясь в Россию, проводил лето на степных берегах Черного моря. И кое-что из того, что думал и чувствовал и в индийских тропиках и в летние ночи на этих берегах, под немолчный звон ночных степных цикад, впоследствии написал» (Бунин, т. 9, с. 47). Рассказ «Ночь» имел первоначальное заглавие «Цикады». Несколько отрывков из него с небольшими изменениями вошли в главу 5-ю книги «Освобождение Толстого» (1937).

В 1921 г. записи 1911 г. послужили основой для задуманной, но не осуществленной Буниным «Книги моей жизни» (написано было лишь несколько страниц). Они близки к рассказу «Ночь». См. т. 6 наст. изд.

«Решился я испытать разумом все...» – Здесь и дальше Буниным неточно цитируется «Книга Экклезиаста» (Библия).

«Я помню, что когда-то, мириады лет тому назад, я был козленком» – слова, приписываемые Будде.

...каждые семь лет человек перерождается. – В книге «Освобождение Толстого» Бунин писал о Толстом: «Он разделил... свою жизнь на семилетия, говорил, что „соответственно семилетиям телесной жизни человека, признаваемым даже и некоторыми физиологами, можно установить и семилетия в развитии жизни духовной“. Этих семилетий было с небольшим недочетом двенадцать... двенадцатое, недожитое – от 77 до 83 лет» (Бунин, т. 9, с. 9, 11).

Первая часть – газ. «Руль», Берлин, 1925, № 1333, 23 апреля, под заглавием «Вечные скрижали», вторая часть (записи от 14–19 февраля) – альм. «Благонамеренный», Брюссель, 1926, кн. 1, под заглавием «Из книги „Воды многие“», последняя часть – журн. «Современные записки», Париж, 1926, кн. XXIX, также под заглавием «Из книги „Воды многие“».

Произведение представляет собою почти не переработанный Буниным дневник его путешествия на Цейлон в феврале – марте 1911 года. Бунин вел дневники всю жизнь; записям, почти ежедневным, он придавал большое значение. Так, 2 февраля 1916 года он пишет: «Я говорил... о том, что дневник одна из самых прекрасных литературных форм. Думаю, что в недалеком будущем эта форма вытеснит все прочие» (Бунин И. А. Стихотворения. Рассказы. М., Правда, 1986, с. 535).

Первая редакция очерка «Воды многие» имела финал, который Бунин впоследствии опустил:

«Снова Красное море – долгое паломничество мое в этот дивный и страшный экваториальный мир кончается. Как выразить то, что дало оно мне? Все же с облегчением чувствую постепенное возвращение наше в прежний, привычный мир: Красное море кажется теперь таким простым, обыденным!

Тропики прошли еще вчера утром. И вот уже почти сутки, как дует на баке сильный прохладный ветер, столь давно не испытанный. Вечером вчера я впервые опять надел свою серую куртку – и до чего тяжела показалась мне она!

Вчера солнце садилось уже в муть. „А все-таки это еще не наше солнце, – сказал капитан, с которым я стоял на мостике. – Посмотрите-ка“, – сказал он, подавая мне бинокль. Я взял и взглянул: солнце было страшное, зловещее, оно стояло в этой сизой закаткой мути докрасна раскаленным чугунным ядром с остро изломанными, дико выщербленными краями.

Потом я следил по теням от снастей, как наступает лунная ночь, как входит в силу разгорающийся лунный свет. Ночью видел три четверти луны, белой, яркой, как раз над головой, в бесконечной глубине пропадающего из глаз неба.

В первом часу, когда весь пароход был безлюден, мертв, ходил на корму – хотел в последний раз взглянуть на Южный Крест, – и, увы, уже не нашел его. Увижу ли когда-нибудь еще? На корме ветер был мягче, ночь светла и проста. Мне было радостно и одиноко, грустно и возвышенно.

Сильный прохладный ветер бил навстречу и нынче с утра, хотя солнце пламенно жгло палубу. Кругом было ясно, но по горизонтам опять лежала муть. Ясная водная пустыня в кольце мути. На три румба слева прошел встречный пароход, маленький, далекий, – и опять ничего, пустота.

А сейчас, после полудня, мы уже в устье Суэцкого залива: и Красному морю конец. И уже выступают вдаль справа знакомые очертания Синайского полуострова – мягко, розовато рисуются в солнечной мгле множеством безжизненных пиков. Ветер шумит в тентах, хлопает ими, опять веет тропическим дыханием... Но нет, это уже только нечто аравийское.

Чем ближе к вечеру, тем ближе синайский берег. Я все на мостике, с вахтенным помощником. Он сказал, подавая мне бинокль:

– Вот как делается пустыня.

Я взглянул – и прибрежные скалы четко, вплотную придвинулись ко мне: черные, дикие, нагие, они все перевиты струями желтого песка, им заполнены все их впадины. Дальние скаты все повышающихся утесов тоже все пестрые от песчаных полос и бугров.

Потом прошел мимо нас такой же пестрый кряж острова Шидвана, за ним – еще какой-то островок, весь голый и жестко-песчаный. Дальше снова открылся простор залива – „вот теперь мы как раз на траверсе Синая“, – сказал капитан, и я совсем

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
ясно увидел справа величественную громаду, теряющуюся в туманном небе, и бесконечные пространства желто-розовых песков у ее подножия, спускающегося в пески разнообразно торчащими черными каменными пиками. „Так и на луне торчат они, должно быть“, – подумал я.

Все глубже входим в залив. На исходе вечера открывается слева крупная металлически-голубая звезда маяка Рас-Шариб. Штиль, стальная бледность моря, сливающегося с небом, редкие звезды, среди них – четкий Орион. Маяк как бы влит – очень низко – в этом слиянии неба и моря. Порой странно проходит вокруг нас острый ветер – неприятной черной зыбью, – и тогда свежо, железисто пахнет морем.

Утро простояли на рейде в Суэце.

Дул хамсин. Пустыня на аравийском берегу терялась в розово-палевом тумане... Страшно качало, вносило мертвой зыбью лодку лоцмана, провожавшего нас в Канал.

Вечером мы потеряли на Канале много времени на пропуск голландского парохода, шедшего из Роттердама на Яву. Мы ошвартовались к боку Канала, на фокке зажгли электрический фонарь, а канальный, на носу, потушили. Голландец ждал, высился вдаль, затем двинулся на нас своим электрическим солнцем. От этого солнца он был весь в радужном ореоле. Приближаясь, затопил нас как бы бело-солнечным дымом. Когда прошел, настал покой и мрак. Было сухо, тепло: кругом, и справа и слева от нас, лежали нагретые песчаные пустыни.

Вчера в три вышли из Порт-Саида. Завтракали у нашего консула – толстый, с маленькими свинными глазами человек, все на свете знающий, все и всех ругающий. Когда выходили, было уже совсем по-европейски прохладно, накрапывал дождь. Как я отвык от всего этого!

Нынче с раннего утра нещадно валяет настоящий ураган. Идем по одной, по две мили в час. Выбрался на палубу – сорвало и унесло картуз в море.

Смотрел в иллюминатор: море совершенно лиловое, темно-лиловое, рябое, как шагреня, все в ухабах и холмах, в резко-серебряных клочьях пены.

Был на мостике. Водяные долины и горы невероятно огромны, взлет носа страшный, ветер с дикой силой валит с ног.

К вечеру стало класть на борта.

Сейчас резко-ясная лунная ночь. Так мотает, что лежал в каюте на полу, – на койке не удержишься. По круглому синему стеклу иллюминатора носился чистый, яркий кружок луны и с ним какая-то большая голубая звезда. Кое-как поднялся, глянул в иллюминатор – все море обито фосфорическим блеском. У борта оно в черно-вороненых провалах и в громадных взмыленных гребнях вздымающихся холмов.

Добрался – где бегом, где ползком – до кормы: страшный размах ее вниз и вверх и совершенно необыкновенный след от винта: зелено-голубой, купоросный, слепящий.

Третий день в этом сумасшедшем море.

Вчера вечером совсем погибали. Весь день бешеная зыбь, вся рябая от урагана, по ней – несущаяся метель пены. Около восьми ветер достиг почти предела – одиннадцать баллов – и нас вдруг положило плашмя набок. Был истинный ужас. Все летело, грохотало, билось. В кают-компани как дьявол сорвался с буфета медный чайник с кипятком для чая. После того пошло еще пуще валять. Руль не действовал, винты крутились в воздухе. Так мы бились несколько часов – истинно между жизнью и смертью, пока не выбились за маяк Меттелина. Тут, в час ночи, крепко заснул наконец.

Дарданеллы, уже Дарданеллы. Ясное и тихое утро, ледяная южная весна, еще голые деревья. И все это вместе с мирным ощущением стран уже совсем своих, столь давно не виденных.

И удивительный закат после Галлиполи. Удивительная густота синевы гор, за которые садилось червонное солнце, лившее на мраморную воду след огненного сиропа.

Ночью, поздней, меня разбудили возле Сералея. Холод, тишина, мертвый штиль. Все берега в чем-то сказочном матовом: в этом матовом – огни, далекие и близкие, золотые, недвижные, и привидение, призрак Стамбула.

Сейчас входим в последний, в Одесский порт. Все втайне взволнованы. С мостика все время ровная, неспешная команда. Капитан стоит в сдержанной, несколько торжественной позе. Сдержанно, как бы бесстрастно вступает наконец в команду сам:

– Пять градусов лево.

Рулевой отзывается в тон ему:

– Есть пять градусов лево!

Капитан роняет, не оборачиваясь:

– Лоцманский флаг.

На мостик взбегают второй помощник и отдает честь капитану по-военному:

– Есть лоцманский флаг!

Капитан прежним тоном:

– Пять градусов лево.

Рулевой нотой выше:

– Есть пять градусов лево!

– Так держать.

– Та-ак держать!

Молчание. И вдруг какой-то особый, краткий, твердый тон:

– Всех наверх.

И вахтенный – срывающимся криком:

– Всех наверх!

Снова молчание. Потом отдельно:

– Средний ход.

И отрывистый звонок телеграфа вниз, и медленно затихающее движение машины.

– Лево.

– Есть лево!

– Катись, – говорит капитан веселеющим и упрощающимся голосом.

– Есть катись! – отзывается рулевой почти радостно.

Вахтенный срывается с мостика и бежит на нос. И капитан как будто еще проще:

– Закреть пар на брошпель.

– Закреть пар на брошпель! – кричит старший, вторя ему.

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
– На борт лево.

– Есть на борт лево!

– Малый, – говорит капитан падающим голосом.

И снова звонок телеграфа, и машина почти замирает. И вокруг воцаряется такая тишина, что я слышу собственное дыхание.

– Полборта.

– Есть. полборта.

– Бо-орт.

– Бо-орт.

– Входи.

Я так волнуюсь, что у меня холодеют руки. Капитан каменно роняет:

– Правый якорь к отдаче.

– Правый якорь к отдаче! – петухом кричит старший на нос.

– Право руля, – еще каменнее говорит капитан.

И потом:

– Клади.

– Стоп машина.

И последний звонок телеграфа, и сердце машины перестает биться. Чуть слышен плеск воды вдоль бортов, чуть двигаемся. На носу свисток и крик:

– Трави трап до воды.

Под бортом стоит, качаясь, в лодке рыжий лоцман. Мы уже в тесноте пароходов, катеров, лодок, людей.

– Из правой бухты вон, – говорит капитан каким-то уж совсем последним голосом.

И в ответ ему грохот, гром и плеск.

– Шабаш, трави канат! – обыденно кричит боцман.

И я точно просыпаюсь. Земля, люди, теснота, извозчики, город...» (Бунин, т. 5, с. 486–491).

...о чем мы мечтали зимой в Египте... – Бунины выехали из Одессы 15/28 декабря 1910 г. и 26 декабря / 8 января прибыли в Каир; в феврале отправились из Порт-Саида на Цейлон.

«...Собственность есть кража...» и т. д. – перифраз известного изречения Ш. Прудона (1809–1865) из его сочинения «Что есть собственность?».

«На воде» Мопассана. – Впоследствии этим произведением был навеян рассказ Бунина «Бернар».

Божье древо: #sect066

Журн. «Современные записки», Париж, 1927, кн. XXXIII.

По воспоминаниям В. Н. Муромцевой-Буниной, прототипом Якова Демидыча послужил караульщик в Васильевском, имени двоюродной сестры Бунина, где писатель с женой

Собрание сочинений в шести томах. Том 4. Произведения 1914–1931. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
жил летом 1912 года. Тогда же Бунин сделал в своем дневнике несколько записей о нем, из которых и родился рассказ: «17 июня. После обеда сидел в шалаше. Что за прелестный человек Яков, как приятно слушать его. Всем доволен. „И дождок хорошо! Все хорошо!“ Был женат, пять человек детей; с женой прожил двадцать один год, потом она умерла, и он был семь лет вдовцом. Жениться второй раз уговорили. Был у родных, пришла дурочка „хлебушка попросить“. „А хочешь замуж?“ – „За хорошую голову пошла бы“. – „Ну, вот тебе и хорошая голова“, – сказал ей Яков про себя. Повенчались, а она „прожила с после Успенья до Тихвинской – и ушла. Меня, говорит, прежние мужья жамками, канхфектами кормили; а ты кобель, у тебя ничего нету...“. Земли у него полторы десятины. „Да что ж, я не жадный, я добродушный“. 21 июня. „Читаю „Былины Олонцкого края“ Барсова. Какое сходство в языке с языком Якова! Та же криволапая ладность, уменьшительные имена...“ 26 июня. „Сидели опять с Яковом, он начал было рассказывать „Конька-Горбунка“ – чудесно путает чепуху, – потом надоело, бросил“» («Подъем», Воронеж, 1979, № 1, с. 118, 119). Бунин любил этот свой рассказ и его героя; уже в глубокой старости он писал: «Яков Демидыч – деликатнейший человек, умница, натура тонкая, благородная»; человек, – «говорящий старинным, великолепным языком».

Сам Бунин виртуозно владел русским народным языком. Г. Н. Кузнецова пишет: «Сколько он говорил мне интересного, значительного, важного, а я не записала, поленилась, забыла... Хотя бы его присказки, пословицы, словечки. Он часто говорит с печалью и некоторой гордостью, что с ним умрет настоящий русский язык – его остроумие (народный язык), яркость, соль».

Правда, пословицы и песни часто неприличные, но как это сильно, метко, резко выражено» (ЛН, кн. 2, с. 254).

Будучи блистательным знатоком и восторженным ценителем и охранителем русского народного слова, Бунин обладал абсолютным слухом на всяческую стилизацию, спекулятивное использование народных речений, малейшую фальшь в обращении с ними. «...какое невероятное количество теперь в литературе самоуверенных наглицев, мнящих себя страшными знатоками слова! Сколько поклонников старинного („ядренного и сочного“) народного языка, словечка в простоте не говорящих, изнуряющих своей архирусскостью!.. Сколько стихотворцев и прозаиков делают тошнотворным русский язык, беря драгоценные народные сказания, сказки и „словеса золотые“ и бесстыдно выдавая их за свои, оскверняя их пересказом на свой лад и своими прибавками, роясь в областных словарях и составляя по ним какую-то похабнейшую в своем архируссизме смесь, на которой никто и никогда на Руси не говорил и которую даже читать невозможно!.. – с негодованием писал он в 1918 году и прибавлял с тревогой: – Язык ломается, болеет и в народе. Спрашиваю однажды мужика, чем он кормит свою собаку. Отвечает: – Как чем? Да ничем, ест, что попало: она у меня собака съедобная» (Собр. соч., т. X. Берлин, Петрополис, с. 155–156). Он отрицательно относился к Клюеву и даже к Есенину, – за то, что, по его мнению, с ними чрезмерно «носились в петербургских салонах», а они, в свою очередь, сознательно стилизовались под странников и монахов; считал он искусственной и художественную манеру Ремизова.

Подснежник:

Жури. «Перезвоны», Рига, 1927, № 27, декабрь.

Рассказ имеет автобиографический характер. В 1881 году Ваню Бунина отдали в елецкую гимназию. В. Н. Муромцева-Бунина пишет об этом: «Отец поместил его в нахлебники к мещанину Бякину за 15 рублей в месяц на всем готовом... Дом Бякиных находился на Торговой улице. Хозяин был богобоязненный человек, семья состояла из жены, сына, гимназиста четвертого класса, и двух девочек, очень тихих. В доме был заведен строгий порядок, отец всю семью держал в ежовых рукавицах, был человек наставительный, неразговорчивый, требовательный. И Ване было очень странно попасть к таким людям после их свободного беспорядочного дома... Большим развлечением для мальчика было ходить по Ельцу. Он жадно выпитывал в себя жизнь уездного города и иногда, после уроков, по несколько часов сряду пропадал из дому. Особенно он любил, когда на улице разыгрывалась какая-нибудь сцена, драка... Приблизительно раз в месяц приезжали к нему родители. Тогда наступали для него праздничные дни, его брали в гостиницу, водили в цирк, и он, попав в родную обстановку, расцветал, чувствовал себя счастливым. Но зато каждый отъезд был настоящим горем, и он не раз плакал и за всенощной, и ночью после разлуки с ними» («Жизнь Бунина», с. 18, 21, 19).

Плач о Сионе: 5, № 116, 26 сентября. Печатается по ЛН, кн. 1, с. 87–88.

Миниатюра навеяна библейским преданием о разрушении Иерусалима войсками вавилонского царя Навуходоносора.

Благовестие:

Газ. «Возрождение», Париж, 1925, № 116, 26 сентября. Печатается по ЛН, кн. 1, с. 88–89,

Написано по мотивам библейской легенды о «Благовестии».

Суэта сует: #sect116

Газ. «Возрождение», Париж, 1927, № 632, 24 февраля.

Представляет собою пересказ главы из книги французского историка Ленотра «Paris révolutionnaire. Vieilles maisons, vieux papiers».

Лекуврер Адриенна (1692–1730) – прославленная французская драматическая актриса.

Портрет: #sect117

ЛН, кн. 1, с. 102.

Русь, града взыскующая: #sect118

ЛН, кн. 1, с. 103.

«Сон пресвятыя богородицы»: #sect119

ЛН, кн. 1, с. 103–104.

Сказки: #sect121

Паломница: #sect122

Поросята: #sect123

Газ. «Последние новости», Париж, 1930, № 3364, 8 июня; № 3469, 21 сентября; № 3511, 2 ноября.

Эти миниатюры примыкают к циклам «Далекое» и «Краткие рассказы».

Провансальские пересказы: #sect126

Газ. «Последние новости», Париж, 1931, № 3577, 3749, 3929, 7 января, 28 июня и 25 декабря.

Цикл представляет собой переводы, иногда – сокращенные переложения, а также, напротив, расширенные пересказы отрывков из книги французского поэта Фредерика Мистрала (1830–1914) «Истоки моей жизни. Воспоминания и рассказы», впервые вышедшей в Париже в 1929 году. В основе книги Мистрала – народные легенды, сказки-анекдоты, услышанные от разных людей.

Провансальские пересказы имеют самостоятельную художественную ценность и, кроме того, представляют переводческое мастерство Бунина (см. предисловие В. А. Дынник к «Провансальским пересказам» Бунина – ЛН, кн. 1, с. 105–108).

Выходные данные

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ БУНИН

Собрание сочинений

Том 4. Произведения 1914–1931

Редакционная коллегия:

Ю. В. Бондарев, О. Н. Михайлов, В. П. Рынкевич

Статья-послеслов. и коммент. А. Саакянц.

Редактор Ч. Залилова

Художественный редактор Г. Масляненко

Технический редактор Л. Сеницына

Корректор Н. Усольцева

ИБ № 5070

Сдано в набор 16.04.87. Подписано к печати 26.10.87. Формат 84 x 108 1/32.

Бумага тип. № 1. Гарнитура «Академическая». Печать высокая.

Усл. печ. л. 36,96. Усл. кр. отт. 37, 38. Уч. изд. л. 37,53.

Тираж 400 000 экз. Изд. № 11–2562. Заказ 950. Цена 3 р. 30 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература».

107882, ГСП, Москва, Б–78, Ново–Басманная, 19

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно–техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.

197136, Ленинград, П–136, Чкаловский пр., 15

Примечания

1

«Смилуйся» – католическая молитва (лат.)

2

Прочь! (англ.)

3

4

Да (англ.)

5

Вы звонили, синьор! (итал.)

6

Да, входите (англ.)

7

Уже умер (итал.)

8

Отправление (итал.)

9

Очень хорошая собака, очень хорошая (искаж. англ.)

10

До свидания (фр.)

11

Почтовая открытка с видом (фр.)

12

Почтовая открытка (фр.)

13

Кончена комедия! (итал.)

14

Следовательно (лат.)

15

...после того, как была свергнута бывшая святая дева (фр.)

16

Весьма скромна (фр.)

17

Это чудо природы (фр.)

18

Неужели это ты? Ты, которую и видел столь прекрасной, когда толпа, окружив твою колесницу, приветствовала тебя, именуя той бессмертной, чьё знамя развевалось в твоих руках? Ты шествовала, гордая нашим преклонением, нашими ликующими возгласами, своим торжеством и своей красотой – да, тогда ты была богиней, Богиней Свободы! (фр.)

19

В этом здании, прежде называвшемся архиепископским собором (фр.)

20

Поклонники Свободы (фр.)

21

Сойди к нам, о Свобода, дочь Природы! (фр.)

22

Народ приветствовал её, именуя бессмертной (фр.)

23

чтобы усилить антипапистское движение (фр.)

24

Я вновь увидел тебя, но быстротечное время погасило глаза, в которых некогда сияла любовь... Смирись: колесница и жертвенник, цисты и юность, слава, доблесть, величие, надежда, гордость – всё погибло: ты уже не богиня, Богиня Свободы! (фр.)

25

Спасибо, спасибо, добрый мой брат! (фр.)

26

Стойте! (нем.)

27

– Добрый вечер, дорогой сосед. Как поживаете? – Маленькая прогулка? (фр.)

28

– Не знаю, как я еще не умер (фр.)

29

Живо, живо, Берта! (фр.)

30

Это дочь моей жены... Царица небесная! (фр.)

31

Право, не знаю, как это со мной случилось... (фр.)

32

гостиная; спальня (фр.)

33

Это ужасно (фр.)

34

моя бедная мать (фр.)

35

мой дорогой сосед (фр.)

36

Ну, хорошо! (фр.)

37

я ей нравлюсь, и в этом уверен... Держу пари, что она бросилась бы в мои объятия (фр.)

38

Это дело восьми дней (фр.)

39

Ах! Если бы мой муж умер! Как бы я хотела провести с тобой целую ночь, заснуть в твоих объятиях и проснуться на утро от твоих поцелуев! (фр.)

40

Она даже не подумала о том, что она была в вечернем платье, которое могло измяться... (фр.)

41

я тебя люблю! делай со мной, что хочешь! Мне все равно! (фр.)

42

«Ты меня больше не уважаешь, я отдалась тебе не задумываясь» (фр.)

43

Ты мой, не правда ли, не правда ли? (фр.)

44

«Я хочу обладать сокровищем, которое вмещает в себе все, я хочу молодости!» (фр.)

45

«Дай мне, дай мне наглядеться на твое лицо!» (фр.)

46

вот! (фр.)

47

И все-таки навсегда... (фр.)

48

И все-таки навсегда! (фр.)

49

«Я видел воду, солнце, облака, больше я ничего не могу рассказать...» (фр.)

50

«Спокойной ночи» (англ.)

51

Она была такая умиротворенная и спокойная, что я ей невольно сказал:

– Вы пойдете в рай, моя дорогая Жюльена.

– Рай, – ответила она, – а куда ж вы хотели, чтобы я пошла? (фр.)

52

Да! (фр.)

53

По первоначальному замыслу, она была его дочерью; в рассказе это так и остается неясным.

54 Так она звала Бунина.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://buninivan.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!